This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 022 472 708

P Slav 381.70

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

P Slav 379.8 Slav 25+95

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Издана подъ редакціею

П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1895.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

КІЕВЪ. 1895.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Издана подъ редакціею

П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1895.

P Slav 381.70

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
OCT 8 1931

Печатано по опредѣленію Совѣта Историческаго Общества Нестора лѣтописца, состоявшемуся 14 мая 1894 г.—Предсѣдатель Общества *В. Иконниковъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

IX-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца".

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о дѣятельности, личномъ составѣ и средствахъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г. Правила Редакціоннаго комитета и библіотеки Общества.

Стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ. . . . . 3—45

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О скуплѣ земель въ Малороссіи и ея причинахъ.—*Н. П. Василенка* 3

Экономическая политика германскихъ городовъ въ XV—XVI вв.—*И. В. Лучицкаго* 5

Универсалъ Тимоша Хмельницкаго.—*И. М. Каманина* . 7

100-лѣтіе рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника славянской взаимности.—*А. І. Степовича* 8

Архивная справка о личномъ составѣ кіев. общества въ концѣ прошлаго столѣтія.—*А. А. Андріевскаго.* 9

Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI в.—*И. В. Лучицкаго* 10

Послѣдніе кіевскіе сотники.—*А. А. Андріевскаго* . . . 11

Объ ученыхъ заслугахъ Фр. Рачкаго.—*Т. Д. Флоринскаго.* 12

О чинѣ пещнаго дѣйства.—*А. А. Дмитріевскаго* . . . —

О происхожденіи группы капиталистовъ въ Малороссіи въ XVII и XVIII вв.—*Н. П. Василенка* 13

Стран.

О нѣкоторыхъ формахъ шляхетскаго землевладѣнія въ Юго-Западной Руси.—*М. С. Грушевскаго* . . . . . –

Изъ исторіи обычнаго права въ Юго-Западной Руси въ XVI в.—*О. И. Левицкаго*. 14

Изъ исторіи Кіевскаго университета въ 30-хъ годахъ.—*В. К. Пискорскаго* 16

Очеркъ исторіи развитія формъ крестьянскаго и инородческаго землевладѣнія въ Восточной Сибири по новѣйшимъ даннымъ.—*Л. С. Личкова* 17

Къ исторіи шаманства у инородцевъ Восточной Сибири.—*Л. С. Личкова*. 24

О нѣкоторыхъ легендахъ, пріуроченныхъ къ нервнымъ болѣзнямъ.—*И. А. Сикорскаго*. 26

Новыя данныя по исправленію богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ въ XVII и XVIII вв.—*А. А. Дмитріевскаго* . . . 30

О мнимомъ крестьянскомъ волненіи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1789 г.—*В. Б. Антоновича*. 30

О посылкѣ малороссійскихъ плясуновъ въ ледяной домъ.—*Е. А. Кивлицкаго* 33

Организація старостинскаго и околичнаго управленія въ Барскомъ староствѣ XVIII в.—*М. С. Грушевскаго* 34

О городовой организаціи X—XII в. въ Чехо-Моравіи.—*А. Н. Ясинскаго*. 35

Учебныя заведенія въ Западной Россіи въ 1783—1803 гг.—*Е. А. Кивлицкаго* 38

Объ ученыхъ заслугахъ Джіованни де-Росси.—*Ю. А. Кулаковскаго* 42

Раскопки въ Керчи и Анапѣ лѣтомъ 1894 г.—*Ю. А. Кулаковскаго* 43

Вопросъ о крестьянской земельной собственности во Франціи до Революціи и продажа національныхъ имуществъ.—*И. В. Лучицкаго* 44

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г. 46

Стран.

Списокъ членовъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца 48
Правила дѣйствій Редакціоннаго комитета 56
Правила библіотеки 60
О виньеткѣ на обложкѣ «Чтеній»—*Г. Г. Павлуцкаго.* . 62

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-западно-русскаго письма XVI—XVII вв.—*А. И. Соболевскаго* 3
Къ вопросу объ авторѣ «Путешествія во св. Землю» 1701—1703 гг., московскомъ священникѣ Іоаннѣ Лукьяновѣ или старцѣ Леонтіи.—*М. И. Лилеева* 25
Коммиссія 1749 г. для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ.—*А. А. Андріевскаго* 42
Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ XVIII в.—*М. П. Истомина.* 65
Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири.—*Л. С. Личкова* 76
И. А. Крыловъ и его басни.—*П. В. Владимірова.* . . 126
Общественная роль армянъ въ прошломъ Юго-Западной Руси.—*И. А. Линниченка.* 140
Готлибъ-Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства.—*В. И. Щербины.* 148
Еще о древности братства и школы въ Кіевѣ.—*И. М. Каманина* 165
Общіе итоги научнаго творчества проф. А. Ѳ. Кистяковскаго.—*Л. С. Бѣлогриць-Котляревскаго* 183
А. С. Грибоѣдовъ, какъ авторъ комедіи—Горе отъ ума.—*П. С. Иващенка* 197
Покровскій могильникъ.—*В. З. Завитневича* 215
Запись начала XV вѣка.—*А. И. Соболевскаго.* . . . 219

Стран.

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

Матеріалы для исторіи Западно-Русской церкви (XVIII ст.).—Сообщилъ *С. Т. Голубевъ*. (Предисловіе стр. I—XVII). (Окончаніе въ слѣд. книгѣ) . . . . . 3—192

ОТДѢЛЪ IV.

Библіографія.

Изъ исторіи древнерусской письменности (переводныя Творенія отцовъ Церкви, Вопросы и Отвѣты, Измарагды)—*П. В. Владимірова* 3

Чѣмъ должны быть описи архивовъ?—*И. М. Каманина.* 45

Объявленія 55

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о дѣятельности, личномъ составѣ и средствахъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г. Правила редакціоннаго комитета и библіотеки Общества.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 31-го ОКТЯБРЯ 1893 г.

а) Д. чл. **Н. П. Василенко** сдѣлалъ докладъ *«О скупкѣ земель въ Малороссіи и ея причинахъ»:*

Передвиженіе земельной собственности въ Малороссіи начинается съ первыхъ же годовъ по присоединеніи ея къ Россіи, видимо увеличивается къ концу XVII вѣка и пріобрѣтаетъ наибольшую интенсивность въ первой половинѣ XVIII, когда, изъ чисто государственныхъ видовъ, вызываетъ даже вмѣшательство правительства.

Передвиженіе это происходитъ, по преимуществу, путемъ купли-продажи, отъ чего и самый процессъ получаетъ названіе «скупли».

О «скуплѣ» земель въ Малороссіи сообщено уже много данныхъ г. А. М. Лазаревскимъ. Анализируя этотъ матеріалъ въ связи съ архивнымъ, нельзя не придти къ заключенію, что «скупля» стоитъ въ тѣсной связи съ обѣдненіемъ народа, съ одной стороны, и съ образованіемъ капиталовъ въ рукахъ извѣстной группы, съ другой. Является, такимъ образомъ, возможность вопросъ о «скуплѣ» земель свести къ вопросу о причинахъ обѣднѣнія Малорусскаго народа и образованія капиталовъ и затѣмъ къ взаимодѣйствію этихъ двухъ процессовъ, насколько взаимодѣйствіе это проявилось въ «скуплѣ».

Процессы обѣднѣнія народа и образованія капиталовъ идутъ въ Малороссіи параллельно одинъ другому и, несомнѣнно, не остаются безъ вліянія другъ на друга. Процессы эти были обусловлены многими причинами, и главнѣйшія изъ нихъ лежали, съ одной стороны, въ условіяхъ, при которыхъ возникалъ малорусскій общественный

строй, съ другой—въ самомъ характерѣ этого строя въ его организаціи экономической и правовой.

Условія возникновенія общественнаго строя въ Малороссіи были очень неблагопріятны: постоянныя войны и смуты, которыми полонъ XVII вѣкъ, тормозили его развитіе и давали ему подъчасъ уродливый характеръ. Этому же не мало способствовало и неизбѣжное вліяніе на Малороссію старопольскаго строя. Переворотъ Б. Хмельницкаго только смягчилъ и видоизмѣнилъ нѣсколько отношенія юридическія, мало коснувшись, въ сущности, отношеній экономическихъ. Не произвелъ переворотъ Б. Хмельницкаго и окончательнаго разрушенія формъ землевладѣнія въ Малороссіи; по крайней мѣрѣ, тѣ же формы, которыя мы встрѣчаемъ до переворота, мы встрѣчаемъ и послѣ него. Индивидуальное землевладѣніе образовалось въ Малороссіи различными путями. Одна часть его осталась, несомнѣнно, отъ времени Польши, другая явилась слѣдствіемъ распаденія общины, результатомъ семейныхъ раздѣловъ, прекращенія сябриннаго землевладѣнія и, наконецъ, индивидуальное землевладѣніе явилось естественнымъ слѣдствіемъ малорусской колонизаціи XVII и XVIII вѣковъ, съ ея, попреимуществу, индивидуальнымъ характеромъ.

Не мало содѣйствовалъ обѣднѣнію народа и строй малорусскаго государственнаго хозяйства, съ преобладаніемъ въ немъ натуральныхъ повинностей, которыя къ тому же были неравномѣрно распредѣлены и отъ которыхъ избавлялись, напр., монастыри и старшина; обезземеленію посполитыхъ содѣйствовала и та система государственнаго хозяйства, при которой трудъ поспольства отдавался въ руки державца; послѣдній же, при полной необезпеченности личности въ Малороссіи, былъ поставленъ въ очень благопріятныя условія для эксплуатаціи.

Кромѣ указанныхъ причинъ, на обѣднѣніе и обезземеленіе народа, несомнѣнно, имѣли сильное вліяніе и постоянныя войны, театромъ которыхъ бывала Малороссія и которыя связывались обыкновенно съ разореніемъ и опустошеніемъ страны. Можно прослѣдить вліяніе также и стихійныхъ бѣдствій, которымъ не разъ подвергалась Малороссія: голодъ, неурожай, саранча и др. Причины эти, понятное дѣло, никогда не дѣйствовали отдѣльно, а въ той или другой комбинаціи. Въ заключеніе нужно прибавить также и ту личную необезпеченность, которая помогала эксплуатаціи народа, о чемъ упомянуто выше. Немудрено,

конечно, что всѣ запрещенія «скупли», издававшіяся неразъ въ XVIII вѣкѣ, при такихъ обстоятельствахъ, разбивались о жизнь, какъ о каменную стѣну. «Скупля» продолжала существовать и послѣ уничтоженія малорусскаго общественнаго строя, продолжаетъ существовать и теперь, не смотря на «временный» указъ 1828 года, запретившій козакамъ продавать землю лицамъ некозачьяго сословія.

б) Д. чл. И. М. Каманинъ, за отсутствіемъ д. чл. **Н. Н. Оглоблина**, прочелъ его рефератъ: «*Заговоръ Томской «литвы» въ 1634-мъ г.*» (напечатанъ во II-мъ отдѣлѣ VIII-й книги «Чтеній»).

II. ЗАСѢДАНІЕ 14 НОЯБРЯ 1893 г.

а) Секретарь Общества П. В. Владиміровъ, за отсутствіемъ д. чл. **А. И. Соболевскаго**, доложилъ о сообщенномъ послѣднимъ матеріалѣ: «*Похвала Исаіи Балабану 1611 г.*» и, съ своей стороны, прибавилъ нѣсколько словъ о просвѣтительной дѣятельности семьи Балабановъ въ Юго-Западной Руси (напечатанъ въ III-мъ отдѣлѣ VIII-й книги «Чтеній»).

б) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** охарактеризовалъ «*Экономическую политику германскихъ городовъ въ XV—XVI вв.*» [1]).

Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ германская историческая литература обогатилась цѣлымъ рядомъ научныхъ изданій, касающихся экономической дѣятельности городовъ и указывающихъ на мѣры, принимаемыя различными городами съ цѣлію регулировать продажу продуктовъ потребленія. Таковы работы Ганауэра, Готейна, Адлера, Герлаха, Гейзига, Потмера, Бакгауза и друг. Главный выводъ, къ которому пришли изслѣдователи, состоитъ въ томъ, что экономическая политика городовъ обусловливалась: 1) экономическими воззрѣніями среднихъ вѣковъ и XIV—XVI вв., 2) цеховой организаціей промысловъ и продажи продуктовъ и 3) характеромъ и качествомъ потребностей и способовъ удовлетворенія ихъ и послѣдовательнымъ развитіемъ противорѣчій между этими потребностями и дѣйствительной наличностью средствъ къ ихъ удовлетворенію. При этомъ референтъ обратилъ вниманіе на заботы и мѣры городскихъ управленій по обезпеченію населенія мясной пищей. Жизнь средневѣковаго города обусловлена

---

[1]) Университ. Извѣстія. Кіевъ. 1894 г. № 3.

была въ гораздо большей степени земледѣліемъ и скотоводствомъ, чѣмъ промышленной дѣятельностью. Какъ велико было количество скота въ Германіи не опредѣлено изслѣдованіями, но до половины XV в. отношеніе это было вполнѣ благопріятно въ смыслѣ обезпеченія широкаго потребленія мяса. Цѣна на мясо въ 1350—1450 гг. не представляла рѣзкихъ колебаній; полное питаніе мясной пищей было удѣломъ всего рабочаго населенія Германіи; поденщикъ на $^1/_5$ своего заработка могъ купить $5^1/_2$ фунт. хлѣба. Рабочіе и косари въ Саксоніи, кромѣ денежной платы, получали обѣдъ и ужинъ, каждый изъ 4 или 5 блюдъ. Въ Нюренбергѣ потребленіе мяса однимъ человѣкомъ равнялось 150—200 фунт.; а въ текущемъ столѣтіи 114—128 и даже 64—76 ф. въ Пруссіи. Съ XV в. увеличивается процентъ вычета изъ заработной платы рабочаго, получающаго кормъ (около $^1/_4$ или $^1/_3$ заработной платы); въ это время слышатся уже жалобы на недостатокъ скота; съ половины XV в. начинается повышеніе цѣнъ на мясо; повышеніе стремится къ быстрому росту, благодаря цеховой организаціи производителей мясныхъ продуктовъ; вслѣдствіе этого между представителями городскаго управленія и цехами мясниковъ происходитъ борьба; городскія управленія принимали для пониженія цѣнъ слѣдующія мѣры: устанавливали таксу на мясо; требовали введенія вѣса при продажѣ мяса, вмѣсто прежней продажи «отъ руки»; учреждали ярмарки для свободнаго привоза въ городъ мясныхъ продуктовъ; употребляли средства къ облегченію доступа въ мясницкій цехъ; облегчали ввозъ скота и затрудняли его вывозъ изъ городовъ и даже принимали мѣры къ ограниченію потребленія мяса среди сельскихъ рабочихъ, и въ XVII в., по архивнымъ даннымъ, выдача мяса поденнымъ рабочимъ совершенно не практиковалась.

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества избранъ *князь Евгеній Николаевичъ Трубецкой*.

Слушали: Проектъ адреса для привѣтствованія Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ по случаю празднованія ею 19-го ноября 50-лѣтія своей учено-издательской дѣятельности.

Опредѣлили: Проектъ принять и поручить секретарю Общества привѣтствовать Коммиссію въ ея торжественномъ засѣданіи.

III. ЗАСѢДАНІЕ 28-го НОЯБРЯ 1893 г.

а) Д. чл. **Л. С. Личковъ** представилъ «*Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири*» (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги), и

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ** сдѣлалъ сообщеніе объ «*Универсалѣ Тимоша Хмельницкаго*». Указавъ на то, что о Тимошѣ Хмельницкомъ, старшемъ сынѣ гетмана Богдана, не сохранилось никакихъ документальныхъ данныхъ, кромѣ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій да небезпристрастныхъ свидѣтельствъ польскихъ письменныхъ памятниковъ, референтъ отмѣтилъ, что и положеніе Тимоша въ козацкомъ войскѣ по той же причинѣ до сихъ поръ не могло быть опредѣлено—неизвѣстно было, какую должность занималъ онъ; единственный дошедшій до насъ и открытый референтомъ универсалъ разъясняетъ этотъ темный вопросъ: Тимошъ Хмельницкій былъ чигиринскимъ сотникомъ, т. е., занималъ ту должность, которую раньше занимали его отецъ и дѣдъ; Богданъ Хмельницкій, готовя себѣ въ сынѣ преемника, избѣгалъ называть его по должности и Тимошъ именовался вообще «гетманичемъ», что подтверждаютъ и «реестры войска Запорожскаго», составленные 16 октября 1649 г. въ силу Зборовскаго договора. Универсалъ данъ былъ Тимошемъ въ Гощѣ 26-го февраля 1649 г., когда онъ былъ посланъ отцомъ для поддержанія спокойствія въ имѣніяхъ Адама Киселя; универсалъ относится «ко всимъ мужамъ» села Симонова и предписываетъ имъ повиноваться кіевскому воеводѣ; особенно Тимошъ грозитъ симоновскому священнику за подстрекательство крестьянъ и при этомъ прибавляетъ: «а такъ розбачься, попе, хто старший, чи панъ воевода, чи твое панки сельскіе, которые тебе не оборонятъ отъ насъ; а твоя речь церкви глядити, а не забороняти рыбакомъ, а ни на сторожу намъ гамовати; вѣдаетъ панъ воевода, що чинить, и мы тутъ же зъ нимъ сполне росказуемъ. А такъ, отче, мовчи и занимій! Еще при томъ пробачаемъ: если того у другое почуемъ, и дома сѣдити не будешь»! Впослѣдствіи крестьяне Киселя, вмѣстѣ съ козаками, производятъ наѣзды и разбои въ сосѣдскихъ имѣніяхъ. Содержаніе универсала и всѣ дѣйствія Тимоша свидѣтельствуютъ о полномъ его подчиненіи указаніямъ отца, стремившагося къ сближенію съ польскими магнатами ради интересовъ богатаго козачества.

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества избранъ *Николай Васильевичъ Шугуровъ.*

IV. ЗАСѢДАНІЕ 12-го ДЕКАБРЯ 1893 г.

а) Д. чл. **А. І. Степовичъ** въ память *«100-лѣтія рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника славянской взаимности»* [1]) посвятилъ свое сообщеніе обзору его жизни и оцѣнкѣ его произведенія. Янъ Колларъ, сынъ судьи, род. 29 іюля 1793 г. въ м. Мошовцахъ, Турчан. округа, среди Карпатъ, и здѣсь получилъ первоначальное образованіе, которое продолжалъ въ Кремниц. училищѣ, въ гимназіи въ Баньской Быстрицѣ, въ Пресбургскомъ (евангелич.) лицеѣ и закончилъ въ Іенскомъ университетѣ; возвратясь послѣ своего путешествія на родину, онъ получилъ мѣсто евангелическаго священника въ Пештѣ. Колларъ былъ женатъ на дочери Лобедскаго священника Шмидта Минѣ, которую и воспѣлъ въ своей знаменитой поэмѣ «Slavy Dcera»; онъ умеръ въ Вѣнѣ 24 января 1852 г. и надгробная надпись: «Živ jsa nosil v srdci národ cely, zemrev žije v srdci národu celeho», удачно раскрываетъ историческое значеніе пѣвца славянской взаимности. Главное его произведеніе: «Slavy Dcera» («Дочь Славы»),—огромная лирико-эпическая поэма въ 600 слишкомъ сонетовъ, раздѣленная на пять пѣсенъ; въ первыхъ трехъ пѣсняхъ поэтъ исчисляетъ обиды, нанесенныя другими народами славянскимъ, слабымъ своей рознью; онъ призываетъ современныхъ славянъ къ согласію, совершенію великихъ подвиговъ, напряженію всѣхъ силъ, чтобы возвратить славное иногда прошлое и завоевать себѣ надлежащее величіе среди другихъ народовъ, ко взаимному, наконецъ, примиренію и всепрощенію; эти пѣсни отмѣчены замѣчательной художественностью и чудною прелестью лиризма; двѣ же послѣднія пѣсни значительно уступаютъ имъ въ этихъ достоинствахъ, нѣсколько сухо и дидактично представляя блаженство людей, служившихъ славянству, и страданія тѣхъ, кто вредилъ ему. Сама героиня поэмы, Дочь Славы, имѣетъ, такъ сказать, двойной обликъ: съ одной стороны, это—живая личность, возлюбленная поэта, по имени Мина (потомъ жена его), происходившая изъ славянскаго, хотя и онѣмеченнаго рода; съ другой,

---

[1]) «Отчетъ о состояніи коллегіи Павла Галагана» за 1890—1894 гг. Кіевъ. 1894 г., стр. 119.

это отвлеченная идея всеславянскаго отечества, у котораго есть всѣ данныя для величія и нѣтъ пока только необходимаго условія для такового—связи, согласія, единодушія. Общеславянское значеніе Колларовой поэмы прекрасно оцѣнено А. Н. Пыпинымъ, сказавшимъ, что «Дочь Славы» до нынѣ, чрезъ два поколѣнія, остается единственнымъ поэтическимъ кодексомъ панславизма». Въ заключеніе референтъ указалъ на обстоятельства, вызвавшія развитіе въ Колларѣ панславянской идеи, и на способъ чествованія въ западно-славянскомъ мірѣ столѣтія рожденія пѣвца «Дочери Славы», способъ, выразившійся въ изданіи прекраснаго сборника статей о жизни, дѣятельности и ученолитературныхъ трудахъ Коллара. Сборникъ вышелъ въ Вѣнѣ въ 1893 г. подъ редакціей Франца Пастернака.

Д. чл. *Т. Д. Флоринскій* указалъ, по поводу этого сообщенія, на переписку Коллара, имѣющую значеніе для характеристики отношеній его къ русскимъ ученымъ.

б) Д. чл. **А. А. Андріевскій** сообщилъ «*Архивную справку о личномъ составѣ кіев. общества въ концѣ прошлаго столѣтія*» [1]). Онъ отмѣчаетъ двѣ метаморфозы, происшедшія въ составѣ мѣстнаго такъ наз. «общества», т. е., высшаго интеллигентнаго класса его; одна имѣла мѣсто въ 1782 г., а другая—въ 1797 г. Со времени учрежденія въ Кіевѣ въ 1782 г. намѣстничества и по 1797 г., т. е., въ теченіе 15 лѣтъ, городъ, по составу служилаго класса, по характеру жизни этого общества и по языку, былъ вполнѣ малороссійскимъ городомъ; изъ приведенныхъ референтомъ въ доказательство этого положенія извлеченій изъ формуляровъ чиновниковъ слѣдуетъ, что всѣ они были уроженцами Лѣвобережной Украины. Съ учрежденіемъ въ 1796 г. губерній и съ отдѣленіемъ отъ Кіева лѣвобережныхъ уѣздовъ, число русскихъ чиновниковъ и малороссійскихъ дворянъ, по словамъ Вигеля, стало замѣтно уменьшаться въ немъ, а число польскихъ пановъ, наоборотъ, быстро увеличиваться.

V. ЗАСѢДАНІЕ 19-го ДЕКАБРЯ 1893 г.

Настоящее засѣданіе было годичнымъ; въ немъ помощникомъ секретаря **И. М. Каманинымъ** былъ прочитанъ «*Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го*

[1]) См. «Кіев. Стар.» за 1893 г.

октября 1892 г. по 27-е октября 1893 г.» (Напечатанъ въ 1-мъ отдѣлѣ VIII-й книги «Чтеній»), и произнесены рѣчи:

а) Секретаремъ **П. В. Владиміровымъ**: «*О началѣ славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV и XVI вѣкахъ*», по случаю исполнившагося 400-лѣтія перваго южно-славянскаго изданія Октоиха—Осмогласника 1493 г., вышедшаго въ Черногоріи изъ Ободской типографіи, основанной черногорскимъ зетскимъ господаремъ Ивô Чорноевичемъ и его сыномъ Джорджіемъ (напечатана во II-мъ отдѣлѣ VIII-й книги «Чтеній»), и

б) Д. чл. **В. Н. Малининымъ**, указавшимъ, по случаю исполнившагося 50-лѣтія литературной дѣятельности Д. В. Григоровича, на значеніе этой дѣятельности въ жизни русскаго общества въ половинѣ текущаго столѣтія.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 23-го ЯНВАРЯ 1894 г.

а) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** въ своемъ докладѣ воскресилъ симпатичный образъ Себастіана Кастильона, «*Проповѣдника религіозной терпимости въ XVI в.*» [1]), жившаго въ эпоху жестокихъ распрей католицизма и протестантизма; сынъ бѣднаго крестьянина, онъ родился въ 1515 г. въ Сенъ-Мартенѣ (Брестъ); изъ отцовскаго дома онъ вынесъ только отвращеніе къ порокамъ, образованіе же ему удалось получить, не смотря на отсутствіе средствъ, въ Ліонѣ, этомъ центрѣ тогдашней умственной жизни; школа, въ которую поступилъ Костильонъ была основана подъ вліяніемъ возрожденія, какъ противодѣйствіе «зловредному вліянію» монаховъ; скоро онъ сдѣлался знатокомъ латинскаго и греческаго языковъ, но долженъ былъ жить частными уроками; наступившая въ половинѣ XVI в. реакція въ пользу мистицизма не коснулась Кастильона; посѣтивъ Кальвина въ Страсбургѣ, онъ получилъ отъ него назначеніе въ женевскую школу учителемъ классическихъ и еврейскаго языковъ и отдался преподаванію всей душой, внеся въ него новые пріемы. Здѣсь же получила начало его книга, издававшаяся много разъ—переводъ библейскихъ разсказовъ съ комментаріями, гдѣ съ особенной силой проводились начала религіозной терпимости; эта книга, вмѣстѣ съ намѣреніемъ переводить Библію на французскій языкъ для простого народа, вмѣстѣ съ

[1]) См. «Рус. Мысль» за 1894 г.

самоотверженной дѣятельностью Кастильона во время моровой язвы, съ упреками пасторамъ и со спорами по вопросамъ религіи, вызвали преслѣдованіе его со стороны Кальвина. Кастильонъ оставилъ Женеву и переселился въ Базель; нужда его здѣсь была очень тяжела; только въ 1552 г. онъ получаетъ мѣсто профессора греческаго языка въ Базельскомъ университетѣ, гдѣ и оканчиваетъ онъ переводъ Библіи; въ комментаріяхъ къ книгамъ Моисея Кастильонъ не перестаетъ бороться противъ преслѣдованія еретиковъ, противъ пытокъ и другихъ орудій фанатической пропаганды; переводъ былъ посвященъ англійскому королю Эдуарду VI; противники его печатали бранныя возраженія, но самъ Кастильонъ въ своихъ «Defensiones» избѣгалъ грубыхъ пріемовъ полемики и не касался личностей; полемическія брошюры противъ Кальвина и его фанатизма приписывались Кастильону; въ Базель на него былъ присланъ формальный доносъ, и въ 1563 г. началось судебное дознаніе; но смерть прекратила его, застигнувъ Кастильона на 48 г. жизни.

б) Д. чл. **А. А. Андріевскій** охарактеризовалъ «*Послѣднихъ кіевскихъ сотниковъ*» въ лицѣ Павла, Михаила и Ивана Гудимъ, направлявшихъ всѣ усилія къ увеличенію всякими средствами своего матеріальнаго благосостоянія и приходившими вслѣдствіе того въ столкновеніе съ кіевскимъ мѣщанствомъ изъ-за земли и права пропинаціи; представленные референтомъ факты показываютъ, что эти сотники не стояли выше общаго уровня общественной нравственности своего времени и представляли собою самый обычный и распространенный типъ козацкой старшины второй половины прошлаго вѣка (1743—1778 гг.).

VII. ЗАСѢДАНІЕ 6-го ФЕВРАЛЯ 1894 г.

Настоящее засѣданіе открылось рѣчью проф. *К. М. Ѳеофилактова*, въ которой онъ благодарилъ Общество Нестора за выраженное ему привѣтствіе въ день празднованія 50-лѣтія его ученой и служебной дѣятельности, 22-го января, отмѣтивъ при этомъ родство археологіи и геологіи, постоянно соприкасающихся между собой при своихъ изслѣдованіяхъ: геологія часто наталкивается на остатки не только самого человѣка, но и его произведеній, равно какъ археологія въ поискахъ за древнимъ человѣкомъ встрѣчается и съ геоло-

гической обстановкой послѣдняго. Такому родству юбиляръ считалъ себя обязаннымъ и вниманіемъ со стороны Общества Нестора, указавшаго въ своемъ привѣтствіи на пользу трудовъ К. М. Ѳеофилактова въ области геологіи для Общества. Рѣчь свою онъ закончилъ вторичнымъ выраженіемъ своей благодарности и пожеланіемъ процвѣтанія Историческому Обществу на многіе годы. Слова эти были покрыты рукоплесканіями членовъ Общества.

Вслѣдъ затѣмъ д. чл. **Т. Д. Флоринскій** сообщилъ печальное извѣстіе о постигшей Общество Нестора тяжелой утратѣ въ лицѣ его почетнаго члена, извѣстнаго ученаго *Франца Рачкаго* скончавшагося 1 (13) февраля въ Загребѣ. Указавъ на заслуги Рачкаго по древней исторіи Хорватіи и его самое близкое и дѣятельное участіе по изданію трудовъ (200 томовъ) Загребской академіи въ теченіе 20 лѣтъ своего президентства въ ней, а также на руководство учащейся молодежи и его любовь къ ней, Т. Д. отмѣтилъ и симпатичное отношеніе покойнаго къ Россіи и его дружескія отношенія къ русскимъ ученымъ, что, послѣ посѣщенія имъ Россіи въ 1884 г., навлекло на него неудовольствіе и заставило сложить съ себя прозидентство въ академіи наукъ.

Память Фр. Рачкаго была почтена присутствующими вставаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено отправить отъ имени Общества Нестора телеграмму въ Загребскую академію съ выраженіемъ соболѣзнованія.

Въ настоящемъ засѣданіи рефераты были прочтены:

а) Д. чл. **А. А. Дмитріевскимъ**: «*О чинѣ пещнаго дѣйства*» [1]), которымъ давно уже занимались историки русской литературы и видѣли въ немъ зачатки драмы; въ древней русской литературѣ чинъ этотъ извѣстенъ по рукописной редакціи XVII в., изданной Новиковымъ. Разсмотрѣвъ исторію появленія этого обряда у насъ изъ Византіи, референтъ высказалъ мнѣніе, что этотъ обрядъ, первыя извѣстія о которомъ встрѣчаются подъ 1548 г. въ новгородскихъ приходо-росходныхъ книгахъ, долженъ былъ существовать гораздо раньше, именно, въ XIV в., а пожалуй и современенъ самому появленію христіанства въ Россіи, когда былъ принесенъ въ Россію уставъ Великой церкви Константинопольской; въ Византіи чинъ былъ извѣстенъ еще въ IX—X вв. «Чинъ пещнаго дѣйства» совершался обыкновенно

[1]) «Византійскій временникъ» за 1895 г. №№ 3 и 4.

въ послѣднее предъ Рождествомъ воскресенье на заутрени. Исчезъ этотъ обычай въ половинѣ XVII в.; можно думать, что діалоги халдеевъ, дѣлаясь все вульгарнѣе, вызывали опасеніе духовенства, какъ бы обрядъ этотъ не обратился въ позорище, что и было причиной его уничтоженія.

б) Д. чл. **Н. П. Василенко**, поставивъ вопросъ «*О происхожденіи группы капиталистовъ въ Малороссіи въ XVII и XVIII вв.*», приходитъ въ рѣшеніи его къ слѣдующимъ выводамъ: главнымъ источникомъ происхожденія капиталовъ въ Малороссіи являются земля и ея продуктъ—зерновой хлѣбъ съ различными его передѣлками, особенно въ видѣ спирта и водки; отсюда количество винокуренныхъ заводовъ и мельницъ было весьма значительно и доставляло владѣльцамъ лучшіе и большіе доходы; другимъ источникомъ служила торговля не только продуктами земледѣлія, но и скотоводства; она велась съ Ригой, Торномъ, Данцигомъ, Бреславлемъ, Силезіей, не говоря о Польшѣ и Россіи. Видную роль въ образованіи капиталовъ играла, наконецъ, и служба, соединявшаяся съ правомъ владѣнія маетностями, которыя нерѣдко потомъ переходили ко вдовѣ и дѣтямъ; она же доставляла «старшинѣ» и очень значительный доходъ въ видѣ всякаго рода законныхъ и незаконныхъ поборовъ.

По произведенной баллотировкѣ избранъ въ дѣйствительные члены Общества проф. университета св. Владиміра *Соломонъ Адамовичъ Эпіазаровъ*.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 20-го ФЕВРАЛЯ 1894 г.

а) Д. чл. **М. Н. Бережковъ** разсмотрѣлъ содержаніе «*Крымскихъ шертныхъ грамотъ*» (напечатано во II отд. VIII книги «Чтеній»).

б) Д. чл. **М. С. Грушевскій** сообщилъ результаты своего изслѣдованія «*О нѣкоторыхъ формахъ шляхетскаго землевладѣнія въ Юго-Западной Руси*».

Референтъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ средѣ украинской шляхты не замѣчается полнаго единообразія правъ и привилегій, и наряду со шляхтою полноправною, привилегированною существовала шляхта неполноправная, служилая, владѣвшая землями подъ условіемъ различныхъ службъ и повинностей. Начало

такого условнаго землевладѣнія въ Галичинѣ и Подоліи восходитъ къ первымъ временамъ господства польскаго права на Руси, когда земли раздавались польскими королями подъ условіемъ точно опредѣленной воинской повинности и съ различными ограниченіями въ правѣ распоряженія. Этотъ типъ значительно отличается отъ земельныхъ пожалованій въ коренной Польшѣ, приближаясь къ условіямъ раздачъ войтовствъ нѣмецкаго права и нѣсколько позднѣйшихъ пожалованій княжествъ въ общинахъ волоскихъ. Происхожденіе этого типа условнаго землевладѣнія не выяснено удовлетворительно; вѣроятнѣе всего, онъ естественно возникъ подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, что и помѣстное владѣніе въ другихъ земляхъ древняго русскаго права—въ в. кн. Литовскомъ и Московскомъ,—изъ стремленія правительства къ усиленію военныхъ силъ страны. Въ 1434 г. шляхта подольская и галицкая была уравнена въ правахъ съ польскою, но въ дѣйствительности это уравненіе простиралось не на всю шляхту, и въ Подоліи значительныя группы туземной служилой шляхты продолжали существовать очень долго. Референтъ остановился на условіяхъ такого служилаго землевладѣнія въ Барскомъ старостве въ XVI в., гдѣ служилая шляхта заселяла до 50-и селъ; независимо отъ «титуловъ права» и условій пожалованія, она несла значительныя повинности: шляхтичи отбывали военную службу; полевую сторожу на шляхахъ татарскихъ; крестьяне ихъ исполняли барщинныя работы на замокъ и подчинялись административной власти и юрисдикціи барскаго старосты, между тѣмъ какъ полноправная шляхта, пользовавшаяся «вольностью права земскаго дѣдичнаго короннаго» и не отбывавшая упомянутыхъ службъ, подчинялась власти и юрисдикціи только генеральнаго подольскаго старосты. Въ такомъ положеніи барская шляхта оставалась и позже въ XVIII в. [1]).

в) Д. чл. **А. А. Андріевскій** закончилъ чтеніе своего доклада о «*Послѣднихъ кіевскихъ сотникахъ*», начатаго имъ въ засѣданіи 23 января.

IX. ЗАСѢДАНІЕ 13-го МАРТА 1894 г.

а) Д. чл. **О. И. Левицкій** сообщилъ «*Изъ исторіи обычнаго права въ Юго-Западной Руси въ XVI в.*» о заслуживающемъ полнаго вниманія обычаѣ, состоявшемъ въ томъ, что если бы осужденнаго на

[1]) См. «Архивъ Юго-Запад. Россіи», часть VIII, т. I и II-й.

смерть преступника пожелала взять въ мужья какая-нибудь дѣвушка, то онъ освобождался отъ казни Референтъ сослался въ доказательство на документъ, записанный подъ 1606 г. въ магистратскомъ урядѣ м. Олыки, который разсматривалъ дѣло нѣкоего Януша, убившаго въ ссорѣ своего товарища. «Учтивая» дѣвушка обратилась къ суду съ ходатайствомъ сдѣлать убійцу ея мужемъ; дѣло уладилось, и преступникъ «принялъ шлюбъ» въ мѣстномъ костелѣ; отсюда видно, что этотъ обычай имѣлъ силу юридическаго закона, при чемъ правоспособнымъ лицемъ въ роли спасительницы является непремѣнно дѣвушка, а не вдова или иная женщина, при томъ «учтивая», т. е. честнаго поведенія. Обычай этотъ, по всей вѣроятности, не мѣстнаго происхожденія, а попалъ къ намъ изъ Западной Европы чрезъ Польшу; на западѣ же онъ могъ получить свое начало отъ Римлянъ, гдѣ весталка, встрѣченная преступникомъ по пути на казнь, являлась его спасительницей. Во Франціи такіе случаи встрѣчаются въ XVI и XVII вв. (Парижъ, Гренобль). Людовикъ XIV старался ограничить этотъ обычай: онъ не допускалъ его примѣненія въ отношеніи дезертировъ. Изъ подобныхъ же фактовъ въ Южной Руси референтъ указалъ на тотъ, который записанъ въ извѣстномъ разсказѣ запорожца Коржа: однажды вели на висѣлицу козака; изъ толпы выступила окутанная покрываломъ дѣвушка и заявила о своемъ желаніи выйти замужъ за осужденнаго; послѣдній, приподнявъ покрывало и заглянувъ ей въ лицо, иронически замѣтилъ: «якъ браты таку дзюбу до шлюбу, то лучше дати дубу!» и хладнокровно отправился на висѣлицу; лѣтъ 20 назадъ, въ «Волын. епарх. вѣдомостяхъ» было напечатано однимъ священникомъ подобное же преданіе о другомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ мѣстечкѣ Дубенскаго уѣзда.

По поводу этого сообщенія были сдѣланы разъясненія А. В. Розовымъ, В. Б. Антоновичемъ, А. В. Стороженкомъ, М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ и А. І. Степовичемъ; оказывается, что подобный же обычай существовалъ и въ Сѣв. Россіи (Ярослав. губ.); есть указанія, что и мущины пользовались такимъ же правомъ спасать женщину, взявши ее въ замужество; изъ нѣмецкихъ ученыхъ этотъ вопросъ разрабатывалъ, на основаніи народныхъ сказаній, Яковъ Гриммъ: Либрехтъ указалъ на существованіе этого обычая не только во Франціи и Германіи, но и въ Италіи (Пьемонтъ); здѣсь женщины отвергали подобныхъ жениховъ, и наоборотъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ

обычай этотъ древняго происхожденія, и такъ какъ сущность его заключается въ бракѣ, то представляется вѣроятнымъ, что онъ былъ отраженіемъ культа предковъ, которыхъ не хотѣли оскорблять, лишивъ ихъ возможности пользоватся молитвами и жертвоприношеніями потомковъ; по мнѣнію же В. Б. Антоновича въ Южной Руси это могло вызываться вообще заботой о неоскудѣніи народонаселенія.

б) Д. чл. **В. К. Пискорскимъ** былъ прочитанъ докладъ: «*Изъ исторіи Кіевскаго университета въ 30-хъ годахъ*» [1]), въ которомъ онъ сдѣлалъ обзоръ сборника студенческихъ сочиненій въ періодъ 1834—39 гг., написанныхъ 56 авторами въ количествѣ 73. Сочиненія эти переплетены вмѣстѣ и хранятся въ университетской библіотекѣ, куда поступили отъ покойнаго проф. Максимовича, и снабжены различными его замѣтками относительно стиля и содержанія; написаны онѣ какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ; въ числѣ ихъ авторовъ встрѣчаются лица, ставшія впослѣдствіи болѣе или менѣе извѣстными на служебномъ и ученомъ поприщахъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ именами Тулова, бывшаго потомъ помощникомъ попечителя въ Кіевскомъ округѣ, Глушановскаго, синдика университета, Ив. Шульгина, Костыря и друг. Сочиненія эти различнаго рода: беллетристическія, разсужденія на отвлеченныя темы, историческія и историко-литературныя. Вслѣдствіе того, что въ 30 годахъ чисто-русскій элементъ въ Кіевскомъ университетѣ было очень не великъ, сочиненія эти не только страдаютъ въ стилистическомъ отношеніи, но и прямо грѣшатъ безграмотностью, не смотря на то, что проф. Максимовичъ, кромѣ своихъ профессорскихъ обязанностей, удѣлялъ особые часы исключительно для стилистическихъ упражненій, ревностно слѣдя за питомцами въ этомъ отношеніи. Что касается содержанія этихъ работъ, то они страдаютъ расплывчатостью изложенія, высокопарностью слога и неопредѣленностью понятій; міровоззрѣніе авторовъ носитъ метафизическую окраску подъ вліяніемъ тогдашней нѣмецкой философіи, и лишь сочиненія историческаго и историко-литературнаго содержанія отличаются отъ прочихъ большею содержательностью и большею выдержанностью изложенія. Розовый взглядъ на жизнь проникаетъ большую часть этихъ юношескихъ работъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается малый интересъ къ современнымъ явленіямъ. Впро-

[1]) См. «Кіев. Стар.» за 1894 г. № 4.

чемъ, эти послѣднія не оставлялись вовсе безъ вниманія; есть нѣсколько сочиненій, посвященныхъ весьма интересному въ то время обстоятельству—построенію университета, какъ напр. сочиненіе студента Коленка, написанное тепло, съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ; посѣщеніе Кіева императоромъ Николаемъ I также вызвало и стихотворныя произведенія и прозаическія (Ходоровскаго, Мерса), въ которыхъ довольно подробно разсказывается о пребываніи основателя университета въ Кіевѣ, о посѣщеніи имъ различныхъ учрежденій, а также университетскаго пансіона, подробно осмотрѣннаго, при чемъ государь выразилъ свою благодарность попечителю фонъ-Брадке.

Въ настоящемъ засѣданіи г. предсѣдателемъ Общества было доложено увѣдомленіе г. ректора университета св. Владиміра, отъ 5-го февраля за № 187, объ утвержденіи г. министромъ народнаго просвѣщенія, отъ 22 декабря 1893 года, новаго Устава Общества Нестора и о вступленіи его въ силу.

Опредѣлено: Въ слѣдующемъ очередномъ засѣданіи произвести избраніе членовъ Совѣта въ количествѣ, требуемомъ новымъ Уставомъ.

X. ЗАСѢДАНІЕ 27-го МАРТА 1894 г.

Въ настоящемъ закрытомъ засѣданіи а) былъ прочтенъ д. чл. И. М. Каманинымъ докладъ отсутствующаго д. чл. **П. А. Иванова**: «*Нѣсколько словъ по поводу сочиненія г. А. В. Лонгинова: Князь Ѳедоръ Любартовичъ*» (напечатанъ въ IV-мъ отд. VIII-й книги «Чтеній»), и за тѣмъ

б) произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены Совѣта Общества Нестора; избранными оказались: *М. Ф. Владимірскій-Буданов*ъ, *Т. Д. Флоринскій*, *Н. П. Дашкевичъ*, *И. В. Лучицкій*, *А. М. Лазаревскій*, *В. З. Завитневичъ*, *князь Е. Н. Трубецкой* и *В. П. Науменко*.

Въ почетные члены избранъ профессоръ Казанскаго университета *Николай Никитичъ Буличъ*.

XI. ЗАСѢДАНІЕ 3-го АПРѢЛЯ 1894 г.

а) Д. чл. **Л. С. Личковъ**, имѣя въ виду представить «*Очеркъ исторіи развитія формъ крестьянскаго и инородческаго землевладѣнія въ Восточной Сибири по новѣйшимъ даннымъ*», долженъ былъ,

вслѣдствіе важности и широты этого вопроса, ограничиться сообщеніемъ лишь о формахъ крестьянскаго землевладѣнія; въ своемъ настоящемъ чтеніи онъ указалъ на то, что заселеніе Сибири совершилось не одновременно и не при одинаковыхъ условіяхъ. Въ то время, какъ нѣкоторые районы заселены давно, и у населенія не сохранилось даже и преданій о времени заселенія, другія мѣстности заселены сравнительно недавно или продолжаютъ заселяться и понынѣ. Въ однихъ мѣстахъ притокъ засельщиковъ извнѣ прекратился или уже прекращается, вслѣдствіе сгущенія населенія и уменьшенія земельнаго простора, другіе углы тогоже края еще ждутъ времени, когда притекающіе изъ Россіи переселенцы обратятъ на нихъ свое вниманіе. Соотвѣтственно всему этому, а также и различію тѣхъ мѣстныхъ условій, въ какія попадали засельщики края, въ настоящее время различныя селенія тоже находятся въ различныхъ условіяхъ, какъ по отношенію къ ихъ современному экономическому положенію, такъ и по отношенію къ обезпеченности ихъ различными угодьями и т. п., въ зависимости отчего далеко не одинаково и отношеніе мѣстнаго населенія къ земельнымъ вопросамъ, къ способамъ и формамъ владѣнія, пользованія и распоряженія землей. Благодаря всему этому, современное изслѣдованіе поземельнаго быта восточносибирскаго крестьянства застаетъ эти земельныя правоотношенія членовъ различныхъ поселковъ и сельскихъ обществъ на совершенно различной ступени ихъ развитія, вслѣдствіе чего и сама исторія развитія формъ землевладѣнія у сибирскаго крестьянства можетъ быть въ достаточной подробности изучена путемъ изслѣдованія тѣхъ условій землевладѣнія и землепользованія, которыя могутъ быть наблюдаемы въ Сибири въ настоящее время. Въ то время, какъ въ Европейской Россіи установились опредѣленныя, болѣе или менѣе законченныя формы землевладѣнія—въ Малороссіи подворно-наслѣдственное, въ Великороссіи общинное землевладѣніе съ передѣлами,—многія мѣстности Сибири переживаютъ, по условіямъ земельнаго простора и рѣдкости населенія, періоды, давно пережитые россійскими селеніями, и въ настоящее время въ ней можно наблюдать цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ формъ землевладѣнія, которыя при извѣстной густотѣ населенія и размѣрахъ земельнаго простора въ свое время *существовали, по всей вѣроятности, во многихъ поселкахъ Европейской Россіи.* Современное изученіе формъ землевладѣнія въ Си-

бири должно имѣть серьезное значеніе не только въ дѣлѣ изученія исторіи и формъ ея землевладѣнія, но и въ изученіи исторіи тѣхъ же формъ въ самой Европейской Россіи. Эта причина побудила референта избрать темою настоящаго доклада очеркъ развитія земельныхъ порядковъ, преимущественно у восточно-сибирскаго крестьянства. Матеріаломъ для этого послужили изслѣдованія, сдѣланныя на мѣстѣ въ Восточ. Сибири въ 1887—92 г., въ которыхъ референтъ лично участвовалъ, и отчасти данныя такихъ же изслѣдованій Западной Сибири, производившихся приблизительно въ тѣ же годы. Первоначальная, основная форма землевладѣнія такова. Облюбовавъ извѣстный участокъ, такъ или иначе—путемъ-ли свободнаго захвата «ничьей» земли, или же путемъ насилія и вытѣсненія съ нея прежняго владѣльца-инородца, пришелецъ занималъ его, дѣлая изъ него свою «заимку». Онъ приступалъ къ постройкамъ, ставилъ домъ, надворныя строенія, ограду вокругъ нихъ, такъ наз. «поскотину» для пастьбы скота, чтобы онъ не ушелъ вдаль и не затерялся въ лѣсу. Онъ расчищалъ лѣсъ и землю изъ подъ-лѣса разрабатывалъ подъ пашню, подъ огородъ, и такимъ образомъ расширялъ свои владѣнія во всѣ стороны. Другой такой же пришелецъ селился по близости, тоже захватывая, что нужно, безъ всякаго стѣсненія для перваго, благодаря существовавшему простору. Рано или поздно къ нимъ присоединялся 3-й, 4-й и т. д. Иногда облюбованный уголокъ захватывался сразу нѣсколькими семьями, пришедшими вмѣстѣ или одновременно. Тогда новоселы строились въ «кучѣ», ставили общую «поскотину»—общій выгонъ, и каждая семья занимала себѣ землю подъ расчистку тамъ, гдѣ ей казалось удобнымъ. Къ этимъ засельщикамъ постепенно присоединялись новые—маленькая заимочка разросталась постепенно въ деревню, а захватъ удобныхъ земель расширялся все дальше и дальше; разбросанные по разнымъ сторонамъ пахатные и сѣнокосные участки отдѣльныхъ семей, благодаря тому, что каждая выбирала, гдѣ ей нравилось, оказывались часто чрезполосными съ участками сосѣдей, а иногда и перемѣшанными съ такими же участками изъ другой заимки, случайно образованной гдѣ-нибудь невдалекѣ совершенно независимо отъ этой. Такова картина захвата, насколько о ней можно судить по разсказамъ стариковъ, по существующимъ или недавно существовавшимъ фактамъ.

Новообразовавшійся заселокъ ростетъ въ количествѣ населенія естественнымъ путемъ и путемъ приселенія, разростаются и земельныя угодія. Каждая семья старается о расширеніи мѣстъ подъ запашку, для косьбы и т. д. Маломощная семья занимаетъ участки помельче, гдѣ лѣсу меньше, чтобы легче его срубить и выкорчевать, не гнушаются даже и распаханными и уже совершенно брошенными участками вслѣдствіе уменьшенія урожаевъ. Наоборотъ, болѣе зажиточныя, многорабочія семьи берутъ землю съ выборомъ, поплодороднѣе, не стѣсняются, если лѣсъ великъ или отъ поселка далеко, потому что имъ не трудно и тамъ построиться и отселить часть семьи на лѣто или совсѣмъ, и образовать такимъ образомъ новую заимку, которая тѣмъ-же путемъ, какъ и первая, со временемъ, быть можетъ, тоже разростется въ цѣлое селеніе.

Намѣченный крестьяниномъ, но еще не начатый разработкою и даже не «зачерченный» какъ слѣдуетъ участокъ съ точки зрѣнія засельщика принадлежитъ ему главнымъ образомъ по праву первой находки; когда онъ зачерченъ, то принадлежитъ засельщику не только по праву первой находки, но, главнымъ образомъ, *по праву перваго захвата* и по праву употребленнаго на его зачерчиваніе труда; когда же онъ пошелъ уже и подъ разработку, то становится его собственностью и переходитъ по наслѣдству. Въ дѣлахъ мѣстныхъ волостныхъ судовъ нерѣдки рѣшенія, выясняющія относительное значеніе права труда, перваго фактическаго захвата и права находки въ глазахъ народа. Помимо рѣшеній суда, приведенныхъ авторомъ, объясненіемъ этихъ взглядовъ можетъ служить и слѣдующее. Во многихъ мѣстностяхъ и теперь имѣются такъ называемые вольные покосы. Они не могутъ составлять объекта захвата, потому что не требуютъ никакого труда, чтобы обращать эти покрытые травою участки въ мѣста, удобныя для сѣнокошенія, такъ какъ представляютъ собой естественныя лѣсныя прогалины, заросшія хорошей травой. Поэтому, ихъ захватываетъ и коситъ, по праву первой находки, обыкновенно тотъ, кто прежде увидѣлъ и прежде успѣлъ скосить. На слѣдующее лѣто это мѣсто опять можетъ косить тотъ, кто первый примется за косьбу. Аналогично этому, въ очень многихъ мѣстностяхъ, залежи, запущенныя изъ подъ лѣсной разодранной пашни, т. е., залежи, въ которыя хозяинъ положилъ свои труды при обращеніи земли изъ-подъ лѣса въ пашню, считаются его собственностью; за-

пущенная же въ залежь луговая пахота, т. е. пашня, распаханная не изъ-подъ лѣса, а изъ-подъ луга, какъ не требовавшая труда для своей разработки, черезъ три года послѣ запуска въ залежь дѣлается уже общимъ достояніемъ. Такимъ образомъ, право труда имѣетъ въ глазахъ населенія несомнѣнное и весьма важное значеніе, которое опредѣляетъ собою и право наслѣдованія. Кто потрудился надъ землей, имѣетъ на нее права, равныя правамъ собственника по нашему законодательству, можетъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію и оставлять наслѣдникамъ.

Право давности владѣнія оставленной землей имѣетъ въ глазахъ населенія существенное значеніе и почти всегда признается волостными судами.

Описываемая форма владѣнія землей извѣстна въ литературѣ о Сибири подъ именемъ владѣнія заимочнаго (потому что созидается путемъ занятія, «заимки»), или «захватнаго», основаннаго на захватѣ, или еще «захватно-родового», такъ какъ захваченная земля переходитъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. отъ дѣда къ отцу и т. д. Заимочникъ является полновластнымъ хозяиномъ. Говоря словами извѣстнаго изслѣдователя западно-сибирской общины Кауфмана, заимочное право имѣетъ весьма много общаго съ правомъ собственности не только по своимъ проявленіямъ, но и по своимъ основаніямъ.

На первый взглядъ, это право перваго захвата, право труда и право наслѣдованія являются характерными признаками личнаго, подворно-наслѣдственнаго владѣнія землей, признаками, исключающими возможность предполагать существованіе общинной формы землевладѣнія. Однако, одновременное существованіе нѣкоторыхъ другихъ явленій, свидѣтельствующихъ о существованіи вмѣстѣ съ этимъ правъ міра на землю, даетъ основаніе думать, что это невѣрно. При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ много разъ приходилось имѣть дѣло съ фактомъ, что жители каждой данной земельной единицы, хотя-бы земля не была имъ отмежевана по какому либо документу, считаютъ обыкновенно окрестныя земли, которыми они пользуются, неотъемлемой принадлежностью всего своего селенія. Существованіе угодій, находящихся въ общемъ безраздѣльномъ пользованіи (выгона, лѣса и пр., указываетъ на то, что во всякомъ случаѣ часть принадлежащихъ ему угодій считается несомнѣнно общимъ достояніемъ. Дока-

зательства тому, что даже и на первыхъ порахъ существованія захватнаго владѣнія міръ считаетъ себя верховнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ этихъ угодій, привести весьма не трудно. Надо обратить вниманіе на то, что міръ обыкновенно наслѣдуетъ земли хозяевъ, умершихъ безъ наслѣдниковъ, такъ наз. выморочныя; кромѣ того, во многихъ селеніяхъ онъ распоряжается землями членовъ, находящихся въ безвѣстной отлучкѣ, и т. д. При разборѣ споровъ между крестьянами о правѣ пользованія тѣмъ или инымъ участкомъ земли, волостные суды почти всегда сообразуютъ свои рѣшенія съ тѣмъ, насколько права тяжущихся сторонъ основаны на согласіи общества, хотя бы и молчаливомъ. Такимъ образомъ, захватно-родовое владѣніе отнюдь не исключаетъ существованія права міра быть владѣльцемъ и распорядителемъ земель, разрабатываемыхъ его отдѣльными членами, т. е., не исключаетъ возможности существованія общинной формы землевладѣнія. Правда, въ общинахъ, гдѣ въ тѣхъ или иныхъ указанныхъ формахъ право міра сказалось такъ или иначе, захватная форма владѣнія, очевидно, уже перестала существовать въ ея чистомъ видѣ, появились новыя основы владѣнія, кромѣ первоначальныхъ—права находки и права захвата, права труда и давности; и современное изслѣдованіе Сибири застаетъ захватное право въ громадномъ большинствѣ селеній уже видоизмененнымъ именно въ этомъ направленіи. Но видоизмѣненное такъ или иначе оно пока еще не перешло въ чисто подворно-наслѣдственное либо въ чисто общинное, оно все еще носитъ въ себѣ главнѣйшія основы захватнаго владѣнія и, главное, до какой-бы степени не измѣнилось, все-таки оказывается происшедшимъ именно изъ первоначальной заимочной формы владѣнія. Теоретически говоря, изъ нея, какъ первоначальнаго зародыша, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій, могла-бы, повидимому, развиться или подворная или общинная форма землевладѣнія. Что касается Сибири, то здѣсь она развилась въ форму землевладѣнія общинную, или хотя и переходную, но весьма близкую къ общинной, и притомъ совершенно независимо отъ этнографическаго состава населенія. Пріѣхавшіе извнѣ засельщики, при всей привычкѣ своей къ установившемуся на родинѣ типу хозяйства, при всемъ желаніи устроиться по привычному, по старому,—повсюду, благодаря климатическимъ, топографическимъ и многимъ другимъ мѣстнымъ условіямъ, принимали тѣ способы и пріемы хозяйства и культуры, которые за-

ставали здѣсь у сибиряковъ-старожиловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они-же, благодаря избытку земель и рѣдкости населенія, благодаря вольному простору «ничьей, Божьей земли», сразу отрѣшались и отъ своей старой общины или отъ привычнаго участковаго владѣнія и охотно, какъ-то само собой, принимали именно ту зачаточную форму землевладѣнія, которая именуется заимочной и которая впослѣдствіи, у тѣхъ и другихъ этнографическихъ группъ, безразлично, переходила въ Сибири все-таки въ форму общинную или переходную къ ней. Здѣсь референтъ нарисовалъ процессъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ имѣть мѣсто при этомъ переходѣ. Самый процессъ перехода къ душевому общинному владѣнію совершался медленно и постепенно. Первые шаги въ этомъ направленіи начинаются обыкновенно съ отрѣзокъ земли у отдѣльныхъ хозяевъ. Нуждающіеся въ землѣ приступаютъ къ міру съ ходатайствомъ объ отводѣ имъ земли, потому что имъ уже тѣсно и нечѣмъ жить, и указываютъ при этомъ на кого-нибудь изъ такихъ, кто захватилъ себѣ много «излишней» земли. Или бываетъ и такъ, что одинъ, имѣющій потребность въ землѣ, дѣлаетъ самовольный захватъ у другого, тотъ идетъ къ міру, и міръ вступаетъ въ рѣшеніе спора. Въ томъ и другомъ случаѣ, міръ по усмотрѣнію своему, или отказываетъ просителю, или становится на сторону малоземельнаго, исходя изъ того соображенія, что каждому на Божьей землѣ должно быть мѣста достаточно, и производитъ въ его пользу отрѣзокъ отъ многоземельнаго. Дѣло, конечно, дѣлается не сразу. Проситель приводитъ свои доводы, излагаетъ свою нужду, почему онъ считаетъ себя въ правѣ просить объ отрѣзкѣ. Міръ, если не сразу, то все таки приходитъ къ рѣшенію произвести отрѣзку въ такомъ приблизительно размѣрѣ, чтобы и перваго не слишкомъ обидѣть и чтобы второму было достаточно. Бываетъ и такъ, что богатый тоже старается воспользоваться міромъ, чтобы расширить свои владѣнія. Важно здѣсь то, что сельчане, съ момента перваго обращенія къ міру, тѣмъ самымъ на дѣлѣ выражаютъ дремлющее, но фактически существующее въ нихъ сознаніе правъ міра на землю. Начинаясь съ единичныхъ, нерѣшительныхъ попытокъ, отрѣзки постепенно учащаются, міръ болѣе и болѣе входитъ въ свои права. Отрѣзки становятся дѣломъ нормальнымъ и все далѣе отступаетъ право труда, стушевываясь предъ правомъ міра на земли, принадлежащія отдѣльнымъ сочленамъ. Когда первыми отрѣзками-отво-

дами главныя неровности владѣнія до извѣстной степени сглажены, когда отрѣзки вошли уже въ обычай и начинаютъ появляться ходатайства и споры о сравнительно мелкихъ неуравнительностяхъ, міръ, естественно, все чаще и чаще наталкивается на вопросъ о болѣе тщательномъ и соразмѣрномъ съ потребностями отводѣ земель, о выработкѣ какой-нибудь однообразной нормы отрѣзковъ или общей нормѣ владѣнія и начинаетъ производить отрѣзки уже не на глазъ, а «по мѣрѣ», въ опредѣленномъ количествѣ, подгоняя землепользованіе каждаго къ одной общей нормѣ. Такимъ образомъ, постепенно данное общество переходитъ къ душевымъ земельнымъ передѣламъ. Этому значительно способствуютъ и другія параллельныя причины: постепенно возникающее сознаніе, что оставленныя залежи не могутъ разсматриваться какъ собственность, которая всегда возвращается къ своему первому хозяину, когда онъ ни вздумаетъ; является тенденція обращать ихъ въ общественныя земли. Затѣмъ различнаго рода ограниченія въ правѣ отчуждать землю, закладывать, продавать и т. д.,—все это ведетъ въ концѣ концовъ къ установленію общинной формы. Весь процессъ этотъ со всякими варіаціями можно наблюдать въ современной Сибири одновременно въ различныхъ его фазахъ въ различныхъ земельныхъ единицахъ.

б) Затѣмъ **Л. С. Личковъ** прочелъ свой второй докладъ [1]) *«Къ исторіи шаманства у инородцевъ Восточной Сибири»*.

Указавъ на то, что шаманство представляетъ собою вѣру въ благодѣтельныя и враждебныя силы природы, олицетворяемыя шаманистами въ видѣ отдѣльныхъ божествъ различныхъ наименованій, докладчикъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что, благодаря именно этому, шаманская религія носитъ въ себѣ нѣкоторыя данныя, облегчающія переходъ къ христіанству, такъ какъ, съ точки зрѣнія инородца, шаманство не лишаетъ его права поклоняться, кромѣ прочихъ своихъ боговъ, и христіанскому Богу, а опасеніе съ Его стороны кары, за непоклоненіе Ему, даже побуждаетъ инородца, по возможности, не оставляя своихъ боговъ, поклоняться и христіанскому, «русскому». Этимъ между прочимъ объясняется, почему много некрещенныхъ бурятъ ходятъ въ православныя церкви и почему Никола-угодникъ пользуется

---

[1]) При чтеніи этого доклада засѣданіе было объявлено для посторонннихъ посѣтителей закрытымъ.

у нихъ большимъ почётомъ, а многіе изъ шаманистовъ, въ случаѣ тяжкихъ болѣзней, излеченію отъ которыхъ не помогаютъ шаманистскіе жрецы-шаманы, обращаются въ крайности «къ русски попъ молебна служить» (какъ, въ свою очередь, нерѣдки случаи, что крестьяне-сибиряки изъ православныхъ, живущихъ вблизи инородцевъ, когда молебенъ не помогаетъ выздоровленію, обращаются за помощью къ шаманамъ).

Выяснивъ затѣмъ положеніе и значеніе шамановъ въ средѣ инородцевъ и указавъ на тотъ фактъ, что многіе изъ этихъ шамановъ представляютъ собою людей нервно-больныхъ и психически ненормальныхъ, авторъ сообщилъ свѣдѣнія о бурятскихъ общественно-религіозныхъ праздникахъ, или таилганахъ, и частныхъ жертвоприношеніяхъ—«кырыкахъ» и о значительной стоимости тѣхъ и другихъ. При этомъ онъ указалъ, что одной изъ причинъ перехода шаманистовъ въ христіанство является сравнительная (съ шаманствомъ) «дешевизна» христіанской религіи, такъ какъ пребываніе въ христіанствѣ обязываетъ къ значительно меньшей суммѣ расходовъ на религіозныя потребности. «Русскіе праздники обходятся дешевле». «Всѣ вѣры хороши, только наша шаманская дороже; крещена вѣра дешева, безъ таилганъ бываетъ: малъ-мало въ церкви помолилъ и ладно», говорятъ инородцы. При томъ это «удешевленіе» вѣры съ принятіемъ крещенія не устраняетъ для инородца возможности, съ его точки зрѣнія, поклоняться и своимъ старымъ—шаманскимъ—богамъ, чтобы и они на него не гнѣвались, только, какъ «русскій» (т. е. крещеный), онъ уже не считаетъ себя обязаннымъ прибѣгать къ нимъ столько часто, какъ прежде, и расходоваться на нихъ по старому.

Эта практическая жилка въ дѣлахъ религіи замѣчается у бурятъ-шаманистовъ В. Сибири еще въ томъ, что таилганы свои, съ изстари установленныхъ дней, они стали переводить на воскресенія, чтобы праздновать ихъ вмѣстѣ съ русскими (крестьянами), приходящими къ нимъ на выпивку, въ гости; замѣчается она также и вообще въ устройствѣ таилгановъ, по преимуществу въ свободное отъ спѣшныхъ полевыхъ работъ время; она сказывается и въ учащеніи случаевъ крещенія ради осуществленія «болѣе дешевой, русской» женитьбы, такъ какъ переходъ брачущихся въ православіе устраняетъ отъ необходимости уплаты за невѣсту калыма, и наконецъ, рельефно выражается на статистическихъ цыфрахъ, показывающихъ, что христіанство принимается

наиболѣе бѣдными бурятами. Въ концѣ концовъ замѣчается тѣсная связь между вопросами религіи и экономическими условіями жизни инородческаго населенія, которое, примѣняясь къ измѣненіямъ условій своей общественно-экономической жизни постепенно видоизмѣняетъ и свое отношеніе къ дѣламъ религіи, по возможности сообразно собственнымъ удобствамъ. Эти же экономическія условія, какъ указалъ авторъ въ заключеніе доклада, представляютъ и одно изъ препятствій къ переходу шаманистовъ въ христіанство: какъ скотоводы (въ большинствѣ своемъ), они питаются по преимуществу молочною и частью мясною (а не растительною) пищею, а это не допускаетъ возможности соблюдать посты, требуемые православной религіей: «креститься не трудна, русскаго Бога почтить тоже вѣдь нада.... а только какъ это выйдетъ»? (говорятъ шаманисты)—«Теперь ты говоришь «крестись», а потомъ забранишь,—скажешь «постись»; чѣмъ же постись, коли хлѣба нѣту, а безъ молока жить нечѣмъ»?!....

Соотвѣтственно этому, огромное большинство инородцевъ, перешедшихъ къ осѣдлой жизни и занявшихся земледѣліемъ, давно уже приняло православіе.

XII. ЗАСѢДАНІЕ 1-го МАЯ 1894 г.

а) Д. чл. **И. А. Сикорскій** сообщилъ «*О нѣкоторыхъ легендахъ, пріуроченныхъ къ нервнымъ болѣзнямъ*». Издавна поражавшія человѣчество нервныя болѣзни—идіотизмъ, истерія и помѣшательство—послужили причиной образованія и широкаго распространенія нѣкоторыхъ легендъ. Одною изъ самыхъ древнѣйшихъ и популярныхъ была легенда о людяхъ, вскормленныхъ волчицею (Ромулъ и Ремъ). Въ средніе вѣка часто показывали даже муміи такихъ одичавшихъ людей, которыя, по большей части, сказывались просто муміями обезьянъ. Но, тѣмъ не менѣе, легенда о всякаго рода питомцахъ животныхъ имѣетъ самое реальное основаніе. Дѣйствительно, и въ настоящемъ столѣтіи далеко нерѣдки случаи нахожденія дѣтей, напр. въ Индіи, жившихъ съ животными и даже утратившихъ способность рѣчи. Въ Индіи были найдены двое дѣтей, даже бѣгавшихъ постоянно на четверенькахъ, которыя, впрочемъ, могли ходить и по человѣчески. Близъ окрестностей Парижа также былъ найденъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, одичавшій ребенокъ, порученный наблюденіямъ спеціалистовъ, признавшихъ его идіотомъ. Чаще всего такихъ дикарей

находили жившими съ волками и медвѣдями, такъ что можно констатировать фактъ извѣстнаго принятія такихъ несчастныхъ животными подъ свое покровительство, особенно самками, лишившимися дѣтенышей, которые какъ-бы замѣняются такими питомцами. Дѣло въ томъ, что такого рода идіоты часто сами убѣгаютъ изъ дому, попадаютъ въ лѣса и другія нежилыя мѣстности и часто, конечно, не могутъ найти обратной дороги. Нерѣдко бѣдные родители идіотовъ, сами стараются избавиться отъ нихъ. И у насъ, въ Кирилловской больницѣ, можно насчитать нѣсколько такихъ заброшенныхъ идіотовъ которые не могли совершенно объяснить, кто они и откуда явились. Такъ, подъ наблюденіемъ референта былъ подобный субъектъ, извѣстный подъ именемъ Сеньки-Ваньки, который, вѣроятно, былъ православнымъ, такъ какъ умѣлъ креститься. Само названіе произошло отъ того, должно быть, что въ иныхъ мѣстахъ его называли Сенькой, въ другихъ Ванькой. Онъ не могъ дать никакихъ объясненій, откуда онъ пришелъ.

Другая болѣзнь, поражавшая человѣчество издавна,—истерія, поразительныя явленія которой также дали широкую почву для всякихъ легендъ и суевѣрій. Особенно поражало явленіе нечувствительности истеричныхъ къ болевымъ ощущеніямъ. Въ большой части случаевъ чувствительность утрачивается настолько, что больного можно колоть глубоко булавками и вырѣзывать ножницами куски мяса. Явленія эти хорошо были извѣстны инквизиторамъ, которые объясняли ихъ сношеніемъ съ діаволомъ. Здѣсь особенно казалось удивительнымъ, что изъ такихъ мѣстъ, пораженныхъ анестезіей, не показывалась кровь, вслѣдствіе сжатія сосудовъ. Когда приглашали экспертами врачей для объясненій, не есть ли это какая-либо болѣзнь, то они утверждали, что такая болѣзнь имъ совершенно неизвѣстна, что ея не можетъ существовать. Ясно было, что это дьяволъ накладывалъ свои печати, и больного торжественно сожигали. Другое явленіе, истерическія судороги, мучившія больного, также цѣликомъ приписывались вхожденію злого духа. Особенно загадочнымъ казалось стигматическое кровотеченіе, когда кровь появляется въ различныхъ мѣстахъ тѣла безъ всякаго видимаго повода. Подобныя мѣста также объяснялись вхожденіемъ и выхожденіемъ злого духа черезъ нихъ. Еще больше удивляли истерическія галлюцинаціи, при которыхъ часто является т. н. раздвоеніе сознанія, забвеніе всего прошедшаго. Послѣ такого припадка человѣкъ

какъ бы рождается на свѣтъ на-ново, совершенно не помня всего, что съ нимъ до этого времени происходило. Человѣкъ подъ вліяніемъ такихъ припадковъ настолько измѣняется, что даже голосъ его и черты лица становятся другими, что объяснялось подмѣною человѣка дьяволомъ

Третья болѣзнь—нѣкоторые виды помѣшательства; напр., человѣкъ чувствуетъ непреодолимое стремленіе перемѣнять мѣста, чтобы избавиться отъ мучащаго его внутренняго томленія и угнетенія духа. Наиболѣе характерной въ этомъ отношеніи является легенда о «вѣчномъ жидѣ». Происхожденіе ея объясняли такъ: когда Іисусъ Христосъ былъ приведенъ къ Пилату, то остановился; одинъ изъ слугъ ударилъ Его, приказывая итти далѣе. Христосъ отвѣчалъ: «Я пойду, но и ты пойдешь и никогда больше не остановишься». По другому варіанту, когда Спаситель, несшій на Голгоѳу крестъ, хотѣлъ отдохнуть близь дома одного еврея, тотъ воспротивился, и тогда Господь сказалъ: «Я пойду и найду покой у Отца Моего, но ты никогда не найдешь покоя!» Легенда о «вѣчномъ жидѣ» хорошо передаетъ состояніе такихъ больныхъ. Они, мучимые неопредѣленной тоской, ходятъ съ мѣста на мѣсто, иногда совершая громадныя путешествія,—одни, добиваясь улучшенія матеріальнаго положенія; другіе, ища исцѣленія этого мучительнаго томленія.

Наука обязана Шарко медицинскимъ обоснованіемъ суевѣрій и легендъ, подобныхъ указаннымъ. Шарко былъ пораженъ тѣмъ удивительнымъ сходствомъ между современными фотографическими снимками истеричныхъ больныхъ въ различныхъ видахъ, картинами древнихъ мастеровъ, рисовавшихъ различные сюжеты съ бѣсноватыми, портретами вѣчнаго жида и т. д. Изображенія послѣдняго вполнѣ соотвѣтствуютъ наблюдаемымъ реальнымъ явленіямъ: физіономія озабоченная, характерныя складки лица, полуоткрытый ротъ, признакъ пассивной воли и т. д. Въ средніе вѣка сплошь и рядомъ встрѣчаются «вѣчные жиды», то въ одномъ, то въ другомъ городѣ, при чемъ описаніе одного лица, появившагося въ какомъ-либо городѣ, въ качествѣ «вѣчнаго жида», въ мельчайшихъ деталяхъ соотвѣтствовало лицу, видѣнному въ другомъ городѣ, при чемъ такого вѣчнаго жида нерѣдко ожидали уже заранѣе. Статистика какъ новѣйшаго времени, такъ и данныя прошлыхъ вѣковъ, показываютъ, что еврейская нація даетъ втрое болѣе невропатовъ противъ другихъ національностей. У Шарко описаны

многочисленные случаи такого постояннаго блужданія, особенно среди евреевъ. Такъ, одинъ еврей изъ Минской губерніи отправился въ Іерусалимъ, вернулся назадъ черезъ Варшаву, отправился въ Берлинъ, Лондонъ, Парижъ; былъ въ Италіи и снова вернулся въ Россію, прогулявши пѣшкомъ 2 года. Онъ вездѣ искалъ медицинской помощи и въ теченіе жизни совершилъ 5 подобныхъ путешествій. Референтъ лично наблюдалъ три случая такихъ больныхъ: одного молодого сироту, вѣчно бродившаго то въ Саратовъ, то въ Петербургъ, то въ Кіевъ и проч.; солдата, который нѣсколько разъ бѣгалъ со службы подъ вліяніемъ непонятнаго безпокойства; наконецъ, двухъ братьевъ-помѣщиковъ, слывшихъ за сумасшедшихъ, какими они и были, которые все время рубили и пилили деревья въ лѣсу, позабывши все на свѣтѣ. Въ такихъ мускульныхъ движеніяхъ и хожденіяхъ эти больные ищутъ извѣстнаго палліатива для своихъ мучительныхъ нравственныхъ томленій. Референтъ демонстрировалъ фотографіи различныхъ невропатовъ, а также и портретъ извѣстной Юліи Пастраны, какъ вырождающійся типъ,—такіе случаи далеко не единственные.

Сообщеніе И. А. Сикорскаго вызвало оживленыя пренія, при чемъ д. чл. И. А. Линниченко высказалъ мнѣніе, что легенда о вѣчномъ жидѣ появилась гораздо ранѣе XVI в., что массовыя неожиданныя появленія евреевъ въ разныхъ мѣстахъ Европы создали легенду, воплотившую странствованія всего народа въ лицѣ «вѣчнаго жида». Апокрифическія сказанія также сыграли роль въ созданіи этой легенды, пріуроченной именно къ евреямъ, а не къ цыганамъ, напр., также представлявшимъ бродячій элементъ.

И. А. Сикорскій повторилъ, что евреи даютъ наибольшій процентъ невропатовъ, указывая, что болѣзни эти, вѣроятно, современны самому появленію человѣка, и что разнаго рода явленія галлюцинацій такъ или иначе могли отражаться даже на созданіи религіозныхъ воззрѣній первобытныхъ народовъ, божества которыхъ представляютъ страшную смѣсь человѣческихъ образовъ съ животными. При этомъ референтъ далъ любопытное объясненіе происхожденію образа чорта—непремѣнно чернымъ съ рогами, хвостомъ, и разной величины. Обыкновенные помѣшанные представляютъ себѣ предметы въ ихъ естественныхъ размѣрахъ, а истеричные, подъ вліяніемъ судоргъ въ глазахъ, могутъ представлять предметы своего воображенія то большими, то малыми. Подъ вліяніемъ галлюцинацій, при анестезіи

сѣтчатки глаза, предметы представляются имъ значительно потемнѣвшими, даже совсѣмъ черными. Наконецъ, они видятъ то животныхъ то людей, то соединяютъ различные элементы и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ (рога чорта, его хвостъ и т. д.)

б) Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** представилъ «*Новыя данныя по исправленію богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ въ XVII и XVIII вв.*» По его мнѣнію, ни греческія, ни другія рукописи, на которыя ссылался Никонъ, въ сущности не имѣли здѣсь важнаго значенія, а дѣло велось келейно, просто на основаніи южнорусскихъ служебниковъ 1604, 1620 и 1629 гг., которые московскими «справщиками» и утилизировались сообразно своимъ цѣлямъ. Главные справщики Арсеній Грекъ и Евфимій прямо пользовались работами, произведенными еще Петромъ Могилой. Референтъ самъ разыскалъ три такихъ корректурныхъ служебника, которые совершенно подтверждаютъ его соображенія. Да и сами исправители, по своимъ связямъ съ Кіевомъ, имѣли къ тому тенденцію. Исправленія книгъ шли долго и послѣ Никона, и нельзя сказать, чтобы дѣлалось это безукоризненно.

XIII. ЗАСѢДАНІЕ 15-го МАЯ 1894 г.

а) Поч. чл. **В. Б. Антоновичъ** сдѣлалъ сообщеніе «*О мнимомъ крестьянскомъ волненіи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1789 г.*» Дѣло это представляется интереснымъ не только само по себѣ, но и какъ историческое явленіе, свидѣтельствующее о томъ историческомъ законѣ, что если въ основу государственной политики положенъ будетъ ложный принципъ, то онъ непремѣнно скажется такими странными историческими явленіями, которыя прямо можно назвать патологическими. Явленіе это возникло въ 1789 г. и охватило весь Юго-Западный край, отразилось на всѣхъ сословіяхъ и выразилось многими безполезными страданіями, жестокостями и несправедливостями, преимущественно для крестьянскаго сословія. Въ нашемъ Центральномъ архивѣ документы эти сохранились въ полнотѣ, и на основаніи ихъ В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ свой докладъ. Въ 1789 г. въ Польшѣ собрался т.-наз. 4-лѣтній сеймъ, съ цѣлью изслѣдованія государственнаго положенія и мѣръ къ его улучшенію. Особенно занимались вопросами о внѣшней политикѣ для обезпеченія внутренняго спокойствія. Разсуждали о политическихъ союзахъ, по обыкновенію раздѣляясь на партіи. Ихъ было двѣ: одна, съ королемъ во главѣ, счи-

тали необходимымъ опереться на союзъ съ Россіей и гарантію императрицы Екатерины, какъ единственное спасеніе; другая партія тяготѣла къ Пруссіи. Пренія на этой почвѣ сильно затянулись, и обѣ партіи взяли въ основу своихъ разсужденій одинъ и тотъ-же аргументъ для давленія на общественное мнѣніе въ желательномъ направленіи. Стали указывать на отношенія крестьянъ и дворянства, выставляя на видъ крайнюю натянутость этихъ отношеній, которая при всякой случайности должна была разразиться вспышкою крестьянства. Этимъ аргументомъ стали пользоваться какъ сторонники, такъ и противники короля, требуя разрыва съ Россіей, которая будто-бы и угрожаетъ возбужденіемъ этой вспышки среди крестьянъ. Въ сеймъ начали доставляться разныя корреспонденціи изъ различныхъ мѣстъ Юго-Западнаго края о затѣвавшемся якобы крестьянскомъ возстаніи. Князь Сангушко утверждалъ, что на Волыни всѣ ждутъ уже этого бунта съ минуты на минуту. Ксендзы, мелкіе чиновники потянули за магнатами и стали доносить, что крестьяне вооружаются. Это взволновало польское общество. Въ немъ начали ходить самые нелѣпые слухи на данную тему, стали толковать уже съ подробностями объ этомъ бунтѣ, о заготовленныхъ крестьянами особыхъ крайне мучительныхъ ножахъ для пановъ и т. д. Паника развивалась, и на сеймѣ стали появляться различныя странныя предложенія противъ зла, въ родѣ поголовнаго вооруженія шляхты противъ народа и проч. Король съ трудомъ отклонилъ эти мѣры, но нѣкоторыя все-таки были приняты. Размышляя, кому поручить наблюденіе за развитіемъ народнаго бунта, остановились на существовавшихъ тогда въ Юго-Западномъ краѣ дворянскихъ коммиссіяхъ, образованныхъ для снабженія провіантомъ проходящихъ войскъ. Сеймъ возложилъ на нихъ принятіе всяческихъ мѣръ противъ возстанія и передалъ въ ихъ распоряженіе всѣ военныя силы въ Юго-Западномъ краѣ, приказавши гродскимъ судамъ начинать немедленно судебныя преслѣдованія по требованію этихъ коммиссій. Различныя мѣры еще болѣе усиливали панику и раздували слухи. Россія фигурировала, какъ главная зачинщица возстанія. Священники, православные и уніатскіе, монахи, ходившіе за милостыней, особенно же русскіе коробейники—все это превратилось въ русскихъ спеціальныхъ агентовъ-подстрекателей и организаторовъ возстанія крестьянъ противъ помѣщиковъ. 4 коммиссіи—Волынская, Кіевская, Подольская и Брацлавская—принялись дѣйство-

вать: арестовывать священниковъ, и коробейниковъ, хватать крестьянъ, конфисковать оружіе, чинить допросы «съ пристрастіемъ» и казнить людей безъ милосердія. Впрочемъ, такой ретивостью отличалась собственно Волынская коммиссія. Прочія поступали гораздо осмотрительнѣе, скоро убѣдились въ ничтожности предъявляемыхъ фактовъ обвиненія и прекратили свои дѣйствія: Брацлавская черезъ двѣ недѣли, Кіевская—1½ мѣсяца, равно и Подольская. Либеральнѣе всѣхъ оказалась коммиссія Брацлавская, такъ какъ почти половина этого воеводства принадлежала Станиславу-Феликсу Потоцкому, дорожившему союзомъ съ Россіей. На собранномъ «обозномъ сеймикѣ» дворянство убѣдилось, что никакого бунта нѣтъ. Не то происходило на Волыни, гдѣ все дворянство убѣждено было въ существованіи самаго опаснаго заговора, считало себя живущимъ на вулканѣ, каждую секунду готовомъ вспыхнуть. Надо удивляться, говорилъ референтъ, той полнѣйшей отчужденности между сословіями, какая ясно сказалась при этомъ. Помѣщики не имѣли ни малѣйшаго представленія о стремленіяхъ крестьянъ и вѣрили, и сами измышляли всякія нелѣпицы въ данномъ направленіи. Волынская коммиссія сразу заявила себя энергіей и крайней жестокостью. Референтъ привелъ многочисленные примѣры самаго дикаго произвола при разбирательствѣ дѣлъ о мнимыхъ заговорщикахъ. Напр., арендаторъ села Любча, постоянно жившій съ крестьянами въ раздорахъ, пользуясь такимъ настроеніемъ, поголовно обвинилъ крестьянъ въ прикосновености къ бунту; коммиссія нашла, что довольно показаній «одного дворянина», и дѣло окончилось тѣмъ, что 4 крестьянъ повѣсили, другихъ отдали на тяжкія крѣпостныя работы, инымъ дали по 100 ударовъ въ каждомъ изъ 11 селъ, черезъ которыя проходили обвиненные, и т. д. Въ окрестностяхъ Луцка, помѣщица Крушинская, будучи въ дурномъ расположеніи духа, приказала слугамъ разогнать крестьянъ, пришедшихъ «колядовать» на Святки. Крестьяне обидѣлись, и кто-то сказалъ, что для такой поганой пани нужно-бы призвать Гонту. Это неосторожное слово повело къ тому, что пострадало 17 крестьянъ: 3 четвертовали, 10 повѣсили, остальные же пошли въ каторжныя работы. Члены коммиссіи нерѣдко прибѣгали къ разнаго рода фикціямъ, входили въ сдѣлки съ различными личностями и заставляли ихъ оговаривать какъ другихъ, такъ и самихъ себя. На эту удочку поймался, между прочимъ, уніатскій священникъ Вендеровскій, человѣкъ крайне со-

мнительной репутаціи. Его приговорили къ смертной казни, и когда онъ сталъ протестовать, что разсказывалъ о заговорѣ по соглашенію, его все таки повѣсили. Заговоръ, яко-бы, сдѣлался очевиднымъ фактомъ. Самообвиненія такъ и сыпались, обнаруживая иногда очень пылкую фантазію открывателей заговора. Одинъ галицкій проходимецъ сочинилъ цѣлую картину ночного засѣданія 12-ти священниковъ, съ принятіемъ присяги и прочими атрибутами. Его самого, дескать, послали организовать возстаніе и т. д. Оказалось, что изъ 12 священниковъ, имъ названныхъ, 7 не существовало вовсе, само с. Щегліевка возлѣ Меджибужа оказалось также плодомъ фантазіи. Когда потребовали объясненій, зачѣмъ онъ вралъ, онъ чистосердечно показалъ, что его на допросѣ повѣсили за пальцы въ дымарѣ и поочередно то сѣкли, то коптили; ему приходилось говорить, что хотѣли судьи. Оговаривали цѣлыя тысячи людей и сотни селъ, по большей части, не существовавшихъ вовсе. Стали появляться цѣлыя легенды, напр., что скоро явится сынъ казненнаго Гонты и пріймется «вырывать куколь». Поймали и составителей легенды, но судьи оказались благоразумными, и дѣло не получило хода. Вообще, какъ сказано выше, коммиссіи скоро убѣдились въ полнѣйшей фантастичности заговора и донесли сейму, что спокойствіе не нарушено, и никто не думалъ о заговорѣ. Только Волынская коммиссія свирѣпствовала съ марта до іюля 1789 г. и донесла, что возстаніе прекращено ея собственными энергичными дѣйствіями. Сеймъ поручилъ коммиссіи изъ сенаторовъ сдѣлать докладъ объ этомъ дѣлѣ; но такъ какъ докладъ этотъ ставилъ ея дѣлопроизводителя въ трудное положеніе, то онъ хотя и началъ составлять его, но не окончилъ, и докладъ не появился на свѣтъ.

б) Д. чл. **Е. А. Кивлицкій** прочелъ рефератъ *«О посылкѣ малороссійскихъ плясуновъ въ ледяной домъ»* Однажды, въ 1730 г., шутиха императрицы Анны Іоановны, Авдотья Буженикова, въ разговорѣ съ ней выразилась въ томъ смыслѣ, что не прочь-бы вступить въ законный бракъ. Императрица согласилась, и женихомъ былъ избранъ придворный шутъ князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, разжалованный изъ маіоровъ въ пажи. Затѣя всѣмъ понравилась, и рѣшено было устроить извѣстный ледяной домъ для свадьбы, при чемъ маскарадная коммиссія подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго рѣшила вызвать для участія въ торжествѣ представителей всѣхъ національностей, обитавшихъ въ Россіи, а въ томъ

числѣ и малороссовъ-плясуновъ, мущинъ и женщинъ. Документы объ этомъ находятся въ архивѣ Судіенка; изъ нихъ видно, что затѣя эта вызвала не мало переполоха, хлопотъ и расходовъ. Изъ Глухова и окрестныхъ мѣстъ всего было послано 44 мущинъ, 33 «женки» и 55 «дѣвокъ, такихъ, чтобы собой не гнусны были». Ихъ доставили на подводахъ въ Петербургъ, партіями; они участвовали на свадьбѣ въ качествѣ поѣзжанъ и плясали національные танцы, а затѣмъ были возвращены по домамъ (1740 г.).

в) Д. чл. **М. И. Лилеевъ** сообщилъ «*Нѣсколько новыхъ данныхъ и соображеній объ авторѣ «Путешествія въ Св. Землю» (1702 г.) священникѣ Іоаннѣ Лукьяновѣ*» (напечатано во II-мъ отд. настоящей книги).

XIV. ЗАСѢДАНІЕ 11-го СЕНТЯБРЯ 1895 г.

а) Д. чл. **М. С. Грушевскій** изложилъ свои выводы по изслѣдованію объ «*Организаціи старостинскаго и околичнаго управленія въ Барскомъ старостві XVIII в.*» Послѣ перехода, въ началѣ XVIII в., Барскаго староства въ частное владѣніе произошли нѣкоторыя перемѣны, именно: должность подстаросты замѣняется должностью администратора или губернатора; послѣдній вскорѣ становится генеральнымъ коммиссаромъ, главноуправляющимъ, экономомъ, которому подчиняются администраторы меньшихъ экономій; рядомъ съ ними является особое военно-административное вѣдомство, вѣдающее шляхетское населеніе; прежде стоялъ во главѣ его староста; теперь послѣдняго замѣняетъ полковникъ, а шляхта организуется въ отрядъ, напоминающій по своему строю козачій полкъ; полковникъ подчинялся старостѣ и былъ назначаемъ имъ; при немъ находились поручики и хорунжіи. Судебныя дѣла по военной повинности и службѣ принадлежали вѣдѣнію полковника; при немъ организуется полковничій судъ, съ присоединеніемъ даже гражданскихъ дѣлъ; его юрисдикціи подлежитъ все шляхетское населеніе и военные чины; намѣстники старосты образуютъ систему шляхетскаго управленія съ полковникомъ въ главѣ. Такимъ образомъ, въ половинѣ XVIII в., въ старостві Барскомъ устанавливается два вѣдомства—одна система чиновниковъ вѣдаетъ хозяйственно-административную часть [1]) и представляетъ частные интересы старосты (губернаторы и администраторы); другая

[1]) См. Архивъ Юго-Запад. Россіи, часть VIII, т. I и II, предисловіе.

вѣдаетъ шляхетское населеніе староства и приближается къ понятію государственнаго учрежденія; однако, точнаго и рѣзкаго разграниченія между ними на практикѣ не существовало: оба вѣдомства зависѣли отъ старосты и подчинялись генеральному коммиссару.

Органами околичнаго (сельскаго) управленія были намѣстникъ и «шляхетское коло». Коло представляло собою собраніе всѣхъ полноправныхъ хозяевъ околицы: предметами собранія служили: распредѣленіе повинностей, пріуроченныхъ къ грунту, а не къ лицу; хозяйственныя дѣла околицы, патронатъ относительно мѣстной церкви, наблюденіе за нравственностью и поведеніемъ своихъ членовъ и, наконецъ, судъ кола. Намѣстникъ былъ предсѣдателемъ и представителемъ шляхетскаго кола; онъ назначался полковникомъ изъ шляхтичей; власть его имѣла полицейскій характеръ.

б) Д. чл. Ѳ. П. Истоминъ, за отсутствіемъ д. чл. **М. П. Истомина**, прочелъ его докладъ: «*Къ исторіи живописи Кіево-Печерской лавры въ XVIII в.*» (напечатанъ въ II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

XV. ЗАСѢДАНІЕ 25-го СЕНТЯБРЯ 1894 г.

а) Д. чл. **А. Н. Ясинскій** сдѣлалъ сообщеніе о «*Городовой организаціи X—XII вв. въ Чехо-Моравіи*».

Такъ какъ чешскій лѣтописецъ Косьма Пражскій и его продолжатели по отношенію къ одному и тому-же населенному мѣсту Чехо-Моравіи употребляютъ различныя латинскія наименованія (civitas, urbs, castra, castella, oppida), то это даетъ основаніе думать, что въ XII вѣкѣ не существовало іерархической классификаціи населенныхъ мѣстъ городскаго типа, вслѣдствіе чего можно говорить вообще о городѣ и городовой организаціи.—Города удовлетворяли насущнымъ потребностямъ жизни X—XII вв. Чехо-Моравія подвергалась со стороны поляковъ и венгровъ постояннымъ опустошительнымъ набѣгамъ, и жители находили въ городахъ надежное убѣжище для себя и своего имущества. Въ пограничной полосѣ населеніе преимущественно сидѣло даже по городамъ, рискуя покидать ихъ только ранней весной, когда вслѣдствіе распутицы и недостатка подножнаго корма для коней враги рѣдко появлялись въ странѣ.

Въ каждомъ большомъ городѣ различались двѣ части: крѣпость и посадъ (suburbium), гдѣ находились дома жителей и даже иногда

храмы. Лучшія, однако, зданія строились въ укрѣпленной части города, такъ какъ посады, не имѣя стѣнъ, довольно часто подвергались уничтоженію и разграбленію. Деревянныя стѣны съ башнями и рвы были обычными укрѣпленіями. Возводились иногда стѣны каменныя. Въ большихъ городахъ и посады старались окружить стѣнами, для чего иногда сносили постройки. Повинность сооруженія и поддержки укрѣпленій въ городахъ падала на все населеніе страны и была извѣстна подъ именемъ земскихъ работъ (munera publica). Жители городовъ и населеніе окрестное, находившее тамъ убѣжище, являлись въ роли защитниковъ въ случаѣ осады. Кромѣ того, для несенія караульной и сторожевой службы въ городахъ были сторожа, получавшіе за свою службу земельные участки. Начальниками въ городахъ были каштеляны, смѣщеніе и назначеніе которыхъ находилось въ зависимости отъ воли государя. Каштеляны дѣйствовали въ качествѣ военноначальниковъ при защитѣ городовъ и при выступленіи населенія въ походъ. Въ XI вѣкѣ они имѣли нѣкоторую судебную и полицейскую власть. Каштеляны большихъ городовъ пользовались, повидимому, нѣкоторой долей военно-политической власти надъ каштелянами городовъ второстепенныхъ. Служба каштеляновъ, въ виду господства въ X—XII вв. натуральнаго хозяйства и малаго количества въ странѣ денежныхъ знаковъ, вознаграждалась изъ доходовъ, получаемыхъ отъ земель, приписанныхъ къ городамъ. Эти земли находились въ непосредственномъ распоряженіи каштеляновъ, которые въ качествѣ временныхъ хозяевъ, желая въ каждый данный моментъ извлечь возможно бо́льшую пользу, притѣсняли жителей этихъ земель, чѣмъ доводили ихъ до необходимости покидать насиженныя мѣста. Есть основаніе, вопреки мнѣнію Палецкаго и Герм. Иречка, считать такъ называемыя Кладскія дѣдины (hereditates) землями, приписанными къ городу Кладску. Городовыя земли отдѣльныхъ городовъ были не въ сплошныхъ кускахъ, но дробными частями разсѣяны по всей территоріи государства.

Что касается роли городовъ, то нужно сказать, что въ городахъ засѣдалъ земскій судъ; по городамъ собиралъ дань (tributum pacis) съ населенія, подлежащаго платежу таковой; въ городахъ проживали ремесленники и мастеровые; тамъ-же подготовлялись и политическіе перевороты; города же служили мѣстами заключенія политическихъ преступниковъ. Главное, однако, назначеніе, которому должны были

удовлетворять города, и ради чего возникла городовая организація— это были цѣли военно-политическія: по городамъ собиралось земское ополченіе, созываемое приказами (mandat) государя, причемъ ополченіе каждаго города составляло отдѣльный отрядъ, имѣвшій начальникомъ каштеляна. Ополченія меньшихъ и второстепенныхъ городовъ входили въ составъ большихъ боевыхъ единицъ, начальниками которыхъ являлись каштеляны большихъ городовъ. Отличительнымъ качествомъ этого земскаго войска была его способность къ быстрой мобилизаціи: нѣсколько дней достаточно было для того, чтобы не только собрать его, но и двинуть на врага. Въ случаѣ непріятельскаго вторженія въ страну шляхта спѣшила, выходя изъ своего города, присоединиться къ отрядамъ сосѣднихъ городовъ, ища такимъ образомъ возможности остановить успѣхи враговъ. Возможность быстрой мобилизаціи находитъ себѣ объясненіе въ такомъ расположеніи городовъ, что изъ одного другому легко было подавать сигналы о тревогѣ разведеніемъ костровъ. Привычка населенія дѣйствовать коллективно и дружно встрѣчать опасность, привычка, возникшая изъ условій жизни того времени, обнаруживала свое дѣйствіе не только въ военное, но и въ мирное время, когда государству грозила опасность внутренняго междоусобія: шляхта изо всѣхъ городовъ спѣшила въ столицу государства.

Кромѣ того, города служили для обезпеченія и укрѣпленія спорныхъ территорій и являлись опорными пунктами при завоеваніяхъ государей чешскихъ.—Возникновеніе и введеніе городовой организаціи нужно отнести къ началу X вѣка, когда подъ вліяніемъ опасности со стороны венгровъ въ Средней Европѣ усиленно занимались сооруженіемъ укрѣпленій и формированіемъ конныхъ отрядовъ. Возникнувъ въ началѣ X вѣка, эта организація начала клониться къ упадку съ середины XII вѣка, когда опасность отъ сосѣдей уменьшилась или даже совершенно исчезла, такъ какъ въ Польшѣ и Венгріи около этого времени начались внутренніе раздоры и междоусобія, а въ Германіи царствовалъ Фридрихъ Барбаруса. Въ XIII вѣкѣ на мѣсто земскихъ городовъ выступаютъ города на нѣмецкомъ правѣ; мѣсто же городовой организаціи заступаетъ организація ленная, основанная на совершенно другихъ началахъ.

б) Д. чл. **Е. А. Кивлицкій** прочиталъ докладъ: «*Учебныя заведенія въ Западной Россіи въ 1783—1803 г.*»

Докладъ составленъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ, издаваемыхъ въ послѣднее время Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія подъ общимъ заглавіемъ: «Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія Россіи». 1-й томъ изданія посвященъ исторіи учебныхъ заведеній до учрежденія Виленскаго учебнаго округа. Матеріалы эти раздѣлены на двѣ части: въ одной содержатся документы коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ (1783—1802 гг.), въ другой—документы со времени учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія до открытія Виленскаго округа (1802—1803 г.). Въ первой группѣ содержатся свѣдѣнія о начальныхъ годахъ дѣятельности главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ въ Западной Россіи и о польскихъ училищахъ. Референтъ занялся собственно русскими. По повелѣнію императрицы Екатерины II, вообще ревностно принимавшей мѣры къ народному просвѣщенію, 7 сентября 1872 г. была учреждена въ Петербургѣ коммиссія объ основаніи народныхъ училищъ, и открыто тамъ-же 1-е народное училище. Программа коммиссіи заключалась въ устройствѣ училищъ, приготовленіи учителей, разсмотрѣніи пригодныхъ книгъ и т. д. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ В. В. Завадовскій. Дѣятельность ея обрисована въ отчетѣ 1801 г. По поднесеніи плана дѣйствій императрицѣ, началось сочиненіе книгъ и приготовленіе учителей. Книги подносились для утвержденія государынѣ; учителя требовались изъ семинарій. Въ 1786 г. коммиссія получила уставъ, въ силу котораго школы должны были раздѣляться на главныя и малыя. Первыя учреждались въ губернскихъ и болѣе значительныхъ городахъ и состояли изъ 4 классовъ. Постепенно преподавалось чтеніе, письмо, катехизисъ, св. исторія, ариѳметика, грамматика, всеобщая и русская исторія, географія, основанія геометріи, механика, физика, естественная исторія. Проходились разныя назидательныя книги, въ родѣ книги о дожностяхъ гражданина и человѣка и проч. Въ главныхъ школахъ преподавался еще языкъ латинскій и «сосѣдственный», какой былъ по сосѣдству каждой губерніи, напр. польскій. Кромѣ того, главныя училища приготовляли учителей для малыхъ училищъ. Эти послѣднія основывались въ меньшихъ городахъ. Курсъ равнялся программѣ двухъ низшихъ классовъ главныхъ училищъ, при чемъ иностранные языки не преподавались,

а ариѳметика кончалась во 2-мъ классѣ. Коммиссія ставила себѣ въ большую заслугу достиженіе единообразія во всѣхъ школахъ какъ относительно книгъ, такъ и методовъ преподаванія, распредѣленія учебныхъ часовъ и т. д. Учителя 4-хъ и 3-хъ классовъ получали по 400 р. жалованья, 2-го—200 р., 1-го—150 р., учителя иностранныхъ языковъ—300 р., рисованія—150. Директора въ столицахъ—по 1000 р., въ другихъ городахъ—по 500 р. Учителя имѣли права государственной службы; ученикамъ училищъ давалось предпочтеніе при опредѣленіи на службу. Высшій надзоръ принадлежалъ губернаторамъ, которые должны были заботиться о распространеніи училищъ, обращеніи малыхъ въ главныя и наблюдать за частными пансіонами. Во главѣ стоялъ директоръ, «любитель науки и знающій цѣну воспитанія». Въ малыхъ училищахъ—смотрителя. Хозяйственныя заботы возлагались на приказы общественнаго призрѣнія.

Уже въ 1766 г. коммиссія начала заботиться объ учрежденіи училищъ въ западныхъ губерніяхъ. Начали съ Кіева. Предполагалось помѣстить училище вмѣстѣ съ духовной академіей при Кіево-Софійскомъ соборѣ или при лаврѣ. Въ письмѣ къ Завадовскому митрополита Самуила говорится по этому поводу, что при Софійскомъ соборѣ есть только два каменныхъ флигеля—одинъ изъ 4-хъ келій для духовныхъ чиновъ при архіерейскомъ домѣ и 25 пѣвчихъ, другой двухъэтажный о 8 покояхъ вверху и внизу. Верхъ предназначался для классовъ главнаго народнаго училища и академіи, низъ для учителей. При лаврѣ же всѣ келіи одноэтажныя, «темнотою и тѣснотою наполнены, по примѣру погребовъ сдѣланы и одну только кучу кирпичей составляютъ». Дальше говорится о невыгодной мѣстности Стараго города, какъ такого мѣста, «которое есть пустое, безлюдное, безводное, бездровное и по причинѣ горъ, всегда разрушающихся, непроходимое». Впрочемъ, Самуилъ радуется, что академія и народное училище будутъ вмѣстѣ, и что препятствія будутъ устранены. Они оказались, однако, непреодолимыми, такъ какъ помѣщеніе не соотвѣтствовало самымъ скромнымъ требованіямъ. Дѣло затянулось до 1788 г. Заботу о подготовительныхъ мѣрахъ къ открытію училища принялъ на себя правитель Кіевскаго намѣстничества Ширковъ, хотя ему долго пришлось искать подходящее помѣщеніе. Остановились на домѣ конторы ассигнаціоннаго банка на Подолѣ. Изъ коммиссіи присланы были книги, уставъ, 4 учителя, бывшіе воспитанники Кіевской ака-

деміи. Директоромъ назначенъ кол. сов. Симоновскій. Когда помѣщеніе было готово, начался пріемъ дѣтей, въ числѣ 58 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ. 1 мая 1789 г. произошло торжественное открытіе училища въ присутствіи чиновныхъ особъ, дворянства, гражданъ. Отъ училища при звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ процессія отправилась въ Успенскій соборъ, гдѣ совершены были литургія и молебенъ. По возвращеніи въ зданіе училища ученики были встрѣчены митрополитомъ Самуиломъ, совершившимъ водоосвященіе. Извѣстный витія кіево-софійскій, протоіерей Іоаннъ Леванда сказалъ рѣчь о важности заведенія. При многолѣтіи государынѣ происходила пальба магистратскихъ пушекъ. Учитель Иванъ Кожбаковскій сказалъ рѣчь о пользѣ наукъ. Такъ какъ еще за 2 недѣли ученикамъ было преподано «знаніе о буквахъ», то учителя теперь вопрошали о сихъ буквахъ, а ученики весьма порядочно отвѣчали. Въ заключеніе 8-лѣтній ученикъ, сынъ надв. сов. Семенъ Калиновскій, сказалъ рѣчь, увѣщевая товарищей «употреблять всевозможныя старанія напречь всѣ свои силы, чтобы оказать довольные успѣхи въ предметахъ и тѣмъ самымъ удовлетворить спасительныя намѣренія несравненныя императрицы и соотвѣтствовать ожиданіямъ истинныхъ сыновъ отечества». Затѣмъ, 8-лѣтній ораторъ просилъ высокихъ особъ ободрять ихъ въ трудахъ своими посѣщеніями. Слушатели умилились, а затѣмъ были приглашены на обѣдъ къ Ширкову. Вечеромъ иллюминовали городъ, и городская музыка играла передъ магистратомъ до полуночи «пріятнѣйшіе» концерты. Къ 7 мая число учениковъ достигло 154 (99 мальчиковъ и 35 дѣвочекъ).

Около того же времени стали открывать народныя училища и въ Бѣлоруссіи. Въ 1788 г. высочайше повелѣно было полоцкому и могилевскому генералъ-губернатору Пассеку заняться приготовленіями къ открытію училищъ. Завадовскій послалъ уставъ и штатъ училищъ и снабдилъ его свѣдѣніями для открытія главныхъ училищъ въ Могилевѣ и Полоцкѣ. Пассекъ изыскалъ средства, возложивъ содержаніе училищъ на городскіе доходы. По его проекту, кромѣ Могилева и Полоцка, слѣдовало открыть училища и въ Витебскѣ. Малыя училища онъ предлагалъ учредить въ Чаусахъ, Оршѣ, Копысѣ, Мстиславѣ, Черикахъ, Невелѣ и Велижѣ. Прочіе города, по его мнѣнію, не могли содержать училищъ. Директоромъ въ Могилевѣ былъ назначенъ бывшій префектъ семинаріи Цвѣтковскій, въ Полоцкѣ—

кол. ас. Шакабендъ, гдѣ училище было открыто 15 апрѣля 1789 г. съ языками польскимъ и нѣмецкимъ. Въ Могилевѣ училище открыто было въ присутствіи двухъ архіепископовъ—Георгія Конисскаго и Сестренцевича. Конисскій произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: «были, правда, и въ наши молодыя времена по семинаріямъ и академіямъ ученія, какъ-то, философія словесная, нравственная и вышеестественная, но такія, коихъ, не вздохнувши изъ глубины духа, нельзя упомянуть. Мы въ нихъ многими трудами находили вмѣсто сокровищъ угліе». Упомянувъ о томъ, что порядочное образованіе могли получать только богатые люди за границей или у учителей наемныхъ, Конисскій прибавилъ: «нынѣ вамъ, отрасли призрѣнныя убогихъ кореній мѣщанства и самаго поселянства, сіе счастіе въ руки досталось». Въ 1793 г. было открыто училище въ Витебскѣ, гдѣ оказалось до 200 желающихъ учиться. Еще въ 1791 г. основаны были малыя училища въ Оршѣ, Копысѣ, Мстиславлѣ, Чериковѣ и Чаусахъ.

Дальнѣйшая судьба кіевскаго училища, гдѣ воспитывались дѣти дворянъ, купцовъ и горожанъ, оказалась связанной съ Подоломъ, такъ какъ переводъ на Старый городъ признанъ былъ неудобнымъ. Оно было помѣщено на Подолѣ же, въ домѣ генералъ-маіора Нилуса. Ученіе, по отзывамъ Ширкова, шло весьма удовлетворительно. Первоначально было открыто 2 низшихъ класса, но скоро 1-й классъ раздѣлили на два разряда. Въ декабрѣ 1784 г. было первое публичное испытаніе. Ученики говорили рѣчи при этомъ, и даже одна дѣвочка. Постороннія лица помогали училищу книгами, бумагой и проч. Испытанія происходили 2 раза въ годъ съ публичными физическими опытами. Число учениковъ сильно колебалось. Дойдя въ 1791 г. до 223, ежегодно затѣмъ падаетъ (1795 г.—58), потомъ снова увеличивается и доходитъ въ 1802 году до 194. Число учениць колеблется еще болѣе. Книги для библіотекъ и учебныя пособія доставлялъ приказъ общественнаго призрѣнія, расходуя на пріобрѣтеніе ихъ до 1000 руб. Нѣкоторые учителя заявляли себя и учеными трудами, какъ напр., Максимъ Берлинскій, сочинившій краткую исторію Россіи, отпечатанную въ Москвѣ въ 1800 г. Извѣстны и другія его работы:—«Пространная исторія города Кіева» и «Малороссійская исторія».

Судьбы училищъ бѣлорусскихъ были гораздо печальнѣе. Съ 1797 г. начинается закрытіе высшихъ классовъ. Бѣлорусскій вице-губернаторъ Захаровъ вошелъ съ представленіемъ объ упраздненіи въ Полоцкѣ и Могилевѣ двухъ высшихъ классовъ, мотивируя это обременительностью ихъ содержанія для городовъ и конкурренціей безплатныхъ іезуитскихъ школъ. Коммиссія относительно Могилева на это не согласилась. Въ томъ же году было закрыто малое училище въ Копысѣ, по случаю упраздненія этого города. Затѣмъ было представлено о закрытіи высшихъ классовъ въ Витебскѣ, за недостаткомъ учениковъ. Коммиссія не согласилась съ губернаторомъ и заявила, что «вкусъ къ наукѣ не вдругъ, а со временемъ пріобрѣтается». Съ матеріальной стороны училища въ Бѣлоруссіи обставлены были не блестяще: думы часто не выдавали суммъ на ихъ содержаніе, такъ что учителя иногда тайно убѣгали со службы.

Въ настоящемъ засѣданіи по баллотировкѣ избраны въ члены Ревизіонной коммиссіи: *Ю. А. Кулаковскій*, *Н. В. Молчановскій* и *Н. П. Василенко*.

XVI. ЗАСѢДАНІЕ 9-го ОКТЯБРЯ 1894 г.

а) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сообщилъ сначала о смерти извѣстнаго итальянскаго ученаго *Джіованни де-Росси* († 22 сентября), который пріобрѣлъ себѣ всемірную извѣстность своими изслѣдованіями римскихъ катакомбъ. Многія сотни верстъ этихъ подземныхъ галлерей были имъ открыты, изучены и описаны. Изъ предметовъ, найденныхъ здѣсь, де-Росси образовалъ цѣлый музей христіанскихъ археологическихъ памятниковъ: надписей, саркофаговъ, рельефовъ и т. п.; можно сказать, что вся европейская литература о катакомбахъ питалась его изслѣдованіями. Но помимо своихъ ученыхъ трудовъ, Росси вводилъ слушателей живымъ словомъ въ интересы христіанской археологіи; онъ читалъ особыя лекціи при оригинальной обстановкѣ: въ дни памяти того или другаго святого, погребеннаго въ катакомбахъ, онъ организовалъ періодическіе обходы ихъ, собирая многочисленную толпу слушателей, съ которыми обходилъ подземный городъ, и здѣсь, стоя на какомъ-либо камнѣ или выступѣ, читалъ свою лекцію сообразно обстоятельствамъ. Онъ издалъ много трудовъ

и безчисленное количество статей по всѣмъ вопросамъ христіанской археологіи.

Всѣ присутствующіе въ засѣданіи почтили память покойнаго ученаго вставаніемъ.

Затѣмъ Ю. А. Кулаковскій перешелъ къ изложенію результатовъ своихъ «*Раскопокъ въ Керчи и Анапѣ лѣтомъ 1894 г.*», которыя онъ производилъ по порученію Имп. Археологической Коммиссіи.—Въ Керчи раскопки производились какъ на горѣ Митридата, такъ и къ сѣверу отъ города въ мѣстности разбитыхъ кургановъ по близости отъ Городскаго сада. На горѣ Митридата работы были направлены къ разысканію катакомбъ съ цѣлью констатировать территорію распространенія этого типа погребенія для нанесенія данныхъ на карту. Во второй мѣстности былъ разрытъ цѣлый семейный некрополь (25 могилъ); онъ оказался принадлежащимъ второй половинѣ III в. по Р. Х. Найденные въ могилахъ предметы, какъ то: терракоттовыя издѣлія, стекляные и глиняные сосуды, бронзовые и желѣзные предметы, не представляя по существу новыхъ типовъ и формъ, имѣли однако немаловажный интересъ въ виду точнаго хронологическаго опредѣленія, которое имъ даютъ найденныя въ могилахъ при костякахъ монеты. Кромѣ этихъ ближайшихъ къ Керчи мѣстъ докладчикъ производилъ раскопки и разысканія на берегу Азовскаго моря въ 15 верстахъ отъ Керчи на мысѣ Зюкѣ, вблизи Чокракскаго солянаго озера. Найденныя въ слоѣ культурныхъ остатковъ монеты и нѣсколько разрытыхъ здѣсь гробницъ, а также и обломки, попадающіеся въ пепелищѣ на покатости мыса, привели докладчика къ убѣжденію въ томъ, что здѣсь существовало городское поселеніе въ періодъ времени отъ I до IV вѣка по Р. Х. Данныя, сохраненныя древними географами, позволяютъ помѣстить здѣсь городъ, вѣроятно, *Зеноновъ Херсонесъ* (а не Гераклеонъ или Гераклій, который на нѣкоторыхъ археологическихъ картахъ помѣщается по близости отъ этой мѣстности).

Что касается до раскопокъ въ окрестностяхъ Анапы, то здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ констатированъ былъ особый типъ погребенія: человѣка съ лошадью. Лошадиная могила занимаетъ центръ кургана; человѣческая расположена аршина на два выше съ лѣвой стороны (для стоящаго въ ногахъ). Лошадь, убитую (по нѣкоторымъ признакамъ) при погребеніи, зарывали въ полной сбруѣ; ея владѣлецъ погребался со своимъ вооруженіемъ: желѣзная кольчуга (обыкновен-

но сложенная подъ головой), длинная желѣзная сабля, лукъ и колчанъ со стрѣлами (желѣзными, разныхъ типовъ, съ преобладаніемъ трехгранныхъ). Обширныя кладбища, усѣянныя небольшими курганами съ погребеніемъ этого типа, нуждаются въ дальнѣйшихъ раскопкахъ для болѣе точнаго опредѣленія времени своего возникновенія и народности, которая ихъ оставила. Изъ исторіи намъ извѣстны въ этихъ мѣстностяхъ имена нѣсколькихъ племенъ—конниковъ, а добытый матерьялъ еще не позволяетъ поставить вопросъ о томъ, какому именно изъ этихъ народовъ слѣдуетъ пріурочить анапскіе некрополи.

б) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** сообщилъ о результатахъ своихъ изысканій во французскихъ архивахъ по «*Вопросу о крестьянской поземельной собственности во Франціи до Революціи и продажѣ національныхъ имуществъ*» [1]) Декретами, изданными и національнымъ и послѣдующими собраніями, громадная масса поземельной собственности, принадлежавшей во Франціи въ до-революціонную эпоху какъ церкви, такъ дворянству и коронѣ, была, какъ извѣстно, либо объявлена національной собственностью либо просто конфискована и пущена въ продажу съ публичныхъ торговъ; совершился безпримѣрный въ исторіи поземельной собственности переворотъ, который долженъ былъ привести за собой полное перемѣщеніе собственности. Какъ и въ какомъ направленіи совершалось это перемѣщеніе? Долгое время держалось мнѣніе, что лишь Революціи Франція обязана созданіемъ мелкой крестьянской собственности. Ударъ этому мнѣнію былъ нанесенъ Таквилемъ и Лавернемъ; они думаютъ, что большая часть продававшихся земель была куплена тѣми, кто владѣлъ уже землею, и продажа оказалась болѣе выгодной для средней, а не для мелкой собственности; по Авенелю, продажа земель было выгодна для буржуазіи, для крупныхъ банкировъ и т. п. дѣльцевъ; мнѣніе Авенеля повторилъ Н. Карѣевъ. М. Ковалевскій отмѣчаетъ, наконецъ, что «всѣ свидѣтельства сходятся въ признаніи, что большинство проданныхъ съ публичныхъ торговъ земель церкви сосредоточилась въ рукахъ прежнихъ арендаторовъ». Онъ опирается на изслѣдованіе Минцеса, единственное, основанное на изученіи актовъ продажи. Токвиль, Лавернь, Монтоже, Калонъ, Матье и мног. друг. утверждаютъ, что мелкая крестьянская собственность была сильно развита во Франціи

[1]) См. Университет. извѣстія. Кіевъ. 1894 г № 12.

до Революціи. Всѣ они ссылаются на Артура Юнга. Въ виду такихъ противорѣчивыхъ и мало обоснованныхъ мнѣній референтъ счелъ необходимымъ произвести изысканія на мѣстѣ въ департаментскихъ архивахъ, чтобы имѣть прочное основаніе для сужденія о томъ, каковы были размѣры крестьянской собственности до Революціи, ибо лишь тогда рѣшался бы самъ собою вопросъ, увеличилось ли послѣ 1789 г. число мелкихъ собственниковъ и количество крестьянской земли. Референтъ сосредоточилъ свои занятія въ архивахъ департаментовъ Côte d'Or (въ Дижонѣ), de la Haute Garonne (въ Тулузѣ) и Pas de Calais (въ Аррасѣ); онъ подробно описалъ необъятныя богатства этихъ архивовъ и опредѣлилъ важность заключающихся въ нихъ матеріаловъ не только по вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи до и послѣ Революціи, но и для исторіи развитія крестьянской собственности въ теченіе трехъ столѣтій, начиная съ XVI в.; для доказательства имъ приведены краткія таблицы о передвиженіи земельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія. Окончательные же выводы изъ всего извлеченнаго матеріала по указаннымъ вопросамъ референтъ предполагаетъ представить въ спеціальномъ изслѣдованіи.

Въ настоящемъ засѣданіи былъ доложенъ г. предсѣдателемъ протоколъ дѣйствій Ревизіонной коммиссіи, нашедшей оборотъ суммъ Общества и состояніе его библіотеки въ 1893—94 гг. въ полной исправности и совершенномъ порядкѣ.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г.

I. *Численный составъ Общества Нестора-лѣтописца.*

Къ 27 октября 1893 г. Общество состояло изъ 24 почетныхъ и 105 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіе года избраны вновь одинъ почетный членъ и три дѣйствительныхъ.

Въ тотъ же періодъ времени выбылъ за смертью одинъ почетный членъ (Францъ Рачкій, членъ академіи наукъ въ Загребѣ).

Затѣмъ къ 27 октября 1894 г. въ Обществѣ числится 24 почетныхъ и 108 дѣйствительныхъ членовъ.

II. *Библіотека Общества.*

А) Къ 27 октября 1893 г. находилось на лицо въ библіотекѣ Общества Нестора-лѣтописца сочиненій и изданій по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ 970 названій въ 1845 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года вновь поступило 118 названій въ 375 томахъ и брошюрахъ.

Такимъ образомъ къ 27 октября 1894 г. имѣется 1088 названій въ 2220 томахъ и брошюрахъ.

Б) Въ *Отдѣлѣ рукописей* въ теченіе отчетнаго года новыхъ поступленій не было, и рукописей остается прежнее количество, именно: а) отдѣльныхъ документовъ—11; б) фотографическихъ снимковъ съ рукописей—2 и рукописныхъ книгъ—6.

В) *Изданій Общества Нестора*, по продажѣ ихъ, разсылкѣ членамъ и высылкѣ въ обмѣнъ на изданія другихъ учрежденій и обществъ, къ 27 октября 1894 г. осталось:

а) «Чтеній въ историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца: книги I—41, кн. II—116, кн. III—37, кн. IV—191, кн. V—212, кн. VI—220, кн. VII—234 и кн. VIII—230 экземпляровъ.

б) «Трудовъ III-го археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г.—54 экземпл. (каждый изъ двухъ томовъ съ атласомъ).

в) «Указателя выставки III-го археологическаго съѣзда»—155 экз.

г) «Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси—279 экз.

д) «Поминки по А. А. Котляревскомъ»—90 экз. и

е) «Сулимовскаго архива», изданнаго поч. чл. А. М. Лазаревскимъ—170 экземпляровъ.

III. *Денежныя средства Общества:*

Суммы Общества Нестора-лѣтописца находились съ 27-го октября 1893 г. по 27-е октября 1894 г. въ слѣдующемъ движеніи:

Къ 27 октября 1893 г. оставалось	812 р. 87 к.	Израсходовано въ теченіе отчетнаго года:	
Въ теченіе года поступило:		1) На изданіе VIII книги «Чтеній» .	795 р. —
1) Изъ Государств. казначейства . .	800 р. —	2) На библіотеку	41 р. 15 к.
2) Членскихъ взносовъ	285 р. —	3) На канцелярскіе расходы	73 р. 91 к.
3) Отъ продажи изданій Общества .	60 р. 84 к.	4) На устройство засѣданій . . .	63 р. 93 к.
Итого	1958 р. 73 к.	Итого	973 р. 99 к.

Къ 27-му октября 1894 г. осталось въ наличности—984 р. 74 к.

Списокъ членовъ Общества Нестора-лѣтопица [1]).

I. Члены, живущіе въ Кіевѣ.

а, Почетные

Антоновичъ, *Владиміръ Бонифатіевичъ*, членъ-учредитель, проф. университета св. Владиміра, избранъ 18 марта 1890 г.

Вельяминовъ-Зерновъ, *Владиміръ Владиміровичъ*, почетный членъ Императорской Академіи наукъ, попечитель Кіевскаго учебнаго округа—25 сентября 1888 г.

Владимірскій-Будановъ, *Михаилъ Флегонтовичъ*, проф. университета св. Владиміра—24 ноября 1891 г.; въ дѣйствительные же члены—10 декабря 1875 г.

Дашкевичъ, *Николай Павловичъ*, проф. университета св. Владиміра—13 декабря 1892 г.; въ дѣйствит. же члены—21 ноября 1874 г.

Иконниковъ, *Владиміръ Степановичъ*, членъ-учредитель, профессоръ университета св. Владиміра—18 марта 1890 г.

Лазаревскій, *Александръ Матѳеевичъ*—14 марта 1893 г.; въ дѣйствит. же члены избранъ въ 1880 г.

Лебединцевъ, о. *Петръ Гавриловичъ*, членъ—учредитель, каѳедральный протоіерей—9 марта 1886 г.

Лучицкій, *Иванъ Васильевичъ*, проф. университета св. Владиміра—14 марта 1894 г.; въ дѣйствител. же члены—16 ноября 1875 г.

Малышевскій, *Иванъ Игнатьевичъ*, членъ-учредитель, проф. Кіев. духовной академіи—9 октября 1883 г.

Фортинскій, *Ѳедоръ Яковлевичъ*, ректоръ и проф. университета св. Владиміра—30 апрѣля 1894 г.; въ дѣйствител. же члены—3 января 1873 г.

---

[1]) Онъ обнимаетъ весь личный составъ Общества по 1-е мая 1895 г.

б, Дѣйствительные

Андріевскій, *Алексѣй Александровичъ*—1 марта 1881 г.

Афанасьевъ, *Георгій Емельяновичъ*—30 апрѣля 1895 г.

Бубновъ, *Николай Михайловичъ*, проф. университета св. Владиміра—6 октября 1891 г.

Булгаковъ, *Аѳанасій Ивановичъ*, проф. Кіев. духовной академіи—3 апрѣля 1888 г.

Вѣлогрицъ-Котляревскій, *Леонидъ Серіѣевичъ*, проф. университета св. Владиміра—6 октября 1891 г.

Василенко, *Николай Прокофьевичъ*—24 ноября 1891 г.

Владиміровъ, *Петръ Владиміровичъ*, проф. университета св. Владиміра—30 октября 1888 г.

Газенвинкель, *Константинъ Борисовичъ*—30 апрѣля 1895 г.

Голубевъ, *Степанъ Тимоѳеевичъ*, проф. университета св. Владиміра и Кіев. духовной академіи—8 декабря 1874 г.

Голубовскій, *Петръ Васильевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—25 октября 1881 г.

Грекъ, *Алексѣй Николаевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—10 октября 1893 г.

Демченко, *Василій Григорьевичъ*, проф. университета св. Владиміра—29 января 1878 г.

Дмитріевскій, *Алексѣй Аѳанасьевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи—13 мая 1884 г.

Житецкій, *Павелъ Игнатьевичъ*—18 марта 1879 г.

Завитневичъ, *Владиміръ Зеноновичъ*, проф. Кіев. духовной академіи—27 января 1885 г.

Иващенко, *Петръ Семеновичъ*—3 ноября 1882 г.

Исаевъ, *Иванъ Петровичъ*—10 октября 1875 г.

Истоминъ, *Ѳедоръ Павловичъ*—26 января 1892 г.

Каманинъ, *Иванъ Михайловичъ*—25 октября 1881 г.

Кивлицкій, *Евгеній Александровичъ*—17 марта 1891 г.

Клячинъ, *Василій Петровичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—22 апрѣля 1890 г.

Кнауэръ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, проф. университета св. Владиміра—3 апрѣля 1888 г.

Кордтъ, *Веніаминъ Александровичъ*—6 ноября 1894 г.

Крыловскій, *Амвросій Семеновичъ*—25 ноября 1890 г.

Кулаковскій, *Юліанъ Андреевичъ*, профессоръ университета св. Владиміра—23 января 1883 г.

Лашкаревъ, *Петръ Александровичъ*, членъ-учредитель, проф. Кіев. духовной академіи и университета св. Владиміра.

Левицкій, *Орестъ Ивановичъ*,—29 января 1878 г.

Леопардовъ, *Николай Александровичъ*,—8 декабря 1891 г.

Личковъ, *Леонидъ Семеновичъ*,—31 января 1891 г.

Лясковронскій, *Василій Григорьевичъ*—10 ноября 1891 г.

Лясковронскій, *Владиміръ Григорьевичъ*—9 октября 1883 г.

Малининъ, *Василій Николаевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи—18 марта 1879 г.

Молчановскій, *Никандръ Васильевичъ*—22 апрѣля 1890 г.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ, *Александръ Алексѣевичъ*, помощ. попечителя Кіев. учебнаго округа—7 октября 1890 г.

Науменко, *Владиміръ Павловичъ*—12 ноября 1878 г.

Оболонскій, *Николай Александровичъ*, профессоръ университета св. Владиміра—14 марта 1893 г.

Павлуцкій, *Григорій Григорьевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—11 октября 1892 г.

Петръ, *Вячеславъ Ивановичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—23 мая 1893 г.

Пискорскій, *Владиміръ Константиновичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—11 ноября 1890 г.

Покровскій, *Ѳедоръ Яковлевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи—13 мая 1884 г.

Праховъ, *Адріанъ Викторовичъ*, профессоръ университета св. Владиміра—21 февраля 1888 г.

Розовъ, *Алексѣй Васильевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи—27 декабря 1872 г.

Романовичъ-Славатинскій, *Александръ Васильевичъ*, проф. университета св. Владиміра—27 января 1874 г.

Сикорскій, *Иванъ Алексѣевичъ*, проф. университета св. Владиміра—26 апрѣля 1887 г.

Синицкій, *Даніилъ Александровичъ*—27 февраля 1883 г.

Синицкій, *Леонтій Даниловичъ*—10 октября 1893 г.

Сонни, *Адольфъ Израилевичъ*, проф. университета св. Владиміра—29 января 1889 г.

Степовичъ, *Андроникъ Іоанникіевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—22 марта 1887 г.

Стороженко, *Андрей Владиміровичъ*—4 октября 1881 г.

Стороженко, *Николай Владиміровичъ*—22 марта 1887 г.

Трубецкой, князь, *Евгеній Николаевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—14 ноября 1893 г.

Флоринскій, *Тимоѳей Дмитріевичъ*, проф. университета св. Владиміра—14 марта 1882 г.

Черневъ, *Николай Павловичъ*—26 января 1892 г.

Шугуровъ, *Николай Васильевичъ*—28 ноября 1893 г.

Щербина, *Владиміръ Ивановичъ*—22 мая 1883 г.

Эгіазаровъ, *Соломонъ Адамовичъ*, проф. университета св. Владиміра—6 февраля 1894 г.

Ясинскій, *Антонъ Никитичъ*,—18 марта 1890 г.

Ясинскій, *Михаилъ Никитичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра—30 апрѣля 1889 г.

Ястребовъ, *Митрофанъ Филипповичъ*, проф. Кіев. духовной академіи—23 января 1883 г.

II. Иногородные члены

а, Почетные

Вестужевъ-Рюминъ, *Константинъ Николаевичъ*, ординарный академикъ—20 ноября 1888 г.; въ дѣйствител. же члены—29 января 1878 г. (Спб.).

Буличъ, *Николай Никитичъ*, проф. Казан. университета—27 марта 1894 г. (Казань).

Вунге, *Николай Христіановичъ*, предсѣдатель Комитета Министровъ—27 декабря 1872 г. (Спб.).

Бычковъ, *Аѳанасій Ѳедоровичъ*, ординарный академикъ, директоръ Императорской Публичной библіотеки—29 января 1878 г. (Спб.).

Веселовскій, *Александръ Николаевичъ*, ординарный академикъ и проф. С.Петербург. университета (Спб.).

Голубинскій, *Евгеній Евсигніевичъ*, проф. Москов. духовной академіи—9 октября 1883; въ дѣйствител. же члены—18 мая 1880 (Москва).

Деляновъ, графъ *Иванъ Давидовичъ*, министръ народнаго просвѣщенія—11 декабря 1898 г. (Спб.)

Забѣлинъ, *Иванъ Егоровичъ*, вице-президентъ Императорскаго историческаго музея—27 октября 1889 г. (Москва).

Знаменскій, *Петръ Васильевичъ*, проф. Казан. духовной академіи—14 декабря 1886 г. (Казань).

Ламанскій, *Владиміръ Ивановичъ*, проф. С.Петербург. университета—8 мая 1883 г. (Спб.).

Майковъ, *Леонидъ Николаевичъ*, вице-президентъ Император. Академіи наукъ—6 ноября 1894 г., въ дѣйствит. же члены—29 января 1870 г. (Спб.).

Павловъ, *Алексѣй Степановичъ*, проф. Москов. университета—23 мая 1893 г. (Москва).

Уварова, графиня, *Прасковья Сергѣевна*, предсѣдатель Император. Москов. археологич. общества—15 декабря 1889 г. (Москва).

Юргевичъ, *Владиславъ Норбертовичъ*, вице-президентъ Император. Одесскаго общества исторіи и древностей—26 ноября 1889 г. (Одесса).

б, Дѣйствительные

Анненскій, *Иннокентій Ѳедоровичъ*—24 ноября 1891 г. (Спб.).

Вагалѣй, *Дмитрій Ивановичъ*, проф. Харьков. университета—1 марта 1881 г. (Харьковъ).

Вевсмертный, *Евгеній Адріановичъ*—23 февраля 1893 г. (Немировъ).

Бережковъ, *Михаилъ Николаевичъ*, проф. Нѣжин. историко-филологич. института—29 апрѣля 1884 г. (Нѣжинъ).

Вершадскій, *Сергѣй Александровичъ*, проф. С.Петербург. университета—30 апрѣля 1889 г. (Спб.).

Брандтъ, *Романъ Ѳеодоровичъ*, проф. Москов. университета—1882 г. (Москва).

Будиловичъ, *Антонъ Семеновичъ*, ректоръ и проф. Юрьев. университета—8 января 1877 г. (Юрьевъ).

Вѣляшевскій, *Николай Ѳеодотовичъ* — 10 ноября 1891 г. (Варшава).

Василенко, *Викторъ Ивановичъ*—4 февраля 1890 г. (Полтава).

Горленко, *Василій Петровичъ*—29 января 1883 г. (Полтав. губ.).

Дверницкій, *Емельянъ Николаевичъ*—4 февраля 1890 г. (Владиміръ-Волынскъ).

Ефименко, *Петръ Саввичъ*—1880 г. (Харьковъ).

Ждановъ, *Иванъ Николаевичъ*, проф. С.Петербург. историко-филологич. института—25 февраля 1879 (Спб.).

Ивановъ, *Николай Ивановичъ*,—11 ноября 1890 г. (Ревель).

Ивановъ, *Павелъ Андреевичъ*—18 мая 1891 г. (Одесса).

Истоминъ, *Михаилъ Павловичъ*—12 ноября 1878 г. (Одесса).

Кочубинскій, *Александръ Александровичъ*, проф. Новорос. университета—8 января 1877 г. (Одесса).

Краснокольцевъ, *Николай Ѳомичъ*, проф. Новорос. университета—30 октября 1888 г. (Одесса).

Крачковскій, *Юліанъ Ѳомичъ*—22 марта 1892 г. (Вильна).

Кулишеръ, *Михаилъ Игнатьевичъ*—23 января 1883 г. (Спб.).

Лавровскій, *Николай Алексѣевичъ*, попечитель Юрьев. учебнаго округа—8 января 1877 г. (Юрьевъ).

Лилеевъ, *Михаилъ Ивановичъ*—18 марта 1879 г. (Нѣжинъ).

Линниченко, *Иванъ Андреевичъ*, приватъ-доцентъ Москов. университета—4 октября 1881 г. (Москва).

Люба-Радзиминскій, *Сигизмундъ Владиміровичъ*—9 декабря 1879 г. (Волын. губ.).

Любовичъ, *Николай Николаевичъ*, проф. Варшав. университета—9 декабря 1879 г. (Варшава).

Мазараки, *Сергѣй Аркадьевичъ*—27 апрѣля 1886 г. (Полтав. губ.).

Маркевичъ, *Алексѣй Ивановичъ*, проф. Новорос. университета—9 февраля 1892 г. (Одесса).

Мищенко, *Ѳедоръ Герасимовичъ*, проф. Казан. университета—22 ноября 1874 г. (Казань).

Модестовъ, *Василій Ивановичъ*, проф. Новорос. университета—3 января 1873 г. (Спб.).

Мякотинъ, *Венедиктъ Александровичъ*—11 ноября 1890 г. (Спб.).

Николайчикъ, *Ѳедоръ Даниловичъ*—27 января 1884 г. (Ромны).

Оглоблинъ, *Николай Николаевичъ*—9 марта 1886 г. (Москва).

Падалка, *Левъ Васильевичъ*—30 апрѣля 1895 г. (Полтава).

Петровскій, *Мемнонъ Петровичъ*, проф. Казан. университета—29 января 1878 г. (Казань).

Петрушевскій, *Дмитрій Моисеевичъ*—22 апрѣля 1890 г. (Москва).

Помяловскій, *Иванъ Васильевичъ*, проф. С.Петербург. университета—9 мая 1892 г. (Спб.).

Пономаревъ, *Степанъ Ивановичъ*,—1 марта 1881 г. (Конотопъ).

Савваитовъ, *Павелъ Ивановичъ*,—17 сентября 1878 г. (Спб.).

Соболевскій, *Алексѣй Ивановичъ*, проф. С.Петербург. университета—23 января 1883 г. (Спб.).

Соколовъ, *Матвѣй Ивановичъ*, проф. Москов. университета—25 апрѣля 1882 г. (Москва).

Спрогисъ, *Иванъ Яковлевичъ*—22 марта 1892 г. (Вильна).

Теличенко, *Иванъ Васильевичъ*—30 апрѣля 1889 г. (Харьковъ).

Трегубовъ, *Елисѣй Кипріановичъ*—25 апрѣля 1882 г. (Керчь).

Турцевичъ, *Иванъ Григорьевичъ*, проф. Нѣжин. историко-филологич. института—11 ноября 1890 г. (Нѣжинъ).

Хрущовъ, *Иванъ Петровичъ*, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, членъ-учредитель (Спб.).

Яблоновскій, *Александръ Петровичъ*—23 февраля 1892 г. (Варшава).

III. Члены, находящіеся за границей

а, Почетные

Петрушевичъ, о. *Антоній*, каноникъ церкви св. Юрія во Львовѣ—1 марта 1881 г. (Львовъ).

Ягичъ, *Игнатій Викентьевичъ*, академикъ, проф. Вѣнскаго университета—20 ноября 1888 г. (Вѣна).

б, Дѣйствительные

Грушевскій, *Михаилъ Сергѣевичъ*, проф. Львов. университета—19 мая 1891 г. (Львовъ).

Де-Вай, *Жозефъ*, баронъ—30 апрѣля 1895 г. (Парижъ).

Прохаска, *Антоній Антоніевичъ*, проф. Львов. университета—12 декабря 1882 г. (Львовъ).

Ровинскій, *Павелъ Аполлоновичъ*—21 октября 1890 г. (Цетинье).

Успенскій, *Ѳедоръ Ивановичъ*, проф. Новорос. университета, директоръ археологич. института въ Константинополѣ—1880 г. (Константинополь).

Должностныя лица

Предсѣдатель Общества Нестора—*Владиміръ Степановичъ Иконниковъ* (съ 10 октября 1893 г.).

Товарищъ предсѣдателя—*Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій* (со времени учрежденія Общества; вновь избранъ 12 декабря 1892 г.).

Казначей—*Ѳедоръ Яковлевичъ Фортинскій* (съ 10 декабря 1889 г.; вновь избранъ 13 декабря 1892 г.).

Секретарь—*Петръ Владиміровичъ Владиміровъ* (съ 10 октября 1893 г.).

Библіотекарь и помощникъ секретаря—*Иванъ Михайловичъ Каманинъ* (съ 12 апрѣля 1890 г.; вновь избранъ 10 октября 1893 г.).

Члены Совѣта

Владиміръ Бонифатіевичъ Антоновичъ (членъ-учредитель).

Михаилъ Флегонтовичъ Владимірскій-Будановъ (съ 27 марта 1894 г.).

Николай Павловичъ Дашкевичъ (съ 27 марта 1894 г.).

Владиміръ Зенонович Завитневичъ (съ 27 марта 1894 г.).

Александръ Матѳеевичъ Лазаревскій (съ 27 марта 1894 г.).

Петръ Александровичъ Лашкаревъ (членъ-учредитель).

О. Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ (членъ-учредитель).

Иванъ Васильевичъ Лучицкій (съ 27 марта 1894 г.).

Владиміръ Павловичъ Науменко (съ 27 марта 1894 г.).

Князь *Евгеній Николаевичъ Трубецкой* (съ 27 марта 1894 г.).

Тимоѳей Дмитріевичъ Флоринскій (съ 27 марта 1894 г.).

Редакціонный комитетъ

Комитетъ по изданію «Чтеній въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца» состоитъ изъ предсѣдателя, его товарища, казначея, секретаря и трехъ членовъ совѣта: *В. Б. Антоновича* (съ 1 октября 1889 г.) *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* (съ 17 октября 1893 г.) и *Н. П. Дашкевича* (съ 3 марта 1894 г.).

Правила дѣйствій Редакціоннаго комитета Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

§ 1. Редакціонному комитету принадлежитъ главное завѣдываніе изданіемъ «Чтеній» Общества, а также и остальною издательскою дѣятельностію Общества, согласно § 27 и др. Устава Общества.

§ 2. Сообщенія, изслѣдованія и матеріалы, предложенные къ помѣщенію въ «Чтеніяхъ» и другихъ изданіяхъ Общества, должны быть предварительно изложены либо въ полномъ видѣ, либо въ сокращеніи въ засѣданіяхъ Общества.

§ 3. Редакціонный комитетъ занимается разсмотрѣніемъ трудовъ и матеріаловъ, предложенныхъ Обществу для напечатанія, и дѣлаетъ постановленіе о напечатаніи таковыхъ, представляя ихъ затѣмъ на утвержденіе Совѣта Общества (§§ 26 и 27 Устава Общества). Къ вѣдѣнію Редакціоннаго комитета относятся также хозяйственные расходы по изданію «Чтеній» и другихъ трудовъ Общества, согласно смѣтѣ, утверждаемой Совѣтомъ Общества.

§ 4. «Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца» имѣютъ быть періодически правильнымъ ежегоднымъ изданіемъ въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ одна должна выходить къ 15-му апрѣля, а другая—къ 15-му октября. Каждая книга должна заключать въ себѣ не свыше 15-ти печатныхъ листовъ. Если въ какомъ-либо году окажется невозможнымъ выпустить въ свѣтъ 2 книги «Чтеній», то взамѣнъ ихъ имѣетъ быть издана одна книга въ объемѣ приблизительно до 30 печатныхъ листовъ.

§ 5. Каждая книга »Чтеній» должна состоять изъ трехъ отдѣловъ: *а*) протоколовъ засѣданій Общества и важнѣйшихъ постановленій Совѣта, при чемъ въ одной изъ 2-хъ книгъ «Чтеній» помѣщается

годовой отчетъ, списокъ членовъ и должностныхъ лицъ Общества; *б*) сообщеній и изслѣдованій и *в*) матеріаловъ историческихъ и историко-литературныхъ; послѣ этого отдѣла въ одной изъ 2-хъ книгъ «Чтеній» помѣщается указатель именъ историческихъ и географическихъ. Отдѣлъ матеріаловъ размѣромъ своимъ не долженъ превышать, ни въ какомъ случаѣ, половины каждой книги. Сверхъ перечисленныхъ отдѣловъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, можетъ быть вводимъ въ книги «Чтеній» и отдѣлъ критико-библіографическій, состоящій изъ сообщеній о наиболѣе важныхъ книгахъ и изданіяхъ, относящихся къ наукамъ, разрабатываемымъ Обществомъ и изъ краткихъ библіографическихъ замѣтокъ.

§ 6. Помѣщаемыя въ «Чтеніяхъ» и въ другихъ изданіяхъ Общества статьи должны быть оригинальныя (не переводныя). Послѣднее распространяется на всѣ отдѣлы «Чтеній».

§ 7. Редакціонному комитету принадлежитъ выборъ и, въ случаѣ надобности, сокращеніе статей, при помѣщеніи ихъ въ «Чтеніяхъ».

§ 8. При выборѣ статей для «Чтеній» предпочтеніе отдается изслѣдованіямъ и матеріаламъ, непосредственно относящимся къ русской исторіи (въ частности, къ исторіи южно-русской), къ исторіи русской литературы и народной словесности. Но могутъ быть помѣщаемы и статьи по исторіи прочихъ славянъ, а равно по другимъ отраслямъ исторической науки, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

§ 9. Рукописи, выбранныя Редакціоннымъ комитетомъ для напечатанія въ изданіяхъ Общества, поступаютъ непосредственно къ секретарю Общества, какъ редактору «Чтеній», для приготовленія ихъ къ печати. Рукописи, представленныя авторами для напечатанія въ изданіяхъ Общества, должны быть переписаны, по возможности, разборчиво и безъ помарокъ. Редакторъ имѣетъ право дѣлать примѣчанія и нѣкоторыя стилистическія поправки, если найдетъ то необходимымъ.

§ 10. Рукописи, разъ сданныя въ Редакціонный комитетъ и поступившія въ типографскій наборъ, автору для поправокъ не возвращаются. Если сдѣланный наборъ уничтожается по желанію автора или представившаго матеріалъ, то авторъ статьи или сообщившій матеріалъ обязанъ возвратить издержки.

§ 11. Помощникъ секретаря прочитываетъ по оригиналамъ первыя корректуры изданій Общества; однако, не можетъ производить поправокъ въ оригиналахъ и въ рукописныхъ спискахъ.

§ 12. Сношеніе съ типографіями, въ которыхъ происходитъ печатаніе изданій Общества, производится преимущественно чрезъ помощника секретаря, какъ завѣдующаго чтеніемъ первыхъ корректуръ (согласно § 34 Устава Общества).

§ 13. «Чтенія» имѣютъ быть печатаемы въ количествѣ 400 экземпляровъ, а отдѣльные оттиски могутъ быть выдаваемы авторамъ статей и издателямъ матеріаловъ въ количествѣ 50 экземпляровъ; желающіе получить большее количество оттисковъ оплачиваютъ за остальные (сверхъ 50 экземпляровъ) изъ причитающагося имъ гонорара за статьи. До выхода книги «Чтеній» авторамъ статей, въ ней помѣщенныхъ, можно выдавать отдѣльныхъ оттисковъ ихъ статей не болѣе пяти экземпляровъ.

§ 14. За изслѣдованія, помѣщенныя въ «Чтеніяхъ», полагается гонораръ ихъ авторамъ до 20 руб. за печатный листъ; за критико-библіографическія сообщенія—до 15 руб. за печатный листъ; за библіографическія замѣтки до 10 руб. за печатный листъ; за матеріалы же возвращаются сообщившему ихъ издержки полученія ихъ, переписки и корректуры, всего не свыше 10 руб. за печатный листъ. За отдѣльные документы, извлеченные изъ Центральнаго архива при Университетѣ св. Владиміра, возвращаются лишь расходы по перепискѣ. Гонораръ имѣетъ быть выдаваемъ по выходѣ книги.

§ 15. Редактору «Чтеній»—секретарю Общества либо помощнику его, завѣдующему составленіемъ протоколовъ къ печати и чтеніемъ первыхъ корректуръ всѣхъ отдѣловъ «Чтеній», назначается по три рубля отъ печатнаго листа, но не болѣе пятидесяти рублей за полугодовую книжку и ста рублей—за годовую, послѣ выхода ея въ свѣтъ.

§ 16. Цѣну каждой книги «Чтеній» и другихъ изданій Общества въ розничной продажѣ опредѣляетъ Редакціонный комитетъ; книгопродавцамъ, при покупкѣ на наличныя деньги, дѣлается скидка въ размѣрѣ не болѣе 25%.

§ 17. Редакціонный комитетъ, по выходѣ книги «Чтеній», либо другого изданія Общества, составляетъ списокъ учрежденій и лицъ, которымъ книга имѣетъ быть выдана или выслана безплатно, или въ

обмѣнъ на ихъ труды, о каковомъ доводитъ до свѣдѣнія Совѣта. Право на безплатное полученіе изданій Общества имѣютъ лишь тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества, которые своевременно внесутъ членскій взносъ за текущій годъ. Не исполнившіе этого лишаются права на полученіе изданій Общества, вышедшихъ въ томъ году, въ теченіе котораго не былъ уплоченъ взносъ. Вновь избираемые члены—почетные и дѣйствительные (представившіе членскій взносъ)—получаютъ лишь тѣ изданія Общества, которыя выходятъ въ свѣтъ, начиная съ года избранія этихъ членовъ. Члены-корреспонденты получаютъ безплатно тѣ выпуски изданій Общества, въ которыхъ будутъ помѣщены сообщенія этихъ членовъ-корреспондентовъ

§ 18. Библіотекарь Общества завѣдуетъ храненіемъ и выдачей «Чтеній» членамъ Общества, а также—продажей «Чтеній» и другихъ изданій Общества и разсылкой ихъ лицамъ и учрежденіямъ по списку, составленному Редакціоннымъ комитетомъ.

§ 19. Въ случаяхъ, неоговоренныхъ въ этихъ правилахъ и требующихъ разрѣшенія, Редакціонный комитетъ обращается къ Совѣту Общества.

Настоящія правила разсмотрѣны и утверждены Совѣтомъ Общества въ засѣданіи 14 мая 1894 года.

Правила библіотеки Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

1) Книги и рукописи, поступающія въ Общество, записываются въ протоколы очередныхъ засѣданій и принимаются затѣмъ библіотекаремъ.

2) Принятыя библіотекаремъ книги и рукописи записываются имъ прежде всего въ матеріальную книгу, а затѣмъ въ каталогъ библіотеки.

3) Матеріальная книга библіотеки должна быть прошнурована и скрѣплена печатью Общества, подписями предсѣдателя и секретаря (на основаніи § 36 Устава Общества).

4) Каталогъ библіотеки ведется подвижной: названія книгъ и рукописей записываются на отдѣльныхъ картахъ, которыя размѣщаются въ алфавитномъ порядкѣ.

5) Рукописямъ библіотеки составляется и отдѣльная, болѣе или менѣе подробная, опись, причемъ отдѣльные документы (на листахъ) хранятся въ особыхъ оберткахъ.

6) Рукописями Общества дозволяется пользоваться въ помѣщеніи библіотеки, а выдача рукописей на домъ производится лишь съ разрѣшенія Совѣта Общества

7) Выдача книгъ производится ежедневно въ дни и часы, назначенные Совѣтомъ Общества, причемъ книги, только что полученныя и незаписанныя еще въ матеріальную книгу, не выдаются.

8) Количество книгъ, выдаваемыхъ членамъ Общества на домъ не должно превышать *шести* названій. Въ полученіи ихъ члены Общества расписываются въ особой, заведенной на этотъ предметъ, книгѣ. Книга выдается на *одинъ* мѣсяцъ; но срокъ возвращенія мо-

жетъ быть и продолженъ, если на книгу нѣтъ требованій отъ другихъ членовъ Общества.

9) Возвращаемыя книги и рукописи должны быть сдаваемы библіотекарю въ надлежащемъ порядкѣ и цѣлости, на основаніи § 37 Устава.

10) Въ случаѣ утраты книгъ или невозвращенія ихъ членами Общества, послѣ письменныхъ повѣстокъ библіотекаря, послѣдній доводитъ о таковыхъ до свѣдѣнія Совѣта Общества.

11) Расходъ по библіотекѣ Общества (какъ то: пріобрѣтеніе шкаповъ, полокъ, канцелярскихъ принадлежностей, бланковъ, переплетъ книгъ, и проч.) дѣлается съ разрѣшенія предсѣдателя Общества на сумму до 50 рублей.

12) Переплетаются книги лишь болѣе дорогія или чаще требуемыя членами Общества. При выдачѣ переплетенной книги (о чемъ дѣлается замѣтка въ записи) требуется возвратить ее безъ порчи переплета.

13) На основаніи § 35 Устава Общества библіотекарь хранитъ книги и рукописи, ведетъ матеріальную книгу, каталоги и описи, выдаетъ членамъ книги и наблюдаетъ за ихъ возвращеніемъ, ведетъ переписку по пріобрѣтенію и полученію книгъ, завѣдуетъ храненіемъ и продажей изданій Общества.

14) Выдача членамъ Общества и продажа изданій его производится библіотекаремъ въ библіотекѣ, въ очередныхъ засѣданіяхъ Общества, съ записью въ книгу или подъ росписку на разсыльномъ бланкѣ. Отправляемыя по почтѣ книги или записываются въ разносную книгу или оправдываются росписками почтовой конторы.

Настоящія правила разсмотрѣны и утверждены Совѣтомъ Общества въ засѣданіи 14 мая 1894 г.

О виньеткѣ на обложкѣ «Чтеній».

На основаніи постановленій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца, отъ 4 февраля 1895 г., и Редакціоннаго комитета, отъ 4 марта того же года, мной составлена виньетка на обложкѣ «Чтеній», описаніе которой и слѣдуетъ далѣе.

Матеріаломъ для составленія виньетки на обложкѣ «Чтеній» послужили древле-русскія миніатюры, или раскрашенные рисунки въ рукописяхъ, относящіеся къ XI—XIII вв. Нѣсколько такихъ миніатюръ дошло до насъ въ извѣстномъ *Изборникѣ Святослава* 1073 года. Онѣ состоятъ изъ заставокъ и отдѣльныхъ иллюстрацій, окруженныхъ рамками, которыя воспроизводятъ видъ церкви. Рамки заполнены орнаментами, въ сочиненіи которыхъ проявляется стиль, совершенно независимый отъ византизма, и преобладаетъ подборъ украшеній, отчасти, можетъ быть, заимствованныхъ съ вышивокъ тканей. Здѣсь мы видимъ кресты, шахматные узоры, ромбы, концентрическіе круги, соединенные касательными, и тому подобныя линейныя и геометрическія начертанія, сохраняющія большую аналогію при сопоставленіи съ узорами древне-русскихъ тканей [1]). Въ орнаментаціи миніатюръ, кромѣ того, замѣчается стремленіе воспроизводить растительныя формы, въ особенности форму цвѣтка. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на особенно любимый орнаментъ нашихъ миніатюръ: это—изображенія разныхъ птицъ и звѣрей. Изображенія эти, не связанныя между собою никакою мыслью, имѣютъ исключительно декоративное значеніе. Приписывать имъ символическій смыслъ—невозможно; искусство любило и тогда природу безъ всякихъ

[1]) См. образчики тканей, найденныхъ во Владимірской губ., у Погодина: «Древняя русская исторія до Монгольскаго ига». Т III. Атласъ, листы 165 и 166.

символическихъ отношеній. Птицы, не смотря на ихъ геральдическое положеніе, обусловленное архитектонными требованіями, живы и выразительны. Къ наиболѣе удачнымъ, выхваченнымъ изъ природы, мотивамъ принадлежатъ павлины, позы и движенія которыхъ свѣжи и наивно-естественны.

Орнаментъ нашей рамки, состоящій изъ сходящихся между собою стеблей, съ пальметой внутри, есть одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ *Изборникѣ*. Начало его, безъ сомнѣнія, нужно искать въ классическомъ искусствѣ [1]); однако, по простотѣ и угловатости своей формы, онъ значительно отличается отъ развитаго и вычурнаго рисунка подобнаго же орнамента, принятаго византійскими художниками [2]). Нашъ орнаментъ повторяется на фрагментахъ древнихъ тканей, найденныхъ во Владимірской губерніи, и въ украшеніи вѣнца на шлемѣ вел. кн. Ярослава Всеволодовича, гдѣ этотъ орнаментъ соединяется съ изображеніями орловъ, соколовъ, крылатыхъ звѣрей и листьевъ [3]).

Шлемъ князя Ярослава Всеволодовича, отца кн. Александра Невскаго, найденъ въ 1808 г. въ лѣсу, на мѣстѣ сраженія, въ которомъ участвовалъ Ярославъ Всеволодовичъ, подъ Липицами, въ 1215 г., близъ Юрьева Владимірской губерніи. На передней части тульи, надъ лбомъ, вычеканенъ на позолоченомъ серебряномъ листкѣ гербъ г. Кіева (Ярославъ Всеволодовичъ былъ великимъ княземъ кіевскимъ и владимірскимъ въ 1238—1247 гг., т. е., во время разоренія Россіи Батыемъ), представляющій изображеніе св. архистратига Михаила, вокругъ котораго вырѣзаны слѣдующія слова: «великыи архистратиже гн. (господень) Михаиле, помози рабу свуему (sic!) Ѳеодору» (Ярославъ Всеволодовичъ во св. крещеніи нареченъ Ѳеодоромъ); въ верхней части тульи вокругъ шлема расположены изображенія Спасителя и святыхъ.

Что касается вооруженія, представленнаго вверху нашей виньетки, по обѣимъ сторонамъ шлема князя Ярослава Всеволодовича, то оно состоитъ изъ древняго топора [4]) и стяга по образу тѣхъ, которые

---

[1]) Извѣстно, какъ часто встрѣчается на греческихъ вазахъ въ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ сочетаніяхъ такъ называемая *палмета*. См. рис. у Lau, Die griechischen Vasen, ihr Formen u. Decorationssystem. Leipzig. 1877.

[2]) Рисунки византійскаго орнамента собраны у А. А. Павловскаго: «Живопись Палатинской капеллы въ Палермо». Спб. 1890. Стр. 166.

[3]) Погодинъ, о. l., Атласъ, листъ 169.

[4]) См. «Вторая археологич. экскурсія въ Припетское Полѣсье», В. З Завитневича, въ VI кн. «Чтен. въ Истор. Общ. Нестора лѣт.», стр. 55 и таблицы.

воспроизведены на рисункахъ къ Болгарской войнѣ Святослава [1]) и въ Сильвестровомъ спискѣ «Сказаній о св. Борисѣ и Глѣбѣ».

«Несторъ-лѣтописецъ» г. Антокольскаго, введенный мною въ композицію виньетки [2]), напоминая о первомъ русскомъ историкѣ, въ то же время, такъ сказать, дополняетъ миніатюры нашихъ рукописей и составляетъ вмѣстѣ нѣчто цѣлое. Есть сосредоточенность, вдохновеніе и энтузіазмъ въ этой скромной фигурѣ одного изъ тѣхъ благочестивыхъ тружениковъ, которые, не считая ни часовъ, ни дней, ни лѣтъ, спокойно, долгіе годы работая въ своихъ келіяхъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ собирали факты для своихъ «повѣстій временьныхъ лѣтъ» или воспроизводили рукописныя книги и украшали поля ихъ искусными миніатюрами и заставками съ тѣмъ, чтобы, записавъ «еще одно послѣднее сказанье» и тѣмъ «исполнивъ долгъ, завѣщанный отъ Бога», положить «трость книжника скорописца» и такъ же спокойно умереть... Г. Антокольскій, придававшій значеніе типу, костюму и обстановкѣ, старательно изучилъ памятники русской старины. Можно лишь пожалѣть о томъ, что въ обстановку, окружающую лѣтописца, вкралась примѣсь западной археологіи (пюпитръ). Во всякомъ случаѣ, произведеніе Антокольскаго интересно въ томъ отношеніи, что оно не чуждо исторіи и придерживается колорита времени.

Буквы въ заглавіи книги: «Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца», выбраны изъ заглавныхъ буквъ Юрьевскаго Евангелія, относящагося ко времени около 1120 г. [3]).

Г. Павлуцкій.

---

[1]) Погодинъ. о. l., Атласъ, Л. 31.

[2]) Рисунокъ заимствованъ изъ «Словаря русскихъ художниковъ» Н. Н. Собко. Спб 1893 Т. I, вып. 1.

[3]) Въ дополненіе къ описанію замѣчательнаго драгоцѣннаго шлема около 1215 г, выбраннаго для виньетки, приведемъ выдержку изъ Ипатьевской лѣтописи подъ 1151 г. о шлемѣ в. кн. Изяслава: «Яко же снидошася полци, и коньници и пѣшии, Изяславъ же лежаше раненъ, и тако въсхопися и ту хотѣша и кияне пѣшци убити, мняще ратного, не знаюче его .. и единъ отъ нихъ выиза мечъ свой и нача и сѣчи по шелому, *бьюже на шеломѣ надъ челомъ написанъ святый мученикъ Пантелеимонъ златъ*, и удари и мечемъ, и тако вшибеся шеломъ до лба; Изяславъ же рече: «азъ Изяславъ есмь, князь вашъ», и сня съ себе шеломъ, и позна и»

(Примѣчаніе редактора).

Отдѣлъ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-западно-русскаго письма XVI—XVII вв.

Памятники южно- и западно-русскаго письма XVI—XVII вѣковъ довольно многочисленны; но значительное большинство ихъ—списки церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ, житій и твореній святыхъ отцовъ съ болѣе или менѣе слабою мѣстною окраскою языка. Понятно, они имѣютъ мало цѣнности и для историка литературы, и для историка языка. Иное дѣло тѣ памятники, которые представляютъ собою или переводъ церковно-славянскихъ текстовъ на западно-русское нарѣчіе, или оригинальныя сочиненія на томъ же языкѣ. Ихъ значеніе для науки не подлежитъ сомнѣнію: но наука большею ихъ частью или совсѣмъ, или почти совсѣмъ не пользуется. Въ виду этого, мы позволяемъ себѣ настоящими замѣтками напомнить гг. ученымъ о восьми изъ нихъ.

I.

Псалтырь Москов. Румянцев. Музея № 335. XVI в.

In 4°, 205 листовъ, полуустав. Описана А. Х. Востоковымъ, съ приведеніемъ выдержекъ и приписокъ. Изъ послѣднихъ одна содержитъ въ себѣ годъ: 1595. Слѣдовательно, рукопись написана до этого года.

Востоковъ назвалъ Псалтырь польско-русскою. Но она не заслуживаетъ этого названія. Передъ нами переводъ Псалтыри на западно-рус-

скій языкъ, имѣющій значительное количество разнаго рода церковнославянизмовъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ (т. е. чехизмовъ), между прочимъ формъ аориста (иногда, какъ у Скорины, съ значеніемъ имперфекта: изгорбатихся, ходихъ и др.), а вмѣстѣ съ тѣмъ не отличающійся особымъ обиліемъ несомнѣнныхъ полонизмовъ (но: *ямъ* нынѣ родилъ тя, *кгдымъ* ся молилъ, и т. п.), сдѣланный, кажется, не съ церковно-славянскаго оригинала (впрочемъ, не безъ вліянія послѣдняго).

Особенности языка Псалтыри: частое *е* вмѣсто *ъ*, нерѣдкое *а* вмѣсто неударяемаго *о* и наоборотъ: на д*а*розе, здр*а*вья, д*о*леко, кор*а*нє и т. п.; *є* вмѣсто не ударяемаго *я*, *а*: ворочєть, хотєчи, мыслєть, 3-е л. мн: загл*є*дають, пенєзей; *о* вмѣсто *є*: вж*о*, ядъ ужовный, ч*о*му, ухвачонъ, уменш*о*ны; *ы* въ дрыжати, дрыжаньемь (=трепетомъ), брыви (=брови), лиѳа (=лихва), поѳатили (=похватили), ф*о*робы; формы кн. ч.: всихъ, всимъ, всими; 3 лица ед. ч.: загын*є*, буд*є*, пророкуе, ся пышни, распол*и* (=распалитъ), наруг*а*ся (=наругается), замык*а*, выслав*я* (=выславляетъ); 3 лица множ. ч: узр*я*; повелит. накл.: розорвѣмы, терпѣте.

Малорусизмовъ несомнѣнныхъ нѣтъ.

Передъ каждымъ псалмомъ краткое изложеніе содержанія его, напоминающее изложенія евангельскихъ чтеній въ Пересопницкомъ Евангеліи.

Передъ первымъ псалмомъ:

Пѣснь первшая о І҃сѣ Панѣ нашемъ же молъ добру раду и науку люду дава҃и ово҃ тежъ великимъ чинить.

Передъ вторымъ:

Пѣ҃ни второе Давидъ пророкуе яко людъ жидовъскій Иродъ царь и Пилатъ мели ся зобрата в судъ противь Господу І҃су и яко ихъ за то Богъ Отець молъ скарать; тежъ оповеда ижъ І҃съ есть верный Сынъ Божій.

Сравни изложенія псалмовъ въ Толковой Псалтыри 1609 года, описанной нами ниже.

Ѵлш҃. л҃. к то҃ пи҃ю пророкоу҃є іако лю҃ жидо҃скіи ми҃ зле мыслиҭ проти҃ г҃оу иегѡ. іако тѣ҃ наоука сло҃ его. мила сѧ расшириҭ по свѣтѣ. и іако къ свѣтлости то є҃ оу хр҃тѣ шгледае҃ сѣтую тр҃цю єсли сѧ пыхи каска҃ть оудѧ҃.

Рекъ к собѣ законопрестоупни҃ аѳы згрешати. нетъ страҳ бжіего пред҃ шчима его. іако сѹлъсти пред҃ ни҃ жѳы знати беззаконіе свое

возненавидети. слова оустъ его безакониє и лесть. не хотел розумети абы похвалил. злость оумыслил на ложи своєм. пристал всякои дорозе недоброи. и ѡ злости не хетел (sic) в'зградит. гси на нбси єсть млсть твоя и справедливость твоя. до ѡболоков правда твоя яко горы бжїа. соуды твоя без'на многа. люд и скоты збавиш ты гси. бо оумножит єси млсрдьє твое бже. снве людскиє на кровлю крыл твоих надѣются. и оупиются ѿ объфитости дому твоєго. бо великою быстростю роскоши твоея напоиш их. яко то ѿ тебѣ походит студница живота и в свѣтлости твоеи ѡбачим свѣтъ. предолжь млрсдьє твоє вѣдаючим тя. и правду твою тым которыє соут праваго срдца. нехаи не прїидеть ко мнѣ нога пышнаго. роука грешных да не порушит мене. в том бо поли (sic) вси чинячиє злост. и выпоужени соут и не возмогуть пов'стати.

Ѵлѡм. нв. в котором дв'ъ нарекает иж злыє люди так смѣле грешат яко бы бга не было. и як ся вси показили. а иж таковыє боудут скарани с тыми которыє им належат. а им ся хотят спокобати. теж пророкує як велика боудет радость добрым коли до хвалы нбсное боудут провожоны.

Рекъ безумныи во срдцу своємъ. нетъ бга. сказилися и мер'зоными (sic) стали в' початках своих. нѣтъ хто бы чинил добре. гсь с нба приникъ на сны людскиє. хотячи видети єсли єс которыи бы разумел або искал бга. али вси склонилися и непотребны были. нѣтъ хто бы чинил добре. нѣтъ аж до єдиного. або не разумеют вси которыє чинят злость. и которыє пожирают люд мои оу хлѣба мѣсто. гса жь не взывали. и там оубоялися боязни где не было боязни. иж бгъ россыпал кости тым которыє людем оугожают. и завъстыдалися яко бгъ ѡкинул их. кто дасть ѿ сиѡна освобоженьє изрлсво. коли наверне гсь с полону людеи своих. зара'уєтся їаковъ. и боуде ся веселити изрсль.

Вотъ 54-й псаломъ:

Бже во имя твоє быва мя. и в моци твоєи соуди ми. бже выслухаи млтвы моєє. и прїими оув ухо твои (sic) слова оустъ моих. бо чюжиє пов'стали напротив мнѣ. и сьємъ моцаров взыскалися дши

моемъ. не положили бга пред̾ собою. але што бгъ помогаетъ мнѣ. и г̾ь заступ̾ца души моей. наверни злам непріятелем моимъ. и справедливостью твоею розпорошь ихъ. а по воли пожр̾ тобѣ. и выхвалати имѧ имѧ твое бо добро и̾ш што всякое печали выбаведи̾ мѧ ест. и на непр̾ятели мои возгляне̾ть око мое.

Вотъ еще нѣсколько извлеченій изъ первыхъ двухъ псалмовъ:

. . . . и бѫдет̾ яко дерево саженое бедле во̾ текущи̾х̾. . .

Невинне се та̾ прикро. разгнѣвали поганіи. и те̾ люди жидовскіе. прож̾ни речи починали. пов̾стали цр̄и зе̾мстіи и кн̄зи сѣбралисѧ зара̾ против̾ко г̾у х̾у его. розорвѣмы тое и̾х̾ каза̾е и ѡ̾ки̾мо ѡ̄ себе ярмо и̾х̾. .

. . . . бѫде̾ же на̾ ними справова̾ с пр̾вто̾ желѣзны̾. и л̾ гор̾нецъ глиняны злама̾ е̾ и̾х̾. про то нын̄ вы цр̄и томъ разумите и в̾читесѧ вси сѫдячие земли...

. . . . к̾гды сѧ его гнѣ̾ распали. а то бѫде врыхлѣ. блг̾ени вси надѣючисѧ на него.

II.

Псалтырь Москов. Румянцев. Музея № 1017, второй полов. XVII в.

In 8°, 165 листовъ, мелкая небрежная скоропись, безъ начала и конца, съ вырванными и перебитыми листами. Первые и послѣдніе изъ сохранившихся листовъ болѣе или менѣе попорчены. Изъ заглавія, сдѣланнаго передъ текстомъ позднѣйшею рукою, видно, что эта рукопись въ 1785 году находилась въ библіотекѣ Андреяна Чепы. Поступила въ музей отъ А. В. Богдановича [1]).

Передъ нами переводъ на западно-русскій языкъ, совершенно отличный отъ предъидущаго и не находящійся съ нимъ ни въ какой связи. Церковно-славянизмы въ текстѣ его рѣдки (но: *Господь*, *уповати* и т. п.); полонизмы—въ гораздо большомъ количествѣ, чѣмъ въ предъидущей Псалтыри. Подобно послѣдней, эта Псалтырь переведена не съ цер-

1) Объ этой рукописи см. въ „Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1867—1869 гг.", стр. 47.

ковно-славянскаго языка, а, вѣроятно, съ чешскаго [1]) или польскаго: (не безъ нѣкотораго вліянія церковно-славянскаго текста) переводъ сдѣланъ раньше XVII вѣка.

Языкъ представляетъ мало бросающагося въ глаза: есть *е* вмѣсто *ѣ* (неособенно часто); *е* вмѣсто *я*: терпе́чого, мовечи, паме́ть, звлаще́; *о* вмѣсто *е*: унижо́ный, чо́го, чо́му, терпечо́го.

Малоруссизмовъ несомнѣнныхъ нѣтъ.

Передъ каждымъ псалмомъ краткое изложеніе содержанія его, кажется, то же, что въ латинской Вульгатѣ, во всякомъ случаѣ отличное отъ изложенія въ предъидущей Псалтыри.

Вотъ изложенія псалмовъ 38-го и 39-го.

Давидъ, передъ Авесаломомъ утекаючи, и злорѣченства терпячи отъ Семея, не мыслилъ о помстѣ, але молился Богови и розмышлялъ, иж человѣкъ е^{ст} пелѓримомъ на свѣте, и все е^{ст} порожность, и отмѣну стану своего. И просилъ абы шаленци з него се не тѣшили. Знаки карания божего. Молится абы могль мѣти покой передъ смертю.

В томъ псалмѣ л̑д̑. Давидъ хвали^{т} Господа за выбавене которое взялъ отъ него. Указуе^{т} тежъ пожитокъ з боязни божои. Тое и до Христа подобно есть пророцтво. Потомъ выличае^{т} нещасте свое и проси^{т} абы былъ отъ непріятелей своихъ (sic).

Выписываемъ тотъ же 35-й псаломъ, который выписали изъ предъидущей Псалтыри.

Ѵалъ̑ л̑е. дв̑дъ проро̑ качачи зло^{ст} непріятеле́ свои̑ до себе и зрадѵ, іако тежъ быкаетъ и нимъ в^{т}рны ѿ незкожны̑, то шповѣдае̑.

Рекъ нєспрабе́дливы̑ абы гр^{т}шн̑ са̑ к собѣ. иж не маш̑ кога^{т}ни бо́жои пере̑ очима его. зрадливе̑ чини̑ пере̑ шблично^{ст}ю его аж до шмѣзенія. слова ѵстъ его фалшь и зрада не хо^{т}тъ розѵмѣти абы добре чини̑. розмышляе̑ непрако^{ст} на ложѵ свое́, а стои̑ на все' дорозѣ недобро' и не бои́ться зло^{ст}ю. ѡ г^{с}ди на небе́се̑ милосе^{р}дие твое, а правда твоя аж до оболокѡ^{в}. справедливо^{ст} твоя е^{ст} іако гори бо́жие а сѵды твои іако пропа́сти великие, такъ люди іако и зве́рята захо́вуе̑

1) Чехизми есть.

г҃ди. ѡ б҃же ꙗ҆к же еси розмножи милосе҃дие твое, с҃нве лю҃ские надѣю маю по҆ заслоно҃ крилъ твои҃. бꙋдꙋ напоени ѿ (?) го'ности домꙋ твоего, а з реки роскоши твоеи напоишъ ихъ. бо ꙋ тебе жро҃ло живота, а в свѣтлости твое' ѡгледае҃ свѣтло҃ст. продолжи милосе҃дие твое ты҃ которие сꙋ҃ правого се҃ца. стережи жъ абы дале' пышныи не приступали до мене, и рꙋка злосниковъ неха' мене не спихае҃ з мѣ҃ца моего. та҃ ꙋпали вси которие чинили зло҃ти, ижъ зопхнени не могꙋт повста҃ти.

Вотъ еще отрывки изъ 36-го псалма.

Ne [1]) ревнуй злымъ апи завидуй тымъ которие злости чинят, бо якъ трава скоро зосхнут и якъ зелье красы своеи прудко отпадут. Але уповай на Господа....

Кохайся в Господу а дает тобѣ чого пожадает серце твое. Спусти на Господа твою дорогу и уповай на него.

Не обрушайся противко тому, которому ся счастит в' его справахъ и противъ тому которий чинит обридливости. Перестань отъ гнѣву а опусти запалчивость...

А покорныи будутъ дѣдичити землю и уроскошатся в великомъ покою.

Добыли злосники меча и натягнули лукъ свой на упадокъ убогого и недостаточного, иже бы помордовали тыхъ, которие сут правого серца. Але меч ихъ нехай войдет в серца ихъ, а лукъ ихъ се з'ломит.

Бо рамена злосниковъ поламена будут але справедливых Господь подпомогаетъ. Вѣдает Господь всихъ невинныхъ а дѣдицтво ихъ зостанет на вѣки. Не постыдятся часу нещастя, и часу голоду будут насычоны. Але злосници погинут, и неприятели Господни скоро учщени и вывышени и прудко знищают, и вниве҃ ся з дымомъ обернут.

Вотъ начало 41-го псалма:

Яко олень прагнет до жроделъ водъ, так прагнет душа моя до тебе, Боже. прагнет душа моя до Бога моцного живого. Коли прийду и окажуся передъ обличемъ Божимъ. Слезы мои были мнѣ мѣсто хлѣба в день и в ночи, коли ми мовено на каждый день и где҃ есть Богъ твой; приводилъ то есми собѣ на паметь отко҃ ся росплывала во мнѣ душа моя, же прийду на мѣсце дому дивного, ажъ до дому Божего з веселымъ голосомъ и хвалою зо всѣмъ згромаженемъ веселячихся такъ мовечи: чому

[1]) Буквы N и Z—нерѣдко латинскія.

еси такъ смутна душа моя и чому мене трвожишъ; уповай на Бога, бо еще его хвалити буду, и ему буду дяковати за выбавене передъ лицемъ его. . . .

Вотъ еще начало 96-го псалма.

Господь царствуетъ нехай же ся радуетъ земля, нехай ся веселя^{т} многие выспы. Оболоки и мъгла около него, справедливость и судъ естъ ґрунтомъ столици его. Огонь его упереди^{т}, и запали^{т} около него неприятели его. Освѣтили блискавици округъ земный, видѣла и порушилася земля. Гори яко воскъ сплинули отъ обличности Господнои, отъ обличности Господнеи вся земля. Оповѣдали небеса справедливость его, и видѣли вси люди хвалу его. Нехай буду^{т} поганбени вси которие выражаю^{т} честь а хвалу и кланяются балваномъ, которие хлюбя^{т} в божкахъ своихъ...

III.

Толковая Псалтырь С.-Петерб. Духов. Акад. А. I—136. R,1609 г. [1])

In folio, 214 листовъ, полууставъ, безъ начала. На послѣднемъ листѣ запись:

Всѣмъ же повсѫду православнымь христіаномъ, господіемь и братіи и дрѫжинѣ, раболѣп'но метаніе до лица зем'наго умилено сътваряю, отъ усръдіа же души прилеж'но молю, аще приключит'ся нѣкое погрѣшеніе, прощайте, сами же сподобльшеся отъ богатодав'ца бол'шихь дарованій духовныхъ исправляйте, вѣдуще, яко господинь винограда сего пріемлеть послѣдняго яко и перваго и отъ єдиного на десяте часа дѣлав'шего, яко и тяготу в'седнев'наго вара понес'шаго.

Сѫщіа же богопріатныя и душеправител'ныя книги вет'хаго и новаго завѣта, зовемыя ѱал'тырь з выкладомъ, написашася мною многогрѣшнымъ Мартыномъ при цръкви богохранимой заложеніомъ Пресвятыя Животворящей и Нераздѣлимыя Троицѣ, въ градѣ Нѣжен'ковичехъ, в лѣто отъ създаніа мира ҂зрѕі҃, а отъ въплъщеніа же Господа Бога и Спаса нашего І҃ѵ Христа ҂а҃х҃д҃, мѣсяца февраля з҃ день, преподобнаго отца нашего Вѫкула.

---

[1]) Объ ней смотри въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1890 года, № 5—6. (Приложеніе). Здѣсь приведены запись и приписки съ сохраненіемъ сокращеній.

Послѣ записи находятся двѣ приписки, обѣ писанныя скорописью, чернила полиняли. Первая, вкладная, слѣдующая:

Сия книга ѱалтиръ толковая власна е̑ церкви святого отца Николы во градѣ Корничохъ. Справилъ ей отецъ Петръ . . . . . церкви той за отпущеніе грѣховъ. А отъ святого отца Николы же. . . не отдалилъ з того села Корничъ. Кляти, прокляти, анафема. Року божьего ҂ѕѱѕ-го... отъ созданія мира, а отъ рождества Христова ҂а҃х҃д҃., мѣсяца марта дня к҃г҃. на благовѣщеніе Владычици и Богородици нашеи.

Другая приписка, польская, лишена значенія.

Рукопись была отобрана у раскольниковъ и поступила въ библіотеку Академіи въ 1889 году.

Листъ 1: „Чинъ како подобаєть пѣти псал'тырь“.

Листъ 2 слѣд.: „Другое предсловіе предъ каждымъ псал'момъ выкладанымъ. Ту зрозумѣешь, о чомъ будешь псаломъ читати. В кож'домъ псал'мѣ ся дочитаеши, што потребуеши, яко и науки мудрои“.

Здѣсь вкратцѣ излагается содержаніе псалмовъ, каждаго отдѣльно, такимъ образомъ:

а҃. В томъ ѱал'мѣ є̑ ѡ і҃сѣ г҃дѣ нашемъ. иже мѣль доброую радоу, и наоукоу людемъ дабати и швощь великый чинити

в҃. В томъ ѱал'мѣ дѣдь пр҃коує. іако люд жидов'скын и іродь ц҃рь и пилатъ мѣли ся зобрати, и притягати, противько гоу і҃сѣ хоу. а яко ихъ за то бѣ шщѣ скарати мѣль. и тыжь шповѣдае иже і҃с, єсть в҃кр'ныи сн҃ бж҃ии.

Эти изложенія—тѣ же, что въ Псалтыри Румянцевскаго Музея № 335, выше описанной.

Съ 18 листа слѣдуютъ псалмы въ ихъ обычномъ порядкѣ, на церковно-славянскомъ языкѣ, и толкованія на нихъ, на обычномъ въ XVI—XVII вв. западно-русскомъ языкѣ. Текстъ псалмовъ написанъ чернилами, а толкованій—киноварью.

Вотъ начало:

Б҃лжень моужь, иже не идеть на совѣть нечестивыхъ. и на пѣти грѣш'ныхъ не ста. и на сѣдалищи гн҃ите не сѣде. Выразоумлѣніе тыхъ словъ: Г҃ь нашь милый і҃у хс҃. тотъ моужь бл҃жены не шдыншоль в радоу злостивыхъ с нили зле чинити. ако вѣмь шнь ешитко добрѣ створо-

риль. не сѣдаль ты҃ на стол'ци заражéнымь зле наоучаючи абовѣмь его наоука была правдиваѧ.

Нѫ въ законѣ г҃ни колѧ его и въ законѣ его пооучит'сѧ д҃нь и нощь. Ѡто двѣ рѣчи залежа҃ на справедливаго. Єдна, и҃ бы колю плъниль и законь б҃жїи. дрѫгаѧ иж' бы в немь в'ставичне розмышлѧль.

Языкъ толкованій имѣетъ кое-какіе церковно-славянизмы: прі его наро*жд*енію, Господь на крестѣ вися*щ*и и т. п., рядомъ съ малоруссизмами (рѣдкими): об*и*цялъ (=пол. obiecał), презъ казан*я* Христово, з' мертвыхъ в'стані*я* и хвалу вѣчную, вѣчнымъ потупѣн*я*мь, *що* (рядомъ съ *што*).

Еще можно отмѣтить: о судн*ы*мъ дни, зов*е*, мож*е*, офѣру*е* и т. п. формы третьяго лица безъ *ть*.

IV.

Сборникъ Москов. Синодал. Библіотеки № 937, второй половины XVI в.

In 8⁰, 174 листа, полууставъ. Описанъ у Горскаго и Невоструева. На переднемъ чистомъ листѣ (непомѣченномъ): „kniga diacona Nikifora Jaroslawca'. На другомъ чистомъ листѣ: „справщика іереа Нікифора Сѵмеонова". На первыхъ писанныхъ листахъ, на нижнемъ полѣ: „сиа книга Ивана Петрова сына Макидіна Меншòво а куплена въ Литвѣ в столице в Вилни в монастырѣ Пресвятаго и Животворящаго Духа Сошествія какъ былъ с послы великими".

Листъ 1 слѣд.: статья о лунномъ теченіи. Начало: „Вѣдай, читателю, о лунномъ теченіи, первое: ижь круговъ девєтнадцять естъ, а другое: ижь каждій кругъ трваетъ через' рокъ, третее: ижь в року мѣсяцей дванадцять естъ"... Конецъ.

„Наука и указъ

До лунного теченія, абы знати которого року который кругъ лунѣ будетъ: року бж. отъ рожества Христова ҂аф҃чѕ зі҃ кругъ, року бж. ҂аф҃чз ні҃ кругъ, року бж. ҂аф҃чи ді҃ кругъ, року бж. аф҃чд а҃ кругъ лунѣ, року божего ҂ах҃ в҃ кругъ, и тако всегда по чину даже до ді҃ круга числится и паки воз'вращается на первый, даже во вся вѣкы вѣкомъ, аминь."

Текстъ на обычномъ въ XVI—XVII вв. западно-русскомъ языкѣ, съ примѣсью церковно-славянскаго элемента.

Листъ 12 об. слѣд.: нѣсколько молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Первая озаглавлена: „Молитва а̑ з' греческого на словенский истиною преложена“; вторая: „Молитва святаго Антиоха“.

Листъ 19 слѣд.:

Сказа́нїе.

Когда латы́на оуни́чижи́ша. іаже в нїкі́и на пе́рвом" вселе́н'ском" собо́рѣ. оу̑тано́бле́ноую с̑тоую па́схоу. и воспри́ма ѿ па́пы григо́рїа трі́на'цатого прочі́воу ней, нево́змышле́нным кано́нѣ, по не"же хотя́ще сѣмѝ. и шна́мо скыта́ются. Во лѣ̑то бо, ҂а̑фпѳ. пре'рече"ны Григо́рїи. съ свои́ми соумдрѣ́ными асѣтре́номи, кано́нѣ иже в нїкі́и оучине"номоу проті́вным изложи́. емѹ́же послѣ́довати своимѣ повелѣ̑ нижѐ. Во лѣ̑то бо ѿ созда́нїа мірѣоу, ҂зр̑ѕ, а ѿ еже по плѡ́ти рожества гā бā и спса на́шего нс̄ їс̄а. ҂а̑фчї. па́сха пре́ди правосла́вны. пят'ма седми́цами припада́е. Во лѣ̑то же ѿ воплоще́нїа хр̄ова. ҂а̑фч̑д. преди се̑мицею. Во лѣ̑то же ҂а̑х. вокоупѣ̑ со правосла́вными. Во лѣ̑то же, ҂а̑ха. вокоупѣ̑. Во лѣ̑то же, ҂а̑хѳ. се̑ми́цею пре́ди; и т. д.

Послѣдній годъ—҂а̑хк̑д. Статья оригинальная и до сихъ поръ, кажется, оставшаяся неизвѣстною.

Листъ 20 об. и слѣд.: „Початокъ вопросомъ о смыслу разума“, сборникъ вопросовъ и отвѣтовъ, извѣстныхъ по большей части изъ другихъ списковъ. Начало:

„Хто пръвый нарече Бога на земли ис початку свѣта? Сътона, коли из'връженъ съ неба; той нарече Бога на земли.

Какъ предъ Адамомъ Сътона скинюнъ с неба? Четыр'ма днема предъ Адамовымъ сътвореніемъ.

Што ся разумѣетъ высота небесная а широта земная и глубина морская? Высота небесная—Отецъ, а широта земная—Сынъ, а морская глубина—Духъ Святый то естъ.

Где Богъ пребывалъ, коли еще не было свѣта? Коморъ три небесныхъ было, а тамъ Господъ Богъ пребывалъ, в тыхъ коморахъ агнъцемъ, то естъ судаᵖ (?). Тыи сутъ три комори—разумѣются Святои Троици имя: Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, пребываетъ во единствѣ. А то естъ мудрость, смыслъ и разумъ. Такъ естъ одинъ Богъ: Отецъ пре-

бываетъ во Сынѣ, а Сынъ во Отцѣ, а межи ними Духъ Святый пребываетъ; то естъ Святая Троица.

Отъ чего сутъ аггелы сотворены? Аггелы сутъ сотворены отъ огня а отъ свѣта а отъ Духа Божиего.

Отъ чего солнце сотворено естъ? Отъ телеснои ризы Господнѣ.

Отъ чего луна сотворена естъ? Отъ духа и аера престола Божіего. Небо сотворилъ словомъ, а землю сотворилъ помышленіемъ однымъ, небо змѣривъ пядию, море розливъ горстию, а землю подножиемъ ногама своими, а з моря кро' и воду.

Клъко на свѣтѣ острововъ всѣхъ? о҃ и г҃, а в каждомъ островѣ по о҃ и по три языкы розмаитыми.

. . . . . .

Кому напръвѣй Богъ послалъ на землю грамоту с небеса (sic)? Сифу, сыну Адамову.

А што писано в ней? Десять словъ Божіихъ, а тыи слова писано: сконѣ бѣ Слово, Слово было отъ Бога и Богъ быстъ Слово"...

Эти извлеченія даютъ достаточное понятіе объ языкѣ статьи и его составныхъ элементахъ. Отмѣтимъ еще: п*у*шло (=пошло), зв*у*нъ (звонъ), д*у*стался, тр*ы* крест*и* нашли што разбоіникы висѣл*ѣ*, рѣки у море ут*и*каютъ, (море) н*ѣ*кого в собѣ не задръжитъ, каждую речь исъ себе выкинетъ, восп*и*валъ (=пѣвалъ), китъ ход*ѣ*тъ у мор*ѣ*, дай премудру в*ы*ну, премудр*ы*й будетъ, люд*е* бѣгутъ, которого звѣря́т*я* не было, глупому споръ имѣти неподобн*у* (?).

Листъ 30 сл.: „Молитвы до Господа нашего Иі҃ Христа".

Начало:

За молитовъ святыхъ отець нашихъ Господи Иі҃ Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь.

За молитовъ святыхъ отець нашихъ. Ту просимо Иі҃ Христа Бога нашего, абы за причиною и молитвою святыхъ змиловался надъ нами. А иже святыхъ собѣ на помочъ взываемо, тымъ Богу чести не уимуемо, кгдыж ихъ до него о причину, а его о змилованье просимо. А иже святыи молятся, пишетъ Иоанъ в покалипсисѣ: „кгдиж отворилъ пятую печать, видѣлъ есмы подъ олтаремъ души побітыхъ за слово Божіе и за свѣдоцтво, которые мѣли; и кричали голосомъ веліимъ, мовячи: поки, Владыко Святый, не судіш и не м'стишъ крови нашеи надъ живучими на

земли". Одно каждой изъ нихъ — шати бѣлие. И зась повітъ: „и вышолъ дымъ кадилный ко молитвамъ святыхъ отъ руки апостоловы предъ Бога". Тутъ ся явне оказуетъ, иж молятся святыи усобніи"...

Изъ приведеннаго отрывка видно, что передъ нами молитва съ толкованіемъ ея на западно-русскомъ языкѣ, полемическаго, противу-протестантскаго характера.

Листъ 31 об. слѣд.: „Изложеніе о православной вѣрѣ кроткимъ (=краткимъ) пытаніемъ и отповѣданіемъ для латвѣйшого выразумленя христіянскимъ дѣтемъ".

Это произведеніе имѣетъ форму разговора „страннаго" и православнаго. „Странный питаетъ (=пытаетъ) зловѣрный, а правдивый благовѣрный отповѣдаетъ о Святой Троицы".

Начало:

Что еси ты? По приложенію человѣкъ, а з ласки Божеи сынъ его естемъ.—Якимъ же способомъ естесь ти сыномъ Божіимъ? Поможе окрестихся баною пакыбітейскою, то естъ ижемъ ся отродилъ отъ воды и отъ Духа и причастилемся тѣла и крове Христовы.—Что есть крещеніе?....

Небольшое сочиненіе на западно-русскомъ языкѣ (съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ) противъ католическаго ученія объ исхожденіи Св. Духа.

Листъ 39 слѣд.: такъ называемое Ѳеодоритово слово. Начало:

О знаменіи крестномъ.

Замыкаетъ в собѣ крестъ Христовъ всю таемніцу благовѣрия нашого, учитъ вызнавати Святую Троицу и зъ неба единородного Сына Божія на землю снітие и распятіе Его и вознесеніе. Зложеніе великого пал'ца з' двома малыми значитъ Святую Троицу. А склоненіе того, што прі великомъ, до средняго значитъ двѣ прироженіи и істінності во Христѣ. Положеніе правои рукы на чело значит'.....

Статья нерѣдкая въ рукописяхъ, одно изъ основаній раскольническаго ученія о двуперстіи, но кажется, по недоразумѣнію. Въ ней описывается то сложеніе пальцевъ для крестнаго знаменія, которое лишь немногимъ отличается отъ такъ называемаго именословнаго сложенія для благословенія и которое можно видѣть на одномъ изъ рисунковъ въ Цар-

ственной книгѣ. На этомъ рисункѣ, составленномъ въ XVI вѣкѣ, [1]) дьяконъ, читающій на амвонѣ эктенію передъ Іоанномъ Грознымъ и митрополитомъ Макаріемъ, имѣетъ пальцы сложенные именно такъ, какъ учитъ Ѳеодоритово слово.

Листъ 40 об. и слѣд.: „Вопросы Ѳеодорита Кура града о недовѣдомыхъ".

Начало: „Что есть еже по образу и по подобію"....

Вопросы и отвѣты; языкъ церковно-славянскій.

Листъ 44 слѣд.: Отрывки изъ вопросо-отвѣтовъ Анастасія Синайскаго, изъ слова св. Іоанна Дамаскина о иконахъ и другихъ свято-отеческихъ сочиненій; языкъ церковно-славянскій.

Листъ 86 об. слѣд.: „Прѣніе православнымъ с римляны о происхожденіи Святаго Духа". Начало: „Исповѣданіе писана (?) папы римскаго како и что вѣруютъ и держатъ непреложно той самый папа и прочіи всѣ, иже исповѣдани(?) принесоша отвѣтніци написано, нарицаемыи ефременуріи".. .

Листъ 88 слѣд.: „Отвѣщаніе святаго вселенскаго патриярха киръ Германа и священого собора его к посланнымъ отъ папы римскаго ерменуремъ и прочіимъ иже с німи Латиномъ"....

Двѣ статьи, составляющія одно цѣлое, противъ католическаго ученія объ исхожденіи Св. Духа. Текстъ тотъ-же, что въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ, февраль.

Листъ 131 об. слѣд.: Мѣсяця Мая въ к̄к̄ день в прелозѣ сказаніе о сродствѣ блаженаго Мелхиседека". Начало: „Подобно есть перше отчествѡ и родъ блаженаго отца Мелхиседека сказати".

Языкъ церковно-славянскій съ южно-русскими особенностями: иже стлнъ замыслы здати, по раздѣленіи.

Листъ 133 слѣд.: „Въ той же день слово Аѳанасіа архіепископа Александрійскаго о Мелхиседецѣ".

Извѣстный текстъ; языкъ церковно-славянскій.

Листъ 138 об. слѣд.: изъ Златоструя 5-ое слово. Начало: „Время есть уже омытися, о душе". Языкъ церковно-славянскій.

---

[1]) Изданъ Ѳ. И. Буслаевымъ въ его „Историческихъ Очеркахъ"....

Листъ 142 слѣд.: „О превѣчнемъ бытьи Христовѣ и о божествѣ и о воплощеныи“.

Начало:

Много бо кротъ и различными виды милостивый Сотворитель нашь насъ ку собѣ навращаючи научаетъ, яко же прежде, пророкы; мы же, непщующе таковое ласки своего Пана приятого (?), но многоразличныя и странна повчения превратихомся...

. . . . . .

Того дѣля устали ереси и пророцѣ лживые в людехъ, внесли ереси погибели, глаголюще развращеннаа, тварию Владыку повѣдающе, божества Его откидаючи, и Святого во Троицѣ отмѣтающеся, и Духъ хуляще, и еже не подобаетъ, веляще творити“....

Полемическое сочиненіе противъ антитринитаріевъ (упоминаются, *л.* 166 об., „лютри“), на смѣси церковно-славянскаго и западно-русскаго языковъ. Отмѣтимъ: *евагелиста* глаголетъ, *чюдѣтеся* (повел. н.), *тоёе* офѣры (род.), *же* быхмо могли.

Листъ 161 об. слѣд.: „О предвѣчности Сына Божего, сопротівъ розныхъ ересій жидовскихъ и еретическыхъ“. Начало: „Яко же рече Исаия пророкъ“....

Длинный рядъ выписокъ изъ ветхо-завѣтныхъ книгъ, въ подлинномъ церковно-славянскомъ текстѣ. Безъ конца.

V.

Сборникъ Москов. Румянцев. Музея № 2616, второй половины XVI в.

In 8, 156 листовъ, полуустав. Безъ начала и безъ конца. Послѣдняя страница полустерлась. Поступилъ въ Музей изъ библіотеки Дурова [1]).

Листъ 1 слѣд.: указатель мѣстъ Священнаго Писанія, а иногда твореній св. отцовъ, имѣющихъ значеніе въ борьбѣ православныхъ съ католиками и протестантами. Первыя строки:

---

[1]) Объ этой рукописи см. въ „Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1879—1882 гг.“, стр. 13.

кънѝгѣ, а. глава з. зѧ рлѕ.
Захарїѧ, глава. и.
мѧ́дѣи, глава. д. зѧ м.
мѧ́дѣи, глава, д. зѧ. з.

Указатель время отъ времени прерывается киноварными строками, говорящими, къ какому именно вопросу относятся указанныя мѣста, въ родѣ слѣдующихъ:

пость одного дня.
приклады постѫ трехъ дней.
приклады постѫ трехъ недель.
приклады постѫ м дней.
прикладъ постѫ четверочислена на цалий рокъ.
рейстръ о опрѣсноцѣхъ, гадка з римляны.
рейстръ о лживыхъ пророкахъ и учителехъ.
рейстръ о памяти умершихъ.
рейстръ ал'бо фѣкгура з закону старого о седми сборахъ.
рейстръ о чести учителей, іереовъ божіихъ.

Кое-гдѣ, среди обычнаго западно-русскаго языка XVI вѣка,—малорусизмы: о опрѣсноцѣхъ, нѣжли, нѣмаютъ быти, Товыя, Матѳѣей.

Листъ 15 слѣд.: „Отъ вопросовъ Аѳанасія святого, въпросъ дї". Сначала приводится церковно-славянскій текстъ вопроса и отвѣта, потомъ его западно-русскій переводъ, неособенно точный. Первые вопросъ и отвѣтъ въ переводѣ таковы.

Пыта́ніе:

Гдѣ тѣды любити хочемо, и быти маю пе'рше к'зълты дш҃ѣ людскые.

Отпокъ. Тюже єс҃т страшливое пыта́ніе и ѿ людей скрытое. Якобѣмъ не допѫстилъ бы. Стало́ пріити к нѣ́комѫ который бы шоубѣлъ где або гд҃ єс҃т который ѿ' на одышолъ дш҃ѣ. а кша́ же научаемо с' писма. нжь грѣшны дш҃ѣ к тем'ности ни всей землѣ по всю землю и мор҃е сѫ҃т гд҃ покѣдаї ѱаломъ. к темности и тѣню смр҃тна'ному и в' шзерѣ шстанемъ яко є написа́но въ нюкѣ. в' землю темную и покрытую мра́комъ смр҃ти к землю темности вѣчное. гдѣ тр҃но ви́дѣти анѣ свѣтлости анѣ жико́та лю҃ского. А спрак҃тливы дш҃ѣ по хр҃е пристю гд҃ ѿ разбойника который на крыжу высѣлъ научаемся нжь в раи гл҃. не далъ єдной совѣмъ дш҃ѣ сѫ҃тое

ра҃бойника х҃с б҃ъ намь рай ѡтвориль. але длѧ всѣ҃ с҃ты д҃шь которіе вѣрѫю҃ оу него.

Языкъ перевода почти свободенъ отъ церковно-славянизмовъ (даже *царство* замѣняется черезъ *кролевство*); онъ имѣетъ малоруссизмы: нѣкгды, до годыни обѣдовои, з еднои ѿчизни, питаніе, обикнеши, на з мертвыхъ встаня, на услугованя (и: на з мертвыхъ встан'е), из насѣнямь и з зепсованямь, *що* (и *што*). Можно также отмѣтить: персоны и фарбы и примiоты, робота спалона (сожжена) будеть, спалоно будеть, згорити (3 л. ед.).

Полонизмы въ обиліи: сконть (zkąd), вон'пити, презъ аггелы и др.

Листъ 29 слѣд.: „Стихи избранныя отъ философовъ и богослововъ". Рядъ изреченій спачала въ церковно-славянскомъ текстѣ („словенское"), потомъ въ западно-русскомъ переводѣ („толкъ"). Начало:

Слове҃ское. Въ всѣ҃ дѣле҃ твои҃ поминай послѣ҃нѣѧ твоѧ и не съгрѣшиши. Зав'жы на почакѫ к справѣ смотри ко҃ца. и та҃ сѧ не ѡмилишь.

Изреченія взяты по большей части изъ Пчелы. Переводъ ихъ— довольно свободный и не всегда вѣрный, безъ церковно-славянизмовъ; напримѣръ, церк.-слав.: „не друзи стяжанія, но друзи стязанія", передано черезъ: „не пѣнязѣ пріятелѣ, але пріятелѣ пѣнязѣ", или церков.-славян.: „вѣнци натрижненія"—черезъ: коруны и поцтивости".

Малоруссизмы: пристуйно, сѣм (семь), исти (ѣсть), выпитаешь, розмови (род.), з глупимь, болый (=болій) милосердя, весéля, роскошное житя́ (им.-вин.), надъ створенямь, *що* (при *што*).

Полонизмы въ обиліи: огень. злото, згрѣшилемь (1 л. ед.) и др.

Еще можно отмѣтить: а *будучи* намь добрыми, абысмо не поворочали до злыхъ справъ (древній дат. самостоят.), *чем'* же триваешь в' зараженю (=что пребываеши), отъ жродла чужои роскоши не насоложайся (=наслаждайся).

Листъ 46 слѣд.: „Василія Великаго отъ главизнъ евангельскыхъ" Нѣчто въ родѣ изреченій, сначала по-церковно-славянски, потомъ въ западно-русскомъ переводѣ. Надъ нѣкоторыми изреченіями надписи: „Златоустый" или „Іоанъ Златоустый", „Григорій Нискый", „Климентъ папа римьскый", „Димокритъ", „Епиктитъ", „Сократъ" и т. п. (изъ Пчелы).

Особенности языка тѣ же, что въ предъидущихъ статьяхъ. Можно отмѣтить: боятися и дрижати повинни есмо, боится и дрижи', повную (=полную), которыи мене фалять выфалю (=прославлю), приволокати (=привлекать), нагорода (=награда), поломень.

Листъ 83 слѣд.: „О естествѣ и житіи пташномь и о нравѣ человѣческомь и о звѣрномь". Такъ называемый Физіологъ, церковно-славянскій текстъ. Изданъ г. Карнѣевымъ.

Листъ 94 слѣд.: „Лекціи словенскіе Златоустого, отъ бесѣдъ евангельскыхъ отъ *іерея Наливайка* выбраніе". Опять изреченія въ церковно-славянскомъ текстѣ и западно-русскомъ переводѣ, изъ Свящ. Писанія, твореній св. отцовъ и (кажется) Пчелы, иногда съ указаніемъ автора: „царь Давидъ", „Іоанъ Златоустый", „Питагоръ", „Фокилида". Особенности языка тѣ же, что и раньше („Господь" переводится черезъ „Панъ").

Листъ 105 слѣд.: „Стихи выбранные словен'скые отъ главизнь безъ тлъкованія". Опять изреченія, въ одномъ церковно-славянскомъ текстѣ, изъ Свящ. Писанія, съ ссылками на главы свящ. книгъ.

Листъ 109 об.: „Сказаніе образа на сошествіе Св. Духа, що сѣдя' человѣкь въ мѣстѣ темномь а на немь одѣяніе чрьвоно и коруна царская на главѣ его и в рукахъ его обрусъ прешитый в' свитокъ или листокъ. Выкладъ того". Начало: „Человѣкь называется весь миръ".....

Листъ 110 об.: „Святого Іоана Хризостома казаніе о святомь Іосифѣ". Начало: „Жаклерѣ которыи-то и о широкомь морю жаклюю'". Западно-русскій текстъ, по языку такой-же, какъ и раньше. Можно отмѣтить: у кривии (въ крови), збуръ (соборъ), рувная, абыхми ся розниловавши животъ ихъ наслѣдовали, косны единь з другымь пенкне зложоны в *чуприну*.

Листъ 123 об. слѣд. Рядъ изреченій изъ Священаго Писанія (съ указаніемъ на главы), твореній св. отцовъ (главнымъ образомъ Василія Великаго) и (кажется) Пчелы, безъ общаго заглавія, въ церковно-славянскомъ текстѣ и западно-русскомъ переводѣ. Начало: „О вѣрѣ, Василей Великый: Богословія тайна"....

Повидимому, значительная часть текстовъ описаннаго нами Сборника собрана тѣмъ-же іереемъ Наливайкомъ, который собралъ „Лекціи словенскіе". Переводъ могъ быть сдѣланъ другимъ лицомъ.

VI.

Сборникъ Москов. Румянцев. Музея № 159, конца XVI вѣка.

In 4°, 281 листъ, полуустав. Описанъ вкратцѣ А. Х. Востоковымъ.

Передъ нами прежде всего рядъ житій: пророка Даніила и трехъ отроковъ, праведнаго Іова, пророка Иліи, 40 мучениковъ, Алексія человѣка Божьяго, семи отроковъ въ Ефесѣ и другихъ (перечислены Востоковымъ). Они всѣ на западно-русскомъ языкѣ кое-гдѣ съ малорусизмами.

Отмѣтимъ нѣсколько особенностей: гл*е*дячи, гл*е*дети, гл*е*дела, в*е*л*а*, на п*а**е*сти и т. п., ж*о*н*а*, на ж*о*н*у*, до ж*о*н*ы*, ос*у*ж*о*ны, мясо св*е*ж*о*е, пч*о*л*а*, хути наш*о*и, кр*ы*вавилися, по м*а*тыку (лопату), родичи *еи* (=*ея*, род.), опр*и*снокъ, до манастыр*а* и т. п., муки т*о*е*и* (род.), з друг*о*е стороны, в дозрению сво*и*мъ, по речон*ы*мъ часе, мних*у* (зват.), вс*и*хъ, подь, будьмо (повел.) и т. п.

Русскій словарный матеріалъ отличается разнообразіемъ; мы находимъ въ немъ рядомъ слова обычныя въ западно-русскомъ дѣловомъ языкѣ: бѣлая голова (=женщина) и т. п., и слова вульгарныя: застарелый в злыхъ днѣхъ, цесаръ, видя молодость ихъ нешто ихъ ужалился, а самъ троха отъѣхалъ, хиба бы не то нѣсто было Ефесъ, швыряли хто чимъ, бегучи перекупкомъ хлѣбы и пироги попрокідалъ.

Полонизмы въ изобиліи.

Церковно-славянизмы очень рѣдки: вр*а*на (род.), д*щ*ерей (род. мн.), в пе*щ*ерѣ (рядомъ: в печерѣ), глупы*я* суть сынове израилскіе, вси суть брат*ия* рожены*я*, домы такі*я*, вси которы*я* *ея* знали, вже ведено *ея* на смерть (но: *кроль*, вмѣсто царь; *шатанскій* вмѣсто *сатанинскій*).

Въ орѳографіи можно отмѣтить особую букву ґ для передачи латинскаго и польскаго g.

Переводчикъ иногда пользовался латинскимъ текстомъ житій. Только изъ него онъ могъ взять: в Бытыніе, назвалъ ея Марынусомъ (житіе св. Марины), геретыкъ именемъ Фушкаріусъ (житіе св. Симеона Юродиваго).

За рядомъ житій слѣдуетъ одинъ рядъ словъ на большіе праздники, или „наукъ“ — патріарха Каллиста (семь), св. Андрея Критскаго (одно) и Іоанна Златоустаго (одно), также на западно-русскомъ языкѣ, и другой рядъ словъ на церковно-славянскомъ языкѣ.

VII.

Сборникъ Москов. Румянцев. Музея № 373, XVII вѣка.

In 8°, 272 листа, полуустав. Безъ начала и конца. Принадлежалъ священнику Павлу Петровичу Гамалѣѣ. Пріобрѣтенъ графомъ Румянцевымъ въ Гомелѣ (см. оборотъ послѣдняго листа). Описанъ вкратцѣ Востоковымъ.

Листъ 2 слѣд.: „Выкладъ молитвы которои научилъ Господь Іс Христос учениковъ своихъ". Толкованіе „Отче нашъ" на западно-русскомъ языкѣ, съ нѣкоторой примѣсью церковно-славянскаго элемента.

Листъ 8 слѣд.: „Объясненіе изложенія Никейскаго и Константинопольского символу двунадесяти артыкуловъ вѣры христіянское". Толкованіе символа вѣри на томъ же языкѣ.

Листъ 16 слѣд.: „Вызнаніе вѣры святого Аѳанасія архіепископа Александріи". Начало: „Кто кол'век' хощетъ спасенъ быти:" На томъ же языкѣ.

Листъ 19 слѣд.: „Святого Генадія Патріархи Константинопольского о вѣрѣ еже убо православную вѣру имѣти основаніе добрыхъ дѣлъ естъ". Языкъ церковно-славянскій.

Листъ 35 об. слѣд.: „Отъ житія святого Пахомія", и другія мелкія статьи и выписки изъ твореній святыхъ отцовъ, на церковно-славянскомъ языкѣ.

Между прочими „Слово Исаіи пророка о послѣднихъ временахъ" (апокрифическое).

Листъ 148 об. слѣд.: житіе св. Климента Анкирскаго. Начало: „Анкирія мѣсто знаменитое естъ в' Галатскимъ повѣтѣ". На западно-русскомъ языкѣ.

Листъ 165 об. слѣд.: житіе преп. Іоанна Колибника. Начало:„ Былъ въ Цариградѣ еденъ человѣкъ зацный". На томъ-же языкѣ.

Листъ 179 слѣд.: повѣсть о Павлѣ Простомъ. Начало: „Павелъ святый былъ пред' тымъ человѣкомъ простымъ". На томъ-же языкѣ.

Листъ 190 слѣд.: „Похвала о послушаніи". Начало: „Слушне и пристойне в том' житіи". На томъ-же языкѣ.

Листъ 192 об. слѣд.: житіе Павла Ѳивейскаго. Начало: „Частокротне межи многими тое повонтплене в'щиналоса". На томъ-же языкѣ.

Листъ 218 слѣд.: повѣсть Палладія о Евагріи дьяконѣ. Начало: „Не годится замолчати Евагрія". На томъ-же языкѣ.

Листъ 225: „О подвизѣ псалтырномъ". На томъ-же языкѣ

Листъ 226 слѣд.: слова Ефрема Сирина. На церковно-славянскомъ языкѣ.

Листъ 248 об. слѣд.: „Наука на день святаго божественного Преображенія Господа нашего Іс҃ Христа". Въ началѣ евангельскій разсказъ объ Преображеніи, въ западно-русскомъ переводѣ (приведенъ Востоковымъ).

Листъ 265: слово Ефрема Сирина. На церковно-славянскомъ языкѣ.

Листъ 266 об. слѣд.: житіе Ануфрія пустынника. На церковно-языкъ.

И западно-русскій, и церковно-славянскій языкъ не свободны отъ малоруссизмовъ: прив*ѣ*дѣніем', улюб*ы*мый, улюб*ы*лъ, в*ы*дѣв мя, *що*.

VIII.

Александрія Москов. Румянцев. Музея № 1562 (собранія И. Д. Бѣляева), 1697 года.

In 4°, 102 листа, скоропись, безъ начала. На оборотѣ послѣдняго листа запись:

Писа^л сію Алеѯандрѣю Василій Гаврилови^ч Менжинскій попови^ч мозырскій дякъ рож'дества пре^с: б ц҃ и Дубровни^ч кій року ҂ахчз. іюня л҃ дня [1]).

Передъ нами свободный переводъ одной изъ редакцій древне-русской Александріи, переводъ сдѣланный раньше XVII вѣка. Остатки стараго текста (въ звукахъ, формахъ, словахъ) въ немъ довольно многочисленны; языкъ западно-русскій, близкій, по словарному матеріалу и синтаксису, къ языку западно-русскихъ документовъ XV—XVI вѣковъ, но съ сравнительно небольшимъ количествомъ полонизмовъ.

Этотъ языкъ во время странствованій текста по юго-западной Руси принялъ въ себя порядочное количество малоруссизмовъ, такъ что въ нашей рукописи, написанной бѣлоруссомъ, мы имѣемъ соединеніе съ западно-русскими южно-русскихъ особенностей.

Вотъ нѣсколько малоруссизмовъ: писати п*ѣ*ркомъ, дер*ѣ*в'емъ и кам*ѣ*немъ, ш*ѣ*сть, б*ы*твы, з мал*и*мъ войскомъ, *и*здячи, прі*и*халъ, вел*и*лъ,

---

[1]) Объ этой рукописи см *Викторова*: „Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева, стр. 31

поц*и*ловалъ, Александров*ѣ* (дат. отъ Александръ), спыт*у*ваючи, хож*у*вали, *що*.

Бѣлоруссизмы: довольно частое *е* вмѣсто *ѣ*: вид*е*лъ, зм*е*шалися; изрѣдка *а* вмѣсто *о* и наоборотъ: ш*а*ломъ (рядомъ: на ш*о*ломех'), *А*лимпіада, роск*о*зал'; *е* вмѣсто *я*: вид*е*чи, тыс*е*ча; формы имен.-вин. мн. на *ые, іе*: витязи молоды*е*, маленкі*е* дѣти и т. п.

Сверхъ того: наш*о*му, ж*о*ну, цариц*о*ю и т. п., кр*и*вавые, до*в*гихъ, прие*жджа*лъ, вол*ф*ов'ныхъ, прите*кти*, пришо*в*ши (=шедши), велѣ*в*ъ есми, принес*ѣ*те, шл*ѣ*те, поклон*ѣ*теся, догон*ѣ*мъ, помол*ѣ*мося (повел. накл.); наконецъ: фил*іо*зофъ.

Между синтаксическими особенностями мы находимъ употребленіе формы будущаго времени на мѣстѣ формы прошедшаго времени, столь обычное въ нашихъ народныхъ говорахъ: и сталъ подъ городомъ і в городъ *пошлетъ* посла своего, тогды Александеръ видѣвъ их' за собою гонячихся и *выскочитъ* з луга, отъ того мѣста Александеръ переишолъ и *наидетъ* дивныи жоны.

Чтобы дать понятіе объ языкѣ памятника, приводимъ небольшой отрывокъ (л. 55).

О лидонско^{м} цару и о люде^{х} дивны^{х} и ожех' довгих' и косматых и о мура^{ш}.

Але*ѯ*анде^{р} потягнулъ на лидо^{н}ское ца^{р}ство, не хотѣлъ бы^{л} лидонскій ца^{р} криса покоритися Але*ѯ*ан'дру тогда ан'тиѡ^{х} з войско^{м} пошо^{л} и поималъ и приве^{л} его до Але*ѯ*андра, тогды его Але*ѯ*а^{н}де^{р} казалъ стяти, и скарбу в него без' числа знайшли и той ска^{р}бъ уве^{с} воиску розда^{л}, а лидонское ца^{р}ство давши нѣкоторому мужу хороброму макидонскому на имя диѡскору и так ся ско^{н}чило лидонское ца^{р}ство.

Ѡтътоля Але*ѯ*анде^{р} со вси^{м} войско^{м} свои^{м} по'де на правую сторону востока, и так наиде въ то' зе^{м}ли много людей нѣмы^{х} звѣрообразны^{х} ро^{т} и очи в' персех' маю^{т}, косматы якъ сви^{н}е очи свитя^{т}ся якъ звѣзды, с тыми Але*ѯ*анде^{р} великую битву мѣ^{л} и погинуло и^{х} многое множе^{с}во, бо тые люде были без' зброи, ѿ того мѣста недалеко Але*ѯ*анде^{р} переишо^{л}, и наиде^{т} дивныи жоны страш'ныи долгие и косматые ѡчи в них, якъ кошечіи блискаю^{т} якъ ого^{н} а на войско Але*ѯ*андрово грозно позираю^{т}, тогды Але*ѯ*анде^{р} вели^{л} их' на бой повабити, тыи дивныи жоны страшливы^{н} и гроз'ный вискъ пустили и мужѣ их на тот' вискъ з горъ вы-

бегли, и стали бити на во'ско Алеѯандрово дерѣв'емъ и камѣне^м^ много побили Алеѯандровых' воиска, коли макидон'ское воиско на них' ударило тогды их' без числа мно^г^ побили и ѿтоль Алеѯанде^р^ ше^ст^ дней ишо^л^ к' нѣкоторой земли. ..

Еще нѣсколько фразъ:

. . . . увидѣлъ отца своего Филипа роспускаючися з матеріею своею Алимпіадою....

. . . . видячи то Александеръ же отецъ его иншую беретъ за себе жону.. .

. . . . уже тобѣ часъ пріишолъ, що тобѣ битися за отчизну....

. . . . хвалячи есми тебе иж ся о мнѣ печалуешъ у дворѣ мя своемъ годовати хочешъ....

. . . . всѣ мѣщане (жители Аѳинъ) радилися межи собою, рекучи, чи здатися намъ Александрю, чили не здатися....

. . . . видел' есми Александра на Алимпиадскихъ колахъ іграючи а моци своей спытуваючи....

. . . . трубы различные сурмы і органы мусикѣискіе, бубны великіе, три тисячи пищалокъ....

. . . . повѣж намъ що вказуетъ златого образа писмо.

А. Соболевскій.

Къ вопросу объ авторѣ „Путешествія во св. Землю“ 1701—1703 гг., московскомъ священникѣ Іоаннѣ Лукьяновѣ или старцѣ Леонтіи.

Всѣмъ занимающимся исторической литературой Петровскаго времени извѣстны путевыя записки или «Путешествіе во св. Землю» 1701—1703 гг. московскаго священника Іоанна Лукьянова, въ большинствѣ извѣстныхъ списковъ подписывающагося именемъ старца Леонтія. На это послѣднее обстоятельство въ необширной о Лукьяновѣ литературѣ не было обращено надлежащаго вниманія; между тѣмъ оно такого рода, что въ связи съ нѣкоторыми другими, встрѣчающимися въ дѣлахъ о раскольникахъ Петровскаго времени, какъ и въ позднѣйшихъ указаніяхъ раскольнической литературы, даетъ возможность нѣсколько ближе опредѣлить личность и дѣятельность этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго и наблюдательнаго паломника начала XVIII в. и потомъ, какъ мы ниже постараемся разъяснить, дѣятельнаго вѣтковскаго пропагандиста раскола въ разныхъ великороссійскихъ мѣстностяхъ, преимущественно подмосковныхъ, со включеніемъ и самой Москвы. Уясненію этихъ новыхъ данныхъ, такъ или иначе освѣщающихъ личность и дѣятельность старца Леонтія или московскаго священника Іоанна Лукьянова, мы и посвятимъ свой настоящій рефератъ. Прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ извѣстныхъ въ нашей литературѣ спискахъ «Путешествія» свящ. Лукьянова или старца Леонтія.

Ихъ извѣстно всего семь. Такъ, три списка этихъ паломническихъ записокъ находятся въ богатомъ книгами и рукописными сокровищами Порѣцкомъ книгохранилищѣ покойнаго графа А. С. Уварова. Одинъ изъ этихъ списковъ, считающійся старѣйшимъ изъ всѣхъ

донынѣ извѣстныхъ, числится тамъ подъ № 261, въ 4 д. л., на 150 л. писанный скорописью XVIII в., именно въ 1734 г., какъ значится на оборотѣ 150 л., гдѣ сказано, что «въ сей тетради листовъ 150, а писана сего 1734 году, сентября 25 числа» На оборотѣ 147 л. написано: «писалъ сію тетрадь новгородецъ купецкой сынъ Дмитрей Тимофѣевъ сынъ Никитинъ», а внизу того же листа; «сію исторію пріятно читалъ Мина Алексѣевъ сынъ Фуфаевъ 1763 года». Два другихъ списка того же книгохранилища новаго письма числятся подъ №№ 191 и 13, тоже въ 4 д. л. Всѣ эти три списка надписываются именемъ старца Леонтія. Списокъ, числящійся подъ № 191, тотъ самый, который былъ приготовленъ извѣстнымъ нашимъ археологомъ И. П. Сахаровымъ еще въ 40-хъ годахъ для печати, былъ подписанъ даже цензоромъ, но тогда почему-то однако не былъ напечатанъ. Этотъ списокъ прежде принадлежалъ извѣстной библіотекѣ Лаптева, потомъ перешелъ къ Сахарову, а затѣмъ и къ графу А. С. Уварову. Подробности объ этихъ трехъ спискахъ можно найти въ «Систематическомъ описаніи славяно-россійскихъ рукописей графа А. С. Уварова», предсмертномъ трудѣ архим. Леонида (Ч. Ш. М. 1894 г. №№ 1757—1759, стр. 325—326.)

Въ нашей литературѣ болѣе извѣстенъ списокъ С. А. Соболевскаго, съ котораго путевыя записки Лукьянова или Леонтія были изданы въ 1863 г. въ «Русскомъ Архивѣ», подъ заглавіемъ: «Путешествіе во св. Землю свящ. Лукьянова», при чемъ самое время путешествія паломника ошибочно было отнесено къ 1710—1711 гг., не смотря на ясныя указанія въ самомъ описаніи путешествія на 1701—1703 гг. Указанія эти слѣдующія: 1) путешествіе свящ. Лукьянова совпадаетъ съ назначеніемъ посланникомъ въ Царьградъ Петра Андреевича Толстого; на пути въ Царьградъ авторъ путевыхъ записокъ встрѣчаетъ бывшаго тамъ посланника князя Д. М. Голицына, а на обратномъ пути получаетъ уже грамоту отъ Толстого; послѣдній былъ назначенъ въ ноябрѣ 1701 г. 2) Во время пребыванія Лукьянова въ Царьградѣ, у турокъ было предположеніе засыпать Керченскій проливъ какъ вслѣдствіе уступки Азова Россіи, такъ и вслѣдствіе паническаго страха, объявшаго ихъ отъ перваго ожидаемаго появленія русскаго флота на Черномъ морѣ,—событія, случившіяся въ 1702 г. 3) Въ промежутокъ времени между путешествіемъ Лукьянова и его возвращеніемъ изъ св. Земли козаки разрушили Немировъ,—событіе,

имѣвшее мѣсто въ концѣ 1702 г. О всѣхъ этихъ событіяхъ упоминаетъ нашъ паломникъ.

Особенность этого списка та, что здѣсь авторъ, въ единственномъ пока изъ извѣстныхъ въ литературѣ списковъ, называется не старцемъ Леонтіемъ, а московскимъ священникомъ Іоанномъ Лукьяновымъ. Списокъ этотъ писанъ старинным полууставомъ, въ листъ, съ киноварными заголовками, и пріобрѣтенъ С. А. Соболевскимъ, въ Орлѣ въ 1853 г. при распродажѣ книгъ, оставшихся послѣ какого-то старообрядца. Въ настоящее время онъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Въ 1864 г. редакція «Русскаго Архива» получила изъ Оптиной пустыни отъ о. Леонида, тогда еще іеромонаха, списокъ того же Путешествія, хотя и неполный, безъ нѣсколькихъ начальныхъ листковъ, но важный по находящимся тамъ разнорѣчіямъ по сравненію съ другими списками. Извлеченіе изъ этого списка была напечатано еще въ 1862 г. въ «Прибавленіяхъ къ Калужскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ», № 20, съ небольшой, но весьма обстоятельной замѣткой о важности въ паломническомъ отдѣлѣ нашей литературы этихъ путевыхъ записокъ, характерѣ, духѣ и направленіи ихъ автора. Авторъ замѣтки, скрывшій свое имя подъ иниціалами І. Л. (іеромонахъ Леонидъ), не называетъ паломника по имени, такъ какъ въ Оптинскомъ спискѣ не сохранилось начальныхъ листковъ этого путешествія.

Кромѣ того, извѣстны еще два списка этого Путешествія съ именемъ старца Леонтія. Такъ этимъ именемъ подписывается Путешествіе нашего паломника въ рукописномъ Цвѣтникѣ XVIII в., въ 8—ку, принадлежавшемъ въ свое время добрянскому старообрядцу Петру Тихонову Головлеву, а потомъ извѣстному знатоку раскола П. И. Мельникову. Здѣсь, вмѣстѣ съ другими выписками противъ грековъ (изъ сочиненій протопопа Аввакума, изъ Проскинитарія Арсенія Суханова и другихъ, сходныхъ съ ними по духу и направленію сочиненій), помѣщена статья: *„Изъ похожденія Леонтія старца до Іерусалима 7211. Разыласіе грековъ съ древнимъ св. отецъ преданіемъ восточныя церкве“*. За этою статьею въ Цвѣтникѣ слѣдуетъ замѣтка: *„Хожденіе* было Леонтіево лѣта 7210» (1701—1702 г.), и затѣмъ уже идутъ самыя путевыя записки. *„Разыласіе“* старца Леонтія и статья изъ путевыхъ записокъ священника Іоанна Лукьянова: *„О несогласіи грече-*

скомъ съ восточною церковію", по списку С. А. Соболевскаго, какъ и въ другихъ спискахъ, совершенно тожественны между собою.

Въ концѣ 70-хъ годовъ лично нами были найдены тѣже путевыя записки и также съ именемъ старца Леонтія въ одномъ изъ рукописныхъ старообрядческихъ сборниковъ Черниговской семинарской библіотеки, къ сожалѣнію неполныя, оканчивающіяся статьей о несогласіи грековъ съ восточною церковью. Объ этомъ спискѣ мы довольно подробно высказались въ своемъ «Описаніи рукоп. Чернигов. семин. библ.» (Спб. 1880 г., № 150, стр. 178—182)[1]).

Итакъ, по указаннымъ даннымъ, московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ и старецъ Леонтій, паломникъ-авторъ преинтереснѣйшихъ путевыхъ записокъ, одно и тоже лицо, хотя, очевидно, и носившее эти имена въ разное время своей жизни. Если же это такъ, то и личность этого замѣчательнаго паломника начала XVIII в. и потомъ дѣятельнаго вѣтковскаго проповѣдника раскола можно вполнѣ ясно и точно опредѣлить и удостовѣрить даже данными оффиціальнаго характера.

Въ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилась вся переписка объ отпускѣ въ Іерусалимъ, для поклоненія Гробу Господню московскаго священника Іоанна Лукьянова. Именно, 17-го октября 1701 года священникъ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Пескахъ, за Смоленскими воротами, Іоаннъ Лукьяновъ билъ челомъ, что желаетъ по обѣщанію отправиться во св. градъ Іерусалимъ; онъ же просилъ, разрѣшивъ ему отпускъ, послать изъ патріаршаго духовнаго приказа память въ посольскій приказъ къ боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину, чтобъ ему изъ приказа Малой Россіи была выдана проѣзжая грамота. Отпускъ былъ разрѣшенъ, память послана и священнику Лукьянову выдана была слѣдующая проѣзжая грамота:

«Божіею поспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексіевичъ,

---

[1]) Въ 1862 г. А. М. Лазаревскій издалъ въ «Черниговскомъ Листкѣ» тотъ отрывокъ Путешествія Лукьянова или Леонтія, который касается описанія малороссійскихъ городовъ (Глухова, Кролевца, Батурина, Борены, Нѣжина, Кіева, Фастова, Паволочи, Немирова), козаковъ Палія и пр. и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя наблюденія паломника, сдѣланныя имъ въ Малороссіи того времени, весьма интересныя и цѣнныя въ историческомъ и бытовомъ отношеніи. Г. Лазаревскій пользовался уваровскими списками.

всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель.... преизрядныхъ салтановъ превеликого и почтеннѣйшаго, королей лѣпотнѣйшаго, мекского и мединского и защитителя святого Іерусалима, короля и императора пространнѣйшихъ провинцій, поселенныхъ въ странахъ европійскихъ и ассійскихъ и на Бѣломъ и на Черномъ морѣ, свѣтлѣйшаго и державнѣйшаго и величайшаго императора салтана, сына салтанова и короля, и сына королей Султана, Мустафы Гака, сына салтана Магметъ Гака, его салтанова величества пашамъ и бѣемъ, агамъ и субагамъ и кумрукчѣемъ и всякого войскового и гражданского чина урядникомъ, гдѣ кому приказано и кому о томъ вѣдати належати будетъ, благоволеніе и милость нашего царскаго величества и всякое благо объявляетъ. Билъ челомъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, нашего царскаго величества богомолецъ, *Московскаго государства житель, церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священникъ Іоаннъ Лукьяновъ*: ѣдетъ онъ изъ Россійскаго нашего царства, по обѣщанію своему, помолиться ко святому гробу Спасителя и Избавителя нашего Іисуса Христа въ государство салтанова величества, въ Іерусалимъ..., и что пожаловать бы его, повелѣть его и съ людьми его и съ рухледью чрезъ государство салтанова величества ко св. гробу Спасителя и Избавителя... во Іерусалимъ отпустить, и дать ему нашего великого государя проѣзжую грамоту, чтобъ ему въ проѣздѣ дорогою въ городахъ, на мостахъ и на перевозахъ, и до Чернаго моря и Чернымъ моремъ до Царяграда и до Іерусалима съ людми и съ рухледью остановки и никакія задержки не было, а учиненъ бы былъ пропускъ по мирнымъ договорамъ, и чтобъ ему изъ Царяграда ѣхать моремъ къ Азову повольно. По сей же нашей великого государя проѣзжой грамотѣ, безъ всякія задержки, и по нашему великого государя, нашего царского величества, указу, вышепомянутой священникъ Іоаннъ Лукьяновъ съ людьми для моленія ко святому гробу Господню въ Іерусалимъ изъ Россійскаго нашего царствія въ государство салтанова величества отпущенъ. И какъ онъ въ государство солтанова величества, гдѣ случится ему ѣхать, пріѣдетъ, и великого государя, его салтанова величества вышеименованнымъ пашамъ и бѣемъ, агамъ, и субагамъ, и кумрукчѣемъ, и всякого воинскаго и гражданскаго чина урядникомъ, на сухомъ и вод-

номъ пути, для нашего царского величества велѣть бы его, богомольца нашего, и съ людьми и съ рухледью пропускать вездѣ безъ всякія задержки, и дабы оному помянутому богомольцу нашему какъ туды ѣдущему, такъ и назадъ возвращающемуся, нигдѣ ни отъ кого никакого задержанія не было, а учинена бъ была вездѣ повольность и благопривѣтствованіе по мирнымъ утвержденныхъ обоихъ нашихъ государствъ договорамъ. И для того дана ему сія нашего царскаго величества проѣзжая грамота, за нашего царского величества печатью. Писали государства нашего во дворѣ, въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра ҂зїѳ -го, а отъ Рождества Господа и Избавителя нашего Іисуса Христа аѱа-го, мѣсяца октября.... го дня, государствовованія нашего въ ді году [1]).

Какъ авторъ паломническихъ путевыхъ записокъ, старообрядецъ по духу и направленію, всѣ познанія котораго ограничивались лишь знакомствомъ съ церковнымъ уставомъ и практическимъ изученіемъ обрядовой стороны богослуженія, священникъ Лукьяновъ или, что тоже, старецъ Леонтій, подобно Арсенію Суханову и др., весьма несочувственно относится къ грекамъ и, въ особенности, къ греческому духовенству, и является строгимъ судьей и обличителемъ послѣдняго.

---

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. Приказныя дѣла 1701 г., октября 17, св. 695. Проѣзжая грамота, напечатанная при изданіи «Путешествія» Лукьянова въ «Рус. Архивѣ», какъ по тексту значительно отличается отъ настоящей, такъ и по времени ея написанія; именно, она помѣчена тамъ 15-мъ іюня 1710 г., не отличаясь, впрочемъ, существенно въ общихъ чертахъ по содержанію. Единственное существенное исключеніе представляетъ упоминаніе о «второйнадесять статьѣ» «премирнаго договора» между царемъ московскимъ и султаномъ Мустафою (низложенъ 23 августа 1703 г.), по которой «Московскаго народа міряномъ и инокомъ имѣть вольное употребленіе ходить во св. градъ Іерусалимъ и посѣщать мѣста достойныя посѣщенія. А отъ такихъ посѣщенія ради приходящихъ ни во Іерусалимѣ и нигдѣ дань, или гарачи, или пешкешъ да не испросится, и за подобную проѣзжую грамоту деньги да не вымогаются. Сверхъ того, живущимъ въ странахъ государства Отоманского московскимъ и россійскимъ духовнымъ ни едина по божественному закону досада и озлобленіе да не чинится Этого указанія въ приведенномъ нами текстѣ проѣзжей грамоты нѣтъ, кромѣ общаго указанія о мирныхъ договорахъ между обоими государствами. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о трактатѣ 1700 г., по которому, дѣйствительно, русскіе богомольцы могли посѣщать св. градъ «безъ всякой данной». (П. С. З., № 1804).—Въ «Рус. Архивѣ» проѣзжая грамота напечатана по списку Соболевскаго, и только въ немъ одномъ она и имѣется, какъ и предисловіе къ Путешествію, начинающееся словами: «Се азъ недостойный и грѣшный старецъ Іоаннъ и всѣхъ хуже»... Сокращенія, добавленія и неточности этого списка слѣдуетъ отнести на счетъ переписчика его.

По общему своему тону его обличенія напоминаютъ собою грамотки извѣстнаго протопопа Аввакума, говорившаго про грековъ въ слухъ всей Россіи: мудры б....ны дѣти греки; да съ варваромъ турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ рафленыя курки, а русачки миленькіе не такъ: въ огонь полѣзутъ, а благовѣрія не предадутъ (Второе посланіе къ Симеону). Подобно Арсенію Суханову, Аввакуму и другимъ раскольническимъ писателямъ XVII в., и Лукьяновъ или Леонтій возводитъ случайныя или невольныя по обстоятельствамъ времени отступленія грековъ отъ буквы устава на степень еретичества, забывая при томъ или и вовсе не зная, что въ самомъ уставѣ, по которому онъ судитъ грековъ, заключается довольно ясное указаніе на то, что типики восточныхъ церквей, будучи сходны въ главныхъ основаніяхъ, всегда различаются одинъ отъ другого въ подробностяхъ безъ нарушенія чрезъ то церковнаго единства. Его личныя наблюденія надъ нравами, обычаями, религіозностью и благочестіемъ грековъ привели его къ очень невыгоднымъ заключеніямъ о грекахъ и греческомъ благочестіи, особенно по сравненію его съ русскимъ, старообрядческимъ. «Греки», пишетъ онъ, «непостоянны, обманчивы, только милые христіане называются, а и слѣду благочестія нѣтъ. Да и откуда имъ благочестія взять? Грекамъ книги печатаютъ въ Венеціи, такъ они по нимъ и поютъ, а Венеція папежская, а папа главный врагъ христіанской вѣры. Какъ у нихъ быть благочестію и откуда взять? Каковы имъ не пришлютъ книги, такъ они по нихъ и поютъ. Итакъ малымъ чѣмъ разошлись съ папежцы. А что пьютъ, ѣдятъ, то все съ ними вмѣстѣ; а въ церковь, мы сами видѣли, что папежцы къ грекамъ ходятъ, а греки къ папежцамъ; такъ не далеко до соединенія... Всѣ нравы у грекъ и поступки внѣшніе и духовные—все бусурманскіе; а что прежніе ихъ бывали христіанскіе, тамъ у нихъ отнюдь и слѣду нѣтъ... А крестятся греки странно: руку на чело замахнетъ, а до чела далѣ не донесетъ да и опуститъ къ землѣ; отнюдь не увидишь, кто бъ изъ грекъ до плеча доносилъ. А духовный чинъ у грекъ хуже простого народу крестится: срамно сильно, какъ войдетъ въ церковь; а рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза... Патріархъ греческій по вся годы церкви отдаетъ на откупъ, а беретъ за церковь по двѣсти талерей и полтораста, и что годъ, то переторжка: кто больше дастъ, тому и отдаетъ. У нихъ и митрополитъ митрополита ссаживаетъ: далъ лишнее,

да и взялъ епархію. Такъ у нихъ много безмѣстныхъ митрополитовъ и поповъ таскаются по базару, живутъ въ Царьградѣ да собакъ бьютъ, ходя по улицамъ... А митрополиты греческіе въ церквахъ зѣло неискустны: все смѣются и съ греками говорятъ со стороны на сторону и пѣнія не слыхать. А самъ то, коза, назадъ оглядывается, кричитъ по церкви: зѣло не хранятъ своего чина церковнаго; наши посельскіе попы лучше ихъ митрополитовъ» Въ статьѣ о несогласіи грековъ съ восточною церковію нашъ старообрядствующій паломникъ, указываетъ до 14 греческихъ уклоненій отъ православной восточной церкви, истинными сынами которой онъ признаетъ только необливанцевъ и крестящихся двумя перстами и пр. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ уклоненій: первое, греки въ крещеніи обливаются; второе, крестовъ на себѣ не носятъ; третье, неистово крестятся: ни на чело не доносятъ,—махаютъ сѣмо и овамо; четвертое, въ церкви стоятъ въ шапкахъ, какъ молятся—не скидываютъ; а стоятъ въ стойлахъ гордо (т. е. въ такъ назыв. «формахъ», находящихся въ греческихъ церквахъ, какъ и въ церквахъ южно-русскихъ монастырей), искривя бокъ, и глядятъ не на иконы, но на стѣну; пятое, служатъ на одной просфорѣ, и то на черствой, и мірскіе у нихъ не говѣвъ причащаются; шестое, патріархи и митрополиты и всѣ духовные играютъ въ карты и шахматы». Далѣе, нашъ паломникъ-старообрядецъ укоряетъ греческія власти, патріарховъ и митрополитовъ, за то, что «табакъ пьютъ и во грѣхъ того не ставятъ», что «патріархи, митрополиты и попы усы подбриваютъ и гуменцовъ (простриженное мѣсто на головѣ, на макушкѣ) себѣ не простригаютъ, но нѣкакъ странно снизу кругомъ подголяютъ до полголовья, какъ обысы махаметанскіе»... Удивляютъ нашего паломника и слѣдующія церковно-бытовыя явленія греческой жизни: «въ постъ великій всякія гадины и ползающія животныя въ морѣ и въ рѣкахъ ѣдятъ, и въ прочіе дни также тѣ ползающія ѣдятъ Мірскіе и женскій полъ сквозѣ царскіе двери въ олтарь ходятъ, и затворяютъ двери жены; а кадятъ просто простолюдины по-поповски: когда попъ съ переносомъ идетъ, а мужикъ идетъ передъ попомъ задомъ, кадиломъ машетъ на святыя. Греки когда за трапезу пріидутъ, то сядутъ, «Отче нашъ» сидя говорятъ; также послѣ трапезы на «Достойно» не встаютъ, сидя говорятъ. Евангеліе въ церкви чтутъ, оборотя на западъ... Свѣчи у нихъ воскъ съ саломъ да со смолой мѣшаютъ, а воскъ бѣлый; а когда въ церкви свѣчи

горятъ, свѣжему человѣку зѣло тяжко... Часовъ передъ обѣднею не поютъ, развѣ обѣдни не будетъ; греки на заутрени «Богъ Господь» никогда не поютъ, а пѣсни во псалтырѣ предъ канономъ всегда говорятъ. А церкви у нихъ, какъ простая хоромина: крестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ, противъ воскресенія ходитъ пономарь по улицамъ, кричитъ, чтобы шли до церкви... А въ домахъ ихъ иконъ нѣтъ—съ турками во всемъ смѣсилися»....

Интересны и характерны наблюденія старообрядствующаго паломника, сдѣланныя имъ «въ преславномъ градѣ Кіевѣ» и, главнымъ образомъ, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и въ церквахъ св. Софіи. Вотъ что, наприм., нашъ паломникъ говоритъ о Кіево-Печерской святынѣ. «И пошли во Антоніеву пещеру, и ту видѣли преподобныхъ отецъ въ нетлѣнныхъ плотѣхъ, что живые лежатъ, и толь множество ихъ, что звѣздъ небесныхъ: всѣ яко живы лежатъ.... Дивное чудо такъ Богъ прославилъ своихъ угодниковъ, боящихся Его. Видѣхомъ и младенцевъ нетлѣнныхъ лежащихъ тутъ же; видѣхомъ храбраго воина Илью Муромца въ нетлѣніи, подъ покровомъ златымъ; ростомъ, яко нынѣшніе крупные люди; рука у него лѣвая пробита копіемъ,—язва вся знать,—а правая рука изображена крестнымъ знаменіемъ. И сложеніе перстъ какъ свидѣтельствуютъ Ѳеодоритъ блаженный и Максимъ грекъ: крестился онъ двѣмя персты; тако теперево ясно и по смерти его плоть мертвая свидѣтельствуетъ на обличеніе противниковъ. И тутъ, въ той же пещерѣ, преподобный Іосифъ также изображеніе въ перстахъ имать. Чтоже болѣе того свидѣтельства, что нагія кости свидѣтельствуютъ? Мы же и кои съ нами были достовѣрно разсматривали сами, и дерзнули—поднимали руки и смотрѣли, что сложеніе перстовъ—два перста и разгнуть нельзя, развѣ отломить, когда хощетъ кто разгнуть».... О церкви св. Софіи тотъ же паломникъ-старообрядецъ писалъ: «церковь Софіи премудрость Божія зѣло хороша и образцовата, да въ ней ничего, пусто, иконъ нѣтъ; а старое было стѣнное письмо, и мастеръ плутъ *нехай* (т. е. малоросъ, съ точки зрѣнія Леонтія обливанецъ; по другимъ спискамъ—«митрополитъ») все замазалъ известію. А у митрополита поютъ пѣніе органистое еще пуще органовъ. Старехонекъ миленькой (Варлаамъ Ясинскій), а охочь до органистова пѣнія!» Вотъ какія впечатлѣнія тогдашній «преславный градъ Кіевъ», съ его православными святынями, производилъ на русскихъ паломниковъ-старообрядцевъ, любившихъ

однакоже посѣщать Кіево-Печерскій монастырь и лобызать его святыни. На все старецъ Леонтій смотритъ подъ угломъ зрѣнія закоренѣлаго раскольника и не стѣсняется даже, въ интересахъ своей старой вѣры, искажать факты, лишь бы выдвинуть свое излюбленное старообрядческое двуперстіе. Такъ въ ближней Антоніевой пещерѣ онъ помѣщаетъ препод. Іосифа, мощи котораго тамъ по извѣстнымъ даннымъ никогда не находились, и даже Илья Муромецъ (по Кальнофойскому *Чоботокъ*) является у него двуперстникомъ [1]).

Замѣчательно, что, не смотря на свою приверженность къ церковной старинѣ и старымъ церковнымъ обычаямъ, Леонтій весьма сочувственно относится къ царю-преобразователю и защищаетъ его отъ нападокъ цареградскихъ грековъ, преимущественно духовныхъ, укорявшихъ послѣдняго за то, что онъ на Москвѣ «нѣмецкую вѣру завелъ и платье нѣмецкое», что «грековъ къ Москвѣ не велѣлъ пускать и съ Москвы сослалъ».

Путевые записки старца Леонтія, въ паломническомъ отдѣлѣ нашей литературы, пополняютъ тотъ значительный пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ о св. мѣстахъ, который естественно образовался въ немъ между двукратнымъ путешествіемъ ко св. мѣстамъ Арсенія Суханова, въ половинѣ XVII в., и 24-мъ странствованіемъ пѣшехода Василія Григорьевича Барскаго (1723—1747 гг.). Промежутокъ этотъ весьма замѣтенъ, если принять во вниманіе важность событій, совершившихся въ церкви Іерусалимской въ концѣ XVII в.. Извѣстно, что Карловицкій миръ, заключенный между Австріей и Портой, при посредствѣ Франціи, въ 1688 г., далъ и въ Іерусалимѣ перевѣсъ латинянамъ надъ православными, не смотря на всѣ усилія великаго драгомана Порты Петра Маврокордато защитить права своихъ единовѣрцевъ. Нашъ авторъ-паломникъ вѣрно подмѣтилъ современное положеніе церкви Іерусалимской. Такъ, описывая Виѳліемскій храмъ, которымъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ овладѣли латиняне, совершенно изгнавъ изъ него грековъ, нашъ паломникъ, совершенно согласно съ авторомъ «Исторіи св. града Іерусалима,» патріархомъ Досиѳеемъ, говоритъ: «ту церковь держатъ папежцы. Турокъ у грекъ отнялъ, да французамъ отдалъ; съ боку той церкви строенье, гречское, то французы все изъ церкви вонъ выкидали, и то строенье все

[1]) Опис. Кіево-Печ. лавры, изд. 2. Кіевъ. 1831 г., стр. 100—109, 314, 321.

лежитъ теперева безъ призору А то строеніе грекамъ во многія тысящи стало, а теперева пропадаетъ такъ ни за что»...

О цѣли своего путешествія во св. градъ Іерусалимъ старецъ Леонтій высказывается кратко въ своихъ путевыхъ запискахъ. «Се писахъ мѣста сія святыя и путь сей», говоритъ онъ въ предисловіи къ своему Путешествію, по Орловскому списку или списку Соболевскаго, «не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко что добро сотворивъ, но любве ради сихъ святыхъ мѣстъ, *и понужденъ нѣкіими отцы и братіею*". Кто были эти отцы и братія, и изъ какихъ побужденій они уговаривали Леонтія отправиться въ столь отдаленное путешествіе,—на это нѣтъ опредѣленныхъ указаній въ нашихъ источникахъ. П. И. Мельниковымъ первымъ было высказано предположеніе относительно цѣли путешествія старца Леонтія, что оно было первымъ шагомъ поповцевъ къ пріобрѣтенію собственнаго епископа отъ заграничныхъ архіереевъ. По его словамъ, поповщинскія общины въ первые годы XVIII в. рѣшили послать на Востокъ, къ грекамъ, хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова на самомъ дѣлѣ у грековъ вѣра и можно ли отъ нихъ принять епископа, причемъ выборъ палъ на старца Леонтія. Такъ ли это было или нѣтъ—сказать, конечно, трудно, за недостаткомъ прямыхъ указаній; но несомнѣнно то, что если это и было такъ, то вѣсти, провезенныя Леонтіемъ съ Востока, были не утѣшительны для старообрядцевъ. Онъ не нашелъ нигдѣ тамъ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители «древняго благочестія». Долго потомъ старообрядцы указывали на слова *Леонтія Москвитянина*, что греки «ни близь де христіанства не хранятъ», что греческія власти (архіереи) у себя въ келіи *красиковъ* (красавчиковъ) держатъ и т. п.; напр., въ упомянутомъ выше рукописномъ Цвѣтникѣ конца XVIII в., принадлежавшемъ П. И. Мельникову. (Ог. поповщ., т. 1, стр. 52—53.)

О послѣдующихъ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности священника Іоанна Лукьянова или старца Леонтія, а равно и о томъ, когда и при коихъ условіяхъ начались его связи съ пресловутой Вѣткой, въ нашей литературѣ не было сдѣлано никакихъ болѣе или менѣе точныхъ указаній и даже намековъ. Извѣстно изъ его путевыхъ записокъ только то, что онъ выѣхалъ изъ Іерусалима 18-го января 1703 г., а изъ Кіева въ Нѣжинъ съ своими земляками-калужанами «послѣ Успенской ярмарки», т. е. послѣ 15-го августа 1703 г. Даль-

нѣйшаго своего возвратнаго пути Леонтій не описываетъ, и о путешествіи въ Нижній-Новгородъ съ калужскими купцами вовсе не упоминаетъ, какъ совершенно неправильно замѣтилъ о томъ о. архимандритъ Леонидъ въ своемъ «Систематическомъ описаніи славяно-росс. ркп. собр. графа А. С. Уварова» (М. 1894 г., Ч. Ш., № 1757, стр. 925), ошибочно прочитавъ въ старѣйшемъ Уваровскомъ спискѣ вмѣсто «Нѣжинъ»—Нижній(-Новгородъ), вмѣсто «послѣ Успенской ярмарки»—возлѣ Успенской. (См. ркп. графа Уварова, № 261, л. 147 об.) Тѣмъ не менѣе, близкія связи священника Лукьянова или старца Леонтія съ Калугой и Москвой, на что явственно указывается и въ описаніи его путешествія, равно какъ и его строго старообрядческое направленіе, даютъ основаніе къ нему пріурочить дѣятельность того вѣтковскаго чернаго попа или старца Леонтія, который имѣлъ свой скитъ не подалеку отъ Калуги въ извѣстныхъ Брынскихъ лѣсахъ и оттуда усиленно распространялъ расколъ по окрестнымъ мѣстамъ до Москвы включительно въ первыя два десятилѣтія XVIII в.

Въ первый разъ мы встрѣчаемся съ дѣятельностію вѣтковскаго чернаго попа Леонтія въ разныхъ показаніяхъ слѣдственнаго дѣла о волоколамскихъ раскольникахъ, которое производилось въ конторѣ раскольническихъ дѣлъ въ 1728—1732 гг. Изъ показанія старца Пахомія, даннаго 4-го декабря 1732 г., оказывается, что въ Волоколамскихъ лѣсахъ вѣтковскіе иноки начали появляться очень рано, если не въ концѣ XVII в., то по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ XVIII в. Именно, Пахомій говорилъ, что онъ поселился въ Волоколамскомъ уѣздѣ въ лѣсу въ прошлыхъ годахъ, а сколько тому назадъ лѣтъ не упомнитъ, при болотѣ, близъ деревни Куниловой, и что въ ту его, Пахоміеву, бытность тамъ приходилъ къ нему изъ-за рубежа съ Вѣтки раскольничій черный попъ, котораго онъ ниже называетъ Леонтіемъ, «и научилъ его крестное знаменіе налагать на себя двумя персты и молитву творить: Господи Іисусе Христе»... Тогда же и тотъ же вѣтковской черный попъ его, Пахомія, по его личному желанію, постригъ и отдалъ подъ начало нѣкоему старцу Тихону, жившему въ томъ же лѣсу, отъ кельи Пахоміевой всего въ трехъ верстахъ; и по прошествіи шести недѣль тотъ попъ изъ кельи отъ него отлучился, а онъ, Пахомій, отъ подначальнаго старца отошелъ въ свою келью. Онъ же показалъ, что отъ роду своего до постриженія отцовъ духовныхъ у него не было, а по постриженіи, какъ жилъ онъ при Куни-

ловскомъ болотѣ, исповѣдывали и причащали его пріѣзжавшіе съ Вѣтки раскольническіе попы Леонтій да Иванъ привозимымъ съ собою изъ-за рубежа причастьемъ. Въ дополнительномъ показаніи относительно захваченныхъ у него разныхъ старообрядческихъ принадлежностей, Пахомій разсказывалъ, что вышеобъявленный раскольничій попъ, который его постригалъ, благословилъ его послѣ постриженія образомъ Успенія Богородицы и двумя крестами мѣдными; онъ же, раскольничій попъ, давалъ ему, Пахомію, привозимый изъ Вѣтковскаго монастыря «благодарный хлѣбъ», употребляемый имъ потомъ вмѣсто причастья, которое производилось особой ложечкой изъ сдѣланной имъ самимъ деревянной чашки. Подаркомъ того же вѣтковскаго попа оказались и два дарника, одинъ мѣдный, другой деревянный, которыми онъ велѣлъ ему печатать «просвиры» и тѣ «просвиры» ѣсть [1]).

Изъ другихъ показаній того же слѣдственнаго дѣла о волоколамскихъ раскольникахъ оказывается, что въ первой четверти XVIII в. какъ въ Волоколамскихъ лѣсахъ, такъ и во Ржевѣ Владиміровой и другихъ окрестныхъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ, дѣйствовали и пропагандировали расколъ вѣтковскіе черные попы: Леонтій, Кириліанъ, Иванъ и др. Съ ними мы встрѣчаемся въ показаніяхъ старицъ Марфы, Маремьяны, Аполинаріи Петровой, Устиньи Тимоѳеевой и др. [2]).

Въ томъ же слѣдственномъ дѣлѣ о волоколамскихъ раскольникахъ можно еще отмѣтить показанія старцовъ Авраамія и Антонія, какъ такія, которыя имѣютъ нѣкоторое отношеніе и къ разсматриваемому нами вопросу. Старецъ Авраамій разсказалъ о себѣ, что когда ему было еще 20 лѣтъ отъ роду, то онъ, вмѣстѣ съ другими 5-ю крестьянами Алешинской волости, Можайскаго уѣзда, вотчины бывшаго князя Меньшикова, съѣхалъ на Вѣтку, жилъ тамъ лѣтъ съ 17 и наученъ отъ тамошнихъ раскольниковъ *словесной грамотѣ*, а по наученіи постриженъ раскольническимъ чернымъ попомъ Леонтіемъ въ старцы по старопечатной книгѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, что крестился по тому наученію двуперстно и молитву творилъ и творитъ по старопечатнымъ книгамъ, что года два тому назадъ онъ возвратился съ

[1]) Есиповъ: Раскол. дѣла XVIII ст., Т. I, стр. 239—242.

[2]) Ibidem, стр. 242—247, 251—253.—Срав. Опис. док. и б., хран. въ арх. св. Син., т. VI, стр. 564—565.

Вѣтки снова въ Волоколамскій уѣздъ, и что отцовъ духовныхъ, кромѣ показаннаго Леонтія, онъ никого не имѣлъ и не имѣетъ понынѣ. Въ свою очередь, старецъ Антоній, по происхожденію сынъ посадскаго человѣка г. Пскова, 10-го января 1733 г. въ синодальной канцеляріи показалъ о своемъ пребываніи въ расколѣ слѣдующее. Постриженъ-де онъ на Вѣткѣ чернымъ попомъ Леонтіемъ лѣтъ тому съ 20 и что отцомъ его духовнымъ былъ тотъ же попъ Леонтій; что на Вѣткѣ онъ также бывалъ у исповѣди и причащенія у чернаго попа Мардарія, а въ православно-каѳолической церкви отъ рожденія своего не бывалъ [1]).

О вліяніи вѣтковскаго чернаго попа Леонтія на Москву и сосѣднія съ нею мѣстности говоритъ показаніе вѣтковской старицы Ѳеодуліи, пойманной въ Москвѣ въ 1720 г. Въ приказѣ церковныхъ дѣлъ она показала. что дѣйствовала здѣсь съ двумя вѣтковскими монахами, Леонтіемъ и Кипріаномъ, и находилась съ ними въ блудной связи, причемъ оговорила многихъ приверженцевъ старины въ Москвѣ, Ржевѣ, Калугѣ и другихъ мѣстахъ, и, между прочимъ, двухъ подмосковныхъ священниковъ, скрывавшихъ свой расколъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, именно священникъ с. Пречистенскаго, Можайскаго уѣзда, Иванъ Васильевъ Неусыпаевъ, желая съ большею убѣдительностью доказать несправедливость извѣта, объявилъ въ приказѣ церковныхъ дѣлъ, «что хочетъ быть раскольниковъ гонитель» и, дѣйствительно, привелъ затѣмъ предъ судію приказа, златоустовскаго архимандрита Антонія, извѣстнаго противораскольническаго дѣятеля Петровскаго времени, старца Урвана и дѣвку Татьяну.

Изъ допросовъ выяснилось, что вѣтковская старица Ѳеодулія жила прежде, «по обычаю старовѣрцовъ», въ Брынскихъ лѣсахъ, что за Угрою рѣкою, въ скитахъ, въ такъ называемомъ Кирилловомъ согласіи [2]). Эти угорскіе скиты существовали до 1712 г., когда они были разорены посланнымъ изъ Смоленска сыщикомъ Авдѣемъ Васильевымъ Рожищевымъ. Послѣ этого разоренія основатель согласія старецъ Кириллъ выѣхалъ въ Калугу, а Ѳеодулія за Можайскъ, въ с. Пречистенское, и вмѣстѣ съ 15-ю сестрами того же согласія жила близъ этого села въ кельяхъ, подъ попечительнымъ охраненіемъ

[1]) Ibidem., стр. 242—243.

[2]) Брынскіе лѣса—въ Мещовскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ, гдѣ протекаетъ р. Брынь. И до сихъ поръ близъ с. Старая Брынь раскольники указываютъ, по сказанію старыхъ людей, памятныя имъ мѣста нѣкоторыхъ бывшихъ здѣсь скитовъ и пустынь (Леонидъ, іером., «Исторія церкви въ предѣлахъ Калуж. губ.». Калуга. 1876. Стр. 178 и слѣд.).

отца вышеназваннаго священника, тоже священника. Иванъ Васильевъ Неусыпаевъ познакомился съ Ѳеодуліей еще въ угорскихъ скитахъ до 1710 г., такъ какъ съ этого года и по 1717 г. онъ былъ сельскимъ дьячкомъ въ томъ же селѣ Пречистенскомъ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Ходилъ же онъ въ Брынскіе лѣса за Угру *„ради ученія иконнаго письма“*, по внушенію тамошнихъ же старцовъ, «бродячихъ людей», и приставалъ въ тамошнихъ скитахъ у старца Алексѣя, а иконному письму учился у нѣкоего старца Никиты мѣсяцовъ съ пять. Въ это время онъ и былъ совращенъ въ расколъ: находившійся тогда въ угорскихъ скитахъ вѣтковской черный попъ Леонтій перекрестилъ его, масломъ и мvромъ помазалъ. А самое крещеніе, по его словамъ, происходило такъ: «въ горшкѣ налито было воды, а на горшкѣ поставлены были четыре свѣщи, и его, Ивана, съ воспреемникомъ старцомъ Сергіемъ и съ воспріемницею старицею Ѳеодуліею, оболокли великимъ полотномъ бѣлымъ и вокругъ по солнцу творили хожденіе; а вторичнаго погруженія и отрицанія отъ православной христіанской вѣры не было, а отъ сатаны отрицаніе было. Оное крещеніе раскольническое онъ, Иванъ, воспріялъ для того, что де помянутой старецъ Никита сказалъ ему: *доколѣ де оной присяги не учинитъ, и оной иконной наукъ учить не будетъ*“. Неизвѣстно въ точности, долго ли Неусыпаевъ былъ въ угорскихъ скитахъ; но когда возвратился къ отцу, то послѣдній скоро умеръ, и онъ, безъ всякаго стѣсненія совѣсти, занялъ его мѣсто...

Другой священникъ, Иванъ Якимовъ, с. Дровина, Можайскаго же уѣзда, двоюродный братъ перваго, до священства также побывалъ въ угорскихъ скитахъ и былъ перекрещенъ тамъ тѣмъ же чернымъ попомъ Леонтіемъ. А ходилъ онъ въ тѣ скиты *для наученія грамотѣ* и потомъ по наученіи и возвращеніи изъ скитовъ поступилъ сначала въ церковные дьячки, а за тѣмъ и во священники, скрывши передъ посвященіемъ, какъ и Неусыпаевъ, прежнее свое раскольство и фактъ пребыванія своего въ скитахъ.

Дѣвка Татьяна, крестьянка того же уѣзда, д. Анисимовой, раскольничавшая недалеко отъ своей деревни, въ лѣсахъ, показала, что руководителями раскола были трудники Никифоръ и Христофоръ, а перекрещивалъ ее также вѣтковскій черный попъ Леонтій, пріѣзжавшій изъ Калуги, тотъ самый, который перекрещивалъ въ угорскихъ скитахъ Неусыпаева и Якимова.

По свидѣтельству старца Антонія, по происхожденію дворцоваго крестьянина Гуслицкой волости Антипы Алексѣева, жившаго нѣкоторое время въ Калугѣ и Брынскихъ лѣсахъ, въ послѣднихъ былъ устроенъ скитъ чернымъ попомъ Леонтіемъ съ Вѣтки; въ верстѣ отъ мужскаго скита былъ женскій скитъ, которымъ завѣдывала старица Ѳеодосья, имѣвшая подъ началомъ своимъ до 20-ти старицъ. Къ службѣ старцы и старицы этихъ скитовъ сходились вмѣстѣ, исповѣдывались у Леонтія, а причащались по кельямъ привезеннымъ съ Вѣтки причастьемъ. По тому же свидѣтельству, старцы Брынскихъ лѣсовъ, какъ и пріѣзжіе вѣтковскіе, ѣздили для испрошенія милостыни по разнымъ окрестнымъ мѣстностямъ и городамъ, между прочимъ, въ Тверь, Торжокъ, Ржевъ, Бѣлевъ, Верею, Калугу и пр..

Главнымъ и авторитетнымъ пропагандистомъ раскола и въ Калугѣ былъ тотъ же странствующій вѣтковскій черный попъ *Леонтій*, съ которымъ мы встрѣчались и выше. Ближайшимъ образомъ личность этого во всякомъ случаѣ выдающагося и дѣятельнаго пропагандиста раскола не установлена, такъ какъ ему, повидимому, не пришлось столкнуться ни съ Преображенской канцеляріей, вѣдавшей, между прочимъ, въ началѣ XVIII в., и раскольничьи дѣла, ни съ судьей приказа церковныхъ дѣлъ въ Москвѣ, извѣстнымъ уже намъ златоустовскимъ архимандритомъ Антоніемъ, ни съ другими лицами, духовными и свѣтскими, назначавшимися въ Петровское время для розыска и обращенія раскольниковъ въ православіе. Изъ показанія старца Антонія, обратившагося изъ раскола въ 1721 г. и жившаго нѣкоторое время въ Калугѣ и Брынскихъ лѣсахъ, показанія, сущность котораго мы привели выше, видно, что калужскіе раскольники хорошо знали этого чернаго попа и находились съ нимъ въ самыхъ тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ. Точно также изъ его показанія видно, что вообще вѣтковскіе иноки были въ Калугѣ всегда желанными гостями и находили себѣ спокойный и удобный пріютъ у обывателей. Антоній разсказывалъ, между прочимъ, что когда онъ, живя въ Калугѣ у посадскаго человѣка Ивана Перфильева, «заскорбѣлъ и лежалъ недѣли съ двѣ», Иванъ сталъ ему говорить, чтобы онъ принялъ старую вѣру и постригся въ скитѣ у чернаго попа *Леонтія*. Согласіе было дано; Иванъ Перфильевъ отвезъ немоществующаго Антипу (мірское имя старца Антонія) прямо въ келью Леонтія, находившуюся въ сосѣднихъ Брынскихъ лѣсахъ. Антипа былъ постриженъ и отданъ

по постриженіи въ другую келью въ «подначальство» старцу Трефилью, отцу помянутаго посадскаго человѣка. Это было приблизительно около 1710—1712, какъ можно судить по довольно, впрочемъ, сбивчивому и необстоятельному показанію старца Антонія [1]).

По свидѣтельству позднѣйшей лѣтописи вѣтковской церкви, писанной Яковомъ Степановымъ Бѣляевымъ, въ Стародубьѣ, въ Климовскомъ Покровскомъ старообрядческомъ монастырѣ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, Леонтій былъ принятъ на Вѣткѣ, подъ именемъ священноинока Леонтія, священноинокомъ Іовомъ и былъ седьмымъ по счету изъ числа принятыхъ послѣднимъ [2]). Это было приблизительно въ концѣ перваго или въ самомъ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в., какъ можно заключать на основаніи сопоставленія вышеприведенныхъ свидѣтельствъ объ его раскольнической миссіонерской дѣятельности. Можемъ еще прибавить, что, по показанію зыбковскаго войта Михайла Мартынова, данному извѣстному стародубскому православному миссіонеру іеромонаху Іосифу Рѣшилову въ 1723 г., Леонтій бывалъ и въ Стародубѣ и живалъ въ слободѣ Зыбкой, и что Мартыновъ его, Леонтія, имѣлъ отцомъ своимъ духовнымъ (Опис. дукум. и д., хран. въ арх. св. Син. Т. I., стр. 585, примѣч.).

Кто же это былъ вѣтковскій черный попъ Леонтій? Близкія связи его съ Калугой и калужскими раскольниками, какъ и съ Москвой и раскольниками послѣдней, даютъ, повидимому, полное основаніе на сближеніе этого Леонтія съ тѣмъ старцемъ Леонтіемъ или священникомъ Іоанномъ Лукьяновымъ, который оставилъ весьма интересныя путевыя записки о своемъ паломничествѣ во св. градъ Іерусалимъ. И послѣдній принадлежалъ по духу и направленію къ расколу старообрядства, жилъ въ Москвѣ и былъ изъ уроженцевъ города Калуги, повидимому изъ купеческаго сословія, пользовался авторитетнымъ положеніемъ въ своей средѣ и имѣлъ тѣсныя связи съ калужскими и московскими купцами; такъ, по крайней мѣрѣ, показываютъ его встрѣчи съ послѣдними во время его путешествія по малороссійскимъ городамъ и потомъ въ Константинополѣ.

М. Лилеевъ

---

[1]) Опис. докум. и дѣлъ, хран. въ арх. св. Син. Т. I, ст. 91, 178—179, 395—398. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп., Т. I, ст. 56—59, 72—73, 308 и др.

[2]) Лѣтоп. Вѣтков. церкви—ркп. нашей биб.: см. «Вѣдѣніе о вѣтковскихъ священникахъ». л. 21 об.

Коммиссія 1749 г. для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ.

Въ XIV т. «Записокъ Импер. Одес. Общ. ист. и древн.», среди «Матеріаловъ для исторіи Южно-русскаго края въ XVIII ст.» въ гл. XIV напечатано было нѣсколько найденныхъ мною въ архивѣ Кіев. губ. правленія документовъ изъ дѣла о происходившемъ въ 1749 г. въ Запорожской Сѣчи разборѣ взаимныхъ жалобъ татаръ и запорожцевъ, для чего былъ командированъ изъ Кіева ген. губ. Леонтьевымъ сек. маіоръ Никифоровъ. Значительная часть переписки по тому же дѣлу найдена мною недавно также и въ Центральномъ архивѣ (при Университетѣ Св. Владиміра). Сюда входятъ копіи высоч. указовъ на имя генералъ-губернатора Леонтьева, подлинные приказы Леонтьева и копіи писемъ его къ крымскому хану Арсланъ-гирею, письма этого хана къ Леонтьеву и подлинныя доношенія сек. маіора Никифорова и кошеваго атамана [1]).

Всѣ эти документы, пополняя раньше напечатанные, представляютъ уже достаточный матеріалъ для того, чтобы получить надлежащія свѣдѣнія, какъ о ходѣ самого дѣла, такъ и его результатахъ. Эти-то свѣдѣнія и составляютъ предметъ настоящаго очерка.

О слѣдственной коммиссіи 1749 г. упоминаетъ въ своей «Исторіи Новой Сѣчи» и А. Скальковскій, которому удалось найти и самый существенный документъ, [2]) относящійся къ этому дѣлу, и напечатать

[1]) Всѣ эти документы переданы мною въ Одесское Общество исторіи и древностей и напечатаны въ XVI-мъ т. «Записокъ» этого Общества.

[2]) «Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша Запорожскаго». 3-е изд. 1885 г., ч. II, стр. 129—131. Заглавіе этого документа таково: «Записка державной при

его въ 1841 г. въ статьѣ «Сношенія Запорожья съ Крымомъ». Къ сожалѣнію, статья эта составляетъ библіографическую рѣдкость, и мнѣ не удалось прочитать ее; въ «Исторіи» же своей г. А. Скальковскій приводитъ лишь нѣсколько выписокъ изъ найденнаго имъ документа, «чтобы дать понятіе о подобныхъ пограничныхъ съѣздахъ или *конгресахъ, тогда весьма частыхъ въ Россіи и во всей Европѣ*». Взглянувши на эту коммиссію, какъ на конгресъ, почтенный историкъ, какъ мнѣ кажется, придалъ ей характеръ, нѣсколько несоотвѣтствующій тому, какой она имѣла въ дѣйствительности и съ какимъ она является въ нашихъ документахъ. Изъ послѣднихъ очевидно, что для разсмотрѣнія обоюдныхъ претензій запорожцевъ и татаръ кіевскій генералъ-губернаторъ послалъ секундъ-маіора Никифорова, какъ *слѣдователя* (что дѣлалось и раньше), давши ему отъ себя инструкцію, и эта мѣра была затѣмъ *одобрена* высшимъ правительствомъ, какъ показываетъ это высоч. рескриптъ на имя Леонтьева, отъ 20-го декабря 1748 г., полученный имъ уже по отправленіи Никифорова въ Запорож. Сѣчь. По словамъ же г. Скальковскаго, «государыня повелѣла кіев. ген. губ. Леонтьеву назначить коммиссію изъ двухъ русскихъ чиновниковъ, нѣсколькихъ депутатовъ отъ коша и т. д., и затѣмъ со стороны русскаго правительства назначены *депутатами*: кіев. гарнизона сек. м. А. Никифоровъ и комендантъ Новосѣченскаго ретраншамента капитанъ Кривцовъ». Ни въ одномъ однакоже нашемъ документѣ Никифоровъ не названъ *депутатомъ*; самъ онъ и не думалъ смотрѣть на себя, какъ на депутата, и дѣйствовалъ просто, какъ слѣдователь, командированный высшимъ начальствомъ для разбора взаимныхъ претензій двухъ сторонъ, *при депутатахъ* этихъ сторонъ. Далеко не точнымъ поэтому опредѣленіемъ его положенія въ коммиссіи являются слова историка: «изъ уваженія къ царскому престолу маіоръ Никифоровъ *признанъ* главою коммиссіи,—онъ, слѣдственно, всѣмъ распоряжался».

Къ сожалѣнію, въ найденныхъ мною документахъ не оказалось не только «Журнала слѣдственной коммиссіи», который былъ отправленъ Никифоровымъ въ губ. канцелярію, при рапортѣ отъ 7-го іюля (по

слѣдственной о обидахъ, послѣдующихъ между запорожскими козаками и татарами коммиссіи, какъ во время съѣздовъ съ татарскими депутатами, и отъ кого разговоры содержались; мая 31 дня 1749 г.» Документъ этотъ, напечатанный почти весь, по словамъ историка, «написанъ столь хорошимъ русскимъ языкомъ, какимъ многіе наши присутственныя мѣста и въ столицахъ похвалиться не могли».

всей вѣроятности, это и есть та же «Записка», которая, какъ сказано выше, напечатана г. Скальковскимъ), но не нашлось и того репорта, въ которомъ, по словамъ кошевого атамана, обстоятельно объяснено было послѣдовавшее между татарами и запорожцами ко взаимному удовольствію соглашеніе,—«какимъ образомъ и на какомъ основаніи и для какихъ резоновъ оное послѣдовало»? Но и безъ этихъ, несомнѣнно важнѣйшихъ, документовъ сохранившаяся переписка достаточно полно знакомитъ, какъ съ обстоятельствами, вызвавшими назначеніе коммиссіи, такъ и съ ходомъ слѣдственнаго въ ней производства и его результатами, и вообще рисуетъ довольно живо картину даннаго момента съ его интересами.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1748 г. прибылъ въ Кіевъ изъ Бахчисарая мурза Чинишмуръ-ага и привезъ генералъ-губернатору М. И. Леонтьеву письмо отъ крымскаго хана Арсланъ-гирея съ жалобой на запорожцевъ. При письмѣ приложенъ обстоятельный реестръ всѣхъ «обидъ», причиненныхъ запорожцами татарамъ въ послѣдніе предъ коммиссіей два года (1747 и 1748). Крымскіе татары по этому реестру предъявляли къ запорожцамъ требованіе о вознагражденіи за 503 лошади, 56 воловъ, 10 инструментовъ «музыческихъ», четырехъ человѣкъ, заграбленное платье, 350 левковъ наличныхъ денегъ, 1 мѣдный котелъ, мухаметанскаго закона плѣнныхъ 21, двухъ потурченыхъ женщинъ, 7 верблюдовъ и 2 до смерти избитыхъ человѣкъ.

Съ такою же жалобой и приложеніемъ реестра причиненныхъ запорожцами обидъ обращался къ Леонтьеву и буджацкій сераскеръ-султанъ, присылавшій въ Кіевъ двухъ парочныхъ. Съ цѣлію разобрать и по возможности удовлетворить эти жалобы при участіи депутатовъ съ татарской и запорожской стороны генералъ-губернаторъ Леонтьевъ командировалъ въ Запорожскую Сѣчь секундъ-маіора Александра Никифорова, съ письмами къ татарскому хану и буджацкому сераскеръ-султану; увѣдомляя объ этой командировкѣ, онъ просилъ ихъ, чтобы они «для слѣдствія о происшедшихъ между татарскимъ народомъ и запорожскими козаками обидныхъ дѣлъ» прислали, съ своей стороны, «какъ депутатовъ, такъ и кого надлежитъ къ доказательству», въ Запор. Сѣчь. Такого рода разбирательство взаимныхъ недоразумѣній между запорожцами и татарами при помощи коммиссіи, съ уча-

стіемъ русскаго офицера, командируемаго генералъ-губернаторомъ изъ Кіева, не было новостью: въ 1745 г. состоялся на урочищѣ Бѣлозеркѣ такой же съѣздъ коммиссіи запорожскихъ и татарскихъ депутатовъ при участіи капитана Максимова. Секундъ-маіоръ Никифоровъ былъ уже не одинъ разъ командируемъ въ Сѣчь и въ Крымъ, исполняя порученія генералъ-губернатора. И на этотъ разъ пало на него порученіе, какъ на человѣка опытнаго, знакомаго съ мѣстною жизнью, со взаимными отношеніями запорожцевъ и татаръ.

Въ данной Никифорову инструкціи предписывалось ему, производя слѣдствіе, совмѣстно съ находящимся въ Новосѣченской крѣпости капитаномъ Кривцовымъ, «всякими удобовозможными способы стараніе свое приложить въ точное и совершеннѣйшее обоихъ сторонъ успокоеніе привесть, дабы отнынѣ впредь никакова съ татарской и запорожской сторонъ отзыву и претензій быть не могло«. Во 2-мъ п. этой инструкціи говорилось, между прочимъ, что «ежели по подлинному и достовѣрнѣйшему изобрѣтенію явятся запорожскіе казаки виновны, то съ нихъ и ихъ товарищей сообщниковъ взыскивать, а чего въ претендованную сумму той взысканной суммы не достанетъ, то *съ того куреня, въ которомъ оные виновные жили, взыскивать* и отдавать татарскимъ депутатамъ». Уже по отправленіи Никифорова въ Сѣчь Леонтьевъ получилъ высочайшій рескриптъ отъ 20-го декабря, изъ котораго видно, что о тѣхъ же претензіяхъ, какія сообщены были крымскимъ ханомъ Леонтьеву, было заявлено и Портою русскому резиденту Неплюеву.

Одобряя распоряженіе Леонтьева относительно командировки Никифорова, рескриптъ предписывалъ удовлетворить предъявляемымъ претензіямъ, если они по слѣдствію окажутся справедливыми, „*а при томъ требовать сатисфакціи и по жалобамъ запорожскимъ*, и ежелибъ комиссары и депутаты татарскіе того не учинили, въ такомъ случаѣ вамъ о томъ писать вновь къ хану съ домогательствомъ». Надо думать, что Леонтьевъ въ послѣднемъ своемъ доношеніи выражалъ свое недовольство «продерзостями» запорожцевъ, почему и въ рескриптѣ этомъ въ отвѣтъ на его доношеніе говорилось въ заключеніе: «о воздержаніи же запорожцевъ отъ продерзостей вамъ по командѣ надъ ними стараніе усугубить потребно, изыскивая всѣ служащіе къ тому способы, которыми бъ они къ тому приведены быть могли, *безъ нанесенія однакожъ впрочемъ интересомъ нашимъ противнаго*“.

Никифоровъ прибылъ въ Сѣчь 22-го декабря; 30-го прибыли туда же депутаты отъ буджацкаго сераскеръ-султана и отъ Ногайскихъ татаръ, а 2-го января и депутаты отъ очаковскаго паши; но отъ хана крымскаго депутатовъ не было, а безъ нихъ остальные не хотѣли «вступать въ слѣдственное дѣло», хотя у нихъ и были совершенно отдѣльныя претензіи отъ крымскихъ.

Прибывшіе депутаты, кромѣ очаковскихъ турокъ, не желавшихъ помѣщаться въ одной квартирѣ съ татарами, требовали себѣ довольствія отъ войска Запорожскаго; но кошевой съ старшиною въ томъ имъ отказали, «яко же съ начала Запорожья того у нихъ не бывало»; однако же, «по усиленному татарскому домогательству и ради неумѣренной во всемъ дороговизны, опредѣлилъ пищу, а дрова давались единымъ только татарскимъ 4-мъ человѣкамъ депутатамъ»; остальные татаре содержались на своемъ коштѣ [1]) Запорожцы, по случаю наступившихъ праздничныхъ дней Рождества Христова, не расположены были спѣшить съ исполненіемъ требованія Никифорова, который тотчасъ по пріѣздѣ своемъ сталъ требовать отъ кошеваго атамана, чтобы привезенныя имъ изъ Кіева письма къ крымскому хану и буджацкому сераскеръ-султану были немедленно отправлены по назначенію, а также чтобы запорожцы избрали отъ себя и представили къ нему своихъ депутатовъ, вмѣстѣ съ реестрами своихъ претензій къ татарамъ; но «точію за ихъ гуляніемъ, яко есть у нихъ обычай, ничего подобнаго одержать не могъ»; Только 30-го декабря снаряжены были посланцы для отправки генералъ-губернаторскихъ писемъ.

Оставаясь безъ дѣла, Никифоровъ посылалъ жалобные рапорты о разныхъ перенесенныхъ имъ неудобствахъ въ пути и затрудненіяхъ въ самой Сѣчи Запорожской, за что и получилъ отъ гене-

[1]) Вмѣстѣ съ депутатами прибыло не мало татаръ истцовъ и свидѣтелей: однихъ ногайскихъ татаръ было 24. По поводу «трактаменту» депутатовъ въ высоч. указѣ отъ 20-го марта 1749 г. говорится, что въ этомъ отношеніи «войско Запорожское, когда у нихъ войсковой казны не имѣется, а сборовъ на такія издержки не бывало, приневоливать не надлежитъ..... и комиссары на пограничныхъ комиссіяхъ обыкновенно содержатся на своемъ коштѣ». Генералъ-губернаторъ, какъ видно, признавалъ справедливымъ требовать отъ запорожцевъ содержанія татарскимъ депутатамъ, приравнивая ихъ къ тѣмъ лицамъ, которыя присылались въ Кіевъ съ письмами отъ пограничныхъ командировъ и которымъ производилась «дача»; но въ высоч. указѣ сказано, что такая «дача» лицамъ, которыхъ отпускъ или удержаніе зависитъ отъ того, къ кому пришлются, въ примѣръ не служитъ».

ралъ-губернатора довольно строгое замѣчаніе, «чтобы отнынѣ впредь между надлежащимъ дѣломъ отнюдь ему, маіору, таковыхъ бредель и собственныхъ своихъ прихотей не употреблять и курьезной церемоніи, которая къ настоящему дѣлу весьма не пристойна, не мѣшать».

Въ это же время Никифоровъ составилъ свое любопытное описаніе происходившихъ въ Сѣчи въ день новаго года выборовъ запорожской старшины [1]) и прислалъ это описаніе при рапортѣ «для единаго извѣстія», не воздержавшись при этомъ и отъ выраженія своего мнѣнія о томъ, какимъ найлучшимъ способомъ доброй порядокъ въ войскѣ Запорожскомъ учредить», хотя мнѣніе это и не требовалось.

Недоволенъ былъ Никифоровъ и медленною ѣздою рейтаръ, которые «точію отъ единаго нерадѣнія и пьянства» не достаточно скоро доставляютъ оффиціальныя бумаги въ Сѣчь Зап. и оттуда въ Кіевъ, при чемъ де они изъ Кременчуга «для единаго своего покоя, взявъ козачьихъ лошадей, ѣздятъ въ Сѣчи телѣгами и по нынѣшней бездорожицѣ тѣхъ козачьихъ лошадей чрезъ то пристанавливаютъ».

Никифоровъ настаивалъ, чтобы прибывшіе депутаты согласились вступить въ слѣдственное дѣйствіе по своимъ претензіямъ, о чемъ и сообщалъ генералъ-губернатору. Но послѣдній отнесся къ этимъ настояніямъ довольно нерѣшительно и давалъ Никифорову противорѣчивыя предписанія: 9-го января онъ писалъ, что «до пребытія съ татарской стороны депутатовъ слѣдствія весьма начинать не надлежитъ для того, что оное имѣетъ быть подозрительно и напрасное на Всероссійскую имперію съ татарской стороны якобы въ неправосудіи нареканіе»; къ тому же, если крымскіе татаре узнаютъ объ этомъ, то могутъ «безъ всякаго дѣйствія весь съѣздъ разорвать, и тѣмъ не малая послѣдовать можетъ конфузія»; а въ указѣ отъ 19-го тогоже января генералъ-губернаторъ писалъ, что «такъ какъ претензіи хана крымскаго и буджацкаго сераскеръ-султана изложены порознь, то нѣтъ причины разбирать ихъ совмѣстно и для этого ожидать крымскихъ депутатовъ; поэтому должно всемѣрно и неотступно, но только съ учтивостію, домогаться отъ прибывшихъ депутатовъ, дабы они въ слѣдственное дѣйствіе вступили, убѣгая отъ празднаго пребыванія»; въ случаѣ же несогласія ихъ, Никифоровъ долженъ былъ отъ себя писать къ хану крымскому и жаловаться на упорство буджацкихъ и ногайскихъ депутатовъ.

[1]) Кіев. Стар., 1888 г., май.

Запорожцы тоже не спѣшили и только 9-го января представили, «по неотступному требованію» Никифорова, составленный ими реестръ запорожскихъ претензій къ очаковскимъ и перекопскимъ туркамъ и крымскимъ, ногайскимъ и бѣлгородскимъ татарамъ. Реестръ этотъ доставили выбранные войскомъ въ коммиссію депутаты: бывшій кошевой атаманъ Василій Григоровичъ, бывшій же войсковой судья Иванъ Передеря и донскаго куреня атаманъ Иванъ Бѣлякъ. Изъ сравненія претензій запорожскихъ и татарскихъ оказалось, что послѣднія почти вдвое превышаютъ первыя: татаре, кромѣ всякаго другого скота и вещей, показали однихъ лошадей 1628, якобы отогнанныхъ запорожцами за два года; слѣдовательно, если положить каждую лошадь по 10 р., то претензія татарская уже составляла 16,280 р., а если считать лошадь по 15 р., то претензія доходила до 24,420 р., тогда какъ въ запорожскихъ жалобахъ показано было похищенныхъ татарами у запорожцевъ за тѣже два года всего 153 лошади, а вся претензія запорожцевъ къ татарамъ оцѣнена была въ суммѣ 11,713 р. 2½ к.

Никифоровъ представилъ, на основаніи показаній запорожцевъ, всѣ тѣ соображенія, по которымъ «въ таковой претензіи едваль возможно вѣрить» татарамъ, особенно ногайскимъ, злобившимся на запорожцевъ за то, что тѣ недавно еще добивались возвращенія отъ ногайцевъ отогнаннаго послѣдними у нихъ значительнаго (въ 500 головъ) табуна лошадей.

Запорожцы просили, чтобы коммиссія безъ всякаго разбирательства ногайскихъ претензій, какъ завѣдомо лживыхъ, отказала въ нихъ, при чемъ ссылались на полученное въ 1747 году кошевымъ атаманомъ письмо хана крымскаго, который называлъ самъ ногайцевъ прямо ворами. Препровождая къ генералъ-губернатору копію этого письма, запорожцы настойчиво просили отказать ногайцамъ безъ всякаго слѣдствія. По поводу этой просьбы послѣдовалъ даже особый высоч. указъ изъ Коллегіи иностр. дѣлъ отъ 6-го марта, въ которомъ обстоятельно объяснено, почему, при всемъ сожалѣніи о взводимыхъ на запорожцевъ клеветахъ, «отказать противной сторонѣ безъ изслѣдованія, якобы не давъ суда, весьма неприлично».

Не разсчитывая, по всей вѣроятности, на удовлетвореніе своихъ претензій, ногайскіе депутаты три человѣка и съ ними 21 татаринъ выѣхали 12-го января изъ Запор. Сѣчи, оставивъ одного лишь своего депутата. Остались также въ Сѣчи шесть турокъ и шесть татаръ, кото-

рые, ежедневно приходя въ комиссію, заявляли, что имъ «жить здѣсь не безъ скуки», а между тѣмъ безъ депутатовъ отъ хана крымскаго, о которыхъ и извѣстія никакого нѣтъ, начинать имъ «о обидныхъ дѣлахъ слѣдствія никакъ невозможно».

21-го января рано утромъ Никифоровъ и капитанъ Кривцовъ созвали къ себѣ всѣхъ запорожскихъ депутатовъ; къ прежде избраннымъ тремъ были еще опредѣлены отъ войска Запор. три депутата: Михаилъ Калниболоцкій, Иванъ Гаркуша и Алексѣй Вербицкій, и сообща порѣшили пригласить оставшихся турокъ и татаръ и, буде они согласятся, приступить къ слѣдствію. Приглашенные явились и, «учинивъ обыкновенный комплиментъ, во первыхъ, всѣхъ, тогда предсѣдящихъ, благодарили за содержаніе и довольствіе ихъ и лошадей», но рѣшительно заявили, что они, прождавъ напрасно 23 дня ханскихъ депутатовъ, дальше ожидать ихъ не намѣрены, а такъ какъ безъ нихъ и слѣдствія «всячески начинать не могутъ», то и имѣютъ они завтра же отъѣхать домой и просятъ дать имъ до границы проводника. Дѣйствительно, всѣ названные турки и татары 22-го января «надъ вечеръ» изъ Сѣчи и выѣхали [1]). А черезъ недѣлю послѣ этого прибыли посланные въ Бахчисарай къ хану запорожскіе козаки (куренной атаманъ Леонъ Федоровъ и казакъ Яковъ Гаркуша) и, доставивши письма ханскія къ генералъ-губернатору и къ Никифорову, сообщили, что де ханскій визиръ словесно имъ объявилъ, что ханъ крымскій не пришлетъ теперь своихъ депутатовъ, потому что въ Сѣчи большая дороговизна кормовъ, «а имѣетъ отправить къ тому слѣдствію требуемыхъ депутатовъ и при нихъ татаръ сто или двѣсти человѣкъ, какъ въ полѣ лошадиный кормъ покажется».

Дальнѣйшее требованіе Никифорова въ Запорожской Сѣчи было безполезно; оно крайне тяготило его, почему онъ и шлетъ жалобныя просьбы о возвращеніи его въ Кіевъ, ссылаясь при этомъ и на болѣзнь свою, которую де находившійся въ Сѣчи лѣкарь и лѣчить отказался, «яко у него потребныхъ медикаментовъ не имѣется, да и драгунъ пользовать нечимъ». Рапортъ его отъ 30-го января свидѣ-

---

[1]) Изъ рапорта кошев. атамана отъ 22 января видно, что на содержаніе депутатовъ и прибывшихъ съ ними татаръ (80 татаръ съ 30-го декабря, 3-ти турокъ съ 2-го по 12-е января и 6 турокъ и 6 татаръ по 21-е января), хотя съ немалою трудностію на покупку имъ хлѣба, мяса и пшена и для пойла пшенной браги, такожъ на дрова, на свѣчи и на сѣно, издержано 82 р. 90½ к.

тельствуетъ о крайне неблагопріятныхъ условіяхъ жизни въ Сѣчи въ тагдашнее время: по куренямъ было много больныхъ козаковъ, «и отъ часу умножаются и почти ежедневно умираютъ, а болѣзнь не иная, токмо горячка и лихорадка, такожъ и въ головахъ ломъ« [1]). Болѣзни эти, по мнѣнію Никифорова, «наипаче приключаются отъ единаго недостатка хлѣба: козаки рѣдко печеный хлѣбъ нынѣ въ пищу употребляютъ, и, по обычаю ихъ, для пріуспорности единую муку въ котлахъ варятъ».

Въ концѣ концовъ Никифоровъ, не дождавшись разрѣшенія, выѣхалъ изъ Сѣчи «безъ указу», чѣмъ и возбудилъ новое неудовольствіе и гнѣвъ генералъ-губернатора. А сидѣть-то ему въ Сѣчи, дѣйствительно, было не зачѣмъ: оказалось, что въ привезенномъ посыланными въ Крымъ козаками письмѣ крымскій ханъ Арсланъ-гирей просилъ генералъ-губернатора отложить производство слѣдствія до 12-го марта, «понеже какъ въ Запорожьи, такъ и въ [illegible]
ронѣ, въ провіантѣ немалый н[illegible]
вскорѣ принудитъ не безъ труд[illegible]
роны, просили отложить слѣдств[illegible]
недостатокъ корму для скота и [illegible]
дятся до лѣта въ дальнихъ отлу[illegible]
наторъ сообщалъ ему и о желат[illegible]
ся его увѣдомить, на какой въ [illegible]

[1]) Въ декабрской книжкѣ «Кіев. [illegible]
мѣтка г. П. Иванова о дѣлахъ, хранящ[illegible]
ба и касающихся исторіи Малороссіи и [illegible]
значится дѣло 1750 г. такого рода: «По[illegible]
ходѣ болѣзни въ Новосѣченской крѣпо[illegible]
форпосты, учреждаемые въ виду появле[illegible]
указовъ, полученныхъ въ Кіев. губ. кав[illegible]
смотрѣть въ архивѣ Кіев. губ. правл., я [illegible]
го рода указы: 1) отъ 18-го ноября 1749 [illegible]
чившейся въ Крыму и въ Запорожьи [illegible]
предосторожности; отъ 20-го ноября изъ [illegible]
Запор. Сѣчью въ урочищѣ Кеменкѣ и [illegible]
предосторожности; отъ 7-го декабря изъ [illegible]
малорос. козаковъ 200 человѣкъ къ пріу[illegible] предосторожности
отъ появившейся близь Запорожской Сѣ[illegible] въ урочищахъ Каминнѣ и Кяпыловкѣ повѣтренной болѣзни». Надо думать, что болѣзнь, противъ которой принимались экстренныя и энергичныя мѣры въ 1749 г., существовала уже во время пребыванія въ Зап. Сѣчи Никифорова.

ORIGINALS, ETC.):
FILM INSPECTED BY
DATE

своихъ депутатовъ. Ханъ отвѣчалъ на это, что въ іюнѣ мѣсяцѣ весь народъ къ надлежащей лѣтней работѣ обязанъ бываетъ, слѣдственно въ то время бѣднымъ людямъ произойтить могутъ лишенія, убытки и волокиты; а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ перваго числа для разобранія извѣстныхъ дѣлъ обоимъ сторонамъ полезно и пристойно; чего ради означеннаго мѣсяца 1-го числа депутаты наши въ Сѣчу пріѣхавъ явиться имѣютъ». Получивши это письмо, генералъ-губернаторъ предписалъ кошевому атаману и съ своей стороны къ 1-му апрѣля «депутатовъ имѣть въ готовности и во всякой исправности непремѣнно».

Интересно отношеніе Коллегіи иностр. дѣлъ къ этому вопросу о срокѣ для съѣзда коммиссіи въ отвѣтъ на рапортъ генералъ-губернатора о томъ, что запорожцы хотятъ оттянуть слѣдствіе, Коллегія въ высочайшей грамотѣ настойчиво рекомендуетъ генералъ-губернатору внимательно отнестись къ желаніямъ запорожцевъ: «и войску Запорожскому—говорится въ этой грамотѣ—въ разсужденіи представляемыхъ отъ нихъ резоновъ, сокращать срокъ и тѣмъ ихъ оскорблять безъ нужды не надобно, такъ наипаче что въ назначенное въ письмѣ къ вамъ отъ хана крымскаго короткое время, за отлучкой козаковъ, выправки учинить невозможно, и представляемой отъ нихъ срокъ до іюня мѣсяца небольшой и одержать его нетрудно, когда на пересрочку сперва отъ хана крымскаго, а не отъ васъ поступлено, и вы о томъ къ хану до присылки его депутатовъ вновь отписать со изъясненіемъ приличныхъ резоновъ можете».

Особенно интересны указанія, данныя генералъ-губернатору высоч. грамотами отъ 30-го апрѣля и 8-го іюня 1749 г.; изъ нихъ дѣлается очевиднымъ, что высшее правительство далеко не раздѣляло той строгости, съ какою склонны были отнестись къ запорожцамъ и генералъ-губернаторъ Леонтьевъ и командированный имъ коммиссаръ Никифоровъ. Коллегія иностр. дѣлъ, рекомендуя вообще безпристрастное отношеніе къ обѣимъ сторонамъ, тѣмъ не менѣе предписываетъ, «въ чемъ запорожскіе козаки ни винны бъ были, *выправить оныхъ трудиться*" и настаиваетъ на томъ, чтобы опредѣленные генералъ-губернаторомъ къ слѣдствію офицеры поступали во всемъ „*по общему согласію и совѣту*" *съ запорожской старшиной*.

Скоро по пріѣздѣ Никифорова въ Кіевъ состоялось распоряженіе генералъ-губернатора о немедленномъ выѣздѣ его вновь къ порученной ему коммиссіи въ Запор. Сѣчь, куда онъ обязательно долженъ

былъ явиться къ 12-му марта, т. е. ко дню, когда, согласно письму крымскаго хана, ожидались туда и татарскіе депутаты изъ Крыма. Капитану Плотникову приказано было лично передать это распоряженіе генералъ-губернатора Никифорову и, въ случаѣ бы онъ не выѣхалъ немедленно въ путь, выпроводить его подъ карауломъ. Такъ энергично высылали несчастнаго секундъ-маіора изъ Кіева къ тому дѣлу, которое сильно его тяготило.

Прибылъ Никифоровъ въ Зап. Сѣчь 14-го марта, а о крымскихъ депутатахъ тамъ не было даже извѣстія, прибудутъ ли они. Не смотря на обѣщаніе хана прислать ихъ къ 1-му апрѣля, они прибыли только 8-го апрѣля «съ немалымъ числомъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ» [1]).

Пріѣхавшіе депутаты стали своею ставкою за Новосѣченскою крѣпостью надъ р. Подпольною. Въ день прибытія ихъ кошевой атаманъ «ради учтивости» послалъ имъ нѣсколько хлѣбовъ, четырехъ барановъ и «пойла», а на другой день въ особой палаткѣ, поставленной между крѣпостью и татарскою ставкою, произошло первое свиданіе Никифорова и запорожскихъ старшинъ съ прибывшими ханскими депутатами, вручившими Никифорову письмо отъ крымскаго хана Арсланъ-гирея. При этомъ депутаты «по надлежащемъ кумплиментѣ трактованы были чаемъ».

На слѣдующій день собрались всѣ депутаты въ той же палаткѣ, и Никифоровъ, приступая къ «слѣдственному дѣйствію», предъявилъ татарскимъ депутатамъ реестръ запорожскихъ жалобъ. Татаре сначала отказались было разсматривать этотъ реестръ, говоря, что прибыли они не ради слѣдствія, а только за полученіемъ вознагражденія по

[1]) У Скальковскаго находимъ любопытную подробность относительно приготовленій къ пріѣзду татарскихъ депутатовъ. Никифоровъ, являясь главнымъ распорядителемъ этого съѣзда, писалъ къ кошевому атаману 5-го апрѣля, чтобы онъ приказалъ запорожскимъ депутатамъ «быть во всякой готовности и *убранствѣ*, такъ, дабы предъ татарскими депутатами негнусны быть могли». Въ другомъ письмѣ онъ проситъ кошевого, «всѣхъ куренныхъ атамановъ призвавъ къ себѣ, приказать, дабы оные всякій въ своемъ куренѣ козакомъ, не исключая ни одного человѣка, накрѣпко подтвердили, якобы оные козаки, какъ будучи трезвые, такъ и въ шумствѣ, помянутымъ прибывшимъ сюда ханскимъ депутатамъ и обрѣтающимся при нихъ татарамъ въ лагерѣ и ходящимъ въ Сѣчи по рынкѣ, въ противность мирнаго трактата, ни малѣйшія обиды и озлобленій не оказывали и скверными и непотребными словами не бросали,—яко же того вѣчно сосѣдственная дружба чинить не позволяетъ» (Исторія Новой Сѣчи или послѣд. коша Запорожскаго», ч. 2-я, стр. 130—131, изд. 1885 г.).

своимъ претензіямъ, согласно письму генералъ-губернатора, но потомъ взяли предложенный имъ реестръ для перевода. При слѣдующемъ затѣмъ съѣздѣ татаре заявили, что такъ какъ въ запорожскомъ реестрѣ не обозначены точно имена лицъ, причинившихъ то или другое злодѣйство, то и розыскать ихъ нельзя и вознаграждать запорожцевъ за перечисленныя имъ «обиды» не приходится. При этомъ они рѣшительно уклонились отъ письменнаго производства слѣдствія, на чемъ настаивалъ Никифоровъ, не желали подписывать никакихъ протоколовъ, заявляя, что подпишутъ они только окончательное постановленіе коммиссіи о вознагражденіи ихъ запорожцами и роспишутся въ полученіи этого вознагражденія. Что касается до запорожскихъ претензій, то по нимъ, по мнѣнію депутатовъ, должны запорожцы искать суда въ Перекопѣ, а не въ настоящей коммиссіи. Никифоровъ, согласно полученной имъ инструкціи, требовалъ неоднократно отъ запорожской старшины приготовить деньги для уплаты татарамъ по ихъ жалобамъ, но требованія его оставались напрасными: «оные старшины-паче же куренные атаманы, по большей части сущіе пьяницы,—такъ жаловался онъ въ рапортѣ отъ 17-го апрѣля—не токмо татарамъ платиться желаютъ, но ниже о томъ слышать хотятъ, и о чемъ я имъ ни напоминалъ, того ни мало не принимаютъ и въ дѣйство не ставятъ; а подписарій Михайло Афанасьевъ мнѣ секретно объявилъ, что хотя бъ де отъ генералъ-губернатора какія строгія предложенія ни послѣдовали, но оные де старшина, паче же куренные пьяные атаманы, не послушаются, развѣ изъ Правит. Сената нарочной по инструкціи пошлется, то по тому исполненіе учинятъ, а безъ того ни мало добра быть не можетъ».

Въ такихъ напрасныхъ настояніяхъ со стороны Никифорова тянулось время, а запорожцы уклонялись отъ всякаго удовлетворенія по татарскимъ претензіямъ, предъявляя лишь, съ своей стороны, новыя претензіи къ татарамъ. Никифоровъ въ репортѣ отъ 4-го мая писалъ въ заключеніе: «хотябъ я какія возможности употреблялъ, тѣчію изъ того ничего полезнаго быть не можетъ, и болѣе нѣтъ другаго труда, какъ только въ письменныхъ перепискахъ, а кошевой атаманъ единое токмо званіе занялъ, а самъ собою не токмо того, чтобъ татаръ удовольствовать, но ниже малѣйшаго чего (яко будучи временной въ томъ чину человѣкъ) сдѣлать не можетъ, а найболѣе зависитъ отъ голосовъ куренныхъ атамановъ и козаковъ, которые не

только думаютъ татарамъ лошадей, скотъ и прочее возвратить, но ниже слышать того желаютъ».

Вообще Никифоровъ, возмущаясь установившимися въ Запорожьи порядками, постоянно въ своихъ репортахъ выражалъ недовольство запорожцами, утверждая, что никакой возможности нѣтъ добиться отъ нихъ удовлетворенія и по справедливымъ претензіямъ. «Понеже въ войскѣ Запорожскомъ не точію изъ малороссіянъ, но есть изо всѣхъ націй, и къ воздержанію отъ своевольства здѣсь никакого порядка не находится, и приходящихъ и отходящихъ козаковъ никакихъ записокъ не имѣется, къ тому жъ оныя своевольства не въ нынѣшнихъ годехъ отъ нихъ произошли, но издревле, какъ о томъ довольно исторіи описываютъ, и оказавшіеся нынѣ своевольства пресѣчь и въ точное и совершеннѣйшее успокеніе привесть не токмо я, яко всепослѣднѣйшій Е. И. В. рабъ, могу, но ниже изъ высокаго господъ генералитета, которой бы здѣсь всегда присутствовалъ, по особливой здѣшней вольности, того сдѣлать не можетъ, яко же, живучи въ Сѣчи, что тѣми злодѣями въ степяхъ чинится, знать не можно».

Жалуясь вообще на затруднительность своего положенія въ Запорожской Сѣчи при порученной ему коммиссіи, Никофоровъ, между прочимъ, писалъ оттуда въ Кіев. ген.-губ. канцелярію отъ 27-го апрѣля [1]): «хотя отъ войска Запорожскаго для перевода татарскаго языка изъ козаковъ выбранные два человѣка толмача, по требованію, ко мнѣ и опредѣлены, но оные презельные пьяницы, и, когда надлежитъ татарскіе разговоры переводить, оныхъ тогда никакъ сыскать невозможно». Въ виду этого, Никифоровъ проситъ прислать ему изъ Кіев. губ. канцеляріи толмача Андрея Александрова, «*а не другова*, ибо оной Александровъ, какъ татарской языкъ довольно знаетъ, такъ и татарскіе обычаи ему извѣстны». Кіев. генералъ-губераторская канцелярія, отправляя къ нему толмача Ивана Красникова, въ отвѣтъ на его просьбу, прописала такой репримандъ: «Что же требовали вы толмача Алéксандрова, а не другого, а въ прочихъ доношеніяхъ и репортахъ вашихъ упоминается съ точнымъ указываніемъ, куда о какомъ дѣлѣ представлять, и того было вамъ писать и точно наряжать весьма неприлично, ибо Кіев. ген.-губ. канцелярія и сама вѣдаетъ, о ка-

[1]) Переписка эта о присылкѣ толмача найдена мною въ книгѣ журналовъ Кіев.-губ. канц. за 1749-й годъ (въ архивѣ Кіев. губ. правленія).

комъ дѣлѣ куда представить и кого изъ толмачей отправить и безъ вашего наставленія, и въ такомъ случаѣ отнынѣ впредь оного вамъ чинить и высшую команду учить не надлежитъ».

Относясь весьма недружелюбно къ запорожцамъ, Никифоровъ очень мало довѣрялъ и претензіямъ ихъ къ татарамъ, хотя и не могъ конечно устранять предъявленія этихъ претензій въ коммиссіи. Но и татарскія претензіи не внушали ему довѣрія, особенно послѣ того какъ къ нему «неоднократно являлся» находившійся при ханскихъ депутатахъ толмачъ Дюшенде и набросилъ тѣнь на всѣ эти претензіи, заявляя, что де въ реестрахъ своихъ депутаты понаписали и такія селы и деревни, а особливо въ ногайскихъ жалобахъ, каковыхъ никогда у нихъ не бывало; и пропажу скоту напрасно пишутъ же, да и впредь затѣйно писать будутъ, чтобъ чрезъ то отъ запорожцевъ что либо получить». Толмачъ этотъ «многажды напоминалъ, дабы тѣмъ реестромъ не вѣрить, а онъ о той лживой претензіи достовѣрно знаетъ и отъ ихъ же депутатовъ, какъ они между собою разговариваютъ, слышить могъ».

Принимая съ довѣріемъ такія заявленія отъ Дюшенде, Никифоровъ тѣмъ не менѣе весьма подозрительно отнесся къ личности самого толмача, заподозривъ въ немъ бѣглаго русскаго подданнаго. Подозрѣніе это поддержалъ являвшійся въ засѣданіе коммиссіи житель мѣстечка Крылова, Федоровъ, искавшій вознагражденія отъ татаръ за отнятыхъ у него въ Крыму 14 воловъ. Онъ встрѣчалъ Дюшенде въ Перекопѣ и слышалъ отъ него чисто великорусскую рѣчь. Никифоровъ, сообщая въ Кіев. губ. канцелярію свою уже увѣренность, что Дюшенде бѣглый и, по всей вѣроятности, служилъ въ полкахъ писаремъ или, по крайней мѣрѣ, солдатомъ, спрашивалъ,—«не повелѣно-ль будетъ оного Дюшенде, яко настоящаго ренегата, прибрать къ нашимъ рукамъ». Видно, подозрѣнія эти не скрылись отъ самого Дюшенде, такъ какъ онъ поспѣшилъ бросить свои обязанности толмача при татарскихъ депутатахъ и уѣхалъ въ Крымъ. Нельзя не обратить вниманіе на отношеніе высшаго правительства къ такой ревности Никифорова по части «прибиранія къ рукамъ»; такъ въ высоч. грамотѣ отъ 8-го іюля говорится, что названнаго толмача, «хотя онъ и уроженецъ астраханскій и нашъ подданной, но когда въ могометанской вѣрѣ,—въ нашу сторону и особливо при сей коммиссіи, для всякаго изъ того могущаго быть несходства, принимать не надлежитъ; а ежели онъ самъ желаетъ воз-

вратиться во отечество въ нашъ имперіумъ, можетъ онъ, избравъ въ тому способное время, собою учинить, о чемъ ему съ пристойнымъ къ тому увѣщаніемъ секретно объявить». Это не единственный случай, что въ явившихся въ Зап. Сѣчь изъ турецкихъ земель лицахъ признавали русскихъ бѣглыхъ, которыхъ ближайшіе россійскіе командиры склонны были «прибирать къ своимъ рукамъ». Какъ къ подобнымъ случаяхъ относилась Коллегія иностр. дѣлъ, видно изъ слѣдующаго факта, почерпнутаго мною изъ книги указовъ, полученныхъ въ Кіев. губ. канцелярію въ 1749 г. (Архивъ Кіев. губ. правленія.).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1749 г. распространились слухи о намѣреніи турокъ и татаръ сдѣлать нападеніе на русскія границы и начать войну съ Россіею. Такой слухъ сообщилъ, между прочимъ, и прибывшій въ Запор. Сѣчь нѣкій попъ изъ Дубосаръ Василій Матрохинъ. Заподозрили, что этотъ попъ выходецъ изъ Россіи, гдѣ прежде былъ драгуномъ и подъ Очаковымъ взятъ былъ татарами въ плѣнъ. Военная коммиссія, предписавъ пограничнымъ командирамъ хорошенько разслѣдовать чрезъ нарочныхъ искусныхъ людей, насколько упомянутый слухъ достовѣренъ, приказала попа Матрохина «взять изъ Сѣчи Запорожской въ Кіевъ, разспросить накрѣпко и, что покажетъ, въ Коллегію репортовать и до предбудущаго указу его удержать тамъ подъ карауломъ»,—«можетъ быть, онъ, по изслѣдованію, не бѣглой ли или не подъ видомъ ли шпіонства изъ турецкой области присланъ». Но, по требованію Леонтьева, Никифоровъ сообщилъ, что показанной попъ Василій изъ Очакова прибылъ въ Сѣчь для своего дѣла и явился у него, маіора, ибо онъ его довольно знаетъ, и, какъ ѣздилъ въ Константинополь и оттуда возвращался, всегда у него имѣлъ квартиру, и о намѣреніи турецкомъ и пріуготовленіи татарскомъ совѣстно объявилъ». Кромѣ того, и кошевой атаманъ донесъ, что попъ Василій прибылъ въ Сѣчь «по пашпорту дубосарскаго гетмана или управителя для взысканія на одномъ волошинѣ долгу». Въ виду такихъ сообщеній, Коллегія иностр. дѣлъ писала въ Воен. коллегію, что де «какое къ подозрѣнію на него сумнѣніе имѣть не для чего, ибо хотя предъявленныя отъ него вѣдомости невѣроятными кажутся, но сіе въ вину причитать ему не надлежитъ: что онъ услышать могъ, то и предъявлялъ; и чаятельно, что сообщеніе такихъ вѣдомостей отъ него не инако, что по природному его о россійскомъ интересѣ попеченію чинится, и можетъ быть и прежде отъ него въ Кіевъ вѣдомости тамошнія сообщаемы были; для

чего бъ не безпотребно такова человѣка въ тамошнемъ мѣстѣ и нарочно имѣть; но когда оного, яко природнаго россіянина и подданнаго Е. И. В. отпустить заграницу невозможно, то не можно-ль его хотя токмо изъ ареста свободить, взявъ у него надлежащую подписку, чтобъ ему заграницу собою не уѣхать, и приказать ему изъ Дубосаръ жену его и дѣтей,—какъ лучше самъ знаетъ,—въ Россію вывесть, дабы такимъ образомъ онъ уже въ Россіи остался, и претензіи съ той стороны, которая бъ за невольное удержаніе его иногда произойти могла, миновать и другихъ доброжелательныхъ отъ пріѣзду изъ той стороны съ потребными вѣдомостьми не отревожить и не отогнать; еже все предается вящшему разсужденію Военной коллегіи". Послѣдняя предписала Леонтьеву поступить съ попомъ Василіемъ согласно мнѣнію Коллегіи иностр. дѣлъ (указъ В. к. отъ 7-го іюля 1749 г.).

При первомъ же приступѣ къ разслѣдованію въ коммиссіи взаимныхъ претензій встрѣтилось серьезное недоразумѣніе, могшее надолго затянуть занятія коммиссіи. Татарскіе депутаты, когда имъ были предъявлены жалобы запорожскія, заявили, что такъ какъ объ этихъ послѣднихъ ханъ ничего не знаетъ, то надо о нихъ прежде сообщить ему. Съ этою цѣлію и были отправлены изъ числа депутатовъ два человѣка въ Крымъ и до возвращенія ихъ оставшіеся отказались отъ всякихъ разговоровъ по претензіямъ запорожцевъ.

Между тѣмъ къ Никифорову стали поступать все новыя и новыя жалобы на татаръ отъ разныхъ малороссіянъ, въ разное время ѣздившихъ въ Крымъ и тамъ потерпѣвшихъ такую или иную матеріальную обиду.

Пытался было Никифоровъ въ засѣданіи коммиссіи 24-го апрѣля представить поступившія къ нему три жалобы малороссіянъ, подкрѣпленныя имѣвшимися на лице свидѣтелями, но „оные ханскіе депутаты, яко суще безразсудительные и упорливые люди, не слушая того нашего объявленія и явнаго на татаръ изобличенія, ни мало на нашу сторону полезнаго не соотвѣтствовали, а говорили все постороннее, чего за истину принять невозможно, и болѣе четырехъ часовъ мы съ капитаномъ Кривцовымъ и съ запорожскими депутатами трудились отъ нихъ, депутатовъ, отобрать, чтобъ они обиженныхъ малороссіянъ удовольствовать обязались, если бы, по крайней мѣрѣ, тѣмъ обнадежили, но ниже мало пріятнаго на нашу сторону одержать не могли".

Жалуясь вообще на „природное варварство и ненависть къ роду христіанскому“, на „натуральное варварское суровство“ татарскихъ депутатовъ, которые въ отвѣтъ на его резоны говорили лишь „все постороннее и нимало къ настоящему дѣлу не сходственное“, Никифоровъ писалъ, что де другихъ членовъ коммиссіи, капитана Кривцова и запорожскихъ депутатовъ, они и совсѣмъ слушать не хотятъ и, чтобы имъ ни говорили, они „по варварской своей гордости и суровству“ не принимаютъ въ разсужденіе и, явно видимо есть, говорить съ ними не желаютъ.

Вмѣстѣ съ депутатами прибыло въ Зап. Сѣчь, подъ видомъ депутатскихъ служителей, истцовъ и свидѣтелей, множество татаръ безъ уплаты на Никитинской заставѣ обычной за перевозъ платы и безъ выдержанія обычнаго карантина. Татаре эти, очевидно, явились исключительно для продажи лошадей, которыхъ и продали довольно много, послѣ чего и оставили Сѣчь, ничѣмъ не доказавши, что они имѣли дѣло именно въ слѣдственной коммиссіи. На такое контрабандное препровожденіе татарскими депутатами лицъ, никакого дѣла въ коммиссіи не имѣвшихъ, жаловался и кошевой атаманъ. Въ первыхъ числахъ мая, по возвращеніи изъ Крыма посланныхъ отъ депутатовъ къ хану нарочныхъ, депутаты эти отправили толмача Уразакая въ Кіевъ съ письмомъ хана къ генералъ-губернатору и до возвращенія его продолжали уклоняться отъ разсмотрѣнія запорожскихъ претензій. Никифоровъ же не отказывался принимать и новыя жалобы татаръ, не вошедшія въ раньше предъявленный коммиссіи реестръ.

Упомянутый выше толмачъ Уразакай до отъѣзда своего въ Кіевъ приводилъ къ Никифорову бахчисарайскаго жителя Гасана, который опозналъ въ Сѣчи козака Черненка, похитившаго у него пять лошадей. Гасанъ просилъ Никифорова привлечь Черненка къ отвѣтственности. Никифоровъ удовлетворилъ жалобу Гасана, произвелъ слѣдствіе и, препроводивъ копіи съ допросовъ въ Кіев. губ. канц., самого козака Черненка отправилъ къ кошевому атаману „для учиненія съ нимъ по ихъ обычаямъ“. Черненко въ кражѣ лошадей, о которыхъ заявлялъ татаринъ Гасанъ, не винился, „но приличился въ кражѣ въ другое время лошадей же и въ хожденіи его для того въ разныя мѣста“.

Сообщая о посылкѣ ханскими депутатами своего толмача Уразакая въ Кіевъ, Никифоровъ сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя

свѣдѣнія о личности этого толмача. Уразакай, по словамъ Никифорова, былъ въ качествѣ плѣннаго въ разныхъ городахъ Россіи нѣсколько лѣтъ и теперь отправленъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ другимъ татариномъ, также говорящимъ по русски, не столько ради доставленія письма, сколько ради единаго шпіонства.

Въ засѣданіи коммиссіи 5-го мая татарскіе депутаты на всѣ предложенія Никифорова о мирной „раздѣлкѣ“ по взаимнымъ претензіямъ отвѣчали, что они имѣютъ отъ хана такой ферманъ, „дабы имъ регистровъ не разсматривать, а имѣли бъ запорожцы по татарской претенсіи все сполна заплатить; а ежели нынѣ не заплатятъ, то до полученія отъ его высокопревосх-ва на ханское письмо отвѣта никакого дѣла производить не могутъ“. Запорожцы, съ своей стороны, нѣ только не признавали себя обязанными что либо платить татарамъ по ихъ претензіямъ, но даже считали замѣну своихъ претензій на татарскія, что рекомендовалъ сдѣлать и генералъ-губернаторъ, дѣломъ несправедливымъ и для себя обиднымъ. По жалобамъ запорожскимъ оказывалось, что за два года татарами крымскими и ногайскими и очаковскими турками убито и потоплено 18 человѣкъ запорожскихъ козаковъ, да насильно увезено въ Крымъ 33 человѣка и 1 хлопецъ, который въ Очаковѣ насильно и побасурманенъ. Въ жалобахъ же татарскихъ показано было претензіей къ запорожцамъ 6 убитыхъ ими татаръ. „Нежели, по всемилост. Е. И. В. соизволенію—писалъ кошевой атаманъ,—повелѣно будетъ изъ вышепомянутыхъ 18 запорожскихъ козаковъ на показанныхъ 6 татаръ *кровь за кровь* замѣнить, то еще за тою замѣною будетъ побитыхъ запор. козаковъ оставаться 12 человѣкъ; и хотя оное число людей по такой цѣнѣ, по какой Е. И. В. указомъ повелѣно будетъ, на прочую татарскую претензію (яко оная запорожскую превышаетъ) и замѣнится, то затѣмъ имѣетъ оставаться запор. козаковъ, безвѣстно, силою, злодѣйскими ихъ татарскими нападеніями увезенныхъ въ ихъ татарскую сторону 33 человѣка, коихъ въ замѣну на татарскую претензію отдать весьма сумнительно“. Кош. атаманъ, приведя два свидѣтельства о насильномъ удержаніи въ Крыму татарами малороссійскихъ невольниковъ (вопреки мирному трактату 1739 г.), высказываетъ свою увѣренность, что упомянутые имъ 33 запор. козака „всѣ въ живыхъ тамо содержатся“ [1]). Кромѣ того, ко-

[1]) Подтвержденіемъ заявленій кошеваго атамана являлось, напр., такого рода обстоятельство, о коемъ дошло свѣдѣніе и до Кол. иностр. дѣлъ, въ указахъ которой оно

шевой документально доказалъ, что помѣщенный въ татарскихъ претензіяхъ одинъ убитый запорожцами татаринъ, о которомъ велась переписка между ханомъ и кіев. генералъ-губернаторомъ, убитъ былъ въ 1746 году, а за этотъ годъ, согласно письму хана, всѣ претензіи должны быть отстранены и разсматриваться въ коммиссіи только взаимныя обиды за послѣдніе два года.—Наконецъ, разграбленіе ногайскими татарами въ 1747 г. церкви Божіей, во время нападенія ихъ на Гардъ Запорожскій, составляетъ такую обиду, которой и приравнивать нельзя ко всѣмъ убыткамъ, причиненнымъ запорожцами татарамъ: „ни коими способы оную Божію церковь и въ какой точно цѣною суммѣ на ихъ татарскія плутовскія, ложныя жалобы, яко то на лошади и протчее замѣнить, я съ товариствомъ ни откудова никакого наставленія не имѣю"; итакъ, кошевой атаманъ просилъ генералъ-губернатора принять мѣры „къ защищенію войска Запорожскаго", представивъ настоящее его объясненіе въ Правит. Сенатъ и Кол. иностр. дѣлъ; „буде же в. выс-пр-во отческой надъ нами такой милости не соизволите показать, то я съ товариствомъ долженъ буду, видя явныя татарскія неправды и лукавства, въ силѣ высоч. Е. И. В. грамоты изъ Правит. Сената 1748 г. декабря 15 д., обо всемъ вышеписанномъ Правит. Сенату и Государ. Кол. иностр. дѣлъ всенижайше донести".

Высоч. указъ изъ Кол. иностр. дѣлъ отъ 8-го іюня свидѣтельствуетъ, что резоны запорожскіе признавались въ Коллегіи уважительными, по-

---

мнѣ и встрѣтилось. Въ маѣ м-цѣ прибылъ изъ Крыма въ Зап. Сѣчь обыватель м. Крылова Степанъ Залогинъ съ двумя работниками на двухъ возахъ и въ доношеніи своемъ, поданномъ капитану Кривцову, написалъ, что де „въ нынѣшнемъ 749 году апрѣля 18 дня, въ бытность его въ Крыму для купеческаго промыслу, по сей сторонѣ Кефы, не доѣзжая до того города за двѣ мили, видѣлся онъ съ невольниками, великороссійскими и малороссійскими людьми, которыхъ немалое число тамъ обрѣтается по прежнему въ христіанской вѣрѣ, а въ одномъ селѣ, называемомъ Канчугая, кромѣ оныхъ, имѣлось человѣкъ съ пятнадцать; изъ нихъ одного зовутъ Романомъ и живетъ онъ съ женою своимъ домомъ; и тѣхъ всѣхъ невольниковъ онъ знаетъ, и хотя до него тѣ невольники въ каждой праздникъ, которые его, Залогина, просили, чтобъ какъ можно ихъ выручить и, пріѣхавъ въ Россію, докладывать объ нихъ кому надлежитъ, а взяты они въ полонъ разными случаи; въ городѣ ихъ Перекопѣ отняли у него, Залогина, перекопскіе жители лошадь булано-пѣгую шести лѣтъ, цѣною 20 руб., которую онъ купилъ за Кефою въ селѣ Карасевѣ у татарина; да отняли жъ овечьихъ шкуръ 20 татарскіе толмачи, и имя одного зовутъ Иванисъ; и за оную лошадь онъ же, Иванисъ, отдалъ ему, Залогину, только 5 рублевъ; да и многимъ россійскимъ народамъ отнятіемъ лошадей и прочаго безпрестанно въ томъ городѣ Перекопѣ татары чинятъ обиды".

чему и предписывалось генералъ-губернатору требовать и по запорожскимъ жалобамъ удовлетворенія отъ татаръ: „сколько бъ они ни отрекались и какія бъ недѣльныя отговорки въ томъ ни имѣли, съ нашей стороны отъ того требованія отступать весьма не надлежитъ".

Но Никифоровъ, какъ видно, рѣшительно не въ состояніи былъ справиться со своей задачей и, враждебно относясь къ обѣимъ сторонамъ, не могъ привести ихъ личнымъ своимъ вліяніемъ, собственными дипломатическими дѣйствіями, ко взаимному соглашенію. Видя упорство татарскихъ депутатовъ, равно и явное нежеланіе запорожцевъ платить по претензіямъ татаръ, онъ писалъ въ Кіев. губ. канцелярію, что порученнаго ему слѣдствія окончить онъ рѣшительно не въ состояніи. Между тѣмъ татаре, недовольные дѣйствіями Никифорова, жаловались на него хану, который и сообщилъ эти жалобы генералъ-губернатору. На требованіе этого послѣдняго Никифоровъ далъ обстоятельное объясненіе репортомъ отъ 24-го мая, утверждая, что ханскіе депутаты, „яко варвары и вѣроломные люди писали къ хану ложно" на него. Толмачъ Уразакай, вернувшись изъ Кіева съ письмомъ отъ генералъ-губернатора Леонтьева къ хану, отправленъ былъ 27-го мая въ Бахчисарай; и вновь татарскіе депутаты заявили, что до возвращенія его они совѣщаться о „раздѣлкѣ" съ запорожцами не намѣрены. Уразакай вернулся изъ Бахчисарая 8-го іюня, и въ тотъ же день вечеромъ депутаты сообщили Никифорову, что они намѣрены вновь отправить того же Уразакая съ ханскимъ письмомъ въ Кіевъ; но на другой день прислали толмача Магмета сообщить, чтобы Никифоровъ назначилъ засѣданіе коммиссіи, такъ какъ они намѣрены „и безъ посылки толмача Уразакая въ Кіевъ по жалобамъ запорожскимъ и татарскимъ учинить раздѣлку и потомъ разъѣхаться". Настроеніе депутатовъ ханскихъ рѣзко измѣнилось, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ полученныхъ черезъ Уразакая инструкцій. Засѣданія коммиссіи происходили 9, 10, 11 и 14-го іюня. Никифоровъ настойчиво требовалъ отъ татаръ удовлетворенія по поступившимъ къ нему отъ нѣсколькихъ малороссіянъ жалобамъ, но татарскіе депутаты рѣшительно уклонились отъ разбирательства этихъ жалобъ, говоря, что этимъ малороссіянамъ слѣдуетъ искать правосудія въ Бахчисараѣ, гдѣ могутъ быть розысканы виновные въ причиненныхъ имъ обидахъ и гдѣ, конечно, они получатъ полное удовлетвореніе. Запорожскія же всѣ претензіи депутаты согласились, не входя въ подробное ихъ разсмотрѣніе и изслѣ-

дованіе, „замѣнить“ на татарскія, и такимъ взаимнымъ соглашеніемъ запорожскихъ и татарскихъ депутатовъ, закончилось слѣдствіе: ни татары на запорожцахъ, ни запорожцы на татарахъ не должны искать никакихъ претензій по взаимнымъ обидамъ, совершеннымъ за прошлые два 1747 и 1748 и за текущій 1749 годы. Такое соглашеніе закрѣплено было 14-го іюня съ обѣихъ сторонъ письменными обязательствами, послѣ чего на другой же день, 16-го іюня, ханскіе депутаты со всѣми находившимися при нихъ турками и татарами выѣхали изъ Сѣчи [1]).

Кромѣ свѣдѣній о ходѣ слѣдственной коммиссіи, найденная мною переписка заключаетъ въ себѣ вообще черты быта Запорожья, не лишенныя историческаго интереса. Не имѣя въ виду исчерпывать ихъ, укажу лишь на нѣкоторыя.

1) Въ Сѣчи Запорожской, въ Войсковой канцеляріи, велся особый журналъ, въ который заносились разнаго рода жалобы на татаръ, заявленія о причиненныхъ имъ въ Крыму или въ пограничныхъ мѣстахъ обидахъ. Заявленія эти дѣлались или самими потерпѣвшими или свидѣтелями. На основаніи записей въ этомъ журналѣ составлялись и реестры претензій, какія посылались въ Кіевъ къ генералъ-губернатору, въ Бахчисарай къ хану и предъявлялись въ коммиссіяхъ, назначавшихся для разбора взаимныхъ жалобъ.

2) Въ Запорожской Сѣчи проживало не мало разнаго рода иностранцевъ, главнымъ образомъ, по торговымъ дѣламъ. Никифоровъ, жалуясь на шпіонство, говоритъ, что при немъ находилось въ Сѣчи до десяти человѣкъ армянъ „подъ претекстомъ купечества, у коихъ товару самой мелочи не болѣе будетъ, какъ на триста рублей, и оные

---

[1]) Въ приводимой г. Скальковскимъ выпискѣ изъ упомянутой выше „Записки“ подъ 15-мъ іюня читаемъ: „Поутру рано, когда секундъ-маіоръ съ опредѣленными отъ Коша депутатами сошлись, тогда въ скорости и ханскіе депутаты туда жъ прибыли и во первыхъ письменныя обовязательства съ ихъ стороны, первую о замѣнѣ, вторую о сысканіи козаковъ, въ слухъ, чрезъ сысканныхъ въ Сѣчи Запорожской грековъ (которые читать и писать по турецки знаютъ), чли; по выслушаніи которыхъ, и отъ стороны запорожскихъ депутатовъ таковое жъ имъ прочтено и оными, подписавъ и приложа свои печати, размѣнялись.—Того жъ дня по полудни въ 3-мъ часу ханскіе депутаты, для отданія визиту, были у кошевого атамана, а потомъ у секундъ-маіора Никифорова и у первенствующаго депутата Василія Сыча и со всѣми обрѣтаючимися при нихъ татарами отправилися въ Крымъ къ хану, а очаковскіе турки къ тамошнему пашѣ; и тако ни единаго человѣка како изъ турокъ, такъ и изъ татаръ въ Сѣчи Запорожской не осталось“ („Исторія Нов. Сѣчи“, ч. 2, стр. 136, изд. 1885 г.).

армяне о всемъ, происходящемъ здѣсь и въ Малой Россіи, развѣдавъ, въ Крымъ къ хану даютъ знать, и депутатамъ ночнымъ временемъ сообщаютъ".

Проживали въ Сѣчи и греки, торгуя такими товарами, какъ халва, финики, винныя ягоды, грецкіе и волоскіе орѣхи. Такъ во время производства слѣдствія проживали въ Сѣчи и обращались по своимъ дѣламъ въ коммиссію греки Янаки Мумджи, Кантарджи Хасанакій и Моско. Первый родомъ былъ изъ Очакова, гдѣ велъ торговлю въ компаніи съ однимъ янычаромъ, и затѣмъ, поссорившись съ компаніономъ, бѣжалъ въ Малороссію, женился въ м. Сорочинцахъ, гдѣ и проживалъ, а въ Сѣчь Запорожскую наѣзжалъ по торговымъ дѣламъ.

Ради торговыхъ дѣлъ проживалъ въ Сѣчи въ это время и сербинъ Николай. Бывали въ Сѣчи и татары въ качествѣ купцовъ. Такъ во время производства слѣдствія находился въ Сѣчи для покупки коровьяго масла бахчисарайскій татаринъ Кадырь, который и засвидѣтельствовалъ одну обиду, причиненную малороссіянину въ Перекопѣ тамошними янычарами.

3) Запорожскіе козаки ѣздили въ Крымъ, главнымъ образомъ, для покупки соли и винограднаго вина; но бѣдняки ходили туда и „громадить соль съ половины", какъ видно это изъ приложеннаго къ доношенію кошеваго атамана отъ 17-го января регистра. Въ Крыму же покупали козаки ружья, сабли, сѣдла, лошадей и сбрую; но всѣ эти предметы въ 1749 г. объявлены были заповѣдными, къ вывозу изъ Крыма запрещенными, на что и жаловались запорожцы, у которыхъ эти предметы были въ Крыму заграблены; по этому поводу и возникла переписка съ ханомъ. Запорожцы указывали, что названные предметы безвозбранно привозятся для продажи въ Сѣчь и въ Малую Россію самими татарами; слѣд., они къ вывозу изъ Крыма не воспрещены, и вывозъ этотъ долженъ быть дозволенъ и запорожцамъ.

4) Столкновенія съ татарами въ пограничныхъ мѣстахъ имѣли запорожцы большею частію, когда находились они на добычѣ звѣриной или на рыбной ловлѣ. Упоминается, между прочимъ, охота на дикихъ свиней. Воровство лошадей у татаръ въ мѣстахъ пограничныхъ составляло своего рода охоту для козаковъ молодыхъ и неимущихъ.

5) Въ 1749 г. куренными атаманами упоминаются: Пластуновскаго куреня—Алексѣй Вирминка, Брюховецкаго—Иванъ Передеря, Крыловскаго—Леонтій Таранъ, Ктиторовскаго—Иванъ Карабужа, Батуринскаго—Степанъ Калита, Левушковскаго—Григорій Сараджа или Сараджинъ,—всѣ безграмотные. Въ Запор. Гарду полковникомъ былъ Тихонъ Слинко.

А. Андріевскій.

Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ XVIII в.

Покойнымъ профессоромъ М. О. Кояловичемъ былъ предложенъ IX-му Археологическому Съѣзду, въ числѣ прочихъ, запросъ по отдѣлу церковныхъ древностей о необходимости болѣе точнаго и яснаго разграниченія разныхъ періодовъ церковнаго вліянія въ области искусства на Зап. Россію. Названный ученый различаетъ три періода этого вліянія: „византійско-кіевское", „московское" и „западное—особенно итальянское". Изучить по періодамъ каждое изъ этихъ вліяній, опредѣлить его характерные признаки и указать эпоху и районъ, ими захватываемые,— это работа, требующая многихъ лѣтъ и силъ. Мы не ставимъ своей задачей прослѣдить хотя-бы одно изъ этихъ вліяній во всей широтѣ, а имѣемъ въ виду болѣе скромную цѣль: сказать лишь нѣсколько словъ о возможности послѣдняго, т. е. итальянскаго вліянія на церковное искусство Западной Россіи; по этому поводу мы намѣрены сообщить ниже нѣсколько фактовъ изъ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ прошломъ—XVIII—вѣкѣ.

Кіево-Печерская Лавра, безспорно, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ грандіозныхъ памятниковъ въ исторіи нашей отечественной церкви по тому громадному значенію, какое всегда имѣлъ этотъ монастырь въ судьбахъ православія и народнаго просвѣщенія Западной Руси, а чрезъ нее и Руси Московской. Это значеніе настолько уже общеизвѣстно, всѣми признано и прочно установлено, что мы не видимъ необходимости повторять общія мѣста о немъ; совершенно понятна также и вся важность изслѣдованія этого замѣчательнаго памятника какъ со стороны исторической, такъ и археологической. Къ

сожалѣнію, при изученіи художественныхъ древностей Кіево-Печерской Лавры мы наталкиваемся на громадный пробѣлъ: тяжкая рука времени и вынесенныхъ въ теченіе многихъ столѣтій испытаній изгладила на стѣнахъ главнаго храма и самые слѣды той древней мусійной живописи, которою, по свидѣтельству Патерика и Синопсиса, онъ былъ нѣкогда украшенъ; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не открыто никакихъ остатковъ бывшаго.... Все сохранившееся не восходитъ далѣе XVIII столѣтія, такъ какъ страшный пожаръ 1718 г.—послѣдній въ ряду многихъ другихъ предшествовавшихъ—вновь обратилъ въ развалины храмъ, съ такими стараніями реставрированный Петромъ Могилою въ XVII вѣкѣ. Послѣ этого бѣдствія понадобилось около пятидесяти лѣтъ на обновленіе Лавры, о чемъ говорится и въ надписи, которая находится внутри великой церкви на колоннѣ, возлѣ лѣваго клироса. По этой краткой надписи, возобновленный храмъ былъ украшенъ живописью сначала — въ 1730 году, а потомъ въ 1776 г., когда церковь „внутри иконописнымъ художествомъ вновь на стѣнахъ и сводахъ совершеннѣе вся выписана и украшена тщаніемъ сея св. Лавры архимандрита Зосимы Валкевича". Въ „Описаніи Кіево-Печерской Лавры" митрополита Евгенія (изд. 1831 г.)[1]) относительно живописи на стѣнахъ великой церкви говорится, между прочимъ, слѣдующее: „по возобновленіи сея церкви (здѣсь, очевидно, подразумѣвается реставрація послѣ пожара 1718 г.) она внутри неоднократно росписываема была живописными красками. Послѣднее, донынѣ существующее на стѣнахъ, *превосходною греческою живописью*, начато было въ 1772 г. и окончено въ 1776 г. подъ надзираніемъ начальника лаврскихъ живописцевъ Захарія Голубовскаго восемью его учениками". На чемъ основано послѣднее свѣдѣніе—неизвѣстно, потому что въ дѣлахъ Лаврскаго архива, какъ мы увидимъ дальше, не сохранилось никакихъ указаній по этому поводу. Но оно-то, нужно полагать, и было причиной сложившагося мнѣнія, что живопись лаврская XVIII вѣка имѣетъ *греческій* характеръ.

Однако едва-ли это мнѣніе можетъ быть признано неоспоримымъ. Мнѣ пришлось встрѣтить факты, которые, по меньшей мѣрѣ, возбуждаютъ сомнѣніе въ томъ, чтобы живопись Кіево-Печерской Лавры

[1]) Стр. 301.

прошлаго вѣка носила даже греческій характеръ [1]). Первымъ толчкомъ къ возбужденію во мнѣ этого сомнѣнія послужилъ одинъ актъ прошлаго вѣка. Въ Центральномъ архивѣ нашего Университета сохранился документъ [2]), имѣющій прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Помѣченный 16-мъ января 1758 г., онъ заключаетъ въ себѣ претензію пріора Бердичевскаго кармелитскаго монастыря Іозефа къ нѣкоему живописцу Фридерику. Послѣдній, называемый здѣсь „иноземцемъ-маляромъ", взялъ на себя по контракту производство нѣкоторыхъ живописныхъ работъ въ Бердичевскомъ монастырѣ. Не выполнивъ своихъ обязательствъ, гласитъ далѣе претензія, и забравъ впередъ нѣкоторую сумму денегъ, Фридерикъ покинулъ Бердичевскій монастырь и перешелъ въ Кіево-Печерскую Лавру, вслѣдствіе чего и возникла жалоба со стороны пріора Іозефа, занесенная въ Кіевскую пограничную книгу подъ вышеозначенной датой. Въ этой жалобѣ, разсматривавшейся на русскомъ пограничьѣ, гдѣ находился въ ту пору отвѣтчикъ, указываются и нѣкоторыя изъ работъ, взятыхъ на себя Фридерикомъ въ Бердичевскомъ монастырѣ; такъ, между прочимъ, онъ занимался тамъ разрисовкой образовъ на алтаряхъ—главномъ и боковыхъ. Для насъ эта подробность имѣетъ особенное значеніе, потому что въ мастерѣ, которому поручались такія важныя работы Бердичевскимъ монастыремъ, нужно признать не заурядnаго маляра въ нашемъ общепринятомъ смыслѣ, а въ значительной степени живописца-художника.

Вспомнимъ, что Бердичевскій кармелитскій монастырь, основанный Янушемъ Тышкевичемъ около 30-хъ годовъ XVII вѣка, былъ наиболѣе примѣчателенъ изъ католическихъ монастырей, возникшихъ на Украйнѣ въ періодъ польскаго господства. Въ слѣдующую за тѣмъ эпоху козацкихъ войнъ Бердичевскій кляшторъ былъ обращенъ почти въ развалины и только съ 30-хъ годовъ XVIII вѣка, когда волненія въ правобережной Украйнѣ, повидимому, нѣсколько улеглись, начинается его обновленіе: сначала реставрируется нижній храмъ, а съ 1750 г. отстраивается и верхній. Ко времени окончанія послѣдняго, въ 1753 г.,

[1]) Сомнѣніе въ немъ было высказано еще коммиссіей, учрежденной по Высочайшему повелѣнію 26 декабря 1842 г., для освидѣтельствованія существовавшей прежде и вновь произведенной въ соборной лаврской церкви живописи (см. объ этомъ рефератъ поч. чл. П. Г. Лебединцева, читанный имъ въ засѣданіи Общества Нестора лѣтописца 26 февраля 1878 г.—„Чтенія", кн. 2-я, стр. 34—42).

[2]) Кн. № 302, л. 92.

папа Бенедиктъ XIV прислалъ въ даръ монастырю, по установившемуся обычаю, нѣкоторыя священныя реликвіи, а также и двѣ золотыя короны къ чудотворному образу Богоматери. Бердичевскій монастырь кармелитовъ во второй половинѣ прошлаго вѣка получаетъ важное значеніе въ судьбахъ католицизма на правомъ берегу Днѣпра. При монастырѣ устраивается типографія, въ которой печатались книги не только чисто богословскія, но также историческія, агрономическія и проч. [1]).

Мы нѣсколько подробно сказали о значеніи этого монастыря, съ тою цѣлью, чтобы показать: 1, что тутъ, именно въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, происходила усиленная дѣятельность по обновленію живописи древняго храма, а слѣдовательно чувствовалась и потребность въ искусномъ живописцѣ, 2, что монастырь, располагавшій такими большими матеріяльными средствами и съ такими широкими интеллектуальными запросами, какъ Бердичевскій кармелитскій, не могъ остановить свой выборъ художника для производства работъ въ храмѣ на какой-нибудь посредственности. Отсюда понятно, почему изъ извѣстнаго католическаго монастыря художникъ переходитъ или перезывается на работу въ еще болѣе важный по своему значенію православный монастырь, почему изъ-за этого «иноземца маляра» возникаетъ даже судебное дѣло. Очевидно, искусство художника цѣнилось весьма высоко, и это былъ «маляръ» совсѣмъ не простой, котораго легко можно было-бы замѣнить. Для дальнѣйшаго выясненія заинтересовавшаго насъ сюжета оставалось, въ дополненіе къ акту Центральнаго архива, поискать добавочныхъ свѣдѣній въ архивѣ Кіево-Печерской Лавры, куда я и получилъ доступъ, благодаря любезному вниманію намѣстника Лавры, о. архимандрита Сергія, которому считаю долгомъ выразить мою сердечную благодарность. Тамъ я имѣлъ возможность найти нѣкоторыя, для меня необходимыя, свѣдѣнія, хотя далеко не могъ извлечь изъ старыхъ дѣлъ Лавры отвѣта на всѣ явившіеся у меня вопросы. Сущность того, что найдено мной въ этихъ дѣлахъ, заключается въ слѣдующемъ.

19-го сентября 1760 г., въ священно-духовномъ соборѣ Кіево-Печерской Лавры [2]) разсматривалось заявленіе того же самаго живо-

---

[1]) Słownik geograficzny królewstwa Polskiego i innich krajov słowiańskich, wydany pod redakcyą Filipa Sulimierskiego, etc. (стр. 184, 185 и слѣд.).

[2]) Дѣло Лавр. архива № 173, св. 6-я.

писца Фридерика, который, какъ мы видѣли, перешелъ изъ Бердичевскаго кармелитскаго монастыря въ Кіево-Печерскій еще предъ началомъ 1758 г. Изъ этого заявленія, собственноручно подписаннаго художникомъ, мы прежде всего узнаемъ его настоящее имя—*Веніаминъ Фридериче*—которымъ опредѣляется и національность (итальянская) его и вѣроисповѣданіе (очевидно, католическое). Въ поданномъ заявленіи Фридериче предъявляетъ свои условія для назначенія ему отъ Лавры „*и на будущее время*“ годичнаго оклада за его работу,—слѣдовательно, онъ получалъ таковой раньше. По разсчету канцеляріи К.-П. Лавры испрашиваемая имъ деньгами и припасами плата должна была составлять рублей 300 въ годъ, сумму по тому времени довольно значительную [1]). Внизу, подъ заявленіемъ художника, рукою архимандрита Лавры, Луки Бѣлоусовича, сдѣлана помѣта: „на годъ можно еще принять, однако и работу въ соборѣ и контрактъ заключить дозволяется; и зделать договоръ пристойнымъ образомъ и, когда подпишетъ Фридериче, намъ представить; о семъ произвесть договоръ съ вѣдома превелебнаго отца Ѳеодосія“. Послѣдній, какъ оказывается изъ его подписи, былъ тогда писаремъ, т. е. дѣлопроизводителемъ, священно-духовнаго Лаврскаго собора. Соборъ, разсмотрѣвъ это дѣло, постановилъ однако живописца Фридериче на годовой окладъ не принимать, а „ежели онъ пожелаетъ работу, гдѣ будетъ потребно по его искусству, продолжать, то платить ему деньгами отъ всякой штуки“. На этомъ постановленіи мы встрѣчаемъ и конфирмацію архимандрита Луки: „понеже знатно(му) по искусству Фридерицови нынѣ при Лаврѣ работъ не имѣется, для того и принимать его на годовое жалованіе нужды не состоитъ; а ежели что будетъ дѣлать, отъ того дѣла и плату ему по договору получать“.

Тутъ же, очевидно, и было порѣшено, что дальше долженъ дѣлать Фридериче, непринятый теперь, за неимѣніемъ подходящей къ его искусству работы при Лаврѣ, на годовой окладъ, которымъ онъ пользовался раньше. Дальнѣйшая его работа, съ платою поштучно, не имѣвшая въ глазахъ Лаврскаго собора такого уже важнаго значенія, какъ прежняя (такъ и оставшаяся необозначенною), должна была

---

[1]) По грамотѣ императрицы Елизаветы Петровны отъ 11 декабря 1742 г. на содержаніе Кіевской духовной академіи было назначено 200 р. въ годъ (Памятники врем. ком. для разбора древнихъ актовъ. Т. II, отд. I, 263 стр.).

состоять въ слѣдующемъ: разрисовать разными красками „безъ фигуровъ“ потолокъ, стѣны украсить живописью, „съ перспективной архитектурою“, изображающею, вѣроятно, виды различныхъ зданій, а двери—видами разныхъ „областей“ (т. е. пейзажами). Здѣсь, нужно полагать, рѣчь идетъ объ отдѣлкѣ живописною работою архимандричьихъ покоевъ, къ возведенію которыхъ незадолго предъ этимъ приступили. Давая возможность намъ до нѣкоторой степени ознакомиться со вкусами и эстетическими требованіями той эпохи, этотъ документъ представляетъ на мой взглядъ другое, гораздо болѣе важное, значеніе. Изъ него предъ нами раскрывается тотъ фактъ, что въ теченіе двухлѣтняго предыдущаго пребыванія въ стѣнахъ Лавры Фридериче исполнялъ какую-то живописную работу, которой администрація Лавры придавала болѣе серьезное значеніе, положивъ ему раньше годичный окладъ, въ чемъ было отказано въ 1760 г. Хотя въ разсмотрѣнномъ нами документѣ Лаврскаго архива и нѣтъ объ этой работѣ положительныхъ данныхъ, но едва-ли можно допустить пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ монастырѣ западно-европейскаго художника (и при томъ пользовавшагося относительною, конечно, извѣстностью) съ другою цѣлью, помимо участія его въ церковной живописи[1]).

Но почему-же Лавра приглашаетъ для живописныхъ работъ иностраннаго художника и удерживаетъ его у себя нѣсколько лѣтъ сряду, почему были игнорируемы ею свои мѣстные художники? Отвѣтить на этотъ вопросъ обстоятельно станетъ тогда только возможно, если будутъ собраны точныя и подробныя свѣдѣнія о состояніи живописнаго ис-

[1]) Во время пребыванія въ Кіевѣ Веніамина Фридериче заканчивалась отдѣлкой и церковь св. Андрея Первозваннаго, построенная по плану знаменитаго архитектора Растрелли. Закревскій въ своемъ „Описаніи Кіева“ (стр. 182) высказываетъ мнѣніе, что образа иконостаса писаны на холстѣ „на манеръ итальянской живописи“ и что, по увѣренію знатоковъ, особенно высокими достоинствами отличается запрестольный образъ Тайной вечери, писанный на деревѣ; одни увѣряютъ, что это произведеніе кисти Леонардо да Винчи, другіе же приписываютъ его „какому-то неизвѣстному Арнольдо да Винчи. Закревскій вполнѣ основательно, не зная о пребываніи около 1760-хъ гг. въ Кіевѣ художника-итальянца, сомнѣвается въ вѣрности слуховъ о Винчи, хотя соглашается, что картина эта есть хорошая академическая работа, и только. Если же теперь принять во вниманіе, что Веніаминъ Фридериче находился въ это время въ Кіевѣ и при томъ безъ опредѣленной работы, то легко допустить его участіе въ изготовленіи иконъ для Андреевской церкви на холстѣ и на деревѣ и понять основаніе толковъ о какомъ-то неизвѣстномъ Арнольдо да Винчи.

кусства въ Кіевѣ, въ которомъ, какъ центрѣ умственной и религіозной жизни Западной Руси въ то время, должны были развиваться и искусства. Нѣкоторыя, правда отрывочныя, данныя и по этому вопросу мнѣ также удалось извлечь изъ Лаврскаго архива. По этимъ даннымъ, Кіево-Печерскій монастырь въ прошломъ столѣтіи разсматривался какъ такой просвѣтительный центръ для Западной Руси, гдѣ можно было научиться и иконописи. Примѣчательнѣе всего, что такой взглядъ раздѣлялся даже учителями русскихъ художниковъ—греками. Такъ, грекъ Николай Апостолъ,[1]) уроженецъ турецкаго города Охриды, обучавшійся уже на родинѣ около 7 лѣтъ церковной живописи, по пріѣздѣ въ Кіевъ съ греческимъ архимандритомъ Софроніемъ въ 1755 г., подалъ просьбу объ опредѣленіи его въ Лавру для обученія иконописи. Архимандритомъ Лавры Лукою Бѣлоусовичемъ положено было опредѣлить просителя къ иконописцу Антону Подгорецкому и «обучать его лучше токможъ з греческа». Для монастырей-же и церквей западнорусскихъ Кіево-Печерская Лавра безспорно служила разсадникомъ и поставщикомъ иконописцевъ: въ стѣнахъ ея пребывали не только иконописцы-монахи, но и занимавшіеся церковною живописью свѣтскія лица, къ которымъ очень часто поступали заказы отъ разныхъ монастырей и церквей какъ съ праваго, такъ и съ лѣваго берега Днѣпра; напр., въ 1756 г. жительствовавшій въ протекціи Лавры иконописецъ Иванъ Косачинскій [2]) отправляется къ черниговскому епископу Ираклію для написанія иконостаса въ его Кіянской церкви. Мы встрѣтили, кромѣ того, на протяженіи немногихъ лѣтъ рядъ фактовъ, показывающихъ, что въ Кіево-Печерскій монастырь поступали люди разныхъ возрастовъ и состояній для обученія иконописи. Такимъ образомъ, если Лавра высылала отъ себя иконописцевъ для украшенія храмовъ Южной Руси, если она принимала учениковъ для обученія, то само собою рождаются теперь вопросы: 1, какой характеръ носило это обученіе иконописи при Лаврѣ, т. е. были ли это занятія отдѣльныхъ лицъ и, такъ сказать, полуприватныя, или-же тутъ устроена была для этой цѣли спеціальная школа? 2, на какой высотѣ у самихъ учителей стояло искусство, привлекавшее немалое число лицъ, стремившихся сюда для этой цѣли часто изъ мѣстностей довольно отдаленныхъ?

---

[1]) См. дѣло Лавр. архива № 115, св. 5-я.

[2]) Дѣло Лавр. архива № 129, св. 6-я.

До 1763 г. никакой спеціальной школы для обученія церковной живописи при Лаврѣ не было. Такая школа впервые была устроена при архимандритѣ Зосимѣ Валькевичѣ 17-го мая 1763 г., когда послѣдовало распоряженіе архимандрита, на основаніи постановленія священно-духовнаго собора, «о бытіи въ Лаврѣ единой только малярнѣ, а прочія келейныя малярскія обученія уничтожить» [1]). При этомъ положенъ былъ и комплектъ обучающихся: 10 «молодиковъ» и не болѣе 20 учениковъ.

Такимъ образомъ, можно предполагать, что прежнее обученіе живописи—до 1763 г.—носило характеръ отдѣльныхъ и частныхъ занятій по келіямъ у монаховъ-иконописцевъ, т. е. имѣло характеръ кустарнаго промысла, поддерживаемаго лишь Лаврой въ средѣ своихъ монаховъ, которые по доброй волѣ занимались живописью сами и обучали искусству другихъ. При такой постановкѣ занятій не могъ быть, конечно, высокъ и уровень изучаемаго этимъ путемъ искусства: при очевидно полномъ отсутствіи контроля, иконописцы спѣшили лишь исполнять заказы, и времени для правильнаго обученія не оставалось у нихъ. Это, между прочимъ, доказываетъ жалоба игумена Кіево-Кирилловскаго монастыря Ѳеофана въ 1759 г. [2]) на лаврскаго иконописца іеромонаха Алимпія по поводу неискусно сдѣланныхъ послѣднимъ «страстныхъ картинъ» и другихъ образовъ, которые онъ взялся нарисовать «фабрами добрыми венецкими». Послѣдствіемъ этой жалобы было постановленіе Лаврскаго собора, чтобы «впредь Алимпій никакихъ работъ безъ вѣдома Лавры не подряжался;» слѣдовательно, раньше, до этой жалобы, иконописцы принимали заказы и исполняли ихъ безъ вѣдома Лавры, какъ свободные кустари. Учрежденіе «малярни», вызванное, быть можетъ, час-

[1]) Дѣло Лавр. архива № 211.

[2]) Не лишнимъ считаю отмѣтить здѣсь и тотъ фактъ, показывающій, насколько неполно обнимаютъ сохранившіяся въ Лаврскомъ архивѣ дѣла содержаніе разныхъ сторонъ внутренней жизни этой обители, что въ разсмотрѣнной мною описи дѣлъ не сохранилось никакихъ указаній относительно происходившей въ четырехлѣтній промежутокъ времени 1772—1776 гг. реставраціи живописи въ великой церкви. Правда, въ каталогѣ рукописей Лаврской библіотеки мы встрѣтили подъ № 183 такую запись: «Описаніе изображеній, находящихся внутри великой церкви; рукопись прошедшаго столѣтія на 60 листахъ». На просьбу мою о выдачѣ мнѣ этой рукописи г. библіотекарь заявилъ, что она дана кому-то на руки и не возвращена. Мы остаемся такимъ образомъ въ невѣденіи, описаны ли тамъ изображенія 1772—76 гг. или произведенія кисти Веніамина Фридериче 1758—60 гг.

тымъ повтореніемъ подобныхъ жалобъ, повидимому, поставило въ нѣсколько лучшія условія состояніе живописнаго мастерства при Лаврѣ. Такъ, изъ сказаннаго раньше мы уже знаемъ, что обновленіе живописи въ великой лаврской церкви въ промежутокъ 1772—1776 г. было совершено собственными силами, какъ это видно также и изъ надписи у лѣваго клироса. Живопись эта, по словамъ митрополита Евгенія, была исполнена восемью учениками недавно устроенной «малярни» подъ руководствомъ начальника и руководителя послѣдней іеромонаха Захарія Голубовскаго. Въ тоже время въ лаврскую школу являются живописцы [1]) и для довершенія художественнаго образованія; такъ, въ 1775 г. извѣстнымъ епископомъ могилевскимъ Георгіемъ Конисскимъ былъ присланъ въ Лавру на зимнее время для усовершенствованія въ иконописи іеромонахъ Свято-Богоявленскаго Могилево-братскаго монастыря Іосифъ [2]). Архимандритомъ Зосимою Валькевичемъ назначено было Іосифу жить въ «малярнѣ» и совершенствоваться подъ наблюденіемъ начальника оной, того же іеромонаха Захаріи.

Такимъ образомъ, хотя К.-П. Лавра и считалась центромъ церковной живописи для всего православнаго Запада и Юга Россіи въ теченіе большей половины XVIII в., но въ ней самой искусство это очень долгое время стояло не высоко и сильно чувствовалась потребность въ лучшей постановкѣ дѣла. Потребность эта хотя ясно сознавалась, но удовлетворить ее собственными силами было не легко: давнія знанія, пріобрѣтенныя Русью отъ своего первоучителя—Византіи, изсякли совершенно къ этому времени; въ этой послѣдней развитіе живописи также остановилось, и сами греки, какъ мы видѣли, пріѣзжали уже учиться къ намъ. Поневолѣ приходилось обращать взоры къ Западу. Необходимость особенно усиливалась непрекращавшейся борьбою съ католичествомъ. Нужно было дѣйствовать и въ этомъ запросѣ культуры такъ же, какъ приходилось поступать и въ другихъ случаяхъ, напр. въ распространеніи просвѣщенія, т. е. стать на путь заимствованія. Вотъ почему Кіево-Печерская Лавра и приглашаетъ къ себѣ Веніамина Фридериче, снискавшаго себѣ репутацію хорошаго мастера. И это происходитъ какъ разъ въ ту пору, когда въ Лаврѣ ощущалась такая потребность въ хорошемъ мастерѣ живописнаго дѣла—наканунѣ открытія «малярни», т. е. спеціальной уже школы для обученія живописи.

---

[1]) Дѣла Лавр. архива №№ 148 и 157.

[2]) Дѣло Лавр. архива № 548.

Исходя изъ только что разсмотрѣнныхъ фактовъ, я позволяю себѣ высказать мнѣніе, что живопись Кіево-Печерской Лавры въ немногихъ сохранившихся еще остаткахъ отъ прошлаго столѣтія можетъ представить нѣкоторый научный интересъ, какъ одна изъ страницъ въ исторіи искусства, раскрывающая намъ соприкосновеніе двухъ культуръ, столь отличныхъ по своему характеру, а именно, византійско-русской и западно-латинской. Опредѣлить, что принадлежитъ одной и что—другой, правда, не легко, такъ какъ отъ живописи прошлаго столѣтія въ Кіево-Печерской Лаврѣ сохранилось очень немногое, да и сохранившееся, вѣроятно, будетъ уничтожено при предстоящей новой разрисовкѣ великой церкви. Не причисляя себя къ числу лицъ, компетентныхъ въ области искусства, и, вдобавокъ, вслѣдствіи кратковременности пребыванія въ Кіевѣ, не найдя возможности посѣтить Бердичевскій костелъ, чтобы осмотрѣть его живопись вообще и въ частности тѣ пункты, гдѣ въ нашемъ актѣ указывались работы Фридериче, я тѣмъ не менѣе однако же при обозрѣніи великой церкви въ К.-П. Лаврѣ свое вниманіе остановилъ на стѣнной живописи въ боковыхъ придѣлахъ, которая, по моему крайнему разумѣнію, можетъ относиться къ XVIII в.; главнымъ образомъ, это касается придѣла св. первомученика Стефана. На мой взглядъ здѣсь встрѣчаются еще кое-гдѣ изображенія святыхъ, которыя носятъ отпечатокъ скорѣе западно-европейскаго, чѣмъ греческаго вліянія [1]). Такъ напр., здѣсь бросается въ глаза изображеніе св. Елисаветы, представляющее теперь лишь уцѣлѣвшую часть прежняго образа, на которомъ, очевидно, была изображена евангельская встрѣча Богоматери и св. Елисаветы. Ликъ Пресвятой Дѣвы оказался задѣланнымъ при недавней сравнительно постройкѣ печей; въ изображеніи св. Елисаветы, исполненномъ не безъ художественности, обращаетъ на себя вниманіе нимбъ, нарисованный по образцу католическихъ иконъ надъ головой въ видѣ окружности. Замѣчательно, что и коммиссія, образованная въ началѣ 40-хъ гг. по Высочайшему повелѣнію императора Николая для разсмотрѣнія производившейся при митрополитѣ кіевскомъ Филаретѣ новой иконописи въ великой лаврской церкви, высказалась при этомъ случаѣ и по поводу прежней, что ее трудно признать византійскою какъ по характеру, такъ и по манерѣ рисунка [2]).

[1]) Замѣтимъ кстати, что и живопись древняго Межигорскаго монастыря носитъ слѣды тогоже вліянія.

[2]) См. «Чтенія въ Историч. Общ. Нест. лѣт.», кн. 2-я., стр. 34—42.

Тѣмъ не менѣе однакоже, съ полной увѣренностью можно утверждать, что администрація К.-П. Лавры въ XVIII в. зорко оберегала установившіеся пріемы православной иконописи, если даже ей приходилось поневолѣ поручать это дѣло католику-иконописцу, какъ въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ. Припомнимъ въ сохранившемся съ Фридериче договорѣ то мѣсто, гдѣ ему поручается расписать потолокъ покоевъ, но съ оговоркой: «безъ фигуровъ»,—тутъ, очевидно, идетъ рѣчь объ изображеніяхъ древнеклассической миѳологіи.

Такъ какъ все сказанное до сихъ поръ должно быть разсматриваемо лишь какъ одинъ изъ фактовъ, дающій основаніе только къ постановкѣ на немъ общаго вопроса, и никоимъ образомъ не можетъ претендовать, какъ мы сказали въ началѣ, на рѣшеніе его, то я въ заключеніе нахожу цѣлесообразнымъ намѣтить для будущаго изслѣдователя слѣдующіе пункты:

1) О необходимости сравнительнаго изученія живописи древнихъ православныхъ и католическихъ храмовъ Западной Россіи, чтобы опредѣлить, существовало-ли взаимное вліяніе западнаго и византійскаго искусства, каковъ былъ порядокъ и степень его. Отсюда уже самъ собою выяснится не только вообще вопросъ, столь чутко затронутый покойнымъ проф. Кояловичемъ, но и въ частности также вліяніе на указанную нами мѣстную школу, открытую при Кіево-Печерской Лаврѣ съ 1763 г.?

3) Не создала ли лаврская школа живописи, учрежденная въ 1763 г., хотя какого-нибудь съ теченіемъ времени своего особеннаго направленія въ нашей иконописи; другими словами: нельзя ли прослѣдить время колебанія между господствовавшимъ значительно раньше вліяніемъ греческимъ и столь вѣроятнымъ вліяніемъ западно-европейскимъ въ XVII—XVIII вв. и время выработки тѣхъ особенныхъ чертъ, которыя отличали работы художниковъ кіевской школы?

Тотъ или другой отвѣтъ на эти вопросы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ почти совсѣмъ не разработанные, несомнѣнно представитъ одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ въ исторіи русской живописи.

М. Истоминъ.

Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири.

Производившееся съ 1887 по 1892 годъ на средства Министерства Государственныхъ Имуществъ, по Высочайшему повелѣнію, въ цѣляхъ предстоящаго землеустройства сибирскихъ крестьянъ, статистическо-экономическое изслѣдованіе такъ называемой Восточной Сибири дало мнѣ, съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей по работѣ, возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія и по исторіи ея заселенія. Въ программу изслѣдованія, преподанную намъ отъ Министерства, вопросы исторіи совсѣмъ не входили. Но необходимость быть при производствѣ изслѣдованія въ каждомъ населенномъ пунктѣ, вступать въ бесѣду съ населеніемъ каждой самой маленькой деревеньки объ экономическихъ условіяхъ его жизни, о мѣстныхъ условіяхъ и особенностяхъ, о бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, которыя оно переносило, давала возможность попутно, кстати, почти не увеличивая времени на производство изслѣдованія въ установленныхъ программою предѣлахъ, собирать отъ того же населенія и свѣдѣнія о времени его поселенія, объ исторіи основанія селеній и обстоятельствахъ его сопровождавшихъ.

Собранный этимъ путемъ матеріалъ по исторіи заселенія, какъ совершенно не относящійся къ задачамъ производившагося, на средства Министерства, изслѣдованія, спеціальной обработкѣ—въ числѣ прочихъ добытыхъ при помянутомъ изслѣдованіи данныхъ—не подлежалъ и подлежать не могъ.

Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ бы оставаться безъ пользы, и это соображеніе побудило меня воспользоваться имъ въ данномъ случаѣ, какъ темой для настоящаго доклада въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца.

Поэтому я буду имѣть честь въ настоящемъ краткомъ изложеніи представить гг. членамъ Общества содержаніе помянутаго матеріала, по скольку онъ касается одной изъ изслѣдованныхъ губерній—Енисейской.

Но прежде чѣмъ приступить къ этому изложенію, я долженъ ознакомить читателей съ пріемами, употребленными для собиранія матеріала, съ его особенностями, достоинствами и недостатками и, такъ сказать, подвергнуть его извѣстной критикѣ, которая дала бы необходимое представленіе о томъ, на сколько и въ какихъ предѣлахъ можно имъ пользоваться.

Помянутое мною статистическое изслѣдованіе производилось объѣздомъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ подлежавшаго изученію края, т. е. собираніе данныхъ велось на мѣстахъ путемъ непосредственнаго опроса мѣстныхъ жителей и подворной переписи всего населенія. На мѣстахъ же по этому производились и разспросы у жителей—преимущественно въ *данномъ* случаѣ у стариковъ и дѣдовъ,—обо всемъ томъ, что сохранилось у нихъ въ памяти о времени поселенія ихъ деревень въ этомъ краѣ, или что помнятъ они по этому поводу изъ разсказовъ своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

На первыхъ же порахъ при подобныхъ опросахъ удалось замѣтить, что мѣстное населеніе, въ общемъ, съ интересомъ относится къ своему прошлому, съ охотой разсказываетъ все, что знаетъ о себѣ и о сосѣдяхъ, само интересуется знать, „откуда—какъ они выражаются—пошло ихъ селеніе“, и т. п. Случалось, что когда вопросъ о прошломъ, обращенный къ цѣлому нарочито собранному сходу, не получалъ должнаго отвѣта, за отсутствіемъ стариковъ, помнящихъ еще давнія времена или разсказы своихъ отцовъ, то сходъ по собственной иниціативѣ, командировалъ кого-нибудь на другой конецъ деревни за старымъ дѣдомъ, лежащимъ на печкѣ. Нерѣдко бывало также, что сходъ рекомендовалъ спрашивающему самому посѣтить древняго старца, уже не двигающаго ногами, который все старое хорошо помнитъ и имъ самимъ все такъ складно, „точно по письмамъ“, много разъ разсказывалъ, „только они безъ него сами разсказать не берутся, боясь какъ бы чего не напутать“. Показанія, собранныя такимъ путемъ отъ жителей одной деревни, по возможности, сопоставлялись и провѣрялись съ однородными показаніями жителей сосѣднихъ селеній о времени и условіяхъ поселенія той же деревни: въ каждомъ селе-

ніи собирались по возможности, свѣдѣнія не только объ этомъ самомъ поселкѣ, но и объ окрестныхъ. Добытыя данныя сопоставлялись другъ съ другомъ въ видахъ дополненія недосказаннаго и возможнаго исправленія неточностей.

Тѣже свѣдѣнія, по возможности, собирались на мѣстахъ же и отъ должностныхъ лицъ волостныхъ правленій, которые иногда сообщали весьма цѣнныя указанія по этому вопросу отчасти вслѣдствіе знакомства своего съ нѣкоторыми архивными дѣлами, отчасти вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ перепиской по поводу образованія въ ихъ волости селеній, возникавшихъ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ,—иногда же давали важныя указанія по поводу того, гдѣ и къ кому надо обратиться, кто можетъ сообщить болѣе полныя и достовѣрныя по этому поводу данныя.

Къ разбору дѣлъ и вообще архивныхъ матеріаловъ приступать почти не приходилось, потому что ни я и никто изъ моихъ товарищей не располагали для этого необходимымъ временемъ и могли получать данныя по исторіи заселенія только попутно, только примѣняя тотъ же способъ разспроса, какой былъ нами принятъ для собиранія статистическихъ матеріаловъ,—*только по преданіямъ, сохранившимся у мѣстнаго населенія.* Этимъ въ извѣстной мѣрѣ ослабляется значеніе собраннаго матеріала. Прежде всего, очень давнія селенія совсѣмъ уже забыли всякія преданія о своемъ поселеніи и справку объ этомъ можно найти только въ однихъ архивахъ. Но и тамъ, гдѣ преданія еще существуютъ, мѣстами, за давностью времени, дѣды могли кое что позабыть, перепутать, ошибиться годами, упустить нѣкоторыя, иногда и существенныя, подробности. Передаваемое изъ устъ въ уста, отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ прадѣдовъ къ дѣдамъ, могло быть передано недостаточно точно. Чѣмъ поэтому дальше отъ насъ моментъ заселенія извѣстной мѣстности, тѣмъ менѣе точны собранныя о ея заселеніи данныя, тѣмъ менѣе точны указанія о времени. Въ то время какъ для селеній, основанныхъ въ недавнее время, моментъ ихъ основанія могъ быть установленъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, съ точностью до одного года, для селеній значительно болѣе старыхъ такая точность остается доступной лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ,и время опредѣляется съ приблизительными колебаніями въ 3—5—10 лѣтъ, смотря по давности прошедшаго съ тѣхъ поръ періода. Для селеній же въ дѣйствительности основавшихся еще до прапрадѣ-

довъ—лѣтъ 150—200 и болѣе назадъ—моментъ ихъ возникновенія опредѣляется обыкновенно лишь круглыми цыфрами съ колебаніями въ 30—50, а иногда и болѣе лѣтъ, въ извѣстныхъ случаяхъ дающими однако, при счетѣ пережившихъ поколѣній и по другимъ, одновременно сообщаемымъ даннымъ объ условіяхъ заселенія, о существовавшихъ въ то время деревняхъ въ окрестностяхъ и проч., матеріалъ для болѣе или менѣе точнаго установленія момента, съ котораго существованіе селенія оказывается возможнымъ признать несомнѣннымъ.

Прежде чѣмъ пользоваться этимъ матеріаломъ для обработки и выводовъ, зная уже его специфическіе недостатки и особенности, я все таки рѣшилъ испытать его сравненіемъ съ случайно добытыми мною оффиціальными архивными данными о времени заселенія по двумъ совершенно разнороднымъ районамъ. Сравненіе тѣхъ и другихъ данныхъ убѣдило меня въ томъ, что пользованіе свѣдѣніями, собранными отъ жителей разспроснымъ путемъ, вполнѣ допустимо и возможно при необходимой осторожности въ обращеніи съ ними, такъ какъ разспросныя свѣдѣнія, въ общемъ, незначительно отличаются отъ архивныхъ и то лишь относительно селеній очень давняго происхожденія.

Въ виду всего вышеизложеннаго, этимъ матеріаломъ хотя и можно пользоваться, но на него надобно все-таки смотрѣть какъ на приблизительный — и, главнымъ образомъ, по отношенію къ свѣдѣніямъ *собственно о времени* образованія отдѣльныхъ поселковъ. По этому при разборѣ этихъ данныхъ я старался, независимо отъ взаимной провѣрки собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ о разныхъ селеніяхъ свѣдѣній, по возможности, съ осторожностью установлять тотъ моментъ, который слѣдовало принять, какъ время, наиболѣе соотвѣтствующее дѣйствительному образованію того или другаго населеннаго пункта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось поэтому устанавлять даже не время дѣйствительнаго поселенія, а только моментъ, съ котораго фактическое существованіе извѣстнаго селенія въ данной мѣстности становилось несомнѣннымъ, оставляя въ то же время подъ вопросомъ самый моментъ возникновенія этого селенія. Этимъ все-таки достигалась возможность, пользуясь большимъ числомъ данныхъ, съ большею точностью установлять время, съ котораго извѣстные районы и мѣстности слѣдовало бы уже считать заселенными и

дѣлать между различными районами изслѣдованнаго края сравненія по времени заселенія, могущія въ извѣстной мѣрѣ уяснить и, такъ сказать, географическій ходъ его заселенія. Тѣмъ не менѣе, желаніе по возможности устранить сомнительные выводы изъ собранныхъ матеріаловъ, побудило меня совсѣмъ выдѣлить изъ разсмотрѣнія довольно значительную часть добытыхъ показаній. При 628 самостоятельныхъ населенныхъ пунктахъ 4-хъ округовъ (или уѣздовъ) *Енисейской* губерніи [1]), собранныя по исторіи заселенія данныя относятся приблизительно къ 550 такимъ пунктамъ, но около 100 изъ нихъ совсѣмъ изъяты мною изъ разсмотрѣнія въ виду ихъ недостаточности или же сомнѣнія въ достовѣрности; подлежащія такимъ образомъ изслѣдованію данныя относятся въ настоящемъ случаѣ лишь къ 461 населенному пункту, что однако составляетъ свыше 73% общаго числа населенныхъ пунктовъ въ этихъ округахъ.

При всемъ этомъ оказалась тѣмъ не менѣе цѣлая серія селеній, относительно которыхъ твердо установить удалось только то, что эти селенія несомнѣнно *старыя*, что мѣстное населеніе времени поселенія своего здѣсь не помнитъ, и ни у отцовъ, ни у дѣдовъ, ни у прадѣдовъ воспоминаній о времени образованія ихъ селеній никакихъ не сохранилось. Именно это отсутствіе какихъ бы то ни было воспоминаній, при неимѣніи какихъ-либо иныхъ точныхъ указаній о времени поселенія, и могло быть съ полною несомнѣнностью признано доказательствомъ того, что селеніе принадлежитъ къ числу старыхъ, пережившихъ, по крайней мѣрѣ, четыре или пять поколѣній.

Для человѣка, привыкшаго разрабатывать исторію на основаніи архивныхъ и вообще письменныхъ документовъ, такого рода матеріалъ, основанный исключительно на устныхъ преданіяхъ, имѣетъ вѣроятно весьма небольшую цѣну. Но въ данномъ случаѣ и въ его глазахъ цѣнность собраннаго матеріала неизбѣжно должна повыситься по слѣдующимъ причинамъ. Архивъ Красноярска—губернскаго города Енисейской губерніи—сгорѣлъ лѣтъ 10 назадъ и имѣвшіеся въ немъ цѣнныя данныя по настоящему вопросу утрачены такимъ образомъ безъ слѣда. Многіе мѣстные окружные (т. е. уѣздные) и волостные архивы тоже частію сгорѣли, частію утрачены и расхи-

[1]) О заселеніи которой только и будетъ рѣчь въ послѣдующемъ изложеніи.

щены; надзоръ же за ними и въ настоящее время неудовлетворителенъ, такъ что постепенно и они подвергаются расхищенію.

Такимъ образомъ исчезаетъ безповоротно масса данныхъ, по которымъ бы можно было возстановить исторію заселенія края. При такомъ условіи наличность данныхъ по этому вопросу, собранныхъ изъ устныхъ преданій, въ значительной мѣрѣ восполняетъ образовавшуюся брешь, которая такъ на вѣки и осталась бы брешью, если бы не обратить вниманія на сохраненіе этихъ преданій и предоставить населенію забыть о своемъ прошломъ даже и то немногое, что осталось еще въ его памяти по настоящее время.

На ряду со всѣмъ этимъ важно еще имѣть въ виду и то, что оффиціальныя данныя по исторіи образованія населенныхъ пунктовъ нерѣдко сами по себѣ недостаточны, опаздываютъ противъ дѣйствительности и потому сами по себѣ требуютъ дополненія ихъ устными преданіями.

Я хочу этимъ сказать, что оффиціальная переписка о возникновеніи и образованіи селенія весьма часто возбуждается только тогда, когда сами жители возникшаго селенія вздумаютъ возбудить передъ начальствомъ вопросъ объ оффиціальномъ признаніи ихъ существованія, или когда — какъ бываетъ въ Сибири — само начальство неожиданно откроетъ существованіе доселѣ неизвѣстнаго ему селенія. Въ обоихъ случаяхъ, между дѣйствительнымъ моментомъ возникновенія селенія и его оффиціальнымъ признаніемъ или, по крайней мѣрѣ, возбужденіемъ о немъ переписки, проходитъ извѣстный, иногда и очень продолжительный промежутокъ времени, при чемъ новопоселенцы не рѣдко даже нарочно, изъ боязни отвѣтственности за самовольный захватъ земли или наложенія податей за весь истекшій со дня поселенія періодъ, скрываютъ отъ начальства время дѣйствительнаго своего поселенія. За примѣрами ходить не далеко: д. Корелина, Новос. в. Минус. округа, основана около 150 лѣтъ назадъ, а деревнею стала считаться оффиціально только 120 лѣтъ назадъ; лѣтъ 80 назадъ крестьяне с. Кавказскаго, Тес. в. Мин. округа, стали заводить заимки въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ деревня Галактіоновская, а считается, что деревня существуетъ только 45 лѣтъ.; селеніе Кульчетское, Новос. вол., составляло раньше заимку с. Комскаго, которая начала свое существованіе лѣтъ около 100 назадъ, когда въ немъ было уже 40 дворовъ; въ Курагинскій заселокъ Можарку основатели ея — пермскіе и

вятскіе старовѣры—пришли за 3 года до оффиціальнаго его основанія и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, оффиціальная дата весьма нерѣдко опаздываетъ, и даже значительно запаздываетъ противъ дѣйствительности, и уже однимъ только этимъ обусловливается необходимость дополнять для выясненія истины имѣющіяся оффиціальныя архивныя данныя свѣдѣніями, добытыми изъ устъ самихъ жителей, такъ какъ иначе исторія заселенія и, въ особенности, время заселенія тѣхъ или другихъ мѣстностей по однимъ только оффиціальнымъ даннымъ — представилась бы въ нѣсколько неправильномъ видѣ.

Но эти оффиціальныя отступленія отъ неоффиціальной дѣйствительности весьма существенны и важны не только въ вопросѣ объ исчисленіи времени поселенія, но и въ другихъ отношеніяхъ. Въ архивахъ сохраняются только оффиціальныя данныя, въ которыя входятъ свѣдѣнія лишь, такъ сказать, о внѣшней сторонѣ образованія селенія. Это—прошеніе засельщиковъ о признаніи ихъ заселка селеніемъ и о прирѣзкѣ имъ земли, съ указаніемъ иногда—«для видимости начальства»—мотивовъ ихъ просьбы, соображеній, въ силу которыхъ имъ настоятельно требуется то и другое, затѣмъ свѣдѣнія о соотвѣтствующихъ «по сему прошенію» распоряженіяхъ начальства, о посылкѣ землемѣра и указаніи селенію границъ его оффиціальнаго земельнаго владѣнія (которое, надо замѣтить кстати, въ Сибири весьма часто совсѣмъ не согласуется съ дѣйствительнымъ), наконецъ свѣдѣнія о какихъ либо льготахъ, испрошенныхъ засельщиками и дарованныхъ правительствомъ; на этомъ дѣло и заканчивается. Что же было до и послѣ этого—все то остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. И только разспроснымъ путемъ оказывается возможнымъ разъяснить съ желательною подробностію высокоинтересную и поучительную для будущаго исторію выхода поселенцевъ съ родины и причинъ, побудившихъ ихъ къ этому, исторію ихъ дальняго и тяжелаго пути до Сибири и затѣмъ блужданія по незнакомой странѣ въ поискахъ за тѣмъ, «гдѣ лучше», причины и исторію неудачныхъ осѣданій на томъ или иномъ мѣстѣ, связанную съ разрушеніемъ только что основанныхъ хозяйствъ и переходомъ на новыя мѣста для новаго поселенія. Только этимъ разспроснымъ путемъ оказывается возможнымъ въ должной подробности выяснить исторію борьбы пришельцевъ съ инородцами, съ старожилами-сибиряками изъ-за захваченной земли, изъ-за права пахать, рубить и косить

тамъ, «куда топоръ и коса ходитъ» (такъ какъ отголоски борьбы этого рода далеко не всегда доходятъ до начальства и дѣлаются достояніемъ архивовъ), наконецъ исторію борьбы съ природой, съ чуждыми условіями жизни, съ новыми условіями хозяйства, исторію акклиматизаціи, осибиряченія новопришельцевъ — вплоть до того момента, когда новый поселокъ самъ уже начинаетъ считать себя старожильнымъ, сибиряцкимъ.—Слишкомъ много изъ всего этого, къ сожалѣнію, не проникаетъ въ наши архивы, и это само собою обусловливаетъ, мнѣ кажется, не только полезность собираемыхъ разспроснымъ путемъ данныхъ, но и желательность ихъ *даже и въ томъ случаѣ*, если вопросъ о заселеніи разрабатывается при полномъ запасѣ архивнаго матеріала.

Въ частности, данныя этого рода имѣютъ еще и то цѣнное практическое значеніе, что въ подробностяхъ выясняютъ исторію и дѣйствительныя причины неудачъ многихъ, имѣвшихъ мѣсто въ Сибири, правительственныхъ попытокъ по части подневольной и вообще правительственной колонизаціи края и даютъ цѣнныя для будущаго указанія, которыя врядъ ли найдутся въ оффиціальной перепискѣ по поводу устройства этихъ казенныхъ поселеній.

Добытыя разспроснымъ путемъ, свѣдѣнія эти могутъ имѣть еще для историка значеніе также указаній на долженствующіе храниться въ архивахъ цѣнные матеріалы, требующіе болѣе или менѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Многія селенія, напримѣръ, образовались такъ давно, что жители не помнятъ подробностей поселенія, но у нихъ твердо сохранились въ памяти такія черты изъ исторіи ихъ обоснованія, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе и возбуждаютъ интересъ къ розысканію соотвѣтствующихъ архивныхъ документовъ. Таковы указанія на то, что с. Шеламовское, Тасѣевской волости, Канскаго округа, заселено было будто бы по распоряженію правительства присылкою сюда мелкихъ дворянъ для усмиренія какихъ то инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ «чуди», о чемъ будто бы существуетъ указъ императрицы Екатерины II отъ 1768 года; что с. Суховское той же волости образовано по распоряженію правительства изъ части шайки разбойниковъ, пошаливавшихъ около г. Енисейска; что с. Тичино, Еловской волости, Красноярскаго округа, состоитъ изъ крестьянъ, поступившихъ добровольно будто-бы въ свое время, въ чаяніи для себя выгодъ, въ разрядъ помѣщичьихъ подъ власть какого то

случайнаго мѣстнаго землевладѣльца и отбывавшихъ на помѣщика барщину, тогда какъ вездѣ вокругъ ни о частныхъ землевладѣльцахъ, ни о помѣщичьихъ крестьянахъ, повидимому, и слуху не было.

Собранныя разспросами данныя, о которыхъ я говорю, составляютъ въ сыромъ видѣ довольно объемистый матеріалъ въ видѣ иногда отрывочныхъ, иногда подробныхъ записей по каждому отдѣльному населенному пункту: селу, деревнѣ, выселку, самостоятельной заимкѣ,—записей, часто весьма интересныхъ по подробностямъ въ нихъ сообщеннымъ; но излагать ихъ здѣсь было бы неумѣстно, потому что это потребовало бы слишкомъ много времени, утомило бы читателей и все-таки не дало бы возможности составить, при бѣгломъ чтеніи, достаточно яснаго представленія объ условіяхъ и характерѣ заселенія различныхъ мѣстностей края въ разное время. По этому въ данномъ случаѣ я постараюсь только, по возможности, ознакомить читателей съ тѣми выводами, которые, при осторожномъ пользованіи, вытекаютъ изъ этого матеріала, что одновременно и дастъ имъ понятіе объ условіяхъ и времени заселенія этого края и о значеніи собиранія такихъ свѣдѣній относительно существующихъ у населенія преданіяхъ по исторіи заселенія.

Для будущаго историка Сибири, конечно, важнѣе было бы, можетъ быть, имѣть эти, собранныя разспроснымъ путемъ, записи не сведенными: по отдѣльнымъ селеніямъ, въ ихъ первоначальномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что сводка не можетъ представить ихъ въ полномъ видѣ, не можетъ исчерпать даже половины заключающихся въ нихъ фактовъ. Но, высказавъ свою личную точку зрѣнія на значеніе этого матеріала, я—статистикъ по спеціальности—предоставляю Обществу, какъ компетентному въ историческихъ вопросахъ высказать окончательное сужденіе о томъ, долженъ ли этотъ сырой матеріалъ остаться только личнымъ моимъ достояніемъ и долженъ ли такого рода матеріалъ приниматься во вниманіе при изученіи мѣстной исторіи.

Теперь я обращусь къ разсмотрѣнію добытыхъ разспроснымъ путемъ данныхъ.

Изъ общаго числа нынѣ существующихъ 461 селеній, время основанія которыхъ болѣе или менѣе установлено, около 90 основаны съ помощью правительства; изъ нихъ около 20 составляютъ въ полномъ смыслѣ казенныя поселенія изъ поселенцевъ, изъ штрафныхъ

солдатъ, изъ переведенныхъ изъ Европейской Россіи козаковъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, взятыхъ въ солдаты, но только принятыхъ «въ зачетъ рекруть», а въ дѣйствительности употребленныхъ для заселенія Сибири; остальныя же изъ 90—приблизительно 70 поселковъ, основанныхъ съ пособіемъ отъ правительства, т. е. съ дарованіемъ льготъ на проѣздъ или на обзаведеніе, льготъ въ платежахъ, въ рекрутчинѣ, большею частію основаны вольными поселенцами, пришедшими по собственной иниціативѣ или по вызову правительства, сдѣланному тоже въ видахъ заселенія края. Все остальное (изъ 461—374) это вольныя поселенія, основанныя безъ денежнаго пособія казны на дорогу и на устройство на мѣстѣ. Меньшинство изъ нихъ основано непосредственно переселенцами изъ Европейской Россіи; небольшая часть—такими же переселенцами, но уже осѣдавшими въ другихъ мѣстахъ и потому обосновавшимися въ нынѣшнихъ селеніяхъ не непосредственно по приходѣ съ родины; большинство—крестьянами изъ сибирскихъ деревень, преимущественно той-же Енисейской губерніи—изъ такихъ деревень, которыя въ моментъ выхода изъ нихъ основателей этихъ новыхъ селеній считались уже сибиряцкими; или такими изъ нихъ выселенцами, которые уже болѣе или менѣе долго тамъ пробыли, обжились, значительно осибирячились и основались было тамъ достаточно прочно. Заселенцы этого рода либо прямо уходили съ насиженнаго уже мѣста на новое, болѣе для нихъ подходящее, заранѣе намѣченное, либо—рѣже—на поиски такого мѣста, или-же основывали новыя селенія такимъ образомъ: они постепенно отселялись неподалеку отъ своего селенія куда-нибудь поближе къ своимъ пашнямъ или покосамъ, или къ тому мѣсту, гдѣ былъ лучшій выпасъ скоту, не прерывая однако своихъ сношеній съ метрополіей и продолжая числиться при старой деревнѣ. Это образовывался выселокъ. Впослѣдствіи, разростаясь естественнымъ путемъ и притокомъ переселенцевъ извнѣ, онъ окончательно выдѣлялся въ особую деревню, пріобрѣтая новую кличку, но иногда, по старой привычкѣ, продолжая всетаки именоваться не селомъ, не деревней, а выселкомъ. Другой способъ отселенія былъ похожъ на этотъ. Нѣкоторые хозяева отселялись тоже поближе къ своимъ покосамъ и пашнямъ не окончательно, а только на время—на лѣто, чтобы не тратить времени на переѣзды къ дальнѣйшимъ угодьямъ. Для жилья они устраивали тамъ шалаши, а то и избы—благо лѣсу было вдоволь—и жили тамъ сначала дѣй-

ствительно только лѣтнее время. Такъ образовалась заимка. Но по мѣрѣ того, какъ заимочники расширяютъ свои распашки вокругъ заимки, кое кто, признавая уже болѣе выгоднымъ жить на заимкѣ и зиму, начинаетъ переселяться туда окончательно. Постепенно заимка превращается въ постоянный поселокъ, разростающійся впослѣдствіи тѣмъ же путемъ, какъ и выселокъ, и тоже отдѣляется современемъ отъ метрополіи въ особое самостоятельное селеніе, сохраняющее временами и въ своемъ названіи слѣды происхожденія отъ заимки; наприм., селеніе Голопуповка, оно-же «заимка Амонашевская», происшедшее изъ Амкаульской деревни Канскаго округа; селеніе Нижнезаимское Тинской волости и т. п. Иногда заимка разростается въ самостоятельное селеніе только, или исключительно, на счетъ притока новыхъ селеній изъ метрополіи, иногда же главную роль въ увеличеніи ея населенія играетъ притокъ новыхъ лицъ извнѣ, или же и то и другое вмѣстѣ. Изъ бывшей заимки жителей гор. Красноярска образовалось свыше 150 лѣтъ назадъ с. Кордачино пригородной Заледѣевской волости; изъ пригородной заимки жителей г. Ачинска и окрестныхъ деревень произошло лѣтъ 70 назадъ нынѣшнее село Бѣлоярское; такимъ образомъ селенія возникали не только изъ деревенскихъ, но и изъ нѣкоторыхъ городскихъ заимокъ. Иногда заимка основывалась нѣсколько инымъ образомъ. Новоприселенцы приходили въ уже существующее селеніе и просили общество о принятіи ихъ въ свою среду. Получивъ согласіе, они не водворялись въ селеніе или потому, что усадебное мѣсто было тѣсно, или потому, что разработку подъ пашни приходилось дѣлать вдали отъ селенія, такъ какъ все кругомъ него уже было разработано старожилами, или, наконецъ, потому, что хотѣли жить особо отъ старожиловъ. Поэтому они образовывали отдѣльный поселокъ, который, какъ песамостоятельный, считался заимкой, пока самъ не выдѣлялся въ особое, тоже самостоятельное общество (напримѣръ, Какуръ, Нахв. вол.). Общее число нынѣшнихъ селеній, завѣдомо происшедшихъ отъ выселковъ и заимокъ (послѣднихъ—въ особенности) достигаетъ почти 80, т. е. приблизительно 17% общаго числа нынѣшнихъ селеній, по вопросу о заселеніи которыхъ имѣются свѣдѣнія.

Въ образованіи селеній весьма важную роль играло между прочимъ присутствіе хотя бы самой ничтожной осѣдлости въ данномъ районѣ. Присутствія одного двора часто уже было достаточно для того, чтобы около него начали селиться одинъ за другимъ все новые

и новые засельники, и одинокая усадьба забравшагося въ глушь одинокаго же переселенца превращалась—иногда даже въ сравнительно короткое время—въ цѣлое селеніе. Присутствіе уже одного двора давало, во первыхъ, для вновь пришедшаго возможность общенія съ людьми среди таежныхъ условій жизни и нѣкоторое право въ извѣстной мѣрѣ разсчитывать на помощь старосела; во вторыхъ, оно, такъ сказать, подкрѣпляло новоприселенца въ правильности его соображеній объ удобствѣ даннаго мѣста, такъ какъ въ лицѣ одинокаго старосела онъ видѣлъ человѣка, тоже признавшаго эти мѣста удобными и уже доказавшаго это своимъ житьемъ здѣсь. Такимъ образомъ образовался, напримѣръ, такъ называемый выселокъ Шулпиха, Уринской волости Канскаго округа: выселился туда лѣтъ 20 назадъ пасѣчникъ Сафоновъ изъ с. Александровскаго, чтобы имѣть тамъ пчельникъ въ удобномъ мѣстѣ, а къ нему постепенно приселялись и другіе; на рѣчкѣ Поймѣ въ Анцырской вол. того же округа первымъ поселился мельникъ Рахмановъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ сравнительно старый уже заселокъ, извѣстный подъ именемъ заимки Пойминской; мельникъ переселился на построенную имъ мельницу, припахалъ пашни, а потомъ приселились и другіе; селеніе Сургутское Ачинскаго округа тоже образовалось подобнымъ образомъ: сначала одинъ, потомъ другой изъ жителей Балахты поставили здѣсь на рѣчкѣ мельницы и поселились, а погодя образовалось и цѣлое селеніе; большое село Свищево Вознесенской волости, уже существующее лѣтъ 200, основано выселенцемъ изъ с. Корнина, ходившимъ въ эти мѣста на охоту; посѣщая ихъ онъ приглядѣлъ себѣ мѣсто въ районѣ охоты, поселился и къ нему стали приселяться другіе. Впрочемъ, случаи одиночнаго поселенія, повидимому, были рѣдки, вслѣдствіе чего рѣдко же приходится слышать о селеніяхъ, основателями которыхъ были одинокіе засельщики. Этому не могла способствовать и сама природа, самыя условія поселенія, потому что и теперь еще въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ одна уже борьба съ тайгой, не говоря о борьбѣ со звѣремъ, о трудности одиночной, неартельной работы и проч.—является непосильной для одинокихъ засельщиковъ, такъ какъ разработываемое изъ-подъ тайги топоромъ и руками заростаетъ ею вновь со скоростью, почти недающею времени на дальнѣйшія новыя разработки. Тайга, что называется, „одолѣваетъ“ одинокаго засельщика, уничтожая вводимую имъ культуру... Этимъ,

повидимому, объясняются нерѣдкіе случаи возникновенія заселковъ на мѣстѣ оставленныхъ усадебъ, брошенныхъ или почти брошенныхъ селеній, хотя уходъ прежнихъ жителей съ даннаго мѣста, казалось бы, долженъ былъ вселить въ новоселахъ серіозное сомнѣніе въ его пригодности; но это, очевидно, далеко не всегда останавливало пришлецовъ отъ желанія воспользоваться трудами произведенной уже въ данномъ мѣстѣ разработки, такъ какъ послѣдняя несомнѣнно значительно облегчала первые ихъ шаги на мѣстѣ новаго поселенія. Напримѣръ, заселокъ Тюхтятъ Кураг. вол. заселенъ, несмотря на недавнее образованіе, уже второю серіею переселенцевъ—первымъ не пожилось и они переселились на новыя мѣста, потому что „климатъ дурной, земли плохія и поля сильно заростаютъ травами", и вотъ на мѣстѣ ихъ прежняго жительства живутъ уже новые пришлецы. С. Александровское, Уринской волости Канскаго округа, образовалось на мѣстѣ бывшей здѣсь прежде заимки Кочергиной, откуда въ то время уже ушли всѣ жители; оно—между прочимъ сказать—называлось и раньше с. Кочергинымъ, пока по предложенію земскаго засѣдателя, въ 1881 г. не переименовано въ Александровское. Дер. Мерзлая Солба, Абак. вол. Мин. округа, основана въ 1856 г. заселенцами, пришедшими изъ Пермской губерніи. Тамъ была глухая тайга въ гористой мѣстности, примыкающей къ отрогамъ Саянскаго хребта; еще и теперь дрова рубятъ тамъ подъ самой деревней. Хлѣбъ постоянно били морозы, заселенцы не выдержали и разбрелись на житье по другимъ селамъ, къ 1863 г. остался только одинъ дворъ. Несмотря на это, съ 1863 г. Мерзлую Салбею посѣтило семь переселенческихъ партій, изъ которыхъ въ концѣ концовъ поселилось здѣсь 40 дворовъ; изъ всѣхъ ихъ теперь осталось на мѣстѣ только четыре. Впрочемъ, отчасти такія кратковременныя и неудачныя приселенія зависятъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ еще и отъ того, что селенія эти въ извѣстный періодъ переселенческаго движенія оказываются какъ разъ на пути главнаго теченія переселенческаго потока.

Новоселы, какъ сказано, поселялись не только по одиночкѣ, но и цѣлыми партіями. Они или приселялись къ уже существовавшимъ поселкамъ, или, облюбовавъ подходящее для новой осѣдлости мѣсто, основывали на немъ новую деревню и распространяли культуру въ дикихъ степяхъ и глухихъ тайгахъ отдаленнаго суроваго края.

Схему этого завладѣнія свободными нетронутыми землями края можно, на основаніи собранныхъ данныхъ, изобразить въ краткихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Облюбовавъ извѣстный участокъ, такъ или иначе—путемъ ли свободнаго захвата „ничьей“ земли, или же путемъ насилія и вытѣсненія съ нея какого нибудь трусливаго инородца, прежняго ея владѣльца,—пришлецъ строился на новой землѣ и начиналъ ее культивировать. Онъ шелъ въ окружающій „пустопорожній“, т. е. некультивированный, дикій и никому лично не принадлежащій лѣсъ и подъискивалъ мѣсто поровнѣе, съ подходящей почвой и по возможности поросшее не слишкомъ крупными деревьями. Если лѣсъ былъ мелокъ, онъ тотчасъ приступалъ къ рубкѣ—чистилъ мѣсто подъ пашню (или подъ покосъ, смотря по свойствамъ даннаго мѣста); на участкахъ, гдѣ лѣсъ былъ слишкомъ крупенъ и срубить его скоро было не подъ силу, онъ зачерчивалъ деревья топоромъ кольцеобразно, обчищая съ нихъ кору кольцомъ на извѣстномъ пространствѣ, чтобы прекратить движеніе соковъ и затѣмъ предоставлялъ подчищенному лѣсу сохнуть: затѣмъ въ свое время его срубалъ и тогда землю распахивалъ, а при случаѣ и возможности и выкорчевывалъ. Если захваченной на первыхъ порахъ подъ покосъ и распашку земли было мало, онъ постепенно тѣмъ же путемъ расширялъ свои владѣнія во всѣ стороны, гдѣ находилъ удобныя, на его взглядъ, мѣста. Другой такой же пришлецъ, какъ и онъ, можетъ быть даже ему совсѣмъ незнакомый, случайно натыкался на этотъ оазисъ удобныхъ къ культурѣ земель и селился по близости, захватывая себѣ земли, никѣмъ незанятой, что казалось ему нужнѣй и удобнѣе, безъ всякаго стѣсненія для перваго, благодаря существовавшему простору: „паши и руби сколько хочешь—на всѣхъ хватитъ“; „мѣсто ничье, Божее—а Божій даръ—для всѣхъ безъ различія“... Рано или поздно къ нимъ тѣмъ же путемъ присоединялись третій, четвертый и т. д. Иногда облюбованный уголокъ захватывался не одной, а сразу нѣсколькими десятками ихъ, пришедшими вмѣстѣ, или одновременно. Къ нимъ постепенно присоединялись новыя, и ничтожный на первыхъ порахъ поселокъ обращался въ порядочную деревню, а захватъ удобныхъ подъ культуру земель тѣмъ временемъ все разростался въ ширь и глубь окружающихъ лѣсовъ. Пока лѣсъ стоитъ нетронутый—его можетъ подчищать и зачерчивать всякій; разъ онъ на извѣстномъ пространствѣ порубленъ или зачерченъ—его дру-

гому уже трогать нельзя: онъ принадлежитъ тому, кто это сдѣлалъ, кто нашелъ этотъ подходящій для распашки участокъ и началъ подготовлять его подъ культуру. Доставшійся засельщику такимъ образомъ участокъ, хотя онъ еще не засѣянъ, не распаханъ, принадлежитъ уже, съ точки зрѣнія засельщиковъ, только одному ему, главнымъ образомъ, по праву перваго захвата и праву употребленнаго имъ на него труда. Такова картина захвата, по скольку можно о ней судить по сохранившимся преданіямъ, по разсказамъ стариковъ, по существующимъ или недавно существовавшимъ фактамъ образованія различныхъ заселковъ, выселковъ и заимокъ и наконецъ по аналогіи съ формами захвата, практикуемыми нынѣ.

Многія селенія въ самыхъ названіяхъ своихъ носятъ исторію своего происхожденія. Д. Голопуповка Уринской волости зовется еще по старой памяти, заимкой Амонашевской, потому что она произошла изъ этой заимки. Селенія Большое и Малое Нахвальское (Нахв. вол.), Уринское и м. Уринское (Урин. вол.), Большое и Малое Лопатино (Балахт. вол.), Тесь и Малая Тесь (Нов. вол.), Старо-и Ново-Свиньина (Абан. вол.) называются такъ потому, что послѣднія происходили изъ первыхъ, отдѣляясь или въ видѣ выселковъ, или въ видѣ заимокъ; такимъ же образомъ путемъ отселенія изъ Хандаля Тасѣевской волости образовался 150 лѣтъ назадъ соименный ему Хандаль Шелаевской волости и т. п.

Много селеній названо по имени ихъ первыхъ засельщиковъ. Основавшееся болѣе 150 лѣтъ назадъ Корелино Новос. вол. названо такъ по имени пришедшихъ сюда съ Сѣвера изъ Енисейской губерн. крестьянъ Корелиныхъ; с. Шушенское, Шарып. вол. Ачинскаго окр., названо такъ по имени Шушенскаго улуса, стоявшаго прежде на ея мѣстѣ, основателемъ котораго былъ татаринъ Шушиначевъ; заселокъ Дятлово или Дѣтлово Тес. вол. названъ такъ отъ имени разбойника, бывшаго въ каторгѣ и здѣсь затѣмъ осѣвшаго, такъ какъ разбойникъ этотъ имѣлъ прозвище Дятла; д. Якушева, Назар. вол. Ачин. округа, основанная крещенымъ татариномъ Яковомъ Ефремовымъ, котораго жена по непривычкѣ къ русскому языку звала Якишемъ, названа по этому прозвищу перваго основателя; переселенецъ Ульяновъ основалъ д. Ульянову Ирбейск. вол.; Жгутовъ—Жгутову Нас. вол.; Свищевъ—нынѣшнее с. Свищево Вознесен. вол.; Коркины—с. Коркино Част. вол.; Степаново Тас. волости, засельщика котораго звали Сте-

паномъ и т. д., такъ что, собственно говоря, наибольшее число названій, происхожденіе коихъ удалось узнать при изслѣдованіи, относится именно къ фамиліямъ или именамъ ихъ основателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо отмѣтить кстати, что есть названія селеній еще и по мѣстности, въ которыхъ они основались, или изъ которой пришли; напримѣръ, заселокъ Чердаковскій Тес. вол. зовется такъ по имени основателей его жителей Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи; Байкалово—потому что заселено людьми, пришедшими отъ озера Байкала и т. д.; с. Ужурь Ачинск. окр. названо такъ потому, что вокругъ его имѣются солонцы (слово Ужуръ есть искаженное татарское кожуръ, и значитъ по русски, солонецъ); лежащее въ сырой холодной мѣстности с. Сокса Ачинск. округа названо такъ отъ татарскаго слова «сохъ»—холодъ, морозъ; по татарски «голь» значитъ озеро, отсюда названіе с. Косоголь, находящагося при Бѣломъ озерѣ, что въ предѣлахъ Шарот. вол. Между прочимъ, село Погорѣльское Красн. округа зовется такъ потому, что основано выходцами изъ Енисейскаго округа, погорѣвшими въ своемъ старомъ селеніи; Подсопочное Сухобрзимской вол. зовется такъ потому, что основалось вблизи трехъ сопокъ; Атинская заимка Уринск. вол. получила названіе по рѣчкѣ и т. п., наконецъ—по преданію—с. Тигрицкое Сагайск. вол. получило будтобы названіе отъ тигра, который бродилъ и былъ убитъ первыми засельщиками въ этихъ мѣстахъ въ то время, когда они сюда явились.

Какъ и теперь, вольные переселенцы изъ Европейской Россіи приходили сюда въ прошлыя времена большею частію безъ предварительной посылки ходоковъ на развѣдки, т. е. прямо переселялись семьями съ тѣмъ, чтобы уже по приходѣ въ Сибирь заняться розысками подходящаго для поселенія мѣста и тотчасъ же на немъ и обосноваться. Нѣкоторымъ удавалось пристроиться сразу, другіе по долгу бродили изъ села въ село, пока не осѣли окончательно. То было время фактическаго—въ буквальномъ смыслѣ этого слова—броженія населенія—передвиженія его съ мѣста на мѣсто—и такое время началось, повидимому, издавна, потому что о фактахъ такихъ передвиженій передаютъ весьма старыя преданія.

Броженіе это, какъ мнѣ извѣстно изъ личнаго изслѣдованія современнаго экономическаго положенія населенія, и донынѣ не улеглось еще окончательно, но изложеніе *современныхъ* условій заселенія Енисейской губерніи не входитъ въ задачу этого доклада.

Слѣды того броженія сохранились прежде всего въ воспоминаніяхъ объ *исчезнувшихъ* деревняхъ. Напримѣръ, с. Кохинское, Устьянской вол. Канскаго округа, которое насчитываетъ уже 6 поколѣній со дня основанія селенія, образовалось выселеніемъ изъ д. Багривки Тасѣвской волости, которой давно уже тамъ не существуетъ. Часть стариннаго уже селенія Кекуръ, Нахвальской волости Красноярск. округа состоитъ изъ потомковъ переселившихся сюда жителей д. Шадриной, которая, въ свою очередь, уже не существуетъ. Въ Ужурской волости сохранились теперь воспоминанія только о томъ, что въ ней пришедшими изъ Европ. Россіи новоселами устраивалась въ свое время д. Ельничная.

Другимъ слѣдствіемъ такого передвиженія населенія является существованіе селеній съ перемѣннымъ, или точнѣе, перемѣнявшимся составомъ. Есть въ Сагайской волости Минус. округа с. Верхній Кужебаръ; оно считается основаннымъ въ 1853 г. переселенцами изъ Орловской губерніи, пришедшими сюда по вызову правительства и съ пособіемъ отъ него; между тѣмъ орловцы, въ немъ теперь живущіе, отлично знаютъ, что хотя они и пришли сюда на безлюдное мѣсто, но что за 3 года до ихъ прибытія, здѣсь былъ уже небольшой, бѣдный поселокъ, жители котораго существовали, главнымъ образомъ, заработками отъ золотопромышленности. Селеніе Куряты, Сагайской же волости, въ первый разъ заселилось въ 1858 г., но вслѣдствіе ряда неурожаевъ населеніе выселилось чрезъ 15 лѣтъ, а въ 1880 г. пришла сюда на пустовавшее мѣсто первая партія новыхъ переселенцевъ. Наслѣдствомъ отъ прежнихъ обывателей осталось много залежей, которыя тотчасъ же и принялись разрабатывать новые переселенцы.—Свѣдѣнія о подобныхъ *полныхъ смѣнахъ* въ составѣ населенія отдѣльныхъ деревень или, вѣрнѣе говоря, о возникновеніи новыхъ деревень на развалинахъ старыхъ, имѣются только относительно селеній, возникавшихъ (вторично) въ послѣдніе 30—40 лѣтъ. Весьма вѣроятно, что такіе случаи были и въ болѣе давнее время, потому что условія и причины передвиженій съ одной осѣдлости на другую были тогда приблизительно тѣ же, что и теперь, а преданія объ исчезнувшихъ селеніяхъ наводятъ на мысль, что на мѣстѣ нѣкоторыхъ изъ исчезавшихъ въ то время селеній могли возникать и новыя. Отсутствіе же объ этомъ свѣдѣній за болѣе давнее время можетъ быть объяснено, съ одной стороны, запамятованіемъ, утратой

воспоминаній о нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ, а съ другой—и можетъ быть главнымъ образомъ—тѣмъ, что свѣдѣнія по исторіи заселенія собирались, какъ я уже говорилъ, только попутно и потому не всегда достаточно подробно и при ихъ собираніи имѣлась въ виду преимущественно исторія существованія и возникновенія только тѣхъ селеній, которыя въ каждомъ данномъ случаѣ составляли объектъ описанія и изслѣдованія *въ данное время*.

Третьимъ слѣдствіемъ неустойчивости населенія можно считать вообще измѣнчивость состава многихъ селеній, зависящая не отъ однихъ только приселеній извнѣ, но и отъ выселеній ихъ жителей въ другія мѣстности.

Излишне упоминать, что въ изслѣдованномъ районѣ не найдется и 10% изъ общаго числа селеній, куда бы не происходило въ то или другое время, одиночныхъ или групповыхъ приселеній новоселовъ изъ Европ. Россіи или изъ другихъ губерній Сибири—что, конечно, само собою уже обусловливало измѣнчивость состава населенія всѣхъ этихъ селеній. Помимо того, во всѣхъ 4-хъ округахъ имѣется извѣстный процентъ селеній, въ составъ которыхъ раньше—на первыхъ порахъ—входили инородцы, а теперь большею частію не осталось въ нихъ и слѣда послѣднихъ. Существуетъ, наконецъ, цѣлая серія казенныхъ или съ казенною помощью основанныхъ поселеній, изъ которыхъ значительная часть населенія обыкновенно разбредалась по сторонамъ и отчасти замѣнялась новыми переселенцами.—Но независимо отъ всего этого ряда поселковъ, составъ населенія которыхъ измѣнялся отъ выселенія, можно еще отмѣтить существованіе весьма обширной группы такихъ вольныхъ поселеній, въ которыхъ измѣнчивость состава добровольно осѣвшаго или осѣдавшаго въ нихъ населенія обусловливалась *не притокомъ извнѣ, а именно уходомъ въ другія мѣста*. С. Париловское, Балахт. вол. Ачинск. окр., по разсчету крестьянъ существующее свыше 200 лѣтъ, сначала было заимкой изъ 3-хъ дворовъ (откуда они пріѣхали—неизвѣстно); умноженіе населенія этой заимки произошло на счетъ притока жителей изъ окрестныхъ селеній той же волости: Безъязыковскаго и Игрышенскаго. Д. Притчини уже около 100 лѣтъ назадъ имѣла около 50 дворовъ, но, мало по малу, жители ея стали переселяться въ разныя стороны,—кто въ окрестныя селенія (Ильтиновское и друг.) своей же волости, кто въ сосѣднія волости своего же и Минус. округа, потому что во-

кругъ селенія болото, постройки стоятъ на низменныхъ сырыхъ мѣстахъ; въ настоящее время въ селеніи всего 5 дворовъ. Д. Ермолаевская той же волости, моментъ заселенія которой мѣстные жители не могли опредѣлить за давностью времени, основана двумя пришедшими сюда братьями-козаками, по фамиліи Торгашины; въ настоящее время въ деревнѣ живутъ только крестьяне, пришедшіе послѣ этихъ козаковъ, такъ какъ козаки давно уже выселились отсюда. Изъ стародавняго селенія Бѣлоярскаго (той же вол.) лѣтъ 150 назадъ образовался на р. Чулымъ выселокъ, куда отселилась часть крестьянъ селенія; лѣтъ 100 назадъ жители этого выселка захотѣли жить поближе къ лѣсу, переѣхали въ село Тужай, и отъ выселка теперь не осталось и слѣда; даже мѣсто, которое было подъ усадебными его постройками, смыто теперь водою. Старинное селеніе Абак. вол. Минус. округа Усть-Сыда, времени возникновенія котораго старожилы не помнятъ, образовалось преимущественно выселенцами изъ окрестныхъ деревень; слѣдовательно, населеніе послѣднихъ тоже не оставалось неподвижнымъ, а разселялось по сторонамъ.

Такимъ образомъ, въ измѣненіи состава населенія существовавшихъ въ каждое данное время деревень, въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, принимало участіе не только новопришедшее населеніе, но и населеніе, уже успѣвшее осибирячиться и старожильное. Достаточно сказать, что многія селенія Ужурской и Тарышевской волостей Ачинскаго округа образованы 80—150 лѣтъ назадъ выселенцами изъ старинныхъ деревень Назаровской, Балахтинской и Новоселовской волостей Ачинскаго и Минус. округовъ, а нѣкоторыя селенія Канскаго округа выселенцами изъ старожильныхъ селеній Енисейскаго округа. Такое явленіе, повидимому, главнѣйшимъ образомъ обусловливалось наступавшею отъ притока населенія тѣснотою, относительною конечно, которая для старожила, привыкшаго къ широкому простору «ничьихъ» вольныхъ земель, казалась стѣснительною и невыносимою уже тогда, когда новоселы, пришедшіе изъ малоземельныхъ мѣстностей Евр. Россіи, охотно осѣдали въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, довольные изобиліемъ свободныхъ земель въ окрестностяхъ.

Благодаря этому постоянному передвиженію населенія можно указать селенія, гдѣ, при наличности извѣстнаго болѣе или менѣе постояннаго состава жителей, обыкновенно имѣются еще жители временные, составъ коихъ довольно часто измѣняется. Не говоря

уже о поселеніяхъ, основанныхъ съ помощью казны, значительная часть коихъ должна быть отнесена именно къ этой категоріи, но исторія которыхъ составитъ предметъ особаго доклада, можно указать въ этомъ отношеніи на слѣдующія селенія. С. Каптырево, а также и Шинерское, Шушенской вол. Минус. округа, гдѣ то и дѣло останавливались и останавливаются переселенческія партіи, приходящія извнѣ, и, находя здѣшнія мѣста тѣсными и неудобными (плохая почва), разселяются по другимъ деревнямъ, такъ что собственно въ Каптыревѣ окончательно осѣдаютъ лишь одиночки. Ту же роль, какъ мы уже видѣли, играетъ Мерзлая Салбея. Къ этому же разряду селеній можно причислить и Ширштыкъ, Саг. вол. Минус. округа, основанный въ 1852 году: начиная съ этого года и до 1865 г. въ него приходило въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ не менѣе 5 партій переселенцевъ-крестьянъ Европейской Россіи, изъ коихъ часть уже по нѣскольку лѣтъ проживала въ разныхъ деревняхъ Сибири; послѣ 1865 года постепенно началось выселеніе жителей, въ числѣ которыхъ стали уходить даже и первые засельщики деревни (толчкомъ послужилъ неурожай,—мѣсто сырое, болотистое, «подтаежное»).

Какъ велико было это броженіе, можно отчасти судить потому, сколь по долгу не осѣдали окончательно приходившіе въ Сибирь или вообще срывавшіеся съ мѣста засельщики и сколь далеко ходили они за поисками того, «гдѣ лучше».

Изъ заселеннаго съ пособіемъ отъ казны В. Кужебара, Сагайск. вол. Минус. округа, куда въ 1853 году пришло изъ Орловской губерніи 800 душъ обоего пола, 50 душъ вскорѣ же ушло на Амуръ, уже на собственный счетъ; туда же въ 1853 году ушло 11 семей изъ засельщиковъ первыхъ двухъ партій, пришедшихъ въ село Уджей Сагайск. вол., съ пособіемъ отъ казны. Изъ поселившихся въ с. Екатерининскомъ, Идринской волости, съ помощью правительства, переселенцевъ изъ Евр. Россіи, въ 1864 г. ушло на Амуръ семей 20, изъ нихъ возвратилось опять сюда же въ разное время семей 10, и въ томъ числѣ нѣкоторые уже лѣтъ 20 назадъ. Въ Абак. вол. Минус. округа существуетъ старинное селеніе Байкалово, основанное еще прадѣдами нынѣшнихъ жителей. Байкаловымъ оно зовется, какъ выше было указано, потому что заселено пришлецами изъ-за Байкала, т. е. людьми пришедшими почти за полторы тысячи верстъ съ дальняго востока. Трудно предположить, что-бы это были аборигены Забайкаль-

скаго края: старожилы-сибиряки, зная свои мѣста, всегда съумѣютъ устроиться гдѣ нибудь все таки сравнительно ближе къ прежнему своему мѣстожительству и во всякомъ случаѣ не устремятся туда, гдѣ населеніе гуще и откуда, наоборотъ, *къ нимъ же* приходятъ; поэтому вѣроятнѣе всего, что то были тоже переселенцы изъ Евр. Россіи, въ свое время проходившіе уже — по направленію къ Байкалу — чрезъ предѣлы Енисейской губерніи и, неудовлетворившись житьемъ въ Забайкальѣ, рѣшившіе поискать счастья на обратномъ пути на западъ. М. Имышъ, Ужурской вол. Ачин. округа, лѣтъ тому свыше 100 назадъ, заселился выселенцами съ сѣвера изъ с. Песчанки Красноярск. округа, которые для этого должны были пройти свыше 150 верстъ; для поселенія бывшихъ крестьянъ Погорѣльской волости Красноярскаго округа въ 1885 г. въ с. Сергѣево-Мигнинскомъ, Идр. вол. Минус. округа, послѣдніе должны были сдѣлать на югъ около 500 верстъ, а жители Енисейскаго округа, основавшіе 100—150 лѣтъ назадъ селенія Тесь и Кочергинь, Тес. вол. Минус. округа, должны были пройти съ сѣвера на югъ верстъ около 600, если не больше. Въ той же Тесинской волости есть село Кавказское, называемое такъ потому, что первые засельщики его пришли съ Кавказа, но только это были не жители Кавказа, а крестьяне-малороссы изъ Курской губерніи. Были ли они коренными обитателями Курской губерніи, или и въ нее пришли еще откуда нибудь, неизвѣстно; извѣстно только, что изъ Курской губерніи они пробрались на Кавказъ, тамъ имъ не пожилось и они съ Кавказа, пройдя чрезъ Западную Сибирь и губернію Енисейскую, пробрались въ губернію Иркутскую, а оттуда уже воротились обратно и проникли въ южную часть самаго южнаго и отдаленнаго отъ обычнаго пути слѣдованія переселенцевъ—Минусинскаго округа. По имени основателей-малороссовъ, село это извѣстно подъ двумя названіями: Хохлы, Кавказское тожь. Поселились они здѣсь въ 1800 г. Продолжительныя ихъ скитанія связываются теперь съ особой легендой, сложившейся о нихъ у населенія данной мѣстности: будто въ то время китайскій царь высваталъ русскую царевну и съ ней потребовалъ русскихъ людей, или можетъ быть царевну эту въ китайскіе предѣлы сопровождала чрезъ Сибирь русская стража. Дорогой царевна умерла, вслѣдствіе чего бывшихъ съ ней людей воротили отъ Иркутска и поселили на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь с. Кавказское.

Если засельщики дѣлали большіе концы, то и время, употреблявшееся ими на это кочеванье, тоже нерѣдко было довольно продолжительно. Напримѣръ, заселокъ Мигнушка, Тесинск. вол. Минус. округа, образовался годъ назадъ (я вездѣ счетъ веду отъ момента изслѣдованія, т. е. 1889—1890 гг.) переселенцами изъ Оренбургской губерніи, которые передъ поселеніемъ въ этомъ мѣстѣ жили тутъ же неподалеку, но не въ надлежащемъ мѣстѣ, почему и выселены были оттуда начальствомъ, а передъ этимъ—до 1872 года—жили въ другомъ округѣ, въ Балахт. волости Ачинск. округа, гдѣ прожили около 10 лѣтъ; такимъ образомъ, до поселенія въ Мигнушкѣ (по выходѣ изъ Евр. Россіи) прокочевали всего 27 лѣтъ, пока не осѣли окончательно. С. Вознесенское образовалось выселенцами изъ д. Кривинской (той же Шушинск. вол.); приселенные туда на казенный счетъ изъ Европейской Россіи въ 1859 г., они прожили въ Кривинѣ цѣлыхъ 7 лѣтъ и затѣмъ, вслѣдствіе засухъ и появленія въ изобиліи кобылки, переселились на никѣмъ незанятое въ то время пространство, гдѣ теперь с. Вознесенское съ тяготѣющими къ нему пашнями и лугами. Изъ Тобольской губерніи въ 1845 или 46 году прибыло въ Минус. округъ нѣсколько семействъ ссыльныхъ изъ лютеранъ, жившихъ тамъ —въ Тобольской губерніи—въ нарочито для нихъ устроенной колоніи. До 1852 года, т. е. въ теченіе 5—6 лѣтъ, они жили сначала въ с. Каптыревскомъ, потомъ въ Дубенскомъ; правительство предложило имъ занять земли въ Новоселовской волости, но мѣстность тамъ не понравилась имъ, и они выбрали для своего жительства нынѣшнее селеніе или колонію В. Суэтукъ. Часть новоселовъ—двѣ семьи изъ Самарской губерніи,—пришедшихъ въ с. Ширыштыкъ Сагайск. вол. въ 1851 г., передъ этимъ 7 лѣтъ жила въ Шушерскомъ (?), два года въ Бѣллыкѣ и 5 въ Каратузѣ, слѣдовательно осѣла только въ четвертомъ мѣстѣ и только черезъ 14 лѣтъ по прибытіи въ Енисейскую губернію.

Въ чемъ же однако заключались причины столь частыхъ уходовъ съ уже насиженныхъ мѣстъ, причины столь долгихъ иногда скитаній до окончательнаго поселенія въ какомъ нибудь мѣстѣ?

Изъ Курать Саг. волости часть еще не причислившихся къ обществу изъ недавно осѣвшихъ новоселовъ собирается уже уходить; задумала, какъ они говорятъ, «подавать на новый заселокъ»,—облюбовала удобное мѣсто по берегу рѣки Казыра и хлопочутъ объ осо-

бомъ надѣлѣ. Хотя въ Курятахъ тоже хватило бы земли на ихъ долю, но Курятцы наложили на нихъ особый въ пользу общества оброкъ, какъ на еще не принадлежащихъ къ числу членовъ общества. Оброкъ этотъ и показался тяжелъ новопришедшимъ, а тамъ—на новомъ мѣстѣ—они будутъ сами себѣ хозяева (хотя, можетъ быть, въ концѣ концовъ придется платить разныхъ «оброковъ» больше, чѣмъ теперь). Изъ этихъ же Курятъ были выселенія и раньше: лѣтъ 15 назадъ случился рядъ неурожаевъ, благодаря которымъ многіе ничего не собрали со своихъ полей; это заставило выселиться всѣхъ первыхъ засельщиковъ—старовѣровъ, осѣвшихъ здѣсь, несмотря на дурную молву о нехлѣбородности земель, съ цѣлью избавиться отъ притока засельщиковъ извнѣ. Только чрезъ 10 лѣтъ съ чѣмъ-то это мѣсто заселилось снова. Изъ Манзалыка Ермаковской волости тоже многіе собираются теперь выселяться: «первое время по поселеніи урожаи были хороши (то было въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія), а теперь уменьшились почти втрое». С. Ширштыкъ Сагайск. вол. заселилось въ 1852 году четырьмя крестьянами Оренбургской губерніи, тронувшимися съ родины, не имѣвшими понятія о томъ, гдѣ имъ слѣдуетъ поселиться, и розыскавшими себѣ мѣсто для поселенія по указанію мѣстнаго исправника. Лѣтъ 25 назадъ, селеніе это имѣло около 150 хозяйствъ, накопившихся здѣсь въ сравнительно короткое время, благодаря ряду неурожаевъ, постигшихъ въ то время степныя районы Минус. и Ачин. округовъ; но затѣмъ обосновавшіеся - было засельщики сами стали уходить и разселяться по другимъ селеніямъ, благодаря тому, что и здѣсь начались неурожаи, вслѣдствіе сырости подтаежныхъ мѣстностей. Усть-Караскыръ Абак. вол. образовалось выселенцами изъ разныхъ деревень Новоселов. волости, ушедшими оттуда отъ засухъ и кобылки. Въ 1862 г. изъ Оханскаго уѣзда Пермской губерніи вышло 9 семей крестьянъ и поселились въ извѣстной уже читателямъ Мерзлой Салбѣ, но тамъ имъ не пожилось вслѣдствіе плохихъ урожаевъ и, пробывъ въ Салбѣ лѣтъ 5, они разбрелись въ разныя стороны, при чемъ часть ихъ поселилась въ Качулкѣ Сагайск. вол. Поселившіеся въ той же Качулкѣ 4 семьи куряковъ, вышедшихъ изъ Старооскольскаго уѣзда въ 1886 г., сначала пришли въ Тесинскую волость, но тамъ имъ «не понравилось», и онѣ осѣлись въ Качулкѣ. Заимки по Кунугусу, Ирбейской волости Канскаго окр., постепенно все болѣе и болѣе заселяются, потому что новоселовъ привлекаютъ сюда удобныя для па-

шенъ земли, близость лѣса, возможность звѣроловства въ тайгѣ и рыболовства по р. Кунугусу. Первыхъ же засельщиковъ—изъ дер. Юдиной и Ирбея—привлекло сюда то, что тамъ на старыхъ мѣстахъ жить было безпокойно: то лошадей уведутъ конокрады, то хлѣбъ воровски обмолотятъ у крестьянъ: «такой ужь тамъ народъ плохой». С. Пермяково, Еловской волости Красноярскаго округа, было заселено съ помощью правительства выселенцами изъ Пермской губерніи (выдавалось пособіе по 40 руб. на семейство, кормовыя на каждую душу по 10 коп.), и все бы было хорошо, да кобылка стала много хлѣба ѣсть, а мошка сильно обижала людей и скотъ (а народъ къ ней былъ непривыченъ),—потому и стали разъѣзжаться. Нынѣ въ д. Кыжаръ переѣзжаютъ Дербинскіе крестьяне, той же Балахтинской волости Ачинск. округа, потому что здѣсь легче подати и повинности, чѣмъ въ ихъ старомъ обществѣ. Крестьяне Казач. вол. Енисейскаго округа изъ разныхъ деревень образовали лѣтъ 200 тому назадъ село Подсопочное въ Сухобуз. вол. Красноярскаго округа, уйдя изъ своихъ деревень отъ инеевъ и частыхъ заморозковъ, вліявшихъ на урожаи въ той мѣстности. С. Малый Балчугъ той же волости образовалось въ старинныя времена изъ Б. Балчуга, благодаря наступившимъ тамъ неурожаямъ. Основавшіе с. Желому Ермак. вол. старообрядцы Вятской губерніи ушли изъ Желомы, всѣ разомъ, черезъ 15 лѣтъ по поселеніи, тотчасъ почти послѣ того, какъ сюда пришли другіе крестьяне—изъ православныхъ (?). Усть-Копское Сагайск. вол. заселилось двумя партіями переселенцевъ изъ Европ. Россіи; изъ первой партіи часть семей ушла лѣтъ 17 назадъ въ Бійскій округъ Томской губерніи, потому что «здѣсь не понравилось». Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь с. Сергіево-Мигнинское, Идринск. волости, поселились въ 1865 г. на пустомъ, никѣмъ еще незанятомъ мѣстѣ, около 10 дворовъ выходцевъ изъ Оренбургской губерніи, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Имъ дана была отъ правительства десятилѣтняя льгота въ податяхъ. Проживъ здѣсь 20 лѣтъ и запустивъ во второе десятилѣтіе большую недоимку, они перечислились въ мѣщанское сословіе, чтобы меньше платить. Около 1870 г. приселился сюда одинъ крестьянинъ Оренбургской же губерніи со своимъ вотчимомъ, выѣхавшій съ родины въ 50-хъ годахъ и прожившій 14 лѣтъ въ с. Отрокѣ той же Идр. вол.; здѣсь онъ засталъ 8 дворовъ названныхъ оренбурцевъ, уже перечислившихся въ мѣщане. Затѣмъ пришли сюда же нѣсколько Вят-

скихъ переселенцевъ и нѣсколько семей сибиряковъ изъ смежной Новоселовской волости того же Минус. округа, изъ Балахтинской волости Ачинскаго округа, и Погорѣльской волости Красноярскаго округа. Всѣ эти новые засельщики ушли изъ своихъ деревень отъ неурожаевъ, падежей, вслѣдствіе уменьшенія тамъ лѣсовъ и частію отъ наводненій. Съ приходомъ этихъ новыхъ засельщиковъ, возбудившихъ ходатайство о закрѣпленіи земли за ними, мѣстная администрація потребовала удаленія мѣщанъ—первыхъ основателей заселка, и тѣ, несмотря на приглашеніе новоселовъ остаться съ ними, вновь переведясь въ крестьяне, отселились верстъ за 15 въ Тесинскую волость, гдѣ и заоброчили-было у казаковъ земли, но оттуда ихъ выжили Инышинскіе крестьяне, и они опять куда-то перекочевали. Изъ основаннаго болѣе 200 лѣтъ тому назадъ с. Анашинскаго Новоселовской волости выселяться начали только въ послѣднее время, потому что тѣсно стало мѣсто, пригодное для обращенія подъ усадьбы, да и пашни пришлось распахивать большинству слишкомъ далеко отъ селенія. С. Больше-Сютинское существуетъ свыше 80 лѣтъ; старики, выбравшіе здѣсь мѣсто для поселенія, были выселенцами изъ окрестныхъ деревень. Съ 1868 г. начались отсюда выселенія вслѣдствіе неурожаевъ и тѣсноты; изъ 52 платежныхъ душъ, поселившихся при основаніи селенія, теперь осталось только 23, и выселенія продолжаются—и т. д., и т. д.

Я указалъ по возможности разнообразные случаи выселеній на новыя мѣста, связанныхъ съ бросаніемъ не только собственныхъ усадебъ, но и пашенъ и покосовъ. Но кромѣ этого можно было бы еще указать цѣлый рядъ случаевъ перемѣны усадебныхъ мѣстъ, не связанныхъ съ бросаніемъ прочихъ сельско-хозяйственныхъ угодій. Перемѣны эти въ большинствѣ случаевъ обусловливались неудачею въ выборѣ перваго мѣста для усадебъ, неудобствами мѣстоположенія селеній. Такъ, с. Куртакъ Новоселовской волости основалось на берегу одного изъ протоковъ р. Енисея, но тамъ его стало подмывать водою, вслѣдствіе чего все селеніе постепенно переселилось на новое мѣсто—на версту выше прежняго. С. Тузино основано было на островѣ р. Енисея, усадьбы его тоже стало подмывать водою, и лѣтъ 60 назадъ крестьяне начали переселяться на правый берегъ рѣки за три версты отъ прежняго селенія; съ тѣхъ поръ утратилось и самое названіе стараго селенія, такъ какъ новое стало называться Береж-

ковскимъ. С. Пойлово Кураг. волости въ настоящее время стоитъ уже на четвертомъ мѣстѣ: все неудобныя мѣста подъ селенія выбирали,—въ одномъ мѣстѣ топитъ, въ другомъ берегъ обрываетъ... и т. д.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, относящихся къ селеніямъ различныхъ періодовъ возникновенія, къ фактамъ передвиженія, совершавшимся и въ послѣдніе годы и въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ еще болѣе отдаленное время, видно, что броженіе населенія въ предѣлахъ подлежащаго изслѣдованію края не составляетъ принадлежности одного только нынѣшняго времени, что оно было и въ прошлыя времена и, повидимому, совершалось даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь. Несомнѣнно также, что засельщики иногда подолгу бродили по краю, прежде чѣмъ обосновывались окончательно, и причины этого броженія были не всегда одинаковы. Нерѣдко это зависѣло отъ неудачнаго выбора мѣста; избранный участокъ на первыхъ же порахъ не оправдывалъ надеждъ, возлагавшихся на него при поселеніи, иногда виною тому было наступившее послѣ поселенія измѣненіе мѣстныхъ условій, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ можно было предусмотрѣть и предвидѣть, каковы напримѣръ, заливаніе мѣстности водою, излишняя сырость, вліявшая на пониженіе урожаевъ и т. п., и которыя въ другихъ случаяхъ для новоселовъ предвидѣть было невозможно или трудно, напр., появленіе засухъ, появленіе кобылки, сильное паденіе урожайности вслѣдствіе быстраго истощенія почвы и т. п. Что засельщики при выборѣ мѣста нерѣдко дѣйствовали опрометчиво, осѣдая иногда чуть не на первое попавшееся мѣсто, это видно уже по нѣкоторымъ изъ числа вышеприведенныхъ фактовъ. Весьма часто въ подобныхъ случаяхъ они руководствовались такими, такъ сказать, односторонними соображеніями, что можно было только удивляться, какъ они, прійдя въ совершенно новыя для нихъ условія, теряли на первыхъ порахъ способность ориентироваться, теряли всю свою нажитую вѣками хозяйственно-земледѣльческую сноровку и захватывали не то, что слѣдуетъ. Главный мотивъ, напр., основанія селенія Бѣлоярскаго, Балахт. вол., заключался у первыхъ его засельщиковъ въ томъ, что «къ лѣсу поближе»; въ Курагинской волости я могу насчитать, по крайней мѣрѣ, пять большихъ, основавшихся тамъ съ помощью казны, селеній, засельщики которыхъ сами выбрали тамъ себѣ мѣста для поселенія въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, главнымъ образомъ руководствуясь изо-

биліемъ лѣса, а теперь жалуются, что земли изъ-подъ лѣса вышли плоховаты. Недавно образовавшаяся въ той же волости д. Курская повторила ихъ опытъ въ наихудшемъ видѣ; забрались сюда Курскіе крестьяне въ поискахъ за удобными землями и, какъ увидѣли глухую тайгу, такъ и ахнули. Больше и идти никуда не захотѣли—сразу рѣшили, что тутъ они будутъ «настоящіе жители»: «и построиться и отопиться, а въ случаѣ и продать (хотя продавать отсюда совершенно некуда)—на все лѣсу хватитъ, да еще и останется сколько хочешь»! «Лѣсу, вишь, мы у себя на родинѣ *вѣточки* не видывали—вотъ и позарились»—объясняютъ они теперь. Такъ они и осѣли въ горахъ и оврагахъ, на неплодородной глинистой почвѣ, быстро, послѣ распашки, смываемой дождями. Живутъ не то въ шалашахъ, не то въ избушкахъ, бѣдно, какъ хуже не надо,—бѣднѣе, чѣмъ у себя на родинѣ; даже избы несчастныя и съ земляными полами, а вокругъ ихъ лѣсное раздолье—«собственный лѣсъ»—на десятки верстъ, и они съ перваго же года клянутъ свое рѣшеніе, однако выбраться отсюда не въ силахъ, а за лѣсъ все-таки держутся крѣпко: какъ собаки на сѣнѣ,—ни сами не рубятъ, ни другимъ не даютъ, хотя лѣсъ ихъ примыкаетъ къ глухой тайгѣ, идущей на сотни верстъ, гдѣ всякій «руби, сколько хочешь». С. Свищово, какъ я говорилъ, начало заселяться только потому, что «*для охоты* мѣсто хорошее», такъ же какъ и заимка Вендерская. Тургужанка, Унурской вол., основалась потому, что первымъ засельщикамъ сильно понравились обширныя степи кругомъ, на которыхъ ожидалось большое приволье скоту. Первые засельщики с. Жербатихи, Кураг. вол., осѣли здѣсь зимой, «а кабы лѣтомъ—говорятъ они—многіе здѣсь не поселились бы»; но осѣвъ, тутъ впрочемъ и остались, предпочтя это новому переселенію. Понадѣялись на то, что мѣсто просторное.

Не мудрено, что такія увлеченія односторонними соображеніями приводили къ неудачамъ, побуждавшимъ къ переходу на новыя мѣста. Это было несомнѣнно одною изъ причинъ кочеванія населенія. Другая причина заключалась, какъ выше сказано, въ измѣненіи тѣхъ условій, при которыхъ происходило поселеніе на данномъ мѣстѣ. Измѣненія могли быть—какъ мы видѣли, они часто и бывали—настолько серьезны, что при желаніи жить безбѣдно и даже зажиточно, приходилось подыскивать новыя мѣста для поселенія.

Были еще и другія причины кочеванія. Въ приведенныхъ при-

мѣрахъ одна изъ этихъ причинъ рельефно выразилась въ словахъ «не понравилось». Казалось бы, показаніе о существованіи такого мотива передвиженія не заслуживаетъ особаго довѣрія, такъ какъ трудно ожидать отъ людей, хлопочущихъ объ устройствѣ благосостоянія и хозяйства, чтобы они руководствовались подобнымъ соображеніемъ. Но наличность его несомнѣнна, потому что о ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ заявляютъ не потомки только руководствовавшихся такимъ мотивомъ засельщиковъ, но самолично тѣ самые засельщики, которымъ «не нравится», или «не понравилось». Хотя обыкновенно въ этихъ случаяхъ подъ даннымъ выраженіемъ и подразумѣвается совокупность довольно серіозныхъ хозяйственно-практическихъ соображеній о недостаточной пригодности даннаго мѣста, но въ то же время несомнѣнно, что оно констатируетъ и присутствіе у засельщиковъ нѣкоторой доли претенціозности, нѣкоторой излишней требовательности по отношенію къ избираемымъ мѣстамъ. Но сколько ни кажется неумѣстной подобная требовательность въ привыкшемъ ко всему выносливомъ русскомъ мужикѣ, однако въ данномъ случаѣ она представляется вполнѣ объяснимой.

Перекочевывавшій съ мѣста на мѣсто сибирякъ, какъ само собою понятно, имѣлъ уже право предъявлять къ отыскиваемымъ мѣстамъ повышенныя требованія, потому что уже привыкъ къ вольному простору и уходилъ изъ боязни появленія стѣсненій этого простора на старомъ мѣстѣ. Уходъ же въ неизвѣстную Сибирь изъ Европейской Россіи, какъ теперь, такъ и раньше—насколько это видно и по собраннымъ даннымъ—всегда сопровождается преувеличенными соображеніями и надеждами на особенно благопріятныя тамъ условія жизни. Приходящему съ такими радужными надеждами мужику, заранѣе увѣренному и въ плодородіи почвы, и въ обиліи прочихъ благъ земныхъ, прежде всего не трудно ошибиться въ выборѣ мѣста, такъ какъ увѣренность, что все тутъ дается само собою, все имѣется на лицо, въ извѣстной мѣрѣ устраняетъ для него необходимость болѣе тщательнаго изслѣдованія. Надо прибавить еще къ этому незнакомство съ мѣстной природой и климатомъ, незнаніе мѣстныхъ условій. Съ другой стороны, эти же надежды дѣлаютъ его и болѣе требовательнымъ, чѣмъ бы слѣдовало. Небольшія неудачи, нѣкоторое несоотвѣтствіе новыхъ условій предъявляемымъ требованіямъ уже побуждаютъ его подумывать о новыхъ поискахъ новыхъ мѣстъ по-

селенія. Для такихъ повторительныхъ поисковъ достаточно, впрочемъ, и того, что мужикъ ликвидировалъ свое хозяйство на родинѣ, оставилъ родное пепелище и претерпѣлъ тяжелыя невзгоды длиннаго пути въ чаяніи дѣйствительно улучшить свое благосостояніе, почему, подыскивая мѣсто, и желаетъ поселиться именно тамъ, гдѣ *дѣйствительно лучше*, а не останавливаться тамъ, гдѣ хотя и получше, но лишь немногимъ. Съ одной стороны, послѣ оставленія родины, никакое уже мѣсто не можетъ его привлекать чѣмъ-либо въ особенности, если только не содержитъ условій, достаточно благопріятныхъ для его жизни. Слѣдовательно, для него ничего уже не значитъ сняться съ одного мѣста и перейти на другое, особенно если онъ знаетъ, что *тамъ* лучше, и если опытъ перваго, или первыхъ, переселеній убѣдилъ уже его, что въ Сибири переселиться и обстроиться на новомъ мѣстѣ не такъ ужъ все-таки трудно, какъ казалось съ перваго взгляда. Невзгоды и хлопоты повторнаго переселенія оправдываются конечною его цѣлью—желаніемъ во что бы то ни стало устроиться наилучшимъ образомъ, именно такъ, какъ это для многихъ уже оказалось возможнымъ при сибирскомъ просторѣ и естественномъ плодородіи еще нетронутыхъ сохою почвъ.

Весьма вѣроятно также, что въ результатѣ всего этого въ извѣстной части населенія вырабатывается и нѣкоторая привычка, склонность къ передвиженію: человѣкъ, сдѣлавшій большіе пути, перемѣнившій нѣсколько осѣдлостей, видавшій временами и лучшія условія жизни, уже не боится передвиженія и даже пріобрѣтаетъ нѣкоторое убѣжденіе, что нерѣдко удачнымъ умѣлымъ переселеніемъ можно улучшить свое положеніе.

Надо замѣтить также, что значительное число случаевъ переселеній на новую осѣдлость, вызванныхъ неудачею перваго переселенія, объясняется и самымъ способомъ пріисканія новыхъ мѣстъ, употреблявшимся и употребляемымъ новоселами, приходившими изъ Европейской Россіи. Далеко не всѣ они посылали впередъ ходаковъ для пріисканія мѣстъ; напротивъ, большинство разыскивало эти мѣста самолично и, приходя съ недостаточными средствами, часто, вслѣдствіе истощенія послѣднихъ, вынуждаемо было поселяться чуть не на первомъ попавшемся мѣстѣ, или, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не тамъ, куда эти переселенцы хотѣли въ концѣ концовъ добраться. Затѣмъ, собравшись съ силами и средствами, нѣкоторые изъ этихъ

переселенцевъ осуществляли свое конечное желаніе и путемъ новаго передвиженія добирались до такихъ мѣстъ, гдѣ уже считали возможнымъ осѣсть окончательно. Такимъ можно было заранѣе приглядѣть и мѣста получше, ходя на заработки по рубкѣ лѣса, по сплаву (с. Новоселово), постоянно чрезъ извѣстныя мѣста гоняя гурты скота изъ степей на трактъ для продажи (заимка Тальская, Тинской вол.), ѣздя часто мимо тѣхъ или другихъ мѣстъ на заработки или на охоту (Перовское, Рыбинской волости), наконецъ и нарочно разъѣзжая по окрестностямъ, спеціально для розысканія подходящихъ мѣстъ.

Условія для обзаведенія земледѣльческимъ хозяйствомъ, въ какія попадали засельщики, были, конечно, довольно разнообразны, и большинство тѣхъ изъ нихъ, которые осѣдали безъ приселенія къ уже существующему поселку, т. е. обосновывалась на никѣмъ не занятомъ мѣстѣ, должно было, такъ сказать, начинать все съ самаго начала.

Исключеніе составляли только тѣ засельщики, которые осѣдали на мѣстахъ, брошенныхъ предыдущими, уже ушедшими засельщиками, т. е. обосновывались, какъ выше было указано, на пепелищѣ исчезнувшихъ селеній, или же въ такихъ селеніяхъ, откуда передъ ихъ приходомъ, забросивъ свои пашни, ушла извѣстная, болѣе или менѣе значительная часть населенія. Тогда имъ можно было воспользоваться трудами предыдущихъ засельщиковъ по приготовленію мѣстъ подъ усадьбы и огороды и по расчисткѣ лѣса подъ пашни и покосы, и этимъ значительно облегчалось положеніе новыхъ засельщиковъ на первыхъ порахъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда засельщики осѣдали вблизи болѣе или менѣе населенныхъ мѣстностей, нѣкоторымъ изъ нихъ тоже иногда удавалось пріобрѣсти себѣ хотя бы въ небольшомъ количествѣ уже разработанныя пашни; напр., засельщики нынѣшняго с. Разъѣзжинскаго, Ермак. волости, выбравъ мѣстность для поселенія, купили себѣ заимки сосѣднихъ Ермаковскихъ крестьянъ и на нихъ поселились. Собинскіе засельщики (Ермак. вол.), поселившись, купили на первыхъ порахъ готовыя разработки (подъ пашни) у Кебежцевъ; когда же поселялись Кебежцы, то въ первый годъ арендовали готовыя пашни у Жеблахтинцевъ и крестьянъ с. Ермакова. Вятичи, заселившіе въ 50-хъ годахъ д. Ключинскую (Ужурской вол.) и обосновавшіеся въ неудобномъ мѣстѣ, въ надеждѣ на заработки отъ извоза,

на первыхъ порахъ воспользовались брошенными залежами крестьянъ Солгона и Тарханки, что было все-таки для Ключинцевъ важнымъ подспорьемъ, избавлявшимъ отъ необходимости немедленно приниматься за разработку пашни изъ подъ вѣкового могучаго лѣса. Основанной въ 1886 году д. Новокурской, при указаніи имъ администраціею долженствующаго ей принадлежать участка земли, отошло 50 десятинъ готовой пашни сосѣдняго села Скрипачей. Въ нѣсколькихъ случаяхъ образованія селеній съ помощью казны часть пашенъ сосѣднихъ деревень тоже включалась въ участки земель, прирѣзывавшихся новообразуемымъ селеніямъ (такъ было, напримѣръ, при поселеніи Ловати, Канск. окр., Субботина, Шушинск. вол. и др.), что, впрочемъ—надо замѣтить кстати—не избавило этихъ казенныхъ поселеній отъ обычной ихъ судьбы—обѣдненія и исчезновенія значительной части ихъ населенія.

Когда же засельщики осѣдали въ малонаселенной мѣстности, или тамъ, гдѣ населенія совсѣмъ не было, они должны были приниматься за разработку цѣлинъ и свободно могли расширять свои владѣнія во всѣхъ желательныхъ имъ направленіяхъ. Такъ оно и было въ большинствѣ случаевъ въ «доброе старое время». Но по мѣрѣ заселенія края, или вообще въ случаяхъ приселенія въ уже населенные районы, появленіе новыхъ засельщиковъ нерѣдко вызывало нѣсколько иныя отношенія—столкновенія и споры между насельщиками и старожилами.

Въ 3-хъ верстахъ отъ с. Езагашскаго, Балахт. вол., времени основанія котораго жители не помнятъ, въ сравнительно недавнее время находилась небольшая д. Гоньшево, основавшаяся послѣ Езагашъ. Исчезла она пятнадцать лѣтъ назадъ, потому что Езагашцы, какъ старожители, недовольные тѣмъ, что Гоньшевцы запахиваютъ земли, изстари имъ, Езагашцамъ, принадлежащія, всякими правдами и неправдами, просьбами по начальству о выселеніи пришельцевъ и проч. сжили ихъ съ этого мѣста. Лѣтъ 25 назадъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь с. Апанское, Устьянской волости, стояла заимка Пачетская, приписанная къ деревнѣ того же названія и основанная около 100 лѣтъ назадъ. Въ то время, когда эта заимка устраивалась, мѣстные жители поселенію новоселовъ не препятствовали, а вотъ теперь—лѣтъ 25 или 30 назадъ—когда стало въ угодьяхъ тѣснѣе, жители сосѣдней Абанской деревни стали притѣснять заимщиковъ въ покосахъ, такъ

что заимочники вынуждены были ходатайствовать передъ начальствомъ о перечисленіи ихъ въ другое общество и отводѣ имъ земельныхъ угодій не сообща съ другими селеніями, а какъ отдѣльной деревнѣ; просьба ихъ была исполнена, и съ тѣхъ поръ заимка Пачетская переименована въ д. Апанскую. Селеніе Ср. Кочубаръ, Сагайской волости, находилось раньше на той сторонѣ р. Амыла, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а вотъ уже 4 года какъ перешло сюда, вслѣдствіе того, что, въ уваженіе ходатайствъ крестьянъ селеній, образовавшихся по ту сторону Амыла, большая часть земель, на которыхъ разселился Кочубаръ, отведена была начальствомъ тѣмъ селеніямъ и т. п. Наконецъ, самое изслѣдованіе Восточной Сибири, въ которомъ я участвовалъ, предпринятое, какъ извѣстно, по особому Высочайшему повелѣнію отъ 12 мая 1887 года, произведено было въ цѣляхъ собиранія матеріала для предстоящаго землеустройства крестьянъ, въ виду запутанности существующихъ поземельныхъ отношеній между ними и массы споровъ между селеніями, явившихся результатомъ прнмѣненія обычнаго права захвата ничьей земли вездѣ, гдѣ только коса и топоръ проложатъ себѣ дорогу.

Съ увеличеніемъ населенія, съ заселеніемъ и расширеніемъ земельныхъ запашекъ, прежній просторъ все болѣе сокращался. Это вело не только къ увеличенію случаевъ столкновеній между деревнями и къ затрудненію приписки отдѣльныхъ новоприселяющихся семей или группъ ихъ къ уже существующимъ деревнямъ, но и къ нѣкоторымъ измѣненіямъ взглядовъ мѣстнаго населенія на существующія поземельныя отношенія, на право захвата, право труда и проч. Но такъ какъ этому вопросу была уже посвящена, вышедшая въ 1890 году, работа моя о формахъ землевладѣнія у крестьянъ и инородцевъ той части Сибири, а здѣсь сообщается только то, что еще нигдѣ не напечатано, то я и не буду останавливаться теперь на этомъ вопросѣ.

Добавлю только—къ вопросу объ условіяхъ поселенія и трудностяхъ первыхъ шаговъ новоселовъ по части устройства новаго хозяйства,—что почти всѣмъ засельщикамъ, осѣдая и заводя хозяйство, приходилось неизбѣжно считаться съ новыми условіями, въ какія они попали, и заводить хозяйство, такъ сказать, по сибиряцкому типу. Сама природа сибирская была такова, что съ перваго же дня, вмѣсто привычнаго, напр., трехполья, новоселъ изъ Европ. Россіи

долженъ былъ браться за топоръ, «ронить» лѣсъ, расчищать изъ-подъ лѣса пашню и сѣять на ней годъ за годомъ все, что ему было нужно. Много разработать сразу не могъ, раскорчевка изъ-подъ лѣсу шла очень медленно, и разрабатываемой пашни не хватало для необходимаго посѣва. Поэтому, волей неволей, снявъ одинъ урожай, приходилось засѣвать ту же землю снова, а дѣвственная почва кстати на первыхъ порахъ давала—и при ежегодномъ носѣвѣ—хорошіе урожаи. Этимъ уже опредѣлялось установленіе системы, отличной отъ трехполья, при чемъ и самыя орудія обработки, привезенныя съ родины, оказывались неподходящими къ даннымъ условіямъ и замѣнялись орудіями мѣстнаго производства. Постепенно устанавливалась переложная система хозяйства съ двупольемъ, устарѣвшія земли бросались въ залежи, на смѣну имъ разрабатывалась новь и т. д. и т. д.—Словомъ, все, или почти все, дѣлалось такъ, какъ это, до прихода данныхъ новоселовъ, дѣлалось уже окрестными сибиряками, при чемъ сами новоселы находили, что «иначе и невозможно». Въ этомъ отношеніи особенно характерны слова Дубинискихъ новоселовъ, Шарыповской вол., пришедшихъ туда лишь недавно (1887 г.) и слѣдовательно не въ глухую вѣковѣчную тайгу, а въ мѣста значительно заселенныя и сравнительно культурныя. Дубинипцы—они переселенцы изъ Курской губерніи—говорятъ, что всѣ они стараются подчиниться здѣшнимъ сибирскимъ порядкамъ безусловно, для чего ко всему присматриваются, всему учатся у сибиряковъ, во всемъ имъ стараются подражать, а бывшіе на родинѣ порядки считаютъ здѣсь непримѣнимыми и при здѣшнихъ условіяхъ рѣшительно не умѣютъ провести ихъ въ жизнь.

Подробное и обстоятельное разъясненіе и изложеніе даннаго вопроса можно найти въ недавней журнальной статьѣ А. А. Кауфмана, извѣстнаго изслѣдователя Западной Сибири, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» о культурной роли переселенцевъ въ Сибири. По этому мнѣ въ данномъ случаѣ достаточно констатировать только главный фактъ, такъ какъ изложеніе деталей и разъясненіе всѣхъ причинъ и условій такого обращенія новоселовъ къ сибирскому типу хозяйства излишне удлинило бы мой докладъ.

Продолжая затѣмъ рѣчь объ отношеніяхъ между аборигенами и новыми засельщиками страны, вызванныхъ земельными захватами послѣднихъ, обращусь теперь къ выясненію исторіи завладѣнія русскими засельщиками земель у аборигеновъ края—татаръ.

Въ настоящее время татары живутъ въ предѣлахъ Енисейской губерніи только на югѣ и юго-западѣ губерніи по лѣвую сторону р. Енисея, съ притокомъ его Абаканомъ, и по Чулыму, или Уюсу, притоку Оби. Тамъ, въ юго-западной части Ачинскаго и западной Минус. округовъ[1]), они еще занимаютъ обширныя степи, живя цѣлыми родами и вѣдомствами (т. е. волостями), а въ остальныхъ частяхъ губерніи попадаются только въ немногихъ селеніяхъ единичными значительно уже обрусѣвшими семьями, или же отдѣльными небольшими поселками, почти вездѣ утратившими свою самобытность.

Прежде они жили на гораздо большемъ пространствѣ. Не только въ разныхъ частяхъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ, степныя части которыхъ заняты и теперь, какъ я сказалъ, минусинскими и ачинскими татарами, сагайцами и кизыльцами, но и въ округахъ Канскомъ и Красноярскомъ татары эти, повидимому, въ довольно большомъ числѣ проживали въ сравнительно все таки недавнее время. Въ Канскомъ округѣ, Уринской волости, и до сихъ поръ еще среди массы русскихъ селеній сохранился одинъ улусъ—Агульскій, населенный инородцами, ведущими свое происхожденіе отъ какой то орды Кумасинской, покоренной будто бы самимъ Ермакомъ. Изъ собранныхъ путемъ разспросовъ данныхъ видно, что с. Шеломово, Тасѣевской волости Канскаго округа, заселено было 112 лѣтъ тому назадъ для усмиренія дикой «чуди»; надо думать, что подъ этой чудью могли подразумѣваться только мѣстные инородцы, которые, очевидно, были тогда въ довольно значительномъ числѣ, если для ихъ усмиренія приходилось устраивать особые заселки. Населеніе дер. Пьянковской, Рыбинской волости, того же округа и теперь еще состоитъ изъ вымирающихъ нынѣ потомковъ татаръ, крещенныхъ уже давно, но и до нынѣ говорящихъ по-татарски и частію живущихъ въ юртахъ. По преданію, селеніе это образовалось изъ *единственнаго* стойбища Угумаковскаго улуса, такъ какъ въ періодъ существованія этого стойбища остальные татары продолжали въ окрестностяхъ вести кочевой образъ жизни. Нынѣшніе жители Пьянковской, хотя и говорятъ по-татарски, но по типу лица болѣе похожи на бурятъ, чѣмъ на татаръ, хотя почти всѣ имѣютъ густыя бороды, что у первыхъ встрѣчается рѣдко. Это измѣненіе типа даетъ нѣкоторый поводъ думать,

[1]) Есть еще одно небольшое вѣдомство въ сѣверной части Ачинск. округа.

что Пьянковскіе татары составляютъ продуктъ смѣшенія татаръ съ бурятами, карагасами или тунгусами. Присутствіе здѣсь послѣднихъ въ былое время доказывается, между прочимъ, существованіемъ у крестьянъ Нижнезаимскаго селенія, Тинск. вол., преданія, что ихъ селеніе основано по распоряженію правительства лѣтъ 150 назадъ людьми, присланными изъ Европ. Россіи «въ зачетъ рекрутъ» и поселенными здѣсь въ непроходимыхъ мѣстахъ, гдѣ бродили тунгузы и карагасы, а также и тѣмъ, что остатки вымирающаго племени карагасовъ живутъ и въ настоящее время неподалеку отсюда—въ смежномъ Нижнеуд. округѣ, Иркутской губерніи.

Въ Красноярскомъ округѣ имѣется тоже немало слѣдовъ сравнительно недавняго пребыванія инородцевъ. Пригородное—невдалекѣ отъ губернскаго города Красноярска—с. Коркино, по преданію, было раньше татарской заимкой, носившей имя Конецъ-Ярской, но когда лѣтъ 150 назадъ стали селиться здѣсь русскіе, часть татаръ ушла въ Минусу, т. е. въ Минусинскій округъ, а часть осталась здѣсь жить вмѣстѣ съ русскими. Въ с. Установскомъ, въ 25 верстахъ отъ г. Красноярска, и до сихъ поръ живутъ потомки татаръ, кочевавшихъ въ долинѣ р. Качи, впадающей нынѣ въ Енисей въ самомъ г. Красноярскѣ; въ 30-хъ годахъ ихъ зачислили въ осѣдлые, но значительное большинство этихъ татаръ, носившихъ названіе Качинскихъ, вслѣдствіе этого зачисленія, ушло тоже въ Минусу. Въ с. Моганскомъ, гдѣ живетъ нѣсколько семей осѣдлыхъ инородцевъ, часть селенія сохранила еще названіе «юрты», а самое селеніе зовется Моганскимъ по горѣ Моганъ, которая, по преданію, названа такъ по имени татарскаго князька Могана. Здѣсь, при паханіи земли, находятъ нерѣдко стрѣлы съ желѣзными и даже стальными будто бы наконечниками, производство коихъ мѣстное населеніе приписываетъ ушедшимъ отсюда Качинскимъ татарамъ. Надо однако замѣтить, что село это, какъ и с. Свищево, той же волости, гдѣ тоже находятъ такія стрѣлы, лежитъ въ области кургановъ съ бабами и руническими надписями на нихъ, оставленными болѣе древними обитателями этой части Сибири.

Былое присутствіе татаръ во многихъ частяхъ обоихъ этихъ округовъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ нынѣшнихъ мѣстъ татарскаго поселенія, доказывается также существованіемъ многихъ инородческихъ названій русскихъ деревень (Ашкауль, Кантатъ, Бартатъ,

Мингуль, Пакуль, Алтатъ и т. п.) и присутствіемъ во многихъ русскихъ селеніяхъ (Юксѣево, Бердяшино, Шиверское и др.) инородцевъ осѣдлыхъ и такъ называемыхъ «крестьянъ изъ инородцевъ», т. е. потомковъ осѣдлыхъ инородцевъ, перечислившихся или перечисленныхъ въ крестьяне. Перечисленіе большинства ихъ, какъ видно изъ переписки тридцатыхъ годовъ, добытой мною въ архивѣ Ужурскаго волостного правленія, произошло, по распоряженію правительства, въ 1833 году, такъ какъ журналомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири 1832 года постановлено было «отчисленіе инородцевъ отъ управленія кочевыхъ въ разрядъ осѣдлыхъ произвести съ 1 января будущаго года съ тѣмъ, чтобы причислить ихъ въ вѣдомство именно тѣхъ окружныхъ управленій и тѣхъ крестьянскихъ обществъ, среди которыхъ они жительство имѣютъ, ибо они, по разсѣянному своему состоянію по разнымъ округамъ и волостямъ, не могутъ изъ себя составить особыхъ управленій», при чемъ въ томъ же постановленіи опредѣлено было надѣлить ихъ землею и указано, что 230 душъ инородцевъ, живущихъ въ Красноярскомъ округѣ близъ г. Красноярска подъ именемъ качинскихъ инородцевъ [1]), какъ могущіе по «неразсѣянному своему состоянію» составить особое общество, должны въ с. Торгашинѣ образовать особое инородческое управленіе подъ именемъ Качинскаго. Изобиліе слѣдовъ присутствія инородцевъ въ селеніяхъ, лежащихъ въ окрестностяхъ нынѣшняго губернскаго города Красноярска на р. Качѣ, указываетъ на то, что мѣстность эта была до нѣкоторой степени центромъ обитанія качинскихъ инородцевъ, значительная часть которыхъ, какъ видно, оставалась здѣсь еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и только послѣ указаннаго распоряженія Главнаго Управленія Восточной Сибири отодвинулась на Минусу.

При разсмотрѣніи данныхъ о времени заселенія различныхъ округовъ губерніи нельзя не прійти къ заключенію, что Канскій и Красноярскій округа, въ которыхъ остались теперь только слѣды инородческаго пребыванія или небольшія смѣшанныя съ русскими группы потомковъ кочевавшихъ здѣсь татаръ, заселились раньше большей части Минусинскаго и значительной части Ачинскаго округовъ, почему и инородцы, подъ давленіемъ притока русскихъ извнѣ,

[1]) См. выше.

должны были перекочевать отсюда раньше, чѣмъ изъ остальныхъ двухъ, а слѣдовательно оставить и меньше слѣдовъ своего пребыванія.

Наоборотъ, въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ, гдѣ заселеніе нѣкоторыхъ довольно крупныхъ районовъ шло гораздо позже, чѣмъ въ первыхъ двухъ, и гдѣ—именно въ Минусинскомъ округѣ—и до сихъ поръ еще продолжается привселеніе русскихъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, а населеніе еще не вполнѣ устоялось и бродитъ, перемѣняетъ свои мѣста,—инородцы не только оставили значительные слѣды своего пребыванія на пространствѣ, занятомъ нынѣ русскими селеніями, но и сами занимаютъ еще обширные степные районы.

Слѣдами ихъ былого пребыванія въ русской части этихъ двухъ округовъ является тоже присутствіе въ русскихъ селеніяхъ осѣдлыхъ инородцевъ и крестьянъ изъ инородцевъ и, наконецъ, распространенность среди русскаго населенія легенды *о бѣломъ царѣ и бѣлыхъ березахъ*, которую я въ одинаковомъ видѣ слышалъ и въ с. Курагинѣ, Минусинскаго округа, и въ Ужурской волости Ачинскаго округа, и въ сс. Моганскомъ и Шиверскомъ, Красноярскаго округа. Легенда вездѣ связана съ приходомъ русскихъ и существованіемъ кургановъ, оставшихся въ дѣйствительности отъ еще болѣе древнихъ обитателей страны [1]). Легенда объясняетъ существованіе этихъ кургановъ такимъ образомъ. Когда стали приходить во владѣнія инородцевъ русскіе, то въ это время у инородцевъ уже существовало повѣрье, что когда появятся бѣлыя деревья (березы), то это будетъ означать скорое прибытіе бѣлаго царя, который подчинитъ себѣ всѣхъ ихъ. Поэтому, когда дѣйствительно появились русскіе и на производимыхъ ими вырубкахъ для усадебъ и пашенъ стала зарастать береза, то инородцы увидѣли въ этомъ конецъ своему существованію, въ ужасѣ стали рыть себѣ могилы съ высокими земляными крышами на деревяныхъ подпоркахъ и тамъ массами погребали себя живьемъ, вмѣстѣ съ своимъ скарбомъ, убирая подпоры и заваливаясь такимъ образомъ землею. Такъ объясняетъ народная фантазія происхожденіе часто встрѣчающихся здѣсь древнихъ кургановъ съ каменными бабами и руническими надписями на нихъ, а

[1]) Кстати сказать, одно изъ беллетристическихъ произведеній г. Мамина-Сибиряка изъ жизни населенія Приуралья, помнится, основано на такой же легендѣ.

также и причину, почему инородцы такъ слабо сопротивлялись русскому нашествію. Легенда эта интересна собственно какъ одно изъ доказательствъ, что русскіе засельщики во многихъ мѣстахъ застали кочевыхъ инородцевъ и вызвали въ нихъ такой испугъ, что послѣдніе въ скоромъ же времени исчезли изъ занятыхъ русскими районовъ. Что же касается собственно вопроса о появленіи бѣлыхъ березъ въ то время, то нынѣ мѣстные крестьяне объясняютъ это тѣмъ, что береза всегда выростаетъ у нихъ на лѣсныхъ вырубкахъ и что такъ какъ кочевники лѣсовъ не расчищали, то и березъ не видали, тѣмъ болѣе, что береза и теперь въ глухой тайгѣ не растетъ. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ мѣстныхъ ботаниковъ, съ которыми я говорилъ по этому вопросу, склонны объяснить это тѣмъ, что, какъ замѣчено ими въ Сибири, съ совершающейся въ ней перемѣной климата измѣняются и пояса растительности. Передвиженіе же этихъ поясовъ ристительности для простого народа всего легче замѣтить именно на такомъ, выдающемся по своему виду, деревѣ, какъ береза съ ея бѣлымъ стволомъ, рѣзко выдѣляющимся на сѣробуромъ фонѣ стволовъ остальныхъ древесныхъ породъ.

Наибольше воспоминаній о борьбѣ съ инородцами сохранилось въ Ужурской и Шараповской волостяхъ Ачинскаго округа, заселенныхъ позднѣе всѣхъ волостей этого округа, такъ какъ населеніе послѣднихъ само постепенно передвигалось на югъ и юго-западъ именно въ этотъ населенный тогда исключительно татарами районъ, прилегающій и къ Абаканскимъ степямъ, и къ отрогамъ Алтая. О заселеніи (около 100 лѣтъ тому назадъ) с. Солгона, Ужурской волости, разсказываютъ, что въ первое время татары хотѣли воспрепятствовать поселенію здѣсь русскихъ и однажды, неожиданно для послѣднихъ, собрались кучею съ гикомъ и крикомъ гнать русскихъ. Послѣдніе тоже столпились въ кучу, и нѣкоторое время обѣ партіи стояли другъ противъ друга въ ожиданіи. Наконецъ одинъ изъ русскихъ не выдержалъ и бывшей въ его рукахъ оглоблей съ размаху ударилъ ближайшаго къ нему татарина—и такъ удачно, что сразу сбилъ его съ коня. При видѣ этого, остальные татары тотчасъ обратились въ бѣгство и вскорѣ же перекочевали туда, гдѣ теперь д. Изыкчульская, куда чрезъ 50 лѣтъ послѣ этого тоже пришли русскіе, и откуда эти же татары ушли уже сразу подальше на югъ, къ такъ называемому Божьему озеру. Первые засельщики д. Жгутовой,

крестьянинъ Жгутовъ съ тремя сыновьями, по приходѣ на мѣсто устроили мельницу. Татары собрались въ числѣ около 200 человѣкъ и окружили мельницу со всѣхъ сторонъ, думая, вѣроятно, многочисленностію своею устрашить русскихъ. Но Жгутовъ съ сыновьями—все здоровенные мужики—заперлись въ мельницѣ, вылѣзли на ея крышу съ ружьями, которыя и направили на татаръ. Тогда видя, что защита будетъ энергична, татары отступили и вскорѣ тоже откочевали подальше. Среди массы подобныхъ разсказовъ по поводу основанія отдѣльныхъ селеній Ачинскаго округа о мелкихъ стычкахъ или даже о добровольномъ уходѣ татаръ при появленіи русскихъ, изрѣдка лишь приходится слышать, что татары пробовали изподтишка, когда взрослые русскіе уходили изъ селенія на работы, дѣлать на строющіяся селенія набѣги и ломать избы и печи, но въ концѣ концовъ все-таки сами же откочевали подальше отъ русскихъ. По объясненію нѣкоторыхъ стариковъ, такой быстрый уходъ ихъ, кромѣ присущей татарамъ боязливости и слабосилія, зависѣлъ еще отъ боязни, чтобы ихъ не зачислили въ крестьяне, или не стали брать въ солдаты, и наконецъ отъ слишкомъ значительной разницы въ образѣ жизни съ послѣдними (т. е. съ русскими). Нѣкоторые улусы на первыхъ порахъ все-таки пробовали жить въ сосѣдствѣ съ русскими и сообща пользоваться землями; напр., сосѣди основанной 102 года назадъ д. Кузурбы, Ужурской волости, имѣвшіе общія съ ними угодья и общую поскотину; но впослѣдствіи они все-таки откочевали. Другіе позволили осѣсть русскимъ въ своихъ улусахъ и въ результатѣ этого появились теперь въ Ужурск. и Шарыповск. вол. селенія съ смѣшаннымъ населеніемъ. Нѣкоторые улусы остались въ Ужурск. и Шарып. волостяхъ, такъ сказать, вкрапленными среди русскихъ селеній, и существуютъ по сіе время. Наконецъ, въ 2—3 селеніяхъ произошелъ такой курьезъ, что изъ бывшаго улуса откочевали всѣ инородцы, кромѣ двухъ—трехъ, или даже одного, какъ въ Косоголѣ; этотъ одинъ и *принялъ* такимъ образомъ приселявшихся русскихъ *въ свое общество;* теперь же русскіе, проживъ съ нимъ въ мирѣ и согласіи нѣсколько десятковъ лѣтъ и почувствовавъ утѣсненіе въ земляхъ, начинаютъ притѣснять его, какъ *постороннюю* обществу человѣка, и, забывая «старую хлѣбъ-соль», гонятъ изъ своего селенія. Проживутъ ли долго эти недогадавшіеся приписаться въ число крестьянъ инородцы въ русскихъ селеніяхъ, долго ли просуществуютъ вкрапленные среди

русскихъ деревень Ужурск. и Шарып. волостей улусы татаръ—это подлежитъ большому сомнѣнію, если принять во вниманіе послѣдствія русскаго наплыва въ другихъ округахъ, а также и то, что главное заселеніе Ужурск. и Шарып. волостей происходило всего 50 и максимумъ 105 лѣтъ назадъ.

Въ Минусинскомъ округѣ, не смотря на сравнительно позднее заселеніе юго-восточной его части, включающей Идринскую, Курагинскую, Сагайскую, Тесинскую, Ермаковскую и Шушинскую волости, преданія сохранили наименьшее количество воспоминаній о татарахъ, тогда какъ несомнѣнно ранѣе ихъ заселенныя Абаканская и Новосельская волости сохранили этихъ воспоминаній гораздо больше. Надо думать, что самый характеръ мѣстности вліялъ на это: Абаканская и Новоселовская волости, находясь при р. Енисеѣ, къ которому съ лѣвой стороны примыкаютъ теперешнія главныя становища минусинскихъ татаръ, имѣютъ болѣе ровный, степной характеръ, чѣмъ вышеперечисленныя, позднѣе заселенныя волости, заполняемыя въ большей или меньшей части отрогами Саянъ и изобилующія лѣсами, и потому татары предпочитали для своихъ кочевьевъ именно мѣста, занимаемыя нынѣ Абаканской и Новоселовской волостями. При томъ же обѣ волости эти лежатъ между Красноярскимъ и Канскимъ округами, съ одной стороны, и нынѣшнимъ пребываніемъ минусинскихъ татаръ, съ другой, т. е. какъ разъ на пути слѣдованія татаръ обоихъ этихъ округовъ въ Минусу, когда они бѣжали туда съ сѣвера отъ русскаго нашествія.

Тѣмъ не менѣе, изъ преданій, сохранившихся у мѣстныхъ жителей, и изъ свѣдѣній, любезно сообщенныхъ мнѣ мѣстнымъ любителемъ старины, крестьяниномъ с. Курагина, г. Девятовымъ, рывшимся въ мѣстныхъ архивахъ, былое пребываніе татаръ въ наиболѣе степныхъ районахъ этихъ волостей становится несомнѣннымъ, что, впрочемъ, подтверждается и существованіемъ татарскихъ названій мѣстныхъ деревень и рѣкъ, а также и указаннымъ пребываніемъ потомковъ инородцевъ въ числѣ членовъ нѣкоторыхъ селеній.

Не останавливаясь на приведеніи отдѣльныхъ фактовъ въ доказательство присутствія здѣсь инородцевъ въ прошлые годы, скажу только нѣсколько словъ о татарахъ, заселявшихъ нынѣшнюю Курагинскую волость. Въ то время какъ въ г. Енисейскѣ—тогдашней столицѣ всего Енисейскаго края—воеводой былъ Римскій-Корсаковъ,

родовымъ начальникомъ мѣстныхъ татаръ былъ въ этой мѣстности Курага, который крестился, по совѣту Корсакова, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Енисейскъ, вѣроятно, съ данью, а между прочимъ и на бѣга, которые тамъ устраивались ежегодно (татары большіе любители верховой ѣзды). Это было приблизительно въ 1720 году. Уже крестясь, Курага просилъ у воеводы помощи противъ жившихъ въ верховьяхъ Енисея сойотовъ, съ которыми у татаръ вышелъ споръ изъ-за рыбныхъ ловель [1]). Это было уже въ царствованіе Анны Іоанновны. Воевода далъ Курагѣ козаковъ, вѣроятно, предполагая кстати обложить сойотовъ данью, а сойоты пустились наутекъ, такъ что татары и козаки догнать ихъ не могли, но въ одномъ мѣстѣ нашли между еще непотухшими кострами покинутаго сойотами стана забытаго ими ребенка, котораго Курага взялъ къ себѣ на воспитаніе и назвалъ Джибиномъ, что значитъ «нитка», потому что ребенокъ былъ страшно худъ. Впослѣдствіи отъ него пошла въ нынѣшнемъ с. Курагинѣ весьма распространенная фамилія Джибиновыхъ, а отъ самаго Кураги—Курагиныхъ. Въ то время когда козаки съ татарами шли вверхъ по Енисею въ погонѣ за сойотами, послѣднее встрѣченное ими на пути въ верхнемъ теченіи Енисея селеніе было Карауль но-острожное, нынѣшней Новоселовской вол., гдѣ былъ острогъ, или пограничная крѣпость. Слѣдовательно, вблизи нея въ то время кочевали татары. Когда Курага крестился, татары—по словамъ преданія—стали упрекать его за это, такъ какъ у нихъ существовало повѣрье, что придутъ на нихъ злые люди съ рваными ноздрями. Впослѣдствіи такъ и случилось: когда устроенъ былъ Ирбинскій заводъ и нагнали туда каторжниковъ для работы на заводѣ, тѣ дѣлали набѣги на татарскіе улусы, съ цѣлью воровать скотъ себѣ для пищи. Отъ этихъ набѣговъ татары откочевали за р. Тубу (притокъ Енисея) и тамъ между прочимъ основали улусъ, теперь существующій подъ именемъ д. Качульки, изъ русскихъ съ примѣсью инородческаго на-

---

[1]) Нынѣшнее село Курагино, принадлежавшее еще недаво къ району Тесинской волости, стоитъ близь р. Тубы (притока р. Енисея); эта Туба невдалекѣ отъ с. Курагина принимаетъ въ себя притокъ—рѣчку Тесь. Инородческое же племя, извѣстное подъ именемъ сойотовъ, зоветъ себя «тесь», откуда можно думать, что сойоты прежде жили въ этой мѣстности и что споръ изъ-за рыбныхъ ловель потому и произошелъ между названными двумя племенами, что они въ то именно время жили по сосѣдству другъ съ другомъ.

селенія. Откочеваніе татаръ за Тубу произошло, по всей вѣроятности, послѣ 1740 г., но когда именно—неизвѣстно [1]).

Такимъ образомъ вездѣ инородцы были оттѣснены русскими засельщиками, и только немногіе сочли возможнымъ остаться между ними. Нѣкоторые, очевидно подъ вліяніемъ болѣе близкаго знакомства съ русскими, обратившись къ осѣдлой жизни, сами стали основателями отдѣльныхъ селеній, напр., д. Ново-Маріасовой, Новоселовской волости, 60 лѣтъ назадъ, М. Хабыка, Идринск. вол., образованнаго 80 лѣтъ назадъ татарами, пришедшими изъ Сыда, с. Означеннаго, Бейской вол., основаннаго кочевыми инородцами 50 лѣтъ назадъ и с. Бородина, Абаканской вол., основатели котораго были 30 лѣтъ назадъ инородцы, въ первое время сильно тѣснившіе одинокихъ русскихъ засельщиковъ, пока послѣднихъ не прибыло слишкомъ много.

Изъ этого перечня видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшней русской части Минусинскаго округа татары продолжали держаться отдѣльными болѣе или менѣе самостоятельными группами еще до 30-хъ и даже 50-хъ годовъ текущаго столѣтія. Изъ помянутаго уже распоряженія Главнаго Управленія Восточной Сибири въ 1832 году видно, что распоряженіемъ этимъ приказано было обратить въ томъ году въ осѣдлое крестьянское состояніе 74 души инородцевъ Шушинской волости, 63 Курагинской, 85 Абаканской и 49 Новоселовской, Минусинскаго округа, а также 151 Ужурской и 12 Балахтинской и Назаровской, Ачинскаго округа. Инородцы, которые не бѣжали отъ этого перечисленія, всячески ему противились, такъ что уже въ приказѣ земскаго исправника, отъ 10 ноября 1833 года, Ужурскому волостному правленію мы читаемъ, что «по рапорту волостнаго правленія о неповиновеніи инородцевъ, поступившихъ въ крестьяне» онъ приказываетъ передать имъ его письменные приказы, «чтобы они непремѣнно были покорны власти мѣстнаго начальства», «внушить имъ обязанность къ покорности и стараться привести ихъ въ должное повиновеніе», а уже въ приказѣ 28 ноября того же года читаемъ, что такъ какъ нѣкоторые инородцы «замышляютъ нынѣ вновь утруждать самого Государя Императора о перемѣнѣ закона, собственно *на нихъ* изданнаго, и всѣмъ предписаніямъ моимъ, земскаго суда, даже его превосходительства господина гражданскаго губернатора,

[1]) Свѣдѣнія эти о Курагинской вол. сообщены мнѣ г. Девятовымъ.

повелѣвающимъ имъ быть покорными безусловно подъ вѣдѣніемъ Ужурской волости въ крестьянахъ, не хотятъ повиноваться», «предписываю поименованныхъ 3-хъ человѣкъ маріасовцевъ, яко главныхъ возмутителей къ непокорности правительства», «схватить, заклепать въ колодки и представить въ земскій судъ на дальнѣйшее мое распоряженіе»...

Вышеприведенное указываетъ, что, по сохранившимся въ народѣ преданіямъ, инородцы оказали вообще весьма слабое сопротивленіе вторженію русскихъ и довольно быстро откочевали въ глубь еще незаселенныхъ ими пространствъ. Какъ я уже сказалъ, сами русскіе объясняли и объясняютъ это главнымъ образомъ врожденною трусливостью татаръ. Я сравнительно довольно много провелъ времени между татарами, бывалъ и у сагайцевъ, и у абаканцевъ, качинцевъ, кизыльцевъ, живалъ понемногу въ ихъ улусахъ, ночевывалъ въ юртахъ—и вообще впечатлѣніе, вынесенное мною, совпадаетъ со взглядомъ на нихъ крестьянъ. Дѣйствительно, въ большинствѣ, это народъ боязливый, робкій, дрожащій передъ мѣстнымъ начальствомъ (земскими засѣдателями и исправниками),—начальствомъ, которое, впрочемъ, никогда ничѣмъ его не баловало а, пользуясь его неразвитостью и беззащитностью, изощрялось въ мѣропріятіяхъ по части собиранія съ нихъ дани натурой и деньгами для набиванія собственныхъ карамановъ. Но еще и теперь въ центрѣ Абаканскихъ степей Минусинскаго округа можно найти цѣлый уголъ татарскихъ улусовъ по рѣкѣ Нинѣ, энергичное населеніе которыхъ почти сплошь занимается конокрадствомъ, на сотни верстъ кругомъ наводя страхъ на окрестное татарское населеніе своими неожиданными вечерними и ночными, одиночными и группованными налетами, при помощи которыхъ они уводятъ иногда цѣлые косяки конскихъ табуновъ, рискуя сложить свои головы подъ выстрѣлами стерегущихъ ихъ конныхъ пастуховъ, или иногда и при погонѣ цѣлаго улуса.

Трудно предположить, чтобы эти признаки энергіи были только удѣломъ сравнительно небольшой кучки татарскихъ улусовъ; не вяжется это и съ устройствомъ въ свое время остроговъ для оберегания русскихъ владѣній отъ инородческихъ набѣговъ, хотя главное ихъ назначеніе и могло заключаться въ сборѣ дани, такъ сказать, на мѣстѣ. Трудно предположить также, чтобы приходъ первыхъ—еще неизвѣстныхъ татарамъ—русскихъ засельщиковъ сразу произвелъ на всѣхъ ихъ столь устрашающее впечатлѣніе...

Не отрицая поэтому достовѣрности сохранившихся и изложенныхъ мною выше преданій о послѣдней борьбѣ русскихъ засельщиковъ съ инородцами, такъ какъ они, черезчуръ, такъ сказать, единогласно указываютъ на слабое сопротивленіе инородцевъ, вѣрнѣе всего предположить, что преданія эти относятся именно къ моменту *послѣдняго* періода борьбы съ инородцами; преданій же о болѣе раннемъ періодѣ этой борьбы въ народѣ не сохранилось. Такимъ образомъ оставшіяся преданія характеризуютъ борьбу съ тѣми инородцами, предки которыхъ въ свое время уже имѣли дѣло съ энергичными русскими засельщиками, уже пробовали съ ними свои силы, вѣроятно весьма усиленно боролись, но въ концѣ концовъ уступили подъ наплывомъ все новыхъ и новыхъ силъ, пришедшихъ при томъ же и съ болѣе совершенными орудіями борьбы.

Преданія, пересказанныя выше, относятся главнымъ образомъ къ Ужурской и Шарыповской волостямъ, Ачинскаго округа; между тѣмъ, изъ предыдущаго уже извѣстно, что канскіе и красноярскіе инородцы много раньше ачинскихъ, уступая напору русскихъ засельщиковъ, покинули эти два округа. Извѣстно также, что Балахт. и Назаровой волости, Ачинскаго округа, и Новоселовская вол., Минусинскаго округа, заселились настолько раньше Ужурской и Шарыповской, что въ нихъ не сохранилось уже и преданій о времени возникновенія большинства селеній, а Ужурская и Шарыповская вол. въ значительной части заселялись именно изъ этихъ 3-хъ волостей. Можно думать поэтому, что инородцы, кочевавшіе въ районѣ этихъ 3-хъ волостей, въ періодъ ихъ заселенія русскими, тоже выдерживали извѣстную борьбу съ русскими и, отступивъ въ степи юго-западной части Ачинскаго или западной части Минусинскаго округа, уже знали, чего они могутъ въ концѣ концовъ ожидать отъ русскихъ засельщиковъ. Иначе сказать, періодъ той борьбы съ русскими, которая сохранилась еще въ преданіяхъ, былъ уже послѣднимъ актомъ борьбы инородцевъ противъ русскихъ засельщиковъ, и такимъ актомъ, который совершался въ то время, когда многіе инородцы лично или по разсказамъ стариковъ, по собственнымъ преданіямъ, перешедшимъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, уже были знакомы съ тяжестью русскаго оружія, съ энергіею русскихъ засельщиковъ и, отступивъ однажды, были уже напуганы этою наступающею на нихъ силою.

Надо замѣтить также, что если теперешніе вольные засельщики приходятъ въ Сибирь почти исключительно съ культурно-земледѣльческими цѣлями, то въ прежнее время—и чѣмъ раньше, тѣмъ больше—приходило или присылалось въ Сибирь не мало народу, имѣвшаго цѣли, чуждыя земледѣлію. Уже и выше было мною указано на возникновеніе деревень, каковы Суховская и Дѣтлова, осѣданіемъ въ этихъ мѣстахъ разбойниковъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ докладовъ по исторіи заселенія Енисейской губерніи я укажу еще на условія образованія правительствомъ казенныхъ заводовъ изъ ссыльныхъ и каторжниковъ, съ теченіемъ времени разбѣгавшихся изъ этихъ заводскихъ поселеній «во всѣ стороны свѣта бѣлаго» и наводившихъ ужасъ на населеніе своими грабежами. Взоры всѣхъ этихъ людей, совершенно чуждыхъ культурно-земледѣльческимъ цѣлямъ, съ особымъ вниманіемъ—въ цѣляхъ грабежа—обращались на инородцевъ съ ихъ огромными табунами всякаго рода скота, съ богатствомъ въ мѣхахъ,—инородцевъ, живущихъ безъ запоровъ въ жилищахъ, разбросанныхъ по одиночкѣ или мелкими группами. И это, въ свою очередь, тоже по всей вѣроятности, не могло не оказать нѣкотораго вселяющаго страхъ къ русскимъ вліянія на мѣстныхъ инородцевъ. Мы видѣли уже, какъ при подобныхъ условіяхъ татары, потомки соплеменниковъ Кураги, ушли за р. Тубу отъ нашествія каторжниковъ изъ Ирбейскаго завода. А что разбои и грабежи въ той мѣстности, гдѣ еще сохранились преданія о трусливомъ отступленіи инородцевъ передъ русскими засельщиками, происходили въ этотъ періодъ ея заселенія, тому доказательствомъ служитъ случайно найденный мною документъ въ архивѣ Ужурскаго волостнаго правленія.

Помянутый документъ составляетъ реестръ вещамъ, увезеннымъ разбойниками у крещенной татарки Феодосіи Янгуловой.

Регистръ вещамъ, увезеннымъ разбойниками у Феодосіи Янгуловой въ 1825 году.

Денегъ золотыхъ монетовъ несчитаны были, насыпанныя суммы едва могли поднять два человѣка; государственными ассигнаціями—300 р.; 20 рысей—600 р.; 9 выдръ—360 р.; 6 соболей—60 р.; 2 лисицы черныя—200 р.; 14 сиводушекъ и бѣлодушекъ—210 р.; 2 кушака шелковыхъ иркутскихъ, по 70 р. каждый—140 р.; 2 кушака иркутскихъ же шелковыхъ, по 50 р.—100 р.; 1 кушакъ шелковый простой—15 р.; 3 кушака бумажныхъ, по 5 р.—15 р.; 1 пимы, золотомъ и шелкомъ шитыя—60 р.; 5 аршинъ сукна кармазиннаго чернаго, по 30 р. аршинъ—150 р.; 5 аршинъ голи красной, по 12 р.—60 р.; 3 аршина голи темной, по 10 р. арш.—30 р.; 9 аршинъ гранитуру по 4 р. аршинъ—36 р.; 10 аршинъ парчи по красной землѣ, цвѣты золотыя—100 р.; 10 аршинъ парчи по голубой землѣ, цвѣты золотыя—100 р.; 10 аршинъ парчи черемховаго цвѣта, цвѣты золотыя—100 р.; 10 аршинъ парчи по зеленой землѣ, цвѣты серо-

бряныя съ золотомъ—150 р.; 3 аршина парчи зеленаго же цвѣта цвѣты, маленькія съ золотомъ—30 р.; 3 конца полушелковицы красной—90 р.; 2 конца китайки зеленой по 6 р. 50 к. арш.—13 р.; 5 концовъ китайки черной по 6 р. 50 к.—32 р. 50 к.; 20 платковъ бумажныхъ разнаго цвѣта—70 р.; 4 платка шелковые красные большіе подъ золотомъ—120 р.; 2 платка чернаго цвѣта подъ золотомъ—50 р.; 1 платокъ бѣлый, цвѣты серебрян. съ золотомъ—30 р.; 1 шаль, сторона голубая, а другая красная—25 р.; 5 платковъ борцовыхъ старинныхъ—35 р.; 13 платковъ гранитуровыхъ большихъ, цвѣты золотыя—169 р.; 6 платковъ гранитуровыхъ разн. цвѣта съ метлеками—30 р.; 1 нагрудникъ, моржанами и жемчугомъ унизанъ—150 р.; 1 шуба мужская тонкаго сукна темнаго цвѣта, мѣхъ волчей лапы, опушенъ выдрой—367 р. 50 к.; 1 шуба мужская черной китайки, мѣхъ мерлушчатый, опушенъ выдрой—50 р.; 1 сюртукъ черный кармазинный—50 р.; 1 куртка плисовая черная—19 р.; 1 кафтанъ тонкаго черемховаго цвѣта—180 р.; 1 конецъ самзы—40 р.; 1 шаровары тонкаго сукна голубые—15 р.; 1 колпакъ азіатскій полушелковый—10 р.; 1 рубаха дабинная—5 р.; 1 кошелекъ шелковый шитый золотомъ—12 р.; 1 халатъ китайчетый, черный подкладъ тонкаго сукна—15 р.; 1 халатъ китайчетый зеленый—13 р.; 7 аршинъ плису чернаго по 4 р. арш.—28 р.; 200 мотушекъ шелку разнаго цвѣта—50 р.; 60 мотушекъ серебра и золота—18 р.; 1 коверъ персидскій—90 р.; 1 фунтъ пороху 2 р. 50 к.; 7 фунт. свинцу по 50 коп.—6 р.; 1 ружье—35 р.; 14 фунтовъ сахару по 2 р. 50 к.; чаю по 7 руб. ф.—45 р.; 1 чайникъ мѣдный большой—7 р.; 2 пары чайныхъ чашекъ 13 р.; 8 чашекъ красныхъ китайскихъ—8 р.; 9 перстней серебряныхъ, 3 вызолоченыхъ—61 р.; 1 перстень большой серебряный—30 р.; 16 корольковъ моржану—160 р.; 4 пары серегъ серебряныхъ съ моржанами—80 р.; 2 креста серебрян. вызолоченые, женскіе съ цѣпочками—90 р.; 4 креста мужскихъ серебряныхъ—20 р.; 6 паръ сапоговъ юфтовыхъ по 5 руб.—30 р.; 5 паръ рукавицъ юфтовыхъ, 2 пары лосиныхъ—11 р. 50 к.; 1 шапка круглая камчатскаго бобра, верхъ красн. бархату—180 р.; 3 шапки камчатскаго бобра верхъ зеленаго бархату—45 р.; 2 занавѣси шитыя шелковыя по 30 р.—60 р.; 3 сумы юфтовыхъ по 10 р., 1 сыромятная 8 руб.—38 р.; 80 паръ лапъ собольихъ 24 р. 30 к., 5 паръ лисьихъ 7 р. 50 к.—31 р. 80 к.; 1 узда шелковая серебромъ украшена—35 р.; 1 узда ременная украшена гвоздями—13 р. 50 к.; 1 патфея, съ чепракомъ оправлена серебромъ—30 р.; 2 сѣдла братскихъ кечемъ съ прибором оправлены серебромъ—170 р.; 2 бритвы 5 р.; 3 ножницъ 3 р.; топоръ 1 р. 50 к.; желѣза одинъ пудъ—10 р. 50 к.; 2 огнива серебромъ оправлены—10 р.; 1½ фунта табаку черкасскаго—1 р. 50 к.; 1 ножикъ большой, черенъ мѣдной, ножны оправлены серебромъ—10 р.; 2 ножа складныхъ среднія, одинъ черенъ роговой и 2-й мѣдный съ цвѣточками—10 р.; 1 гребень костяной рѣзной вызолоченый—10 р.; 1 гребень костяной рѣзной вызолоченый—5 р.; 3 гребня костяныхъ большихъ—12 р. И того, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, на 6119 р.

Документъ этотъ относится къ 1825 году, т. е. къ тому времени, когда даже отступленіе инородцевъ въ этой мѣстности совершилось уже по всей почти линіи и когда данный районъ находился подъ опекой правительства и ближайшимъ попечительствомъ мѣстной администраціи, къ которой и инородцы стали уже обращаться за защитой и покровительствомъ. Слѣдовательно, для разбоевъ было уже меньше простора, чѣмъ прежде; тѣмъ не менѣе они все-таки происходили и въ это время.

Документъ этотъ интересенъ еще, съ одной стороны, какъ характерный образчикъ того богатства, которое заключалось въ то время въ юртахъ наиболѣе богатыхъ татаръ (теперь это богатство значительно сократилось и не выражается уже въ такомъ изобиліи дорогихъ мѣховъ и обложенныхъ серебромъ вещей, какъ въ данномъ случаѣ); съ другой стороны, онъ интересенъ, какъ доказательство, что около того времени инородцы мѣстностей, прилегающихъ къ Ужурской и Шарыповск. волостямъ, вели уже довольно обширныя торговыя сношенія съ русскими (покупали у нихъ многіе предметы роскоши и необходимости) и какъ характеристика высокихъ цѣнъ, по какимъ добывались въ то время инородцами предметы покупки.

Приступая затѣмъ къ сводкѣ цыфръ по времени основанія селеній и по происхожденію (мѣсту выхода) первыхъ засельщиковъ селеній разныхъ округовъ губерніи, нельзя не прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ. Старыя селенія, существующія не менѣе 100 лѣтъ, составляютъ въ изслѣдованныхъ округахъ около 70% общаго числа изслѣдованныхъ селеній; поселенія же, которымъ не болѣе 50 лѣтъ, составляютъ около 20%, въ томъ числѣ поселковъ, коимъ не болѣе 10 лѣтъ, около $2^1/_2$%. Наибольшее число послѣднихъ имѣется въ Минусинскомъ округѣ, наименьшее въ Красноярскомъ. Поселки новѣйшаго происхожденія въ Канскомъ и Красноярскомъ округахъ основаны преимущественно въ волостяхъ, прилегающихъ къ Московскому почтовому тракту, которымъ обыкновенно идутъ переселенцы, направляющіеся на востокъ. Поселки же новѣйшаго образованія въ Минусинскомъ округѣ разбросаны по разныхъ районамъ, что и объясняется тѣмъ, что въ Минусу, находящуюся вдали отъ тракта, переселенцы идутъ не по пути, а именно съ цѣлью поселиться тамъ, гдѣ будетъ возможно.

Изъ общаго числа всѣхъ тѣхъ же (260) селеній 45% основаны сибиряками изъ существовавшихъ уже деревень, 39% прямо переселенцами изъ Европейской Россіи и въ томъ числѣ 16% (общаго числа) переселенцами Европейской Россіи изъ смежныхъ съ Сибирью губерній: Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской и 1% основано одними инородцами. Что касается состава переселенцевъ изъ Европейской Россіи (кромѣ Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерній), то по губерніямъ онъ располагается въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: Курской, Тамбовской, Самарской,

Нижегородской, Орловской, Воронежской, Казанской, Тульской, Пензенской, Рязанской и Московской.

Изъ собранныхъ данныхъ (надо замѣтить *неполныхъ*—уже по тому одному, что они основаны на преданіяхъ и потому ограничиваются извѣстнымъ временемъ) видно, что заселеніе различныхъ частей губерніи шло повидимому въ неодинаковыхъ направленіяхъ. Сѣверная часть Канскаго и Красноярскаго (Сухобузимская волость) округовъ заселились изъ болѣе сѣвернаго Енисейскаго округа, средняя (Канскаго округа)—частію изъ сѣверной своей половины. Въ періодъ времени, захватываемый преданіями, притокъ въ эти два округа населенія изъ Европейской Россіи былъ незначительный, но о заселеніи почти 40% селеній этихъ 2-хъ округовъ, преданій не собрано, потому что большая ихъ (т. е. селеній) часть возникла очень давно. Весьма возможно, что многіе изъ нихъ основаны именно пришельцами изъ Европейской Россіи.

Значительное число селеній по Московскому тракту заселилось при помощи правительства путемъ вызова переселенцевъ, съ дарованіемъ имъ льготъ и пособій, какъ и многіе изъ бывшихъ форпостовъ и станицъ въ мѣстностяхъ, пограничныхъ къ кочевьямъ тогдашнихъ инородцевъ въ Минусинскомъ и частію Канскомъ и Красноярскомъ округахъ. Въ Ачинскомъ округѣ заселеніе, начавшись съ средней его части, подвинулось на непривѣтный и неудобный для земледѣлія сѣверъ очень недалеко, и тамошніе инородцы нынѣшняго Мелецкаго вѣдомства, повидимому, остались поэтому на своихъ мѣстахъ или почти не двинулись дальше, движеніе же русскихъ направилось къ югу, и самая южная и юго-западная части округа (Ужурск. и Шарып. вол.) заселились сравнительно недавно попреимуществу изъ средней части того же Ачинскаго округа. Минусинскій округъ—въ тотъ періодъ, о которомъ сохранились преданія—наиболѣе другихъ округовъ заселился непосредственно переселенцами изъ Европейской Россіи; разселеніе въ немъ остального населенія въ значительной мѣрѣ шло въ разбродъ, въ разныя стороны, такъ какъ засельщики розыскивали себѣ осѣдлость въ разныхъ направленіяхъ, но значительная часть селившихся тутъ сибиряковъ, двигалась, главныхъ образомъ, съ юга на сѣверъ (были выходцы болѣе сѣверныхъ округовъ: Красноярскаго, Ачинскаго и даже Енисейскаго). Ближе къ нашему времени это стремленіе къ югу, обозначившееся уже на переселеніи 200 лѣтъ

назадъ многихъ крестьянъ Енисейскаго округа въ Канскій пріобрѣтало все болѣе и болѣе значенія и, надо замѣтить кстати, недалеко то время, когда это стремленіе докончитъ заселеніе Минусы, въ которой и теперь уже мѣстами становится тѣсно.

Вышеизложеннымъ, надѣюсь, достаточно выяснился характеръ и значеніе данныхъ по исторіи заселенія Сибири, заключающихся въ преданіяхъ мѣстнаго населенія. Изъ вышеизложеннаго ясно также, мнѣ кажется, что еслибы эти данныя можно было связать съ данными архивныхъ документовъ, то исторія заселенія края выяснилась бы съ заслуживающею всякаго вниманія полнотою, и что матеріалъ, собранный изъ преданій, можетъ служить интереснымъ дополненіемъ къ архивнымъ даннымъ по исторіи заселенія различныхъ мѣстностей Сибири. Съ другой стороны, при помощи архивнаго матеріала, въ сообщенныя здѣсь данныя возможно было бы внести необходимыя поправки неточностей, вкравшихся въ эти преданія, такъ что выясняемая здѣсь исторія заселенія представила бы, при содѣйствіи архивнаго матеріала, болѣе точности. И это *тѣмъ* болѣе, что въ данномъ случаѣ, имѣя главную цѣль—показать, какое значеніе въ разъясненіи исторіи заселенія Сибири должно и можетъ имѣть собираніе мѣстныхъ преданій, и не желая поэтому вводить въ него какой бы то ни было матеріалъ иного происхожденія,—дабы значеніе и степень полноты извлекаемыхъ изъ мѣстныхъ преданій данныхъ оттѣнились наиболѣе выпукло,—я излагалъ ее *исключительно* по матеріаламъ преданій [1]), не касаясь даже тѣхъ, имѣющихся уже въ литературѣ, данныхъ по этому вопросу, которыя можно найти, напримѣръ, въ трудѣ проф. Өирсова: «Инородческое населеніе Россіи и ея колонизація до 1762 года», въ трудахъ гг. Щеглова, Андріевскаго, Шаркова, Ядринцева, не говоря уже о болѣе старинныхъ работахъ Фишера, Семивскаго, Миллера и пр., хотя при пользованіи уже одними этими литературными источниками, не касаясь даже нетронутыхъ еще данныхъ, лежащихъ въ мѣстныхъ архивахъ, матеріалъ названныхъ источниковъ и матеріалъ преданій взаимно дополнили бы другъ друга...

Сдѣлавъ такую оговорку, я долженъ еще сказать, что такъ какъ собираніе матеріала преданій, полученнаго при помянутомъ статистико-экономическомъ изслѣдованіи, не составляло задачи изслѣдо-

[1]) Не считая немногихъ, указанныхъ въ текстѣ, ссылокъ на документы.

вания и производилось лишь попутно, кстати, то многое все-таки могло ускользнуть отъ вниманія и потому изслѣдованіе преданій, предпринятое съ *спеціальною* цѣлью ихъ собиранія, могло бы, по всей вѣроятности, дать матеріалъ гораздо болѣе полный. Не могу не упомянуть по этому поводу, что, насколько мнѣ извѣстно, по нѣкоторымъ мѣстностямъ Енисейской губерніи чрезъ волостныя правленія и земскихъ засѣдателей собирались въ 1891 году, на основаніи преданій мѣстнаго населенія и частію архивныхъ документальныхъ данныхъ, свѣдѣнія по исторіи образованія многихъ отдѣльныхъ селеній въ качествѣ матеріала для составленія краткаго очерка Енисейской губерніи, составлявшагося для представленія Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу при слѣдованіи Его Высочества чрезъ Сибирь изъ кругосвѣтнаго путешествія. Очень желательно было бы, чтобы этотъ сырой матеріалъ по исторіи заселенія, только развѣ небольшою частію попавшій въ помянутое описаніе, не пропалъ бы безслѣдно въ канцеляріяхъ и архивахъ, какъ это у насъ случается нерѣдко. Современнаго положенія вопроса о заселеніи Енисейской губерніи, о происходящихъ нынѣ переселеніяхъ въ нее, не смотря на наличность необходимаго матеріала, я здѣсь касаться не буду, потому что это не входитъ въ задачу настоящаго труда,—это не отошло еще въ область *исторіи* края.

Темой слѣдующихъ докладовъ по исторіи заселенія Енисейской губерніи, на основаніи тѣхъ же, собранныхъ разспроснымъ путемъ данныхъ, будетъ печальная, въ общемъ, исторія штрафной и ссыльной колонизаціи, исторія козацкихъ станицъ и поселеній крестьянъ, присылавшихся въ зачетъ рекрутъ и вообще исторія колонизаціи края съ правительственной помощью. Ея изложеніемъ и будетъ исчерпана сущность матеріала, собраннаго по этому вопросу въ 1889—90 гг. при статистико-экономическомъ изслѣдованіи Восточной Сибири.

Л. Личковъ.

И. А. Крыловъ и его басни.

9-го ноября исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти нашего знаменитаго баснописца, Ивана Андреевича Крылова. Его басни давно уже сдѣлались народной книгой въ лучшемъ смыслѣ этого слова, распространились въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, доходящихъ теперь до полмилліона, переведены на всѣ европейскіе языки, составляютъ лучшій педагогическій матеріалъ въ русской школѣ; мало того, ихъ нравоученія, ихъ художественные образы оживаютъ въ памяти всѣхъ образованныхъ русскихъ людей, всякій разъ когда въ жизни встрѣчаются тѣ и общечеловѣческіе и національные недостатки, которые изобразилъ знаменитый русскій баснописецъ въ своихъ людяхъ, животныхъ, насѣкомыхъ и неодушевленныхъ предметахъ. А между тѣмъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Крылова никто изъ русскихъ писателей не принимался и, конечно, не примется уже за эту такъ сказать отжившую форму литературы. Невольно является вопросъ: чему же обязаны басни Крылова своей долговѣчностью, о которой еще Бѣлинскій предсказывалъ: «слава Крылова будетъ расти и пышнѣй расцвѣтать, до тѣхъ поръ, пока не умолкнетъ звучный и богатый языкъ въ устахъ великаго и могучаго народа русскаго. Крыловъ сдѣлается вполнѣ народнымъ писателемъ, когда русскій народъ весь сдѣлается грамотнымъ»?—Басни Крылова невольно вызываютъ представленіе и о самомъ баснописцѣ. И вотъ по этимъ баснямъ Пушкинъ еще въ 1825 г. называетъ Крылова—«истиннымъ представителемъ духа своего народа, своихъ единоземцовъ», Гоголь—«поэтомъ и мудрецомъ, крѣпкой русской головой», Бѣлинскій—«поэтомъ здраваго смысла, житейской мудрости», и т. д. Мы всѣ, какъ и наши дѣти, повторяемъ мѣткое выраженіе кн. П. А. Вяземскаго, сказанное въ стихахъ на

пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Крылова въ 1838 г.,—«дѣдушка Крыловъ»! Такимъ мудрымъ дѣдушкой, съ книгой въ рукахъ, и съ спокойной, глубокой думой въ лицѣ, и изображенъ нашъ баснописецъ на извѣстномъ памятникѣ въ Лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ. А между тѣмъ, кто не знаетъ множества анекдотовъ и разсказовъ о жизни Крылова въ Петербургѣ, въ которыхъ передъ нами является почти чудакъ, неподвижный, разсѣянный, страстный любитель хорошо поѣсть, поспать, поиграть въ карты, почти одинокій, безсемейный, котораго только друзья то вызывали на трудъ, то хлопотали о его удобствахъ, почестяхъ, наградахъ. А самъ поэтъ въ это время безстрастно продолжалъ вести однообразную жизнь, довольный своей обстановкой. По разсказамъ онъ и умеръ отъ пресыщенія, поѣвши вдоволь на ночь тертыхъ рябчиковъ съ масломъ, на 77 году еще бодрой старости.

За отсутствіемъ біографическихъ данныхъ о доброй половинѣ жизни Крылова, на разсказы о которой онъ былъ скупъ и совершенно избѣгалъ всякихъ автобіографическихъ разъясненій, скупъ былъ и на письма, представляется большая трудность въ выясненіи этого замѣчательнаго русскаго характера. Къ счастью, благодаря серіозному научному изученію нашей прошлой литературы, нѣкоторыя существенныя черты біографіи Крылова понемногу уясняются. И еще недавно въ трудѣ академика Л. Н. Майкова появились интересныя новыя данныя о жизни и литературной дѣятельности Крылова (Историко-литературные Очерки. Спб. 1895 г.).

Мое настоящее чтеніе о Крыловѣ и его басняхъ посвящается самому сжатому, самому краткому очерку жизни Крылова и его басенъ. Входить въ подробности, въ спорные вопросы мнѣ нѣтъ здѣсь ни возможности, ни времени. Я попробую прежде всего остановиться на характеристикѣ Крылова, какъ человѣка, причемъ сверхъ его индивидуальныхъ особенностей, отмѣчу и нѣкоторыя общія—черты времени.

Крыловъ еще болѣе, чѣмъ Карамзинъ, благодаря своей долгой 77-лѣтней жизни, принадлежалъ двумъ вѣкамъ — второй половинѣ прошлаго и первой половинѣ—настоящаго. Какъ ни странно, но какъ въ жизни, такъ и въ литературной дѣятельности Крылова «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій» представляются въ различныхъ чертахъ. Въ XVIII в. Крыловъ проявляетъ кипучую дѣятельность: онъ горячо

предается самообразованію, неутомимъ въ литературной дѣятельности,— то драматургъ и переводчикъ, то журналистъ и сатирикъ, даже лирическій поэтъ и баснописецъ, жизнь его до 1807 г. проходитъ въ разъѣздахъ по Россіи, причемъ онъ успѣваетъ перемѣнить нѣсколько служебныхъ и общественныхъ положеній. При этомъ рѣзко сказывается погоня за счастьемъ: любовь, богатство, слава манятъ его, но не даютъ ему удовлетворенья, мало того, онъ встрѣчаетъ много неудачъ. Въ XIX в. Крыловъ исключительно является баснописцемъ; въ жизни онъ предается неподвижности (30 лѣтъ своей одинокой жизни проводитъ на одной и той же казенной квартирѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ) и невозмутимому покою. Мы видимъ передъ собой какъ будто «Портреты» Тургенева, въ которыхъ романистъ старался представить отличительныя черты русскихъ людей XVIII в. Только счастливая судьба выводила этихъ крѣпкихъ молодыхъ людей XVIII в. на настоящую славную дорогу. Въ скудныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ и совсѣмъ еще не было во многихъ провинціальныхъ городахъ, они не получали правильнаго развитія. Вмѣсто того для дворянъ рано начиналась военная или гражданская служба, рано эти молодые люди обнаруживали холодный, дѣловой характеръ. Ложноклассическая литература, зарождавшіеся театръ и журналистика подстрекали къ самообразованію, къ переводамъ и опытамъ подражаній преимущественно французскимъ писателямъ. Почти всѣ они сталкивались или переживали такъ называемое «вольтерьянство», граничившее съ безбожіемъ съ одной стороны и съ философскимъ направленіемъ мысли—съ другой. Рядомъ съ погоней за благами міра, которыя были такъ обильны и такъ заманчивы во второй половинѣ XVIII в., существовали и рѣзко очерченныя нравственныя стремленія, проявлявшіяся въ сатирѣ и въ масонствѣ. Дополнимъ еще, что талантливѣйшими представителями русской литературы XVIII и даже начала XIX в. являются молодые люди, выбивавшіеся изъ недостаточной, нерѣдко бѣдной среды, къ какой принадлежали Крыловъ, Державинъ и др. Представленіе о XVIII в. было бы не полно, если бы не упомянуть о такъ называемомъ меценатствѣ, съ которымъ соединяется обыкновенно представленіе о непривлекательныхъ отношеніяхъ. Но надо сознаться, что въ этомъ русскомъ меценатствѣ были и хорошія стороны. Кажется только въ XVIII в., да въ началѣ XIX в. отсутствіе школъ и безразличныхъ благотворительныхъ отношеній къ бѣд-

нымъ, вознаграждалось покровительствомъ, и часто щедрымъ, образованію бѣдныхъ дѣтей и русскому просвѣщенію вообще. Тоже проявлялось и въ отношеніяхъ еще немногихъ русскихъ писателей и любителей отечественной литературы. Только всѣми этими общими условіями времени можно объяснить, какъ бѣдный сирота Крыловъ, оставшійся 8—9 лѣтъ по смерти отца, съ матерью и братомъ, не получившими пенсіи, выбился изъ незавиднаго положенія канцелярскаго писца и попалъ въ Петербургъ, гдѣ снова, при самыхъ скудныхъ средствахъ, достигъ положенія издателя журналовъ и затѣмъ независимаго положенія. Скудныя свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности Крылова сводятся къ тому, что онъ родился въ Москвѣ 2 февраля 1768 г., шести лѣтъ былъ въ Яицкой крѣпости, когда отецъ его, армейскій капитанъ, со всей семьей былъ обреченъ пугачевцами на смерть, но храбро выдержалъ осаду, переѣхалъ затѣмъ въ Тверь, гдѣ и умеръ на гражданской службѣ. Въ Твери, по смерти отца, юный Крыловъ нашелъ покровителей, Львовыхъ, у которыхъ въ дому выучился французскому языку, поступилъ подканцеляристомъ въ Калязинскій судъ 13 лѣтъ, затѣмъ переѣхалъ съ матерью и братомъ въ Петербургъ, гдѣ служилъ въ казенной палатѣ канцеляристомъ, получая 2 р. жалованья въ мѣсяцъ. Бѣдность и ранняя самостоятельность, какъ старшаго въ семьѣ, развила въ Крыловѣ нѣжную любовь къ матери, умершей въ Петербургѣ въ 1788 г., и брату. Послѣднему—неудачнику офицеру—нашъ баснописецъ помогалъ и денежно и нравственно до 53 л., до конца его жизни. Смерть брата отозвалась горестнымъ чувствомъ одиночества уже у пожилаго и обезпеченнаго баснописца. Канцелярская служба въ Петербургѣ ничего не дала Крылову. Онъ и оставилъ ее, какъ только получилъ возможность жить литературнымъ трудомъ. Въ немъ онъ нашелъ впослѣдствіи и славу, и довольство, и полное обезпеченіе. Какъ и всѣ даровитые русскіе писатели, Крыловъ началъ съ неудачныхъ опытовъ, съ которыми однако старался явиться уже въ печати. 15-ти лѣтъ онъ написалъ комическую оперу «Кофейница» и трагедію «Клеопатра». Театръ надолго поглотилъ вниманіе молодого Крылова. И это было естественно, такъ какъ въ годъ прибытія Крылова въ Петербургъ, въ 1783 г., впервые открытъ былъ общедоступный театръ. Крыловъ вскорѣ же познакомился съ драматическимъ писателемъ, зятемъ извѣстнаго драматурга Сумарокова, Княжнинымъ, затѣмъ съ актеромъ Дмитревскимъ и другъ. Крыловъ находитъ себѣ работу для

театра—переводы либретто къ операмъ, за которые получаетъ безплатный доступъ въ театръ и денежное вознагражденіе. Въ XVIII в., въ литературныхъ нравахъ было нерѣдкостью выводить личности въ сатирическихъ и комическихъ изображеніяхъ, особенно изъ міра литераторовъ. Конечно, выводили только враговъ. Написавъ нѣсколько неудачныхъ оперъ, трагедій и комедій, Крыловъ, оскорбленный чѣмъ то Княжниными, вывелъ супруговъ литераторовъ въ комедіи «Проказники». Это повлекло непріятности для Крылова: ему отказали въ даровомъ посѣщеніи театра и потребовали объясненій. Надо читать длинныя письма—объясненія Крылова къ Княжнинымъ, къ завѣдующему театрами Соймонову, чтобы видѣть, какъ ловко, колко и даже ядовито умѣлъ молодой Крыловъ защищать себя и въ тоже время наносить удары противникамъ. Однако все это нисколько не помогло дѣлу, и Крыловъ долженъ былъ подумать о другомъ поприщѣ: онъ выбралъ поприще журналиста. Оставивъ канцелярскую службу, Крыловъ присоединился къ издателямъ Рахманинову и Клушину. Это были горячіе поклонники Вольтера. Богачъ Рахманиновъ, тамбовскій помѣщикъ, завелъ даже въ своемъ помѣстьѣ типографію, въ которой напечаталъ переводъ почти всѣхъ сочиненій Вольтера; тоже онъ старался проводить и въ Петербургѣ. Клушинъ былъ крайній вольтерьянецъ—безбожникъ и довольно безнравственный человѣкъ. По преданіямъ, къ журнальной дѣятельности Крылова былъ близокъ и Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Въ этой журнальной дѣятельности Крылова получаетъ начало его замѣчательное сатирическое направленіе. Въ «Почтѣ духовъ» (1789 г.), «Зрителѣ» (1792 г.) и въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ» (1793 г.) онъ не забываетъ кольнуть своихъ театральныхъ враговъ, и сатира его принимаетъ болѣе серіозный характеръ. Справедливо указываютъ въ этой сатирѣ Крылова зародыши его басенъ. Въ «Почтѣ духовъ», въ одномъ изъ писемъ, представляются разговаривающими въ модномъ магазинѣ Англійская Шляпка, Французскій Токъ, Покоевый (спальный) Чепчикъ и Блондовая Косынка. Каждый изъ нарядовъ хвастаетъ своимъ преимуществомъ. Въ «Почтѣ же духовъ» у Крылова выводятся на сцену хвастливое *Полотно*, на которомъ изображена Венера, и насмѣшливый *Паукъ*, раскинувшій на немъ свою сѣть. Тоже самое встрѣчаемъ и въ другихъ повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ «Зрителѣ». Л. Н. Майковъ въ приложеніи къ своей статьѣ о Крыловѣ напечаталъ впер-

вые изъ Рахманинскаго журнала 1788 — 89 г. «Утренніе часы» три басни, которыя по всѣмъ признакамъ приписываетъ Крылову. Это— «Новопожалованный Оселъ», «Олень и Заяцъ» и «Недовольный гостьми стихотворецъ». А если это такъ, то должно рушиться излюбленное заключеніе, что только въ 1806 г., т. е. на 40 году, Крыловъ нашелъ свою настоящую дорогу—басню. Давно уже указано, что нравоученія многихъ басенъ Крылова, ихъ сатирическое направленіе замѣчательно совпадаютъ съ подобными же сатирами въ журналахъ Крылова, въ его статьяхъ. Достаточно указать нѣкоторые предметы, которые называетъ самъ Крыловъ въ журнальныхъ статьяхъ: «развращеніе свѣта, наука убивать время, презрѣніе дворянъ къ наукамъ, неуваженіе къ ученымъ, участь художниковъ, о порокахъ писателей, крючкотворцы на судѣ и плутни ихъ, воръ государственный, мотовство на моды, откупщики, невѣжды, плуты разныхъ сословій», и проч. Крыловъ подходилъ уже въ своей сатирѣ къ объективному изображенію пороковъ. «Пиши такъ, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей, чтобы всякій улыбался, читая твои описанія, иные бы краснѣли, но чтобъ на тебя не сердился никто; вотъ искусство сатиры». Позднѣе въ одной изъ басенъ Крыловъ выразился, что «истина сноснѣе вполоткрыта». Въ то время какъ Крыловъ развивалъ сатиру въ прозѣ, онъ продолжалъ писать стихотворенія серіознаго содержанія: оды, переложенія псалмовъ, посланіе къ Анютѣ, къ другу, на случай фейерверка, къ счастью, посланіе о пользѣ страстей, и т. п. Въ этихъ стихотвореніяхъ рядомъ съ ложноклассическими чертами, проглядываютъ и сантиментальныя черты и даже мѣстами—народныя. Эти стихотворенія столько же интересны для объясненія стихотворной формы басенъ Крылова, сколько и для характеристики его настроеній, пережитыхъ въ концѣ XVIII ст. Крыловъ жалуется на то, что счастье не дается ему: «Когда у насъ, мой другъ, въ заводѣ ни яблоковъ моченыхъ нѣтъ... онъ въ Мессалинахъ скромность сыщетъ и встрѣтитъ святость у Лаисъ». Въ посланіяхъ къ Анютѣ онъ скорбитъ о своихъ увлеченіяхъ изъ-за любви— чинолюбіемъ, богатствомъ («какъ счастливъ тотъ, кто бригадиръ, кто можетъ вдругъ шестерку мучить»), даже стремленіемъ—«науки легкой банкъ метать, съ понтеровъ собирать оброки»! И все это вмѣсто прежнихъ мечтаній о «чинѣ человѣка, который я ношу въ природѣ», о чести, которая выше злата, о совѣсти, о покоѣ, о литературной славѣ, о высокихъ думахъ, о разумѣ. Но любовь Крылова, повидимому,

была неудачна, причину чему онъ самъ открывалъ въ своей неуклюжей фигурѣ. Литература такъ же пока не доставила счастья Крылову. И вотъ съ 1797 г. до 1805 г. онъ ведетъ скитальческую жизнь, бросивши службу въ Петербургѣ и занятія литературой. Изъ неполныхъ и неточныхъ свѣдѣній объ этомъ переходномъ времени въ жизни Крылова мы узнаемъ, что онъ большую часть времени провелъ въ семьѣ кн. Голицына, въ качествѣ домашняго человѣка съ талантами учителя, музыканта, отчасти домашняго секретаря. Долгое время Крыловъ прожилъ въ селѣ Козацкомъ [1]), побывалъ въ Саратовскихъ имѣніяхъ князя, а съ 1801 пробылъ нѣкоторое время въ Ригѣ, гдѣ кн. Голицынъ занималъ должность генералъ-губернатора. Скитальческая жизнь Крылова, о которой извѣстный Вигель въ своихъ Воспоминаніяхъ выразился, что Крыловъ въ это время былъ «неимущимъ безпечнымъ юношей, который не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь», «надѣялся даже заграницей получить новыя впечатлѣнія»; но вслѣдствіе превратности судьбы, вмѣсто заграницы, попалъ на нижегородскую ярмарку, гдѣ велъ азартную игру въ карты и былъ, кажется, въ выигрышахъ. Кромѣ стихотвореній Крыловъ написалъ за это время, вѣроятно, комедіи «Модная лавка», «Урокъ дочкамъ» и нѣсколько басенъ, изъ которыхъ двѣ рѣшился показать извѣстному въ то время поэту и баснописцу—Дмитріеву. Свиданіе съ Дмитріевымъ, занимавшимъ видное мѣсто и въ служебномъ и въ литературномъ отношеніяхъ, рѣшило судьбу Крылова. Напечатавъ въ 1807 г. двѣ свои комедіи, Крыловъ весь предался однимъ баснямъ. Въ 1809 г. онъ уже могъ выпустить первое изданіе 23 своихъ басенъ, которое съ восторгомъ привѣтствовалъ Жуковскій въ критической статьѣ «О баснѣ и басняхъ Крылова». Литературныя знакомства доставили еще въ 1809 г. Крылову мѣсто на монетномъ дворѣ, а съ 1812 г. онъ поступилъ на службу въ Императорскую Публичную библіотеку, на которой и пробылъ до 1841 г., выйдя въ отставку съ пенсіей до 12,000 р. въ годъ. Слава выдающагося баснописца доставила Крылову не только почетъ среди литераторовъ, который въ 1811 г. выразился въ возведеніи Крылова въ академики, въ блестящемъ торжественномъ юбилеѣ 1838 г., но также почетъ при Дворѣ и расположе-

[1]) *С. Козацкое*, Звенигород. у. Кіев. губ., почти въ 15 верст. къ В. отъ уѣздн. города.

ніе двухъ императоровъ, Александра I и особенно Николая I. Плетневъ въ своей извѣстной біографіи Крылова, которая постоянно помѣщается при изданіи басенъ Крылова, далъ довольно подробную характеристику жизни баснописца въ эту вторую вполнѣ обезпеченную покойную половину его жизни—въ Публичной библіотекѣ и въ отставкѣ на Васильевскомъ островѣ. Кто не помнитъ безпорядка въ квартирѣ Крылова, его дивана, надъ которымъ висѣла картина, свѣсившись на одномъ гвоздѣ, пыли и неряшливости, господствовавшей во всей квартирѣ, между прочимъ и потому, что баснописецъ любилъ по утрамъ кормить голубей и воробьевъ въ растворенныхъ окнахъ и форточкахъ. Чтеніе пустыхъ романовъ, сытные обѣды, игра въ карты или дремань въ англійскомъ клубѣ и интимная жизнь въ радушномъ семействѣ Олениныхъ — вотъ черты этой поэтической лѣни, которую только воспѣвали молодые русскіе поэты въ началѣ настоящаго вѣка, а Крыловъ переживалъ въ жизни. Онъ не вступалъ въ споры, ни изъ за чего не волновался; только литературная слава, повидимому, оставалась постояннымъ стремленіемъ Крылова. Плетневъ, біографъ Крылова, находилъ нѣкоторое оправданіе этой жизни Крылова въ томъ, что «онъ доказалъ, что мелочное честолюбіе, чиновническое или писательское, не общая у насъ слабость»; однако онъ же называетъ Крылова холоднымъ мудрецомъ и удивляется его праздному благоразумію, безжизненной мудрости, равнодушію къ высшимъ интересамъ человѣческаго бытія, покою безстрастія. Тоже повторяютъ всѣ выдающіеся изслѣдователи Крылова, исключая нѣкоторыхъ, какъ Гротъ (Вѣстникъ Европы, 1868 г., мартъ, «Сатира Крылова»), которые называютъ эту жизнь просто «тихой и скромной жизнью». Крыловъ обладалъ замѣчательнымъ здоровьемъ, но въ концѣ жизни онъ подвергался два раза ударамъ. Нерасположеніе его къ лѣченью и врачамъ, выразившееся и въ басняхъ, приводило его къ небрежности въ излишествахъ стола, отъ чего, какъ я уже упоминалъ, онъ и померъ на 77 году жизни. Смерть Крылова въ 1844 г. вызвала небывалое для русскаго писателя вниманіе, начиная съ Высочайшаго Двора до всѣхъ жителей Петербурга. На похороны баснописца было отпущено 9000 р. асс. При отпѣваніи въ Исакіевскомъ соборѣ почившій баснописецъ лежалъ въ гробу съ лавровымъ вѣнкомъ на челѣ, съ цвѣтами на груди отъ императрицы Александры Ѳеодоровны; гробъ вынесли изъ собора «военные генералы и первоклассные государственные чи-

новники»; студенты Петербургскаго университета поддерживали балдахинъ и несли ордена. За гробомъ баснописца по пути въ Александро-Невскую лавру двигалась такая толпа, что заняла весь Невскій проспектъ. На другой день, послѣ смерти Крылова, было разослано 7-е изданіе его басенъ разнымъ представителямъ русскаго образованія въ Петербургѣ до 1000 экземпляровъ. Наконецъ, тотчасъ же послѣ смерти Крылова, возникла мысль о постановкѣ ему памятника, въ Петербургѣ по подпискѣ во всей Россіи, который и воздвигнутъ былъ въ Лѣтнемъ саду въ 1855 г. Въ 1868 г. по всей Россіи былъ отпразднованъ столѣтній юбилей Крылова со дня его рожденія.

Переходимъ къ баснямъ Крылова. Прежде чѣмъ указать выдающіяся стороны всѣмъ намъ извѣстныхъ басенъ Крылова въ историческомъ, художественномъ и нравственномъ отношеніяхъ, я скажу нѣсколько словъ о связи художественной басни съ русской народной поэзіей и со сходными явленіями всемірной литературы. Отсюда будетъ понятно, почему эта отжившая форма литературы и у насъ и у другихъ европейскихъ народовъ, напр. у французовъ, въ лицѣ знаменитаго Лафонтена, получила и народное, и педагогическое, и вообще распространенное нравственное значеніе. Одной изъ самыхъ древнихъ и самыхъ распространенныхъ формъ народной поэзіи являются сказки о животныхъ, о растеніяхъ, даже о неодушевленныхъ предметахъ, которые представлялись въ глубокой древности человѣкоподобными существами. Нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ дошли до насъ въ старинныхъ памятникахъ Индіи, Египта, Палестины и восходятъ за много вѣковъ до Р. Хр. Эти чудные разсказы распространены и въ настоящее время по всему свѣту, среди дикарей Африки и Австраліи. Нѣкоторое сходство этихъ разсказовъ объясняется общечеловѣческими воззрѣніями. Въ глубокой же древности изъ этихъ сказокъ о животныхъ и проч. развились краткіе апологи съ нравоученіями. На Востокѣ существовало много такихъ сборниковъ древнихъ басенъ, въ родѣ индійской Панчатантры, которыя вызвали художественныя басни Эзопа. Съ Эзопа и Федра въ европейской литературѣ идетъ длинный рядъ передѣлокъ и новыхъ басенъ до художественныхъ созданій Лафонтена, Крылова и др. Эти басни распространялись и въ народѣ въ средніе вѣка: въ народныхъ книгахъ, въ примѣрахъ, которые любили приводить проповѣдники, и такимъ образомъ сливались съ народными сказками о животныхъ. Въ древней славяно-русской

литературѣ слово «басня» употребляется уже въ XI в. въ смыслѣ греческаго μῦθος. Есть древнія церковныя запрещенія «басни баять и въ гусли густи». Въ славяно-русской литературѣ съ древнѣйшихъ временъ были извѣстны сборники басенъ, переведенныя съ греческаго, какъ «Стефанитъ и Ихнилатъ». Однако опредѣленныя указанія на Эзопа не восходятъ ранѣе XVI в. Слова—«басня», байка—распространены среди русскаго народа. Искусственная басня имѣетъ еще тѣсную связь съ народными пословицами. Давно уже замѣчается выдѣленіе пословицъ изъ сказокъ, изъ басенъ. Покойный проф. нашего университета А. И. Селинъ, въ рѣчи о Крыловѣ въ 1868 г., довольно остроумно указалъ слѣды басенъ въ разсказахъ древнѣйшей лѣтописи и Патерика Печерскаго. Такъ, по его мнѣнію, древляне отвѣчали кн. Игорю аллегорическимъ примѣромъ, представляя себя овцами, а князя волкомъ; такъ въ Печерскомъ Патерикѣ инокъ Матвѣй прозорливый передавалъ свои наблюденія надъ немощами человѣческой природы въ иносказательныхъ разсказахъ объ ослѣ и бѣсѣ. Мы, съ своей стороны, склоняемся къ мысли, что эти примѣры древне-русскіе писатели могли заимствовать изъ византійской литературы. Но обратимся къ баснямъ Крылова.

Не было писателя въ XVIII в., который бы не отдалъ дани баснѣ; начиная съ Кантемира басни писали у насъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Хемницеръ, Дмитріевъ, изъ которыхъ два послѣдніе были самыми замѣчательными предшественниками Крылова. Лафонтенъ и классическіе баснописцы служили оригиналами для переводовъ и подражаній русскихъ писателей до Крылова. Предшественники Крылова замѣчательно уже выработали языкъ и стихъ басни; но Крыловъ оживилъ эту форму внутреннимъ содержаніемъ, внесши въ нее черты русской природы, русскаго быта, русскихъ понятій. Изъ 200 басенъ Крылова только до 40 басенъ основаны на Лафонтенѣ и др.; но и эти переводныя басни полны оригинальности. Знаменитая Крыловская басня «Стрекоза и Муравей» основана на баснѣ Лафонтена La Cigale et la Fourmi; но, начиная съ характеристики насѣкомыхъ, до подробностей въ ихъ отношеніяхъ—все своеобразно у Крылова. Только въ короткое русское лѣто «Попрыгунья Стрекоза лѣто красное пропѣла, оглянуться не успѣла, какъ зима катитъ въ глаза, помертвѣло чисто поле». Хемницеръ, вѣрный Лафонтену, перевелъ: «Все лѣто Стрекоза въ то только и жила, что пѣла, а какъ зима пришла,

такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла». Только русскій баснописецъ могъ сказать: «не оставь меня, кумъ милый», «кумушка, мнѣ странно это», «до того-ль, голубчикъ, было». У Лафонтена стрекоза обѣщаетъ къ августу уплатить и долгъ и проценты, но муравей не податливъ на ссуду и отказываетъ заемщицѣ. Изъ этой народности образовъ Крылова вытекаетъ ихъ глубокая художественность. Крыловъ внимательно обрабатывалъ языкъ и изложеніе своихъ басенъ, на что указываютъ переработки почти всѣхъ басенъ въ черновыхъ, дошедшія до насъ. Въ этихъ художественныхъ миніатюрныхъ драмахъ и повѣстяхъ изъ міра природы и человѣка все подобрано, какъ въ мозаичныхъ картинахъ, со вкусомъ. Давно уже замѣтили, что самый стихъ, самый подборъ словъ показываютъ у Крылова движеніе его картинъ. Вотъ тащится въ гору по песку въ лѣтній зной тяжелый рыдванъ, и описаніе это представляется въ медленныхъ стихахъ, въ подборѣ тяжеловѣсныхъ словъ: «въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору, сыпучими песками, въ гору, съ поклажей и съ семьей дворянъ четверкою рыдванъ тащился». Но въ той-же баснѣ «Муха и дорожные» муха представлена въ слѣдующихъ легкихъ, летучихъ и суетливыхъ стихахъ: «вокругъ повозки суетится, то подъ носомъ юлитъ у коренной, то лобъ укуситъ пристяжной, то вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится, или, оставя лошадей, и вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей». Поэтическіе образы животныхъ, растеній и неодушевленныхъ предметовъ, какъ ларчикъ, тришкинъ кафтанъ, алмазъ, мѣшокъ, голикъ, котелъ и горшокъ, двѣ бочки, отличаются поразительной правдивостью, полнотой художественнаго очертанія и въ тоже время тѣмъ наивнымъ одухотвореніемъ, которое свойственно младенческимъ представленіямъ древнихъ сказокъ животнаго эпоса и восточныхъ басенъ. Картинность и музыкальность составляютъ достоинство басенъ Крылова. Тонкій живописецъ въ изображеніи своихъ героевъ, Крыловъ въ такой же мѣрѣ вдохновенный поэтъ въ проповѣди правды и добра въ нѣкоторыхъ своихъ нравоученіяхъ: «о вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ высокій санъ! Вы съ солнца моего себѣ примѣръ берите! Смотрите: куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно—былинкѣ-ль, кедру-ли—благотворитъ равно, и радость по себѣ и счастье оставляетъ; за то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ—какъ чистый лучъ—въ восточныхъ хрусталяхъ—и все его благословляетъ».

Въ басняхъ Крылова вся природа тѣсно слита съ людьми. Человѣкъ поучается въ этой природѣ. Но много басенъ, въ которыхъ непосредственно выступаютъ люди. Вотъ вельможи, рыцари, богачи, судьи, купцы, откупщики, разборчивая невѣста изъ купеческаго сословія и бароны женихи, госпожа и двѣ служанки, но больше всего крестьянъ-мужиковъ. И какіе они естественные русскіе типы эти два мужика, три мужика, Демьянъ и Фока, извощики, разбойники, работники, пастухи, мельники, мірской сходъ, и проч. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что Крыловъ и Кольцовъ указали путь, расчистили дорогу для беллетристовъ - народниковъ, выступавшихъ съ 50-хъ годовъ. Кто не согласится, что крестьяне Некрасова въ «Кому на Руси жить хорошо» ни дать—ни взять три мужика Крылова. Есть у Крылова и сочинители; онъ-ихъ, очевидно, такъ же не долюбливалъ, какъ и докторовъ. Черта времени.

Мы отыскиваемъ теперь въ басняхъ Крылова общую мораль; мы выводимъ примѣненіе къ различнымъ обстоятельствамъ, къ различнымъ лицамъ. Не такъ смотрѣли на басни Крылова современники. Чуть не въ каждой баснѣ его они видѣли намеки—иногда довольно откровенные, въ родѣ такихъ, какъ «когда Смоленскій князь Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ и на погибель имъ Москву оставилъ». По преданіямъ до насъ дошли немногія разъясненія о лицахъ, на которыя намекалъ Крыловъ, какъ Кутузовъ, Чичаговъ, Наполеонъ, Сперанскій, писатели Бесѣды любителей русскаго слова, Гречъ и Булгаринъ и пр. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ басняхъ Крыловъ писалъ pro domo sua, изображая своихъ литературныхъ противниковъ или защищая свои взгляды. Что современники Крылова жадно ловили его басни, списывали ихъ еще до печати и примѣняли къ современности, хотя самъ баснописецъ не открывалъ своихъ намековъ даже самымъ близкимъ людямъ, друзьямъ и роднымъ, видно изъ препятствій, какія ставила нѣкоторымъ баснямъ Крылова цензура. Басня «Вельможа», намекающая на нѣкоторыя злоупотребленія въ нашихъ старыхъ судахъ и администраціи, была задержана гр. Уваровымъ и цѣлый годъ пролежала у министра. А между тѣмъ на одномъ изъ экзаменовъ въ пажескомъ корпусѣ читали эту басню на экзаменѣ. Послѣ того уже, по преданію, Крыловъ обратился къ императору Николаю Павловичу, и государь разрѣшилъ напечатать эту басню. Иногда въ первоначальныхъ наброскахъ Крылова мы находимъ болѣе рѣз-

кія черты нравовъ, которыя позднѣе сглаживаются. Немало басенъ Крыловъ посвятилъ занимавшему его вопросу о воспитаніи, причемъ сильно обличалъ поклоненіе иностранцамъ, космополитизмъ и другія уклоненія отъ тѣхъ идеаловъ науки и ученья, которые Крыловъ въ басняхъ же защищалъ отъ невѣждъ. Извѣстно, что «важнѣйшей наукой» Крыловъ считалъ «знать свойство своего народа и выгоды земли своей» (Воспитаніе Льва).

Среди басенъ самъ Крыловъ отличалъ «были» изъ жизни людей. Это то, что у французскаго баснописца носитъ названіе contes. Эти «были», напоминающія народное противоположеніе «сказокъ и былинъ», приводятся Крыловымъ рядомъ съ баснями: «я эту басенку вамъ былью поясню», говоритъ онъ въ баснѣ «Ворона»; «Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала», и пр. Въ баснѣ «Прихожанинъ» Крыловъ предлагаетъ: «но вмѣсто басни быль на это вамъ скажу». И басни и были имѣютъ цѣлью представить «святыя истины, правду, мысли самыя простыя», но которыя безъ примѣровъ, безъ доказательствъ, безъ напоминаній—легко забываются и съ трудомъ припоминаются людьми, когда «никто не любитъ узнавать себя въ сатирѣ», когда, вслѣдствіе слабостей и пороковъ, люди не рѣдко гонятъ и правду. И вотъ баснописецъ въ своихъ скромныхъ «басенкахъ» осторожно, «съ шуткой по поламъ», доказываетъ на живыхъ примѣрахъ и то «не трогая ни чьего лица» святыя истины, обличаетъ пороки, поддерживаетъ правду. Поясненія, толкованія его выражаются нерѣдко въ пословицахъ, какъ народныхъ, такъ и самостоятельно составленныхъ, причемъ скромность моралиста доходитъ до выраженій: «ну какъ не согрѣшишь, не скажешь, что у него пушокъ на рыльцѣ есть». Недомолвки, намеки, вызываемые тѣмъ, чтобы—«гусей не раздразнить», придаютъ баснямъ Крылова тонкое значеніе, и кто не понимаетъ такихъ намековъ, какъ: «а онъ украдкою киваетъ на Петра, худыя пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки, что моська лаетъ на слона, коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое» и т. д.

На чьей же сторонѣ симпатіи поэта-баснописца? Вотъ «Дубъ и Трость», изъ которыхъ бѣдная тростинка переноситъ бурю, а гордый, могущественный дубъ гибнетъ въ этой бурѣ. Вотъ «Василекъ» въ глуши расцвѣтшій—вдругъ «захирѣлъ, завялъ почти до половины и, голову склоня на стебелекъ, уныло ждалъ своей кончины»; «но солнышко взошло, оживило и Василекъ». Цѣлебный ключъ, дворовый

Барбосъ, Пчела, Овцы, Чижъ и Соловей противопоставляются, защищаются баснописцемъ противъ Водопадовъ, Жуковъ, Орловъ, Волковъ, и пр. «Безсильному не смѣйся, и слабаго обидѣть не моги»—вотъ возвышенная мораль многихъ Крыловскихъ басенъ...

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Вотъ золотыя слова Крылова, которыя можно примѣнить къ самому баснописцу и къ его басенкамъ. Вотъ, можетъ быть, и оправданіе для его характера, въ которомъ находили лѣнь, скрытность, равнодушіе, добродушную хитрость, даже узкость нѣкоторыхъ взглядовъ; но за то въ этомъ характерѣ баснописца и въ его знаменитыхъ твореньяхъ не было ничего, что нарушало бы основныя представленія о человѣческой нравственности. Крыловъ и останется навсегда такимъ проповѣдникомъ общечеловѣческой нравственности и оригинальнымъ выдающимся русскимъ поэтомъ.

П. Владиміровъ.

Общественная роль армянъ въ прошломъ Юго-западной Руси [1]).

Львовскій обитатель XVII вѣка Янъ Аламбекъ такъ характеризуетъ современныхъ ему львовскихъ армянъ: «молодые осторожны и неустрашимы, мужи изворотливы, наклонны къ пышности, старые привѣтливы и гостепріимны, дѣвицы смуглы и строптивы, женщины довольно общительны, но подъ старость ядовиты».

Ульрикъ фонъ-Вердумъ, посѣтившій Львовъ во второй половинѣ XVII столѣтія (1671), такъ отзывается объ армянахъ, которыхъ, по его разсчету, въ тогдашней Польшѣ было не болѣе 3—4 тысячъ семействъ [2]): они держатся вдали отъ поляковъ и другихъ народовъ, совсѣмъ какъ жиды; однако они настолько généreux и властолюбивы (herrisch), насколько послѣдніе презрѣнны и рабски угодливы (abject und knechtisch). По смуглому лицу съ нагло выпученными глазами ихъ легко отличить отъ всѣхъ другихъ національностей, какъ жидовъ по блѣдному глуповатому лицу. Они не легко вступаютъ въ бракъ съ представителями другихъ національностей; это самые крупные и оборотливые купцы, какихъ гдѣ-либо можно встрѣтить».

Тотъ же путешественникъ однако замѣчаетъ, что въ его время едва ли можно было найти армянина, понимавшаго древній письмен-

---

[1]) Подробное изложеніе этой статьи было напечатано на армянскомъ языкѣ въ газетѣ Ардзаганъ за апрѣль 1894 г.

[2]) Характеристика южно-русскихъ армянъ взята главнымъ образомъ изъ соч. Wład. Łoziński, «Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie XVI—XVII w.» (изд. 2-е. Львовъ, 1892). Авторъ этой любопытной книги извлекъ богатый и цѣнный матеріалъ изъ Львовскаго магистратскаго архива. Библіографію исторіи южно-русскихъ армянъ см. въ 8-ей главѣ нашего сочиненія: «Черты изъ исторіи сословій въ Юго-западной Руси XIV — XV в.» Москва, 1894.

ный армянскій языкъ, развѣ только въ Язловцѣ, куда армяне прибыли всего какихъ-нибудь 100 лѣтъ назадъ изъ Арменіи. Современный ихъ языкъ былъ пересыпанъ массою татарскихъ словъ.

Въ этихъ характеристикахъ не мало вѣрныхъ чертъ.

Храбрость и молодечество южно-русскихъ армянъ подтверждается не однимъ свидѣтельствомъ. Когда Львовскій магистратъ жаловался, что армяне не хотятъ участвовать въ военныхъ упражненіяхъ вмѣстѣ съ другими горожанами, армянскіе старѣйшины дали такой отвѣтъ: «наша молодежь не нуждается въ обученіи военному ремеслу, такъ какъ дѣти наши въ шестнадцатилѣтнемъ или наипозже восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ отправляются обыкновенно по купеческимъ дѣламъ въ Турцію и за море, въ восточныя страны, оставаясь въ путешествіи по нѣсколько лѣтъ. Въ такихъ путешествіяхъ они нерѣдко, сопровождая караваны, упражняются въ стрѣльбѣ, когда на нихъ нападаютъ сотнями и тысячами татары, опришки и разбойники; имъ приходится и отстрѣливаться и гнаться за нападающими, почему для нихъ и нѣтъ нужды въ упражненіяхъ посреди городскихъ стѣнъ или валовъ; но, если, не дай Богъ, городу будетъ предстоять какая-либо опасность, каждый изъ насъ и наша молодежь станутъ на его оборону съ мѣткими ружьями» [1]).

При осадѣ южно-русскихъ городовъ армянскіе молодцы, пользуясь своимъ знаніемъ восточныхъ языковъ и характерной восточной наружностью, переодѣвались то турками, то татарами и храбро пускались въ рискованныя рекогносцировки. Не мало есть свидѣтельствъ и о любви армянъ къ внѣшнему параду и пышности.

Даже въ концѣ XVII вѣка, когда торговая слава Львова давно уже померкла, а съ нею исчезло и богатство мѣстныхъ купцовъ, Львовскій магистратъ привлекаетъ къ отвѣтственности армянскихъ молодыхъ за излишнюю пышность свадьбы, противную изданнымъ еще въ XIV вѣкѣ законамъ противъ роскоши [2]). «Въ націи армянской, говорится

---

[1]) Liske, «Cudzoziemcy w Polsce», Lwow. 1876, p. 81—2.

[2]) Еще въ XIV ст. во Львовѣ издавались законы противъ роскоши (leges sumptuariae). Запрещалось напр. имѣть на свадьбахъ болѣе 16 гостей, болѣе двухъ музыкантовъ или скомороховъ (joculatores), болѣе 4 мисокъ кушаній («Pomniki dziejowe Lwowa». Lwow, 1892, № 60). Запрещалось употреблять дорогія матеріи на пологи для постелей; женщинамъ устраивать нары въ баняхъ и пр. (D. Zubricki, «Kronika miasta Lwowa»).

въ судебномъ позвѣ, мужи, женщины, дѣвицы и молодежь не только in forma, какая пристойна лишь магнатамъ senatoriae dignitatis, ad emulationem заказываютъ себѣ костюмы, особенно женщины и дѣвицы, но стараются приблизиться къ нимъ роскошью одѣянія; не только шустогоры, плащи, шапки, перчатки, но и юбки дѣлаютъ изъ златотканныхъ матерій (сермы, ламы), аксамитовъ и другихъ дорогихъ матерій, шубы шьютъ изъ соболей, рысей, такъ что нѣтъ никакой разницы между одѣяніями дѣвицы или замужней армянки и шляхтянки.

Костюмъ молодыхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, такъ описываетъ жалоба: когда молодая шла къ вѣнчанью, бо́льшая половина львовскихъ обитателей сошлась на улицу армянскую смотрѣть на ея выходъ; всѣ видѣли, что молодая была въ костюмѣ, который недавно стали носить жены магнатовъ и procerum Regni: на головѣ страусовое перо и алмазная корона; попришпиливала себѣ страусовыя перья, точно какая важная дама; вѣнчальное платье было все золототканное, а какова ему была цѣна, можно заключить изъ того, что одна исподняя юбка стоила 12 злотыхъ; мало того, просто стыдно сказать, что гафтованные панчохи и черевики были такъ роскошны, что стоили около 200 злотыхъ! А чтобы было, еслибы a maximis ad minima можно было видѣть и оцѣнить все, что было на молодой отъ головы до пять! На самомъ молодомъ, кромѣ другихъ одеждъ, былъ кунтушъ весь обшитый соболями съ золотыми пуговицами и дорогими камнями; а когда начались танцы, то не столько для свободы движенія, сколько для шику, онъ надѣваетъ другой кунтушъ голендерскаго сукна, а сапоги надѣлъ золотомъ шитые ad stuporem spectatorum.

А между тѣмъ, когда нужно платить городскія повинности, обвиняемый хочетъ платить наравнѣ съ бѣдными обывателями.

Огромные торговые обороты, которые вели армяне, давали имъ полную возможность блестѣть подобною роскошью. Каковы были эти обороты можно судить по нѣсколькимъ примѣрамъ: въ 1600 году, въ числѣ многихъ товаровъ, привезенныхъ караваномъ изъ Стамбула во Львовъ, на долю львовскаго купца Захарія Ивашкевича приходилось: камплетовъ на 9000 дукатовъ, шафрану 74 ока на 740 дукатовъ, 150 ковровъ на 775 дукатовъ, поясовъ на 340 дукатовъ и т. д.; всего на 12,185 дукатовъ. Другой крупный торговецъ, Николай Бернатовичъ, получаетъ однимъ караваномъ товаровъ на 15 тысячъ злотыхъ.

Послѣ смерти константинопольскаго купца Резуль Ага Челеби, во Львовъ явился Чаумъ Еффакиръ Мехметъ, высланный султаномъ за полученіемъ долговъ съ его львовскихъ кредиторовъ. Кредиторы съ полной готовностью немедленно уплатили довольно значительныя суммы: Томановичъ 27 тысячъ аспровъ, Костовичи 80 тысячъ, а Григорій Дерлукашовичъ цѣлыхъ 120 тысячъ.

Въ торговомъ дѣлѣ армяне являлись посредниками между востокомъ и западомъ. Въ Южной Руси и Польшѣ до того привыкли видѣть армянъ въ исключительной роли торговцевъ восточными товарами, что цѣлый рядъ подобныхъ восточныхъ продуктовъ носилъ прямо названіе «армянскаго товара». Ковры, золототканныя матеріи, узорчатыя издѣлія, оружіе, украшенное благородными металлами и драгоцѣнными камнями, благовонія, дорогіе камни—вотъ тотъ товаръ, который они вывозили съ востока. Но армяне не ограничивались только покупкой и продажей чужихъ издѣлій; они сами слыли мастерами въ нѣкоторыхъ производствахъ, преимущественно удовлетворявшихъ изысканнымъ вкусамъ тогдашняго шляхетскаго общества; слава львовскаго ювелирнаго производства держалась главнымъ образомъ армянами [1]).

Обширные торговые обороты, ежедневныя столкновенія съ людьми всякихъ національностей, странническая съ раннихъ лѣтъ жизнь, исполненная приключеній и опасностей, необходимость держаться постоянно на сторожѣ отъ торговыхъ обмановъ и явныхъ грабежей,—все это вмѣстѣ давало армянамъ большую житейскую опытность, умѣнье найтись и выпутаться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Условія жизни дѣлали изъ каждаго армянина настоящаго дипломата de facto. Неудивительно поэтому, что армяне весьма часто являются и дипломатами de iure. Никто лучше армянъ не зналъ обычаевъ и привычекъ татаръ, турокъ и другихъ восточныхъ народовъ, съ которыми ихъ ежедневно сталкивали торговые обороты. Кому же какъ не армянамъ было поручать рискованное дѣло дипломатическихъ переговоровъ съ искуснѣйшими дипломатами того времени, людьми востока, когда мелкое нарушеніе этикета, неловкая фраза, нарушеніе пустой на взглядъ горделиваго шляхтича формальности могли въ самомъ

[1]) W. Łoziński, «Lwów starożytny i złotnictwo lwowskie w dawnych wiekach», we Lwowie, 1889.

началѣ разстроить дипломатическую кампанію на востокѣ? Кто, наконецъ, изъ шляхтичей того времени могъ похвастаться подобными лингвистическими способностями, какими обладалъ каждый заурядный армянинъ? А бывали и такіе полиглоты между армянами, передъ лингвистическими свѣдѣніями которыхъ и самъ кардиналъ Меццофанти остановился бы съ удивленіемъ. Въ срединѣ XVII вѣка армянинъ Лазарь Слоніовскій практически изучилъ поверхность земнаго шара лучше всѣхъ тогдашнихъ географовъ и вынесъ изъ своихъ безконечныхъ путешествій знаніе 78 языковъ.

Поэтому то, хотя во главѣ дипломатическихъ миссій на востокъ и стоятъ обыкновенно шляхетно-урожденные поляки, какой-нибудь знатный магнатъ или молодой членъ важной шляхетской фамиліи, начинающій свою дипломатическую карьеру, однако посломъ de facto является состоящій при немъ въ скромной роли драгомана армянскій купецъ. Но нерѣдко случалось, что такими испытанными на практикѣ дипломатами пользуются польскіе короли и даже нѣмецкіе императоры для явныхъ и тайныхъ дипломатическихъ миссій на востокъ. Такъ, напримѣръ, въ 1623 г., армянинъ Христофоръ Серебковичъ является оффиціальнымъ посломъ въ Турцію. Король поручаетъ ему уладить дѣло между татарскимъ ханомъ и княземъ Бетлемъ Габора; разные польскіе магнаты, съ своей стороны, давали ему дипломатическія порученія. На сколько цѣнились его дипломатическія способности, видно изъ тѣхъ рекомендательныхъ писемъ, которыми паны снабжали Серебковича по поводу его личныхъ дѣлъ.

Въ роли весьма важнаго тайнаго дипломатическаго агента застаемъ мы въ началѣ XVII вѣка армянина Петра Григоровича. Это личность довольно загадочная, но несомнѣнно игравшая важную роль въ тогдашнихъ политическихъ дѣлахъ съ востокомъ и имѣвшая тѣсныя сношенія съ дворомъ польскимъ и нѣмецкимъ императоромъ. Король сильно обезпокоился, когда узналъ о его насильственной смерти въ Молдавіи, и немедленно поручилъ львовскимъ райцамъ опечатать его имущество и передать въ королевскій дворецъ. Въ бумагахъ его нашлась обширная переписка съ императоромъ Рудольфомъ, Сигизмундомъ, разными польскими и венгерскими магнатами, молдавскими господарями. Императоръ, какъ видно изъ опечатанныхъ счетовъ покойнаго, платилъ ему огромныя по тому времени суммы за услуги, цѣлые де-

сятки тысячъ талеровъ, и даже возвелъ его въ дворянское достоинство [1]).

Не ограничиваясь ролью наемныхъ агентовъ по дипломатическимъ дѣламъ, оборотливые армяне принимались нерѣдко за дипломатію и на свой личный страхъ, разсматривая политическія интриги какъ болѣе или менѣе выгодныя коммерческія предпріятія. Наиболѣе удобными являлись подобныя предпріятія въ дѣлахъ близкой Молдавіи. Тамъ, какъ извѣстно, чуть не ежегодно происходили смѣна господарей и политическія смуты. Богатые армянскіе купцы поддерживаютъ кандидатовъ крупными денежными займами и ведутъ изъ-за нихъ дипломатическія интриги. Въ случаѣ удачи дѣла, оборотливые заимодавцы получали крупные барыши; прогорало дѣло,—и возникали длинные процессы, въ которыхъ заимодавцу очень мало импонировалъ титулъ *бывшаго* господаря. Нанимая домъ валашской княгинѣ, армянинъ домовладѣлецъ ставитъ въ контрактѣ условіе: очистить помѣщеніе на 2 недѣли, на время свадьбы его сына. Другой армянинъ безъ малѣйшаго колебанія налагаетъ арестъ на имущество бѣжавшей изъ Молдавіи жены Симеона Могилы, сына которой онъ старался возвести въ молдавскіе господари, истративъ на хлопоты и дипломатическія интриги 10 тысячъ злотыхъ.

Забравъ въ свои ловкія руки всю восточную торговлю съ Южной Русью и Польшей, армяне ревниво оберегали ея средоточіе между своими. Благодаря особымъ условіямъ, ни одинъ восточный купецъ, прибывавшій въ тѣ города, гдѣ крѣпко засѣли армяне, не могъ миновать ихъ рукъ. Еще съ XIV столѣтія почти исключительно въ рукахъ армянъ находилась важная должность толмачей. Это была должность оффиціальная и притомъ полуполицейская. Главный городской толмачъ былъ присяжнымъ городскимъ чиновникомъ; онъ смотрѣлъ за соблюденіемъ со стороны иностранныхъ купцовъ городскихъ привилегій, но на немъ лежали также и обязанности тайнаго полицейскаго надзора; онъ долженъ былъ развѣдывать, не являются ли подъ маскою купца

---

[1]) Отдѣльные армяне въ XIV и XV вв. возводились королемъ въ шляхетское достоинство и владѣли земельными имуществами (см. наше изслѣдованіе: «Черты изъ ист. сословій въ Юго-зап. Руси XIV—XV в.», р. 230, прим. 4). Богатыя армянки выходили нерѣдко замужъ за русскихъ шляхтичей (см. любопытное дѣло о разводѣ армянки Бѣлки въ нашей статьѣ: «Брачные разводы въ древней Польшѣ и Юго-зап. Руси». Юридич. Вѣстникъ, 1890, № 12).

иностранные шпіоны. Жалованья толмачъ не получалъ, а самъ платилъ городу—должность эта отдавалась на откупъ, такъ какъ толмачъ собиралъ въ свою пользу извѣстные платежи со всѣхъ иноземныхъ купцовъ. Подъ главнымъ толмачомъ находился отрядъ болѣе мелкихъ, называвшихся *барышниками*, родъ мелкихъ факторовъ. Естественно, что, благодаря такимъ условіямъ и исключительному знанію армянами восточныхъ языковъ, восточные купцы, пріѣзжая въ южно-русскіе центры, попадали въ полную зависимость отъ армянъ. Черезъ ихъ только посредство можно было заключать съ пріѣзжими торговыя сдѣлки, а на строптивыхъ легко было бросить тѣнь подозрѣнія въ политической неблагонадежности. Впрочемъ, подобную тѣнь набрасывали и городскіе патриціи на самихъ армянъ въ пылу борьбы съ армянскою общиной изъ-за юридической компетенціи города надъ армянами.

Не смотря на цѣлыя столѣтія, проведенныя среди чужихъ націй, не смотря на ежедневныя столкновенія съ представителями другихъ народовъ, часто несравненно болѣе высокихъ культуръ, не смотря на очень раннюю перемѣну религіи (такъ какъ уже въ XIV столѣтіи мы находимъ не мало католиковъ среди армянъ [1]), а въ XVII столѣтіи, при епископѣ Тарасѣвичѣ, состоялось и оффиціальное присоединеніе армянъ къ уніи), армяне продолжаютъ жить отдѣльной замкнутой общиной, не смѣшиваясь съ другими національностями, отличаясь отъ нихъ столько же своими обычаями и нравами, какъ и характерной наружностью. И въ этой отдѣльности, исключительности заключалась и сила и слабость армянской націи.

Резюмируя сказанное, мы не можемъ не признать, что армянамъ принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи южнорусскаго города. Если нѣкоторые южно-русскіе центры достигли въ средніе вѣка славы и богатства, то они въ значительной мѣрѣ обязаны этимъ пришлому съ востока необыкновенно бойкому, энергичному и предпріимчивому народу, ставшему посредникомъ въ экономическихъ отношеніяхъ между западомъ и востокомъ. Но при иныхъ условіяхъ армянамъ могла бы предстоять и болѣе завидная и болѣе памятная для человѣчества роль посредниковъ двухъ міровыхъ культуръ, цивилизаторовъ востока, застыв-

[1]) Рядъ армянъ католиковъ упоминается уже въ магистратскихъ книгахъ Львова XIV в. («Pomniki dziejowe Lwowa», passim).

шаго, какъ ледяная глыба, на вершинѣ горы. Но идеальныхъ стремленій мы мало находимъ у старыхъ армянъ. Культурныя задачи стоятъ далеко отъ нихъ; вся дѣятельность ихъ вызывается исключительно соображеніями экономическими—для нихъ міръ былъ только обширнымъ торговымъ рынкомъ. Характеръ всей ихъ дѣятельности и жизни знаменуется рѣзко выраженной исключительностью, дававшей имъ, правда, силу при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но послужившей и къ ихъ паденію, когда, не смотря на новыя условія жизни, они не хотѣли отказаться отъ узкой національной жизни въ своихъ обветшалыхъ традиціяхъ.

И. Линниченко.

Готлибъ-Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства.

Научная разработка русской исторіи ведетъ начало отъ временъ Петра В. Съ одной стороны, самъ Петръ заботился о сохраненіи историческихъ матеріаловъ и побуждалъ ученыхъ, преимущественно иностранныхъ, заняться ихъ изученіемъ; съ другой стороны, быстрое возвышеніе политическаго могущества Россіи возбуждало въ западной Европѣ интересъ къ русской исторіи. Плодотворные результаты этого движенія для русской исторической науки сказались только послѣ смерти Петра В., но и при жизни его явилось уже нѣсколько сочиненій, которыя, не смотря на свои очевидные недостатки, должны занять видное мѣсто въ русской исторіографіи. Къ числу такихъ сочиненій относятся почти совершенно забытыя въ настоящее время сочиненія проф. Трейера.

Готлибъ-Самуилъ Трейеръ (Treuer) родился 24 декабря 1683 г. въ с. Якобсдорфѣ, близъ Франкфурта на Одерѣ, въ семьѣ мѣстнаго пастора. Въ 1700 г. поступилъ онъ въ Лейпцигскій университетъ, въ томъ же году получилъ степень бакалавра, въ 1702—магистра, а въ 1707 назначенъ ассесоромъ философскаго факультета. Въ томъ же году Т. получилъ каѳедру краснорѣчія и исторіи въ военной академіи въ Вольфенбюттелѣ; въ 1713 путешествовалъ по Голландіи и Франціи; въ 1714 назначенъ профессоромъ морали и политики въ Гельмштедтскомъ университетѣ (въ Брауншвейгѣ), а въ 1729 получилъ каѳедру исторіи въ томъ же университетѣ. Такъ какъ онъ отклонялъ различныя дѣлаемыя ему предложенія, то брауншвейгъ-люнебургскій дворъ «предоставилъ ему не только каѳедру государственнаго права, но также званіе гофрата и должность на юридическомъ факультетѣ», при чемъ

онъ получилъ степень доктора правъ. Въ 1734 г. Т. перешелъ во вновь основанный университетъ въ Геттингенѣ на каѳедру юридическихъ, моральныхъ и политическихъ наукъ (juris publici, moralium et politices). Подъ его предсѣдательствомъ состоялся первый диспутъ въ Геттингенскомъ университетѣ. Умеръ Трейеръ 25 февраля 1743 года [1]).

Трейеръ былъ довольно плодовитый писатель. Въ біографическомъ словарѣ Іохера, изъ котораго заимствованы приведенныя выше подробности о его жизни, названо 39 его сочиненій, между которыми есть цѣлые сборники рѣчей и разсужденій. По содержанію сочиненія его очень разнообразны: между ними есть статьи и разсужденія, относящіяся къ исторіи, теологіи юридическимъ наукамъ, географіи, астрономіи, различныя рѣчи (Lob-Reden, Leichen-Reden), диссертаціи, программы. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣютъ близкое отношеніе къ русской исторіи. Трудно сказать, что побудило Трейера заниматься этимъ предметомъ. Шлецеръ, бывшій однимъ изъ преемниковъ Т. по каѳедрѣ (онъ занималъ каѳедру политики въ Геттингенѣ съ 1767 г.), выражается объ этомъ довольно глухо: «связи царскаго двора со многими иностранными дворами, говоритъ онъ, и неслыханное счастіе Петра I возбудили до нетерпѣнія любопытство иностранныхъ ученыхъ узнать русскую исторію. Не было еще никакой возможности удовлетворить оное; но на что не пустится дерзкій германецъ, думающій все преодолѣть трудолюбіемъ? Трейеръ, бывшій тогда профессоромъ въ Гельмштедтѣ, написалъ въ 1720 г. «Введеніе въ Московскую исторію [2])». Но, судя по темамъ нѣкоторыхъ сочиненій Трейера, можно думать, что имъ руководило не одно любопытство и трудолюбіе. Кромѣ болѣе значительныхъ сочиненій, о которыхъ скажемъ ниже, къ русской исторіи имѣютъ отношеніе слѣдующія сочиненія: 1) Dissertatio de perpetua amicitia germanicum inter et russicum imperium [3]); 2) Abstammung des russischen und braunschweigischen Hauses von

---

[1]) Allgemeines Gelehrten Lexicon, herausgegeben von Christian-Gottlieb Jocher. Leipzig, MDCCLI (т. IV, стр. 1805—1806).

[2]) «Несторъ», т. I, стр. ДАН.

[3]) Шлецеръ упоминаетъ, что въ этомъ сочиненіи Т. собралъ изъ нѣмецкихъ лѣтописей доказательства или мѣста о русскахъ («Несторъ», т. I, стр. 58—59). Карамзинъ ссылается на него по вопросу о женитьбѣ Владиміра св. на греческой царевнѣ («Ист. гос. Рос.», т. I, прим. 452).

einer Stamm-Mutter [1]); 3) Beweiss, das Moscau das wahrhafte goldne Vliess besitze; 4) De vera origine aquilae bicipitis imperii; 5) Beweiss, das es nicht wieder das Völker Recht sey, einen Gesandten aufzuhalten; 6) Untersuchungen, wie weit ein Fürst Macht habe Seinen Erstgebohrenen Printzen von der Nachfolge auszuschliessen [2]). Такой выборъ темъ невольно наводитъ на предположеніе, что Трейеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ иностранныхъ ученыхъ, которыхъ Петръ В. при посредствѣ барона Гюйссена склонялъ «писать статьи къ прославленію Россіи» [3]). На эту же мысль наводятъ и упоминаемыя въ біографіи выгодныя «предложенія», за отказъ отъ которыхъ Трейеръ былъ такъ щедро вознагражденъ своимъ правительствомъ.

Наиболѣе важными изъ сочиненій Трейера, относящихся къ русской исторіи, являются двѣ книги, посвященныя исторіи Московскаго государства—«Апологія Ивана Васильевича» (Грознаго) и «Введеніе въ исторію Московскаго государства». Въ виду рѣдкости обоихъ сочиненій, нахожу нужнымъ ознакомить читателя болѣе или менѣе подробно съ ихъ содержаніемъ.

«Апологія» [4]) представляетъ небольшую брошюру въ 74 стр. in 4°. Брошюра написана на латинскомъ языкѣ и снабжена эпиграфомъ изъ Плинія: «Honestissimum credidi non premere immerentem, idque ipsum dixi & libere & varie» (Plin. Epist., III, 9). Въ «*Преди-*

---

[1]) Карамзинъ цитируетъ это сочиненіе при обсужденіи вопроса о бракахъ сыновей Ярослава, но не соглашается съ мнѣніями Трейера («Ист. гос. Росс.», т. II, прим. 48 и 128).

[2]) «Allgem Gelehrten Lexicon» (l. c.). Заглавіе послѣдняго сочиненія взято изъ книги Пекарскаго («Наука и литер. при Петрѣ В.», т. II, стр. 428), гдѣ находится и слѣдующій о немъ отзывъ: «Наконецъ и въ Германіи вышло (по поводу дѣла царевича Алексѣя Петровича) разсужденіе, въ которомъ, по обычаю нѣмецкихъ гелертеровъ того времени, доказывается примѣрами едва не отъ потопа до XVIII в. справедливость распоряженія монарха, когда онъ признаетъ нужнымъ лишить наслѣдства старшаго сына».

[3]) Въ инструкціи Гюйссена былъ слѣдующій пунктъ: «склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ странъ ученыхъ, чтобы они посвящали царю, или членамъ его семейства, или, наконецъ, царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также чтобы эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи» (Пекарскій, т. I, стр. 92).

[4]) Полное заглавіе книги слѣдующее: «Apologia pro Joanne Basilide II, magno duce Moscoviae tyrannidis vulgo falsoque insimulato. Viennae Austriae. Apud autorem. Ao. CIↃIↃCCXI» (1711).

словіи» (стр. 1—5) авторъ очень краснорѣчиво изображаетъ трудность своей задачи: ему приходится бороться съ предразсудками, опрометчивостью, авторитетами, невѣжествомъ. Онъ называетъ свой трудъ Геркулесовскимъ и выражаетъ опасеніе, что приведетъ въ движеніе весь Ахеронъ. Но онъ убѣжденъ, что истина восторжествуетъ надъ предразсудками. Онъ не намѣренъ идеализировать московскаго монарха и обоготворять его. Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ; будучи поставленъ на такую головокружительную высоту, онъ нерѣдко подвергался различнымъ колебаніямъ; но тираномъ онъ не былъ. Упомянувъ затѣмъ о писателяхъ, отрицательно относившихся къ личности царя [1]), и о другихъ, относившихся къ нему болѣе безпристрастно [2]), авторъ обращается къ читателю съ просьбою внимательно прочесть его сочиненіе и изслѣдовать всѣ изложенныя въ немъ мнѣнія.

«*Глава I, показывающая какъ трудно обвинить въ тиранніи правителя вообще и Ивана Васильевича въ частности*» (стр. 6—32), наполнена различными тонкими разсужденіями о сущности тиранніи. Еще Аристотель, говоритъ Трейеръ, указывалъ различные виды тиранніи; обыкновенно различаютъ два вида—незаконный захватъ власти и незаконное правленіе. Обвиненіе въ первомъ къ Ивану Васильевичу непримѣнимо; обыкновенно его обвиняютъ во второмъ. Но трудно дать опредѣленіе тиранніи этого рода; авторъ опредѣляетъ ее такъ: «Non statim tyrannus est, qui tyrannica, sed qui tyrannice agit,» и доказываетъ, что И. В. въ этомъ смыслѣ не можетъ быть названъ тираномъ. Правда, онъ совершалъ дѣла, которыя обыкновенно считаются проявленіями тиранніи: онъ пользовался защитою иноземцевъ, покровительствовалъ доносчикамъ, расширялъ свою власть, энергично защищалъ самовластіе, совершалъ жестокія казни, присвоивалъ себѣ власть духовную, окружалъ необыкновеннымъ блескомъ власть свѣтскую, льстилъ народу, предавался любострастію, гнѣву,—но все это или частные его пороки, или средства, приноровленныя къ состоянію государства и характеру народа, которыми онъ нисколько не нарушалъ и не намѣревался нарушать строй Московскаго государства. Къ особѣ царя Трейеръ относится съ большимъ почтеніемъ: «разсмотри

---

[1]) Одерборнъ, Гвагнини, Петрей, Брасхій (Mart. Braschius), эпиграмма котораго на Ивана Вас. приведена тутъ же.

[2]) Де Ту (Thuanus), Шуртцфлейшъ, авторъ Генеологіи моск. князей, П. Іовій, Мейербергъ, Векманъ.

сочиненія его историковъ, говоритъ онъ, и укажи, какое пятно порока на этомъ Солнцѣ будетъ знакомъ тираніи»?

«*Глава II—о писателяхъ, изображавшихъ жизнь Ивана Васильевича, и ихъ достовѣрности*» (стр. 33—53), начинается словами Сенеки: «Historici sunt.» Авторъ указываетъ различныя ошибки, въ которыя впадаетъ большинство историковъ, и замѣчаетъ, что все сказанное можетъ быть блистательно подтверждено примѣромъ историковъ Ивана Вас. Затѣмъ перечислены, съ критическими отзывами о нихъ, слѣдующіе писатели: 1) Гвагнини, 2) Одерборнъ, 3) Георгій ванъ-Гоффъ, 4) Тиллеманъ Бреденбахій, 5) Норбергскій Анонимъ, 6) Якобъ Улефельдъ, 7) Филиппъ Пернштейнъ, 8) Антоній Поссевинъ, 9) Рейнольдъ Гейденштейнъ, 10) Христоферъ Варшевичъ, 11) Петръ Петрей, 12) Сигизмундъ баронъ Герберштейнъ и нѣкоторые другіе (о Горсеѣ и Дженкинсонѣ Трейеръ замѣчаетъ, что не могъ добыть ихъ сочиненій). Сопоставляя мнѣнія всѣхъ этихъ писателей и подвергая ихъ строгой критикѣ, можно, по мнѣнію автора, извлечь истину изъ ихъ сочиненій.

«*Глава III—о причинахъ, почему Иванъ Васильевичъ пріобрѣлъ дурную славу и подвергся позорному обвиненію въ тираніи*» (стр. 53—74) начинается опять общими разсужденіями. Этотъ монархъ стоялъ на вершинѣ человѣческаго благополучія и могъ быть наблюдаемъ тысячами различныхъ людей: одними на болѣе близкомъ, другими на болѣе далекомъ разстояніи. Всякій видитъ по своему: сколько головъ, столько умовъ. Лучшіе правители представляются иногда въ дурномъ свѣтѣ, худшіе въ хорошемъ — особенно въ глазахъ толпы. Переходя къ фактамъ, авторъ группируетъ всѣ высказанныя противъ Ив. Вас. обвиненія въ восемь пунктовъ и по пунктамъ ихъ опровергаетъ: 1) Жестокости и казни: по мнѣнію Т. они были вызваны страшными преступленіями, грозившими разрушеніемъ неокрѣпшему еще государству. 2) Жестокости по отношенію къ духовенству: относительно духовенства католическаго Т. объясняетъ ихъ склонностью Ивана Вас-ча къ лютеранству (?), относительно православнаго—измѣною нѣкоторыхъ представителей духовенства. 3) Абсолютизмъ, особенно тягостный для бояръ: не слѣдуетъ смѣшивать неограниченную власть (herile imperium) съ тираніею, какъ то обыкновенно дѣлаютъ. Неограниченная власть пользуется многими средствами и пріемами, которыми тираннія злоупотребляетъ; отсюда происходитъ сходство между ними, но не тождество, какъ говорятъ многіе (Это разграниченіе не мѣшаетъ

Трейеру въ другомъ мѣстѣ отождествлять московское государственное устройство съ турецкимъ). Иванъ Васильевичъ былъ неограниченнымъ правителемъ въ государствѣ, еще не окрѣпшемъ, и потому долженъ былъ сурово обращаться съ князьями и боярами — представителями стараго порядка. 4) Любовь къ иноземцамъ: Иванъ Васильевичъ пользовался ихъ мудрыми совѣтами. 5) Многое, въ чемъ упрекаютъ Ивана Вас-ча, объясняется нравами и понятіями народа, напр. задержаніе пословъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ нарушеніе международнаго права [1]), присвоеніе византійскаго государственнаго герба, собственноручныя казни, продолжительное отлученіе отъ св. причащенія. 6) Войны съ сосѣдями: онѣ были вызваны потребностями государства и не во власти царя было предупредить ихъ. 7) Варварства министровъ и войскъ: Трейеръ не отрицаетъ ихъ, но не находитъ возможнымъ обвинять царя въ томъ, въ чемъ онъ не принималъ непосредственнаго участія и о чемъ могъ даже и не знать. 8) Вообще историки, по мнѣнію Трейера, плохо доказываютъ тираннію Ивана Васильевича. Между тѣмъ мнѣнія историковъ могутъ быть вредны для славы великаго государя, особенно если—какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ—дѣло идетъ о странѣ отдаленной, народѣ невѣжественномъ, не имѣющемъ исторіи, иностранные же историки руководятся національными предразсудками и выдаютъ себя за людей вполнѣ компетентныхъ. Въ заключеніе авторъ обѣщаетъ въ другомъ сочиненіи изложить жизнь Ивана Васильевича и доказать, что хотя Иванъ Вас. не былъ чуждъ пороковъ и не отличался мягкостью нрава, но названіе тирана не должно быть ему приписываемо.

Сочиненіе показываетъ большую начитанность автора и способность къ критическому изслѣдованію. Отзывы его объ историкахъ, по большей части, вѣрны и остроумны. Много вѣрныхъ замѣчаній можно найти въ его собственныхъ объясненіяхъ; напр., объясненіе поступковъ Ивана Вас-ча состояніемъ Московскаго государства, борьбою царя съ боярствомъ, характеромъ и обычаями народа, исторически сложившеюся формою правленія. Но, не смотря на эти достоинства, сочиненіе Трейера нельзя назвать безпристрастнымъ научнымъ изслѣдованіемъ. Въ немъ слишкомъ замѣтно желаніе, во что бы то ни стало,

---

[1]) Этому и слѣдующему вопросу Трейеръ посвятилъ особыя диссертаціи (см. выше въ перечнѣ его сочиненій).

оправдать Ивана Васильевича. При этомъ онъ впадаетъ даже въ противорѣчія. Такъ въ первой главѣ онъ высказываетъ мысль, что есть народы, которыми нельзя править иначе, какъ деспотически, и приводитъ въ примѣръ Турцію и Московское государство. Но, доказывая необходимость тиранніи, онъ не хочетъ признать тираномъ Ивана Вас. и пускается въ чрезвычайно тонкія разсужденія о тиранніи, скорѣе запутывающія вопросъ, чѣмъ разъясняющія его. Поэтому «Апологія», не смотря на ея научныя достоинства, можетъ быть названа скорѣе политическимъ памфлетомъ, чѣмъ научнымъ изслѣдованіемъ. Съ какою цѣлью написанъ этотъ памфлетъ—можетъ до извѣстной степени разъяснить другое сочиненіе Трейера «Введеніе въ исторію Московскаго государства».

Не имѣя возможности достать подлинное изданіе этого сочиненія, я пользовался неизданнымъ русскимъ переводомъ С. В. Плаутина (1741 г.)[1]) по рукописи того времени, принадлежавшей М. Е. Краинскому (съ любезнаго разрѣшенія владѣльца рукописи)[2]). По объему «Московская исторія» гораздо обширнѣе «Апологіи»: въ подлинномъ нѣмецкомъ изданіи 446 страницъ; въ рукописи, которой я пользовался, переводъ «Моск. исторіи» занимаетъ 130½ листковъ (261 страница) довольно мелкаго письма. По содержанію сочиненіе это представляетъ какъ бы обѣщанное дополненіе къ «Апологіи». Сочиненіе начинается небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ заявляетъ, что онъ уже давно занимается исторіею Россіи и десять лѣтъ тому назадъ издалъ сочиненіе объ Иванѣ Грозномъ, съ тѣхъ поръ «онъ себя на

---

[1]) Въ «Опытѣ русской исторіографіи» В. С. Иконникова (т. I, стр. 856) приведено слѣдующее заглавіе подлиннаго сочиненія Трейера: «Einleitung zur Moscovitischen Histor.e von der Zeit an da Moscov aus vielen kleinen Staaten zu einem Grossen Reiche gediehen bis auf den Stolbovischen Frieden mit Schweden anno 1617 etc. Mit unparteyischer Feder aus denen bewährtesten Scribenten gezogen. Leipz. und Wolffenbüttel, 1720». Заглавіе русскаго перевода: «Московская или Россійская исторія отъ времяни какъ изъ россійскихъ разныхъ княженіевъ едино великое государство простирается даже до утвержденнаго мира в Столбове со шведы 1617 года. Оной инструментъ или исторія сочинена, не похлебствуя никому, собрана из разныхъ и достоверныхъ писателей на немецкомъ языке в Лейпциге Готлибомъ-Самуиломъ Трейеромъ. Напечатана в Гелмъштате 1720 года. А с немецкаго на россійской языкъ переведена 1741 года в Санктъпетеръбурхе». Не смотря на сходство заглавій, мѣсто изданія книги названо различно: Вольфенбюттель и Гельмштедтъ.

[2]) Въ настоящее время М. Е. Краинскій пожертвовалъ рукопись въ библіотеку Общества Нестора лѣтописца.

то опредѣлилъ, чтобъ житіе сего царя изрядною и правдивою исторіею изъяснити и на свѣтъ показати», и теперь исполняетъ свое намѣреніе, «понеже имя россійское нынѣ завсегда болѣе въ славу приходитъ». Авторъ надѣется, что впослѣдствіи, «когда въ Россіи, при державѣ сего монарха, науки студіи будутъ возростать и умножатся», въ самой Россіи явится исторія болѣе обстоятельная; но «еще нынѣ у самихъ россіянъ окуратной о всей Россіи исторіи не имѣется». Свое изложеніе Т. начинаетъ отъ в. к. Іоанна Васильевича III—«аки бы настоящею эпохою Россійскаго государства»—и оканчиваетъ Столбовскимъ миромъ. У него было желаніе описать и послѣдующія событія «даже до нашихъ временъ», но пока онъ воздерживается отъ выполненія этого желанія—во 1-хъ, по тому, что ему, «яко чужестранцу, еще дѣла россійскія неизвѣстны»; во 2-хъ, по тому, что онъ ожидаетъ окончанія войны. Кромѣ этихъ общихъ замѣчаній, въ предисловіи есть—правда очень сжатый и неточный—очеркъ исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ до XV столѣтія [1]), при чемъ авторъ перечисляетъ извѣстные ему источники русской исторіи. Для доисторическаго періода названы Тацитусъ, К(П) линіусъ, Малазолинусъ (?) Страбо. Удѣльный періодъ авторъ совсѣмъ опускаетъ, упомянувъ въ неясныхъ выраженіяхъ о лѣтописяхъ («россійскихъ годовыхъ книгахъ»), содержаніе которыхъ, повидимому, не было ему извѣстно. Для московскаго періода онъ называетъ рядъ иноземныхъ писателей о Россіи, преимущественно «тѣхъ, которые сами во градѣ Москвѣ жили и россійскія записныя книги видали»; это—Крамеръ, Герберштейнъ, Ульфельдъ, аглицкій капитанъ Георгій, Гейденштейнъ, капитанъ Маргеретъ (Маржеретъ), Гревенбургъ, Петреусъ, Мейербергъ и другіе «лиѳляндскіе, шветскіе и иные чужестранные писатели». Кромѣ того, авторъ пользовался нѣкоторыми дипломатическими документами: «меморіалы посольскіе», замѣчаетъ онъ, «много мнѣ вспомоществовали, и оныя услужили мнѣ лутче, нежели исторіи писатели».

---

[1]) Шлецеръ указалъ слѣд. «смѣшныя глупости» въ этомъ очеркѣ: Тр. говоритъ, что русскіе выучились писать не прежде, какъ въ 1262 г., смѣшиваетъ Мих. III, при которомъ принесена грамота въ Русь, съ Мих. Палеологомъ, думаетъ что имена князей извѣстны только съ XI в. («Несторъ», т. I, стр. ρλιε. ρλιϛ). Едва-ли можно поставить въ вину Трейеру подобныя ошибки, происходившія отъ незнакомства его съ неизданными еще тогда русскими лѣтописями. При томъ же онъ самъ сознавалъ, что ему «дѣла (т. е. сочиненія) россійскія неизвѣстны».

Все сочиненіе распадается на девять главъ, заключающихъ въ себѣ каждая исторію одного царствованія: о в. к. Іоаннѣ Васильевичѣ первомъ (л. 4—8), о царѣ и в. к. Василіи Ивановичѣ (8—16), о царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ второмъ (16—62), о ц. и в. к. Ѳедорѣ Іоанновичѣ (62—73), о царѣ Борисѣ Годуновѣ (73—84), о сынѣ царя Бориса Ѳеодорѣ (85—87), о Лжедимитріи (87—96), о царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ (96—112), о междуцарствіи въ Россіи (112—127), о царѣ и в. к. Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (128—131). Первыя главы довольно коротки, но начиная съ царствованія Ивана Грознаго разсказъ становится болѣе подробнымъ и полнымъ, насколько позволяли имѣвшіеся въ распоряженіи автора матеріалы.

Основная мысль сочиненія—показать постепенный ростъ Московскаго государства, начиная съ Ивана III, обусловливаемый, съ одной стороны, твердою и энергичною политикою внутреннею и внѣшнею, и съ другой, постепенно развивавшимися сношеніями съ западною Европою.

Центральною личностью московской исторіи представленъ, какъ и слѣдовало ожидать, Иванъ Грозный, царствованію котораго посвящено болѣе третьей части сочиненія Трейера (46 листовъ изъ 631). Особенно подробно изложены событія внѣшней политики и, въ частности, исторія Ливонской войны, для которой авторъ, очевидно, пользовался ливонскими хрониками. Довольно подробно говорится о сношеніяхъ съ иноземными правительствами—императорами Карломъ V, Максимиліаномъ II, Рудольфомъ II, папою Григоріемъ XIII, Елисаветою англійскою и др.; ему извѣстна въ подробностяхъ исторія Маргуса, разстроившееся сватовство Ивана съ сестрою Сигизмунда-Августа Екатериною. Съ особеннымъ интересомъ останавливается онъ на сношеніяхъ царя съ Англіею. «Царь Иванъ Васильевичъ, говоритъ онъ, имѣлъ много при дворѣ своемъ чужестранныхъ людей, съ которыми онъ и обхожденіе немалое имѣлъ, а особливо съ посломъ аглицкой королевы Елисаветы всегда имѣлъ разговаривать о знатныхъ и важныхъ дѣлахъ... и въ такую милость аглицкой народъ допустилъ, что именовали ихъ отъ другихъ чужестранныхъ народовъ опричною, яко въ то время сіе слово содержало въ себѣ великую силу». Въ изображеніи Трейера Иванъ Грозный является какимъ-то реформаторомъ; онъ изучаетъ различныя религіи, и въ особенности лютеранскую, изучаетъ «гражданскія права» другихъ народовъ съ цѣлью заимствовать изъ нихъ многое для своего народа и даже «представляетъ

своимъ боярамъ такіе порядки». Въ отвѣтъ на это представленіе одинъ бояринъ Дмитрій Овчининъ «нѣчто противное намѣренію его предложилъ» и за то былъ казненъ подъ вымышленнымъ предлогомъ; а царь «многія россійскія старинныя нравы и порятки сталъ перемѣнять и вводить новыя со всякою въ судахъ жестокостью, и истязанія, и штрафы». Жестокости Ивана Трейеръ объясняетъ, главнымъ образомъ, его реформаторскими планами: преобразовательныя стремленія его вызывали заговоры; враги его («нѣкоторые россіянцы знатные и чужестранные, къ тому и нѣкоторые изъ свойственниковъ его царевыхъ») собрались въ Литвѣ, чтобы начать борьбу съ нимъ; но царь предупредилъ ихъ планы сначала отреченіемъ отъ престола, потомъ учрежденіемъ опричнины. Послѣднее событіе описано у Трейера вѣрно и довольно подробно. Описанія казней въ книгѣ нѣтъ, но въ различныхъ мѣстахъ описываются отдѣльныя проявленія его жестокости, напр. новгородскія казни, казнь боярина Ивана Петровича (Челяднина). Всѣ эти жестокости Трейеръ объясняетъ «неспокойствами» въ Москвѣ и оправдываетъ Ивана въ томъ, что онъ «управлялся съ ними болѣе такими обычаи, нежели продолжительными судами». Съ этой точки зрѣнія онъ полемизируетъ съ историками, изображавшими Ивана тираномъ: «многіе исторіи писатели, говоритъ онъ, писаху о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, описываючи его жестокимъ мучителемъ, а не зная истиннаго дѣла, якобы онъ безъ всякой вины своихъ подданныхъ и чужестранныхъ такъ наказывалъ». Впрочемъ, Трейеръ не отрицаетъ жестокости въ характерѣ Ивана: «правда, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что онъ былъ зѣло скоръ къ разгнѣванію, но умѣлъ въ томъ себя всегда воздерживать, ежели надлежитъ», и въ доказательство приводитъ столкновеніе его съ Поссевиномъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ приводитъ факты, изъ которыхъ можно видѣть, что Иванъ не всегда находилъ нужнымъ сдерживать себя; особенно характеренъ слѣдующій отрывокъ: «играть съ нимъ въ шахматы было не безъ опасенія: ежели кто у него выиграетъ, то безъ штрафа не пробудетъ и всеконечно битъ будетъ, или носъ или ухо потеряетъ; а кто станетъ притворно, якобы ничего не умѣетъ, играть, того онъ за обманщика почиталъ, и небезопасно и до смерти отъ того пострадать». Этою жестокостью объясняетъ Трейеръ и убійство царевича Ивана: «учинилась у царя Ивана Васильевича отъ жестокаго его сердца надъ сыномъ его большимъ зѣло несчастливая причина». Об-

щій взглядъ Трейера на личность и правленіе Ивана Грознаго можно видѣть изъ слѣдующаго отзыва, которымъ заканчивается описаніе его царствованія: «И тако, такого въ свѣтѣ великаго монарха имѣла Россія и лишилась. Дѣла его великія и славныя и въ другихъ государствахъ изъ памяти людей въ родъ и родъ не забыты будутъ: собраніе такого раздраннаго государства во едино, обладаніе его надъ такимъ тогда бывшимъ своевольнымъ россійскимъ народомъ и приведеніе въ самодержавную свою власть и силу; и вымышляемыя на него всякія отъ подданныхъ измѣны, которыя онъ всѣ своимъ остроуміемъ превзошелъ и уничтожилъ; долгопротяженныя брани съ татары и съ прочими народы. Исторіи писатели чужестранные, ненавидя его, отъ злости своея мучителемъ называху, но всуе и напрасно такого великаго государя порицали. Здѣсь надлежитъ, не злодѣйствуя и не похлебствуя ему, о немъ, что могу, представить (затѣмъ слѣдуетъ подробная на $4^1/_2$ листахъ характеристика Ивана, существенныя черты которой приведены выше)».

Взгляды Трейера на другія событія и историческія личности можно видѣть изъ слѣдующихъ отзывовъ его о царствовавшихъ лицахъ.

Иванъ III. «Иванъ Васильевичъ первой—человѣкъ высокого разума и одаренъ многимъ счастіемъ и побѣдою многихъ городовъ въ Россіи, которые онъ подъ единовластіе привелъ и монархію утвердилъ. Онъ прославилъ болѣе Россію своимъ разумомъ, нежели силою. Онъ неохотно своею персоною ходилъ на войну, но болѣе всегда своихъ фелтьмаршаловъ на то употреблялъ. По даннымъ имъ приказамъ управлялось все у него счасливо и добропорядочно... За военныя его дѣла нареченъ онъ великимъ. Онъ свое оружіе распространилъ даже до дикихъ народовъ: Казань принудилъ сдаться и царя у нихъ поставилъ; Пермію, Угрію, Болгарію, Северію въ подданство взялъ; имѣлъ войну съ Даніею, Швеціею, Финляндіею, съ Лифляндіею; въ Литвѣ 70 мѣстечекъ завоевалъ; во имя его по немъ въ одно лѣто Иванъ-Городъ построенъ; много онъ градовъ въ Россіи укрѣпилъ стѣнами и около Москвы каменную стѣну сдѣлалъ. Онъ первый россійскій титулъ умножилъ и писать сталъ: московскій, володимерскій, новгородскій и протчая».

Василій III. «Царь Василій Ивановичъ отъ народа зѣло былъ любимъ, и хотя щастіе и нещастіе въ войнѣ имѣлъ, однакожъ народъ

Россійскій его видный корпусъ тѣла и ласку къ народу въ великомъ почтеніи содержали, и въ побѣжденіи отъ татаръ болѣ вину клали на брата его Андрея... Онъ первый для чести Россійской монархіи сталъ писать себя царемъ, которое онъ досталъ чрезъ папу римскаго Климента VII и цесаря Максимиліана. Ему былъ присланъ титулъ отъ цесаря, чтобъ онъ писался равно съ цесаремъ, и орелъ двоеглавый сталъ быть въ Россіи и у цесаря гербомъ россійскимъ».

Борисъ Годуновъ. «Онъ отъ природы былъ къ господствованію склоненъ; всегда себя велъ высокимъ и гордымъ видомъ. Тяжесть государственную онъ могъ носить на себѣ. Ума былъ остраго и пронзительнаго, и любовнаго; въ разсужденіи никакого недостатка не имѣлъ и зналъ, какъ свои дѣла производить къ лучшему. Въ показаніи себя предъ народомъ къ своей пользѣ мало сыскать ему равныхъ. Имѣлъ онъ и самъ свои обычаи обладать, какъ ему надобно. Но послѣди дѣла самозванца Дмитрія зѣло его ожесточили, что онъ во иное время самъ своей памяти лишался и тутъ себя всѣмъ оказалъ, что онъ его опасается. И тѣмъ онъ самъ на себя и прочихъ бояръ московскихъ привелъ въ смѣлость на учиненіе себѣ зла. Невѣрность его къ людямъ уже такъ скучала, что, которые ему и вѣрные были, и тѣ желали, какъ чтобъ отъ его лишиться. Онъ бы былъ противъ Димитрія счастливъ, ежелибъ не такъ жестокое невѣрствіе и подозрѣніе на всѣхъ воспріялъ».

Лжедмитрій. «Онъ былъ отъ натуры человѣкъ неглупый; а что до политики касается, въ томъ онъ былъ весьма скуденъ. Амбицію имѣлъ къ себѣ великую, т. е. любилъ къ себѣ почтеніе. Онъ былъ человѣкъ сердца горячаго, но могъ всегда прошеніемъ укрочаемъ быти и пребывалъ паки въ той же милости. Чужестранные ему всегда о томъ пророчествовали о его паденіи; и когда онъ штраѳовалъ людей, а болѣе неправыхъ судей, на которыхъ зело ненавидѣлъ, а большія погрѣшенія въ россійскихъ людяхъ и противъ его невѣжества и злости болѣе сквозь своихъ ушей пущалъ или на то сквозь пальцы глядѣлъ. Охота псовая лучшая его забота была и ѣзда конская его было утѣшеніе. Воинскую экзерциціо произвелъ чрезъ мѣру россійскихъ людей, всякое дѣло любилъ, чтобъ сдѣлано было вскорѣ».

Приведенныя характеристики царей представляютъ выводы изъ изложенія событій каждаго царствованія. При изложеніи авторъ съ особеннымъ интересомъ останавливается на событіяхъ, имѣющихъ

отношеніе къ основной мысли его труда—на войнахъ съ западными сосѣдями, дипломатическихъ сношеніяхъ, заимствованіи европейскихъ обычаевъ и учрежденій. Такъ, въ исторіи Ивана III онъ съ особеннымъ интересомъ относится къ браку царя съ Софьею Палеологъ. Значеніе этого брака онъ опредѣляетъ слѣдующими словами: «Иванъ Васильевичъ болѣ того ради сопряжеся съ Софіею, дабы во время лучше имѣть претензію и къ престолу греческаго императорства; къ тому же могъ бы себя, аки цесаря римскаго, называти». Извѣстна ему и неудавшаяся попытка воспользоваться этимъ бракомъ для пропаганды католицизма. Разсказъ о войнѣ Ивана съ Ливоніею оканчивается слѣдующимъ эпизодомъ: Иванъ много слышалъ о подвигахъ лифляндскихъ «кирасировъ» и, при заключеніи мира, «единаго кирасира изъ Лифляндіи къ себѣ призвалъ въ Москву, и глядя на него, дивовался, и одаря отпустилъ его». Въ главѣ о Василіи III упоминается извѣстная грамота 1514 г. имп. Максимиліана I къ Василію [1]), въ которой послѣдній названъ цесаремъ (авторъ считаетъ ее подлинною и знаетъ объ участіи въ ея составленіи Шейница), упоминаются также оба посольства Герберштейна. При Ѳедорѣ Ивановичѣ упоминаются сношенія съ папою Климентомъ VIII и имп. Рудольфомъ II по вопросу о цесарскомъ титулѣ московскаго государя. Въ исторіи царствованій Бориса Годунова и Лжедмитрія также подробно говорится о сношеніяхъ съ иноземцами и усвоеніи иноземныхъ обычаевъ.

Таково содержаніе «Московской исторіи». Едва-ли можно сомнѣваться въ оффиціозномъ происхожденіи этого сочиненія. Содержаніе другихъ работъ Трейера (изданныхъ раньше исторіи), указанный въ предисловіи мотивъ изданія настоящаго сочиненія («понеже имя россійское нынѣ завсегда болѣе въ слáву приходитъ»), странныя на первый взглядъ рамки изложенія (до Столбовскаго мира), наконецъ общій характеръ сочиненія—всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя неизбѣжно приводятъ къ такому предположенію. Тотъ же смыслъ имѣетъ и идеализація Грознаго: если личность Ивана Грознаго, какъ указывали нѣкоторые историки, представляетъ извѣстное сходство съ личностью Петра В., то въ изложеніи Трейера эти двѣ личности почти отождествляются. Читая нѣкоторыя мѣста его сочиненія, скорѣе ви-

[1]) Подробности объ этой грамотѣ, съ указаніемъ литературы вопроса, приведены у Пекарскаго (Наука и литер. II, 429).

дишь передъ собою Петра, чѣмъ Ивана Грознаго (ср., напр., приведенный выше отзывъ о реформаторскихъ планахъ царя или описаніе разоренія Ливоніи, какъ будто цѣликомъ взятое изъ донесеній Шереметева, и пр.). Наконецъ, обѣщаніе довести впослѣдствіи изложеніе до настоящаго времени еще яснѣе указываетъ на связь «Исторіи» съ современностью. Всѣ эти особенности «Московской исторіи», составляющей продолженіе «Апологіи», уясняютъ намъ также смыслъ перваго сочиненія: общія разсужденія «Апологіи» о состояніи Московскаго государства, о нравахъ народа, о дѣятельности правительства могутъ быть примѣнены не только къ Московской Руси, но и къ Петровской, что̀ и придаетъ «Апологіи», характеръ политическаго памфлета. «Московская исторія», не смотря на свое сходство съ «Апологіею», имѣетъ совершенно иной характеръ. Мы можемъ также предполагать, что она появилась подъ вліяніемъ сношенія съ Гюйссеномъ, что при составленіи ея авторомъ руководили не одни научные интересы; но нельзя не замѣтить, что подобное сочиненіе могло появиться и безъ всякихъ посторонніхъ внушеній. Русское государство въ то время возбуждало большой интересъ въ Западной Европѣ, и если въ это время появлялись сочиненія, описывавшія современное состояніе Россіи (напр. Das veränderte Russland Вебера), то естественно было появиться и историческому труду, задачей котораго было познакомить читателей съ прошлымъ этой загадочной страны. Такое значеніе и имѣло для своего времени сочиненіе Трейера. Это уже не политическій памфлетъ, а серьезный историческій трудъ.

Главное достоинство сочиненія составляетъ его руководящая идея—показать связь Петровской Руси съ Московскою, Петра В. сопоставить съ Иваномъ Грознымъ. Въ ту пору ожесточенной борьбы старыхъ началъ русской жизни съ новыми европейскими нужно было имѣть много безпристрастія и историческаго чутья, чтобы подмѣтить органическую связь между явленіями, повидимому, совершенно противоположными, и Трейеръ былъ до извѣстной степени правъ, заявляя въ заглавіи сочиненія, что «оной инструментъ или исторія сочинена, не похлебствуя никому (mit unparteiischer Feder)». Труды новѣйшихъ русскихъ историковъ въ значительной степени подтвердили основные взгляды Трейера на исторію Московскаго государства (и на значеніе Петровской эпохи). Другое достоинство сочиненія составляетъ удачный подборъ и группировка матеріала соотвѣтственно основной идеѣ сочи-

ненія, даже преувеличенія и историческія погрѣшности (напр. односторонее освѣщеніе личности Грознаго, преувеличеніе иноземнаго вліянія, стремленіе доказать права московскихъ царей на титулъ императора) вызваны систематическимъ проведеніемъ основной идеи сочиненія. Трейеръ добросовѣстно воспользовался всѣми бывшими въ его распоряженіи матеріалами и представилъ довольно полную и законченную картину постепеннаго роста Московскаго государства. Къ источникамъ своимъ онъ относится критически, старается выбрать изъ нихъ то, что представляется ему болѣе достовѣрнымъ, но приводитъ и мнѣнія, съ которыми самъ не согласенъ. Эта черта особенно замѣтна въ изложеніи двухъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ — о значеніи царствованія Ивана Грознаго и о происхожденіи Лжедимитрія I. Иногда онъ вноситъ въ свое сочиненіе подлинные документы (письмо Марины къ Сигизмунду, надгробную надпись В. Шуйскаго, нѣкоторые дипломатическіе документы).

Изложеніе Трейера нельзя назвать строго-научнымъ. Мѣстами встрѣчаются противорѣчія. Напр., характеристика Ивана Грознаго также противорѣчива, какъ и въ «Апологіи»: наполнивъ всю исторію царя защитою отъ обвиненія въ тиранніи, Трейеръ въ заключительныхъ словахъ характеристики признаетъ въ немъ природную жестокость и приводитъ цитированный выше примѣръ объ игрѣ въ шахматы; осмѣивая «неправыя и смѣха достойныя басни» о смерти Грознаго («якобы, по преставленіи его, невидимо злыми духи унесено тѣло его на мученіе»), онъ самъ приводитъ безъ всякихъ оговорокъ подобныя легенды («Егда Лжедмитрій на большую площадь въ Кремль пріѣхалъ, тогда нечаянный, не вѣсть откуда, нечистый духъ его, аки сильный вихрь, окружилъ и съ великимъ порываніемъ его съ лошадью носилъ и потомъ бросилъ на землю»); встрѣчаются ошибки и въ передачѣ фактовъ (напр. преданіе о попраніи ногами «ханской персоны» отнесено къ княженію Василія III); есть, наконецъ, ошибки въ именахъ, большая часть которыхъ, вѣроятно, принадлежитъ русскому переводу (напр., Ченслеръ названъ Канцелярія, Афанасій Власьевъ — Афиренцій Феласія; Хабаръ Симскій почему-то передѣланъ въ Ивана Коверина). Но всѣ эти недостатки, конечно, не отнимаютъ у сочиненія Трейера его интереса и научнаго значенія.

Если «Московская исторія» представляла интересъ для нѣмецкаго читателя, знакомя его съ новымъ государствомъ, вступавшимъ

въ число первостепенныхъ государствъ Европы, то тѣмъ большій интересъ должно было представлять оно для читателя русскаго. Поэтому, нельзя не удивляться, что оно было переведено на русскій языкъ только черезъ двадцать лѣтъ послѣ своего появленія въ свѣтъ, а переводъ такъ даже никогда не былъ напечатанъ. Мы не знаемъ, чѣмъ объяснить этотъ фактъ: можетъ быть причиною этого было не высказанное прямо, но ясно проглядывающее во всемъ сочиненіи сопоставленіе Петра В. съ Иваномъ Грознымъ, можетъ быть вообще сближеніе Руси Петровской съ Московскою производило въ то время непріятное впечатлѣніе. Но разъ сочиненіе было переведено, оно получило самое широкое распространеніе, и теперь во многихъ библіотекахъ можно найти списки этого сочиненія; оно есть въ библіотекахъ: Румянцевскаго Музея, Академіи Наукъ, Общества любителей древней письменности, Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи, Царскаго, Титова [1]). Рукопись, которой я пользовался, имѣетъ нѣсколько надписей, указывающихъ имена ея владѣльцевъ,— это все представители военнаго дворянства [2]), составлявшаго въ то время наиболѣе вліятельное и интеллигентное сословіе. Интересно, что къ сочиненію Трейера въ рукописи присоединено извѣстное «Сказаніе о зачатіи и рожденіи Петра В.» Креказина [3]), въ которомъ описаны также и первые годы царствованія Петра, оканчивая усмиреніемъ стрѣлецкаго бунта и казнями стрѣльцовъ. Очевидно, для того времени сочиненіе это служило продолженіемъ сочиненія Трейера. Все это показываетъ, какое значеніе имѣла «Московская исторія» для русскаго читателя XVIII ст.

Наконецъ, указанныя выше научныя достоинства сочиненія Трейера даютъ ему право на почетное мѣсто въ исторіи русской исторической науки. Его сочиненіе представляетъ первый опытъ критическаго и прагматическаго изложенія русской исторіи. Въ извѣстномъ введеніи къ «Русской исторіи» Бестужева-Рюмина встрѣчается слѣдующій от-

---

[1]) Указанія эти взяты изъ соч. В. С. Иконникова: «Опытъ русской историографіи» (см. указатель подъ словами Трейеръ).

[2]) Л.-гв. Семеновскаго полка капитанъ Петръ Векентьевъ; Федоръ Векентьевъ; Яковъ Похвисневъ; л.-гв. Измайловскаго полка фурьеръ Петръ Зубовъ.

[3]) Объ этомъ сочиненіи см. Устрялова: «Исторію царствованія Петра Великаго», т. I, стр. XLII.

зывъ о началѣ научной разработки русской исторіи: «Наука русской исторіи началась уже послѣ смерти Петра В., при появленіи у насъ нѣмецкихъ ученыхъ... Первоначальниками науки были у насъ ученые нѣмцы—Коль, Байеръ, Миллеръ [1])». Трейеръ, современникъ Петра В., никогда не бывавшій въ Россіи и писавшій свое сочиненіе исключительно по иностраннымъ источникамъ, можетъ быть названъ предшественникомъ этихъ основателей русской исторической науки.

В. Щербина.

[1]) «Русская исторія», т. I, стр. 208—209.

Еще о древности братства и школы въ Кіевѣ.

Протекшія 1000 лѣтъ жизни Кіева, служившаго центромъ, то политической, то умственной, то религіозной жизни края, должны были бы оставить многочисленные вещественные и письменные памятники его славнаго прошлаго; но тяжелая рука времени, къ сожалѣнію, безпощадно губила ихъ въ годины бѣдствій города, такъ что ни археологія, ни археографія не могутъ теперь возстановить, не смотря на всѣ усилія изслѣдователей, ни древней топографіи города, ни исторіи городской общины; въ каждой изъ этихъ областей науки накопилось большое количество самыхъ противоположныхъ мнѣній по вопросамъ о происхожденіи того или другаго учрежденія, о положеніи той или иной мѣстности, храма, зданія и проч. Къ числу такихъ спорныхъ, не поддающихся до сихъ поръ разрѣшенію, вопросовъ принадлежитъ и тотъ, который мы намѣрены подвергнуть новому пересмотру; это— вопросъ о древности въ Кіевѣ Богоявленскаго братства и школы при немъ. Важность этого вопроса, въ виду того, что основанная братствомъ школа «воспитала для всей Россіи знаменитыхъ добродѣлями и просвѣщеніемъ пастырей, государственныхъ чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ мужей» (митр. Евгеній), а также послужила разсадникомъ школъ и образованія въ Сѣверной Руси, важность его, повторяемъ, внѣ всякаго сомнѣнія. Къ давней попыткѣ разрѣшить вопросъ о началѣ братства и школы причастны многія славныя имена мѣстныхъ историковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, какъ митрополитовъ Евгенія (Болховитинова) и Макарія (Булгакова), профессоровъ и ученыхъ: М. А. Максимовича, Н. Закревскаго, В. Аскоченскаго, И. И. Малышевскаго, о. П. Г. Лебединцева, С. Т. Голубева, Н. Н. Оглоблина и друг.; одни изъ изслѣдователей относили время возникновенія братства къ концу прошлаго вѣка, другіе пріурочивали его къ 1615 г.,

къ моменту составленія братскаго уписа и фундушевой записи Елисаветы Лозки, извѣстной болѣе подъ ея дѣвическимъ именемъ Галжки Гулевичовны. Мы не будемъ также излагать и исторію борьбы этихъ мнѣній, такъ какъ она не разъ уже повторялась въ исторической литературѣ; замѣтимъ лишь, что послѣднюю попытку полнаго, насколько возможно, пересмотра этого труднаго вопроса и окончательнаго разрѣшенія его предпринялъ С. Т. Голубевъ въ 1-мъ выпускѣ своего обстоятельнаго изслѣдованія подъ заглавіемъ: «Исторія Кіевской Духовной Академіи», вышедшемъ девять лѣтъ тому назадъ, именно, въ 1886 г. Рѣшеніе имъ вопроса, повидимому, было окончательнымъ; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ никто не рѣшался возвысить голосъ свой на защиту древняго происхожденія братства и школы, которое С. Т. Голубевъ относитъ къ 1615 г. Но какъ при выходѣ въ свѣтъ названнаго сочиненія мы высказались въ своей рецензіи о немъ за противоположное мнѣніе, такъ и теперь продолжаемъ думать, что начало братства и школы должно быть отнесено къ болѣе или менѣе отдаленному времени [1]), хотя документальныя данныя относятся лишь къ концу XVI вѣка.

Главнѣйшимъ и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ единственнымъ документальнымъ доказательствомъ ранняго существованія братства является купчая кіевскаго земянина Андрея Обуха, отъ 5 сентября 1594 года, по которой «онъ, Андрей, съ женою своею Наталіею Свирщовскою продали въ Братскій монастырь дворовое свое мѣсто Сверчековское изъ сѣножатью; которое дворовое мѣсто противъ дворовъ кіевскихъ мѣщанъ Сидора и Телепника, а сѣножать на Оболоньи, прозываніемъ Свирщовская, издавна къ тому дворовому мѣсту належитъ». Подлинникъ этого документа не дошелъ до насъ, но онъ несомнѣно существовалъ еще въ 1694 году, когда былъ представленъ въ Малороссійскій приказъ, вмѣстѣ съ другими документами Братскаго монастыря, и подтвержденъ царской грамотой [2]). С. Т. Голубевъ не только не видитъ «никакихъ основаній заподозривать подлинность представ-

---

[1]) Доказательства возможности и даже необходимости существованія школъ въ отдаленное время можно найти въ сочиненіяхъ: Н. Лавровскаго: «О древне-русскихъ училищахъ». Харьковъ. 1854 г.; В. Аскоченскаго: «Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею». Кіевъ. 1856 г. и друг.

[2]) «Памятники времен. ком. для разбора древн. актовъ», т. II, отд. 1-й, стр. 286—316.

лявшихся въ Малороссійскій приказъ отъ имени Братскаго монастыря крѣпостныхъ документовъ» [1]), но, напротивъ, находитъ даже новое доказательство ихъ существованія, именно, хранящуюся въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ библіотекѣ ея, рукопись конца прошлаго вѣка, въ которой исчисляются документы кіевскихъ монастырей на владѣніе землями; тамъ, въ реестрѣ документовъ Братскаго монастыря, подъ № 2, значится и купчая Андрея Обуха отъ 1594 г. на Сверчковскій дворъ и сѣнокосъ, но прибавлено: «съ уступкой онаго» братству. Не смотря на это очевидное доказательство факта продажи Обухомъ земли въ 1594 году, изслѣдователь старается подорвать его достовѣрность предположеніемъ, будто въ Малороссійскомъ приказѣ изложеніе содержанія документовъ сдѣлано не совсѣмъ точно. Съ этой цѣлью онъ сравниваетъ реестръ братскихъ документовъ, составленный въ Малороссійскомъ приказѣ и занесенный въ царскую грамоту 1694 года, съ такимъ же реестромъ, находящимся въ лаврской рукописи, и приходитъ къ указанному заключенію о неточности изложенія содержанія купчей путемъ такого соображенія: Братскій монастырь, какъ видно, представлялъ въ приказъ не только тѣ документы, по которымъ онъ самъ непосредственно пріобрѣталъ земли и усадьбы въ городѣ, но и всѣ вообще акты перехода имущества изъ рукъ въ руки прежнихъ владѣльцевъ до времени пріобрѣтенія недвижимости братствомъ; въ примѣръ этого онъ приводитъ то, что братство представило рѣшеніе Кіевскаго гродскаго суда 1593 г., утверждающее права Трехсвятительской и Воздвиженской церквей на земли въ городской чертѣ, а между тѣмъ эти земли съ обоими упомянутыми церквями перешли въ собственность братства только въ 1640 году по грамотѣ короля Владислава IV [2]); но основывать на этомъ примѣрѣ общее положеніе едва ли возможно по тому, во 1-хъ, что хотя обычай представленія послѣднимъ пріобрѣтателемъ имущества документовъ предшествовавшихъ владѣльцевъ и существовалъ въ литовско-русскомъ правѣ, но не былъ обязателенъ и соблюдался весьма рѣдко, лишь въ спорныхъ случаяхъ; да и въ дѣлѣ Братскаго монастыря онъ единственный и исключительный; во 2-хъ, въ судебномъ рѣшеніи обозначены были границы церковныхъ земель, а потому

---

[1]) Исторія Кіев. Дух. Акад., т. I, 19.

[2]) Памятники, т. II, отд. 1-й, стр. 144—149.

представленіе его для подтвержденія устраняло на будущее время всякіе споры съ сосѣдями и, въ 3-хъ, братство почему то не представило самой грамоты Владислава IV отъ 1640 г. и должно было ограничиться однимъ рѣшеніемъ Кіевскаго гродскаго суда отъ 1593 г. Но введены ли были въ ошибку этимъ обстоятельствомъ дьяки Малороссійскаго приказа 1694 г.; не приписали ли они братству права на эти земли? Нисколько. Они очень точно и вѣрно передаютъ сущность рѣшенія суда о принадлежности спорныхъ земель Трехсвятительской и Воздвиженской церквямъ, нигдѣ ни единымъ словомъ не упоминая о правѣ братства по этому документу [1]). Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ приказѣ отнеслись очень внимательно къ содержанію представленныхъ документовъ, съ обычной, свойственной московскимъ дьякамъ строгостью, доходившей часто до мелочности. Слѣдовательно, и содержаніе купчей Андрея Обуха 1594 г. изложено несомнѣнно точно и вѣрно, что подтверждаетъ и реестръ въ лаврской рукописи; но въ послѣдней, какъ мы сказали, прибавлено: «съ уступкой онаго», т. е. двора, братству. С. Т. Голубевъ ставитъ вопросъ о значеніи этого выраженія и высказываетъ предположеніе, что уступка могла означать только даръ, а не продажу; что, слѣдовательно, дворъ и сѣнокосъ Обуха былъ подаренъ братству другимъ лицомъ, которое пріобрѣло его у Обуха, подобно тому, какъ земли, обмежеванныя и утвержденныя судомъ за Трехсвятительской и Воздвиженской церквями, переходятъ потомъ къ братству, а оно опирается въ своихъ правахъ на это судебное рѣшеніе. С. Т. Голубевъ находитъ поддержку для такого предположенія своего въ той же царской грамотѣ 1694 г., гдѣ приведенъ «досмотръ и опись земель и дворовъ, къ монастырю Братскому належачихъ», произведенный членами Кіев. ратуши, и о Свирщковскомъ дворѣ Обуха сказано, что онъ данъ въ монастырь отъ Крестины Лешкевичевой и отъ Агафіи Козичанки; отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе, что отъ Обуха земля могла чрезъ вторыя и третьи руки перейти къ Лешкевичевой и Козичанкѣ и только послѣдними пожертвована въ монастырь, а составитель реестра въ лаврской рукописи могъ подъ этимъ фактомъ пожертвованія разумѣть уступку. Но съ такимъ заключеніемъ почтеннаго изслѣдователя мы согласиться не можемъ по тому, что, кромѣ

[1]) Это же подтверждаетъ и Н. Н. Оглобинъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Кіев. Стар.» за 1886 г., № 3.

точной передачи въ приказѣ содержанія купчей, самая грамота 1694 г. даетъ основаніе предполагать совершенно обратное. Представимъ примѣры: изъ реестра документовъ, составленнаго очень тщательно московскими дьяками, видно, что Солениковскій дворъ купленъ митрополитомъ Петромъ Могилой въ 1647 г. у вдовы мѣщанки Ѳеодоры Солениковой, а передъ смертью по духовному завѣщанію отданъ Братскому монастырю на поминовеніе по душѣ; между тѣмъ, въ своемъ досмотрѣ и описи дворовъ, Кіевская ратуша замѣчаетъ, что братство купило этотъ грунтъ у Соленниковой, т. е., названъ болѣе ранній владѣлецъ; тоже мы наблюдаемъ и въ дѣлѣ мѣщанина Семена Татарина; въ 1632 г. онъ завѣщалъ братству свой дворъ съ строеніемъ на Криницкой землѣ, тогда какъ ратуша отмѣчаетъ, что дворъ данъ братству Еленой Криницкой; несомнѣнно, что Татаринъ купилъ землю у Криницкой и самъ уже пожертвовалъ его монастырю; въ 1621 г. монахиня Парасковія Кучинская продала свой домъ братству, какъ записано въ реестрѣ приказа, а магистратъ называетъ первоначальной владѣлицей Екатерину Кучинскую; быть можетъ это имена одной и той же Кучинской—первое, позднѣйшее, монашеское, а второе, болѣе раннее, мірское; однимъ словомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, члены ратуши, какъ сторожилы города, помнили первыхъ владѣльцевъ и въ своемъ досмотрѣ и описи называютъ ихъ по старой привычкѣ; да и въ наше время большіе дома, обширныя усадьбы по имени своего перваго хозяина извѣстны больше, чѣмъ по имени владѣльца, называемаго въ послѣдней купчей; поэтому мы позволяемъ себѣ утверждать, что Лешкевичева и Козичанка были болѣе раннимн владѣлицами, быть можетъ даже родственницами, изъ коихъ одной могла принадлежать городская усадьба, а другой—сѣнокосъ на Оболони; Свершовскій, отецъ жены Обуха, могъ купить у обоихъ и то и другое и передать дочери, которая, вмѣстѣ со своимъ мужемъ, продала и дворъ и сѣнокосъ братству.

Не можемъ мы также согласиться со С. Т. Голубевымъ и въ толкованіи выраженія: «съ уступкой онаго», какъ дара. Уступка вовсе не означала факта даренія, для котораго въ литовско-русскомъ правѣ существовалъ свой собственный терминъ; подъ уступкой же разумѣлся вообще фактъ отчужденія имущества, путемъ ли продажи, дара, такъ называемаго вливка, и проч.; въ частности подъ уступкой разумѣлась фактическая передача изъ рукъ въ руки отчуждаемаго имущества;

терминъ «уступати» встрѣчается поэтому одинаково и въ дарственныхъ, и въ продажныхъ, и во вливковыхъ записяхъ. Что бы не далеко ходить за доказательствами, возьмемъ имѣющіеся въ приложеніяхъ къ сочиненію С. Т. Голубева объ Академіи; онъ приводитъ актъ продажи (неправильно называя его «запродажнымъ») отъ 1590 г. владимірскимъ войскимъ Василіемъ Гулевичемъ своихъ имѣній князю Юрію Пузынѣ; въ этой купчей сказано [1]): «тые имения вышейменованые, яко и листы купчіе, и все право свое, заразъ до рукъ ихъ милостей отдалъ и поступилъ, с того ся вѣчне имъ уступилъ»: въ дарственной записи того же Гулевича отъ 1593 г. своему сыну Андрею говорится [2]): «прето я даю, дарую и симъ листомъ моимъ записую сыну моему пану Андрею Гулевичу» имѣнія, которыя и перечисляются въ записи; о фактической же передачѣ ихъ даритель такъ выражается: «въ моцъ и держанье и спокойное вживанье подаю и симъ листомъ записомъ моимъ уступилъ есми», т. е. и здѣсь, при дареніи, подъ уступкой разумѣется фактическая передача. Не могла быть также сдѣлана Лешкевичевой и Козичанкой и «уступочная надпись» на купчей 1594 г., какъ основномъ документѣ, что предполагаетъ С. Т. Голубевъ (стр. 21). По Статуту требовалось при каждомъ переходѣ имущества изъ рукъ въ руки составленіе особаго документа, хотя при этомъ послѣднемъ иногда прилагался или даже въ немъ самомъ вписывался документъ болѣе ранній; но это юридическое явленіе было очень рѣдкимъ и происходило лишь въ случаяхъ спора; надписи же на основныхъ документахъ никогда не дѣлались объ уступкѣ имущества другому лицу. Это было бы нарушеніемъ формы документа и давало бы впослѣдствіи поводъ къ спору изъ-за имущества. Поэтому, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать выводъ, что въ 1594 г. кіевскій землевладѣлецъ Андрей Обухъ со своей женой не только дѣйствительно продали свой наслѣдственный дворъ и сѣнокосъ, но и фактически передали его братству. Такимъ образомъ, документъ 1594 г. остается неподорваннымъ въ своемъ значеніи и по прежнему свидѣтельствуетъ о существованіи братства въ концѣ XVI в.

Что касается до благословенія братства патріархомъ Іереміею въ 1589 г. и учрежденія имъ ставропигіи, то послѣ изслѣдованій

[1]) Стр. 93. Прилож.
[2]) Стр. 95. Прилож.

И. И. Малышевскаго и С. Т. Голубева, разговоры и споры объ этомъ должны быть оставлены, какъ безъосновательные и для самаго дѣла вовсе ненужные.

Но какъ согласить теперь существованіе въ Кіевѣ братства въ концѣ XVI в. съ содержаніемъ братскаго уписа, который сторонники болѣе поздняго происхожденія этого учрежденія считаютъ первымъ достовѣрнымъ документомъ, дающимъ опредѣленное указаніе на время возникновенія братства?

По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собою лишь попытку кіевскихъ братчиковъ стать лицемъ юридическимъ, узаконить, такъ сказать, право своего существованія, чтобы имѣть возможность опираться въ своей просвѣтительной дѣятельности и борьбѣ на какое-либо утвержденіе свѣтской или духовной власти; безъ исполненія этой формальности братство должно было оставаться въ юридическомъ отношеніи безправнымъ; ни какой судъ не могъ признавать представительства его въ тяжбахъ, а между тѣмъ въ Польшѣ и ея русскихъ областяхъ судъ игралъ, вслѣдствіе широкаго развитія частнаго права, очень важное общественное значеніе. Если раньше братство не прибѣгало къ этой мѣрѣ, то потому, что въ этомъ не чувствовалось настоятельной потребности: во главѣ обывателей Кіевскаго воеводства, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и составлялось братство, стоялъ такой столпъ и сила православія, какъ князь Константинъ Острожскій, имѣвшій въ тоже время надъ Кіевской областью власть и какъ ея воевода, и какъ таковой пользовался огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ среди высшей духовной іерархіи; благодаря этому, онъ сдерживалъ порывы уніатовъ овладѣть Кіевомъ и его древними святынями; со смертью же его уніаты начинаютъ постепенно захватывать въ свои руки важнѣйшіе кіевскіе храмы, не смотря даже на сочувствіе къ кіевскому православному духовенству польскаго короля Сигизмунда III и новаго воеводы Станислава Жолкевскаго, выразившаго словесное «пожалованіе» короля, «жебы отъ мятежныхъ и бурливыхъ на церковь Божію еретиковъ..... были волны», какъ свидѣтельствуетъ подъ 1613 г. о томъ тоговременная Кіевская лѣтопись [1]). Въ это-то именно время и сознана была въ мѣстномъ православномъ населеніи необхо-

[1]) Сборникъ лѣтописей Южн. и Запад. Руси. Кіевъ. 1888, стр. 84.

димость оформить существованіе братства, получить для него санкцію высшей правительственной власти [1]).

Но, къ сожалѣнію, время для этого было уже самое неблагопріятное. Послѣ Брестской уніи началось стѣсненіе православнаго духовенства и ограниченіе его правъ; король не признаетъ правъ высшаго духовенства, отказавшагося отъ уніи или враждебнаго ей; онъ почти уже не даетъ также и утвердительныхъ грамотъ братствамъ; по крайней мѣрѣ мы ихъ не встрѣчаемъ до 1620 г. Кіевскіе обыватели могли ходатайствовать объ утвержденіи ихъ братства, но, вслѣдствіе противодѣйствія со стороны уніатскаго духовенства, должны были ограничиться тѣмъ пожалованіемъ короля, которое въ 1613 г. выражено было кіевскому духовенству воеводой Станиславомъ Жолкевскимъ. Неудача съ этой стороны могла побудить кіевлянъ хлопотать, ради большей самостоятельности братства и независимости отъ мѣстныхъ владыкъ, о ставропигіи у константинопольскаго патріарха Тимофея. Старанія увѣнчались успѣхомъ: ставропигія была получена въ Кіевѣ въ 1613 г., какъ отмѣчаетъ этотъ фактъ Кіевская лѣтопись [2]). Одновременно съ этимъ патріархъ Тимофей далъ благословеніе начать поправку церкви «Пресвятои Пречистои Успѣнія Соборнои, стоячей въ рынку мѣсте Киевскомъ». Въ этомъ же году или даже въ слѣдующемъ могло быть положено начало и братскому упису, опирающемуся

---

[1]) С. Т. Голубевъ весьма основательно доказалъ возникновеніе братствъ изъ коллективнаго патроната, а также и то, что акты утвержденія ихъ свидѣтельствуютъ о реформированіи ихъ въ религіозно-оборонительныя учрежденія.

[2]) Къ сожалѣнію, это мѣсто лѣтописи напечатано съ пропусками весьма многихъ словъ, пропусками, которые чувствуются въ неясности рѣчи и могли быть сдѣланы или переписчикомъ или корректоромъ при печати. Вотъ это мѣсто: «Въ то же время въ освещенныхъ киръ патриарха константенопольскаго Тимофея, а здѣ въ богоспасаемомъ градѣ Киевѣ всѣхъ обще живущихъ православныхъ христіанъ, сыновъ святыя восточные церкви, присныхъ во вѣре, найпаче же пана войта Деонисия Балыки, а по немъ наставльшего войта пана Ѳедора Ходыки, а за бурмистра пана Созона, сына тогожъ войта Балыки» (Сборн. лѣтоп., 82). Здѣсь, кромѣ пропусковъ, замѣтна и недостача окончанія рѣчи.

Но памятникомъ сношенія южно-руссовъ съ константинопольскимъ патріархомъ Тимофеемъ служитъ еще его посланіе, въ которомъ онъ убѣждаетъ православныхъ твердо стоять за свою вѣру и даетъ имъ свой символъ, подчеркивая тѣ мѣста въ немъ, гдѣ изложены догматы, отличающіе православіе отъ католицизма. Издатели посланія говорятъ, что оно сохранилось въ одномъ луцкомъ сборникѣ. Весьма вѣроятно, что патріархъ Тимофей прислалъ какія-либо, не дошедшія до насъ, грамоты и въ Кіевъ (Памятн., т. I, отд. 1-й, стр. 22—28).

на благословеніе именно этого патріарха. Замѣчательно, что и въ 1631 г. кіевскіе братчики, передавая Петру Могилѣ школу, ссылаются на ставропигію патріарха константинопольскаго Тимофея, а не іерусалимскаго Ѳеофана. Такимъ образомъ, и ставропигія патріарха и «пожалованіе» короля, относясь къ 1613 г., свидѣтельствуютъ о хлопотахъ братства объ утвержденіи. Поэтому и выраженіе братскаго уписа: «начинаемъ сіе душеспасительное друголюбное соединеніе, братство церковное, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ», точно также какъ и выраженія патріаршихъ грамотъ «новодруженое», «новозаложоное» братство, мы считаемъ фразами стереотипными, какими считали ихъ раньше и другіе изслѣдователи. Доказательства этому можно найти въ грамотахъ братствамъ другихъ городовъ: Минское братство было утверждено королевской грамотой 11 сентября 1592 г., а отъ патріарха Ѳеофана грамота была получена имъ въ октябрѣ 1620 г., т. е., ровно черезъ 28 лѣтъ; тѣмъ не менѣе однакоже патріархъ называетъ Минское братство «новодруженымъ», «новозаложонымъ»; то же самое мы видимъ и въ Кіевскомъ братствѣ, просуществовавшемъ пять-семь лѣтъ отъ времени братскаго уписа до утвержденія его патріархомъ Ѳеофаномъ, который и Кіевское братство также называетъ «новодруженымъ». Ясно, намъ кажется, что этимъ выраженіямъ грамотъ нельзя придавать буквальнаго значенія; они повторялись по установившемуся обычаю, какъ формула, потерявшая смыслъ и не всегда соотвѣтствовавшая дѣйствительному положенію вещей.

Но, не смотря на грамоту патріарха Ѳеофана и словесное пожалованіе короля, въ правящихъ сферахъ, оффиціально, Кіевское братство по прежнему игнорировалось; король не давалъ ему утвержденія, которое охраняло бы его юридическія права; какъ лице юридическое, оно не существовало, и препятствія къ этому исходили отъ высшаго уніатскаго духовенства, стремившагося овладѣть Кіевомъ. Какъ относились они къ королевскимъ грамотамъ, выдаваемымъ братствамъ, показываетъ слѣдующій случай: въ 1619 г. король утвердилъ своей грамотой Луцкое Кресто-воздвиженское братство; луцкій же епископъ-уніатъ Евгеній Малинскій осмѣлился занести въ луцкія замковыя книги протестъ противъ такого дѣйствія короля, какъ незаконнаго, совершеннаго безъ разрѣшенія представителей католической и уніатской религій и вредящаго интересамъ обоихъ [1]). Полу-

[1]) Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. VI, 479.

чить такимъ образомъ королевское утвержденіе Кіевскому братству было не легко; для этого потребовалось усиленное ходатайство, и его приняли на себя «паны Рады» королевской и земскіе послы; только тогда король утвердилъ Кіевское братство своей грамотой, которая и дана была 19 февраля 1629 г. И что же? Въ этой грамотѣ король также говоритъ не о существующемъ уже 15 лѣтъ братствѣ, а лишь «о намѣреніи» еще кіевскихъ обывателей устроить братство милосердія, соорудить церковь, открыть школу, богадѣльню и странноприимный домъ; а между тѣмъ, какъ мы знаемъ, все это уже существовало на самомъ дѣлѣ, и патріархъ Ѳеофанъ, прибывъ въ Кіевъ въ 1620 г., засталъ все готовымъ и остановился въ Братскомъ монастырѣ, и жилъ тамъ «презъ часъ немалый, презъ все лѣто». Подобно Сигизмунду III, и король Михаилъ, выдавая братству грамоту на возстановленіе школы въ 1670 г., объясняетъ, что школа кіевская основана лишь Петромъ Могилой въ 1633 г., по обоюдному согласію со шляхтой и обывателями Кіевскаго воеводства. Не сохранись, напр., королевская грамота 1592 г. Минскому братству, тогда пришлись бы, на основаніи патріаршей грамоты, признать прожившее уже 28 лѣтъ братство «новодруженымъ». Не сохранись братскій упись 1613—15 г. кіевскихъ обывателей, то самое возникновеніе намѣренія создать братство надо было бы отодвинуть до 1629 г., а открытіе школы до 1633 г.

Такимъ образомъ, братскій упись не можетъ быть разсматриваемъ, какъ дѣйствительный и неоспоримый показатель момента начала братства. Онъ имѣетъ значеніе эпохи въ жизни братства: съ этого времени начинается новая, болѣе дѣятельная и самостоятельная, жизнь его въ борьбѣ за православіе; но крѣпнетъ братство лишь послѣ утвержденія его королемъ въ 1629 г. и оффиціальнаго признанія за нимъ правъ лица юридическаго. Поэтому, не запустѣніе и другія невзгоды братской школы до 1629 были причиной пожалованія въ это время королевской грамоты, какъ думали нѣкоторые историографы Кіевской академіи, а отсутствіе у братства правъ юридическихъ, которымъ должна быть также объяснена и его слабая нерѣшительная дѣятельность въ первый періодъ его существованія. Отсюда мы видимъ, что и братскій упись 1613—15 гг. нисколько не противорѣчитъ предположенію о существованіи братства въ концѣ XVI в.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію фундушевой записи въ пользу братства жены мозырскаго маршалка Елисаветы Лозки, извѣстной болѣе подъ именемъ Галжки Гулевичевны. С. Т. Голубевъ предполагаетъ, что запись была дана Гулевичевной не существовавшимъ уже монастырю, школѣ, богадѣльнѣ, а имѣвшимъ еще возникнуть, благодаря ея пожертвованію, обязаннымъ получить ставропигію, т. е., будущему монастырю, будущей школѣ, будущей богадѣльнѣ; но дѣлать такое предположеніе не позволяетъ содержаніе записи и юридическое положеніе братства. Мы видѣли, что хотя братство и получило благословеніе патріарха Тимофея въ 1613 г., хотя это и придавало ему внутреннюю живительную силу для роста и расширенія просвѣтительной и благотворительной дѣятельности, но оно мало имѣло значенія передъ польскими судами и законами, какъ неутвержденное высшей властью королевства. Галжка Гулевичовна, руководимая своимъ мужемъ, который былъ опытнымъ юристомъ, такъ какъ занималъ должности, требовавшія основательнаго знанія законовъ, не могъ не видѣть, что братство, въ случаѣ какихъ-либо тяжебъ, не имѣетъ права выступить на судѣ, что фундушъ во всякое время можетъ быть отсужденъ, отнятъ у братства; поэтому Гулевичовна, жертвуя ему свой дворъ, не называетъ послѣднее по имени, а замѣняетъ его перечисленіемъ тѣхъ сословій (дворянскаго и духовнаго), которыя составляли братство, потому что шляхта и духовенство Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ, въ случаѣ предъявленія на судѣ иска или совершеннаго насилія могли явиться защитниками ея фундуша, какъ лица юридическія. Запись Гулевичовны, такимъ образомъ, нисколько не находится въ противорѣчіи съ существованіемъ братства; напротивъ, она даже подтверждаетъ его. Какъ составленная опытнымъ законовѣдомъ, запись не могла быть дана братству на монастырь и школу, которые должны были еще возникнуть въ будущемъ; въ ту эпоху борьбы и угнетенаго состоянія православія нельзя было поручиться, что эти учрежденія непремѣнно возникнутъ; они могли встрѣтить неодолимыя препятствія и вовсе не появиться на свѣтъ; у братствъ было много враговъ среди уніатовъ и католиковъ, а у Кіевскаго и того больше; этого не могли не предвидѣть составители записи и не могли не оговорить. Но такой оговорки въ этомъ точномъ юридическомъ документѣ нѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что всякій вообще юридическій актъ выдается лишь лицамъ и учрежденіямъ дѣйствительно

существующимъ, а если составляется въ интересахъ лицъ или учрежденій, имѣющихъ родиться или возникнуть, то это оговаривается, во избѣжаніе споровъ въ будущемъ, и ставится непремѣнное условіе на случай ихъ непоявленія; таково общее основное правило составленія записей. Но Гулевичовна не предвидитъ возможности неоткрытія монастыря и школы по той простой причинѣ, что они уже были; напротивъ, она предвидитъ другое, что дѣйствительно могло случиться; предвидитъ возможность захвата, завладѣнія, утѣсненія, несправедливаго суда, даже участія въ тяжбѣ лицъ, принадлежащихъ къ братству или живущихъ на пожертвованной ею землѣ, и только на эти случаи рѣшаетъ, что усадьба должна возвратиться въ ея родъ и что лица, принадлежащія къ братству или живущія на пожертвованной ею землѣ, должны потерять всякія права и быть удалены.

Запись Гулевичовны, упоминая о ставропигіи, подтверждаетъ въ свою очередь, и тотъ фактъ, что братство, благословенное и разрѣшенное патріархомъ Тимофеемъ, пользовалось уже правомъ ставропигіи, подчинялось власти патріарха. Не могла же Гулевичевна предвидѣть пріѣздъ въ Кіевъ черезъ пять лѣтъ патріарха Ѳеофана и быть въ томъ увѣренной; да если бы даже она и предвидѣла, то въ юридическій документъ этого не могло быть допущено. Точно также она не могла знать напередъ, что ставропигія непремѣнно тѣмъ или другимъ путемъ будетъ получена; могло же почему-нибудь этого и не случиться. Юридическіе же документы тѣмъ вѣдь и отличаются отъ письменныхъ памятниковъ иного рода, что въ нихъ констатируются факты дѣйствительно существующіе или дѣйствительно совершившіеся, голая правда. Иначе непремѣнно требуется оговорка; но относительно ставропигіи оговорокъ мы не находимъ; слѣдовательно, она была уже братствомъ получена. Снабженное ставропигіей, братство скоро могло учредить и монастырь при братской церкви, о которой мы скажемъ дальше; онъ могъ возникнуть въ промежутокъ времени между полученіемъ грамоты отъ патріарха Тимофея въ 1613 году и временемъ фундуша Галжки Гулевичовны. Исаія Купинскій, устроявшій позже монастыри въ Полтавщинѣ, а въ то время жившій въ Кіево-Печерской лаврѣ, могъ быть приглашенъ братствомъ и къ устройству монастыря при его церкви, при которой издавна существовала школа, руководимая лишь священникомъ, «попомъ бѣлицкимъ». Такимъ образомъ, и съ этой стороны мы не видимъ никакого противорѣчія между

словами фундушевой записи и тогдашней дѣйствительностью; неудивительно, что Гулевичевна тотчасъ же и вводитъ Исаію Купинскаго и всю братію со школой въ пользованіе ея землей, какъ постоянныхъ, дѣйствительныхъ и ближайшихъ представителей братства. Поэтому, положеніе С. Т. Голубева, что «на самыхъ первыхъ порахъ фундація Гулевичевны къ Кіевскому братству никакого отношенія не имѣла», мы рѣшительно считаемъ недоказаннымъ и, на основаніи всего вышеизложеннаго, утверждаемъ, что между фундаціей и братствомъ существовала тѣсная связь.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ, имѣются-ли какія-либо доказательства, болѣе частныя, существованія церкви и школы при ней, кромѣ того общаго, что, по исконному обычаю, школы заводились обыкновенно при церквяхъ и монастыряхъ съ практической цѣлью приготовлять будущихъ церковно и священно-служителей?

Въ описи г. Кіева 1552 г., напечатанной въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи», издаваемомъ Кіевской археографической коммиссіей [1]), при перечисленіи подольскихъ священниковъ упомянутъ «попъ бѣлицкій». С. Т. Голубевъ считаетъ послѣднее слово нечетко написаннымъ или неправильно прочтеннымъ, какъ сообщило это ему лицо, доставившее актъ въ коммиссію, и допускаетъ, что оно могло означать «богоявленскій», т. е., что существовала церковь Богоявленія, но допускаетъ неохотно, съ большимъ колебаніемъ и не придаетъ этому особеннаго значенія. Мы, съ своей стороны, произвели справку въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ хранятся книги Литовской метрики, въ которыхъ записана опись Кіева 1552 г., и получили оттуда нужное намъ увѣдомленіе и даже снятую чрезъ вощенную бумагу копію этого слова; оказалось, что слово это написано въ актовой книгѣ безъ подчистокъ и поправокъ, крупнымъ полууставомъ, ясно, и не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ правильности его чтенія: «бѣлицкій». Въ такомъ случаѣ приходится обратиться къ опредѣленію значенія этого слова. Въ памятникахъ того времени мы часто встрѣчаемъ указанія на то, что при монастыряхъ, кромѣ монаховъ, жили и свѣтскія лица: ученики и учителя школы, старики и больные въ богадѣльнѣ, пріѣзжіе и богомольцы въ страннопріимномъ домѣ; свѣтскія лица, міряне, жили и на землѣ Гулевичевны, что видно изъ ея фундуша; эти свѣтскія лица называ-

[1]) Ч. VII, т. I. 106.

лись бѣльцами. Въ одномъ помянникѣ прошлаго вѣка мы встрѣтили молитвенное выраженіе за жившихъ и служившихъ при монастырѣ «чернцевъ и бѣльцевъ» [1]); терминъ этотъ употребляется даже и теперь; поэтому, «попомъ бѣлицкимъ» могъ быть священникъ при такой церкви, которая имѣла свою школу, богадѣльню, странноприимный домъ; эти же учрежденія, по духу того времени, могли быть только учрежденіями какого-либо общества, братства, «обивателей, православныхъ и благочестивыхъ христіанъ народу Россійскаго, въ повѣтѣхъ воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго будучихъ, становъ духовныхъ и свѣцкихъ».

Заслуживаетъ вниманія между прочимъ и то, что князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, гетманъ великаго княжества Литовскаго, бывшій ктиторомъ Кіево-Печерской лавры, щедро одарившій ее и погребенный въ ней въ 1526 — 1533 г., послѣ смерти своей на 70 году отъ рожденія, именуется устроителемъ школъ; какъ въ надгробіи въ великой лаврской церкви, такъ и въ эпитафіи въ «Тератургимѣ» Аѳанасія Кальнофойскаго, рядомъ съ сообщеніемъ о пожертвованіяхъ на «храмъ Пресвятіе Богородици Печерскіе, вторую Гипсиманію», говорится и объ основаніи «ради отроковъ училищъ» и «странноприемницъ немощныхъ ради». Не сдѣлалъ-ли онъ что-либо въ этомъ отношеніи для Кіева? Школа въ родномъ Острогѣ была учреждена только его сыномъ, Константиномъ (Василіемъ) Константиновичемъ въ концѣ XVI в., а если и реформирована послѣ созданія ея отцомъ его, то этого одного послѣдняго факта было недостаточно для эпитафіи. Думается, поэтому, что именно княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ основана кіевская школа въ первой четверти XVI в., перешедшая позже къ братству, и что именно имъ былъ избранъ въ руководители тотъ «бѣлицкій попъ», о которомъ упоминаетъ люстрація 1552 года.

Что братство, его монастырь и школа не были чѣмъ-то новымъ, косвеннымъ тому доказательствомъ можетъ служить «Кіевская лѣтопись [2])», помѣщенная въ «Сборникѣ лѣтописей,» изданномъ Кіевской археографической коммиссіей; часть ея съ 1608 по 1621 г. написана самовидцемъ, современникомъ-кіевлянином, и сообщаетъ весьма цѣн-

[1]) Ѳ. А. Фотинскій: «Краткое описаніе памятниковъ древности, поступившихъ въ Волын. епарх. древлехранилище». Вып. 2-й. Почаевъ. 1894 г., стр. 34.

[2]) Сборн. лѣтопис., стр. 73—92.

ныя подробности изъ мѣстной жизни за этотъ періодъ; такъ, напр., она содержитъ въ себѣ обстоятельный разсказъ о ремонтѣ соборной церкви Успенія Пресв. Богородицы, начатомъ въ 1613 г. по благословенію константинопольскаго патріарха Тимофея, сообщаетъ о смерти и погребеніи священника Василія Чернобровки, «игумена матербозского»; наконецъ, подробно передаетъ о дѣйствіяхъ патріарха Ѳеофана во время пребыванія его въ Кіевѣ, приводитъ въ переводѣ своемъ переписку патріарха съ королемъ и гетманомъ, въ которой патріархъ убѣждаетъ послѣдняго и козаковъ его ополчиться, вмѣстѣ съ королемъ, противъ турокъ; въ заключеніе лѣтописецъ говоритъ, что, разставаясь съ козаками, провожавшими его «до Волоское границы», патріархъ «широкими словы чрезъ тлумача мовилъ», чтобы они «боронили» себя «отъ ярма поганскаго [1])»; и вотъ при такихъ-то подробностяхъ о мѣстныхъ событіяхъ ни слова не говорится ни о возникновеніи братства, ни монастыря, ни школы, ни богадѣльни, о такихъ крупныхъ фактахъ, которые происходили на глазахъ этого лѣтописца одновременно съ ремонтомъ Успенскаго собора. Сказавши о пріѣздѣ патріарха Ѳеофана въ Кіевъ 22 марта 1620 года, онъ прибавляетъ: «сталъ у монастырѣ Братскомъ, былъ принятый зъ великою честью отъ духовныхъ и отъ свѣцкихъ людей; на другой день приходилъ до соборнои церкви Успения Пресвятои Богородици». Спустя нѣсколько дней, именно, 9 апрѣля, «служилъ службу Божию въ церкви соборной, и съ нимъ протосиггелъ патріарха константинопольскаго и священники киевские значное отправовали набоженство». Изъ этого разсказа лѣтописи и его умолчанія о началѣ братства и монастыря несомнѣнно слѣдуетъ, что для автора лѣтописи, какимъ могъ быть Богданъ Балыка, сынъ кіевскаго войта, существованіе и братства и монастыря такой общеизвѣстный и старый фактъ, о которомъ странно было ему даже и говорить, какъ не говоритъ онъ ничего ни о Лаврѣ, ни о Софійскомъ соборѣ, а отмѣчаетъ лишь мимоходомъ происходящія въ нихъ событія; онъ умалчиваетъ даже о грамотѣ Ѳеофана братству. Не могъ же онъ этого не знать.

---

[1]) Въ лѣтописи встрѣчается даже такой фактъ, который могъ быть записанъ только современникомъ-кіевлянином: разсказавъ о появленіи Димитрія-самозванца и жизни его въ Печерскомъ монастырѣ въ качествѣ «черица», лѣтописецъ прибавляетъ въ концѣ: «пришелъ до Кіева октебрія 7 дня, былъ въ Киевѣ две недели, *стоялъ у Олехновича бурмистра*», и т. д. (стр. 78).

Что касается, въ частности, до храма при братствѣ, то изъ умолчанія лѣтописи кіевскаго войтовича о сооруженіи его мы въ правѣ думать что онъ въ 1613 — 20 гг., существовалъ; между тѣмъ изъ писемъ братчиковъ въ Москву и просьбы ихъ къ царю о пожертвованіи на окончаніе храма въ 1625 — 26 гг.[1]) несомнѣнно слѣдуетъ, что храмъ оканчивался постройкой. Отсюда мы позволяемъ себѣ сдѣлать такое предположеніе: въ 1620 г., при пріѣздѣ патріарха Ѳеофана существовала ветхая церковь; въ 1622 г., послѣ фундаціи гетмана Сагайдачнаго, начата постройка новой; если бы конецъ лѣтописи Богдана Балыки сохранился, то въ ней несомнѣнно были бы разсказаны подробности новаго сооруженія; но, къ несчастію, Кіевская лѣтопись обрывается на 1621 г.; окончаніе утрачено; письма же братства въ Москву показываютъ, что церковь должна была окончиться отдѣлкой въ 1626 или 27 году.

Другимъ косвеннымъ доказательствомъ существованія школы въ Кіевѣ въ болѣе ранній періодъ является спеціальный кіевскій почеркъ, который выработался здѣсь въ какой-то школѣ, ибо почеркъ судебныхъ канцелярій значительно разнится отъ школьнаго; въ XVII и XVIII вв. онъ несомнѣнно принадлежалъ братской школѣ; школа изъ поколѣнія въ поколѣніе преемственно передавала своимъ ученикамъ особенности письма, и распространеніе его мы замѣчаемъ среди козачества на югѣ Кіевской земли, и въ Лѣвобережной украинѣ, и въ Кіевскомъ полѣсьи. Сохраняясь въ своей наибольшей чистотѣ и красотѣ въ рукописяхъ кіевлянъ, почеркъ разнообразится лишь въ незначительной степени по мѣстностямъ. Онъ является такимъ образомъ вещественнымъ доказательствомъ существованія школы. Мы неоднократно, при случаѣ, указывали уже на этотъ фактъ, и теперь напоминаемъ только о немъ, потому что подробности далеко увлекли бы насъ въ дебри палеографіи, тогда какъ каждый желающій можетъ ознакомиться съ нимъ по рукописямъ Центральнаго архива университета и Церковно-археологическаго музея академіи. Этотъ почеркъ даетъ возможность узнавать и воспитанниковъ Кіево-братской школы. Зная, напр., хорошо почеркъ гетмана Богдана Хмельницкаго, мы положительно утверждаемъ, что онъ былъ воспитанникомъ мѣстной школы, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ и южнорусскія лѣтописи. «Акты Мос-

[1]) Архивъ Ю. З. Рос., ч. I, т. 6-й, стр. 551—553 и 573—574.

ковскаго государства», изданные Императорской Академіей Наукъ, различаютъ образованныхъ козаковъ отъ простаго народа, называя вездѣ первыхъ «письменными», и позволяютъ заключать о большемъ числѣ таковыхъ, ибо отмѣчаютъ ихъ, какъ особую группу въ козачествѣ, а объ одномъ козакѣ акты говорятъ: «а тотъ-де Ѳедька у нихъ честенъ, и умѣетъ многимъ языкомъ, и преже сего бывалъ у черкасъ же въ полковникахъ [1])». Гдѣ же могло получать козачество образованіе, какъ не въ Кіевѣ, къ судьбѣ котораго оно относилось съ большой заботой, а гетманы своими универсалами и оружіемъ охраняли его; Петръ-же Конашевичъ-Сагайдачный даже обогатилъ своимъ взносомъ братство. Неужели они ѣздили для полученія образованія въ польскія школы или въ виленскую и львовскую? Едва-ли. Для многихъ это могло быть и слишкомъ далеко и не совсѣмъ выгодно.

Если вѣрить донесенію путивльскихъ воеводъ, то Кіевское братство имѣло даже свою типографію. Въ 1630 г. путивльскій торговецъ Иванъ Кобыляковъ, возвратясь изъ-за рубежа, привезъ съ собою книжку литовской печати; въ виду существовавшаго запрещенія ввоза въ Московское государство книгъ изъ Южной Руси изъ боязни распространенія ересей, путивльскіе воеводы арестовали торговца, а привезенную имъ книжку «досматривали»; а такъ какъ они «досматривали» всегда строго, то нашли, что она «Молитовникъ литовская, кіевская печать Богоявленскаго монастыря изъ братства»; по важности случая воеводы донесли въ Разрядъ. Послѣдній рѣшилъ: «мужика свободить, а книжку прислать къ Москвѣ». Впослѣдствіи воеводы получили увѣдомленіе изъ приказа, что книжка была отнесена «къ великому государю Филарету Никитичу, святѣйшему патріарху московскому», который и оставилъ ее у себя [2]). Несомнѣнно, что въ предисловіи къ книжкѣ что-то говорилось о братствѣ; путивльскіе воеводы ошибиться не могли; но утверждать, что братство имѣло свою типографію мы также не рѣшаемся, по исключительности выше приведеннаго факта и недостатку для этого другихъ данныхъ, а потому ограничиваемся заключеніемъ, что существовавшія въ Кіевѣ въ 1625—1630 гг. частныя типографіи Тимофея Вербицкаго и Спиридона Соболя [3]) имѣли, вѣро-

[1]) Акты Москов. госуд., I, 107, № 70.

[2]) Акты Москов. государ., I, 311.

[3]) «Петръ Могила». С. Голубева, т. I, 410.

ятно, какое-нибудь отношеніе къ братству: или типографщики были членами братства, или они основали и содержали типографію при матеріальной поддержкѣ братства.

Полагаемъ, что, на основаніи вышеизложеннаго, мы въ правѣ сказать, что Кіевская академія переживаетъ въ настоящее время четвертое столѣтіе своего славнаго бытія.

И. Каманинъ.

ОБЩІЕ ИТОГИ НАУЧНАГО ТВОРЧЕСТВА

проф. А. Ѳ. Кистяковскаго [1]).

13-го января текущаго года истекло уже 10 лѣтъ со дня смерти профессора нашего Университета А. Ѳ. Кистяковскаго, а между тѣмъ живая память объ его дѣятельности не померкла въ обществѣ. Первая новогодняя книжка «Кіевской Старины» посвящена воспоминаніямъ объ его личной и общественной жизни и оцѣнкѣ его научнаго творчества, принадлежащей перу не только мѣстныхъ научныхъ силъ, но и петербургскихъ. Такое отзывчивое отношеніе къ памяти покойнаго далеко не случайное; секретъ его скрывается какъ въ его обширныхъ научныхъ заслугахъ, такъ и въ его выдающейся публицистической и общественной дѣятельности, исполненной безкорыстія, гуманности, честнаго и цѣльнаго склада убѣжденій и самоотверженной энергіи. Всему, къ чему А. Ѳ. прилагалъ свои силы, онъ отдавалъ себя всецѣло, не щадя этихъ силъ; вездѣ, гдѣ онъ проводилъ свои взгляды и убѣжденія—съ каѳедры, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ печати,—онъ выражалъ ихъ открыто, прямо, не прячась и не скрывая ихъ изъ страха, мнимаго или дѣйствительнаго, испортить свои отношенія или подорвать свое положеніе. Конечно, такой образъ дѣйствій, не чуждый иногда болѣзненнаго раздраженія, неминуемо долженъ былъ

---

[1]) *Источники*: Сочиненія автора; Некрологъ о немъ В. Володимірова, Жур. угол. и граж. права, 1885 г., стр. 13—48; В. Володиміровъ, А. Ѳ. Кистяковскій и его ученые труды, тотъ-же жур., 1885 г., май, стр. 1—86; Л. Бѣлогрицъ-Котляревскій, Очеркъ научной дѣятельности проф. А. Ѳ. Кистяковскаго, Кіев. Старина, 1885 г.; В. Науменко, Біограф. очеркъ покойнаго съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи, Кіев. Старина, 1895 г., январь, стр. 1—48; И. Лучицкій, Труды А. Ѳ. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права, тамъ-же, стр. 64—81; И. Фойницкій, А. Ѳ. Кистяковскій какъ криминалистъ, тамъ-же, 88—102.

вызвать личныя столкновенія, а слѣдовательно и вражду, но онъ въ тоже время закрѣпилъ за нимъ ту широкую популярность и глубокое уваженіе, которыя особенно ярко сказались послѣ его смерти не только въ Кіевѣ, но и за его предѣлами, и которыя до сихъ поръ еще не умерли въ обществѣ. Лучшей, самой симпатичной чертой А. Ѳ., какъ человѣка, была его гуманность, любовь къ ближнему, составлявшая, такъ сказать, органическую черту его природы; она проходитъ красной нитью по всей его жизни, проявлялась какъ въ отношеніяхъ къ студентамъ, всегда доступныхъ и проникнутыхъ теплотою, готовностью помочь всѣмъ—совѣтомъ, рекомендаціей и даже матеріальной поддержкой, такъ и въ равноправныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ никогда не таилъ слѣпой прямолинейной злобы къ врагамъ, отдавая и имъ должное, и, наконецъ, въ самомъ выборѣ темъ для ученыхъ работъ; лучшія его монографіи посвящены такимъ вопросамъ, какъ смертная казнь, мѣры обезпеченія явки въ судъ, положеніе малолѣтнихъ преступниковъ, вопросамъ, касающимся самыхъ тяжелыхъ сторонъ мрачной судьбы униженныхъ и оскорбленныхъ.

Всесторонней, однако, оцѣнкѣ общественной дѣятельности покойнаго А. Ѳ. еще не наступило время, такъ-какъ многіе интересы, противъ которыхъ онъ боролся или которые онъ защищалъ, еще не утратили своей остроты и чисто личныхъ чертъ. Поэтому теперь можетъ быть рѣчь только объ его научной дѣятельности, объ его заслугахъ въ сферѣ науки. Совершенно умѣстно, думается мнѣ, вспомнить объ этой сторонѣ дѣятельности покойнаго въ Обществѣ лѣтописца Нестора; правда, наиболѣе энергіи и труда посвятилъ покойный задачамъ мѣстнаго Юридическаго Общества, предсѣдателемъ котораго онъ непрерывно состоялъ въ теченіи 6 лѣтъ, но онъ не мало сдѣлалъ и для научныхъ интересовъ Общества лѣтописца Нестора, давъ основаніе даже одному изъ старѣйшихъ членовъ послѣдняго объявить на могилѣ покойнаго, что его дѣятельность равно плодотворна для обоихъ этихъ обществъ.

Само собою понятно, что полная оцѣнка научныхъ заслугъ А. Ѳ. не возможна въ краткой рѣчи; здѣсь могутъ быть указаны только важнѣйшіе, общіе научные его выводы, представляющіе, такъ сказать, квинтъ-эссенцію его трудовъ. Эти выводы сосредоточены, главнымъ образомъ, во второмъ изданіи его учебника уголовнаго права, въ

этомъ заключительномъ произведеніи его научнаго творчества. Какіе же, спрашивается, эти выводы?

Прежде всего, по его мнѣнію, уголовное право, какъ и всякая отрасль обществовѣдѣнія, подчинена закону органическаго развитія, подобнаго тому, который опредѣляетъ положеніе языка и религіи въ народѣ. На почвѣ жизненныхъ потребностей, господствующихъ въ данное время, устанавливаются извѣстныя нравоотношенія, которыя и закрѣпляются уголовнымъ закономъ. Уголовный законъ, такимъ образомъ, есть только закрѣпленіе тѣхъ правовыхъ отношеній, которыя выработаны народной жизнью, или, говоря иначе, одинъ изъ органовъ народнаго сознанія о правомъ и неправомъ въ данную минуту. Вообще, право не есть дѣло личнаго произвола, и законодатель, считающій себя творцомъ закона, въ сущности невѣдомо для себя является только органомъ отдѣльнаго момента въ исторіи развитія права. Сообразно съ симъ, и наука уголовнаго права есть только объясненіе, развитіе и углубленіе тѣхъ понятій, которыя живутъ въ сознаніи общества о преступленіи и наказаніи, одинъ изъ органовъ, посредствомъ котораго выражаетъ себя и развивается уголовное право. Самыя, по-видимому, самостоятельныя философскія построенія, носящія на себѣ внѣшнюю печать индивидуальности писателя-криминалиста, въ концѣ концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ цѣломъ народѣ или въ такъ называемомъ обществѣ. Выражая понятія и убѣжденія о правомъ и неправомъ, живущія въ народѣ, а слѣдовательно и освящая соотвѣтствующія правоотношенія, достигшія полнаго признанія, наука уголовнаго права подчиняется закону постоянства. Но потребности и отношенія не остаются неизмѣнными; они, будучи произведеніемъ человѣка, существа развивающагося, вмѣстѣ съ нимъ видоизмѣняются; органомъ этихъ новыхъ народившихся потребностей и отношеній, еще не достигшихъ общаго признанія, и является наука уголовнаго права, которая въ этомъ случаѣ подчиняется закону движенія, дѣйствующему также неизбѣжно, какъ и законъ постоянства (Учебникъ, стр. 54—56).

Это ученіе А. Ѳ. о правообразованіи и вліяніи на него науки весьма близко примыкаетъ къ ученію исторической школы Пухты и Савиньи о чисто объективномъ творчествѣ народнаго духа, исключающемъ всякую роль индивидуальнаго убѣжденія, и, какъ таковое, раздѣляетъ его ошибки, увлеченія. Справедливо, что главная роль въ

правообразованіи принадлежитъ общенароднымъ потребностямъ и правовоззрѣніямъ, но невозможно отрицать вліяніе на него и воли отдѣльныхъ лицъ, мощныхъ силой или умомъ. Факты исторіи показываютъ, что, благодаря просвѣщенному и гуманному настроенію руководящихъ лицъ общества, какъ правителей, такъ и государственныхъ мужей, образованіе права вообще и уголовнаго въ частности въ отдѣльныхъ государствахъ въ данное время получало болѣе быстрый и совершенный ходъ, чѣмъ въ другое менѣе благопріятное для того время, подчиняясь, такимъ образомъ, болѣе закону движенія, динамики, чѣмъ постоянства, или статики. Съ другой стороны, невозможно отрицать вліяніе на правообразованіе и науки вообще или науки права въ частности; болѣе сильные умомъ мыслители не ограничиваются только выясненіемъ и углубленіемъ понятій о правомъ и неправомъ, живущихъ въ обществѣ, они нерѣдко идутъ впереди его и создаютъ новыя понятія, подсказываютъ новыя потребности, являясь, какъ долженъ былъ признать и самъ А. Ѳ., органомъ этихъ новыхъ потребностей и отношеній. Вообще, мысль о вліяніи индивидуальнаго момента на правообразованіе не была совершенно чужда покойному профессору; она сказалась какъ въ приведенномъ замѣчаніи, такъ еще болѣе въ другихъ, гдѣ онъ признаетъ, что наука должна идти впереди народнаго сознанія, явиться его руководящей силой, если новая идея или истина отвѣчаетъ потребностямъ общаго блага (Учеб., стр. 112—113), а также что въ дѣлѣ постепеннаго сокращенія объема примѣненія смертной казни извѣстную роль съиграли «усилія тѣхъ писателей и государственныхъ людей, которыя словомъ и дѣломъ способствовали уменьшенію смертныхъ казней и вѣры въ необходимость и полезность этого наказанія» (Изслѣд. о см. казни, стр. 28, 201—203, 279). Только эта мысль закрывалась въ умѣ А. Ѳ. представленіемъ, навѣяннымъ, надо думать, изслѣдованіемъ исторіи смертной казни, о преобладающей, господствующей роли общихъ факторовъ—народныхъ воззрѣній и отношеній, представленіемъ, которое и помѣшало ему опредѣлить должное значеніе индивидуальнаго момента въ общественныхъ явленіяхъ. Не смотря на это увлеченіе покойнаго, приводящее его къ самопротиворѣчію (ср. стр. 54, 190 и 113), его объективное направленіе не лишено своего жизненнаго смысла; оно было реакціей, доведенной, какъ это чаще всего бываетъ, до крайности, противъ направленія субъективнаго или метафизическаго, особенно

господствовавшаго въ наукѣ XVIII и начала XIX вв., когда индивидуальному разуму приписывалась непомѣрно широкая роль, затмѣвавшая значеніе общественныхъ факторовъ. Ученіе А. Ѳ. было предостереженіемъ для юристовъ своего отечества противъ увлеченія нѣмецкой метафизикой, забывающей явленія дѣйствительной жизни и факты исторіи, противъ излишней вѣры во всемогущество творческой дѣятельности личнаго разума.

Свой объективный взглядъ на науку уголовнаго права А. Ѳ. еще ярче выразилъ въ ученіи о методахъ ея обработки, которыхъ онъ различаетъ три—догматическій, историческій и сравнительный (Учеб., стр. 33—35). Догматическій методъ, по его опредѣленію, есть систематическое изслѣдованіе и объясненіе въ цѣломъ и подробностяхъ дѣйствующаго уголовнаго права даннаго народа, раскрытіе смысла законовъ и лежащихъ въ нихъ основаній, въ одно и тоже время объединеніе ихъ одной общей идеей и анализъ, разложеніе ихъ на составныя части. Этотъ методъ, замѣчаетъ онъ, преобладаетъ и большею частью даже исключительно примѣняется въ европейскихъ университетахъ, но онъ самъ по себѣ, безъ помощи другихъ методовъ, давалъ чрезвычайно скудныя и мало состоятельныя философскія положенія. Отсюда, съ перваго взгляда, можно было бы заключить, что А. Ѳ. вообще врагъ догматической разработки уголовнаго права; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что онъ отрицательно относится только къ метафизикѣ, а не къ положительному изслѣдованію. Положительное изслѣдованіе, состоящее въ изученіи дѣйствующаго права въ цѣляхъ не только выясненія и оправданія его современнаго жизненнаго смысла, но и опредѣленія условій его дальнѣйшаго развитія, прогресса, сообразно съ видоизмѣняющимися потребностями и отношеніями, всегда пользовалось сочувствіемъ А. Ѳ., который оставилъ образцы такого изслѣдованія какъ въ рядѣ статей, такъ и въ частяхъ значительныхъ монографій, таково, напр., его прекрасное догматическое изученіе мѣръ пресѣченія по судебнымъ уставамъ въ его диссертаціи по этому вопросу, его обстоятельное изложеніе постановленій общей части улож. о наказ. въ приложеніяхъ къ его учебнику угол. права и др. Напротивъ, метафизическіе пріемы изслѣдованія, стремящіеся изъ готовыхъ предвзятыхъ идей исключительно усиліями разума, безъ справки съ явленіями дѣйствительности, вывести положенія дѣйствующаго права, всегда встрѣчали энергическій протестъ покойнаго, до-

казывавшаго всю безполезность подобныхъ построеній. Нѣтъ ничего безплоднѣе, говоритъ онъ, какъ отвлеченно-схоластическое, помимо исторіи и дѣйствительной жизни, рѣшеніе вопроса; подобный способъ не можетъ повести ни къ какимъ научнымъ результатамъ; онъ порождаетъ только безполезныя словопренія и игру въ слова (Изслѣд. о см. казни, стр. 276); здѣсь болѣе господствуетъ метафизика, руководимая разумомъ, не справляющимся съ фактами, чѣмъ положительная философія, старающаяся ближе уразумѣть сущность явленія и построить общее на основаніи той же дѣйствительности (Учеб., стр. 45). Такое рѣзко-враждебное отношеніе А. Ѳ. къ метафизическимъ пріемамъ изученія уголовнаго права объясняется впечатлѣніями, вынесенными имъ какъ изъ слушанія лекцій своего профессора С. О. Богородскаго, такъ и изъ знакомства съ лучшими нѣмецкими учебниками и изслѣдованіями 40-хъ и 50-хъ годовъ. Эти впечатлѣнія говорили ему, что за произвольно-метафизическими понятіями и діалектическими тонкостями, на которыхъ покоятся логическія и послѣдовательныя построенія извѣстныхъ криминалистовъ—Кестлина, Гельшнера, Бернера перваго періода его ученой дѣятельности, а также нашего Богородскаго, забыта вся реальная жизнь человѣка съ ея видоизмѣнившимися потребностями и отношеніями, заслуживавшими вниманія къ себѣ и авторитетной научной поддержки, каковы, напр., вопросъ о нецѣлесообразности тѣлесныхъ наказаній, клейменія и выставки къ позорному столбу; мало того, замѣтно даже враждебное отношеніе къ гуманнымъ завоеваніямъ просвѣщенной культуры 18 в. (Учебникъ, стр. 168—169; С. О. Богородскій и его ученая дѣятельность, Ж. М. Ю., 1863 г., № 9-й).

Отрицательное отношеніе А. Ѳ. къ метафизикѣ не означаетъ, однако, вражды его къ философіи; напротивъ, какъ видно уже изъ приведеннаго выше текста, онъ признавалъ плодотворную роль той позитивной философіи, которая зиждетъ свои построенія путемъ и на основаніи изученія явленій дѣйствительности. Такую именно философію мы встрѣчаемъ въ изслѣдованіяхъ его по вопросамъ уголовной политики и, между прочимъ, въ лучшей монографіи покойнаго «О смертной казни», которая разработана, по словамъ самаго автора, по методу философско-историческому (см. Изсл. о смерт. казни, предисл. и стр. 11). Философскій методъ въ чисто-юридическихъ построеніяхъ автора переходитъ въ дедуктивный, состоящій въ томъ, что онъ об-

щія положенія отдѣльныхъ ученій устанавливаетъ не на основаніи исключительно началъ положительнаго права, а путемъ обобщенія и анализа всевозможныхъ правовыхъ фактовъ и явленій, хотя бы они и не были объяты нормами дѣйствующихъ кодексовъ. Господство дедуктивнаго метода особенно видно въ первой половинѣ учебника уголовн. права, въ ученіи о преступленіи; здѣсь А. Ѳ. предлагаетъ намъ не научный только комментарій общей части отечественнаго кодекса, какъ поступаютъ большею частью французскіе криминалисты, а философію, такъ сказать, общей части угол. права, на основаніи началъ теоріи и сравнительнаго изученія постановленій кодексовъ. Постановленія кодексовъ служатъ для А. Ѳ. лишь матеріаломъ для построенія общихъ положеній и подкрѣпленіемъ правильности сдѣланныхъ выводовъ; выводы же устанавливаются путемъ изученія разныхъ взглядовъ теоріи и законодательства, сведенія ихъ къ немногимъ типамъ и затѣмъ сопоставленія и оцѣнки. Нѣтъ, такимъ образомъ, ни апріорныхъ умозрительныхъ положеній, ни систематизаціи только началъ дѣйствующаго права, хотя бы и на основаніи данныхъ практики и началъ науки, какъ это имѣетъ мѣсто при индуктивномъ методѣ, а предлежитъ построеніе *общихъ принциповъ* науки уголов. права по методу дедуктивному или, какъ бы сказалъ А. Ѳ., по методу *философско-позитивному* (см. Учеб., предисл., IV и Изсл. о смерт. казни, стр. 11). Изъ сказаннаго видно, какъ велика ошибка тѣхъ, которые считаютъ А. Ѳ. представителемъ почти исключительно аналитическаго, индуктивнаго метода изслѣдованія; въ этомъ мнѣніи, объясненіе котораго можно видѣть въ нѣкоторой неясности и даже самопротиворѣчіи замѣчаній покойнаго по данному вопросу, справедливо только то, что болѣе высокое научное значеніе представляютъ труды покойнаго, въ которыхъ преобладаетъ историческое изслѣдованіе вопроса.

Подъ историческимъ методомъ науки угол. права А. Ѳ. разумѣлъ изученіе зарожденія, развитія и накопленія понятій уголовнаго права, отъ ихъ начала до позднѣйшихъ временъ въ ихъ постепенномъ видоизмѣненіи и развитіи (Учеб., стр. 31). Начало же этихъ понятій относится еще къ первобытной эпохѣ, почему необходимо изученіе первобытнаго права какъ культурныхъ народовъ, такъ и современныхъ дикихъ или полудикихъ племенъ; матеріалъ для него можно найти въ запискахъ путешественниковъ и изслѣдователей, въ литературныхъ и художест-

венныхъ памятникахъ, какъ-то—въ произведеніяхъ поэтовъ и чисто народнаго творчества—въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и т. п., а также въ уцѣлѣвшихъ обломкахъ древнихъ обычаевъ (Учебникъ, стр. 4, 31—32). Изученіе первобытнаго права, по мнѣнію А. Ѳ., должно пролить свѣтъ какъ на общій генезисъ понятій о преступленіи и наказаніи, такъ и на отдѣльные институты уголовнаго права раннихъ эпохъ, теперь изображаемые наукой часто такими чертами, которыя свойственны болѣе позднимъ періодамъ (Учеб., стр. 4—5).

Наконецъ, подъ методомъ сравнительнымъ А. Ѳ. понималъ въ окончательномъ его осуществленіи изученіе уголовныхъ законовъ всѣхъ временъ и народовъ, а въ ближайшихъ попыткахъ изложеніе уголов. законовъ двухъ, трехъ или нѣсколькихъ народовъ; такимъ образомъ, онъ долженъ обнять какъ дѣйствующіе угол. законы въ ихъ теоретическомъ и практическомъ примѣненіи, такъ и уголов. законы въ ихъ постепенномъ историческомъ развитіи (Учеб., стр. 33). По его мнѣнію, только тогда, когда будетъ открыто, пересмотрѣно и переработано уголовное право всѣхъ формацій, всѣхъ періодовъ и всѣхъ народовъ получится возможность создать науку угол. права въ ея истинномъ философскомъ значеніи, ибо только тогда достижимы высшее обобщеніе, установленіе законовъ, по которымъ угол. право развивается, выясненіе не эфемерныхъ, а осуществимыхъ задачъ будущаго (Учеб., стр. 45). Однако, для выполненія этой цѣли недостаточно изученія исторіи уголов. права, необходимо обращеніе къ общей внутренней исторіи человѣчества, къ исторіи его культуры и цивилизаціи, которая имѣетъ въ виду открытіе законовъ постепеннаго развитія человѣка и изображеніе этого развитія и его моментовъ. Обращеніе къ общей исторіи необходимо потому, что она проливаетъ свѣтъ на угол. право прежнихъ формацій, многія институты котораго безъ нея казались бы совершенно произвольными и даже нелѣпыми, каковы напр. суды божіи и пытка, раскрываетъ причины смѣняемости однихъ системъ преступленій и наказаній другими и, наконецъ, указываетъ источникъ прогрессивности дѣйствующихъ институтовъ угол. права (Учеб., стр. 41—44). Таковъ идеалъ научнаго построенія уголовнаго права, которое, по мысли покойнаго, только подъ этимъ условіемъ и можетъ получить названіе общаго уголовнаго права, т. е. изложенія общихъ началъ, выработанныхъ совокупною жизнью цѣлаго человѣчества (Учеб., предисл. и стр. 30). Этимъ именемъ покойный

назвалъ и свой учебникъ угол. права, прекрасно сознавая, какъ далекъ его трудъ отъ осуществленія названнаго идеала, отъ поставленной имъ громадной задачи; но это вина, замѣчаетъ онъ, не моя исключительно, а настоящаго состоянія науки, представляющей очень скудную разработку историческаго и современнаго состоянія угол. права другихъ народовъ, кромѣ европейскихъ (Учеб., предисл.). Мало того, историческая и сравнительная разработка угол. права даже европейскихъ народовъ находится только въ зачаточномъ состояніи, ибо, во 1-хъ, не исчерпана достаточно даже исторія угол. права отдѣльныхъ народовъ, а первобытное ихъ право совсѣмъ не затронуто, и во 2-хъ, законы даже періодовъ феодализма и абсолютизма въ Европѣ не достаточно обслѣдованы сравнительнымъ методомъ (Учеб., стр. 35).

Приведенные взгляды А. Ѳ. на историческій и сравнительный методъ разработки науки угол. права и на ея задачи справедливы, разумѣется, только какъ конечный идеалъ, къ которому должна стремиться наука; иначе они представляются своего рода увлеченіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, если наука угол. права можетъ быть названа этимъ именемъ въ истинномъ смыслѣ только какъ изложеніе общихъ началъ, выработанныхъ совокупною жизнью цѣлаго человѣчества, то, очевидно, что построеніе ея прежде разработки угол. права всѣхъ временъ и народовъ преждевременно и существующіе труды въ области угол. права лишены научнаго характера. Однако, самъ А. Ѳ. не рѣшился логически послѣдовать своему исходному положенію и изданіемъ учебника общаго угол. права лучше всего доказалъ его крайность и ошибочность. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что наука угол. права имѣетъ дѣло не только съ исторіей, но и съ догмой, а послѣдняя для своихъ успѣховъ вовсе не требуетъ изученія дѣйствующаго права всѣхъ народовъ, какъ культурныхъ, такъ и некультурныхъ; такое универсальное, такъ сказать, изученіе права важно для его исторіи; но оно далеко не такъ важно для догмы права, разработкѣ котораго болѣе содѣйствуетъ дедуктивный методъ изслѣдованій, чѣмъ индуктивный; здѣсь достаточно болѣе доступнаго для человѣческихъ силъ изученія положительнаго права болѣе культурныхъ народовъ, какъ это имѣетъ мѣсто на самомъ дѣлѣ и какъ долженъ былъ поступить и самъ покойный въ найболѣе богатомъ положительными источниками изслѣдованіи о смертной казни (см. стр. 232—241).

Реальная постановка болѣе широкой задачи—обнять законы всѣхъ и даже большей части народовъ не только не помогла бы развитію науки угол. права, а скорѣе его затормозила бы, такъ-какъ отвлекла бы научныя силы на долгое собираніе и изученіе чрезмѣрнаго объемомъ сыраго матеріала и тѣмъ помѣшала бы непосредственному творчеству, разработкѣ и безъ того обширнаго матеріала, чрезвычайно важной для успѣховъ правовой жизни. Вообще, едвали цѣлесообразно, думается мнѣ, ставить наукѣ какъ реальныя, такія задачи, которыя могутъ быть осуществлены усиліями только цѣлаго ряда поколѣній.

Не смотря па такую непомѣрно-широкую постановку А. Ѳ. вопроса о задачахъ и методахъ науки угол. права, его взгляды не лишены своего важнаго жизненнаго значенія, какъ дальнѣйшее развитіе мысли о необходимости позитивной разработки угол. права. Многократное повтореніе А. Ѳ. этой мысли не безполезно потому, что, какъ болѣе или менѣе вѣрно замѣтилъ онъ, въ общемъ въ работахъ по уголовному праву господствуетъ скорѣе доктринерство, чѣмъ изслѣдованіе, болѣе страсть къ схоластическимъ спорамъ и мелкимъ контроверзамъ, чѣмъ стремленіе къ уразумѣнію дѣйствительныхъ явленій (Учеб., стр. 45). И въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ трудамъ многихъ даже сильныхъ умомъ современныхъ нѣмецкихъ криминалистовъ, какъ напр. Биндингъ, Гельшнеръ, Кесслеръ, Ортманъ, Конъ и др., мы находимъ у нихъ не мало схоластическихъ положеній, діалектическихъ тонкостей и контроверзъ, часто только затемняющихъ вопросъ и жизненную природу даннаго правоваго явленія, такъ-что сама собою напрашивается мысль, что наука угол. права пріобрѣла бы значительно больше, если бы усилія названныхъ криминалистовъ были направлены на историческую и сравнительную разработку положительнаго правоваго матеріала; здѣсь ихъ схоластика, діалектическая игра словъ нашла бы гораздо менѣе почвы для своего приложенія, отчего выводы и положенія ихъ получили бы болѣе жизненное значеніе. Говоря это, я вовсе не раздѣляю замѣтно сквозящей мысли А. Ѳ. о меньшей важности или плодотворности догматической разработки угол. права (см. Учеб., стр. 33—35 и пр.), а признаю только, что послѣдняя должна состоять, главнымъ образомъ, въ изученіи жизненнаго смысла правовыхъ явленій во всей ихъ обстановкѣ и въ созданіи положеній, наиболѣе отвѣчающихъ дѣйствительности, съ возможнымъ устраненіемъ схоластическихъ и діалектическихъ построеній.

Въ заключеніе разсмотримъ взглядъ А. Ѳ. на роль обычая въ уголовномъ правѣ. Этотъ взглядъ, надо признаться, не лишенъ нѣкоторой неопредѣленности и противорѣчія. Сказанное замѣчается даже въ учебникѣ уголовнаго права; такъ, раздѣляя уголов. законы, какъ матеріалъ науки угол. права, на три категоріи: законы писанные, законы, установленные обычаемъ, и законы въ ихъ судебномъ примѣненіи, А. Ѳ. находитъ, что при догматической разработкѣ угол. права не приходится обращаться къ обычаю, ибо, если не считать обычнаго толкованія закона въ судебной практикѣ, уголовные законы въ видѣ обычая въ тѣсномъ смыслѣ или неписаннаго права, вышли изъ употребленія у нынѣшнихъ европейскихъ народовъ (стр. 30—31). Совершенно иное значеніе обычаевъ, замѣчаетъ онъ, для историческаго и сравнительнаго изученія угол. права; здѣсь обычай является однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ, который тѣмъ важнѣе, чѣмъ древнѣе изслѣдуемая эпоха, ибо тогда уголов. право существовало только въ видѣ обычаевъ, которые были закрѣплены позднѣе писаннымъ словомъ (стр. 31—33). Однако, далѣе, въ ученіи объ угол. законѣ, мы читаемъ, что современное угол. право создается, главнымъ образомъ, законодательной дѣятельностью, при чемъ не исключается абсолютно дѣятельность и обычая, который, правда, имѣетъ весьма ограниченное примѣненіе, а именно, во 1-хъ, какъ руководство при толкованіи писаннаго закона въ видѣ авторитета дѣлъ, постоянно одинаково судимыхъ; во 2-хъ, какъ отрицательная сила, отмѣняющая дѣйствіе писаннаго закона путемъ его непримѣненія (стр. 193—194). Итакъ, не исключается, по словамъ А. Ѳ., вопреки сказанному имъ раньше, не только дѣйствіе, но и образованіе угол. права путемъ обычая и въ наше время; отсюда слѣдуетъ, что и при догматической его разработкѣ обращеніе къ обычаю является не только не безполезнымъ, но даже необходимымъ. Повидимому, этотъ послѣдній взглядъ на значеніе обычая въ угол. правѣ былъ у А. Ѳ. преобладающимъ; названное заключеніе подтверждается рядомъ его замѣчаній по этому вопросу въ спеціальныхъ работахъ по обычному праву. Въ своей «Программѣ для собиранія обычаевъ по угол. праву» А. Ѳ. сознается, что матеріалъ по обычному уголовному праву, при ближайшемъ вниманіи къ нему, оказался гораздо обильнѣе, чѣмъ онъ ранѣе предполагалъ, и что даже для надлежащаго уразумѣнія многихъ статей улож. о наказ. изученіе обычаевъ народа представляетъ

большую важность, такъ-какъ оно бросаетъ на нихъ яркій свѣтъ, отчего они получили для него иной смыслъ, явились и понятнѣе, и объяснимѣе. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что важное значеніе обычнаго права для теоретическихъ цѣлей науки права несомнѣнно, ибо оно можетъ служить не только для объясненія и оправданія многихъ институтовъ дѣйствующаго писаннаго права, но и для руководства при рѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ текущей юриспруденціи и доктрины: такъ глубоки многія мысли, въ немъ скрывающіяся. Наконецъ, изученіе обычнаго права, по взгляду А. Ѳ., важно и въ методологическомъ отношеніи, такъ-какъ оно вноситъ въ науку права экспериментальный методъ изслѣдованія, придающій больше значенія вѣрованіямъ и убѣжденіямъ народа, чѣмъ субъективнымъ, метафизическимъ положеніямъ, а это пріучаетъ юриста-изслѣдователя къ бережному обхожденію съ жизнью народа, которую слѣдуетъ улучшать, а не ломать, и къ исканію въ нѣдрахъ народа того прогрессивнаго начала, котораго мы иногда ходимъ искать за море (См. Протоколы Кіев. Юр. Общ. отъ 16 февр. 1879 г., стр. 12). Хотя въ приведенныхъ текстахъ А. Ѳ. не говоритъ спеціально о значеніи обычая для угол. права, по общій характеръ мыслей даетъ основаніе примѣнить ихъ и къ этой отрасли права. Можно пожалѣть, что А. Ѳ., такъ много занимавшійся обычнымъ правомъ, не успѣлъ выяснить глубже роли обычая въ угол. правѣ; онъ ограничился лишь общими замѣчаніями о важномъ значеніи обычнаго права для теоретическихъ цѣлей науки, не показавъ наглядно—на примѣрахъ этого значенія, затѣмъ еще менѣе онъ сказалъ о творческой правообразовательной силѣ обычая, которая, правда, большею частью отвергается незнакомыми съ нимъ ближе криминалистами, просмотрѣвшими даже весьма важную роль судебнаго правообразованія.

Но если недостаточно выяснено А. Ѳ. значеніе обычая для догмы права, роль его для исторіи угол. права опредѣлена имъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ кѣмъ-либо изъ русскихъ криминалистовъ. Особенно важныхъ послѣдствій, говоритъ А. Ѳ., можно ожидать отъ изученія обычаевъ для исторіи права, такъ-какъ многія положенія отечественнаго законодательства еще живутъ въ памяти народа—въ его вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ; изучая эти послѣдніе, можно пролить яркій свѣтъ на нѣкоторыя темныя точки древнѣйшей исторіи нашего права (Указан. программа, стр. 16—17). Цѣлые институты

историческіе, будучи сами по себѣ темны или недостаточно ясны, могутъ быть возстановлены въ надлежащемъ свѣтѣ по тѣмъ облом-камъ ихъ, которые сохранились среди народа (Указ. протоколы, стр. 12); такъ, напр., темный въ исторіи права вопросъ о томъ, какимъ образомъ могла возникнуть наказуемость нѣкоторыхъ преступленій противъ нравственности, каковы, напр., незаконное сожительство, прелюбодѣяніе и тому подобныя нарушенія нравственныхъ обязанностей, съ обложеніемъ болѣе важныхъ изъ нихъ тягчайшими карами, не исключая и смертной казни, выясняется путемъ изученія міровоззрѣній и обычаевъ нашего народа, быть котораго сохранилъ до сихъ поръ многія архаическія черты (Статья: «Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа», стр. 1, 10—11). Вообще, по мнѣнію А. Ѳ., не только въ этомъ, но и въ другихъ темныхъ вопросахъ исторіи права изслѣдованіе народныхъ юридическихъ обычаевъ, скрывающихся въ народныхъ вѣрованіяхъ, легендахъ, народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, существовавшихъ и уцѣлѣвшихъ до нынѣ обрядахъ, затѣмъ сопоставленіе этихъ обычаевъ у разныхъ народовъ и разысканіе ихъ ближайшаго сходства гораздо скорѣе могутъ привести къ открытію настоящаго источника многихъ юридическихъ институтовъ, чѣмъ неизбѣжное обращеніе юристовъ къ положеніямъ римскаго и каноническаго права, часто совершенно безплодное (Также статья, стр. 10—11). Въ этомъ отношеніи особенно важно изученіе нашего обычнаго права, такъ-какъ въ составъ Русскаго государства входятъ многочисленные народы и племена, стоящіе на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ культуры и цивилизаціи. На Кавказѣ, среди горскихъ племенъ можно наблюдать систему угол. права, главнымъ основаніемъ которой служитъ кровная месть, а на восточныхъ окраинахъ—у киргизовъ, калмыковъ и другихъ народовъ—въ высшей степени правильно организованную систему композицій или платы за убійство и другія преступленія. Болѣе внимательное изученіе быта русскаго народа и инородцевъ, прибавляетъ А. Ѳ., вѣроятно, не только устранитъ односторонніе теоріи родоваго и общиннаго быта, какъ исключительной особенности русскаго народа, но и вообще поможетъ теоретическому разъясненію той и другой системы (Программа, стр. 17).

Таковъ взглядъ А. Ѳ. на значеніе обычая для исторіи права вообще и уголовнаго въ частности; здѣсь онъ пошелъ далѣе общихъ замѣчаній и на вопросѣ о половыхъ преступленіяхъ показалъ ихъ

конкретное примѣненіе; правда, А. Ѳ. не даетъ прямаго рѣшенія поставленнаго имъ вопроса, ограничиваясь его возбужденіемъ и указаніемъ пути къ его разрѣшенію посредствомъ разработки собраннаго имъ этнографическаго матеріала, но его работа все же бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на данный вопросъ, благодаря нѣсколькимъ цѣннымъ мыслямъ. Если бракъ издавна и доселѣ у народа есть дѣло общественное, если разные обряды выраженій похвалы и порицанія невѣстѣ и ея родителямъ и самый щекотливый обрядъ, касающійся интимнѣйшаго вопроса женской чести, совершаются въ общественномъ интересѣ, какъ все это утверждаетъ А. Ѳ. («Къ вопросу о цензурѣ нравовъ», стр. 2—3, 6, 8, 9 и др.), то отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что половое воздержаніе или цѣломудріе, по взгляду народа, есть благо не только личное, но и общественное, какъ одинъ изъ устоевъ общественной нравственности. А если такъ, то наказуемость вообще половыхъ посягательствъ и тяжкая кара важнѣйшихъ изъ нихъ на низшихъ ступеняхъ культуры находятъ достаточное для себя объясненіе, помимо вліянія церкви, въ воззрѣніяхъ народа на общественную природу этихъ посягательствъ, воззрѣніяхъ, которыя проложили себѣ путь и въ науку уголовнаго права.

Я изложилъ общіе итоги научной дѣятельности покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго; останавливаясь на однихъ этихъ итогахъ или выводахъ по общимъ вопросамъ и не входя въ оцѣнку его работъ по частнымъ вопросамъ, нельзя, думается мнѣ, не признать, что наука права вообще и уголовнаго въ особенности утратила въ покойномъ видающагося своего представителя, котораго ученая дѣятельность, по вѣрному замѣчанію одного изъ его друзей, образуетъ стадію въ развитіи не только русской, но и европейской науки [1]).

Л. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

---

[1]) См. В. Володимировъ, А. Ф. Кистяковскій и его ученые труды, Журн. угол. и граж. права, 1885 г., май, стр. 85.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ,

КАКЪ АВТОРЪ КОМЕДІИ—«ГОРЕ ОТЪ УМА».

«Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ».
(*Горе отъ ума*, дѣйст. III, явл. XXII).

4 января настоящаго *1895 г.* исполнилось *100 лѣтъ со дня рожденія*, а 30 января этого же года—ровно 66 лѣтъ со дня смерти геніальнаго творца безсмертной комедіи—*Горе отъ ума*. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ *Общество Нестора лѣтописца* имѣетъ обыкновеніе вспоминать заслуги представителей просвѣщенія. Много десятковъ лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ дѣятельность А. С. Грибоѣдова является предметомъ всесторонней критики. Не далѣе какъ въ 1889 г. явилось, наконецъ, и полное собраніе его сочиненій, изданное въ 2-хъ томахъ подъ редакціей прив.-доцента С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина. Полной біографіи, конечно, нѣтъ еще, да и невозможна она за неполнотою біографическихъ данныхъ. Редакторъ полнаго собранія сочиненій заявляетъ, что «*недоступными остались оффиціальныя бумаги въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; въ дѣлахъ о декабристахъ; въ архивѣ кн. Паскевича*» и проч. Къ освѣщенію содержанія *комедіи* все еще прибываетъ матеріалъ; напримѣръ, см. въ Воспоминаніяхъ Каменской [1])—о гр. Ѳ. И. Толстомъ, прозванномъ американцемъ, къ стихамъ:

Въ Камчатку сосланъ былъ,
Вернулся алеутомъ...
И врѣнко на руку нечистъ.

---

[1]) Историч. Вѣстн., 1894 г., іюль, стр. 41 и слѣд.

Но за всѣмъ тѣмъ, какъ обнародованныя свѣдѣнія о жизни Грибоѣдова, такъ равно литературныя произведенія его и критическая оцѣнка ихъ давно стали общимъ достояніемъ. Здѣсь не обнять наскоро всего сказаннаго уже о Гр. и еще затруднительнѣе сказать что-либо совсѣмъ новое: имена и сужденія такихъ лицъ, какъ *А. А. Бестужевъ*, *кн. П. А. Вяземскій*, *А. С. Пушкинъ*, *В. Г. Бѣлинскій*, *Н. В. Гоголь*, *И. А. Гончаровъ*, *Ор. Ѳ. Миллеръ*, *А. Н. Веселовскій* [1]) давно и всѣмъ извѣстны. Всѣхъ другихъ и не перечесть, такъ много ихъ въ счетѣ до ближайшаго января м. включительно. Изъ сказаннаго ясно естественное затрудненіе говорить вновь о заслугахъ Грибоѣдова въ ученомъ Обществѣ; но важность этихъ заслугъ и живой къ нимъ интересъ облегчаютъ въ извѣстной степени нашу задачу и потребность въ выполненіи ея. При означенныхъ условіяхъ, наиболѣе подходящимъ кажется намъ указать здѣсь самые выдающіеся біографическіе и литературные факты въ освѣщеніе слѣдующаго вопроса: *въ какихъ условіяхъ жизни и какимъ образомъ создалъ Грибоѣдовъ свою комедію — «Горе отъ ума» и въ чемъ заключается по существу значеніе ея?*

А. С. Грибоѣдову суждено было явиться въ свѣтъ и оставаться до 17 лѣтъ въ общественной средѣ московскаго сенжерменскаго предмѣстья, отличавшагося своимъ особымъ складомъ и ладомъ жизни; это былъ аристократическій своеобразный мірокъ, съ условными и мертвящими все живое правилами жизни, гдѣ царило невѣжество въ формахъ полупросвѣщенія. На долю матери Гр. выпала забота о воспитаніи и образованіи сына, и она смотрѣла на свои попеченія съ утилитарно-карьерной точки зрѣнія. Однакожъ, вліяніе науки на юношу Гр., въ лицѣ домашнихъ учителей, наставника Іона и особенно профессоровъ Московскаго университета, возымѣло свое благотворное значеніе; этого вліянія не могло парализовать и то обстоятельство, что Гр. посѣщалъ университетъ въ качествѣ лишь вольнаго слушателя и въ сопровожденіи гувернера. Дружескія отношенія представителей науки къ своимъ слушателямъ, особенно Снегирева, Страхова и извѣстнаго ветерана науки эстетика Буле (бывшаго профессора Геттингенскаго университета), оказали преимущественное воздѣйствіе и на развитіе благороднаго и независимаго склада мыслей будущаго автора комедіи. Входъ къ такимъ лицамъ и обмѣнъ мыслей запросто будили юноше-

[1]) Ему и мы обязаны многимъ. *Авт.*

скую пытливость и поощряли стремленіе къ знанію. Буле—спеціалистъ по изученію драматической поэзіи и особенно комедіи. Отъ него Гр. позаимствовалъ свѣдѣнія о воззрѣніяхъ Аристотеля и чрезъ него же полюбилъ Плавта и Теренція. Помимо университетскихъ лекцій, Буле почасту имѣлъ продолжительныя философскія и эстетическія бесѣды съ однимъ Гр., что должно было развивать у юноши способности къ отвлеченному мышленію и вызывать интересы, совершенно чуждые и недоступные пониманію родной среды его. Примѣръ рѣдкаго трудолюбія, нравственной силы и независимаго характера въ лицѣ Буле также долженъ былъ дѣйствовать обаятельно на впечатлительную натуру Гр.; такимъ образомъ, разладъ у Гр. со своими кровными, со всею условностію бытія ихъ, является самъ собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе столкновенія свѣта съ тьмою; а презрительное отношеніе матери Гр. къ первымъ литературнымъ опытамъ сына, да еще выраженное ею къ кругу его товарищей, и постоянныя напоминанія сыну объ условной, такъ называемой, «порядочности» и «основательности» только подогрѣвали тотъ разладъ и усиливали горечь юношескаго самочувствія. Непріятную чашу эту дополнялъ и переполнялъ еще родной дядя по матери Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ (отецъ и мать Гр. были однофамильцы), всячески по своему заботясь проявить родственное участіе, чтобы помочь сестрѣ вывести сына въ люди, между прочимъ, и посредствомъ ѣзды на поклоны къ знаменитымъ и сильнымъ людямъ. Это вынуждало Гр. къ пассивной лжи. Завидя дядю у подъѣзда, юноша сказывался больнымъ и, въ отвѣтъ на предложеніе дяди, говорилъ: «не могу, дядюшка, то болитъ, другое болитъ» и проч. Съ возрастомъ и развитіемъ разладъ со средой все болѣе и болѣе увеличивался; она возбуждала въ немъ нравственную брезгливость и настойчивое стремленіе обличить ее посредствомъ ѣдкой сатиры. И вотъ, въ 1812 г., воздавъ должное наукѣ—выдержавъ испытаніе въ университетѣ на степень кандидата, Гр. останавливается уже мыслью на сочиненіи, которое только черезъ 10—12 лѣтъ потомъ созрѣло въ комедію—«Горе отъ ума». Этой мыслью онъ подѣлился съ однимъ изъ товарищей своихъ (Шнейдеромъ?) и гувернеромъ, наставникомъ и другомъ Іономъ. Такъ, еще на школьной скамьѣ, въ возрастѣ 17 лѣтъ задумано произведеніе, обезсмертившее имя Гр. въ исторіи русскаго просвѣщенія и являющееся своего рода патріотическимъ подвигомъ.

Но юношески пылкая натура Гр. не удовлетворяется однимъ тѣмъ замысломъ служенія родинѣ. Война съ Наполеономъ возбуждаетъ въ немъ неудержимое стремленіе послужить ей на дѣлѣ самой жизни. Онъ въ числѣ первыхъ идетъ на призывъ правительства къ помощи противъ насильника, и мать успѣваетъ въ своихъ заботахъ о сынѣ лишь въ томъ, чтобъ направить его въ аристократическій полкъ, формировавшійся на средства гр. Салтыкова; за смертью послѣдняго, полкъ распущенъ былъ и, надо думать, къ удовольствію многихъ, но къ негодованію самого Грибоѣдова. Зная равнодушіе дворянъ къ судьбѣ отечества, Гр. замыслилъ въ томъ же 1812 году драму: «1812 годъ»; она извѣстна только по сохранившемуся плану ея и нѣкоторымъ сценамъ; здѣсь отмѣчены, напримѣръ: «*всеобщее ополченіе безъ дворянъ*, *трусость служителей правительства*» и проч. И это не литературный вымыселъ юноши обличителя, разсчитанный на возбужденіе патріотическихъ чувствъ и энергіи, нѣтъ—это факты современной ему жизни. Шуазель Гуфье въ своихъ воспоминаніяхъ объ императорѣ Александрѣ I [1]) свидѣтельствуетъ, что подъ конецъ 1812 г. этотъ императоръ сказалъ: «О, мои бородачи гораздо лучше насъ! Меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и о своемъ повышеніи». — Кеневичъ приводитъ еще слѣдующія слова Александра I: «Мои чиновники украли бы мои линейные корабли, если бы знали куда ихъ спрятать» [2]). Такія и множество подобныхъ явленій приходилось наблюдать Гр. въ современной ему жизни. Неудача съ полкомъ гр. Салтыкова не охладила ревности Гр. стать въ ряды борцовъ за родину. Въ томъ же 1812 г. онъ является офицеромъ гусарскаго полка, имѣвшаго послѣдовательную въ теченіе 3 лѣтъ стоянку въ Могилевѣ (Бѣлорус.), Слонимѣ и Брестѣ. Здѣсь, въ грубой офицерской того времени средѣ, Гр. пришлось заплатить дань всякому разгулу до дурачества и кощунства включительно: съ рѣшимостью, достойною лучшихъ цѣлей, онъ является на балъ верхомъ на лошади, или, занявъ мѣсто въ костелѣ у органа и исполнивъ художественно религіозную піесу, онъ вдругъ, въ разгарѣ служенія же, наполняетъ мѣсто молитвы звуками *плясовой камаринской пѣсни* къ

---

[1]) Рус. Старина, 1877 г., декабрь.

[2]) См. ст.—«Историч. знач. басенъ Крылова». Записки Академіи Наукъ, т. IV.

ужасу и соблазну присутствовавшихъ [1]); тутъ же, въ глуши Бѣлоруссіи, Гр. пережилъ тяжелый нравственный кризисъ и нашелъ свою «баню пакибытія». Сослуживецъ Бѣгичевъ и начальникъ его генералъ Кологривовъ много содѣйствовали отрезвленію Гр. отъ грубыхъ увлеченій и обращенію къ пути призванія его. Какъ *фамусовщина* въ Москвѣ, такъ *скалозубовщина* здѣсь развернулась предъ нимъ во всей наготѣ. Отрезвившись отъ чаду разгула, Грибоѣдовъ писалъ, что онъ находится среди «казарменныхъ готтентотовъ», что «здѣсь участь умныхъ людей большую часть (времени) проводить съ дураками». Эти «казарменные готтентоты» и «дураки» дали Гр. обильный матеріалъ и послужили оригиналами для типа полковника *Скалозуба* (генералъ Фроловъ, Паскевичъ, Аракчеевъ и одно очень высокое лицо, боготворившее фронтовую службу), *Горичева* (Ил. Огаревъ), *Репетилова* (Шатиловъ), вольнодумца,—двоюродный *братъ Скалозуба*, «*крѣпкозараженный теперешнимъ столѣтьемъ*» (см. первоначальную редакцію «Горя отъ ума» въ Полн. собр. сочин., т. II); при чемъ вольнодумство и крѣпость заразы сказались, по словамъ Скалозуба, лишь въ томъ, что ему слѣдовалъ чинъ, а онъ въ отставку вышелъ.

Естественно, что Гр., по мѣрѣ отрезвленія отъ чаду казарменной жизни и духовно-нравственнаго возмужанія, тяжеле и тяжеле было оставаться въ средѣ Скалозубовыхъ; онъ рвется изъ нея и въ 1815 году попадаетъ, по его словамъ, «на путь истинный». Переселившись въ Петербургъ и явившись въ кругу петербургскихъ литераторовъ, онъ въ 1816 году оставляетъ совсѣмъ военную службу, ставши напередъ членомъ массонской ложи — Des amis réunis, какъ это видно изъ списка ея членовъ за 1816 годъ, въ которомъ стоитъ имя гвардейскаго офицера Грибоѣдова, означенное 1-й степенью (Полн. собр. сочин., Хронол. канва, т. I, IX). Въ это время онъ сближается съ Чаадаевымъ, Норовымъ, Пестелемъ и многими другими. Кн. Одоевскій замѣняетъ ему друга-спасителя Бѣгичева, Оставаясь въ С.-Петербургѣ до половины 1818 года, Грибоѣдовъ усиленно работаетъ для сцены; къ этому времени относятся его драматическія произведенія: «Молодые супруги, Своя семья, Кто братъ—кто сестра, Сту-

[1]) Замѣтить надо, что Гр. во всю свою жизнь былъ страстнымъ любителемъ музыки и превосходно игралъ. Домъ его родителей въ Москвѣ былъ своего рода музыкальнымъ центромъ.

дентъ, Проба интермедіи». Но важнѣе всего въ занимающемъ насъ вопросѣ то, что въ 1816 году онъ написалъ нѣсколько сценъ комедіи—«Горе отъ ума». Друзья выразили ему полное свое одобреніе. Бѣгичевъ говоритъ, что въ сценахъ этихъ была выведена и жена Фамусова, какъ сантиментальная модница-аристократка. Слѣдовательно, замыселъ и предварительное созиданіе комедіи—«Горе отъ ума» опредѣляются временемъ съ 1812 по 1816 годъ; поэтому какой-то мистическій сонъ, сообщаемый Грибоѣдовымъ письменно изъ Табриса, съ датой 17 ноября 1820 г., кн. Шаховскому (вѣроятнѣе Катенину, который участвуетъ и въ самомъ снѣ) и принимаемый въ Полн. собр. сочиненій Гр. какъ замыселъ комедіи, возможно принять лишь за дальнѣйшее развитіе мыслей автора по предмету комедіи, но никакъ не за начальную идею произведенія. Тамъ сообщается, что авторъ Гр. во снѣ связываетъ себя обѣщаніемъ другу Катенину «написать черезъ годъ непремѣнно» какое-то сочиненіе. Пробудившись отъ сна, Гр. садится писать, живо помня свое обѣщаніе и заключая сообщеніе о таинственномъ снѣ словами: «во снѣ дано, на яву исполнится». Въ письмѣ же находится весьма смутное указаніе на бальное собраніе, что́ изображено въ комедіи—*Горе отъ ума*.

Въ декабрѣ м. 1817 г., или въ январѣ 1818 г. состоялась дуэль гр. Шереметева съ Завадовскимъ; секундантомъ у послѣдняго былъ Грибоѣдовъ. Послѣдствіемъ этой дуэли было назначеніе Гр. секретаремъ посольства въ Персію. Невольная разлука съ родиной, одинокая жизнь на чужбинѣ обильно питали тоску по родинѣ, и Гр. находилъ единственное утѣшеніе въ литературныхъ занятіяхъ и главнымъ образомъ въ дальнѣйшей разработкѣ комедіи. Изъ Россіи получались невеселыя вѣсти о возраставшей все болѣе и болѣе реакціи (это была уже 2-я половина царствованія императора Александра I). Гр. возмущался контрастомъ недавняго прошлаго, полнаго широкихъ гражданскихъ надеждъ, съ мрачнымъ настоящимъ. Образъ Чацкаго въ условіяхъ этихъ становился все яснѣе. Въ 1822 г. Гр. успѣваетъ переселиться въ Тифлисъ, въ качествѣ секретаря Ермолова по иностранной части, и въ этомъ же году оканчиваетъ первыя два дѣйствія комедіи (Булгаринъ почему-то заявляетъ, что и всѣ четыре дѣйствія). Но тутъ у автора возникаетъ настойчивая потребность въ дополнительныхъ наблюденіяхъ надъ русской жизнью, возобновить и освѣжить впечатлѣнія свои отъ міра фамусовщины, скалозубовщины и т. п.

Кавказъ томитъ Грибоѣдова. Въ письмѣ къ Бѣгичеву онъ жалуется, «что его замучаетъ борьба горной и лѣсной свободы» съ барабаннымъ просвѣщеніемъ, говоритъ, что «мы будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на исторію». И вотъ въ мартѣ 1823 г. получаетъ онъ 4-хъ мѣсячный отпускъ, который потомъ затягивается въ 2-хъ-годичный. Это самая блестящая пора творчества Гр. въ занимающемъ насъ предметѣ. Онъ всюду и вездѣ въ обществѣ, какъ бы жадно ловя и возстанавливая впечатлѣнія отъ намѣченной къ воспроизведенію въ комедіи среды. Реакція, съ Аракчеевыми и Магницкими во главѣ, заявляла о себѣ со всей силою, и одновременно съ тѣмъ усиливалось политическое движеніе, разыгравшееся 14 декабря 1825 года. Въ это именно время Гр. сближается съ участниками движенія, «сочувствуя желанію нѣкоторыхъ перемѣнъ», по словамъ Бѣгичева, «зналъ многое и настолько», свидѣтельствуетъ Завалишинъ, «что если бы не успѣлъ во время истребить своихъ бумагъ, ему бы не уцѣлѣть послѣ 14 декабря»; этимъ, по мнѣнію А. Н. Веселовскаго, объясняется и смыслъ словъ Чацкаго: «Связь съ министрами, потомъ разрывъ». Заручившись искомыми наблюденіями и желая вполнѣ предаться работѣ надъ комедіей, Грибоѣдовъ, лѣтомъ 1824 г., въ деревнѣ у Бѣгичева, уединяется на цѣлые дни въ садовую бесѣдку и здѣсь оканчиваетъ комедію, не задаваясь вообще цѣлью сдѣлать ее предметомъ общественнаго вниманія, а тѣмъ болѣе ставить ее на сценѣ. Но по возвращеніи автора въ Москву, комедія случайно стала предметомъ всеобщаго вниманія, благодаря нѣкоторой развязности гр. Вельегорскаго. Подъ напоромъ благопріятныхъ толковъ, Гр. рѣшается поставить комедію на сцену и въ тоже лѣто ѣдетъ въ Петербургъ хлопотать объ этомъ, хотя оффиціальные отзывы о комедіи всего менѣе благопріятствовали задуманному. Директоръ театра Кокошкинъ доносилъ главнокомандующему въ Москвѣ кн. Голицыну, что *Горе отъ ума—пасквиль на Москву*, который слѣдуетъ немедленно запретить, а въ Петербургѣ усматривали и того больше въ комедіи, именно — *оскорбленіе всего дворянскаго сословія*. Въ августѣ м. 1824 г. Гр. пишетъ другу Бѣгичеву, въ разгарѣ заботъ о постановкѣ комедіи на сцену: «Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ... сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ... будетъ же, добьюсь до чего нибудь.—Представь себѣ, что я слишкомъ

восемьдесятъ (80) стиховъ, или, лучше сказать, риѳмъ, перемѣнилъ теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, по дорогѣ (изъ Москвы въ С.-Петербургъ) пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку: я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою негодяйку со свѣчею надъ лѣстницею, и предъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались въ самый день моего пріѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее 12 разъ.—Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ». Обаяніе надежды видѣть свою комедію на сценѣ, повидимому, стало такъ велико, что авторъ становится какъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою по поводу радикальной передѣлки комедіи. Въ черновой замѣткѣ Гр., относимой ко времени послѣ 1823 г., имъ сказано: «Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякаго, кто пишетъ для сцены». Но не смотря на то, всѣ старанія и хлопоты Грибоѣдова о постановкѣ комедіи на сцену не увѣнчались успѣхомъ. Мало того, даже готовившееся, подъ наблюденіемъ самого автора, представленіе комедіи учениками театральнаго училища не разрѣшено было петербургскимъ генералъ-губернаторомъ гр. Милорадовичемъ.

Потерпѣвъ такимъ образомъ полную неудачу и израсходовавъ все отпускное время, не выѣзжая за границу (на что онъ имѣлъ также разрѣшеніе), Гр. около половины 1825 г. отправился черезъ Кіевъ и южный берегъ Крыма на Кавказъ къ мѣсту службы своей. Тѣмъ временемъ совершается тяжелое событіе 14 декабря, и уже въ январѣ м. 1826 г. Ермоловъ долженъ былъ, по высочайшему приказу, арестовать Гр. и препроводить въ Петербургъ. Приказъ полученъ Ермоловымъ въ станицѣ Екатеринодарской за ужиномъ у одного штабъ-офицера. Ермоловъ отозвалъ Гр. въ особую комнату и сказалъ ему: «Ступай домой и сожги все, что можетъ тебя скомпрометировать. За тобой прислали, и я могу дать тебѣ только часъ времени». Ровно черезъ часъ Ерм., въ сопровожденіи бывшихъ на вечерѣ офицеровъ, отправился на квартиру къ Грибоѣдову и арестовалъ его. — По другому разсказу, Гр. по пути въ Чечню остановился въ Червленной у Н. В. Шимановскаго. До прибытія фельдъегеря Уклонскаго това-

рищи Грибоѣдова успѣли сжечь бумаги на кухнѣ при участіи Грибанова (молочный братъ и постоянный спутникъ-слуга Грибоѣдова). Какъ бы тамъ ни было, но Гр. препровожденъ былъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ и посаженъ подъ арестъ при главномъ штабѣ, гдѣ и пробылъ четыре мѣсяца. Отсюда его водили въ крѣпость на допросы. На первомъ же допросѣ Гр. началъ писать свое показаніе словами: «я ихъ всѣхъ зналъ»... Въ это время къ столу подошло какое-то вліятельное лицо (предполагаютъ, не безъ вѣдома кн. Паскевича, который приходился Гр. родней) и сказало: «Александръ Сергѣевичъ, что вы пишете!... пишите: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю». Гр. послѣдовалъ совѣту да еще прибавилъ: «за что меня взяли—не знаю; у меня старуха мать, которую это убьетъ» и проч.—Читавшіе это показаніе нашли, что должно быть человѣкъ правъ, «потому что чуть-чуть не ругается» въ своемъ показаніи. Тутъ принято было въ соображеніе и ироническое замѣчаніе въ комедіи устами Репетилова по адресу «секретнѣйшаго князь-Григорія», какъ выраженіе Грибоѣдовымъ неодобренія своего дѣйствіямъ декабристовъ; а эти послѣдніе, въ лицѣ друзей Грибоѣдова, заявили на допросахъ, что они не говорили *всего* Грибоѣдову,—«берегли талантъ человѣка, который можетъ прославить Россію, и находили, что его слѣдуетъ уберечь отъ всякихъ невзгодъ и случайностей» (А. Н. Веселовскій: Этюды и характеристики. 1894 г., стр. 522). Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, Гр. въ іюнѣ м. 1826 г. не только получилъ полную свободу, но еще награжденъ и слѣдующимъ къ выслугѣ чиномъ — надворнаго совѣтника, въ знакъ полной его невинности. Свой выходъ изъ подъ ареста Гр. отмѣтилъ извѣстной эпиграммой:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово рабъ.
Меня и взяли въ главный штабъ
И потянули къ Іисусу [1]).

Отдохнувши и освѣжившись послѣ ареста, Гр., по коварной уловкѣ матери, которая, по словамъ сестры поэта, взяла у сына честное слово предъ иконой Божьей Матери, что онъ исполнитъ ея просьбу, поѣхалъ вновь на Кавказъ служить, но подъ начальствомъ уже Паскевича, который долженъ былъ замѣнить собою Ермолова.

---

[1]) Подробности по предмету изложеннаго см. въ Полн. собраніи сочин., т. I.

Тяжело было Гр. рѣшиться на это,—онъ такъ обязанъ былъ Ерм., но данное слово матери нужно было исполнить. По порученію Паскевича, Гр. въ началѣ 1828 года былъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ качествѣ вѣстника о заключеніи туркманчайскаго договора; поэтому договору присоединена была къ Россіи Эриванская область. Здѣсь-то, въ Эривани въ 1827 г. Гр. въ первый и единственный разъ въ жизни видѣлъ на сценѣ свое любимое твореніе—*Горе отъ ума* въ исполненіи любителями офицерами. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Гр., сверхъ всякаго ожиданія, назначенъ министромъ-резидентомъ въ Тегеранъ, куда и выѣхалъ въ началѣ іюня и гдѣ 30 января 1829 г. жизнь его угасла роковымъ образомъ: онъ палъ жертвой разъяренной, фанатической толпы персіянъ; толпѣ интрига представляла Гр. ненавистнымъ врагомъ всѣхъ интересовъ ея родины. Такъ пресѣклась жизнь Гр., когда едва занялась счастливая заря его личной—семейной жизни, а творческій геній готовился представить произведенія не только интеллигентному классу русскихъ людей, но быть можетъ и «на всенародныя очи». Къ этой мысли склоняетъ писанное Гр. въ послѣдній годъ своей жизни Бѣгичеву, а именно: «Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, для меня дѣла постороннія. Голова моя полна, и я чувствую потребность писать». Къ этому же времени относится черновка неоконченной «*Грузинской ночи*», произведенія съ бытовой основою крѣпостничества и рабства и съ замыслами въ духѣ трагедій Шекспира. Но, по волѣ судьбы, самымъ цѣннымъ литературнымъ наслѣдіемъ отъ Грибоѣдова является лишь *Горе отъ ума*, хоть и «малъ золотникъ, да дорогъ».

Изъ сказаннаго выше ясно, что Гр. со времени замысла комедіи не переставалъ трудиться надъ нею около 12 лѣтъ къ ряду. Авторъ глубоко вдумывался въ планъ своего труда, связь между сценами, характеры лицъ и проч. и убѣжденнымъ выступалъ на защиту литературно-художественныхъ и идейно-общественныхъ достоинствъ своего произведенія. Лучшимъ доказательствомъ такого именно отношенія къ работѣ и взглядовъ автора на свое *Горе* можетъ служить его письмо къ Катенину, писанное въ январѣ 1825 г. въ отвѣтъ на критическія замѣчанія послѣдняго о комедіи. Вотъ главнѣйшія мысли въ немъ по нашему вопросу: «*Ты находишь нѣкоторую погрѣшность въ планѣ;*—мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію; дѣвушка сама неглупая предпочитаетъ дурака умному человѣку (не

потому, чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ разумѣется въ противорѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не можетъ, за то (что) онъ немножко повыше прочихъ.—Кто то со злости выдумалъ о немъ, что онъ съумасшедшій, никто не повѣрилъ и всѣ повторяютъ голосъ общаго недоброхотства, при томъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется,—онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ.—Что же можетъ быть полнѣе этого»?—Относительно замѣчанія, что «*сцены связаны произвольно*», Гр. пишетъ: «такъ же, какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаетъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ». — Катенинъ находилъ, что «*характеры портретны*». Поэтъ отвѣчаетъ: «Да,—портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на своихъ двуногихъ собратій. Каррикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ (т. е. комедіи) ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика». Такой же *поэтикѣ* слѣдовалъ въ своемъ творчествѣ и Гоголь; онъ пишетъ въ *Авторской исповѣди* слѣдующее по поводу *Мертвыхъ душъ*: «Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, *что взято было мной изъ дѣйствительности*».—Я никогда *не писалъ портрета*, въ смыслѣ простой *копіи*. *Я создавалъ портреты*, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія». — На замѣчаніе друга-критика, что въ комедіи проявлено «*дарованія больше, нежели искус(с)тва*», Гриб. отвѣчаетъ: «Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго опытомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е. дѣлать глупости, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло; и не лучше ли вовсе безъ хитростей?—Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно».

Приведенныя здѣсь взгляды Гр. на основанія и способъ его творческой работы надъ *Горемъ отъ ума* должны бы сами по себѣ исключить мысль о какомъ бы то ни было и кому бы то ни было подражаніи; а между тѣмъ такая именно мысль проскользнула въ печати, какъ плодъ недоразумѣнія и при томъ, намъ кажется, совершенно независимо, отъ содержанія статьи возбудившей ее,—это *Альцестъ и Чацкій*[1]). Въ началѣ этого разсужденія авторъ говоритъ: «Въ литературномъ потомствѣ, вызванномъ къ жизни *Мизантропомъ*, яркою звѣздою блистаетъ «*Горе отъ ума*».—Интересъ къ Мольеровскому творчеству очевиденъ у Грибоѣдова по многимъ признакамъ (стихи, планъ, дѣйств. лица: Альцетъ—*Чацкій*, Филентъ—*Молчалинъ*, Селимена—*Софья*)». Въ заключеніе же критическаго сопоставленія *Мизантропа* и *Горя отъ ума* авторъ признаетъ, что «потомокъ (Гр.) прошелъ по пути, проложенному ему его великимъ предкомъ (Мольеромъ), но на завѣщанной ему основѣ съумѣлъ возвести самобытное зданіе, и русскій человѣкъ, сознавая это, можетъ добромъ помянуть Мольерова Альцеста, безъ котораго, кто знаетъ, не было бы, можетъ быть, и Чацкаго, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сталъ дорогъ всѣмъ намъ». Какъ ни условенъ такой выводъ, но будучи выраженъ авторитетнымъ ученымъ и наскоро позаимствованъ читателемъ, онъ послужилъ къ нѣкоторому умаленію и творческой силы Грибоѣдова и значенія самой комедіи его, какъ литературно-художественнаго факта, порожденнаго суммою условій русской жизни. И въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны, въ высшей степени осторожныя—«*кто знаетъ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, не было бы*», а съ другой—«*вотъ моя поэтика, какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно*», съ яснымъ указаніемъ самыхъ пріемовъ реальнаго творчества, далѣе замѣчаніе (*«я коли не имѣю таланта Мольера, то, по крайней мѣрѣ, чистосердечнѣе»*; его «*мѣщанинъ во дворянствѣ, мнимый больной — портреты, и превосходные; скупецъ-антропосъ собственной фабрики, и несносенъ!*»), свидѣтельствующее о сознаніи Грибоѣдовымъ превосходства своего надъ Мольеромъ,—все это даетъ ясный перевѣсъ мысли о полной независимости Гриб. въ творческой его работѣ надъ *Горемъ отъ ума*, о полномъ отсутствіи тутъ подражанія, какъ сознательнаго акта. Даже вопроса о такомъ именно

[1]) А. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики. М. 1894 г., стр. 144—169.

подражаніи по существу и быть не можетъ, а возможенъ онъ лишь о формальномъ, такъ сказать, вліяніи сочиненій Мольера на юношу Гр., вліяніи въ ученическій періодъ жизни геніальнаго поэта. Къ тому же прибавить слѣдуетъ, что у Мольера «*для Фамусова нѣтъ прототипа*», какъ замѣчаетъ въ указанной статьѣ А. Н. Веселовскій, а между тѣмъ въ комедіи—*Горе отъ ума* безъ Фамусова не мыслимъ и Чацкій. Фамусовъ и К°—это, выражаясь пластически, дряблое, своеобразно и въ благопріятныхъ условіяхъ выхоленное, тѣло, съ которымъ волею исторіи суждено считаться Чацкому, какъ свѣтлой и бодрой душѣ, какъ типическому представителю серьезной и научно-образованной части русской молодежи первой четверти нынѣшняго вѣка, которая въ лицѣ Грибоѣдова (весьма вѣроятнаго первооригинала Чацкаго) способна была иронически относиться къ тѣмъ способамъ реализаціи идей и тѣмъ практическимъ мѣрамъ, которыми увлеклись друзья ея — декабристы; это очевидно изъ слѣдующихъ словъ Гр., которыя онъ «*часто повторялъ, смѣясь: сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи*» [1]). — Фамусовъ и фамусовщина со скалозубовщиной и другими формами своего проявленія вотъ естественная, родная сфера и мѣсто, гдѣ находится исходная точка для замысла и обильный матеріалъ для представленія идеи въ образахъ комедіи — *Горе отъ ума*, частнѣе же — родной дядя Гр. Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ со всею «сенжерменскою» средой и далѣе со всѣмъ высшимъ сословіемъ, являвшимся на трезвый взглядъ поистинѣ комическимъ въ условіяхъ своего полупросвѣщенія. Въ замѣткѣ: *Характеръ моего дяди* (даты времени нѣтъ) Гр. пишетъ: «Вотъ характеръ, который почти изчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди.—Въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то страсть пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. — Всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затмѣнія!—Дядя мой, какъ левъ, дрался съ турками при

[1]) Указыв. Д. А. Смирновъ. Полн. собр. сочин. Гриб., т. I. XXXIII.

Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ передникъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ; въ отставкѣ жилъ сплетнями».—Таковъ первооригиналъ Фамусова. За оригиналами для другихъ лицъ комедіи не далеко ходить было: фамусовщина кишмя кишѣла ими. Въ настоящее время установлена уже весьма обстоятельная бытовая генеалогія не только главныхъ и *гласныхъ* лицъ комедіи, но и второстепенныхъ съ *безгласными* включительно; есть, такимъ образомъ, поименный списокъ бытовыхъ оригиналовъ для *портретовъ* «съ чертами, свойственными многимъ людямъ и всему роду человѣческому» [1]). Въ спискѣ этомъ подъ одно и тоже лицо комедіи подводится по два, по три и болѣе живыхъ оригиналовъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ самостоятельности творческой мысли и силы Гриб. и вмѣстѣ реальной, жизненной типичности дѣйствующихъ въ комедіи лицъ. Житейскій омутъ господствующаго сословія, гордаго своимъ невѣжествомъ, коренившимся въ полупросвѣщеніи и то на внѣшне-народныхъ основаніяхъ, освѣщенъ такимъ образомъ въ *Горѣ отъ ума* художественно и ярко. Недаромъ же такъ поражено было комедіей современное общество и недаромъ усматривался въ ней не только «*пасквиль на Москву*», но и «*оскорбленіе всего дворянскаго сословія!*» —Герой комедіи — Чацкій является тѣмъ патріотически-пламеннымъ лучомъ, который, освѣщая язвы темнаго царства фамусовщины и прижигая ихъ, кажетъ путь къ лучшей жизни своимъ вдохновенно-отрицательнымъ словомъ; поэтому извѣстная фраза: «*Ахъ! Боже мой — онъ карбонарій!*» являетъ въ себѣ и негодованіе, и стонъ, и ужасъ фамусовщины, разимой Чацкимъ подъ самый корень ея. Таковы условія жизни Гр. и ходъ имъ созиданія безсмертной комедіи.

Здѣсь не мѣсто и не время вести рѣчь о качествахъ языка, о построеніи *Горя отъ ума*, какъ комедіи, перебирать по косточкамъ дѣйствующихъ въ ней лицъ и всякія другія частности. Достаточно замѣтить, что многія выраженія изъ нея служатъ, какъ пословицы, и трудно иногда провести грань, гдѣ оканчиваются первыя и начинаются вторыя; что имена дѣйствующихъ лицъ стали нарицательными; что положенія и отношенія ихъ являются предметомъ аналогій и орудіемъ обиходной и высшей морали въ сужденіяхъ интеллигенціи. Мы обратимся прямо къ вопросу: въ чемъ же, по существу, значеніе ко-

[1]) См. Полн. собр. сочиненій Гр., т. II, стр. 523 и слѣд.

медіи—*Горе отъ ума?* Начало рѣшенія этого вопроса нашей критикой нисходитъ до 1825 г. Вотъ главнѣйшія заключенія. Извѣстный въ свое время *водевилистъ* и современникъ Грибоѣдова *Писаревъ* въ стихотворной пародіи на *Пѣвца во станѣ рус. воиновъ*—«Пѣвецъ на *бивакахъ у подошвы Парнаса*» (перепеч. въ Библіографич. Запис. 1859 г.) отозвался о комедіи такъ:

Давно ли *Горе отъ ума*
Всѣхъ умныхъ огорчило?
Въ немъ мало смыслу, мыслей тьма,
И писано премило.
Хоть Чацкій годенъ въ желтый домъ,
Хоть въ немъ съ французскимъ языкомъ,
Нижегородскій смѣшанъ,
Никто объ немъ не думалъ знать,
Никто объ немъ не слышалъ,
Но чтобъ комедію писать,
Повѣ въ отставку вышелъ [1]).

Отзывъ о комедіи и авторѣ ея недоброжелателенъ и очень. Грибоѣдовъ рекомендуется какъ бы «зараженнымъ теперешнимъ столѣтьемъ»; а это, по обстоятельствамъ декабрьскимъ 1825 г., небезразличное мнѣніе.

Въ «*Полярной звѣздѣ на 1825 г.*» въ ст. *А. А. Бестужева* выражено совсѣмъ иное мнѣніе: «комедія — *Горе отъ ума* — *феноменъ*, какого мы не видѣли отъ временъ «Недоросля». Толпа характеровъ обрисована смѣло и рѣзко; живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго рус. языка въ стихахъ, — все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Говорятъ, что въ ней нѣтъ завязки, что авторъ *не по правиламъ* нравится; но пусть они говорятъ, что имъ угодно: предразсудки разсѣются и *будущее оцѣнитъ* сію комедію и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ» [2]). Слова до извѣстной степени пророческія.

Кн. П. А. Вяземскій находитъ, что «если *Горе отъ ума* твореніе и несовершенно зрѣлое, во многихъ частяхъ не избѣгающее строжайшей критики, то не менѣе оно *явленіе весьма замѣчательное*

---

[1]) Пол. собр. соч. т. I, XXVIII.

[2]) То же, т. II, 522.

въ драматической словесности нашей».—Въ твореніи Гр. *есть жизнь*, оно дышетъ, движется» [1]).

А. С. Пушкинъ называетъ Гр. «однимъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи», «комедіи его не критикуетъ, а *наслаждается* ею»; въ Чацкомъ видитъ «пылкаго, благороднаго и добраго малаго, проведшаго нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ» (т. е. Гриб.), и признаетъ, что «драматическаго писателя нужно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ» [2]).

Н. В. Гоголь не удовлетворяется комедіей, думая, что «прямого русскаго типа нѣтъ ни въ комъ» изъ лицъ ея: «не слышно русскаго гражданина», и остается «въ недоумѣніи на счетъ того, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ», хотя изъ всѣхъ рѣчей Чацкаго ясно, что русскій человѣкъ долженъ быть *русскимъ европейцемъ*, а не *европейскою обезьяною*. Очевидно, что формальные недостатки комедіи, какъ произведенія искусства, возымѣли подавляющее значеніе въ сужденіяхъ Гоголя [3]).

В. Г. Бѣлинскій въ теченіе послѣдовательныхъ 4-хъ лѣтъ высказался три раза и все болѣе и болѣе выяснялъ истинное значеніе комедіи. Въ 1840 году онъ говоритъ: «*Горе отъ ума*»—*сатира, а не комедія*: сатира же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ; произведеніе великое своими частностями».—Въ 1841 г. уже иная рѣчь: «*Высочайшій образецъ дидактической комедіи* имѣемъ мы въ «*Горѣ отъ ума*»—этомъ благороднѣйшемъ созданіи геніальнаго человѣка, этомъ бурномъ изліяніи желчнаго, громоваго негодованія при видѣ гнилого общества ничтожныхъ людей, которыхъ мелкія цѣли и низкія стремленія направлены только къ призракамъ жизни—чинамъ, деньгамъ, сплетнямъ, униженію человѣческаго достоинства».—«*Горе отъ ума*» *имѣетъ великое значеніе и для нашей литературы, и для нашего общества*».—Въ 1844 г. значеніе комедіи становится еще выше во мнѣніи Б. «Не смотря на всѣ недостатки», говоритъ онъ, «довольно важные, *комедія Грибоѣдова была первою русскою комедіею, въ которой ничего нѣтъ подражательнаго*, въ которой и цѣлое, и подробности, и сюжетъ, и характеры, и страсти, и дѣйствія, и мнѣнія, и языкъ—

---

[1]) Пол. собр. сочин., 1880, т. V, 142.

[2]) Рус. Библіот., т. V.

[3]) Сочин. Гоголя, изд. 1889 г., т. IV, 199.

все насквозь проникнуто глубиною истинно русской дѣйствительности» [1]).

Наконецъ, спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ Бѣлинскаго, *А. Н. Веселовскій* признаетъ, что «всѣ лучшіе помыслы и творческое дарованіе Гр. выразилось въ одномъ произведеніи, являющемся для насъ какъ бы итогомъ его существованія, *завѣтомъ потомству.*— Счастливъ народъ, изъ среды котораго выходятъ такіе люди. Счастлива литература, въ которой могъ родиться такой мужественный протестъ противъ зла. Сила его вліянія никогда не ослабѣетъ и, по выраженію *Гончарова*, каждое дѣло, требующее обновленія, будетъ вызывать тѣнь Чацкаго. Вліяніе это основывается на вѣчно понятномъ заступничествѣ за дорогіе людямъ идеалы и не зависитъ отъ временныхъ условій быта. Для современной литературы неоцѣненнымъ благомъ была бы рѣшимость писателя «съ душой» выступить съ переложеніемъ *вѣчной темы о Горѣ отъ ума* столь же страстнымъ и искреннимъ, хотя и обращеннымъ къ новому обществу и къ порочнымъ на новый ладъ людямъ. Въ этомъ пожеланіи заключается, кажется, высшая похвала, которую потомокъ можетъ воздать Грибоѣдову» [2]).

Въ такомъ же смыслѣ высказался и *г. Перетцъ* (Истор. Вѣстн., янв., 1895 г.); по его мнѣнію, ни одинъ изъ типовъ русской литературы не привлекалъ къ себѣ столько вниманія, сколько Чацкій, и это потому, что Ч.—лучшій выразитель либерализма 20-хъ годовъ, чуждый духа подражательности и всякой партійности; онъ видитъ будущую славу и силу родины въ просвѣщеніи и самобытномъ совершенствованіи народа по примѣру другихъ, а не по указкѣ ихъ.

Итакъ, въ продолженіе 70 лѣтъ, по мѣрѣ того какъ съ развитіемъ просвѣщенія, успѣхами наукъ, искусствъ и благотворнымъ дѣйствіемъ реформъ возрастало общественное самосознаніе, все болѣе и болѣе выяснялось для критической мысли литературно-общественное значеніе Грибоѣдова и его *Горя отъ ума.*

При общемъ почти признаніи *нѣкоторыхъ* недостатковъ въ комедіи, какъ предметѣ искусства, въ одинъ же голосъ признано выдающимися представителями критической мысли и ея идейно-обществен-

[1]) Рус. Библіот., т. V.

[2]) Этюды и характеристики, 582.

ное достоинство и въ отрицательныхъ рѣчахъ Чацкаго усмотрѣны положительные идеалы жизни. Герой комедіи является такимъ образомъ единственнымъ въ нашей литературѣ типомъ съ положительными идеалами. За непризнаніемъ этихъ идеаловъ неизбѣжно слѣдуютъ: для однихъ—дѣйствительное *горе* до съумасшествія; для другихъ—жизнерадостное прозябаніе; для третьихъ—безъисходный яременный гнетъ жизни. *Идеалы* же *Чацкаго* могутъ быть формулированы такъ: сила и слава родной земли заключается въ просвѣщеніи со всѣми его благотворными послѣдствіями.

Въ лицѣ Чацкаго Грибоѣдовъ представилъ намъ типическій образъ *юношескаго* служенія тѣмъ идеаламъ *со всѣми признаками неопытности* въ этомъ возрастѣ; но безъ юности немыслимы и мужественная зрѣлость, и мудрая старость.

Въ изображеніи служенія идеаламъ сказывается обаятельная сила творчества Гр., и отсюда является безпримѣрная устойчивость интереса и вліянія *Горя отъ ума* съ его Чацкимъ, этимъ страдальцемъ мысли, честнымъ и пламеннымъ обличителемъ золъ жизни, ревностнымъ поборникомъ просвѣщенія и защитникомъ человѣческаго достоинства безъ различія званія и состоянія людей. Такимъ образомъ, типъ Чацкаго задуманъ и представленъ въ комедіи геніально.

Но, за всѣмъ тѣмъ, полная оцѣнка литературно-общественной и художественной роли Гр. и вмѣстѣ его истинной славы и значенія *Горя отъ ума* все еще впереди и впереди, по нашему мнѣнію: имъ предстоитъ еще все расти и крѣпнуть въ сознаніи потомства до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не одно такъ называемое общество, интеллигенція, но и народъ вообще возрастетъ до пониманія комедіи *Горе отъ ума* хотя въ той степени, въ какой онъ способенъ понимать *Недоросля* Фонвизина, многія *басни* Крылова, сочиненія *Гоголя*, *Кольцова* и нѣкоторыхъ другихъ; только въ это, трудно опредѣлимое въ будущемъ, время можетъ выясниться вполнѣ и значеніе комедіи, и слава творца ея; и тогда-то благодарное потомство воздастъ своему великому генію все должное и запишетъ его славу и значеніе *Горя отъ ума*, подъ покровомъ Нестора-лѣтописца, на скрижаляхъ бытія народа русскаго, «нашего умнаго, добраго народа», единственной во всей комедіи—*Горе отъ ума* сочувственной среды и мысленной опоры для Чацкаго, по замыслу Грибоѣдова.

П. Иващенко.

Покровскій могильникъ.

Обширная слобода Покровскъ, Купянскаго уѣзда Харьковской губерніи, основанная лѣтъ сто съ небольшимъ тому назадъ, расположена по обѣимъ сторонамъ Гнилой балки, орошаемой верховьемъ рѣчки Гнилой, впадающей въ р. Дуванку, лѣвый притокъ Сѣв. Донца. При основаніи сл. Покровска первыя усадьбы появились на восточной сторонѣ названной балки, но, по мѣрѣ разростанія поселка, постройки стали воздвигаться и на западной сторонѣ, и между прочимъ у подошвы возвышенности, прорѣзываемой съ юга оврагомъ Волчьимъ, а съ сѣвера — продолженіемъ той же Гнилой балки, тянущейся въ этомъ мѣстѣ въ направленіи съ запада на востокъ. Заселеніе этой новой части слободы потребовало земляныхъ работъ, которыя вызывались планированіемъ усадебныхъ площадей, постановкой столбовъ и т. д. Во время производства названныхъ работъ стали попадаться человѣческіе остовы, сопровождаемые костями животныхъ, посудой, предметами украшеній и т. д.; словомъ, обнаружилось, что эта новая, отведенная подъ постройки, площадь находится на мѣстѣ древняго кладбища, которое теперь подвергалось разоренію. Разореніе это, по свидѣтельству мѣстныхъ крестьянъ, началось приблизительно лѣтъ 30 тому назадъ; въ теченіе этого времени разрушено было нѣсколько десятковъ могилъ, а находимые въ могилахъ предметы, каковы: посуда, кольца, бусы, браслеты, были уничтожены. Весною минувшаго года, послѣ сильнаго проливнаго дождя, края раскапываемой возвышенности обвалились, при чемъ обнаружились слѣды новыхъ могилъ. Этотъ фактъ сдѣлался извѣстнымъ мѣстнымъ властямъ и доведенъ былъ до свѣдѣнія Императорской Археологической Коммиссіи, которая и поручила мнѣ произвесть изслѣдованіе могильника. По прибытіи въ Покровскую слободу я нашелъ слѣдующее. Въ одномъ мѣстѣ

упомянутаго обвала зарыты были въ безпорядкѣ составныя части двухъ распавшихся во время обвала человѣческихъ костяковъ, въ другомъ мѣстѣ видны были слѣды на половину разрушенной могилы. Кромѣ того, хозяева двухъ сосѣднихъ усадьбъ заявили, что въ ихъ дворахъ видны слѣды трехъ могилъ, изъ которыхъ въ одной уже обнаружено было присутствіе костяка. Что же касается самой возвышенности, на восточномъ склонѣ которой находился данный могильникъ, то на ровной поверхности ея не оказалось никакихъ возвышеній, хоть сколько нибудь напоминающихъ обычные могильные курганы; а по свидѣтельству глубокихъ стариковъ, почти современниковъ основанія слободы, разсматриваемая возвышенность всегда имѣла ровную поверхность, представляя изъ себя такъ называемую «цѣлину». Мои разысканія состояли, во-первыхъ, въ изслѣдованіи вышеуказанной полуразрушенной могилы и трехъ могилъ въ крестьянскихъ усадьбахъ, а во вторыхъ, въ обслѣдованіи сосѣдней съ обнаруженными могилами еще нетронутой площади, при чемъ не далеко отъ края обрыва замѣчены были еще двѣ дѣтскія могилы. Но дальнѣйшія разысканія въ этомъ мѣстѣ не дали никакихъ результатовъ. Вообще же, какъ мои личныя наблюденія, такъ и данныя, добытыя путемъ разспроса мѣстныхъ обывателей, даютъ основаніе предполагать, что центральное ядро Покровскаго могильника совпало съ площадью, отведенною подъ крестьянскія усадьбы. Возможно, что и внѣ этой площади еще находятся скрытыя въ землѣ могилы; но разысканіе ихъ, при полномъ отсутствіи внѣшнихъ признаковъ, потребовало бы затраты значительныхъ средствъ и могло бы окончиться ничѣмъ.

Въ *шести* изслѣдованныхъ мною могилахъ обнаружены были явные слѣды погребенія чрезъ зарываніе покойниковъ въ землю. Покойники положены были въ ямахъ головою на западъ, лицомъ—на востокъ, руки вытянуты были вдоль туловища; только въ одной могилѣ оказались слѣды деревянныхъ досокъ, которыми, по бокамъ, обложенъ былъ покойникъ, въ остальныхъ пяти могилахъ слѣдовъ гроба не оказалось. Въ четырехъ могилахъ обнаружено было присутствіе глиняной (черной или красной) посуды: это приземистыя «кубышки» съ ушками, съ широкими основаніями внизу, съ сравнительно узкими шейками вверху и съ отвороченными наружу краями. Вотъ объемъ одного такого горшка: высота $2^1/_2$ вершка, окружность самой выпуклой части (нѣсколько выше основанія) 11 в., шейка

возлѣ вѣнчика 6 в. На отворотахъ вѣнчика въ одномъ случаѣ оказались слѣды орнамента: это простыя ямочки, выдавленныя, по всей вѣроятности, деревянной палочкой. Такая же посуда, по свидѣтельству мѣстныхъ обывателей, часто встрѣчалась при разореніи могилъ. Въ трехъ могилахъ найдены кости мелкаго животнаго—козы или барана, посуда и кости животнаго всегда находились у головы. Изъ предметовъ украшеній прежде всего обращаютъ на себя вниманіе найденныя въ двухъ женскихъ могилахъ *привѣски*, родъ ушныхъ серегъ, состоявшіе изъ четырехъ маленькихъ бусъ, раздѣленныхъ тонкими металлическими колечками и надѣтыхъ на проволоку, которая внизу завязывалась узелкомъ, а вверху загнута была въ колечко. Въ двухъ могилахъ найдено по одной монистинѣ; одна изъ нихъ, оказавшаяся на груди,—тройчатая изъ стекловиднаго вещества, покрытая сверху тонкою серебряною пластинкою. Кромѣ того, найдены были слѣдующіе предметы, служившіе украшеніемъ: поясная желѣзная пряжка, состоящая изъ удлиненнаго кольца съ язычкомъ (сильно окислилась), серебряный перстень (а не простое кольцо), бронзовая пуговка на подобіе бубенчика и кусочекъ золотой бляхи, которая нашита была, вѣроятно, на платьѣ. Изъ предметовъ домашняго обихода найдены были: въ одной могилѣ—маленькій желѣзный ножикъ въ мѣдныхъ ножнахъ, каменная пряслица обычной формы и костяное шило; въ другой могилѣ: кремень, желѣзцо, служившее, повидимому, огнивомъ и точильный камень. Наконецъ, въ одной могилѣ найдены были: желѣзный кинжалъ у пояса въ деревянныхъ ножнахъ $5^1/_2$ в. длины и часть лошадиныхъ желѣзныхъ удилъ. Въ послѣднемъ случаѣ вполнѣ сохранился костякъ, имѣвшій въ длину 2 арш. $7^1/_2$ в. При измѣреніи головнаго черепа получились слѣдующіе цифры: наибольшій *продольный* діаметръ черепа—179, поперечный діам. 153, головной указатель 0,85; наименьшій лобной діаметръ 88, широта лица 139, высота лица 69, лицевой указатель 0,49; широта глазныхъ орбитъ 35, высота 31, глазной указатель 0,88; высота черепа 159; окружность 530.

Если на основаніи этихъ немногихъ, но весьма типичныхъ, данныхъ сдѣлать выводъ, то онъ будетъ такой: населеніе, оставившее этотъ могильникъ, принадлежало къ монголо-татарской расѣ и находилось подъ воздѣйствіемъ восточной культуры, имѣвшей, между прочимъ, широкое распространеніе въ области средней и нижней

Волги и существенно отличной отъ той культуры, которая господствовала у приднѣпровскихъ славянъ. Этотъ выводъ станетъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, что Покровскій могильникъ находится въ бассейнѣ Сѣв. Донца и именно за «шеломянемъ» Слова о Полку Игоровѣ, т. е., за осколо-донецкимъ водораздѣломъ, за которымъ начиналось полное господство кочевыхъ ордъ монголо-татарскаго корня. Что же касается вопроса о времени, къ которому относится данный могильникъ, то для рѣшенія его у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Съ увѣренностью можно утверждать только то, что могильникъ этотъ возникъ въ эпоху до распространенія въ область верхняго Донца русской колонизаціи.

В. Завитневичъ.

Запись начала XV вѣка.

Императорская Публичная библіотека владѣетъ спискомъ словъ преп. Исаака Сирина (F. I. 476), съ двойною записью. Первая часть ея написана въ Константинополѣ въ 1420 году; она принадлежитъ оригиналу этого списка. Вторая написана въ Смоленскѣ въ 1428 году, писцомъ списка. Пользуясь краткостью этой записи, приведемъ ее цѣликомъ, расположивъ строка въ строку:

Слава скрьшителю бо҃у
всѧкомꙋ дѣлоу начало и конець еже ѡ нем
начинаемомꙋ си писана бы книга си въ
црⷭ҇твꙋющемъ градѣ костѧнтинополи, въ
црⷭ҇твѣ ст҃го цр҃ѧ киръ манꙋина (sic.) прѣ-
стол же тогда вселенскы оукрашаꙗ ст҃ы-
и патрїархъ киръ їѡси. въ ѡбители прѣ-
чистыꙗ бц҃а чⷭ҇тнаго еꙗ оуспенїа, в ма-
настырѣ панъмакаристѣ повелѣнїе-
мъ смиреннаго еп҃па Киръ герасима,
владимерскаго волынскыꙗ землѧ. ро-
дом же москвитина, тїтова сына, а бо-
лванова внꙋка. его бы и книга си, гл҃е-
ма исаакъ сирьанинъ, рꙋкою раба бж҃їа
тїмофѣꙗ, почата бы писати. в лѣ҃ ҂ѕ҃
ц҃ки. мц҃а маїа к҃е, кончана того же лѣ-
та, мц҃а июнѧ, к҃в. бо҃у нашемꙋ слава.

Сь сѣе же книги преписана бысть книга сиꙗ
на второую книгоу. при великомъ кнѧзи

александрѣ. зовомá, витовтъ. тогда
бо ємоу многа лѣтъ соущи держащїѫ вели-
коє княженьє литовьскоє, и роусьскоє.
и инаıа великаıа княженыıа. спроста ре-
щи всѧ роусьскаıа землѧ. тогда бѧхоу
крѣпко слоужахоу ємоу велицїи князи.
Великїи князь московьски. великии
князь тверьски. великии князь ря-
заньски, великии новъгородъ. вели-
кии пьсковъ. и спроста рещи весь роу-
сьскии ıазыкъ. чть и дары подавахоу
ємоу. и тако же слоужахоу ємоу и въсто-
чныє великии цри татарьскии. тако же
и немецькии, великии князи слоужахоу є-
моу, со всѣми грады своими, и съ землѧ-
ми. тѣ же немецькии князи, по немець-
комоу ıазыкоу зовоми мистрове. єще
же и инїи велицин князи слоужать ємоу.
гдрь молдавьскои земли, тако же и ба-
сарабьскои земли. тѣ же велицїи кня-
зи. гдри молдовьскои земли. по власно-
моу ıазыкоу зовоми воеводы. тако
же и чесьскоє корольство (sic.) слоужаше ємоу.
тѣ же велицїи князи, всѣхъ земль тѣх
и ıазыковъ. єже писахомъ здѣсе въ кни
зѣ сеи. великоу чть и дары подавахоу
славномоу господарю, великомоу кня-
зю александроу, зовомоу витовтоу.
тако же и велики дары и дани приноша-
хоу ємоу. не токмо на всѧко лѣто но
и по всѧ дни. а ѿ тѣхъ великихъ земль
которомоу ѡсподарю повелеваше к со-
бѣ быти. ѡни безъ всѧкого ѡслоуша-
ниıа прихожахоу к немоу с своихъ земль.
Єсть пакъ хочеть поити на котороую

землю, на нихъ самъ бываше коли гнѣвенъ. или пакъ силныхъ своихъ воеводъ гдѣ послати хощеть. и не которои земли, которымъ гдремъ велѧше к собѣ быти. ино тѣхъ великихъ земль гдри, безъ всѧкого ѡслоушаниꙗ, приходѧть ѥо всѣми своими силами на помочь и на ѥго слꙋжбоу есть ли паки тѣхъ великихъ земль которомоу гдрю. нѣ за коую ноужю немощно было прити. и ѡнъ всѧ своꙗ рати и силы посылаше к немоу на помочь и на слоужбꙋ. тогда бо бѧше славныи гдрь велики кнѧзь александръ, зовомыи витовтъ. въ велицѣи чти и славѣ прѣбываше. тако же и ѡтечьство ѥго, литовьскаꙗ землѧ в велицѣи чти прѣстоꙗше. и всѧкимъ ѡбильѥмъ исполнѧшесѧ. тако же и народна бѧше много.

В лѣ ҂ѕцлѕ. мца авгꙋста ді. списана бы книга сиꙗ, въ бгохранимомъ градѣ смоленьскоу. повелѣнїѥмъ смиренаго еппа, киръ герасима. преже бывьшаго, владимерьскаго волыньскыꙗ земли. родомъ же москвитина, тїтова сына. а болванова вноука. потомъ же бжиѥю блгтию, и великаго кнѧзѧ александра. зовома витовта. волею и хотѣниѥмъ. и блгвниѥмъ прщинаго архиеппа. ѡтїа митрополита, киевьскаго и всеꙗ роуси. тотъ же смиреныи еппъ, киръ герасимъ владимерьскии прѣведенъ бы, со владимерьскои епи. . .

. . . . . .

. . . . . .

На этомъ рукопись обрывается.

Такимъ образомъ изъ приведенной записи мы узнаемъ слѣдующее:

Наши свѣдѣнія объ епископѣ смоленскомъ Герасимѣ, поставленномъ по смерти Фотія въ митрополиты всея Руси и сожженномъ въ 1435 году, крайне скудны. Запись нѣсколько пополняетъ ихъ. Она сообщаетъ, что Герасимъ былъ родомъ изъ Москвы, что въ 1420 году онъ былъ епископомъ владимиро-волынскимъ (слѣдовательно, онъ—тотъ самый Герасимъ владимирскій, который принималъ участіе въ поставленіи Григорія Цамблака), что въ маѣ этого года, т. е., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Цамблакъ, оставилъ митрополію, онъ находился въ Константинополѣ, что потомъ, не позже 1426 года, по волѣ Витовта, онъ занялъ смоленскую епископію.

Равнымъ образомъ, наши свѣдѣнія о русскихъ въ Константинополѣ и ихъ дѣятельности, свѣдѣнія вообще крайне отрывочныя, получаютъ изъ записи нѣкоторое дополненіе. Она говоритъ, что Герасимъ, живя въ Константинополѣ, въ монастырѣ Панмакаристы, заказалъ одному изъ Константинопольскихъ русскихъ, по имени Тимоѳею, сдѣлать ему списокъ мало еще въ то время извѣстныхъ въ Россіи словъ Исаака Сирина, что эта книга, довольно значительная по величинѣ, была списана писцомъ очень скоро, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, что затѣмъ она была увезена Герасимомъ въ Россію и послужила оригиналомъ для дошедшаго до насъ списка.

Наконецъ въ записи мы имѣемъ любопытное свидѣтельство современника о томъ значеніи, какимъ пользовался Витовтъ въ концѣ своего княженія. Не только всѣ князья русскіе, съ московскимъ во главѣ, представляются въ ней служащими Витовту, но такая же роль приписывается и татарскимъ ханамъ, нѣмецкимъ магистрамъ и молдавскимъ воеводамъ. Всѣ они воздаютъ Витовту честь и дары; всѣ они являются къ нему на помощь съ своими воинскими силами безъ всякаго ослушанія; въ то же время и земля Литовская исполняется всякимъ обиліемъ и становится многонародной....

А. Соболевскій.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ

(XVIII стол.).

Сообщилъ С. Т. Голубевъ.

Большинство помѣщаемыхъ нами документовъ обязаны своимъ происхожденіемъ обширному судебному дѣлу, возникшему по жалобамъ разныхъ лицъ на бывшаго игумена виленскаго монастыря Ѳеофана Леонтовича Дорумина. Всѣ эти документы, относящіеся къ половинѣ прошлаго столѣтія, съ одной стороны, яркими чертами рисуютъ положеніе православія въ областяхъ, подвѣдомыхъ Польшѣ, въ особенности же виленскаго Свято-Духова монастыря, а съ другой—представляютъ богатый матеріалъ для характеристики упомянутаго Леонтовича,—личности, въ извѣстномъ отношеніи, далеко не безъинтересной.

Виленскій Свято-Духовъ монастырь, основанный и патронируемый Виленскимъ православнымъ братствомъ, былъ однимъ изъ главныхъ религіозно-просвѣтительныхъ центровъ въ литовско-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ, долгое время соперничая въ этомъ отношеніи со Львовомъ и Кіевомъ. Вліяніе его простиралось на всю Литву, гдѣ многіе обители и церкви находились въ непосредственной зависимости отъ «старшинства виленскаго», какъ пользовавшагося правами патріаршей ставропигіи. Естественно поэтому, что исторія Свято-Духова монастыря и группировавшагося около него братства стоитъ въ тѣсной связи съ общею историческою судьбою православія въ русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ Польской Короны. Въ концѣ XVI и началѣ XVII стол., когда усилившаяся пропаганда католицизма и уніи вызываетъ чрезвычайное движеніе въ русскомъ обществѣ къ охраненію праотцевской вѣры отъ враждебныхъ на нее посягательствъ, къ этому движенію всецѣло примыкаетъ и Виленское братство. Оно основываетъ школу, заводитъ типографію, выпускаетъ въ свѣтъ сочиненія религіознаго и религіозно-полемическаго содержанія, ведетъ юридическую борьбу съ латино-уніятами, заботится о возстановленіи своихъ правъ и вообще правъ своихъ единовѣрцевъ

передъ королемъ и на сеймахъ,—словомъ, предпринимаетъ рядъ разнообразныхъ мѣръ въ интересахъ православной церкви.—Сравнительно счастливое для православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой царствованіе Владислава IV даетъ возможность Виленскому братству съ меньшими тревогами продолжать свою просвѣтительную дѣятельность и въ значительной степени упрочить матеріальное благосостояніе монастыря. Но со второй половины XVII столѣтія, когда въ политикѣ польскаго правительства по отношенію къ православной церкви послѣдовалъ крутой переворотъ, когда всѣ усилія наиболѣе фанатичныхъ поляковъ направлены были къ тому, чтобы до крайнихъ предѣловъ стѣснить православныхъ и принудить ихъ примкнуть къ католицизму или уніи,—Свято-Духовъ монастырь, не смотря на нѣкоторую поддержку со стороны единовѣрной Россіи, постепенно клонится къ упадку: просвѣтительныя его средства ослабѣваютъ, нравственныя—умаляются, матеріальныя—оскудѣваютъ.

Въ какомъ плачевномъ положеніи находился виленскій Свято-Духовъ монастырь къ половинѣ XVIII вѣка, т. е., къ тому времени, къ которому относятся помѣщаемые нами документы можно видѣть изъ доставленной въ 1750 году въ Святѣйшій Синодъ вѣдомости о состояніи означеннаго монастыря и монастырей, ему подвѣдомыхъ. Изъ этой вѣдомости усматривается, что нѣсколько обителей, находившихся въ зависимости отъ «виленскаго старшинства», въ разныя времена захвачены уже латино-уніятами. Такъ *Прилуцкій* монастырь отобралъ староста минскій Ивановскій съ великимъ нападеніемъ въ 1736 году; *Цеперскій*—былъ отнятъ сіятельнымъ княземъ Іеронимомъ Радзивилломъ съ базиліянами цеперскими, унитами, въ 1721 г.; *Купятицкій*—захваченъ римскими монахинями-бенедектинками порыдыскими въ 1742 г.; *Новодворскій*—отобранъ базиліянами уніятскими новодворскими въ томъ же (1742) году; въ городѣ Минскѣ захвачена уніятами Троицкая архимандрія, въ повѣтѣ Пинскомъ—*Лящинскій* монастырь, въ повѣтѣ Лидскомъ—*Голдовская* обитель.—Что касается до тѣхъ обителей, которыя оставались еще подъ властію «виленскаго старшинства», то о бѣдственномъ положеніи большинства ихъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующія краткія, но характерныя данныя въ упомянутой вѣдомости: «Въ повѣтѣ Ковенскомъ монастырь *Кронскій Троецкій* имѣетъ 1 игумена, 1 іеромонаха, 1 монаха, 2-хъ послушниковъ, 8 оброчныхъ крестьянъ. Книги церковныя—печати

лвовской, а болѣе писаныхъ; *учительной ни единой не имѣется*». «Въ княжествѣ Жмудскомъ—*Преображенскій Кейданскій* монастырь. Въ немъ—*игумень и братія: одинъ іеромонахъ*, послушниковъ два; парохіи два двора; *питаются съ единого подаянія милостынь* (всѣ прежнія угодья были отняты княземъ Радзивилломъ). Книги имѣетъ *ветхія писанія, учительской же не единой*». «Въ городи Вильнѣ—дѣвичій *Благовѣщенскій* монастырь. Въ немъ: 1 намѣстница, 2 монахини, 5 послушницъ. *Питаются съ рукодѣлія своего; книгъ почти не имѣютъ ничего* ... что жъ имѣли у монастыру и тое продано бывшимъ старшимъ Мелхисидекомъ, о чемъ въ Святѣйшій Сунодъ челобитье отъ нихъ подано». Самый Свято-Духовъ монастырь въ разсматриваемое время имѣлъ только 1 игумена, 3 іеромонаховъ, 3 монаховъ, 4 послушниковъ, 6 оброчныхъ крестьянъ [1])

Въ связи съ матеріальною скудостію монастырей и ослабленіемъ просвѣтительной ихъ дѣятельности, замѣчается упадокъ и нравственной жизни въ средѣ монашествующихъ. Спеціальный историкъ виленскаго Свято-Духова монастыря [2]), имѣвшій недоступныя намъ въ настоящее время документы, говоритъ, что на основаніи ихъ можно бы нарисовать печальную картину монастырскихъ безпорядковъ, касавшихся нравственной жизни иноковъ,—и хотя самой картины не рисуетъ, полагая достаточнымъ въ видахъ историческаго безпристрастія одного указанія на существованіе нравственныхъ недостатковъ въ средѣ монашествующихъ, но въ чемъ именно заключались эти недостатки отчасти можно видѣть изъ нѣкоторыхъ помѣщаемыхъ нами документовъ. Разумѣемъ въ данномъ случаѣ письма къ намѣстнику виленскаго монастыря Владычкѣ о неблаговидныхъ поступка минскаго игумена Арсенія Томиловича, заботившагося болѣе объ интересахъ жидовки Рывки, чѣмъ о благосостояніи ввѣренныхъ его попеченію монастырей, и вообще ставшаго притчею во языцѣхъ, о немъ же «невозможно вмѣстить писанныхъ книгъ»; а также донесенія Добрыни къ кіевскому митрополиту о порочной жизни іеромонаха Стефановича [3]).

---

[1]) См. № XI, стр. 25 и слѣд.

[2]) Виленскій Свято-Духовъ монастырь. Историческое описаніе *Флегонта Смирнова*. Вильна, 1888 г., стр. 192—198.

[3]) См. № X, стр. 19 и слѣд.

Назначеніе настоятелей въ виленскій Свято-Духовъ монастырь зависѣло отъ кіевскаго митрополита, къ епархіи котораго причислена была означенная обитель. Но въ виду указаннаго печальнаго положенія монастыря, «старшинство» въ немъ представлялось дѣломъ не особенно желательнымъ, и многіе отъ такой чести старались уклоняться. Вслѣдствіе этого Святѣйшій Синодъ въ 1741 году предписалъ митрополиту, чтобы «честные іеромонахи» посылаемы были къ виленскому старшинству только на *три года*, а послѣ этого срока, буде окажутся исправными, должно производить ихъ въ архимандриты или игумены въ обители, находившіяся уже въ Россіи [1]). Но и эта награда въ будущемъ не для всѣхъ монашествующихъ была завлекательна. Первый помѣщаемый нами документъ есть прошеніе къ кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому кіево-кирилловскаго игумена Сильвестра Добрыни, который въ началѣ 1749 года назначенъ былъ на виленское старшинство, послѣ отбывшаго свой срокъ въ этомъ званіи Мельхисидека Богдановича, причемъ ему обѣщано было въ будущемъ настоятельство, съ саномъ архимандрита, въ мгарскомъ лубенскомъ монастырѣ. Въ прошеніи Добрыня прямо заявляетъ, что онъ, какъ достаточно потрудившійся въ званіи наставника Кіевской Академіи и имѣющій уже опредѣленное мѣсто, считаетъ свое назначеніе на виленское старшинство въ *крайнюю обиду*, что онъ не чувствуетъ за собою прегрѣшеній, за которыя бы онъ долженъ нести *наказаніе*.... Тѣмъ не менѣе митрополитъ настоялъ на своемъ, и Добрыня вынужденъ былъ отправиться къ мѣсту своего назначенія [2]).

Въ званіи «старшаго» виленскаго монастыря Добрынѣ приходилось нести тяготы несравненно бо́льшія, чѣмъ его предшественникамъ. Ко времени его пріѣзда въ Вильно, 28 мая 1749 года, сильнѣйшимъ пожаромъ истребленъ былъ почти весь городъ; не уцѣлѣлъ при этомъ и Свято-Духовъ монастырь. «Означенный пожаръ—доносило Виленское братство въ Св. Синодъ—въ первыхъ нашего грекороссійскаго монастыря коснулся и до основанія оный такъ сожегъ, что ни единой въ немъ не осталось цѣлой келліи, и прекрасная, всѣхъ господамъ полякамъ бывшая во удивленіе, Святаго Животворящаго

---

[1]) Очеркъ исторіи западно-рус. церкви *И. Чистовича*, ч. II, стр. 165.

[2]) №№ I—III.

Духа, съ пребогатыми Кромницкаго Іоанна Богослова и студентская святыхъ и равноапостольныхъ князей Константина и Елены предѣлами и со всѣмъ неудобоисчислимымъ пребогатымъ накладомъ и богателемъ, ибо сребренная и золотая мало не вся сгорѣла посуда, златомъ и сребромъ тканная ризница, книгъ немалое число, и прочое все, что въ церкви и монастыру было, все въ прахъ и пепелъ пошло. Въ монастырѣ каменныхъ келій, въ коихъ монахи жили, дванадесять, трапеза, кухня, пекарня, ліоховъ шесть и въ нихъ всякіе хлѣбные и питейные... припасы погорѣли» [1])... Словомъ, виленскіе иноки, послѣ пожара, остались безъ крова, безъ съѣстныхъ запасовъ, безъ денегъ. Для совершенія богослуженія уцѣлѣла только одна весьма ветхая «паніенская» церковь [2]). Своими собственными и монастырскими средствами Виленское братство не въ состояніи было реставрировать обитель. Да и по вопросу о самой реставраціи оно встрѣтило сильное препятствіе со стороны мѣстнаго католическаго бискупа Михаила Зенковича, который грамотою отъ 11 іюля (по новому стилю) 1749 г. воспретилъ православнымъ возобновлять сгорѣвшіе храмы [3]),—причемъ, когда Сильвестръ Добрыня просилъ у бискупа объясненія по поводу означенной грамоты, послѣдній заявилъ, что «онъ де не отъ себе единаго послалъ о недопущеніи репаровать церковь сызматицкую інгибицію, но отъ цѣлой Рѣчи Посполитой», выставляя мотивомъ для этого то, «что въ Имперіи Россійской не позволяется въ Смоленску и въ Кіевѣ имѣть костелы католицкіе» [4]).

Въ это тяжелое для виленскаго монастыря время Сильвестръ Добрыня стоялъ на высотѣ своего положенія и много положилъ труда въ интересахъ управляемой имъ обители. Онъ неоднократно лично отправлялся въ Петербургъ и Москву для сбора пожертвованій на возобновленіе сгорѣвшаго монастыря и усиленно хлопоталъ предъ русскимъ правительствомъ о воспособленіи разорившейся обители, и хлопоты эти увѣнчались значительнымъ успѣхомъ: государыня приказала (19 генв. 1752 г.) выдать «на репарацію» виленскаго монастыря и церкви 6000 рублей. Сдѣланы были сравнительно немалые пожертвованія и нѣкоторыми другими лицами.

---

[1]) № VII, стр. 12 и слѣд.
[2]) Ibid.
[3]) № VI.
[4]) № V.

Кто помогалъ при означенныхъ хлопотахъ Добрыни, какія онъ притерпѣвалъ мытарства при хожденіяхъ отъ однаго лица къ другому, какъ, наконецъ, отстраивался монастырь, кто были при этомъ мастерами, сколько пошло матеріаловъ, какихъ именно и какой цѣнности, въ каковомъ видѣ возстановлены были храмы и монастырскія зданія,—обо всемъ этомъ въ помѣщаемыхъ документахъ имѣются свѣдѣнія обстоятельныя [1]).

Прилагалъ Добрыня большія старанія и къ тому, чтобы возвратить «виленскому старшинству» отнятыя у него въ предшествующее время латино-уніятами обители и велъ процессы съ разными лицами по поводу сдѣланныхъ ими у монастыря имущественныхъ захватовъ, но всѣ эти хлопоты хотя и увѣнчались относительнымъ успѣхомъ *въ судахъ*, существенной пользы Виленскому братству не принесли, такъ какъ въ Польшѣ того времени получить въ какомъ-либо судебномъ мѣстѣ благопріятное рѣшеніе было *одно дѣло*, а фактически воспользоваться этимъ рѣшеніемъ было *совершенно другое*. Мало того, во время указанныхъ поѣздокъ Добрыни въ Москву и Петербургъ, виленское старшинство понесло новую утрату: 1 іюля 1751 года жмудскій католическій бискупъ Тышкевичъ самовольно «черезъ своего комисара» отобралъ подвѣдомую виленскому монастырю сѣлецкую Свято-Троицкую обитель, находившуюся въ Минскомъ воеводствѣ, и вмѣстѣ съ принадлежащими ей подданными подчинилъ своей власти, *на томъ основаніи*, что означенная обитель находилась вблизи бискупскихъ владѣній [2]).

Заботился С. Добрыня и о томъ, чтобы возвысить до извѣстной степени религіозно-просвѣтительную дѣятельность виленскаго и другихъ, ему подвѣдомыхъ монастырей: онъ неоднократно просилъ митрополита, чтобы, по его требованію, посылаемы были въ означенные монастыри люди способные для прохожденія тѣхъ или иныхъ послушаній, «честные и трезвенные» [3]). Но и эти старанія Добрыни, кажется, были довольно безплодны. Если не съ особенною охотою шли способные люди на самое виленское старшинство, то еще менѣе охотниковъ могло находиться для послушаній не столь видныхъ и почетныхъ.

---

[1]) №№ XII, XIII, XVII, XVIII, XIX и XXIV.

[2]) № XV.

[3]) № X, стр. 20.

С. Добрыня пробылъ на виленскомъ настоятельствѣ не *три* года, какъ было тогда въ обычаѣ, а цѣлыхъ *шесть лѣтъ*. Это зависѣло отъ того, что заботливость его о возобновленіи виленскаго Свято-Духова монастыря заслуживала одобреніе со стороны кіевскаго митрополита, и послѣднему желательно было удержать на мѣстѣ дѣятельнаго архимандрита возможно долѣе. Но Добрыня давно уже тяготился своимъ положеніемъ, сопряженнымъ съ многотрудными обязанностями, и желалъ своего увольненія отъ настоятельской должности въ Свято-Духовомъ монастырѣ. Въ апрѣлѣ 1754 года митрополитъ наградилъ Сильвестра золотымъ наперснымъ крестомъ [1]). Разумѣется, это сдѣлано было не безъ цѣли—еще нѣкоторое время удержать Добрыню въ Вильнѣ. Послѣдній въ прочувствованныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ митрополита за награду, лестную не только для него, настоятеля, но и для всего Виленскаго братства, но возобновилъ свою просьбу объ увольненіи, ссылаясь на крайне разстроенное здоровье, не дозволявшее надлежащимъ образомъ отправлять возлагаемыя на него должностію обязанности [2]). Митрополитъ медлилъ. Тогда Добрыня обратился съ подобною просьбою въ Святѣйшій Синодъ. Такимъ поступкомъ Тимоѳей Щербацкій (митрополитъ) оскорбился и въ письмѣ къ одному изъ членовъ Святѣйшаго Синода просилъ наказать С. Добрыню, «дабы и протчимъ таковымъ команду свою презирать не было повадно» [3]). Тѣмъ не менѣе Сильвестръ вскорѣ митрополитомъ былъ уволенъ отъ виленскаго старшинства и ему, согласно данному прежде обѣщанію, предоставленно было настоятельство въ Глуховскомъ монастырѣ съ возведеніемъ въ санъ архимандрита [4]).

С. Добрыня по своему характеру былъ человѣкъ мягкій, уступчивый, кроткій. Имъ довольны были не только виленскіе братчики, но даже и латино-уніятскія власти. Виленскій бискупъ Зѣнковичъ, воспротивившій было возобновлять Свято-Духовъ монастырь, въ письмѣ своемъ къ князю Чарторижскому, объясняя, что таковое запрещеніе имъ снято, между прочимъ, заявляетъ: «не отказую (въ возобновле-

---

[1]) № XXII.

[2]) Ibid.

[3]) № XXIII.

[4]) Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви. *И. Чистовича*, ч. II, 170.

ніи монастыря) какъ по ходатайству Вашего Сіятельства, такъ и потому, понеже *нынѣшній игуменъ съ братіею своею живетъ спокойно и гордымъ предкамъ своимъ не послѣдуетъ*, для того и жалобы ужъ утѣшились» [1]), и проч.

Преемникомъ Добрыни на виленское старшинство назначенъ былъ игуменъ *Ѳеофанъ Леонтовичъ Дорумынъ*. Это былъ человѣкъ очень умный, но по характеру своему представлялъ совершенную противоположность Добрыни: былъ гордъ, честолюбивъ, не уступчивъ,—вообще «къ скромнымъ поступкамъ», которые такъ восхвалялись въ его предшественникѣ, склоненъ не былъ.

Естественно, что такой человѣкъ не по сердцу былъ латиноуніятамъ и можно было ожидать, что онъ станетъ къ нимъ во враждебныя отношенія. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось.

По пріѣздѣ въ Вильно Леонтовичъ, вмѣстѣ съ своимъ предмѣстникомъ Добрынею, представился виленскому бискупу и произнесъ ему привѣтственную рѣчь на латинскомъ языкѣ. Бискупъ поблагодарилъ. Завязался разговоръ. Бискупъ поинтересовался узнать скороли окончательно отстроенъ будетъ Свято-Духовъ монастырь и имѣются-ли для этого средства?—Леонтовичъ отвѣтилъ, что денегъ дано ему при отъѣздѣ изъ Кіева въ Вильно много: есть чѣмъ докончить не только виленскія постройки, но можно привести въ надлежащій порядокъ и монастыри, подвѣдомыя виленскому. Въ данномъ случаѣ Леонтовичъ лукавилъ: денегъ ни лично у него, ни въ монастырѣ почти ничего не имѣлось. Говорилъ же такъ потому, что до него дошли слухи, будто бискупъ на томъ основаніи, что Виленское братство не имѣетъ средствъ окончить постройку монастыря, намѣревается отобрать его (какъ безобразящій видъ города) отъ православныхъ и передать латинскимъ или уніатскимъ монахамъ, а затраченныя русскимъ правительствомъ на возобновленіе монастырскихъ построекъ деньги возвратить по принадлежности. Слухи эти подтверждены были, при свиданіи съ Леонтовичемъ, кальвинскими пасторами. «Это—говорили они—въ нашемъ Польскомъ государствѣ не новина, и мы сами таковыхъ печалныхъ случаевъ живый образецъ: у насъ римское духовенство нѣсколько десятковъ церквей отняло, когда мы обветшавшіе наши церкви или школы не скоро начали починять либо, починяя,

[1]) № XIII. стр. 86.

промедлительно кончили; коихъ отнятыхъ у насъ церквей не могли мы, да и впредь не можемъ никакимъ образомъ обратно получить; ибо этое римскаго духовенства разбойническое беззаконіе, на основаніи нашихъ политическихъ законовъ, стало быть у насъ законное; а паче еще потому, что злохитрое римское духовенство дѣлаетъ такое свое усилное на наши диссиденскіе церкви нападеніе подъ видомъ ревности къ прославленію имени Божія и ко спасенію душъ сооружителей таковыхъ церквей, какого бы исповѣданія тѣ сооружители ни были. А образецъ отнятія нашихъ диссиденскихъ церквей у римскаго духовенства весма есть легокъ: ибо римскій попъ, взявъ съ собою въ одинъ карманъ мшалъ (служебникъ), а въ другой карманъ дискосъ, келихъ, облятокъ и ямполку съ виномъ, такожъ подъ одну полу образъ неболшій, во мѣсто антиминса употребляемый, когда въ какую либо диссиденскую церковь дверми прокрадется или окномъ пролѣзетъ, и въ оной церкви, образъ свой къ стѣнѣ привѣсивъ, на камнѣ своемъ предъ тѣмъ образомъ лекту (читаную службу) римскую единъ толко разъ прохватаетъ, то тогда уже никакому диссиденту, то есть, ни греку, ни лютеранину, ни кальвинистѣ въ той своей церкви службы Божія по закону своему отправлять и церковь римскую, лектою освященную, сквернить, всячески не возможно, подъ опасеніемъ смертной казни» [1]).

Дѣйствительно, въ скоромъ времени оказалось, что одно изъ предостереженій кальвинскихъ пасторовъ имѣло основаніе. Спустя нѣсколько дней послѣ свиданія съ бискупомъ, въ келью къ Леонтовичу, «полумертвъ отъ страха, прибѣжалъ Добрыня, сказуя: *пропала наша церковь и монастыръ; попы римскіе въ новопочиненной церкви нашей, образъ свой къ стѣнѣ привѣсивъ и свѣчи зажегъ, велегласно поютъ*». Леонтовичъ моментально вскочилъ, созвалъ монастырскихъ служителей, побѣжалъ къ церкви и находившаго въ ней римскаго попа, доминикана, приказалъ вытащить, вытолкать изъ монастыря, а всѣ церковныя двери и монастырскія ворота запереть и приставить къ нимъ стражу [2]).

Разумѣется, такъ бы поступилъ въ данномъ случаѣ и Добрыня и вообще всякій настоятель, хотя, можетъ быть, и не столь энергично,

---

[1]) № XXVII, стр. 67—69.

[2]) Ibid., стр. 70.

«съ бо́льшею скромностію».—Но другія дѣянія Леонтовича были не по силамъ его предшественнику. Для характеристики того образа дѣйствій, какой позволялъ себѣ въ извѣстныхъ случаяхъ новый настоятель по отношенію къ лицамъ, не желавшимъ удовлетворять его законныхъ требованій, укажемъ на расправу его съ нѣкіимъ мѣщаниномъ Доманскимъ, съ нахальствомъ отказывавшимся отъ уплаты должныхъ виленскому монастырю денегъ. Дѣло въ слѣдующемъ: во время бывшаго въ Вильнѣ пожара сгорѣли, между прочимъ, принадлежавшія Свято-Духову монастырю торговыя помѣщенія. По недостатку денегъ монастырь не могъ на свои средства возобновить постройки и предложилъ желающимъ строить помѣщенія на монастырской землѣ собственнымъ коштомъ, по контракту, «съ означеніемъ сроку пожилыхъ въ монастырскомъ, купцами починенномъ, строеніи годовъ, съ опредѣленіемъ ежегоднаго въ монастырь платежа». Одно изъ помѣщеній взялся построить виленскій мѣщанинъ Доманскій (католикъ) на слѣдующихъ условіяхъ: помѣщеніемъ онъ имѣлъ пользоваться пожизненно, съ платою въ годъ монастырю по 100 злотыхъ; по смерти арендатора постройки переходятъ въ полную собственность монастыря. На первыхъ же порахъ Доманскій слукавилъ: условіе заключилъ не на свое имя, какъ обѣщался, а на имя своего двадцатилѣтняго сына. Но съ этимъ лукавствомъ иноки примирились. За первый годъ условленная арендная плата внесена была исправно, но со втораго же, не смотря на неоднократныя напоминанія, платежъ окончательно прекратился. Виленская братія вчинила искъ. Судъ постановилъ благопріятное для монастыря рѣшеніе, но Доманскій денегъ не отдалъ. Переносится дѣло въ высшую инстанцію и опять рѣшается въ пользу монастыря; но Доманскій опять ни денегъ не отдаетъ, ни помѣщенія не очищаетъ. Монастырь въ третій разъ, четвертый и т. д. подаетъ жалобы въ суды и всегда получаетъ рѣшенія въ свою пользу. Но Доманскій ни на что не обращаетъ вниманія: по опредѣленіямъ судовъ «ни единаго исполненія не учинилъ». Придутъ власти, объявятъ судебное рѣшеніе, приложатъ къ дверямъ печати,—а на другой день Доманскій опять сидитъ за своимъ прилавкомъ. Дѣло, по всей вѣроятности, благодаря «поляческимъ законамъ», тянулось бы до безконечности, если бы Леонтовичъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами (постоемъ въ Вильнѣ русскихъ войскъ) не прибѣгнулъ къ энергической мѣрѣ. Онъ выпросилъ у Виленскаго магистрата двухъ

чиновниковъ, а у русскаго генерала нѣсколько человѣкъ солдатъ, пришелъ съ ними къ Доманскому, заставилъ его чуть ни въ десятый разъ выслушать магдебургскіе и королевскіе декреты по иску монастыря, и когда Доманскій съ безчестіемъ, ругаясь скверными словами, началъ выгонять изъ лавки чиновниковъ и Леонтовича, послѣдній сказалъ разбушевавшемуся мѣщанину: *Развѣ вамъ господинъ Доманскій, по вашихъ магдебургскихъ и королевскихъ декретахъ, нашъ еще московскій декретъ написать? — Даромъ, пиши и московскій*—отвѣчалъ Доманскій,—*мнѣ и въ томъ нужды нѣтъ*. По которыхъ его Доманскаго словахъ—заявляетъ Леонтовичъ—приказалъ я монастырскимъ своимъ четыремъ служителямъ, его, господина Доманскаго, на куль соломы положить, и ему, Мартину Доманскому, 100 плѣтей, а сыну его Стефану 50 дать. Потомъ, лавки свои съ товарами его, Доманскаго, замкнувъ и печатьми не магистратскими, которыя онъ нѣсколько разъ отрывалъ, но своими монастырскими запечатавъ, россійскій караулъ, отъ господина генерала Даревскаго испрошенный, къ лавкамъ приставилъ. Который караулъ при тѣхъ лавкахъ чрезъ три недѣли стоялъ, покамѣстъ онъ, Доманскій, монастырю нашему надлежащей ему должной суммы, а именно 3000 злотыхъ польскихъ (очевидно, считая и штрафы) не уплатилъ»[1]).

Разумѣется, этотъ поступокъ съ Доманскимъ, а главное успѣхъ его обусловливались присутствіемъ въ Вильнѣ *русскаго войска;* но поступокъ этотъ былъ въ духѣ энергичнаго настоятеля и вполнѣ соотвѣтствовалъ его воззрѣніямъ на то, какъ слѣдуетъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, дѣйствовать для охраны монастырскихъ интересовъ и вообще при столкновеніяхъ съ латино-уніатами.

Пользуясь означенными обстоятельствами Леонтовичъ сталъ «горделиво и заносчиво» вести себя даже относительно тѣхъ лицъ изъ противнаго лагеря, которыя занимали высокое общественное положеніе. Такъ онъ объявилъ виленскому католическому бискупу, что «не станетъ, по примѣру своихъ антецессоровъ, въ неправедныхъ польскихъ судахъ, напрасною и всеубыточною волокитою крайне убогихъ своихъ монастырей разорять, а ни генеральныхъ согласныхъ сеймовъ, то есть, конца безъ конца дожидаться, но намѣренъ такого способу искать, который бы непремѣнно его, епископа, принудилъ къ немедленному

[1]) № XXXI, стр. 281—289.

учиненію правосудія и къ возвращенію всѣхъ благочестивыхъ уніатами и римлянами неправедно и разбойнически завладенныхъ церквей». Разумѣется, въ данномъ случаѣ Леонтовичъ самообольщался; но дѣйствительно нѣкоторыя попытки къ поднятію престижа православія въ Вильнѣ имъ были сдѣланы. Пользуясь случаями, онъ не стѣснялся (на что не рѣшались его предшественники) совершать торжественныя процессіи по городу. Такъ, по словамъ виленскаго бискупа, «въ вербное воскресеніе, противъ всякаго обыкновенія и недозволеннымъ образомъ, имѣлъ онъ публичный ходъ чрезъ городъ одъ своей церкви даже до находящейся въ Рибной улицѣ уніатской церкви и, заставши ту церковь заперту, какъ непринадлежащую до его власти, на рынкѣ предъ оною святилъ вербу и другія церемоніи распространялъ съ наивящшею гордостію и неумѣренностію въ свободномъ отправленіи вѣры, чего самые престарѣлые люди не помнятъ» [1]). Впослѣдствіи Леонтовичъ объяснялъ, что означенная церковь на Рыбной улицѣ издревле была «благочестивая» (православная) и что онъ «нарочно для того предъ оною церковью вербу святилъ, дабы всенародно освидѣтельствоваться и показать, что такая въ Вильни на рынку стоящая Свято-Воскресенская церковь принадлежитъ до его власти, а не до власти митрополита уніатскаго». Что же касается до чинимыхъ православными по главнымъ улицамъ крестныхъ ходовъ и церемоній, то—по объясненію Леонтовича—спрашивать его объ этомъ такъ же «удивительно и умомъ человѣческимъ непостижимо», какъ спрашивать придерживался ли онъ въ Вильнѣ, со всѣмъ тамошнимъ благочестивымъ народомъ, православной вѣры? И пусть его преемникъ по управленію виленскимъ монастыремъ «крѣпко опасается, чтобъ ему, въ Вильну прибывъ и благочестивую свою церковь въ первый разъ увидѣвъ, крестнаго знаменія на себѣ не положить по греческому обыкновенію», потому что это обстоятельство, по доносу латино-уніатскихъ властей, можетъ быть поставлено ему въ вину и онъ попадетъ подъ слѣдствіе [2]).

Разумѣется, такой энергичный настоятель былъ крайне нежелателенъ для латино-уніатскихъ властей, и католическій бискупъ задался цѣлію выжить его изъ Вильны. Посыпались жалобы на Леон-

---

[1]) № XXIX, стр. 123.

[2]) № XXXI, стр. 227—229.

товича въ Варшаву. Началась переписка съ русскимъ правительствомъ. Леонтовичу отъ своего начальства сдѣланы были запросы. Онъ отписывался. Но нашлись лица и изъ среды православныхъ, недовольныя дѣйствіями виленскаго «старшаго». Занесена была жалоба въ Синодъ и «отъ своихъ» (Θеофанъ Яворскій). О Леонтовичѣ составилось у высшихъ властей представленіе, какъ о человѣкѣ неспокойномъ и неумѣренномъ, и Святѣйшій Синодъ (вслѣдствіе представленія Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ) указомъ отъ 10 сентября 1757 года предписалъ кіевскому митрополиту, для предупрежденія дальнѣйшихъ худыхъ послѣдствій, замѣнить Леонтовича, за его непристойныя поступки, другимъ іеромонахомъ, который бы спокойнѣе и умѣреннѣе съ тамошними обывателями поступалъ. Во исполненіе этого указа митрополитъ отрѣшилъ Леонтовича отъ настоятельства въ виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ и назначилъ на его мѣсто *Амвросія Флоринскаго* [1]).

Но Леонтовичъ былъ крайне недоволенъ такимъ исходомъ дѣла и, не сдавъ своему преемнику монастырскаго имущества и ключей, а также забравши нѣкоторые документы, отправился сначала въ Варшаву для защиты (какъ объяснялъ) монастырскихъ интересовъ «предъ польскими министрами пособіемъ россійскаго въ Варшавѣ посланника», а затѣмъ (въ августѣ 1758 г.)—въ Петербургъ съ цѣлію оправдать предъ духовной и свѣтской властями образъ своихъ дѣйствій въ бытность виленскимъ «старшимъ». Святѣйшій Синодъ не внялъ однако ни словеснымъ ни пространнымъ письменнымъ объясненіямъ Леонтовича, заключилъ его подъ стражу и потомъ подъ крѣпкимъ карауломъ препроводилъ въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію. Но послѣдняя отнеслась гораздо снисходительнѣе къ Леонтовичу: тотчасъ освободила его отъ стражи, пространную его записку «по дѣлу о находящихся въ Польшѣ и Литвѣ грекороссійскаго закона людехъ» приняла «съ радостію и благодареніемъ» и обратила на нее серьезное вниманіе.

Коллегія вступилась за бывшаго виленскаго «старшаго» отчасти вслѣдствіе *обычныхъ* въ то время пререканій со Св. Синодомъ, а отчасти и потому, что смотрѣла на Леонтовича, какъ человѣка хорошо ознакомленнаго съ положеніемъ православія въ русскихъ областяхъ, под-

---

[1]) Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви. *И. Чистовича*. ч. II, стр. 172—173.

вѣдомыхъ Польшѣ, и, вслѣдствіе этого, способнаго оказать русскому правительству нѣкоторыя услуги. Такое мнѣніе о Леонтовичѣ вызвано было личными его объясненіями съ членами Коллегіи и обѣщаніемъ составить обстоятельную записку на латинскомъ или польскомъ языкѣ о правахъ православной церкви въ Польшѣ и не соотвѣтствіи съ ними ея настоящаго положенія, (подъ заглавіемъ: *Жалоба грекороссійской въ Польшѣ церкви на римскаго папу и польскія права*). Благодаря заступничеству Коллегіи «отъ злохитрыхъ и зѣло опасныхъ святительскихъ умышленій», поѣздка Леонтовича въ Петербургъ обошлась для него сравнительно благополучно: онъ препровожденъ былъ въ Кіевъ въ распоряженіе мѣстнаго митрополита для того, чтобы относительно «касающихся его обстоятельствъ» (жалобъ на него) учинено было, въ силу духовныхъ правилъ Регламента и Высочайшихъ указовъ, разсмотрѣніе, а затѣмъ, буде по дѣламъ своимъ онъ очистится, предоставлено было ему по усмотрѣнію преосвященнаго, пристойное мѣсто». Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ извѣщался, что, вслѣдствіе желанія Коллегіи, Леонтовичу поручено, «не разглашая и не объясняя никому, сочинить на россійскомъ и на латинскомъ или польскомъ языкахъ, подъ особымъ наблюденіемъ его, митрополита, означенную *жалобу*, благопристойнымъ образомъ, въ подлежащихъ терминахъ, твердо и ясно, основательно и доказательно, съ вѣроятными доводами, порядочно и политично, *со всякою умѣренностію*». Потомъ, если жалоба, по мнѣнію митрополита, окажется удовлетворяющею этимъ требованіямъ, предписывалось съ вѣрною оказіею препроводить ее въ Святѣйшій Синодъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, Леонтовичъ дѣйствительно занялся составленіемъ порученной ему *жалобы* и вскорѣ (въ половинѣ іюня 1759 года) представилъ ее митрополиту. Но послѣдній остался запискою недоволенъ; 15 іюня, на Кудрявской мызѣ, онъ, при большомъ собраніи кіевскихъ учителей и другихъ почетныхъ гостей, сказалъ Леонтовичу: «Ваше сочиненіе не годится, во первыхъ, потому, что составлено кратко (заключало въ себѣ 5 листовъ на латинскомъ языкѣ); а во вторыхъ, потому, что въ дѣлѣ защиты нашей греко-россійской церкви въ Польшѣ надлежитъ намъ, по синодальному указу, поступать съ римскимъ папою весьма политично, а съ польскимъ министерствомъ умѣренными средствами». Самъ Леонтовичъ, напротивъ, имѣлъ о своей запискѣ весьма высокое мнѣніе: онъ говорилъ, что

«если бы дозволено было послать ее въ Англію или Голландію и тамъ напечатать, то онъ во всей премудрой Европѣ не только предъ школами и гимназіями, но и предъ главными и славными университетами, да и предъ самыми глубокими политиками и высокими министрами за такой свой трудъ не посрамился»[1]).—Тѣмъ не менѣе Леонтовичъ не отказывался отъ составленія и болѣе обширной записки, но просилъ снабдить его нужными для того средствами; именно, просилъ 300 рублей на поѣздку въ Вильно для розысканія документовъ и на содержаніе при себѣ троихъ переписчиковъ и о предоставленіи ему и его помощникамъ удобной квартиры въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, а также снабженія нескуднымъ пропитаніемъ. Но митрополитъ не уважилъ просьбы Леонтовича. Между тѣмъ въ консисторіи началось слѣдствіе по жалобамъ на Леонтовича. Къ прежнимъ жалобамъ присовокупились новыя, довольно придирчивыя, отъ настоятеля виленскаго монастыря Флоринскаго, обвинявшаго своего предмѣстника въ растратѣ церковныхъ вещей. Отъ Леонтовича требовались постоянныя объясненія. Эти объясненія представляютъ безспорный историческій интересъ. Не смотря на нѣкоторыя преувеличенія, въ нихъ яркими чертами рисуется положеніе православія въ русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ, и подробно, критически разсматриваются мѣропріятія русскихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей въ видахъ облегченія участи своихъ единовѣрцевъ—«зарубежныхъ благочестивыхъ». Но писалъ свои объясненія Леонтовичъ уже будучи крайне озлобленнымъ: въ нихъ мы видимъ крайне рѣзкія выходки отчаявшагося въ благопріятномъ исходѣ дѣлъ человѣка противъ всѣхъ и всего. Достается здѣсь и Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и нашимъ резидентамъ въ Польшѣ, и Кіевской консисторіи, и даже членамъ Святѣйшаго Синода. Особенною рѣзкостью отличаются нападки Леонтовича на первоприсутствующаго синодальнаго члена Сильвестра Кулябку. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ доношеній въ Кіевскую консисторію, объясняя, почему онъ рѣшается вчинать жалобу на Кулябку, верховнаго архипастыря, Леонтовичъ дозволяетъ себѣ выражаться такъ: «Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи и то не безъизвѣстно, что преосвященный с.-петербургскій, какъ онъ въ Святѣйшемъ Синодѣ *своимъ велерѣчіемъ, ужаснымъ крикомъ*

[1]) № XXX, стр. 161.

и безприкладнымъ упрямствомъ ни великъ: однако есть только одинъ членъ Святѣйшаго Сунода, а не весь Святѣйшій Сунодъ, либо нашъ всероссійскій папа; послѣдовательно, онъ, первосвященникъ, въ силу духовнаго Регламента, и суду братіи своей подлежитъ. Наконецъ, праведный и премудрой судія... смотритъ только на справедливость дѣла. Почему Духовная Консисторія долженствуетъ милостиво разсуждать: не кто преосвященный с.-петербургскій по своему чину и чести таковъ, но что онъ *за пакость* Христовой церкви и Россійскому нашему государству дѣлаетъ. Противнымъ образомъ: не кто я по моей подлости таковъ, но что я въ пользу Христовой церкви и Россійскаго нашего государства представляю». Или: «С.-Петербургскій преосвященный, по мечтательному своему между прочими Святѣйшаго Сунода членами преимуществу, однихъ мнимымъ своимъ *невѣжествомъ уловляя*, другихъ *непреодолимымъ упрямствомъ преодолѣвая*, *всегда то дѣлаетъ, что ему угодно, какъ бы тое его дѣло заповѣдемъ Божіимъ, правиломъ св. отецъ, Духовному Регламенту, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ, всенароднымъ въ свѣтѣ узаконеніямъ, общегражданскимъ правамъ и самому природному деревенскаго мужика разсужденію противно ни было*», и т. п. [1]).

Разумѣется, «такое многое безчестіе и укорительныя слова на петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябку и его единомышленниковъ» (о чемъ кіевскій митрополитъ увѣдомилъ Сунодъ), не осталось бы безъ должнаго возмѣстія для составителя «доношенія». Но къ счастію Леонтовича С. Кулябка вскорѣ скончался. За его смертію и послѣдовавшимъ милостивымъ манифестомъ упомянутое донесеніе оставлено было безъ послѣдствій.

Дальнѣйшая судьба Леонтовича, по документальнымъ изысканіямъ И. Чистовича, была слѣдующая.

Въ 1762 году онъ прибылъ въ Москву и здѣсь, въ декабрѣ того жъ года, «подалъ въ коммиссію о церковныхъ имѣніяхъ челобитную съ ругательствами на духовныхъ членовъ этой коммиссіи и въ особенности на новгородскаго митрополита Дмитрія Сѣченова. По докладу коммиссіи послѣдовало Высочайшее повелѣніе—сослать его въ Посольскій Далматовъ монастырь для неисходнаго въ простомъ монашествѣ безъ священнослуженія пребыванія. Между бумагами его

---

[1]) № XXX.

найдена копія съ донесенія Синоду ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича объ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ и копія съ челобитной Макарія, митрополита московскаго, и всего духовнаго чина царю Ивану Васильевичу, о неотниманіи церковныхъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. Въ Далматовомъ монастырѣ Леонтовичъ жилъ спокойно, но потомъ, въ 1766 г., въ одинъ праздничный день, вышедъ на средину церкви, прочиталъ вслухъ челобитную на Высочайшее имя, «чѣмъ сдѣлалъ великій церковный мятежъ». Тобольскій митрополитъ Павелъ, имѣя порученіе наблюдать, чтобы Леонтовичъ «не учинилъ утечки за границу» и подозрѣвая, что онъ не весьма далекъ отъ этой мысли, перевелъ его въ самый отдаленный монастырь своей епархіи—Туруханскій. Здѣсь также сначала Леонтовичъ жилъ спокойно, но потомъ, воспользовавшись услужливостью монаховъ, доставившихъ ему чернила и бумагу, написалъ извѣтъ на архимандрита въ магазеинскую воеводскую канцелярію. Синодъ приказалъ за эту продерзость снять съ него камилавку и клобукъ впредь до усмотрѣнія его исправленія и объявить, что это послѣдняя ему милость. Слѣдующіе десять лѣтъ прошли спокойно и Леонтовича перевели (24 апрѣля 1780 г.) опять въ Далматовъ монастырь на монашескую порцію; а въ 1783 году дозволено ему совершать священнослуженіе (Дѣло арх. Св. Син. 1756 г. № 355 и 1764 г. № 213). Настоятель монастыря представилъ о немъ самый одобрительный отзывъ, вслѣдствіе чего въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, въ рескриптѣ на имя новгородскаго архіепископа Гавріила, о Леонтовичѣ и Ушаковѣ (послѣдній содержался въ Соловецкомъ монастырѣ), чтобъ, «освободя ихъ изъ подъ стражи, опредѣлить въ монастыри по разсмотрѣнію Синода и сходно ихъ желанію, подтвердя, чтобъ настоятели тѣхъ монастырей наблюдали за поведеніемъ ихъ» [1]).

С. Голубевъ.

---

[1]) Очеркъ исторіи западно-рус. церкви. *И. Чистовича*, ч. II, стр. 173—174.

Примѣч. Всѣ помѣщаемые ниже документы извлечены изъ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Соф. собора подъ № 590.

Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (XVIII стол.).

I.

Прошеніе кіево-кирилловскаго игумена С. Добрынь къ кіевскому митрополиту Тимовею Щербацкому, съ объясненіемъ, почему онъ не желаетъ быть настоятелемъ Виленскаго монастыря.

НАЧАЛО ФЕВРАЛЯ 1749 г.

Великому Господину Ясне въ Богу Преосвященнѣйшему Кѵръ Тимофею Щербацкому, Архіепископу Митрополиту Кіевскому Галицкому и Малыя Россіи [1]).

Покорнѣйшее доношеніе.

Настоящаго сего 749 года, Генвара 30, Вашего Ясне въ Богу Преосвященства Архипастырскій указъ получилъ я нижайшій, въ коемъ изображено: Понеже де указомъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода прошлого 748 года, Ноября 29, подъ № 1821 отпущеннымъ, Вашимъ же Преосвященствомъ тогожъ года Декабря 30 чиселъ полученнымъ, велено на мѣсто бывшаго старшаго Виленскаго іеромонаха *Мелхиседека Богдановича*, который де указное время на старшинствѣ Виленскомъ выжилъ, а за ево трудъ во игумена Густынского уже произведенъ, въ Виленскій монастыръ старшимъ опредѣлить другаго достойного іеромонаха по разсмотрѣнію Вашего Преосвященства, того ради, за силу выше означеннаго Ея Императорскаго Величества указа, на оное старшинство Виленское, по довольному усмотрѣнію Вашего Преосвященства, опредѣленъ я нижайшій, почему и велѣно мнѣ

[1]) Кромѣ пунктуаціи, ореографія подлинника вполнѣ сохраняется при печатаніи.

нижайшему, заготовивъ себе къ поѣздки во всемъ по надлежащему, не представляя Вашему Преосвященству во извиненіе никакихъ одговорокъ, на оное старшинство Виленское въ самой скорости ѣхать; когда же Богъ продолжитъ Вашему Преосвященству и мнѣ нижайшему жизни, то по прожитіи мене нижайшаго на ономъ старшинствѣ Виленскомъ указнаго трилѣтняго времени, имѣю я нижайшій быть отъ Вашего Преосвященства за тѣ труды произведенъ во архимандрита Мгарскаго Лубенскаго; а понеже какъ прежде сего на старшинство Виленское іеромонахи, а не игумены посыланы были, а нынѣ указомъ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода велено достойного іеромонаха опредѣлить, въ коихъ въ епархіи Вашего Преосвященства крайнего оскуденія не воспослѣдовало, и оному іеромонаху по прожитіи указнаго тролѣтного времени на архимандрію или честное игуменство опредѣлять. Я же нижайшій, по осмолѣтнихъ учительскаго послушанія въ Кіевской Академіи трудахъ, антецессоромъ Вашего Преосвященства блаженныя памяти Преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ Рафаиломъ во игумена Кіево-Петропавловскаго 744 года Іюля 22 дѣйствительно произведенъ, Вашимъ же Ясне въ Богу Преосвященствомъ прошлого 748 года Генвара 25 чиселъ пожалованъ: того ради мнѣ нижайшему на старшинство Виленское опредѣленіе послѣдуетъ въ крайную обиду и бѣднаго здравія моего, какъ въ всегдашней Вашему же Преосвященству совершенно извѣстной болѣзни находящемуся, разореніе, послѣдовательнѣ и житія прекращеніе; да и многіи, а чуть ли не всѣ, имѣтимутъ о мнѣ нижайшемъ мнѣніе, что я такъ честнаго и знатнаго игуменства (которое нынѣ въ епархіи Вашего Преосвященства второе игуменство) на старшинство Виленское, за кое, какъ вышше изображено, указомъ архимандріи или игуменства опредѣлять велено за нѣкоторые великіи погрѣшенія, коихъ я весьма за собою не чувствую, въ ссылку посланъ; въ награжденіе же за вышъ прописанныи труды произведенымъ мнѣ нижайшему быть во архимандрита Мгарскаго Лубенского весьма сумнительно, затѣмъ, яко въ ономъ Лубенскомъ монастыру настоящій архимандритъ имѣется, и чтобъ оному, по прошествіи тролѣтномъ времени, какимъ случаемъ гдѣ съ того монастыра отбытіи прежде времени, вѣдати отнюдь невозможно; того ради со всеглубочайшею моею Вашего Ясне въ Богу Преосвященства покорностію прошу мене нижайшаго отъ поѣздки на Виленское старшинство милостивно увольнити, а при прежнемъ въ

Кіево-Кириловскомъ монастырѣ быть игуменскомъ послушаніи архипастырско утвердить.

О семъ проситъ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства всепокорнѣйшій послушникъ Кіево-Кириловскій игуменъ іеромонахъ *Сильвестръ Добрина.*

II.

Письмо кіевскаго митрополита Т. Щербацкаго къ Виленскому православному братству съ извѣщеніемъ о назначеніи игумена С. Добрыни настоятелемъ Виленскаго Свято-Духова монастыря.

25 ФЕВРАЛЯ 1749 г.

Благородные господа, Православное Виленское братство! Понеже бывій старшій Виленскій іеромонахъ *Мелхиседекъ Богдановичъ* за указное имъ выжитіе въ Вильнѣ на старшинствѣ трилѣтное время произведенъ въ Густынскій монастыръ игуменомъ, указомъ же Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, 748 года Ноября отъ 29 къ намъ отпущеннымъ, велѣно на мѣсто его другаго какова іеромонаха достойного по усмотрѣнію нашему старшимъ въ Виленскій Святаго Духа монастыръ опредѣлить, того ради, занеимѣніемъ къ опредѣленію у старшинство Виленское такова достойнаго іеромонаха, опредѣленъ за силу онаго Ея Императорскаго Величества указа Превелебнѣйшій Кіево-Кириловского Троецкого монастыря игуменъ, священной нашей Духовной Консисторіи членъ и слова Божія проповѣдникъ *Сильвестръ Добрина*, по усмотрѣнію нашему, на мѣсто оного старшого Виленского іеромонаха Богдановича въ городъ Вильно въ братскій монастырь Сошествія Святого Духа на трилѣтное время старшимъ, съ надлежащимъ одолженіемъ, дабы, нелицѣмѣрно по святой церквѣ поборствуя, о разпространеніи православнаго греческаго исповѣданія вѣры ревностное имѣлъ тщаніе, истинныхъ православныя святыя Восточныя церкви сыновъ возбуждалъ ко благочестію и утверждалъ въ догматахъ вѣры святои, добрихъ и нелицѣмѣрныхъ дѣлъ образъ на себе являющи, его же, яко достойна и почтенна мужа, пастырско молимъ въ почтеніи имѣть и въ чемъ надобно спомоществованіемъ не оставлять; мы же, надѣяся на поборствіе ваше по святѣй церкви и по благочестиваго греческаго исповѣданія вѣры, которая и въ маломъ братіи собраніи непоколѣбима содержится и Божіимъ поспѣшествомъ непреоборима во вѣки въ васъ пребудетъ, Божія благословенія при нашемъ архіерей-

скомъ вамъ, яко благопослушнымъ церкви святой сынамъ, желающе, при всегдашнихъ нашихъ молитвахъ пребудемъ.

Благородій вашихъ доброжелательный (въ подлинникѣ, очевидно. слѣдовала подпись).

1749 года, февраля 25, Кіевъ.

III.

Указъ кіевскаго митрополита Т. Щербацкаго игумену Сильвестру Добрынь о немедленномъ отправленіи его къ мѣсту назначенія, въ Виленскій монастырь.

1749 г. февраля 28 дня.

Преосвященнѣйшему старшему Виленскому Сильвестру Добрынѣ, Божія благословенія при нашомъ архіерейскомъ желающе, предлагаемъ: Хотя Преосвященность ваша на посланный зъ Катедры нашей минувшаго Генваря отъ 27 дня къ Преосвященности Вашей указъ объ опредѣленіи васъ по усмотрѣнію нашему старшимъ Виленскимъ, за силу Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія, изъ Святѣйшого Правительствующаго Сунода къ намъ отпущеннаго, на мѣсто бывшаго старшаго Виленскаго, кой нынѣ игуменомъ Густынскимъ, Мельхиседека Богдановича, и о поѣздки преосвященности Вашей въ монастырь Виленскій безъотрицательно, поданнымъ намъ пастыревѣ сего февраля 2 доношеніемъ съ представленіемъ нѣкоторыхъ резоновъ просилъ, какъ отъ оного старшинства, такъ и отъ поѣздки, увольненія, однакъ понеже, какъ прежде, такъ и нынѣ, къ опредѣленію на старшинство Виленское достойнаго іеромонаха не взыскалось, того ради Преосвященности Вашей, за силу прежнего и сего нашего указа, не предъявляя болѣе никакихъ въ резонъ отговорокъ, выѣздить въ монастырь Виленскій въ самой скорости архіерейско повелѣваемъ.

1749 года, февраля 28 д.

IV.

Извлеченіе изъ грамоты польскаго короля Августа III, данной Виленскому православному братству въ 1744 г.

Экстрактъ.

Прошлого 1745 года февраля 19 дня, въ сообщенной Святѣйшему Правительствующему Суноду при доношеніи Коллегіи Иностран-

ныхъ Дѣлъ и Привиллегій копіи, данной въ 1744 году братству Виленскому при церквѣ Святаго Духа отъ Аугуста третіяго, короля Польскаго, за подписаніемъ Его Королевского Величества собственныя руки, между прочимъ, написано:

«Школы имѣть для обученія людей христіанскихъ и наставленія ихъ дѣтей по возможности, къ томужъ типографію для печатанія всякихъ книгъ и для содержанія для оной достойныхъ, какъ духовныхъ, такъ и зъ мѣрскихъ людей, позволено; изъ которихъ ежели кому какіе обиды чинится будутъ, то старшій ихъ зъ годовыми старостами, по силѣ устава земского, справедливость чинить имѣетъ, отзывъ же къ суду земскому допущенъ да будетъ».

Канцеляристъ Иванъ Скорняковъ.

V.

Донесеніе въ Святѣйшій Синодъ настоятеля Сильвестра Добрыни и монаха Венедикта Григорьева съ объясненіемъ причинъ, почему виленскій католическій бискупъ не дозволяетъ возобновлять сгорѣвшую виленскую православную церковь.

1749 г., августъ.

Въ Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Сунодъ

всепокорнѣйшее доношеніе.

Сего 1749 года, прошлого мѣсяца Іюлія 2 дня, о воспященіи репараціи погорѣлой благочестивой Святаго Духа Виленской церкви получилъ я нижайшій чрезъ генерала Консисторіи Виленской присланну отъ Ясне Вельможного господина Виленского бѣскупа Михала-Іоанна Зенковича ингибицію, и, по полученіи опой ингибиціи, тогожъ самого іюля втораго числа ѣздилъ я нижайшій до его Ясне Вельможного за испрошеніемъ, коихъ ради резоновъ о воспященіи погорѣлой церкви оная отъ его Ясне Велможности прислана ингибиція крайней резолюціи; и на оное тое прошеніе отъ его Ясне Вельможности таковую я нижайшій получилъ резолюцію: я де не отъ себе единаго послалъ о недопущеніи репаровать церковь вашу сызматыцкую ингибицію, но отъ цѣлой Речи Посполитой, а то для того, что намъ отъ Имперіи Россійской не позволяется въ Смоленску и въ Кіевѣ имѣть костелы свои католицкіе; а ежели де намъ позволено будетъ

имѣти въ Смоленску и въ Кіевѣ костелы свои, въ коихъ бы съ нашей польской стороны пріезжающіе въ Смоленскъ или въ Кіевъ нашей реліи ксендзы принамній неспѣваную и безъ звонка отправлять могли мшу, и онымъ бы безчестія и посмѣянія жадного тамъ въ Смоленску или въ Кіевѣ не дѣлано,—то я и самъ собою и людьми своими въ репараціи церкви вашей сизматыцкой спомоществовати могу; и тое де вашмосць донеси, гдѣ надлежитъ; тожъ само, и отпущая мене нижайшого въ Москву, многократне самъ ясне вельможный его мосць ксіондзъ бѣскупъ виленскій и коадъюторъ его ясне вельможности Сапѣга потверждали. Вашему Святѣйшеству, съ сообщеніемъ самой подлинной оной ингибиціи, въ Ваше Архипастырское разсмотрѣніе представляю и со всеглубочайшою моею покорностію Вашему Святѣйшеству доношу, что ежели оной церкви, кую они римляне Катедрою благочестивою обще нарицаютъ, репараціи ими римлянами не будетъ допущено, сумнительно, чтобы и единъ православный нашъ грекороссійскій при своемъ благочестіи удержался монастырь.

Вашего Святѣйшества всепослѣднѣйшій рабъ конвенту Виленскаго благочестивого Свято-Дуского и инныхъ оному належащихъ монастырей Старшій Іеромонахъ *Сильвестръ Добрина.* Монахъ *Венедиктъ Григоріевъ.*

VI.

Грамота виленскаго католическаго бискупа, воспрещающая возобновлять сгорѣвшій Виленскій православный монастырь.

1749 г., іюля 11 дня.

Michael Joannes Zienkowicz, Dei et Apostolicae Sedis gratia Episcopus Vilnensis.

Honorandis viris parochis, commendariis, vicariis, altaristis, psalteristis alterisque, quibusvis diocesiae nostrae Vilnensis presbiteris ac clericis, scholarum rectoribus, Ecclesiarum ministris tenore praesentium requirendis, salutem in Domino. Exponi nobis fecit instigator officii nostri pro munere suo agens in et contra discretum superiorem vulgo nuncupatum Ihumen totamque concommunitatem in civitate metropolitana Vilnensi reperibilem Ritus Graecodisuniti: Qualiter ipsi contra iura tam canonica, quam civilia, tum constitutiones et singulariter contra legem a sancto principe Casimiro expetitam procedendo, totque decreta

in commitiis Regni generalibus contra ipsos sata contemnendo, ecclesiam suam Ritus Graecodisuniti, in civitate Vilnensi sitam, conflagratione consumptam anno Domini 1749, die 8 mensis Junii, reaedificare intendunt, ad eumque effectum variam materiam preparare et conducere audent, petiitque proinde a nobis quatenus ipsi de opportuno iuris remedio providere dignaremur. Nos attendentes eius modi petitum esse iustum, rationi et legi consonum, expetita juris remedia relaxavimus, literasque inhibitionis ex cancelaria in forma solita extradi mandavimus, prout relaxamus in Dei nomine per praesentes. Mandantes vobis suprascriptis executoribus in virtute suae obedientiae et sub excommunicationis paena, quatenus personaliter accedendo supra dictos Ritus Graecodisuniti superiorem totamque eorum communitatem, ipsos authoritate nostra ord. moneatis et requiritatis serioque inhibeatis et distincte praecipiatis. Quos etiam nos praesentibus monemus, et requirimus, serioque inhibemus, ac distincte praecipimus, ne ipsi quovis quaesito colore, praetextu et ingenio, directe vel indirecte, tacite vel expresse, dictam Ecclesiam Ritus Graecodisuniti reaedificare et continuare audeant et praesumant, sub paenis mille aureorum ungaricalium piis locis applicandorum et in subsidium excommunicationis amissionis, materiae praeparatae illiusque xenodochio pauperum applicationis, aliisque paenis arbitrio nostro extendendis et infallibiliter super ipsos infligendis. Citantes uno eodemque contextu praesentium litterarum suprafatos a nobis inhibitos ad nos iudiciumque nostrum consistoriale Vilnense pro die prima iuris statim post contraventionem praesenti nostrae inhibitioni factam ad videndum suprascriptam inhibitionem in suo robore conservari, paenasque in eadem appositas; ob eventum contraventionis, ipsos succubuisse decerni, easdemque extendi, et ad eum effectum mandatum exemptivum relaxari et extradi mandari, caeteraque in damnis litisque expensis condemnari. In quorum fidem datum Vilnae in cancelaria nostra Consistoriali. Vilnae, Die Veneris undecima mensis Julii, anno Domini millesimo septingentesimo quadragesimo nono.

Michael, Episcopus, m. p. (L. S.).

Franciscus Kononowicz Juris. Doctor, Canonicus Livoniensis, Parochus, Svinc. actorum Consist. Ord. Epis. Vilnen. Notarius m. p.

VII.

Прошеніе виленскаго братства и другихъ православныхъ учрежденій и лицъ въ Святѣйшій Синодъ о воспособленіи истребленному пожаромъ виленскому Свято-Духову монастырю.

1749 г.

Въ Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ

всепокорнѣйшое доношеніе.

Текущаго сего 1749 года, мѣсяца мая 28 дня, Божіимъ допущеніемъ Польской области стольный великого Княжества Литовского городъ Вильня мало не до остатной избы необычайнымъ пожаромъ згорѣлъ; который пожаръ въпервыхъ нашего Грекороссійского монастыра коснулся и до основанія оный такъ сожеглъ, что ни единой въ немъ не осталось цѣлой келліи, и прекрасная, всѣмъ господамъ полякамъ бывшая во удивленіе, Святаго Животворящаго Духа съ пребогатыми Кромницкого Святого Іоанна Богослова и студенская святыхъ равноапостольныхъ царей Константина и Елены предѣлами и совсѣмъ не удобоисчислимымъ (которого чаятельно съ гнѣва Божія допущеніемъ огнемъ, къ тому же въ тое время Божественная отправлялася позняя литургія, боронити жадными мѣрами не возможно было) пребогатымъ накладомъ и богателемъ, ибо сребренная и золотая мало не вся сгорѣла посуда, златомъ и сребромъ тканная ризница, книгъ немалое число, и протчое все, что въ церкви и монастыру было, въ прахъ и пепелъ пойшло. Въ монастырѣ каменныхъ келій, въ коихъ монахи жили, дванадесятъ, трапеза, кухня и пекарня; ліоховъ шесть, и въ нихъ всякіе хлѣбные и питейные, которыхъ по пропорціи онаго монастыра и протчіихъ къ нему надлежащихъ приписныхъ (ибо всѣ къ тому Виленскому благочестивому монастыру принадлежащіи монастырцѣ хлѣбъ и одѣяніе, такожъ и на всякіе тѣхъ монастырей експенса, а найпаче всегдашніе позвы, деньги получаютъ) болѣе какъ на три года запасено было, припасы погорѣли; наемныхъ при самомъ монастырѣ каменицъ (въ которыхъ жилля десять) шесть. Ліоховъ тринадцать было, деревянныхъ избъ шесть, на ринку наемныхъ камяницъ двѣ, въ которихъ жилья дванадесятъ, погребовъ каменныхъ дванадцетъ, лавокъ каменныхъ шесть со всѣми имуществы и товарами жъ погорѣлыхъ, едина только малая, въ коей о дражайшимъ Ея Император-

скаго Величества здравіи и Наслѣдника Ея Императорскаго Величества и Супруги Его и всещасливѣйшемъ Ея Императорскаго Величества сильнаго оружія благосостояніи и преуспѣяніи повседневное отправляется священнослуженіе, внутръ онаго монастыра въ цѣлости осталась паніенская церковь, но и тая весьма обетшалая. А понеже оный крайно нищетный благочестивый Святаго Животворящаго Духа Виленскій нашъ монастыръ отъ себе, за таковое себе отъ предпомянутаго пожара приключившееся нещастіе, единымъ только всегдашнимъ отъ непріятелей, нарочно для того посѣщающихъ его, насмѣяніемъ и поруганіемъ довольствующійся, за что и въ немаломъ состоитъ опасеніи; братство же, при немъ имущееся, ово за дворочній пожаръ, домы и имѣнія ихъ до остатного пожершій, ово за утисненіе отъ непріятелей своихъ, въ крайную нищету пришли и малѣйшей не можетъ подняти репараціи; того ради Вашего Святѣйшества обще всѣ со всеглубочайшею нашею покорностію просимъ высокомилостивого на оный благочестивый Святого и Животворящаго Духа Виленскій, чтобы отъ непріятелей нашихъ благочестіе наше въ конечное посмѣяніе, коего уже не мало и есть, не пошло, такожъ и благочестивіи прельщаемы и принуждаемы въ злочестіе не превратились, монастырь и церковь пастырскаго призрѣнія и къ Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государинѣ нашей и наслѣднику Ея Императорскаго Величества высокую свою, по коей бы оный крайне обнищалый нашъ монастыръ въ первобытное моглъ прійти состояніе, внесть интерцессію, дѣти же благочестивыхъ, при собраніи нашомъ Виленскомъ обрѣтающихся, чтобы не скитались по непріятелей нашихъ коллегіямъ, ибо чрезъ сіе многіе уже отъ церкви святой отторглись и непріятелями благочестивой вѣры зостали, по преждиему при монастырѣ нашомъ Виленскомъ Святого Духа, на что мы нижайшіе имѣемъ фундуши и привиллегія, учи(лище) высокоблагословительно утвердить, и чтобы учитилѣ ради того въ ученіяхъ и добронравіи извѣстныи зъ Кіева, и на коштѣ и на жалованьѣ Ея Императорскаго Величества, ради предпоказанныхъ резоновъ, что братство за дворочный пожаръ и утѣсненіе въ крайнее убожество пришли, присылаемы были, исходатайствовать, такожъ и казнодѣя, кой бы, викарійское и казнодѣйское чрезъ три года при старшемъ проходя послушаніе, по немъ и старшимъ былъ, и при отъѣзди старшого съ Вильна по прожитіи тролѣтного времени; ибо на бывшого старшого пречестного іеромонаха Мел-

хиседека Богдановича, что не оставилъ реестровъ, отъ многихъ благочестивыхъ, отъ множайшихъ же иновѣрцовъ (якъ бы онъ добро монастырское забралъ и бѣжалъ) мнѣніе и порокъ произышли, монастырское и церковное добро по реестрамъ собиралъ,—добронравный, разсудительный и радительный, понеже таковымъ бы способомъ благочестіе наше хочай мало содержатись могло невредимо, былъ опредѣленный и на коштѣ Ея Императорскаго Величества присылаемый. Тепереча же, чтобы въ отлучки старшого (которому и часто съ конвенту отлучатись ради исполненія церковныхъ и монастырскихъ нуждъ надобно) каковое опасеніе отъ противной стороны не воспослѣдовало, присланъ былъ: высокомилостивно разсмотрѣть, спомогти и утвердить всенижайше просимъ.

О семъ просятъ:

Вашего Святѣйшества всепослѣднѣйшіе рабы.

На подлинномъ подписъ таковъ:

Konwentu Wilenskiego Błahoczestywego Swięto-Duchowskiego y innych do niego należących klasztorow starszy Jeromonach *Sylwestr Dobryna.*

Starszenstwa Wilenskiego namiesnik Jeromonach *Warłaam Władyczka.*

Mikołay Medicki.

Alexander Hrehorowicz.

Hrehory Demianowicz.

Swięto z Janowskiego Hrozowskiego monastyra Ihumen *Antoni Dziordka.*

Ihumen S. Troycy Kronski y starszenstwa Wilenskiego kaznodzieia Jeromonach *Daniel Wasilewski.*

Jeromonach *Inocenty Bołdyszewski*, Wikariusz.

Starszenstwa Wilenskiego Jeromonach *Arseni Zomiłowicz*, Ihumen Surdecki.

Jeromonach *Paulus Stefanowicz*, Ihumen Minski.

Jeromonach *Nykanor Leniewicz.*

Jeromonach *Heliasz Zdanowicz*, Ihumen Druyski.

Clemens Kozłowski, Ihumen Druyski.

Monachinia *Alexandra Łunkiewiczowa.*

Monachinia *Barbara Bunciewiczowna.*

Monachinia *Katarzyna Lunkiewiczowna.*

Monachinia *Krystyna Buncewiczowna.*

Monachinia *Nastazya Sobolewska.*

Monachinia *Makrena Sobolewska.*

Bratstwa Krestonosnego *Samuel Żurolinski.*

Gabriel Kotelnicki.

Bazyli Kozakiewicz.

Jerzy Grakowski.
Maciey Demianowicz.
Bazyli Horoch.
Leon Kosobucki.
Jan Leniewicz.
Kozma Samutowicz.
Kongregacya Studenska.
Piotr Łukianowicz.
Theodorus Dorostiewicz.
Jan Zurobinski.
Ignacy Hrehorowicz.
Benedykt Hrehorowicz.
Theodor Medycki.
Mikołay Medicki.
Kongregacya Kromnicka.
Filip Fiałkowski.
Demian Olifierowicz.
Bazyli Kozakiewicz.
Symon Hukowicz.
Wawrzyniec Skulewski.
Michał Kapenkiewicz.
Symon Demianowicz.
Jan Zuromski.
Mikołay Stuianowicz.

VIII.

Письмо настоятеля виленскаго Свято-Духова монастыря С. Добрыни къ кіевскому митрополиту Т. Щербацкому съ извѣщеніемъ о хлопотахъ по дѣлу возобновленія означеннаго монастыря.

1750 г., апрѣля 2 дня.

Великій Господинъ, Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Кyръ Тимофей Щербацкій, Митрополитъ Кіевскій Галицкій и Малыя Россіи, премилостивый мой господинъ Архипастыръ и величайшій добродѣй!

Сего 1750 года Марта 18 дня писаніе отъ намѣстника старшенства Виленского іеромонаха Владычки получилъ я нижайшій, въ которомъ, между протчимъ, написано, что по отъѣздѣ моемъ съ Вильнѣ въ Москву призывалъ его намѣстника, прошедшаго 749 года Ноября 5 дня, къ себѣ съ протчими тогожъ благочестивого виленского монастыря монахами ясне вельможный господинъ бискупъ виленскій Іоаннъ-Михалъ Зеньковичъ и объявилъ ему, намѣстнику съ братіею, что прежде выданную ингибицыю о не допущаніи репаровать церковь и монастыръ Виленскій благочестивый, онъ господинъ бискупъ отмѣняетъ и позволяетъ обновляти церковь и монастыръ крити черепицею, только высокихъ вежъ или главъ дѣлать воспящаетъ; котораго писанія въ благоразсужденіе Вашему Высокопреосвященству со всеглубочайшею моею покорностію при семъ точную копію сообщаю; о себѣ же доношу, что еще не мало промешкаю въ Петербургѣ за тѣмъ, что полнаго собранія въ Святѣйшемъ Сунодѣ не было, ибо Преосвященный

Велико-Новогородскій болѣнъ, Преосвященный Переяславскій за рѣкою не ехалъ, къ тому и слабъ, Преосвященный же Санктъ-Петербургскій, на котораго вся надежда была, ближайшій къ смерти, нежели къ животу находится: чехотка весьма одолѣла; 24 Марта уже свои вещи и денги братіи и протчимъ на молитвы роздалъ, между которыми и мнѣ нижайшему дорогій златій часы дарилъ, да на церковъ двѣстѣ рубліовъ. Преосвященныя же Владимірскій и Тверскій развѣ въ Маи имѣютъ прибыть, что Вашему Высокопреосвященству за должность мою представивъ, архипастырскаго на себе прошу благословенія.

Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства всепослидиѣйшій слуга и подножіе.

Старшій Виленскій Ігуменъ Іеромонахъ *Сильвестръ Добрыня.*

1750 года, Апрѣля 2 дня.

IX.

Письмо іеромонаха Болдашевскаго (къ настоятелю Виленскаго Свято-Духова монастыря С. Добрынѣ) съ разнообразными извѣстіями, касающими дѣлъ религіозныхъ.

1750 г., іюля 6 дня.

Wielmożny mnie wielce osobliwy dobrodzieiu!

Bardzo iest to nam nie pomyslnością wielką, że nie mam do tych czas na moie listy żadney rezolucyi od W. M., pana dobrodzieia, y nie wiem, czy doszli listy moie po kilka razy pisane do W. M., dobrodzieia, albo nie; bo pierwsze listy moie dopiero odebrałem w Rydze u Jego Mći xiędza protopopy, iako byli odesłane do Petersburga, a z tamtąd nazad przysłane, bo gdyż godności W. M., pana dobrodzieia, iakoby w Petersburgu nie było, iednak że w nieutraconey nadziei musze ieszcze pisać, musze ieszcze tentować respektu.... iego pańskiey, aby mogł nam oznaymić o swoim zdrowiu y szczęsliwym powodzeniu y gdzie się obraca godność iego, bo iest to nam nie w małym podziwieniu, że nie mam żadney od W. M., pana dobrodzieia, wiadomości na kilka listow naszych; przy tym oznaymuie W. M., panu dobrodzieiowi, iż xiądz ihumen Markowski Pszczołka powrucił z Kiiowa, z dyakonem Markiełem, y ukaz przywiezli od J. W. Jego Moscia xiędza metropolity Kiiowskiego do W. M., pana dobrodzieia, ktorego ia odebrałem od nich, a ukaz ten posyłałem przez Rige do W. M., pana

dobrodzieia, y prosiłem Jego Mość xiędza protopopy listownie, aby zasłał y doszedł do rąk W. M., pana dobrodzieia, gdyż dopioro przyieżdżam do Rygi Jula dnia 6, aż znaydie pakiet ten sam y co iest ukaz J. W. Jego mościa xiędza metropolity, tak też listy J. X. Donata y moy list musiałem do siebie odebrać; pytałem, co za racya, dla czego nie doszli te listy, nazad mnie przysłane z Petersburga, bo gdyż iakoby W. M., pana dobrodzieia, nie było ktorego ukazu, więcey nieśmiałem y posyłać, bo iak widze nie dochodzą. Z Moskwy do Wilnia przybyliśmy szczęśliwie miesiąca Januarya dnia 22 w południe, reiestry zdałem y wszystko w całości w konwęcie Wilenskim powierzone mi rzeczy. Z gazet donosze W. M., panu dobrodzieiowi: w naszych klasztorkach partykularnych nie bardzo iest pomyslności; w Minsku byłem na Kommissyi, ale nie doszła y wcale nie była, tego nam y potrzeba było, tak wiele miałem mitręgę od żydow tamecznych za dług Imci xiędza Stefanowicza; pokazywali kwitki iego ręką własną pisane na złotych 400 y 4, a wszytko likworami ponabierano, gdyz y J. M. pan starosta Minski za żydow wcale uiołsię, aby koniecznie zapłacono było, a nie to każe grabić; tak też w koniach iuż poiazd był za dekretem na folwark Kronski od pana Chomentowskiego, musielichmo bronić się cedulą; xiądz namiesnik iezdził sam do Chomentowskiego y tym do zgody brali się z sobą, tylo chce cztyrdziescie talerow bitych, y tak przystąpił xiądz namiesnik, tylo odłożyli do przyiazdu W. M., pana dobrodzieia. O Surdeskim klasztoryku oznaymuie, że do tych czas żadney reparacyi niema, y pieniądze, ktore byli na cerkiew zebrane, czyrdziescie y dwa talery bite, y to wszystko xiądz Ihumen pomarnotrawił, aż musiałem sam ziachać y zacząć robić około cerkwi świętey; drugie gazete oznaymuie, iz pani Medycka, ten świat pożegnawszy, pacem facit, ktora przy naszey należytey pilności w zbawienie duszy iey swięto spowiedzią y Przenayswiętszym Sakramentem, tak też poslednim pomazaniem, podług zwyczaiu Cerkwi Wschodniey, zadość uczynili; więc z namowy samego pana Medyckiego y pana Hryhorewicza y z innemi ich mościami, będącymy w zebraniu iednym w domu pana Bazylego Kozakiewicza przy skonaniu nieboszczki, my będąc w wieczerni, a oni dali znać xiężom unitom, ktore w momęcie przybiegłszy, z asystęcyą dwunastu bursakow y innych ludzi z szablami, y zaparszysię w domu pana Medyckiego, będąc tam do samego skonania przez godzin trzech; co gdy oznaymili nam, będąc na wieczerni, my wszyscy pobiegli do oney, gdzie żadną

miarą nie puszczono nas; y tak ciało nieboszczki pochowano u unitow przez gwałt wielki, co donosiłem y manifestowałem się solennie przed J. W. Imć xiędzem Biskupem Wileńskim; odpowiedział mnie: iest tu w Wilnie y Metropolita ich, to chciey W. M. pan do niego poysć y oznaymić, co y u mnie byłes racione tego interesu, co on na to odpowie? Byłem y tam podług informacyi J. W. M-ci xiędza Biskupa u Metropolity unickiego; odpowiedział mnie: my radzi byli by, Waszeć, żeby wszyscy do naszey Religii przystąpili, a Waszeciom co za krzywda?—y tak z tym poszedłem. Przy tym oznaymuie W. M., panu dobrodzieiowi: z łaski pana Boga dzwony nasze iuż na mieyscu powieszone, y dzwoniemy, tak wiele Lew nie pocieszył nas głosem swoim, wcale roszczepiony y nic głosu niema: brzeżdży nad miare; tak też staynia, wozownia y imbaryk postawili, y wszystkie oficiny ponakrywali; chcieli y więcey czego zrobić, tak wiele małey rzeczy-pieniędzy nie stało, y niemamy wcale zkąd żyć w Wilnie, tak wiele przydzie się porzucić, a puisć gdzie kolwiek, kiedy nie będzie pomocy iakieykolwiek od W. M., pana dobrodzieia. Pan Alexander Hrehorowicz iuz rewokował na Rzymską wiarą y ożenił się, w wielki czwartek nasz slub brał. Czy nie można, mości dobrodzieiu, oznaymić Jgmci xiędzu Inocentemu bratu iego, niech pocieszy się; iednako nie dawał wiary mnie; oznaymuie W. M., panu dobrodzieiowi, że zostaie dopioro w Surdeckim klasztoryku y będę aż do Uspenia nim poki cerkiew Bożą zakonczym. Ich mc. xięża bracia nasi wszyscy kłaniaią W. M., panu dobrodzieiowi, y w dobrym zdrowiu zostaio a nayszczęsliwe przybycie mile W. M. pana dobrodzieia oczekiwaią; więc, podawszy do wiadomości, piszę się

WW mć pana y osobliwego dobrodzieia mego nayniszym sługą y Bogomodlcą ierom. *Innocenty Bołdyszewski.*

Anno 1750, Jula dnia 6. z Rygi.

X.

Донесеніе настоятеля виленскаго Свято-Духова монастыря С. Добрыни кіевскому митрополиту Т. Щербацкому о порочной жизни іеромонаха Стефановича и игумена Томиловича, опустошавшихъ ввѣренные ихъ управленію монастыри,—съ присовокупленіемъ выдержекъ изъ присланныхъ ему, Добрынѣ, по этому поводу, писемъ.

1751 г., апрѣля 12 дня.

Великому Господину Ясне въ Богу Преосвященнѣйшему Кѵръ Тимофею Щербацкому, милостію Божіею Православному Митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малыя Россіи

Всепокорнѣйшое доношеніе.

Понеже въ Виленскомъ Сошествія Святаго Духа благочестивомъ монастырѣ, такожъ и во всѣхъ, къ старшенству Виленскому надлежащихъ, монастырахъ угодныхъ людей къ опредѣленію въ монастырскіи начальники весьма не имѣется, за чимъ оныи приписныи къ старшенству Виленскому монастыри въ крайное опустѣніе и разореніе приходятъ, а найпаче Петропавловскій Минскій, въ которій Іеромонахъ Павелъ Стефановичъ, антецессоромъ моимъ преподобнѣйшимъ Мелхиседекомъ Богдановичемъ во игумена опредѣленый, безмѣрно пянствуя и иныя безчинія дѣлая, за кои по приговору соборной братіи отъ оного игуменства Мѣнского мною нижайшимъ и отставленъ и въ Кейданскій Жмудскій монастыръ до резолюціи Вашего Преосвященства подъ началъ посланъ, какъ о томъ отъ мене нижайшого двома доношеніями, однымъ зъ Сурдецкого монастыра 1749 года августа 16 дня чрезъ Слуцкъ, другимъ тогожъ 1749 года Сентября 25 съ Смоленска чрезъ Игумена Марковского Пщолку Вашему Преосвященству представлено; за напитокъ жидамъ въ сорокъ пять талярей битыхъ оный монастырь Минскій задолжилъ, за коихъ неуплату сужено было футоръ, нарицаемый Переспу, какъ явствуетъ съ писанія намѣсника Виленского Варлаама Владычки, коего точную копію отъ мене нижайшого къ Вашему Преосвященству въ Генварѣ мѣсяцѣ сего 1751 года при доношеніи всенижайше отпущено, до выплатки жидамъ отдать; вещей же въ оного игумена Павла Стефановича весьма мало, и казны монастырской ничего, зъ коихъ бывшіи долги уплатить мощно было, не сыскалося; коему монастыру послѣдующему бѣдствію и благочестію нашему пороку запобѣгая, я нижайшій съ прошеніемъ на репарацію

погорѣлой церкви Виленской вышеозначенную сумму талярей битыхъ сорокъ пять для уплатки оныхъ долговъ, хочай можетъ послѣдовати провѣдавшихъ о семъ негодованіе, зъ тѣмъ пореченіемъ: «на обновленіе погорѣлой церкви милостынѣ просятъ, а за напой жидамъ уплачуютъ», отпустить, съ Петербурга письмами намѣсника Виленского съ братіею убѣждаемъ, принужденъ и, какъ Вашему Преосвященству отъ мене въ мѣсяцѣ Генварѣ всенижайшимъ доношеніемъ въ Архипастырское представлено разсмотреніе, оную сумму одпустилъ; опредѣленный же на онаго пречестнаго игумена Павла Стефановича мѣсто игуменъ Арсеній Томиловичъ, послѣдуя дѣйствіямъ антецессора своего Павла Стефановича, такожъ роспился и крайне оный Минскій Петропавловскій и неподлежащій къ нему Селецкій и Соломерецкій монастырѣ разорилъ и опустошилъ, коихъ весьма непорядочныхъ дѣйствій, при семъ съ писемъ Соломерецкого монастыря игумена Ѳеофана Яворского точныи сообщаю въ архипастырское разсмотреніе копіи: того ради Вашего Преосвященства со всеглубочайшею моею покорностію прошу архипастырскими своими преподобнѣйшему отцу архимандриту Слуцкому, пречестнѣйшимъ игуменамъ Пинскому, Кутеенскому, Буйницкому и Марковскому указами повелѣть, дабы на начальства монастырскіи (оныи бы монастырѣ при своемъ благочестіи удержалися) по моему требованію честныхъ и трезвенныхъ людей без всякаго негодованія и отговорокъ отпущали, о чемъ и повторне всенижайше Вашего Преосвященства упрошая, Архипастырскому мя благословенію споручивъ, Архипастырской милостивой ожидаю резолюціи. Къ сему доношенію игуменъ *Сильвестръ Добрина*, Виленскій старшій, руку приложилъ. 1751 года, Априля 12 дня.

Cztyrech listow pisanych do Starszeństwa Swiętego Ducha Wilenskiego Błahoczestywego generalnego namiesnika Barlaama Władycki od klasztoru, do tegoż Starszeństwa Wilenskiego należącego, Ihumena Theopana Jaworskiego, a od mego namiesnika do mnie ordynowanych roku 1751 Marca.

Po komplementach sama rzecz w pierwszym liście:

a) «Roku 1750, Januaryi 7 die, Arseni Tomiłłowicz, Ihumen Klasztoru Minskiego, zabrał z Sieleckiego Klasztoru żyta pięć podwod y przyprowadziwszy Rywce żydowce wszystko oddał, czynszowych pieniędzy, do Sołomireckiego klasztoru należących, talerow szesnaście

bitych, nienależycie wziowszy, oney samey żydowce oddał, a ieszcze został winny kilkadziesiąt talerow, y z Sołomereckiego klasztoru dla tego chce zabrać zboże, aby teyże oddał żydowce za gorzałką. Takoż donaszam W. M., panu, że w Perespie bardzo niepomyslnie się dzieie, gdyż parobkow było dwuch, to iuż y te odeszli, y gospodarskich iuż koniecznie rzucać, bo iuż rok onemu wyszedł. Tedy oni za swoie zasługi maią konie y bydło pobrać, bo gdyż niema czym onym płacić, co służyli dwa roki; siana także iuż nie stało, bo gdyż urzędniki częste rozszafowali, po kilka kroć raz daiąc do Minska, komu by wcale nie należało y niegodziłosię dawać, a więcey puszczam mimo, ponieważ невозможно вмѣстити пишемыхъ книгъ, tylko co mi obligacya każe remonstrować do władzy y przezencyi W. mc., pana dobrodzieia».

б) W drugim liscie tegoż roku y miesiąca 15 die:

«Pilnie tedy donoszono, że w wielkich niepomyslnościach zostaie xiądz Arseni, Ihumen klasztoru Minskiego, takoż y w złey bardzo chorobie się pokazał, gdyż Januarij 14 dnia, iak go rzucała w celii morbus caducus, to aż krwawo piiane z siebie wyrzucał; owy Arseni w klastorze Sieleckim był trapiony mało nie godzinę, a dwie godziny punktowalnych bez pamięci leżał, y gdy bym swiatła łuczyny z rąk onego nie wyrwał, toby sobie był oczy y brode opalił. Dla czego teraz wcale niema komu nabożeństwa odprawować, tylko ia sam. W czym chciey W. M., pan dobrodziey, iakiego zakonnika przysłać iako naypilniey do Minskiego klasztoru, bo gdyż iuż крайнее разореніе onemu przychodzi».

в) W trzecim liscie Roku 1751, Februarij 3 die:

«Donaszam W. M., panu dobrodzieiowi, Minskiego klasztoru dyspozycye y powodzenie, iz xiądz Arseni przy swoich złych defektach bardzo niepięknie popisuię się w dyspozycyi klasztorney, ponieważ więc iest sprzyiaiący y życzliwy Ryfce żydowce, a niżeli klasztorowi; gdyż każe młocić zboże w Perespie y w Sieleckim klastorze nie klasztorowi, ale tylko dla oney Riwki zydowki, iako y teraz iezdził do klasztoru Sieleckiego, y z onego dwiema podwodami przyprowadził Ryfce żydowce ięczmieniu poł trzecia korca, a gospodarz w Perespie powiadał mi, że iuż wszystkiego zboża z Sieleckiego klasztoru Ryfce oney oddał pietnaście korcow oprucz tego, co z Perespy oney dawał, na co mi pokazywał notatkie popisanego zboża tego; a gdyż y przy mnie przychodziła żydowka, jurysdyczanka Pana Przezdzieckiego, upominaiąc się długu za gorzałkę cztyrych talerow bitych, y z tym się

oświadczyła pred onym, że za wolą J. M-ci pana Starosty będe grabiła konie gospodarza Perespianskiego, iak powiezie drwa do klasztoru,— co z obligacyą moią oświadczam».

г) W czwartym liscie tegoż roku y miesiąca 6 dnia:

«O powodzeniu x. Arseniego posetnie donaszam, że wcale iuż zgubił klasztor, y iezeli W. P. D. na dyspozycye klasztoru Minskiego nie przyszlesz zakonnika iakiego, a onego nie wezmiesz, to nie tylko na wiosne, ale barzo iuż y teraz mało co iest w folwarkach y klastorze Sieleckim y Perespie zboża, bo gdyż ustawicznie żydom każe młocić zboże, a sam wyczyściwszy wszystko y przedawszy klasztor Sielecki, ma wyiechać na mandrowkę z Gabryielem sekretarzem swoim; za Sielecki iuż klasztor daią onemu pięćset talerow bitych wieczyście, na co iest świadek ten zakonnik, co w klastorze Sieleckim siedli na rezydencyi, ktoren oświadczał ten interess, będąc u mnie w klasztorze Sołomireckim; y tenże zakonnik powiadał mi, że koni żydom przedaie y bydło, a indyki, kury, gęsi żydom iuż pooddawał, ktore z Minska aż do klasztoru Sieleckiego poprzyiezdżali za nim y wcale spustoszyli folwarek; a ustawicznie piaństwem się bawi tak zbytecznym, że mało kiedy pamięta o Bożym świecie. Ony zaś pomieniony x. Arseni po kilkanaście raz prosił mnie, abym pisał do prezencyi W. M., pana dobrodzieia, abyś go W. M., pan dobrodziey, wzioł do Wilna dla defektu onego, co często go teraz bardziey trapi zła choroba, o ktorey iuż cały Minsk wie, y wielce dziwuią się ludzie, że z Wilna nie przysyłaią zakonnikow na dyspozycyę».

Pro complemento.

«Przytym tedy do miłości Pana Boga: chciey W. M., pan dobrodziey, ten interess mieć w łaskawey pamięci swoiey y zaniesć żałobe do Konsystorza Metropolitanskiego na plebana Bukowskiego y Białoruskiego y Bohoszewskiego, w dekanacie Minskim będących, ktore, napadszy na klasztor Sołomerecki piiane y bez żadney racyi, przybili niebosczyka xiędza Piotra, antecessora mego, ktoren po tym pobiciu tylko szesć dni był żywy y od ich rąk pożegnał ten świat, a oni do tych czas w exkomunice administruią Sakramenta swięte, ponieważ tego nikt władzy ich nie donosił, za co maią być karcerowane y penowane od władzy swoiey, y więcey drugim będzie wstrent zagrodzony czynić takowe wiolencye, a W. M., panu dobrodzieiowi, będzie meritum przed Panem Bogiem za te podięte fatygi.

XI.

Донесеніе настоятеля виленскаго Свято-Духова монастыря С. Добрыни кіевскому митрополиту Т. Щербацкому, съ приложеніемъ копій документовъ, посланныхъ въ Святѣйшій Синодъ вслѣдствіе запроса послѣдняго о состояніи виленскаго монастыря и другихъ, ему подчиненныхъ.

1751 г., МАРТА 6 ДНЯ.

Великому Господину ясне въ Богу Преосвященнѣйшему Кѵръ Тимофею Щербацкому, Милостію Божіею Православному митрополиту Кіевскому Галицкому и Малыя Россіи

Покорнѣйшое доношеніе.

Каковыя за силу Ея Императорскаго Величества и Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода о числѣ церквей, монастырей, къ старшенству Виленскому принадлежащихъ, о монашествующихъ, и на унію отобраныхъ церквахъ и монастыряхъ, и о протчемъ, 1750 года Ноября 16 дня состоявшагося указа, вѣдомости мною нижайшимъ отъ намѣстника старшенства Виленского Варлаама Владычки съ братіею получены и въ Святѣйший Сѵнодъ представлены, — таковыхъ точную къ Вашему Ясне въ Богу Преосвященству въ архипастырское разсмотрѣніе сообщивъ копію, архипастырскаго на себе прошу благословенія. Къ сему доношенію Игуменъ Іеромонахъ *Сильвестръ Добрина*, виленскій старшій, руку приложилъ. 1751 года, Марта 6 дня.

Святѣйшему Правительствующему Всеросійскому Сѵноду отъ Благочестиваго Виленскаго монастыря

Покорнѣйшое доношеніе.

Ва силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества зъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода прошлаго 1750 года ноября 26 дня отпущеннаго, а нами нижайшими въ Виленскомъ благочестивомъ Сошествія Святаго Духа монастырѣ Декабра 20 полученаго указа, въ коемъ повелено вѣдомства онаго Виленскаго монастыря въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ прислать вѣдомости съ нижеслѣдующимъ показаніемъ: 1) Въ вѣдомствѣ Виленскаго монастыра сколько гдѣ порознь по мѣстамъ имѣется православно-восточныхъ святыхъ церквей, мужескихъ и девичихъ монастырей, и въ нихъ въ каждомъ кто имянно настоятелѣ и настоятельницѣ, и когда и кимъ

произведены и опредѣлены, и сколько числомъ монашествующихъ и и священно и церковно-служителей, а свѣтскихъ при каждой церкви въ приходѣ сколько жъ обоего пола и возраста людей обрѣтаются. 2) Напредъ сего, изъ прежде бывыхъ православно-восточныхъ же церквей и монастырей каковыя имянно, и когда, и какимъ образомъ и случаемъ на унѣю преклонены и отобраны, и въ защищаніе оныхъ каковыя и куда представленіи были чинены, и что на то послѣдовало. 3) Книги собственно до всякаго православнаго христіанина паче же до церкви принадлежащеи достаточно ли имѣются, и гдѣ печатанныя, и нѣтъ ли въ томъ по нынѣшнымъ обстоятельствамъ какой нужды и недостатка, и въ каковыхъ имянно; и ежели Святейшій Cvнодъ по разсужденію своему впредь оными снабдѣть опредѣлитъ, то оныя съ желаемою православныхъ пользою употреблятся могутъ ли,— со всеглубочайшою нашею покорностю доносимъ: что въ вѣдомствѣ Виленскаго Сошествія Святаго Духа монастыра Православно Восточной церкви ни единой не имѣется; монастырей мужескихъ въ разныхъ воеводствахъ и повѣтахъ, кромѣ начальнаго Виленскаго, имѣется девять, девичихъ два; во оныи монастырѣ настоятелѣ и настоятельницы опредѣляются по давнему обыкновенію отъ благочестиваго оного Виленскаго Сошествія Святаго Духа монастыря старшого безъ произвожденія. Монашествующихъ въ вышшепоказанныхъ монастыряхъ малое число живетъ, потому что тамъ отъ монастыра въ монастыръ монахамъ вольный переходъ; парохіи тожде при нѣкоторыхъ монастырахъ и довольныи находятся, однакъ понеже порознь живутъ въ околичныхъ селахъ и городахъ, то съ числомъ ихъ справится весьма трудно; съ прежде бывшихъ православно-восточныхъ монастырей на унію насильно отобрано восемь монастырей, и въ защищеніе оныхъ представленія были чинены въ Гродскихъ Канцеляріяхъ, въ Трибуналѣ Литовскомъ, въ Ассесоріи, въ разныхъ годѣхъ и мѣсяцахъ, такожъ и въ Коммисіи, и когда имянно и какіи монастырѣ въ какихъ воеводствахъ и поветахъ отобраны, такожъ о протестахъ челобитныхъ и послѣдовавшихъ о томъ декретахъ, ясно показуетъ при семъ сообщенная вѣдомость. 4) Книги собственно до всякого православнаго христіанина надлежащіи, коихъ весьма многое число было при монастырѣ благочестивомъ Святого Духа, вси почти до единой (ибо только съ нихъ житія Св. Отецъ, да Кормчія, Ключь, Огородокъ, да Требникъ Могилянскій остался цѣлы) и въ оныхъ православныи краиную имѣютъ

вужду, въ пожаръ, 749 года мая 28 дня въ Вильнѣ приключившійся, погорѣли, почему о снабдѣніе оными изъ Святѣйшаго Сунода обще, какъ духовныи, такъ и мірскіи, Вашего Святѣйшества съ покорностію просимъ и доносимъ, что с желаемою пользою православныхъ употреблятися весьма могутъ: ибо въ ономъ Виленскомъ Сошествія Святого духа монастырѣ по вся воскресніе дни и знатнѣйшіе праздники, и въ другихъ монастыряхъ въ храмовые праздники бываютъ предики къ коихъ утвержденію у господъ езуитъ книгъ принуждены просить; церковныхъ же какое число и какой печати гдѣ имѣются, явствуетъ при семъ сообщенная вѣдомость, но и тѣми снабдѣть въ посрамленіе непріятелей нашихъ, всегда насъ тѣмъ поносящихъ, якобы мы отъ своихъ архипастырей без всякого спомоществованія крайне оставлены, крайную нужду имущіи монастырѣ, съ покорностію нашею Вашего Святѣйшества всенижайше рабски просимъ и, высочайшей архипастырской ожидая милости, раболѣпно пишемся. Начальнаго Виленскаго монастыря намѣстникъ Іеромонахъ *Владычка* со всею братіею.

Вѣдомость

Въ Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Сунодъ отъ благочестивого Виленского Сошествія Святого Духа монастыра, о монастыряхъ подлежащихъ начальному Виленскому монастыру: сколько ихъ числомъ, въ какомъ воеводства повѣтѣ находятся и отъ кого сооружены, кто въ нихъ игуменъ, и отъ кого опредѣленъ, и въ какомъ годѣ, сколько числомъ братіи, какіи въ нихъ имѣются церковныи и учительныи книги, сколько парохій и сколько монастырей на унію числомъ и сколько имѣютъ крестьянъ.

1. Монастырь Святаго Духа Виленскій большій, весь каменный, прежде прекрасный, а въ прошломъ 1749 году мая 28 дня до основанія погорѣвшій; въ немъ старшій: Кіево-Кириловскій игуменъ проповѣдникъ катедральный Кіево-Софійскій, и Кіевской митрополіи кано[ ][1]), отъ настоящаго митрополита Кіевского, Галицкого и Малыя Россіи опредѣленный 1749 года Іануарія 30 дня, въ Вильню по пожару уже Іюня первыхъ чиселъ прибывшій, іеромонахъ *Сильвестръ Добрина*. Братія въ ономъ монастырѣ: Іеромонахъ *Варлаамъ Владычка* намѣстникъ, Іеромонахъ *Данілъ Василевскій* проповѣдникъ, Іеромо-

[1]) Пропускъ въ рукописи.

нахъ *Інокентій Болдышевскій,* комисаръ всего старшенства виленского, Іеродіаконъ *Гедеонъ Глушкевичъ*, монахи *Феофанъ Томашевскій*, *Исаія Трусевичъ*, *Зеновій Кондрашевскій.* Прежде пожара въ ономъ монастыру находилося монаховъ дванадесять и болѣе, но за крайное онаго нынѣшное убожество розойшлися въ инные монастырѣ; послушники онаго монастыра *Василій Козакіевичъ*, *Харитонъ Козакъ*, *Матфей Юревичъ*, *Максимъ Слуханскій;* онаго монастыра братія препитаніе и одѣяніе имѣютъ зъ подаянія Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Государственной милостинѣ, да имѣютъ футоръ одинъ жалованый отъ Огинскихъ. Сооруженъ оной монастырь отъ всѣхъ благочестивыхъ греческаго исповѣданія Братства, а началъ оной сооружать первый господинъ Огинскій; оброчныхъ оный монастырь имѣетъ дворовъ шесть. Итого въ ономъ монастырѣ: 1 игуменъ, 3 іером., 1 іерод., 3 монаха, 4 послуш., 6 оброчн. и крестьянъ.

Монастырѣ подлежащіи къ начальному Виленскому монастыру.

1. Въ поветѣ Ковенскомъ—монастырь *Кронскій Троецкій;* сооруженъ отъ господъ Огинскихъ; опредѣленъ во ігумена 1749 года нынѣшнимъ старшимъ Сильвестромъ Добрыною игуменъ въ тотъ монастыръ Іеромонахъ *Мелетій Мышата;* братія: іеромонахъ *Павелъ Стефановичъ*, монахъ *Іакинѳъ Закревскій;* послушники: *Иванъ Іосиповичъ* да *Михаилъ Куйда;* имѣетъ футоръ, икономъ футору принадлежащій; крестьянъ восимъ дворовъ. Итого: 1 игум., 1 іером., 1 мон., 2 послуш., 8 оброчн. и крестьянъ.

Книги церковныи печати львовской старинной, а болѣе писаныхъ, учительной ни единой не имѣется, парохіи такожде; крестьянъ такъ греческаго исповѣданія во околичныхъ городахъ и селахъ живущихъ, яко и римского (нѣтъ).

2. Въ княжествѣ Жмудскомъ—*Преображенскій Кейданскій* монастыръ; сооруженъ отъ князей Радзивиловъ; въ немъ игуменъ и братія одинъ іеромонахъ *Никаноръ Линевичъ*, послушниковъ два: *Іоакимъ Боцяновскій* да *Стефанъ Шостакъ;* парохіи два двора; питаются съ единого подаянія милостинѣ, а прежде по крѣпостямъ отъ Кейданского Радзивиловского двора давано и деньгами и всякими харчевыми припасами довольное число, но оное все княземъ Радзивиломъ вельможнымъ господиномъ Іеронимомъ, подчашимъ литовскимъ, отнято.

Книги имѣетъ вѣтхіи писаніи, учительской же ни единой; итого: 1 игуменъ, 2 послушника, 2 оброчныхъ и крестьянъ.

3. Въ повѣти Вилькомѣрскомъ—монастырь мужескій *Успенскій Сурдецкій*; сооруженъ отъ благородной госпожѣ Млецкой, старостовой Упицкой; въ немъ игуменъ *Климентій Козловскій*, братія: іеродіаконъ *Ефремъ Юревичъ*, *Гавріилъ Гуковичъ;* послушниковъ четыри: *Павелъ Радимый*, *Андрей Соколовъ*, *Константинъ Феодовскій*, *Петръ Жаровскій;* крестьянскихъ имѣетъ осьмъ дворовъ; парохіи никакой не имѣетъ; книгъ церковныхъ Московской печати кругъ имѣетъ, а другій писаный; учительской ни единой; о праздники Успенія Пречистыя Богородицы многое число собирается людей съ Нитавы, Риги и инныхъ городовъ Великороссійскихъ и Польскихъ и предика живетъ о праздникѣ. Итого: 1 игуменъ, 2 іеродіакона, 4 послушника, 8 оброчныхъ и крестьянъ.

4. Въ повѣти Браславскомъ—монастыръ мужескій *Сошествія Святого Духа* въ городѣ Друи; сооруженъ на земли господъ Сапѣгъ отъ Маркіяновича, тамошняго войта; игуменъ въ томъ монастырѣ *Илія Ждановичъ* опредѣленъ 1749 года Августа первыхъ чиселъ настоящимъ старшимъ Сильвестромъ Добриною; братія въ немъ: іеромонахъ *Инокентій Щаула*, *Акиндинъ Александровичъ*, іеродіаконъ *Гавріилъ Макіяновичъ*, монахи *Рувимъ Стуканъ* да *Митрофанъ Давыдовичъ;* парохію имѣетъ весьма довольную; книгъ почти церковныхъ не имѣетъ ничего, ибо оный до основанія пожаромъ въ ономъ городѣ бывшимъ въ 1739 году Іюля 19 дня изгорѣлъ; имѣетъ футоръ и крестьянъ одинъ дворъ. Итого: 1 игуменъ, 2 іеромонаха, 1 іеродіаконъ, 2 мон., 2 послушника, 1 оброчн. и крест.

5. Въ воеводствѣ Минскомъ—монастыръ *Покровскій Соломорецкій;* сооруженъ отъ благородныхъ господъ Сапѣгъ, въ немъ игуменъ іеромонахъ одинъ, *Θеофанъ Яворскій*, опредѣленъ въ игумена 1750 года Сентября дня [1]), въ небытность отца старшого, отъ капитулы благочестивой Виленской; послушниковъ два: *Григорій* да *Димитрій;* имѣетъ землѣ, пущи, сѣнокосовъ довольное число, и съ того пропитаніе и протчіе потребности; имѣетъ парохію довольную, книгъ церковныхъ не имѣетъ почти ничего, ибо съ того монастыра въ Кутеенскій мо-

[1]) Число не обозначено въ рукописи.

настыръ все забрато; оброчныхъ имѣетъ четыре двора. Итого въ немъ: 1 игуменъ, 2 послушника, 4 оброчныхъ и крестьянъ.

6. Въ Воеводствѣ Минскомъ—монастырь мужескій *Троецкій Селецкій;* сооруженъ отъ Господъ Тышкевичовъ; въ немъ игуменъ іеромонахъ одинъ *Варнава Каменскій*, и 1749 года Іюля первыхъ чиселъ опредѣленъ настоящимъ старшимъ; послушниковъ два: *Іоаннъ* да *Зосима;* книгъ церковныхъ почти ничего не имѣется, ибо со оного Селецкого монастыра все забрали неспокойныи минскіи мѣщане, благочестивое греческаго исповѣданія братство; крестьянъ имѣетъ пять дворовъ. Итого въ немъ: 1 игуменъ, 2 послушника, 5 оброчн. и крест.

7. Въ Минскомъ воеводствѣ,—въ самомъ городи Минску, мужескій монастыръ *Петропавловскій;* сооруженъ отъ княжны Евдокіи Друцкой, маршала Горского жены, при братской греческаго исповѣданія благочестивой церкви; въ немъ игуменъ іеромонахъ *Арсеній Томиловичъ* 1749 года Іюля 27 дня опредѣленъ настоящимъ Сильвестромъ Добриною; братія іеромонахи: *Іосифъ Романовичъ*, *Рафаилъ Земба*, монахъ *Гедеонъ;* послушниковъ три: *Иванъ Григоровскій*, *Ѳома Калита*, *Лаврентій Тюмка;* парохію имѣетъ довольную, оброчныхъ имѣетъ дворовъ двадесятъ; футоръ такожде довольный. Итого: 1 игуменъ, 2 іеромонаха, 1 монахъ, 5 послушниковъ, 20 оброчн. и крест.

8. Въ воеводствѣ Новогородскомъ—монастыръ мужескій *Богословскій Грозовскій*; сооруженъ отъ господъ Красинскихъ; игуменъ въ немъ одинъ іеромонахъ *Антоній Зіортка*, тридесятъ лѣтъ на игуменствѣ уже пребывающій; братія іеромонахи: *Лука Случанскій*, *Афанасій Горбка*, іеродіаконъ *Рафаилъ;* монахи *Лаврентій Варлаамъ*, *Іосифъ*, *Сосипатръ* и *Генадій;* послушниковъ осьмъ: *Димитрій Зіортка*, *Іоаннъ Жлобковичъ*, *Григорій Демяновичъ*, *Романъ Сличка*, *Петръ Сташенко*, *Корныій* поваръ, *Василій* кузнецъ, *Климентій Лавриновичъ;* крестьянъ имѣетъ дворовъ дванадцять; парохію такожъ весьма довольную; книги въ немъ церковныи львовской старинной печати; учительныхъ не имѣется. Итого въ ономъ Грозовскомъ монастырѣ: 1 игуменъ, 2 іеромонаха, 1 іеродіаконъ, 5 монаховъ, 8 послушниковъ, 12 оброчныхъ и крестьянъ.

9. Въ Троцкомъ воеводствѣ—монастырь мужескій *Успенскій Евейскій* сооруженъ отъ благородныхъ господъ Огинскихъ; въ немъ игуменъ іеромонахъ *Никодимъ Шимоновичъ*, опредѣленъ во игумена, въ небытность старшого, отъ благочестивой капитулы нашой Виленской

Свято-Духой; іеродіяконъ *Гервасій Симоновичъ*, монахъ *Гавріилъ;* послушниковъ (два): *Филиппъ Онисимовичъ*, *Гр-ій Педченко;* парохіи не имѣетъ, преподаются же отъ онаго монастыра требы благочестивымъ исповѣданія греческого христіяномъ въ окрестныхъ городахъ за сколько миль живущимъ. Крестьянъ имѣетъ шесть дворовъ; земли пахатной, сенокосовъ, рыболовныхъ озеръ съ потребу; книги церковныи имѣетъ ветхіи львовской старинной печати; учительныхъ не имѣетъ. Итого въ томъ монастырѣ: 1 игуменъ, 1 іеродіаконъ, 1 монахъ, 2 послушника, 6 оброчныхъ и крестьянъ.

10. Въ самомъ городѣ Минску—*Дѣвичій монастыръ при церкви Братской благочестивой Петропавловской;* въ ономъ монастырѣ намѣстница опредѣлена въ 1749 году Іюля 20 дня настоящимъ старшимъ Сильвестромъ Добриною *Христина Бунцевичовна;* монахини: *Анастасія Соболевска*, *Макрена Соболевска;* послушницъ три; имѣетъ футоръ довольный, нарицаемый Жабовщина, и до него слободку надлежащую, нарицаемую Сарановичы; крестьянъ двадцать. Итого въ томъ монастырѣ: 1 намѣст., 2 монахини, 3 послушницы, 20 оброч. и крестьянъ.

11. Въ самомъ городѣ Вильнѣ—*Дѣвичій*, сооруженъ отъ благородныхъ господъ Греческаго исповѣданія благочестиваго братства *Благовѣщенскій монастыръ;* въ немъ намѣстница *Александра Лункѣвичовна*, опредѣлена въ настоятельницы бывшимъ старшимъ, а нынѣшнимъ епископомъ Бѣлорусскимъ Преосвященнымъ Іеронимомъ Волченскимъ; монахини: *Варвара Бунзевичовна*, да *Екатерина Лункевичовна;* послушницъ пять; имѣютъ вдовъ; питаются съ рукодѣлія своего; книгъ почти не имѣютъ ничего, ибо старшинства позычаютъ на потребу; чтоже имѣли у монастыру и тое продано бывшимъ старшимъ Мельхиседекомъ, о чемъ въ Святѣйшій Сунодъ челобитье отъ нихъ подано 1749 года Ноября среднихъ чиселъ (и денги на его персону употреблено); церковъ въ ономъ монастырѣ каменная. Итого въ томъ монастырѣ: 1 намѣст., 2 монах., 5 послуш.

Монастырѣ, отобранные на унѣю, суть слѣдующіе:

1. *Прилуцкій* монастыръ отобралъ староста Минскій Ивановскій съ женою съ великимъ нападеніемъ 1736 года; о томъ протеста дано въ Канцеляріи Гродской; въ защищеніе оного монастыря пред-

ставленіе было чинено отъ старшего виленскаго Іеронима Волчанскаго въ Трибуналѣ и въ Ассессоріи въ разныхъ годѣхъ, и декрета одержано на оного старосту; однакожъ отътуда въ пользу ничего не послѣдовало, ибо оный староста церковъ разобралъ и монастыръ разорилъ.

2. *Цеперскій* монастыръ отобранъ Сіятельнымъ княземъ въ томъ времени бывшимъ крайчимъ великаго Княжества Литовскаго, а нынѣ подчашимъ, Іеронимомъ Радзивиломъ зъ базыліанами Цеперскими унитами 1721 года, и о томъ протестовано многожды въ разныхъ годѣхъ и мѣсяцыхъ въ Трибуналѣ Литовскомъ, и въ защищеніе онаго представленіе было чинено, и по оному представленію декретъ на изгнаніе съ оного монастира уніятовъ изданъ 1723 года, и въ Ассессорію такожде представлено, и изъ Ассессоріи Комисія была учреждена, однакожъ оного монастыра въ благочестіе не возвращено.

3. *Купятицкій* монастыръ отобранъ римскими монахинями Бенедиктынками Породыскими 1742 года; протестовано о томъ отъ старшаго на тотъ часъ бывшаго Сильвестра Ляскоронскаго въ Канцеляріи Гродской и въ Трибуналѣ и въ Ассессоріи; и на оной хотя многіи декреты получено, однакожъ монастыра и по сіи поры не возвращено.

4. *Новодворскій* монастыръ отобранъ Базыліянами уніятскими Новодворскими 1742 года, и о томъ протестовано у гродской Канцеляріи и въ Трыбуналѣ, и потому ихъ обвинено, однакожъ монастыра не возвращено.

5. Монастыръ въ Вильнѣ *Троецкій* отобранъ на унѣю базыліянами уніятами 1609 года; протестовано въ Трибуналѣ, въ защищеніе онаго представленіе было чинено въ Трибуналѣ жъ и Ассессоріи; однакожъ въ пользу нечего не послѣдовало, ибо оныи уніяты какъ монастыремъ, такъ и отчинами совершенно владѣютъ и по сіи времена.

Въ самомъ городи Минскѣ—*Троецкая Архимандрія.*

Въ Повѣти Пинскомъ—монастырь *Лящинскій.*

Въ Повѣти Лидзкомъ—*Голдовскій* монастыръ, уніатами отобраный.

О монастырахъ Минскомъ Троецкомъ, Голдовскомъ, Лящинскомъ, и иныхъ справясь вѣрно съ доказательствами, крѣпостьми, привеллегіями, протестанціями и декретами, въ скоромъ времени обстоятельная прислана будетъ вѣдомость.

По листамъ подписалъ Благочестиваго виленскаго Сошествія Святаго Духа монастыра намесникъ Іеромонахъ Варлаамъ Владычка. 1750 года, Декабря 22 дня.

XII.

Прошеніе виленскаго настоятеля С. Добрыни императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о воспособленіи виленскому Свято-Духову монастырю.

1751 г., мая 19 дня.

Всепресвятлѣйшая Державнѣйшая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Всемилостивѣйшая Государыня.

Проситъ Польской области престольнаго города Вильны благочестиваго Сошествія Святого Духа монастыря старшій игуменъ Іеромонахъ Сѵльвестръ о ниже слѣдующемъ:

1. Всемилостивѣйшій Государь блаженныя и вѣчной славы достойныя Петръ Великій, Императоръ и самодержецъ Всероссійскій, Вашего Императорскаго Величества всерожайшій Государь родитель, Польской области великаго княжества Литовскаго въ престольномъ городѣ Вильнѣ находящійся Благочестивый Сошествія Святаго Духа монастыръ въ высочайшей своего Императорскаго Величества изволилъ содержать милости, и въ репараціи церквей и иконостасномъ украшеніи, такожъ дорогихъ утварахъ и книгахъ всемилостивѣйше дѣлать вспоможеніе.

2. Особливо же 1703, и въ 1708 годѣ, для ежегодной на прокормленіе содержащихся въ ономъ монастырѣ братіи выдачи Его Императорского Величества Государственной милостынѣ пятидесяти рубліовъ всемилостивѣйше Высокомонаршею пожаловалъ Грамотою, и впредь тотъ монастыръ обѣщалъ въ своемъ Государственномъ милостивомъ имѣти призреніи.

3. Къ онымъ пятидесяти рублямъ по доношенію старшаго Виленскаго іеромонаха Амвросія Юшкевича въ 1733 году блаженныя памяти Государыня Императрица Анна Іоанновна, кромъ прочего подаянія, пятидесятъ рубліовъ прибавить и повсегодно по 100 рубліовъ съ коллегіи Економіи выдавать Всемилостивѣше повелѣть изволила.

4. А понеже оный Виленскій Сошествія Святаго Духа монастыръ въ 1749 году мая 28 дня въ томъ числѣ, какъ цѣлой городъ Вильня горѣлъ, совсемъ выгорилъ, которому кромѣ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости въ первое состояніе прійти

отнюдь не возможно, ибо церковь въ ономъ монастырѣ длиною и шириною, и всѣмъ подобіемъ противъ нового въ Невскомъ монастырѣ Святой Троицы строящагося собора, олтаремъ же гораздо больша, потому яко въ ономъ олтари три престолы были весьма пространныи. Къ самой же убогой починки тоей церкви и іконостасному украшенію, по краткимъ мѣрамъ, надобно шесть тысящъ рубліовъ.

5. Братія онаго монастыра препитаніе и инные потребности имѣютъ съ единого подаянія по жалованымъ Государственнымъ грамматомъ съ Коллегіи Економіи получаемой на годъ по сто рублей милостынѣ.

Того ради Вашего Императорскаго Величества всеподаннѣйше прошу: по всеблагоутробнѣйшей Высочайшей для многолѣтнаго своего Императорскаго Величества здравія милости на репарацію оной Сошествія Святого Духа благочестивыя церкви, дабы она въ крайнее опустошеніе и благочестіе наше въ крайнее поруганіе прійти не могли, вышъ прописанную шесть тысящей рублевъ сумму Всемилостивѣйше пожаловать; на препитаніе же монастыра оного монахомъ Высочайше повелѣть къ вышше изображеной сторублевой дачи съ Коллегіи Економіи прибавить подаянія Государственной своей милостини.

Подано чрезъ его высокопреподобіе отца духовника и Благовѣщенскаго собора протопопа Ѳеодора Дубянского Ея Императорскому Величеству въ малой лѣтнаго дворца церкви, Мая 19 дня, и по спросу Ея Величеству о чомъ, внушено, и Ея Величество изволила въ церквѣ и читать, толкожъ резолюціи еще Всемилостивѣйшей не получено. Игуменъ *Сильвестръ Добрина*, Виленскій старшій.

XIII.

Письмо виленскаго настоятеля С. Добрыни кіевскому митрополиту Т. Щербацкому, заключающее подробное изложеніе дѣла по поводу ходатайствъ въ Петербургѣ о воспособленіи виленскому монастырю.

1751 г. сентября 17 дня.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Владыко, премилостивый мой господинъ Архипастыръ и величайшій добродѣй!

На поданное отъ мене нижайшаго за благословеніемъ ихъ Святѣйшества прошлаго Мая 19 дня сего 1751 года Ея Императорскому Величеству вторичное всеподданнѣйшее доношеніе, съ котораго точная

копія того мѣсяца Мая 24 дня отъ мене нижайшаго при доношеніи сообщена къ Вашему Преосвященству въ архипастырское разсмотрѣніе, — понеже никаковой Всемилостивѣйшей не послѣдовало резолюціи, того ради я нижайшій уже обоному Вашему Преосвященству извѣстному монастыря Виленского дѣлу болѣе утруждати не дерзаю; смѣлъ было Святѣйшему Правительствующему Сѵноду прошедшаго Іюня 17 дня сего 1751 года подати доношеніе таково: «Понеже за двогодищною мене нижайшого съ Виленского Святаго Духа благочестивого монастыря за монастырскими, съ многихъ Вашему Святѣйшеству поданныхъ отъ мене нижайшаго чрезъ оніи два года доношеній, извѣстными нуждами отлучкою, оній благочестивій Сошествія Святаго Духа монастыръ Виленскій и протчіи къ нему подлежащіи монастыри (какъ явствуютъ о томъ оного монастыра намѣсника ко мнѣ нижайшему) (sic) въ немалое пришли разореніе и приходятъ, и впредь, о чемъ Вашему Святѣйшеству доволно внушено, въ крайнемъ состоятъ разоренія своего опасеніи, того ради принужденъ я, нижайшій, оставивъ іеродіакона своего Ѳеофана Томашевскаго здѣсь въ Санктпитербургѣ, поки или самъ паки возвращуся, или иного кого на своемъ мѣсти пришлю, для ожиданя на поданное отъ мене нижайшаго сего 1751 года Мая 19 дня за высокоархипастырскимъ Вашего Святѣйшества благословеніемъ Ея Императорскому Величеству съ прошеніемъ на репарацію погорѣлой онаго монастыра церкви шеститисящной рублевой суммы и о прибавки на прекормленіе онаго монастыра братіи къ сторублевой дачи государственной съ Коллегіи Економіи милостынѣ, доношеніе Высочайшей Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей резолюціи, въ скорости въ оній монастыръ изображенныхъ ради нуждъ отехать, и за тѣмъ всенижайше Вашего Святѣйшества прошу о выдачи, въ силѣ жалованныхъ блаженнія и вѣчной славы достойныя памяти Императора Петра Великаго оному Виленскому Сошествія Святаго Духа благочестивому монастыру въ прошедшихъ 1703 и 1708 годѣхъ грамотъ, обыкновеннаго, ради свободнаго за рубежъ чрезъ Ригу и за рубежемъ къ Великаго Княжества Литовскаго престолному городу Вилнѣ, проѣзду въ Государственную иностранныхъ дѣлъ Коллегію съ канцеляріи Вашего Святѣйшества Сѵнодальной повелѣть, кому надлежитъ, послать указъ». На которое мое доношеніе ихъ Святѣйшества и послѣдовала резолюція: отпустить мене нижайшаго въ Вилня и о свободномъ моемъ ко оному городу за рубежъ проездѣ въ

Государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію и Синодальной канцеляріи для выдачи въ силѣ жалованыхъ оному монастыру грамотъ пашепорта послать указъ, и послано Іюля 5 дня; что я нижайшій Его Высокопреподобію, Ея Императорскаго Величества отцу духовному Ѳеодору Дубянскому, когда объявилъ и вспоможеніе вышеписанному моему іеродіакону Ѳеофану Томашевскому высокомилостивое просилъ, Его Высокопреподобіе, отецъ духовникъ, мене нижайшаго отъ поѣздки въ Вилню удержалъ и приказалъ ѣхати съ Его Высокопреподобія инстанціальнымъ писаніемъ симъ: «Подноситель прошенія моего сего благочестиваго Сошествія Святаго Духа Виленскаго монастыря Старшій, игуменъ Сѵлвестръ Добрина, имѣетъ необходимую нужду въ самой скорости отъехать зъ Санктпетербурга возвратно за рубежъ въ Польской области Великаго Княжества Литовскаго престолній городъ Вильня и затѣмъ прилѣжно просилъ мене къ Вашему Высокорейсхграфскому Сіятелству въ нуждахъ его монастырскихъ, Вашему жъ Высокорейсхграфскому Сіятелству весьма свѣдомыхъ, о интерцессію, на кое его, старшего виленского, прилѣжное прошеніе я склонясь и несумѣнную надежду на Ваше Высокорейсхграфское Сіятелство, что сіе прошеніе мое туне будетъ не оставлено, и затѣмъ я смѣло Ваше Высокорейсхграфское Сіятелство утруждаю и съ покорностію моею прошу доложить Ея Императорскому Величеству, не повелѣно ль будетъ на репарацію оной Виленской Сошествія Святаго Духа церкви, дабы она въ крайное запустеніе, а благочестіе наше въ крайнее тамъ поруганіе не пришло, прописанную въ поданномъ сего 1751 года мѣсяца Мая 19 дня чрезъ мене нижайшаго Ея Императорскому Величеству его, старшаго Сѵльвестра Добрины, всеподданнѣйшемъ прошеніи сумму, или что Богъ Ея Величеству на сердце пошлетъ, съ оставшихся по умершихъ архіереяхъ денежной сумы издѣлать опредѣленіе и подаяніе, такожъ и на препитаніе монастыра онаго монахомъ къ сторублевой дачи, кую они, монахи, повсегодно получаютъ, за таковое ихъ отъ пожара разореніе съ Коллегіи Экономіи прибавить подаянія Государственной милостынѣ и для ежегодного оной милостынѣ полученія Высокомонаршую утвердительную выдати грамоту, о коей Вашего Высокорейсхграфского Сіятелства оному старшему съ покорностію моею прошу, высокопризрительную прося благочинность. Благонадеждане остаюся и при молитвахъ моихъ пребываю». Въ Петергофъ къ Его Высокорейсхграфскому Сіятелству Алексѣю Григоріевичу Разу-

мовскому съ коимъ писаніемъ я нижайшій въ Петергофъ Іюля 13 дня прибылъ, 15 дня поутру Его Высокорейсхграфскому Сіятелству подалъ писаніе съ приложеніемъ изъ Варшавы присланныхъ въ Государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію, а съ оной коллегіи въ Святѣйшій Сунодъ при доношеніи представленныхъ, съ Сунода же при указѣ ко мнѣ нижайшему Іюля 13 отпущенныхъ, а мною тогожъ Іюля 13 дня полученныхъ вѣдомостей (ихъ съ Екстракта и зъ реляціи секретаря посолства Ржичевскаго изъ Варшавы отъ 28 Мая 1751: «Вашему Императорскому Величеству всенижайше доношу, что я еще въ Мартѣ мѣсяцѣ въ отвѣтъ князю Чарторижскому, подканцлеру Литовскому, по поводу тѣхъ жалобъ, которыи я отъ епископа Бѣлорусскаго получилъ, между протчимъ, и о свободномъ построеніи вновь Грекороссійскихъ церквей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкоторыи изгорѣли, по силѣ извѣстной Королевской грамоты, напоминалъ, какъ приложенная при семъ копія покажетъ; потомъ князь Черторизскій къ бискупу Виленскому о томъ писалъ, и послѣ того мнѣ оригиналный отвѣтъ на опое присланъ, сего жъ часу получилъ я и отъ намѣсника виленского Владычки писмо, что къ нему помянутый бискупъ Виленскій самъ присылалъ и требовалъ, чтобъ онъ ко мнѣ писалъ, а имянно, что онъ построенію вновь Виленской церкви не токмо препятствовать не хощетъ, но паче свое позволеніе намъ даетъ, чего ради ежели тамошній старшій Добрина не здѣсь въ Полше, но въ Санктпетербургѣ при Святѣйшемъ Сунодѣ находится, то пріемлю смѣлость съ глубочайшою подданностію и сіи писма, а имянно подканцлера Литовскаго, бискупа Виленского, да сіе отъ Владычки при семъ приложить, по содержанію которихъ помянутой старшій Добрина, о семъ церковномъ строеніи свои мѣри благовременно принять и по благоизобрѣтенію учредить можетъ». Съ писма князя Чарторизскаго, подканцляра Великого Княжества Литовскаго, къ секретару Ржичевскому изъ Прибаславицъ отъ 2 Мая 1751 года: «Сообщаю вамъ оригиналное отвѣтное ко мнѣ писмо бискупа Виленского, въ которомъ онъ обѣщаетъ, что онъ подчинку погорѣлого монастыра и церкви Виленскихъ неуніятовъ запрещать не будетъ; въ ономъ же письмѣ усмотрѣте, сколько онъ выхваляетъ скромныя поступки нынешнего игумена, изъ чего явствуетъ, что духовныи неуніятской религіи, будучи иногда сами больше виноваты своими гордыми поступками, сами же и безпокойство вщинаютъ, а при всемъ томъ въ жалобахъ своихъ за пре-

текстъ имѣютъ якобы чинимое имъ отъ нашихъ духовныхъ утѣсненіе для того толко, чтобъ при такихъ своихъ правилныхъ или неправильныхъ жалобахъ получить отъ двора вашего какое либо себѣ награжденіе, о чемъ изволите министерству вашему донесть». Съ письма бискупа Виленскаго къ князю Черторизскому, изъ Вилнѣ отъ 17 Априля 1751 года: «Яко я всегда имѣю въ надлежащемъ почтеніи Вашего Сіятелства министерскія разсужденія и предложенія, такъ и нынѣ учиненное мнѣ отъ Вашего Сіятелства представленіе, касающееся до позволенія подчинки церкви и монастыра виленскихъ неуніятовъ, я со всякимъ респектомъ принялъ, и понеже такое Вашего Сіятелства требованіе я уже предупредилъ и помянутымъ виленскимъ неуніятомъ совершенное на то позволеніе далъ, то тымъ могу Ваше Сіятелство удостовѣрить, что въ требуемой оной подчинки ни малѣйшее имъ препятствіе не послѣдуетъ и невозбранно имъ будетъ предпріятіе свое въ дѣйство произвесть, толко бы они въ строеніи церковныхъ главъ, колокольнѣ и въ украшеніи монастырскихъ воротъ ничего излишнего не затѣвали, но все тѣмъ примѣромъ, какъ спрежде у нихъ было, строилось. Сіе позволеніе по первому ихъ скромному прошенію не было имъ отъ мене отказано, и нынѣ онаго не отказую: какъ по ходатайству Вашего Сіятелства, такъ и потому, понеже нынѣшній игуменъ съ братіею своею живетъ спокойно, и гордымъ своимъ предкамъ не послѣдуетъ, для того и жалобы уже утишились, и сами они то чувствуютъ, что отъ насъ никакое препятствіе въ ихъ дѣлахъ и въ отправленіи ихъ религіи не чинится, пусть толко они не выступаютъ исъ предѣловъ позволенной имъ у насъ вольности». Съ письма намѣстника старшенства виленского Іеромонаха Варлаама Владычки секретару Ржичевскому изъ Вилня отъ 17 Мая 1751 года: «Прислалъ ко мнѣ бискупъ виленскій, чтобъ я васъ увѣдомилъ, что по учиненномъ запрещеніи о подчинки церкви оное еще въ прошедшомъ году помянутій бѣскупъ отминилъ, и нынѣ не возбраняетъ, но понеже у насъ на то кошту не имѣется, то и послѣднее отъ пожара оставшееся строеніе въ крайнее запустѣніе приходитъ».—Которое писаніе и вѣдомости Его Высокореисхграфское Сіятелство вычитавъ, болѣе часа мене нижайшаго о величинѣ церкви и монастыра, о житіи монаховъ и числѣ ихъ, и о протчихъ обстоятелствахъ спрашивалъ, и доложить Ея Величеству и ходатайствовать обѣщался, а мнѣ дожидати, не ѣздя, приказалъ; по прошествіи же 15 дній, потомъ Іюля 30

мнѣ, къ Его Сіятелству паки въ Петергофъ явившемуся за полученіемъ резолюціи, изволилъ сказать Его Сіятелство, что я де докладывалъ Ея Величичеству, и Ея Величество всемилостивѣйше о томъ сказать изволила: *надобно дожидатся;* сего же сентября 7 дня Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ Духовникъ нарочно со мною нижайшимъ съ зимняго дворца въ лѣтній къ его Высоко Рейсграфскому Сіятелству ѣздилъ и просилъ за мною нижайшимъ съ многими представленіями, на что въ отвѣтъ Его Сіятелство изволилъ объявить: по неоднократному де докладу моему Ея Императорское Величество, хотя изволила обѣщати милость, однакожъ надобно, отъ Святѣйшаго Сунода чтобы былъ письменный о томъ Ея Величеству докладъ; почему я нижайшій сего жъ сентября 11 дня Святѣйшему Суноду и подалъ доношеніе таково: «Прошедшого 1749 года октября первыхъ числъ прибылъ я нижайшій съ находящагося въ полской области престолномъ Великаго Княжества Литовскаго городѣ, нарицаемомъ Вильня, благочестиваго Сошествія Святаго Духа монастыря въ царствующій городъ Москву, гдѣ, явясь въ Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, подалъ всенижайшее мое доношеніе, покорнѣйше прося Высокоархипастырскаго на оную Виленскую благочестивую Сошествія Святаго Духа, еще до пріѣзда моего въ томъ же 1749 году Мая 28 дня погорѣвшую, о четырехъ предѣлахъ церковъ, съ иконостасомъ, ризницею, книгами и протчею утварію церковною, и монастыръ Высокопастырскаго ходатайства и споможенія, коимъ бы оную погорѣлую церковь съ показанною ризницею, иконостасомъ и протчею церковною утварію (яко оное все безъ остатка погорѣло) и монастырь, какъ возможно, не запустя, въ первое состояніе привесть могло; да и здѣсь въ Санктпетербургѣ многими всенижайшими моими Ваше Святѣйшество о томъ же утруждалъ доношеніями и прошеніями, но понынѣ еще безъ слѣдователной на то нахожуся резолюціи; означенная же Божія церковь, коей оній монастыръ никакими мѣрами не толко въ первое состояніе привесть, но и малѣйшей подняти репараціи отнюдъ чимъ не имѣетъ, и по сію пору пуста и непокрита въ поруганіе благочестивой нашей церкви противникомъ стоитъ; ибо Виленская вышписанная церковь длиною, шириною и всѣмъ подобіемъ противъ новаго въ Невскомъ монастырѣ Святой Троицы строящагося болшаго собора издревле построена, олтаремъ же гораздо болша, потому, яко въ ономъ олтарѣ три

учреждены престолы весьма пространніи; братія же онаго монастыра препитаніе и инніи потребности всенужнѣйшіи имѣютъ съ единаго подаянія по жалованнымъ Высокомонаршимъ грамотамъ съ Коллегіи Экономіи получаемой на годъ по сто рублей милостынѣ, а хотя до возстановленія оной церкви во всемъ подлежащемъ благолѣпіи и свободность была пресѣчена чрезъ запрещеніе, отъ властей тамошнихъ учиненное; однакъ чрезъ всемѣрніи мои труда и прилѣжніи прозбы оное препятствіе виленскій бискупъ, какъ о томъ въ Святѣйшомъ Синодѣ вѣрніи на писмѣ имѣются извѣстія, отминилъ, а понеже и къ самой убогой подчинки тоей церкви съ иконостасомъ, ризницею и всякою церковною утварію и протчимъ къ тоей же церкви подлежащимъ самонужнымъ исправленіямъ, въ разсужденіи прежняго ея благосостоянія, и высочайшаго и всещедроподательнаго блаженнія и вѣчной славы достойнія памяти Государа Императора Петра Великого, Самодержца Всероссійскаго, ко оной снабдѣнія немалая видится, по скудости того мѣста, потребна сума, того ради со всеглубочайшею моею покорностію Вашего Святѣйшества прошу, надъ онымъ монастыремъ и церковію, отъ давныхъ временъ подъ охраненіемъ и снабдѣніемъ высочайшей государственной милости состоящимъ, дабы оная церковь и монастыръ въ крайнее разореніе и благочестіе наше въ крайнее поруганіе и уничтоженіе прійти не могли, высокомилостивое архипастырское учинити разсмотрѣніе.—На что (отъ) Ихъ Святѣйшества получилъ резолюцію: «во что бы оная погорѣлая церковъ исправитися могла, за рукою своею и прибывшаго съ Вилня за дѣлами своими благочестивого братчика Крестоноснаго братства Іосифа Шишки, Святѣйшему Суноду представить смѣту». И по силѣ оной Ихъ Святѣйшества высокоархипастырской резолюціи, я нижайшій съ показаннымъ Шишкою сочинилъ смѣту сего Сентября 16, которая имѣется тако: «Понеже отъ найяснѣйшого Великаго Княжества Литовскаго трибуналу въ прошедшихъ 749-мъ и 750-мъ годѣхъ всѣмъ обще въ престолномъ оном Великаго Княжества Литовскаго городѣ Вилнѣ находящимся обывателямъ, а между тыми и нашему благочестивому Сошествія Святого Духа Виленскому монастыру, трома декретами накрѣпко притверждено, дабы всякъ свои палаты, камяницѣ, а найпачѣ монастырѣ, костелы, церквы и колокольни черепицею непремѣнно крили, а деревомъ не только крити не допущаютъ, но и критое съ наложеніемъ штрафа разбрашиваютъ: того ради совсѣ-

глубочайшею нашею покорностію Вашему Святѣйшеству, во что бы оную погорѣлую Сошествія Святаго Духа Виленскую церковъ и самоубогую исправить мощно было, въ Высокоархипастырское разсмотреніе всенижайшую нашу сообщаемъ смѣту такову:

1. Для сводовъ каменныхъ, которыи имѣютъ быть за тамошній обычай мѣсто кроковъ, на покупку кирпича пятидесяти тисящей, тисяща по два таляри битыхъ и полъ, надобно сто двадцять пять таляровъ битыхъ.

2. За четыриста скринь . . . . . [1]) на оныя своды, такожъ на отдѣлку престоловъ, жертвенниковъ, степеней на церковь, на тынкованія церкви и побѣлъ, скриня по десяти шостаковъ,—надобно двѣсти таляровъ битыхъ.

3. За шесть сотъ скринь песку, скриня по шостаку битому,—надобно таляровъ битыхъ тридцять.

4. За двѣсти пудъ желѣза на укрѣпленіе оныхъ сводовъ, на укрѣпленіе иконостасовъ, для крестовъ на главы церковніи, на петли, крючки, наугольники до оконъ, на подпорки до жолобовъ, на кручя и лопатки, пудъ по таляру битому и по пяти шостаковъ,—надобно таляровъ битыхъ двѣсти пятдесятъ.

5. На покупку восмидесяти тисящей черепицы для кришки церковной, тисяща по шеснадцати таляровъ битыхъ,—надобно тисяща двѣсти восемдесятъ таляровъ битыхъ.

6. На покупку всякого лѣса, белъкъ, дылъ, тертицъ—на главы церковніи, на рамы до окошокъ дубовъ, на риштованія, крилосы, брустели, и на свозку онаго лѣса и протчее до того исправленіе,—надобно триста таляровъ битыхъ.

7. На покупку пятнадцати барилъ жести бѣлой для покрытя трохъ главъ церковныхъ и ксымсовъ, барило по двадцати талеровъ битыхъ,—надобно триста семдесятъ пять талеровъ битыхъ.

8. На покупку дванадцати ящиковъ стекла для седмидесяти трохъ окошокъ, ящикъ по осми таляровъ битыхъ,—надобно девятдесятъ шесть таляровъ битыхъ.

9. За осмеро дверей желѣзныхъ, а именно, за входніи двойчатіи съ внутреннимъ замкомъ, тридцять пять таляровъ битыхъ, за двое по сторонамъ около тыхъ же, единковыхъ, по двадцати таля-

---

[1]) Пробѣлъ въ рукописи.

ровъ, за южніи и сѣверніе двойчатіи по двадцати пяти таляровъ, за едны олтарніи, а другіи съ предѣла Преподобнаго Сумеона для ризницы, по двадцати же таляровъ битыхъ,—надобно сто шестдесять пять таляровъ битыхъ.

10. За осимъ пудъ свинцю, пудъ по таляру битому съ пятма шостаками,—надобно десять таляровъ битыхъ.

11. За пудъ олова на спайку и побѣлъ пудъ шесть,—надобно шесть таляровъ битыхъ.

12. За четыри иконостасы: а именно, большой Святаго Духа, по сторонамъ около его южный святаго Іоанна Богослова, сѣверній—святыхъ равноапостолныхъ царей Константина и Елены, да въ предѣлъ преподбнаго Сумеона Столпника, съ майстерами деревяннымъ и живописнымъ и протчею исправкою и поставкою,—надобно двѣ тысячи таляровъ битыхъ.

13. На поли во всю церковь,—надобно двѣсти таляровъ битыхъ.

14. На маистеровъ, а именно: на каменщиковъ, за отдѣлку сводовъ кроквяныхъ каменныхъ, за прикритіе церкви черепицею, за тынкованіе извнѣ и внутръ и побѣлъ, за отдѣдку на церковъ и за всѣ поли, на каменщика за главы церковніи и за риштованя, на оконичника за окошки, на кузнеца за всякую роботу, такожъ на покупку шаекъ, ушатовъ, чановъ, лопатъ и иной посуды, на уголья,—надобно тисячу таляровъ битыхъ.

На исправленіе всей церкви,—надобно шесть тисячей тридцать семь таляровъ битыхъ.

О подчинки же монастыра, колокольнѣ, о исправленіи ризницы и всякой утвари церковной въ Высокоархипастырское Вашего Святѣйшества разсмотрѣніе всенижайше представляемъ,»—и въ разсмотрѣніе Ихъ Святѣйшеству предложилъ. Почему со всего дѣла моего краткій екстрактъ для докладу Ея Императорскому Величеству сочинить и велено. Вашему Высокопреосвященству со всеглубочайшою моею покорностію въ архипастырское разсмотреніе доношу, а при томъ на прежніи мои Вашему Преосвященству отъ мене нижайшаго представленніи доношенія при Архипастырскомъ благословеніи архипастырской милостивой прошу резолюціи.

Вшего Ясне въ Богу Преосвященства всепослѣднѣйшій послушникъ Игуменъ Сильвестръ Добрина, виленскій старшій.

Зъ Санктпетербурга. Сентября 17 дня 1751 года.

XIV.

Прошеніе намѣстника и іеромонаховъ виленскаго монастыря къ кіевскому митрополиту о присылкѣ имъ въ означенный монастырь дѣятельнаго и способнаго человѣка.

1751 г. НОЯБРЯ 18 ДНЯ.

Jasnie w Bogu Przeoswięcony Panie y Archipastyrze nasz miłostiwy!

Unanimiter wszyscy bracia zakonne upadamy u stop naszego miłosciwego Pana y Pasterza, suplikuiąc utrzymać nasze klasztorki Wileńskie w swoiey Archipasterskiey protekcyi, w tym, iż po wszytkich naszych monasterach mało znayduie się zakonnikow, a osoblivie uprawiteley niema po temu sposobnych, iako y sam Wilenski klasztor takowego człowieka pilnie potrzebny, ktoryby mogł być w interessach prawnych wzięty, przez co y monastery nasze ruinam podpadaią, zaczym pokornie upraszamy Archipasterskiey Mści dla podpory błahoczestyi swiętey takowych ludzi, a przynamniey z respektu Panskiego iednego Wilenskiemu starszenstwu takowego człeka, ktoryby przy swoiey perfekcyi utrzymać mogł ciężary y interessa klasztorne, scieląc się pod stopy Pana y Pasterza naszego miłosciwego iak naypokorniey suplikuiemy.

Jasnie w Bogu Preoswięconego Pana y Archipasterza naszego miłościwego codzienne Bogomodlcy y podnoszkí.

Starzenstwa Wilenskiego namiesnik Jeromonach Barłaam Władyczka.—Jeromonach Daniel Wasilewski.—Kaznodzieia Wilenski Jeromonach Innocenti Bołdyszewski.

Z Wilnia. Nowembra 18 dnia 1751 roku.

XV.

Донесеніе намѣстника виленскаго монастыря Варлаама Владычки кіевскому митрополиту о самовольномъ захватѣ жмудскимъ бискупомъ Тышкевичемъ сѣлецкаго Свято-Троицкаго монастыря, съ присовокупленіемъ прошенія—ходатайствовать передъ русскимъ уполномочнымъ министромъ о возвращеніи православнымъ, какъ означенной обители, такъ равно и другихъ монастырей, отнятыхъ уніатами.

1751 г. ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ.

Jasnie w Bogu Przeoswięcony Panie y Archipasterzu nasz miłosciwy!

Życzył bym sobie w pomyslnieyszych interessach do Archipasterskiey Mći, pana naszego miłosciwego, adres moy czynić, ale y w

przesladowaniu naszym ze łzami zalić się musze, iż coraz nowe a nieznosne krzywdy się dzieią, y teraz, w niebytnosci Igmć oyca starszego naszego Wilenskiego, nowe poczyniono akcye, iż w roku ninieyszym 1751, miesiąca Junyi pierwszego dnia, Jasnie Wielmożny Imc Xiądz Tyszkiewicz, Biskup Zmoydzki, przez swego kommisarza odebrał monastyr sine ulla pretensione, z poddanemi do niego należącemi, nazwany Sielecki, założenia Swiętey Troycy, w Woiewodstwie Mińskim, wieczystemi czasy do starszenstwa Wilenskiego inkorporowany y funduszem utwierdzony pod klątwą na sąd straszny, ktoby ważył się od starożytney religiy Grekoruskiey przewracać na unią Rzymską. Jasnie Wielmożny Imć xiądz Tyszkiewicz, Biskup Zmoydzski, nie maiąc żadney pretensyi do Sieleckiego monastera, tylo że nieopodal granicą dobr Imci, y przez to expulsio uczynił, y zaiachać kazał, y ieszcze teraz w possesyi swoiey trzyma, ale, iak słyszeć, iż miał Bazylianom oddać; zaczym w takowych naszych krzywdach uciekamy się do łaskawey Archipasterskiey klemencyi, upraszaiąc za onym pisać do pełnomocnego Rossyieskiego ministra, w Dreznie rezyduiącego. Jakoż aby starania dołożył y o drugich monasterach, od unyatow pozabieranych, iako to monastyr Nowodworski, Kupiatycki, Ceperski y Przyłucki, ktore przywileiem Krolewskim konfirmowane do Wilenskego monastera Błahoczestywego, a na to nie uważaiąc y przywileiow nic obserwuiąc, teraznieysze unici gwałtem one powydzierali y expulsye poczynili; takowe monastery, aby przy funduszach nadanych do Błahoczestyi przywrocone byli, upadszy u nog Archipasterskich, ze łzami pana naszego miłosciwego suplikuiemy, wielowładną swoią protekcyą upadaiącey Błahoczestyi pomocy ręką swą podać y zaszczycić, takowego respektu łaskowego zebrząc, piszę się.

Jaśnie w Bogu Przeoswięconego Archipasterza, pana naszego miłosciwego y nayosobliwszego dobrodzieia, podnożek y bogomodlca. starszenstwa Wilenskiego Namiesnik Jeromonach Barłaam Władyczka.

Wilna. X-bra 18 dnia 1751 r.

XVI.

Донесеніе настоятеля виленскаго монастыря С. Добрыни кіевскому митрополиту Т. Щербацкому съ приложеніемъ копіи съ писемъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ отъ латино-уніатскихъ властей виленскимъ «старшинствомъ», и извѣстіями о результатахъ хлопотъ ею, Добрыни, въ Петербургѣ относительно воспособленія отъ русскаго правительства сгорѣвшему виленскому монастырю.

1752 года, февраля 25 дня.

Великому Господину Ясне въ Богу Преосвященнѣйшему Киръ Тимофею Щербацкому, Божіею милостію Православному Архіепископу, Митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малыя Россіи,

покорнѣйшее доношеніе.

Каковіе я нижайшій настоящаго сего 1752 года, февраля 23, отъ благочестиваго Грекороссійского отъ Святаго Духа Виленскаго старшенства намѣстника Варлаама Владычки и комисара іеромонаха Инокентія Болдышевского о нанесенныхъ отъ тамошнихъ господъ и властей опому старшенству нестерпимыхъ утисненіяхъ, обидахъ и гоненіяхъ получилъ писанія, таковыхъ при семъ Вашему Ясне въ Богу Высокопреосвященству въ Высокоархипастырское разсмотреніе точніе сообщая копіи, со всеглубочайшею моею покорностію прошу Высокоархипастырско повелѣть опредилить, буди болѣе невозможно, хотя троихъ постоянныхъ въ старшенство оное благочестивое Виленское для управителства монастырей, къ томужъ старшенству принадлежащихъ, іеромонаховъ, коими бы оніи монастырѣ управляемы въ истинномъ своемъ Грекороссійскомъ благочестіи безъ поврежденія удержатися могли; ибо, какъ съ писемъ является, за недостатокъ честныхъ іеромонаховъ и управителей монастырѣ подъ унѣю отходятъ. Прописанного же въ поданномъ Вашему Ясне въ Богу Преосвященству отъ благочестивого Виленского братства доношеніи, коего при вышъ прописанныхъ писаніяхъ и мнѣ нижайшему копія сообщена, іеромонаха Спиридона Гриневицкого, буди сіе предъ Вашимъ Преосвященствомъ угодно покажется и оній Іеромонахъ Гриневицкій къ оному опредѣленію ни въ какомъ сумнительствѣ не состоитъ, съ Марковскаго монастыря въ старшенство благочестивое Виленское въ намѣсника. Что же касается до моего въ Санктпетербургѣ (пребыванія) о репараціи благочестиваго

Виленскаго сошествія Святаго Духа монастыра церквѣ, Вашему Ясне въ Богу Высокопреосвященству за должность мою всенижайше доношу: прошлаго Генвара 19 дня сего 1752 года Ея Императорское Величество изволила Высочайше указать на репарацію оной Виленской церкви и монастыра выдать съ Сунода шесть тысячей рублей и указъ о выдачи оныхъ съ Габинета въ Святѣйшій Сунодъ послать кой того же времени и написано, но и по сіи поры къ закрѣпи не поднесено, а обѣщалъ его Высокопреподобіе господинъ отецъ Духовникъ старатися, въ скорости бы было однесено, и сіе Вашему Ясне въ Богу Высокопреосвященству (донося), Высокоархипастырского на себе съ покорностію моею прошу благословенія.

Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства всенижайшій послушникъ ігуменъ Сулвестръ Добрина, виленскій старшій.

Съ Санкт-Петербурга, февраля 25 дня, 1752 года.

а) Копія письма виленскаго намѣстника Владычки къ виленскому настоятелю С. Добрынѣ о захватѣ латино-уніятами Селецкаго монастыря.

1751 года, сентября 18 дня.

Wielmożny wysoce w Bogu Nayprzewielebnieyszy Mci Dobrodzieiu!

Za przybyciem do Wilnia ierodyakona oyca Theophana 7-bris 10 dnia otrzymałem od Wm., dobrodzieia, pisane do nas dawnieyszych listow trzy; pierwszy aprila 11 dnia, drugi tegoż miesiąca 23 dnia, trzeci iunii 3 die, a teraznieyszy czwarty pisany augusta 12 die, z ktorych wziowszy wiadomość o powodzeniu W. M., dobrodzieia, cieszymy się, że w dobrym zdrowiu słyszemy, a za podięte fatyge pokornie dziękuiemy; niech Bog Naywysszy dopomaga w interessach W. M. dobrodzieia, o co y Maiestat Wszechmogącego usilnie błagamy y wyglądami szczęsliwego powrotu do nas. Już że y nam rożne opressyi dokuczyli, że y wydołać więc niemożemy, a osobliwie prawne z Domanskim o kramach klasztornych do tych czas ieszcze nie konczyli prawa, na co expensu nie mało iuż wyszło. Powtornie o drugiey niepomyslności donosze, iż monastyr Sielecki fundacyi Tyszkiewiczowskiey, leżący w woiewodstwie Minskim, kazał I. W. Imc X. Biskup Zmoydzki swemu komisarzowi odebrać, ktory zaiachał iunii 1 dnia w roku teraznieyszym 1751; w tym odebraniu dopominać się iezdził do X. Biskupa ociec Innocenti z listem instancyalnym od Wielmożnego

Imc pana Rzyczewskiego, sekretarza legationis Dworu Rossyiskiego, ktoregoś my prosili, aby pisał, upraszaiąc o przywrocenie Sieleckiego monastyra; ale wyczytawszy X. Biskup Zmoydzki list instancyalny, odpowiedział, że się z tym mogą pomierkować, iak postąpić, a odebrałem za to, że się cerkiew obwaliła, za fundatorow odprawa być nie może, zaczym y fundusz upada. Jakoż oznaymuie, że za pana Tomiłowicza długi w Trybunale wielką miałem turbacyą y przez niego do niemałych expensow prawnych kredytorowie klasztor przyprowadzili, samego zaś statuicyą z Trybunału nam nakazano na kadencyą Minską, tedy żeby pan Tomiłowicz mogł przybyć do Wilnia, choć przynaymniey o Bożym narodzeniu, tak chcieli to umiarkować, tylo iemu nie oznaymować ni oczym, bo iak nie powroci, to za niego nakażą nam wszystkie długi opłacać, takoż o kamienice Czerniawską, ktorą klasztor nasz trzyma za dekretem Trybunalskim, pan Minkiewicz, Radca Wilenski, nas zapozywa, y mal nie codzień to insza nowina, zewsząd agrawuią, wynayduiąc do klasztoru pretenzye, co nie widzo (sic) dla nas protekcyi. Takoż Imc ociec Dziortka, ihumen Hrozowski, przysyłał, prosząc o przysłanie ograniczenia tamecznego folwarku, gdyż y tam xiązęcia Słuckiego Heronima Radziwiła komisarz kazał pozatykać grunta y dosyłał do oyca ihumena, prosząc o pokazanie ograniczenia, za czym ten folwark trzyma Hrozowski klasztor, a za niepokazaniem miał zaiachać; ktorego ograniczenia między papierami mocno szukałem, ale nie mogłem znalesć, posłałem tylko vidimus funduszu, aby z onym stawszy dopraszał się o nienaruszenie funduszowey dawności y utrzymania się przy oney. Donoszę, iż z księgą, za upraszaniem na reparacyą pogorzałey cerkwi, poiachali oyciec Daniel kaznodzieia y ierodyakon Theophan, a oyca Nikanora nie mogłem wyprawić, bo w Minsku zostaie, a ociec Joakinft Zakrewski chorue. Trzeba by łaski W. M., dobrodzieia, aby pisał do Jasnie Przeoswięconego Metropolity Kiiowskiego o przysłanie do wszystkich naszych Wileńskich klasztorow kapłanow, bo wszystkie klasztory potrzebne kapłanow, a onych cale niedostatek. Oznaymiwszy o naszym powodzeniu, oddaie najniższy ukłon moy łaskawemu siebie respektu, polecaiąc pasterskiego y oycowskiego błogosławieństwa proszę y piszę się

Wielmożnego w Bogu Nayprzewielebnieyszego W. mc Dobrodzieia nayuniżenszy sługa y Bogomodlca ustawny,

Starszenstwa Wilenskiego namiesnik ieromonach Barłaam Władyczka.

3 Вильня. 7-bris 18 die 1751 roku.

b) Копія письма къ виленскому настоятелю С. Добрынѣ іеромонаха Иннокентія Болдышевскаго о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ православными отъ латино-уніятовъ.

1751 года, декабря 21 дня.

Wielmożny mnie wielce nayosobliwszy dobrodzieiu!

Ze wszelką weneracyą poważną expedycyą nayosobliwszego oyca y dobrodzieia mego odebrałem, będąc w Minsku miesiąca semptembra dnia 15, w czym powinną moią służebniczą opplikuie weneracyą, całym sercem życząc doczekanych świąt nowonarodzonego Chrystusa Pana przy naywyszszych zbawiennych progressach, iako nayczerstwieyszym zdrowiu honestissime celebrować; przy tym oświadczam prezencyi W. M., panu dobrodzieiowi, że był w Wilnie Imć ociec Piełkinski, ihumen Pinski, a teraznieyszy Markowski, die 18 X-bris, y to relacyą nam czynił o Pszczołce, bywszym ihumenie Markowskim, że zapewnie został unitem samotrzec, Markeł y dyakon iakiś; tenże Markieł y z diakonem powciekali od unitow, a Pszczołka y dopiero włoczy się po Witepsku y wielkie akcyi czyni temu monastyrowi przeciwko Pełchinskiego, czego nie day Boże y monastyru, żeby nie zawiedli do uniy, między sobą kręciwszy się; tak też y u nas x. Pełchinski mocno dopominał się, aby oddali iemu dokumenta na Nowy Dwor y Kupiatycze, iakoby ma plenipotencyą od I. W. Igmć x. Metropolity, Archipasterza naszego Kijowskiego, aby dochodził prawnym procederem tych dwuch klasztorikow, gdyż my nie mieli tey smiałosci bez swego supieriora takie rzeczy oddawać, bo gdy ten człowiek iest bardzo wielkich figlow mądrości, nie dokazawszy w klasztorze nic, to poszedszy bratczykow podbił, aby pisali list do I. W. Imci X. Archipasterza naszego, ktory to list, copiatim dostawszy, posyłam do W. W., pana dobrodzieia, iak niesłusznie ich mościowie nas opisuią, czego nigdy nie dokażą, ale iak byli kłamcami, to y będą. Tak też o swoich cyrkumstancyach donaszam W. M., panu dodrodzieiowi: Klasztorek nasz Sielecki, ktory zaiachał Imć x. Biskup Żmuydzki Tyszkiewicz w roku teraznieyszym 1751, miesiąca Junij pierwszego dnia, wszystkiemi siłami staranie dokładali, aby powrocił, y do Warszawy pisali, aby pan Rezydent instancyalny list pisał, żadno miaro (sic) nie chce powrocić y tym exkuzuie się, że na co pustkami nasze fundacyi porobili, lepiey oddam unitom, y z tym mnie odprawił, gdyż

y po wszystkich klasztorkach naszych niema nigdzie zakonnikow, y na tamte pochwalaią się podbierać, kiedy nie będzie zakonnikow; niech sam Bog broni od takiey perzekucyi; a teraz przy oświadczeniu szczerozyczliwego affektu z wszelką weneracyą oddaie moy nayuniżeńszy ukłon y dalszym się polecam nayłaskawszym dobrodzieyskim respektam y z wszelką obserwacyą piszę się.

Wielmożnego w Bogu Nayprzewielebnieyszego WW. mc, pana y dobrodzieia, ustawicznym bogomodlcą y nayniszym sługą y podnożkiem.

Ieromonach Inocenti Bołdyszewski.

Z Wilna. 1751 r. x-bra 21.

XVII.

Донесеніе настоятеля виленскаго монастыря С. Добрыни и виленскихъ братчиковъ къ кіевскому митрополиту Т. Щербацкому съ извѣстіемъ о начавшейся реставраціи погорѣвшей Виленской Свято-Духовой церкви.

1753 года, генваря 27 дня.

Великому господину Ясне въ Богу Преосвященнѣйшему Кирь Тимофею Щербацкому, православному архіепископу Митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малыя Россіи,

покорнѣйшее доношеніе.

Во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода указа и Высокоархипастырской Вашего Ясне въ Богу Преосвященства благословителной грамоты, репарація благочестивой старожитной Грековосточной Вѣры сошествія Святаго Духа Виленская церковь Божіимъ поспѣшествомъ началась; майстерѣ для произведенія оной: теселской Андрисъ Бандышъ съ его Андриса всею деревнею, къ строенію тому потребною, а именно: белками, бурнатами, кроквами пиловаными, латами, тарчицями, капарами, канатами, гвоздямъ желѣзнымъ и иными, къ тому майстерству надлежащими, потребностями на цинѣ полскихъ золотыхъ четырехъ тисящахъ, тисящу считая на россійскую монету по сто тридесятъ единому рублю и по двадцати пяти копѣекъ, учинитъ пятсотъ двадцать пять рублевъ. До каменного строенія архитектъ нѣмецъ же Іоаннъ Гловбицъ изъ его архитекта матеріаломъ всѣмъ, а именно:

съ черепицею, цеглою, вапномъ, жвиромъ, гипсомъ, желѣзною чорною и бѣлою бляхою, шкломъ и всякимъ майстеромъ, съ штукаторіею, мозаикою, зъ малованямъ, злоценямъ, кромѣ иконостасныхъ образовъ и царскихъ вратъ и сѣверныхъ дверей, со всѣмъ иконостасомъ израдной штукатерской работы, а зъ слупами фильшмармуровыми, и ксымсами, капителями, и протчимъ украшеніемъ гипсовымъ, всѣ три иконостасы каменные, посяцкою во всю церковъ, крестами на церковъ, окнами, ринвами и черепицею крить, тынковать кругомъ, извнѣ извнутръ церковь, и зъ штукаторіею, и посудою, цебрами. шапликами, ражками, водою, черпаками, лопатами, ридлями, грейцарами, ломами, кирками, на цѣни пяти тисящахъ таляровъ битыхъ уконтрактованы, и матеріалу всякого доволство заготовлено; монастыръ уже слава Богу Архипастырскимъ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства возобновленъ и уже ко окончанію приходитъ, ибо толко въ нѣкоторихъ келіяхъ верхнихъ оконъ нѣтъ, да не побѣлены, а гдѣ были деревянніе уже и нужда строити не настоитъ. Дзвонницю же репаровать не доведется теперь за неимѣніемъ денегъ, ибо оніе шесть тисящей рублевъ, жалованныхъ отъ Ея Императорскаго Величества, на двоихъ майстеровъ издержатся, испрошенніе же съ книгою на репарацію монастыра и на покупку матеріаловъ издержаны. Вашему Ясне въ Богу Преосвященству вѣрно донесши и книги на ..... оной репараціи и совершенному произведенію, Архипастырскаго всенижайше просимъ благословенія.

Вашего Ясне въ Богу Преосвященства всенижайшіи послушники и слуги благочестиваго Грековосточнаго отъ Святого Духа Виленского конвенту и инныхъ къ нему принадлежащихъ православныхъ монастырей Старшій К. К. игуменъ Сильвестръ Добрина.

Зъ Вильна 1753 года Генваря 27 д.

Starszenstwa Wilenskiego Namiesnik ieromonach Barłaam Władyczka.

Jeromonach Illia Zdanowicz, ihumen Druyski.

Jeromonach Innocenty Bołdyszewsky.

Іеромонахъ Іоасафъ, еклисіархъ.

Jeromonach Samuel Okinszyc.

Іеромонахъ Ѳеофанъ.

Jeromonach Innocenty Bołdyszewski.

Krestonosnoho Bratstwa Wilenskiego Starosta y derekter Izby kupieckiey podpisuięsię Samuel Zurobinski.

Gabriel Kotelnicki starosta.

Krestonosnoho Bratstwa Demian Olifierowicz.

Hrehory Damianowicz.

Leon Kosabucki.

Symon Hukowicz.

Michał Kuponkiewicz.

Jerzy Zuromski.

Jan Daszkiewicz.

Jan Leniewicz.

Bazyli Horoch.

XVIII.

Донесеніе настоятеля виленскаго монастыря С. Добрыни къ кіевскому митрополиту Т. Щербацкому, извѣщающее о положеніи дѣлъ касательно реставраціи виленской Свято-Духовой церкви.

1754 г., сентября 27 дня.

Великому господину Ясне въ Богу Преосвященнѣйшему Кvръ Тимофею Щербацкому, православному Архіепископу Митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малыя Россіи.

Въ силѣ Высокоархипастырской Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства благословительной къ репарованю и по репарованіи ко освященію церкви сошествія Святаго Духа Виленской состоявшей(ся) грамматы, помянутая оная Виленская Сошествія Святого Духа церковъ къ таковой извнѣ извнутръ пришла репараціи, а именно: копулы, по здѣшнему нарицаемые вежи, двѣ передніе подлугъ маніеру израдного покриты бѣлою жестяною бляхою по углахъ и зъ галками, бляхоюжъ покрытыми до самого каменнаго ксымса; щиты, какъ передніе, такъ и боковые, геси и надъ олтаремъ копула бляхоюжъ бѣлою покриты; шатеръ вышшой и пять нижшихъ черепицею жолобчастою подъфутрованія; на передномъ щиту Гербъ Россійской въ штукаторномъ копердиментѣ и зъ лаврами выдѣланъ и роскрашенъ по належитому; ксымсы всѣ и подолки подъ окнами черепицею жъ жлобчастою высажены, бабинецъ черепицею покритъ въ округній дахъ, копулки на немъ побиты бѣлою бляхою жестяною, на верху оной Святый Духъ

въ златыхъ променяхъ; крестовъ на всей церкви, то есть, на копулахъ, щитахъ и гесахъ, восьмъ, дѣла весьма маніернаго; церковъ изъ надвору вся уже до самыхъ нижнихъ оконъ, кои въ каплицяхъ, отынкована и разными красками роскрашена, такожъ и внутръ до половины вытынкована и, где было прилично, штукаторіею высажена и розмалована; иконостасъ до половины измурованъ и слупы подѣланы, и окна уже готовы. Со всеглубочайшею моею покорностію Вашему Ясне въ Богу Высокопреосвященству доношу; а понеже помянутый оный иконостасъ, какъ отъ мене нижайшаго и зъ братіею Вашему Ясне въ Богу Высокопреосвященству прошлаго 1753 года генвара среднихъ числъ чрезъ іеродіакона Ефрема и монаха Рувима въ Высокоархипастырское разсмотреніе и благословеніе всенижайше взнесено, по примѣру Кіевскихъ монастырей, равно и зъ побочными предѣлами, издѣланъ, престолъ уже великой оченъ далеко отъ вратъ царскихъ остался разстояніемъ, того ради Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства всенижайше прошу помянутый оный престолъ великій по ближе къ вратамъ въ пропорцію олтару перенесть, а на томъ мѣсти, гдѣ давній престолъ, горное сидалище издѣлать, такожъ и жертвенники подъ слупами, какъ въ братскомъ и Николаевскомъ Кіевскихъ монастырахъ, ибо давніе совсѣмъ розсыпалися, измуровать, Высокоархипастырского благословенія и указа.

Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства всенижайшій послушникъ игуменъ Сильвестръ Добрина, виленскій старшій и зъ братіею.

Зъ Петербурга. Сентября 27 д. 1754 года.

XIX.

Замѣтка о произведенныхъ расходахъ на возобновленіе виленской Свято-Духовой церкви, составленная въ

1754 г., сентября 27 дня.

Изъ жалованной Ея Императорскаго Величества на репарацію Виленского старожитной Греческой религіи Духова монастыра благочестивой церкви шесто тысячной денежной суммы что употреблено и на лицо имѣется. 1754 года, Сентября 27 дня.

Тесельскому майстеру Андрису нѣмцу, по прописаннымъ по уговору въ контрактѣ ратамъ, и зъ его матеріаломъ, за его Андриса

на церкви нашей фабрику уплачено четыри тысячи польскихъ золотыхъ, считая на таляри битые пять сотъ таляровъ битыхъ, Архитекту Іоанну Глойбицу со всѣмъ его Глойбица матеріаломъ и работниками, по уговору и по прописаннымъ въ контрактѣ ратамъ, уплачено три тысячи таляровъ битыхъ и пять сотъ, а еще остаетъ уплатить сей же осени пять сотъ таляровъ, а по веснѣ тысячу таляровъ битыхъ; для оной уплатки на лицо имѣется въ скарбцѣ въ стинѣ замуровано червоныхъ золотыхъ шесть сотъ двадцать три, а недовѣсныхъ, понеже въ Вильню весьма червоными бракуютъ, взялъ я нижайшій для отмѣнки по уговору зъ маклеромъ Яновскимъ сто пятдесятъ червоныхъ, итого всего семьсотъ семьдесятъ три. Игуменъ Сильвестръ Добрина, виленскій старшій.

XX.

Письмо намѣстника виленскаго монастыря и другихъ монашествующихъ лицъ, подвѣдомыхъ означенному монастырю, къ кіевскому митрополиту Т. Щербацкому съ просьбою о замѣнѣ настоятеля виленскаго монастыря С. Добрыни, какъ человѣка съ разстроеннымъ здоровьемъ, другимъ, по усмотрѣнію митрополита, настоятелемъ.

1754 г. (сентябрь).

Jaśnie Wielmożny w Bogu Nayprzewielebnieyszy, nam naymiłościwszy mosci, Panie Archipasterzu y Dobrodzieiu!

In primario, post Dei Maiestatem recurrit cała nasza starożytney Religiey Greckiey duchowna ex regula świętego Byzylego y świecka od Świętego Ducha Wilenskiego konwentu y innych konwentow y monasterow, od niego dependuiących, kongregacya, y naygłębszą weneracyę deponuie pod stopy Jasnie Wielmożnego miłosciwego Pana y Archipasterza naszego, iak naypokorniey, ut oves sumus iego Archipasterskiey Mości, suplikuiąc w potrzebnym naszym interessie miłosciwego Archipasterskiego respektu, a mianowicie: ponieważ iuz 5-tus lapsus est annus, iak przyiechał do nas od Waszey Archipasterskiey mości na trzy lata ordynowany nasz pasterz, w Bogu nayprzewielebnieyszy ociec Sylwester Dobrina, y od wielkich fatyg (albowiem oprocz podiętey do Petersburcha pracy y fatygi, każdey niedzieli ma kazanie do narodu religiey naszey, w solenne festa po dwa razy, ile onych trafi się na tydzień, y w naroczyste święta) y

ustawicznych trudności prowidencyi o zaszczyceniu błahoczestyi świętey dyspozycyi, y reparacyi, y spraw, do ostatney słabości zdrowia swego przyszedł, za ktorą ledwo iuż (iak my sami doskonale o chorobie iego swiadomi), od ktorey ozdrowieć podług swiadecswa doktorow approbowanych wcale nie można, w takich zostaiącemu distrakcyach w interessach swiętey błahoczestyi służyć nie może, zostawić że zas konwent nasz y poiahać bez przybycia nowego starszego, chociay onemu niektorzy y usilnie radzą, niema intentum, a interessa ustawicznie, iak między kłotliwemi narodami, nowe płyną, dla tego, aby one interessa, iako należące do zaszczyszczenia błahoczestyi świętey, nie zalegli in consequens malum, y reparacya do swego skutku doszła, pasterza nam y z nim kaznodzieie przysłać in vi et necessitate dawnieyszych naszych do Waszey Archipasterskiey mości posłanych suplik, ktorego Jego Archipasterska Mość z zwoiey opatrznosci ordynować raczy, o co y po setnie Jego Archipasterskiey Mości suplikuiąc, z powinną służebniczą naszą submissio piszemy się, w krotkim czasie ożydaiąc Iego Archipasterskiey Mości rezolucyi y skutecznego panskiego respektu.

Waszey Archipasterskiey Mości niegodne owieczki y naynisze słudzy y podnożki.

Starszenstwa Wilenskiego Namiesnik Ieromonach *Barłaam Władyczka.*

Swiętoianskiego Hrozowskiego monastera Ihumen *Antoni Dziorka.*

Jeromonach *Daniel Wasilewski*, Ihumen Kronski.

Іеромонахъ *Павелъ Стефановичъ*, Игуменъ Минскій.

Іеромонахъ *Nikanor Leniewicz*, Ihumen Jewieyski.

Jeromonach *Klimens Kozłowski*, Ihumen Druyski.

Іеромонахъ *Арсеній Томиловичъ*, Игуменъ Кейданскій.

Jeromonach *Samuel Ciekinczyc.*

Jeromonach *Josif Romanowicz.*

Іеромонахъ *Гедеонъ Каминскій.*

Jerodiakon *Theopan Tomaszewski*, swiąteczny kaznodzieia ze wszystkiemi hierodyakony.

Wileńskich panien monachinia starsza *Alexandra Łunkiewiczowna* z siostrami.

Mins. S. A. PP. Monachinia starsza *Barbara Buncewiczowna* z siostrami.

XXI.

Письмо кіевскаго митрополита Т. Щербацкаго къ настоятелю виленскаго монастыря С. Добрынѣ, въ коемъ требуетъ отъ послѣдняго объясненія, по поводу поданнаго намѣстникомъ означеннаго монастыря и другими прикосновенными лицами прошенія о замѣнѣ его, Добрыни, какъ человѣка больнаго, другимъ «старшимъ», а также свѣдѣній о расходѣ суммъ на возобновленія виленской обители.

1754 г., октября 12 дня.

Превелебнѣйшій старшій виленскій, о Христѣ любезный мой братъ и присный доброхотъ!

Сего 1754 года, октября 4 дня, присланнымъ къ намъ, пастыреви, заграничного благочестиваго Сошествія Святаго Духа Виленскаго монастыра честній намѣсникъ Варлаамъ Владычка и всѣхъ подсутственныхъ тому Виленскому монастыру монастырей начальники писаніемъ представили, что де Превелебность Ваша въ болѣзни немалой находитесь и отъ оной освободитись Превелебности вашей въ силу можно, чрезъ якую де болѣзнь вашу не послѣдовалобъ какого оному монастыру и другимъ оному подсутственнымъ монастырамъ и церквамъ разоренія и крайняго нестроенія, сверхъ же де того въ репараціи монастыра остановки, и тѣмъ своимъ писаніемъ насъ, пастыра, оный намѣсникъ Владычка съ протчими просили на мѣсто Превелебности вашей въ тотъ Виленскій монастыръ во начальника по усмотрѣнію нашему какого человѣка и зъ нимъ проповѣдника прислать, а понеже Превелебности Вашей на ономъ писаніи руки подписанной не имѣется, а за чимъ вамъ самымъ подписоватись было не можно, или въ какой вы болѣзни находитесь, такожъ за вѣдомомъ ли вашимъ оное письмо къ намъ писано, что именно въ томъ монастырѣ реперацією въ совершенство пришло, а что еще остается недостройки, и сколько на что, и какихъ денегъ издержано, ни какова виду не представлено, что намъ, пастыревѣ, не безсумнительства,—того ради буди Превелебность Ваша заподлинно въ болѣзни находитесь, то въ какой именно, и за вѣдомомъ ли вашимъ означенное отъ конвенту письмо къ намъ въ вышше писанной силѣ писано, и есть ли желаніе ваше о увольненіи отъ начальничества того Виленского монастыра, или иначе, о томъ всемъ письменно къ намъ немедленно представить, сколько же

сверхъ въ жалованной Ея Императорскнмъ Величествомъ шестю тысячной рублевой суммы на тотъ Виленскій монастыръ денегъ превелебностію вашею здержано, и на что именно, и какіе въ томъ монастырѣ постройки совершенно устроены, и что еще и чимъ не достроено, такожъ сколько въ томъ монастырѣ имѣется нынѣ на лицо денегъ и заготовленнаго потребного къ достройки монастыра всякаго матеріалу, имянный реестръ прислать при письменномъ видѣ, пастырско притверждаемъ и при томъ, Превелебности Вашей Божія благословенія желая, пребываемъ

Превелебности Вашей всего добра приснодоброжелательный пастырь и доброхотно сердечный Богомолець Митрополитъ Кіевскій Смиренный Тимофей.

1754 года, 8-bra 12 дня. Зъ Кіева.

XXII.

Донесеніе игумена виленскаго монастыря С. Добрыни къ кіев. митрополиту Т. Щербацкому, въ коемъ благодаритъ за пожалованіе ему — игумену — наперснаго креста и проситъ, по разстроенному здоровью, увольненія отъ занимаемой имъ должности.

1754 г., ноября 5 дня.

Великому Господину Ясне въ Богу Преосвященнѣйшему Кѵръ Тимофею Щербацкому, Божіею милостію православному Архіепископу Митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малія Россіи,

покорнѣйшое доношеніе.

Высокоархипастырскій Вашего Ясне въ Богу Преосвященства милостивый указъ, въ которомъ Ваше Ясне въ Богу Преосвященство высокоархипастырско изволили мене нижайшого крестомъ пожаловать и благословили, по примеру архимандрическу, на персяхъ носити крестъ святый, мною нижайшимъ прошедшаго априля 3 дня, сего 1754 года, полученъ, и во исполненіе, какъ братіи, такъ и братству, такожъ Априля 4 числа въ трапезѣ при собраніи всѣмъ объявленъ, и какъ я нижайшій, такъ и братія и братство оное, Вашего Ясне въ Богу Преосвященства высокоархипастырскою милостію одарованы, при возсыланіи вседолжнѣйшихъ о многолѣтномъ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства ко всещедрому Богу молитвъ, всенижайше едиными усты

и единымъ сердцемъ благодарили и, поки жизни продолжитъ Богъ, благодарить одолжены; и о томъ всѣмъ отъ мене нижайшаго всенижайшій къ Вашему Ясне въ Богу Преосвященству и репортъ отпущенъ Априля 8 дня, при которомъ репортѣ и доношеніе отъ мене нижайшаго сообщено; таковою высокопастырскою Вашего Ясне въ Богу Преосвященства чрезвычайно на мнѣ нижайшемъ высокомилостиво изявленною милостію я нижайшій весьма доволенъ и до кончины жизни моей Вашему Ясне въ Богу Преосвященству всемирно благодарить долженствую; но понеже я нижайшій въ крайней здравія моего слабости нахожуся и едва къ правленію должности моей гожуся, должность же старшенская здѣсь въ Вильнѣ чрезмѣрно клопотливая и многихъ дѣиствителныхъ людей, которыхъ здѣсь за малое число людей правовѣрныхъ сыскать съ трудностію, а найпаче за крайнее монастыра сего убожество и во всѣмъ оскудѣніе, приходу бо въ немъ съ наймовъ камяницъ, склеповъ, лавокъ и чиншовъ едва до пяти сотъ золотыхъ полскихъ собирается, но и съ того подымного въ казну королевскую септебровой раты сто золотыхъ, а мартовской раты сто золотыхъ, итого двѣсти золотыхъ полскихъ ежегодно уплачуется, такожъ и хлѣбъ и прочіи къ препитанію братіи потребности покупается, жалованная же Государственная сторублевая милостыня на крайно нуждное одѣяніе братіи и потребныхъ при монастырѣ къ церкви людей издерживается, за чимъ безпрестанно по жебранинѣ посылать принуждены, еще же до того и намѣсникъ Владычка въ силахъ здравія своего изнемогъ, безпрестанно въ лѣкарствахъ, и на очи крайне уже упалъ, для того и отъ намѣстническаго званія ежегодно отпрашивается; я же, нижайшій, что былъ изъ Кіева изъ собою привезлъ, всіо уже почти прожилъ и въ крайнемъ оскудѣніи и недостаткѣ нахожуся, за чѣмъ къ сысканію ползы одъ лѣкарей нѣтъ способу, того ради, дабы какъ въ строеніи церковномъ, такъ и въ многихъ, ко защищенію благочестія святаго касающихся, дѣлахъ не послѣдовало остановки и погрѣшности, я, нижайшій, отъ званія старшинскаго мене, нижайшаго, высокомилостиво Архипастырско уволить, а поки отъ оного мнѣ нижайшему увольненіе послѣдуетъ, дабы высокоархипастырскимъ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства указомъ повелѣно было, за неимѣніе въ старшинствѣ виленскомъ на то способныхъ людей, прислать намѣсника, просилъ архипастырской милости, не получа же на оное мое всенижайшее прошеніе никаковой Архипастырской резолюціи,

а намѣсникъ Владычка при выѣздѣ моемъ сюда въ Петербургъ о увольненіи себе отъ намѣстническаго послушанія, представляя крайную здравія своего слабость и ко оному правленію уже недовольство, подалъ доношеніе и отъ мене нижайшаго до возвращенія моего изъ Петербурга къ намѣсническому правленію усилно убѣжденъ, — воспріемлю смѣлость и повторно тоей же вышпрописанной высокоархипастырской всенижайше отъ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства просить милости, когда еще не скоро мнѣ нижайшему послѣдуетъ перемѣна, какого честнаго іеромонаха высокоархипастырскимъ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства указомъ повелѣть, кому надлежитъ, прислать во намѣсника. О семъ просить

Вашего Ясне въ Богу Преосвященства всенижайшій послушникъ игуменъ Силвестръ Добрина, виленскій старшій.

Петербургъ. 1754 года, Ноября 5 дня.

XXIII.

Письмо кіевскаго митрополита Т. Щербацкаго къ одному изъ членовъ Св. Синода.

1754 г., декабря 19 дня.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Владыко, милостивій мой отецъ и искренній благодѣтель!

Прошлого Октября 4 дня присланнымъ ко мнѣ до старшенства виленского принадлежащихъ монастырей игумены, числомъ шесть, такожъ братія монастыра Виленского и братство, писаніемъ, представляя о болѣзни старшого виленского Сильвестра Добрины (знать зъ его самого Добрины приказу), просили мене на мѣсто его, Добрины, прислать имъ кого въ тотъ Виленскій монастыръ во начальника и другого какого человѣка во проповѣдника, а мнѣ нынѣ извѣстно учинилось, что онъ, старшій виленскій Добрина, самовольно оставя свой монастыръ, мимо вѣдомо мое, мѣстного своего архіерея, въ единое, какъ видно, презрѣніе, въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ о увольненіи его отъ оного старшинства просилъ; ему въ томъ прошеніи отказано, а велѣно о томъ просить у мене, по порядку; однакъ, сверхъ того отказу, дабы и протчимъ таковымъ команду свою презирать не было повадно, прошу Вашего Преосвященства за тое его

мене, архіерея своего, презрѣніе, безъ репримanda не оставить, ибо сами Ваше Преосвященство усмотрѣть изволите, какій сего человѣка заключается здѣсь обманъ, что только братіи да братству (объ) увольненіи его отъ старшинства ко мнѣ писать инстынктъ подалъ, а самъ въ крайное мене презрѣніе, знаючи тое, что онъ отъ мене туда на старшинство опредѣленъ, а оттуду перемѣненъ быть можетъ, какъ и прежде сего за антецессоровъ моихъ, Преосвященныхъ архіереевъ, опредѣлываны и перемѣнываны подобные жъ ему старшіе виленскіе всегда были, въ Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, безъ вѣдома моего, какъ вышеписано, съ немалымъ монастырскимъ коштомъ, самовольно просить о увольненіи его отъ старшенства виленского отъѣхалъ, и что учинить соблаговолите, прошу мене писменно увѣдомить; я за тое Вашему Преосвященству благодареніемъ взаимствовать долженъ буду.

Вашего Ясне въ Богу Преосвященства всегдашній искренно доброжелательный богомолецъ и всепокорный слуга Митрополитъ Кіевскій смиренный Тимофей.

1754 года, Декабря 19 д., изъ Кіева.

XXIV.

Донесеніе виленскаго игумена Сильвестра Добрыни кіевскому митрополиту Т. Щербацкому, въ коемъ проситъ у послѣдняго ходатайства предъ членами Св. Синода по дѣлу о вспоможеніи виленскому монастырю.

1754 г.

Великому Господину Ясне въ Богу Преосвященнѣйшему Кѵръ Тимофею Щербацкому, Православному Архіепископу Митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малія Россіи,

нижайшее доношеніе.

Сего 1754 года, Сентября 23 дня, при Высокоархипастырскомъ Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства благословеніи, въ силѣ Высокомонаршихъ Виленскому старожитной греческой религіи Сошествія Святаго Духа монастыру жалованыхъ грамотъ, для полученія Государственной за прошлые два года 1752 и 1753 милостынѣ, прибылъ я нижайшій въ Санктпетербургъ и зъ іеродіакономъ Порфиріемъ Жураховскимъ, котораго за единымъ коштомъ для рукоположенія во іеромонаха Ихъ Святѣйшеству представить Вашего Ясне въ Богу Вы-

сокопреосвященства Высокоархипастырскаго всенижайше прошу благословенія; при томъ же для свободнаго въ Россійской имперіи испрошенія на репарацію погорѣлой дзвонницы отъ доброхотовъ милостыни Высокоархипастырскаго у Ихъ Святѣйшества имѣю просить благословенія и указа, а что крайнее, понеже помянутой оной Виленскій Сошествія Святаго Духа монастыръ во всекрайнѣйшее убожество и въ прокормленіи, и одѣяніи братіи, и въ содержаніи крайне потребныхъ людей недоволство и оскудѣніе пришелъ: ибо вотчины, изъ которыхъ препитаніе имѣть мощно было, грунта и протчіе угодія, завистливыми и неспокойными здешнего панства господами отобраны; всякое подаяніе, изъ коего мощно было одѣяніе имѣть, подъ екскоммунікою отъ римского духовенства запрещено; братство знатнѣйшее поримлянилося, а оставшее при благочестіи, ово за дважды случившійся годъ по году пожаръ, ово за утисненія отъ противниковъ церкви святой, до остатка разорены. Противники же церкви святой, что нибудь выдумавши, монастыръ нашъ и подлежащіе оному къ судамъ безпрестанно привлекаютъ; намѣренъ я нижайшій, за совѣтомъ и прошеніемъ ко мнѣ послѣдовавшимъ отъ братіи онаго монастыра Виленскаго, Ихъ Святѣйшеству всенижайшее мое подать прошеніе: не изволятъ ли Ихъ Святѣйшество за нынѣшнее всеблагополучнѣйшее Богомъ дарованное время высокоходатайственій архипастырскій свой Ея Императорскому Величеству взнесть докладъ, не повелѣно-ль будетъ и зъ прибавленіемъ, яко оній Виленскій монастырь во всекрайнѣйшее убожество и оскудѣніе пришелъ, Высокомонаршей жалованной милостынѣ и при томъ что нибудь на сооруженіе колокольнѣ, въ потвержденіе Высокомонаршихъ высокославныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Перваго, въ 1703 и въ 1708, и блаженныя памяти Государини Императрицы Анны Іоанновны въ 1733 годѣхъ оному Виленскому монастыру жалованныхъ грамотъ, Высокомонаршую жалованную помянутую Сошествія Святого Духа Виленскому монастырю выдать грамоту. Того ради Вашего Ясне въ Богу Высоко Преосвященства всенижайше прошу Высокоархипастырскій свой высоконстанціональній къ членамъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода и другимъ потребнымъ господамъ отпустить, въ предписанномъ моемъ прошеніи, писанія повелить; о семъ просить

Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства всенижайшій послушникъ игуменъ Сылвестръ Добрина, виленскій старшій, изъ братіею.

XXV.

Письмо игумена Сильвестра Добрыни къ кіевскому митрополиту Т. Щербацкому съ просьбою объ увольненіи отъ настоятельства въ Свято-Духовомъ виленскомъ монастырѣ.

(1755 г., мартъ).

Великій Господинъ Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій владыко, премилостивый господинъ Архипастыръ мой и величайшій добродѣй!

По незазорной моей іеромонашеской совѣсти Вашему Ясне въ Богу Преосвященству всенижайше доношу, что я нижайшій совсѣмъ усердіемъ моимъ и монашескою охотою опредѣленіе Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства Высокоархипастырское за благо и щиро любительно пріемлю, и всякое послушаніе по указанію должности монашеской ревностно и порядочно, за поспѣшенствомъ Божіей благодати и за вашего Высокопреосвященства Высокоархипастырскимъ благословеніемъ, по мѣрѣ силъ моихъ, во исполненіе привожду, какъ и сіе здѣшное послушаніе любовно я принялъ, любовно износилъ и по силѣ Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства данной мнѣ архипастырской грамоты все здешнее благочестіе ревностно защищалъ, боронилъ и всемѣрно въ посмѣяніе противникамъ церкви Божіей старался не допустить, и не допустилъ; но трилѣтніе, Вашему Ясне въ Богу Преосвященству извѣстніе въ Петербургѣ по здѣшномъ благочестіи роненіе труды, здравіе мое весма умалившіи и въ крайнюю слабость здравія моего приведшіи, притомъ же въ зависти, и ненависти, и крайномъ въ потребностяхъ оскуденіи и нестерпимія гоненія приведшіи мене (отъ которыхъ отсюдова бѣжать, какъ и на прочихъ моихъ антецессорахъ сбылося, или, чего Богъ мене Вашего Высокопреосвященства архипастырскими молитвами да сохранитъ, въ крайнее небезпечéнство и пагубу пустить себе, не имѣю бо себе душу честну (sic), но ползы благочестію святого ни единой) крайне принудили мене Ваше Преосвященство утрудить тымъ моимъ нижайшимъ рабскимъ прошеніемъ; почему и всенижайше рабски прошу, Ясне въ Богу Высокопреосвященнѣйшій Владыко, ради выше изображенныхъ винъ, Высокоархипастырско призрѣте на здѣшное благочестіе и на мене нижайшаго, послѣднюю Вашего Преосвященства архипастырскую овцу, посредѣ скорпій шесть уже лѣтъ пожившую, яко Ваше Преосвящен-

ство искатель и изобрѣтатель спасенія душъ человѣческихъ и о спасеніи ихъ неусыпный промыслникъ, Высокоархипастырско приказать отъ сего послушанія мене уволнить, и въ силѣ Вашего Ясне въ Богу Вашего Высокопреосвященства Высокоархипастырского при ординаціи на сіе послушаніе послѣдовавшаго мнѣ указа въ катедру (за крайнее мое оскуденіе и недоволство хотя и пѣшкомъ) прибыть, или аще угодно покажется предъ Вашимъ Архипастырсгвомъ, высокоусмотряя на мои по благочестіи послѣдовавшіи труды, высокоархипастырскою мене нижайшаго в иную каковую либо, гдѣ я пожелаю въ спокои пожить, епархію (ибо мнѣ уже болѣе здѣсь ради предписанныхъ причинъ весма быть не вползу) отпустителною благословете грамотою и пашепортомъ.

Вашего Ясне въ Богу Высокопреосвященства всенижайшій послушникъ и богомолецъ Игуменъ Сѵлвестръ Добрина, старшій виленскій.

XXVI.

Письмо кіевскаго митрополита Т. Щербацкаго къ игумену виленскаго монастыря С. Добрынѣ, въ коемъ выражается неудовольствіе на послѣдняго, съ извѣщеніемъ о назначеніи на его мѣсто другаго лица.

1755 г., мая 11 дня.

(По тытлѣ Архипастырской) Превелебному Старшему виленскому Сѵльвестру Добринѣ, Божіе благословеніе.

Сего 1755 года, Априля 3, присланымъ къ намъ, пастыревѣ, превелебность ваша писаніемъ, представляя нѣкоторіе причины просили уволнить васъ отъ старшенства виленского, или отпустить въ инную какую епархію, либо гдѣ вы пожелаете въ спокои пожить, что вы, просячись отпустить васъ въ инную епархію, прописали съ крайнюю намъ, пастыревѣ, досадою, ибо мы прежде того вашего прошенія имѣли васъ уволнить и на мѣсто ваше въ старшого виленского человѣка ассигновали, который отъ насъ имѣетъ быть въ Вилню отправленъ неумедлительно; для того превелебность ваша о томъ вѣдать и дожидатись пріезду, и на опредѣленнаго старшого виленского пастырско притверждаемъ мѣсто ваше. Изъ катедры нашей Митрополитанской Кіевской 1755 года, мая 11 дня.

(Подписался архіерей Божій).

XXVII.

Донесеніе въ Кіевскую консисторію бывшаго виленскаго «старшаго» Ѳеофана Леонтовича, въ коемъ даетъ объясненія по поводу обвиненій его въ растратѣ церковнаго имущества виленскаго монастыря (съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ).

1760 г., октября 5.

Въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторіи

покорнѣйшое отвѣтное доношеніе

отъ бывого виленского старшого, іеромонаха Ѳеофана Леонтовича о церковномъ имуществѣ Виленского монастыря.

Указомъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія, въ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи Маіа 29 дня сего 1760 года состоявшимся, а мною въ Свято Троецкомъ Густинскомъ монастырѣ Іюня 3 дня сего жъ 1760 года полученнымъ, предложено: коимъ образомъ, заграничного благочестивого Виленского монастыря старшій іеромонахъ Авраамъ Фліоринскій зъ братіею, присланнымъ Октября 6, 759 года, къ Преосвященному Арсенію Архіепископу Митрополиту Кіевскому и Галицкому и Малыя Россіи доношеніемъ, представилъ: того (де) 1759 года Марта 20 дня изъ Святѣйшого Правительствующаго Сунода получилъ онъ, старшій, въ Ригѣ указъ и при немъ отъ скарбця церковного ключи, и за прибытіемъ (де) его старшого въ Вильну, въ присутствіи братіи и братства, тотъ скарбецъ отомкнувъ (что тамъ было, и что по описѣ бывымъ прежде въ томъ монастырѣ старшимъ Сильвестромъ Добрыною, при тамошнемъ братствѣ оставленой быть имѣло) всего подробну осматривалъ, и не малое (де) между скарбцемъ и описью найшолъ несходство, то есть: въ описѣ (де) семдесятъ восемь шнуровъ,—въ скарбцѣ ничего; въ описѣ ланцужковъ золотыхъ одинадцять,—въ скарбцѣ ничего; въ описѣ штучокъ разныхъ съ разными камычками и безъ камычковъ на лентахъ, перлахъ и коралахъ висячихъ, шестьдесятъ девять,—въ скарбцѣ ни единой; въ описѣ ланцужковъ сребраныхъ съ позолотою и безъ позолотки, четырнадцять,—въ скарбцѣ только одинъ. Сверхъ (де) сего: чашъ сребраныхъ съ позолотою троихъ, дискосовъ четырнадцать, кадилницъ большихъ сребраныхъ пяти, лямпъ сребраныхъ четырехъ, конвы сребраной съ крышкою, называемой Дарофиевичов-

ской, въ силѣ Добрыниной описѣ, такъ же сознанія при томъ братіи и братства, въ скарбцѣ не явилось. По которому его, старшого виленского, съ братіею доношенію, въ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи опредѣлено и его Преосвященствомъ подтверждено: противъ того доношенія о прописанныхъ вещахъ отъ мене востребовать показанія: прописанные вещи отъ оного Сѵлвестра Добрыни я принялъ ли по оставленной имъ Сѵлвестромъ описѣ? И буде принялъ, толикимъ ли, какъ показано, числомъ, или инымъ каковымъ, и каковымъ точно? Гдѣ тѣ вещи принятые дѣвались и почему и когда? И о томъ послать ко мнѣ Ея Императорскаго Величества указъ изъ Духовной Консисторіи,—и посланъ. Коего Ея Императорского Величества указа, изъ Духовной Консисторіи мною полученнаго, въ исполненіе, я, нижайшій, Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи въ отвѣтъ съ достодолжнымъ моимъ почтеніемъ представляю слѣдующіе пункта:

I.

Касательно Добрыниной описи, при Виленскомъ братствѣ якобы оставленной. Съ начала прыбытія моего въ заграничный оный Виленскій Свято-Духовъ монастыръ Октября 15 дня, 1755 года, по вступленіи моемъ въ настоятелское правленіе, хотя я съ антецессоромъ моимъ, Сѵлвестромъ Добрыною, тамошнее братство всемѣрнымъ прошеніемъ ни единожды убѣждалъ, чтобъ мнѣ, въ силѣ указовъ Ея Императорскаго Величества, въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ и въ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи состоявшихся, всѣ церковные и монастырскіе вещи, въ присутствіи ихъ благочестиваго братства и братіи Виленского монастыря, отъ антецессора моего по описѣ принять; но они, братство, на показанное мое и антецессора моего всемѣрное и многократное прошеніе ни мало не склонясь, подали мнѣ писаніе Преосвященного Митрополита Тимоѳея; съ которого писанія копію подъ № 1-мъ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи прилагаю. А при подачи онаго писанія въ отвѣтъ сказали: Преосвященный (де) митрополитъ Тимоѳей этимъ писаніемъ указалъ намъ, подъ неблагословеніемъ Божіимъ и своимъ Архипастырскимъ, ни дочего церковного и монастырского не интересоваться, но вѣдать бы намъ только одинъ дзвонъ, когда оной насъ въ церковъ зоветъ; по коему (де) Его Преосвященства писанію мы, Виленского мона-

стыря братство, и въ 1749 году послѣ пожара, въ который церковь Виленская съ монастыремъ згорѣла, за прибытіемъ къ намъ отца старшого нашего Сильвестра Добрыны тотъ часъ по оном пожарѣ, ни до какого монастырского и церковного добра не касались, и ні единъ съ насъ при описѣ церковнаго скарбця не былъ, а ни руки своей (какъ прежде бывало) къ оной описѣ не приложилъ; но таковую (де) опись новоприбывый нашъ старшій отецъ Добрына самъ собою сочинялъ. А хотя (де) нынѣ, за прибытіемъ вашимъ на мѣсто прежняго нашего старшого отца Сильвестра Добрыны, тотъ же Преосвященный Митрополитъ Тимоѳей дозволяетъ намъ, Виленскому братству, при здачѣ вамъ по описѣ церковного скарбця и всего монастырского добра присутствовать; но понеже (де) мы, братство, довольно вѣдаемъ, что извѣстная опись, которую въ 1749-мъ году по пожарѣ отецъ Добрына самъ сочинялъ, будучи крайне неисправна, поводъ подала къ пропажѣ многимъ съ церковного скарбця вещамъ: того (де) ради нынѣ не только при здачѣ оного церковного скарбця по Добрыниной описѣ быть, но ниже что либо про какую неисправную опись слышать хотимъ; а на его (де) отца Добрыну (где надлежитъ) представлять имѣемъ. По такомъ отвѣтѣ Виленского братства принужденъ я былъ, новоприбывый старшій, съ общекупнаго согласія антецессора моего Сильвестра Добрыны и всей тамошней братіи, взявъ съ собою намѣстника Варлаама Владичку, эконома Владиміра Журоховского, да проповѣдника Николая Данилевского, въ скарбецъ пойтить, и все церковное имущество отъ антецессора моего Сильвестра Добрыны по описѣ, имъ Добрыною въ 1749 году сочиненной, принимать; но опись оная и вправъ показалась крайне неисправна. Хотя же антецессоръ мой Сильвестръ Добрына всю неисправность этой своей описи приписалъ переписочнымъ ошибкамъ іеродіякона Ѳеофана Томошевского, однако: 1) прибавить къ меншому числу; 2) убавить съ болшаго числа; 3) сребру, золоту, коралямъ и перламъ разнизаннымъ вѣсу не показать; 4) мѣдную жужелицю за погорѣлое сребро писать; все что ни бѣло, да кругло, жемчугомъ; что ни красно—рубиномъ; что ни жолто—яхонтомъ; что ни зелено—смарагдомъ да гранатомъ дѣлать; 5) всѣмъ имѣющимся вещамъ имя только да число положить, а о различіи доброты ихъ между собою и о примѣткахъ умолчать,—не есть ошибка въ переписки, но настоящая неисправность въ описѣ. И понеже Его Превелебіе отецъ Добрына такую свою неисправную опись

хотѣлъ единымъ толко упорствомъ очистить и исправною здѣлать, то мнѣ къ прекращенію ежедневныхъ нашихъ споровъ и къ сочиненію обстоятелной описи не оставалось болѣе средства, какъ толко самыхъ присяжныхъ города Вильни майстеровъ къ себѣ призвать. Которые два знатнѣйшіе майстера, сребраникъ Іоганъ Зизманъ да юбилѣръ Томасъ Гилсе, по прошенію моему, въ присутствіи вышъ реченной братіи, а именно, намѣстника Варлаама Владички, эконома Владимира Жураховского и проповѣдника Николая Данилевского, все церковное имущество, находящееся въ скарбцѣ, подробну осмотрѣвъ, въ слѣдующій порядокъ привели: жемчугъ настоящій отъ лупущаго и бѣлостекляного, такожъ камички дорогіе отъ простыхъ разноцвѣтныхъ разобрали; сребро, золото, корали и весь разнызаный правдивый жемчугъ свѣсили; всѣмъ вещамъ, имѣющимся въ церковномъ скарбцѣ, пробу, примѣтки и различіе доброты ихъ между собою показали, и своеручно во всемъ томъ подписались. Коей ихъ вышъ показанныхъ двоихъ присяжныхъ майстеровъ своеручной подписки на основаніи, я, новоприбывый на тотъ часъ старшій, сочинилъ съ трема предреченными Виленского монастыря монашествующими новую опись всему церковному имуществу, находящемуся въ скарбцѣ; которая мною новосочиненная опись, хотя по засвидѣтельствованію воспоминаемыхъ троихъ Виленскаго монастыря монашествующихъ, а двоихъ присяжныхъ города Вильни майстеровъ, явилась и обстоятелная и во всемъ (какъ надлежитъ) исправна: однако превелебнѣйшій отецъ Добрына на такой моей новой описѣ подписатся не захотѣлъ, потому что я старую его превелебія описъ, яко неисправную, съ моей стороны подписать не могъ. Съ чего онъ, антецессоръ мой, опасался на себе болшихъ еще отъ Виленскаго братства нарѣканій, по нарѣканіямъ многихъ жалобъ и доношеній, а по доношеніямъ крайней отъ Святѣйшаго Сѵнода и отъ Преосвященнаго Митрополита Тимофея немилости. И понеже, показуемой ради опасности, онъ, господинъ отецъ Добрына, съ Вилни въ Кіевъ подыматся отнюдъ не хотѣлъ; то въ разсужденіи крайне нищетнаго Виленского монастыря, который немалое число Кіевскихъ лошадей черезъ десять мѣсяцей на кормѣ своемъ содержалъ, да и до тѣхъ бы еще поръ содержать имѣлъ, покамѣсть бы я ему, антецессору моему, въ требованіи его удовольствія не здѣлалъ, и въ разсужденіи того, что воспоминаемой старой, имъ антецессоромъ моимъ Добрыною сочиненной описи неисправность произошла не

отъ какихъ злоковарныхъ и сокровищу церковному вредительныхъ умышленій, но существенно толко отъ простодушія и единой неосторожности, принужденъ я былъ все тамошнее Виленское братство упросить, дабы они какъ отъ нарѣканій своихъ за неисправность старой описи перестали, такъ бы и жалобъ никакихъ на его, отца Сѵлвестра Добрыну, въ Кіевъ не посылали; а въ доношеніи моемъ между описью всего Виленского монастыря къ Преосвященному Митрополиту Тимофею я представилъ, что все церковное и монастырское добро принято мною отъ его, антецессора моего Добрыны, въ силѣ указовъ по прежнимъ описямъ въ цѣлости. Которое мое доношеніе отдавъ я ему жъ, отцу Сѵлвестру Добрынѣ, въ руки, отпустилъ его со всемъ поѣздомъ съ Вилни въ Кіевъ; а часторечennой старой описи, имъ, Добрыною, сочиненной, рукою моею не подписалъ, и потому онъ, антецессоръ мой, не могучи такой своей описи при Виленскомъ братствѣ оставить, взялъ ея съ собою. Отъѣхавши же съ Вилни за 18 миль въ городъ Минскъ, хотячи оную свою старую неисправную опись тѣмъ же, что и прежде, средствомъ, то есть, единымъ толко упорствомъ поисправить, здѣлалъ съ такой своей неисправной описи пуще еще неисправный экстрактъ и оный, на многіе экземпляры своеручно переписавъ, въ Вилню къ нѣкоторымъ съ тамошняго братства на единое только смущеніе прислалъ. Съ коихъ его, Добрыны, экземпляровъ мнѣ достался одинъ, который Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи для достовѣрія подъ № 2-мъ прилагаю, дабы Духовная Консисторія и сама изволила усмотрѣть: 1) старой Добрыниной описи и его съ оной экстракта неисправность; 2) что сукцессоръ мой, старшій виленскій Авраамъ Фліоринскій, представляя въ доношеніи своемъ между церковнымъ скарбцемъ и Добрыниною описью несходство, ссылается во всемъ на этотъ Добрынинъ экстрактъ, съ пути уже (какъ выше показано) въ Вилню присланный, а не на другую какую исправную и обстоятельную опись, имъ, Добрыною, якобы въ Вилнѣ при тамошнемъ братствѣ оставленную; 3) антецессоръ мой Сѵлвестръ Добрына что именно и коликимъ числомъ при отъѣздѣ своемъ съ Вилни въ церковномъ скарбцѣ оставилъ.

II.

Съ тѣхъ скарбця виленского вещей, о которыхъ сукцессоръ мой, старшій виленскій Авраамъ Фліоринскій, въ доношеніи своемъ, ок-

тября 6 дня, 759 года, къ Преосвященному Арсенію, архіепископу митрополиту Кіевскому и Галицкому и Малыя Россіи, присланномъ, упоминаетъ, что я именно, коликимъ числомъ и каковою добротою отъ антецессора моего, отца Сылвестра Добрыны, принялъ и гдѣ что за старшинства моего дѣвалось,—Духовной митрополіи Кіевскія Консисторіи прилагаю подъ № 3-мъ обстоятельное показаніе.

III.

Со всего предреченнаго подъ № 3-мъ мною приложеннаго обстоятелнаго показанія доволно явствуетъ, какіе именно и коликимъ числомъ вещи съ церковного скарбця Виленского монастыря проданы, а съ генералного щетнаго произвожденія всей денежной суммѣ, за означенные вещи, съ виленского скарбця проданные, собранной учиненнаго, и въ томъ же показаніи при самомъ концѣ положеннаго, ясно представляется, что всѣхъ денегъ собрано было 655 талярей, 12 тинфъ; которая денежная сумма вся сполна и дѣйствително къ казну монастыря Виленского вступила, а съ монастырской казны когда, куды и почему дѣвалась, — о томъ Духовной митрополіи Кіевскія Консисторіи вѣрно доношу, какъ опись всей починки и пристройки въ Виленскомъ монастырѣ послѣ пожара, которую я августа 29 дня 1756 года чрезъ антецессора моего Сылвестра Добрыну съ Вилни въ Кіевъ къ Преосвященному митрополиту Тимоѳею при доношеніяхъ моихъ послалъ, праведно показуетъ, такъ и самъ его преподобіе, отецъ Добрына, несумѣнно и нынѣ засвидѣтельствуетъ, что, за прибытіемъ моимъ въ Вилню на мѣсто его, отца Добрыны, засталъ я въ благочестивомъ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ церковъ каменную большую трехпредѣлную безъ иконостасовъ и безъ дверей, такожъ и школы старынные, близъ церкви оной находящіеся, стоящіе впустѣ, кромѣ одной на нихъ деревянной крыши. Слухъ же во всемъ городѣ Вилнѣ между уніятами и римлянами носился, что старшій Виленского сизматицкаго монастыря, Сылвестръ Добрына, отъѣхавши въ 1754 году въ Санктпетербургъ ради полученія большой еще суммы денегъ на доканчаніе Виленской своей церкви и старинныхъ школъ, такожъ на починку погорѣлой виленской колокольни и протчихъ обветшалыхъ и развалившихся, старшинству виленскому подсудственныхъ, монастырей, по поданному отъ себе именемъ всея

братіи и братства доношенію, въ Святѣйшемъ Сунодѣ не только ничего съ денегъ не получилъ, но еще и подъ караулъ на двенадцать дней попалъ, а потомъ, съ крайнимъ негодованіемъ Святѣйшаго Сунода, скоропостижно изъ Санктпетербурга въ Вилню высланъ. И поэтому (де) вся братія и братство здѣшняго Виленского сизматицкаго монастыря нынѣ въ крайнемъ отчаяніи сизмы своей находятся: ибо (де) ни суммы готовой, которою бы могли церковь свою докончить и освятить, ни надежды какой либо, дабы впредъ что откуда получить, отнюдь не имѣютъ. А нашъ (де) Виленскій магистратъ и господа каноники (консисториси) съ общекупнаго согласія всѣхъ римскихъ монастырей уже дважды епископу виленскому представляли, чтобъ съ старшимъ сизматицкимъ Сулвестромъ Добрыною въ силѣ правъ и конституціи, въ Польскомъ государствѣ узаконенныхъ и генеральными всея Республики сеймами подтвержденныхъ, поступивъ, приказать ему, старшему, накрѣпко, дабы онъ церковь свою и школы немедленно кончалъ; буди же онъ, старшій, явится приказу властелинскому ослушенъ или начатую означенной своей церкви и школъ починку кончить несостоятеленъ, то тотъ бы сизматицкій монастыръ съ церковью и школами отдать во вѣчное владѣніе сосѣднимъ римского закона монахамъ Босакамъ либо уніятскимъ Базиліанамъ, дабы въ столичномъ городѣ Вилнѣ никакое зданіе, а паче публичное и церковное, впустѣ не стояло, и городу бы, такъ славному и красивому, безобразія, а благочтенію умаленія, въ отмѣнность основательнымъ Полскаго государства законамъ, не дѣлало. Я, новоприбывый старшій, на такомъ, хотя всенародномъ, однако голословесномъ, слухѣ и на рѣчахъ всего тамошняго благочестиваго братства, тотъ же самый слухъ единогласно подтверждающихъ, заподлинно еще не утверждаясь, занялъ дружбу съ секретаремъ епископа виленского лютераниномъ, нарочно для того, чтобъ мнѣ отъ всѣхъ злоковарныхъ римского духовенства на благочестіе наше совѣтахъ и умишленіяхъ могти всегда завременно провѣдать. Котораго секретаря когда я спросилъ о подлинности такого замаху на благочестивый нашъ монастыръ по оному всенародному слуху, то мнѣ тотъ секретарь въ отвѣтъ сказалъ: магистратъ (де) Виленскій дважды толко епископу о отнятіи вашего монастыря представлялъ; а господа (де) кононики, при всякомъ случаи съѣзду своего къ епископу, единогласно то подтверждаютъ и епископа къ тому поощряютъ. Но епископъ (де) заблагоразсудилъ и

на томъ поставилъ, къ старшому сизматицкому указа о немедленномъ починяемой церкви и школъ докончении не посылать, дабы ему съ протестантовъ кто не посовѣтовалъ на тотъ указъ представить въ отвѣтъ, что онъ, старшій, надѣется требуемую къ докончанію сумму, съ Россіи получить. По которому бы (де) отвѣту послѣдовала ему, епископу, въ намѣреваемомъ дѣлѣ волокита; но лутше (де) мало сождать, покамѣсть онъ, старшій сизматицкій, ко мнѣ епископу прійдетъ и на запросъ мой епископскій самъ предъ всѣми сознаетъ, что у нихъ къ докончению починяемыхъ ими публичныхъ зданій ни суммы, ни надежды нѣтъ. И такимъ (де) образомъ римскому нашему духовенству можно будетъ скорѣе и безопаснѣе оный сизматицкій, яко пустый, монастырь во владѣніе свое взять; буде же бы (де), паче чаянія, претенсія какая съ Россійскаго Государства за 6000 рублевъ, на починку оной сизматицкой церкви издержанныхъ, имѣла послѣдовать, то такую (де) сумму должны будутъ уплатить наши Римскаго закона монахи, которимъ тотъ сизматицкій монастыръ достанется. По этомъ моемъ съ показаннымъ епископа виленскаго секретаремъ разговорѣ у два дни пріѣхали ко мнѣ въ монастыръ, находящіеся въ томъ же городѣ Вилнѣ, калвинскіе пасторы и знатнѣйшіе офицеры, которымъ когда, между прочимъ, я о всенародномъ ономъ, монастыря нашего касающемся, слухѣ припомянулъ, то тѣ пасторы и офицеры въ отвѣтъ мнѣ сказали: это (де) въ нашемъ Полскомъ Государствѣ не новина, и мы (де) сами таковыхъ печалныхъ случаевъ живый образецъ, у которыхъ насъ римское духовенство нѣсколко десятковъ церквей отняло, когда мы обветшавшіе наши церкви или школы не скоро начали починять либо, починяя, промедлительно кончили; коихъ отнятыхъ у насъ церквей не могли мы, да и впредъ не можемъ никакимъ средствомъ обратно получить, ибо (де) этое римского духовенства разбойническое беззаконіе, на основаніи нашихъ политическихъ законовъ, стало быть у насъ законное, а паче (де) еще потому, что злохитрое римское духовенство дѣлаетъ такое свое усилное на наши дисиденскіе церкви нападеніе подъ видомъ ревности къ прославленію имени Божія и ко спасенію душъ сооружителей таковыхъ церквей, какого бы исповѣданія тѣ сооружители ни были. А образецъ (де) отнятія нашихъ диссидентскихъ церквей у римскаго духовенства весма есть легокъ; ибо (де) римскій попъ, взявъ съ собою въ одинъ карманъ мшалъ (служебникъ), а въ другой карманъ дискосъ

келихъ, облатокъ и ямполку съ виномъ, такожъ подъ одну полу образъ неболшій, а подъ другую камень малый, во мѣсто антиминса употребляемый, когда въ какую либо диссидентскую церковь дверми прокрадется или окномъ пролѣзетъ, и въ оной церквѣ, образъ свой къ стѣнѣ привѣсивъ, на каменѣ своемъ предъ тѣмъ образомъ лекту (читаную службу) римскую единъ толко разъ прохватаетъ, то тогда уже никакому диссиденту, то есть, ни греку, ни лютеранину, ни кальвинистѣ въ той своей церквѣ службы Божія по закону своему отправлять и церковъ римскую, лектою освященною, сквернить, всячески невозможно, подъ опасеніемъ смертной казни.—По пріѣздѣ моемъ въ Вилню, въ полмѣсяця, то есть 30 дня октября, поихали мы оба съ его преподобіемъ отцомъ Добрыною къ епископу виленскому Михалу Зѣнкевичу, который за привѣтствіе мое, кое здѣсь Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи прилагаю подъ № 5-мъ, мнѣ благодарячи, на содержаніе такого моего привѣтствія отвѣтствовалъ: я (де), яко вѣрный отечества своего сынъ и въ здѣшнемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ по государѣ нашемъ полскомъ королѣ первый властелинъ, чувствуя заключенные между Россіею и Полщею вѣчно мирные трактаты и наблюдая государства нашего внутренное тихомиріе, васъ, диссидентовъ, находящихся у насъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, отъ всякой бѣды и обиды защищать долженъ, силенъ и готовъ; толко жъ (де) ежели мірская, либо духовная нашего Великаго Княжества Литовскаго власть съ вами диссидентами поступитъ въ чомъ на основаніи Государственныхъ нашихъ законовъ, которимъ и самъ я поверженъ, то вы (де), диссиденты, въ такомъ случаи защищенія и помощи отъ мене требовать не можете. Потомъ онъ же, виленскій епископъ, обротясь къ антецессору моему отцу Добрынѣ, сказалъ: шестой (де) ужъ тому годъ, какъ монастыръ вашъ и церковъ згорѣла; чрезъ этое (де) шестолѣтное время всѣ зданія въ столичномъ нашемъ городѣ Вилнѣ, не толко публичные, но и приватные, которые тотъ же былъ пожаръ, что и вашу церковъ, спортилъ, нынѣ уже совершенно починены, кромѣ одной вашей церкви да школъ. И откуду (де) это у васъ происходитъ? Отъ нерадѣнія-ль вашего аль отъ неимѣнія денежной суммы, и есть-ли у васъ какая надежда откуду что получить? Ибо (де) мнѣ ненеизвѣстно о нещастіи вашемъ въ Санктпетербургѣ и о неудачѣ вамъ въ полученіи требуемой на совершенную Виленского вашего монастыря починку денежной сум-

мы. На которые его, епископа виленского, запросные къ антецессору моему Добрынѣ слова, я, новоприбывый старшій, по договору между мною и имъ, Добрыною, въ келіи еще нашей предъ выѣздомъ учиненому, ему, епископу, въ отвѣтъ сказалъ: что при отправленіи моемъ съ Кіева въ Вилну выдано мнѣ денегъ толикое число, которымъ я не толко въ здешномъ нашомъ Виленскомъ монастырѣ не докончен-ную церковъ и школы докончить, но и по всѣмъ, къ Виленскому старшинству принадлежащимъ, монастырямъ требуемую починку по-нять и въ совершенство привесть могу. По сихъ нашихъ съ епископомъ виленскимъ разговорахъ, въ тыждень, то есть, 6 дня ноября, какъ толко утренняя зора начала занимат-ся, прибѣжалъ ко мнѣ въ келію антецессоръ мой Добрына, отъ страха полумертвъ, сказуя: пропала (де) наша церковъ и монастырь, попы (де) римскіе въ новопочиненной церквѣ нашой, образъ свой къ стѣнѣ привѣсивъ и свѣчи зажегъ, велегласно поютъ. Я тотъ часъ, призвавъ къ себѣ монастырскихъ служителей, побѣжалъ съ нимъ, Сылвестромъ Добрыною, въ церковь, гдѣ, заставъ римскаго попа доминикана, не дожидаясь покамѣсть онъ попъ съ крамомъ своимъ роскладется и лекту свою начнетъ, либо покамѣсть болшое еще число поповъ къ нему соберется, приказалъ его, доминиканского попа, съ церкви вытащить, съ монастыря вытолкать, потомъ всѣ двери церковные забить, ворота монастырскіе замкнуть и стражу приставить.

Этые всѣ, мною вышъпрописанные, для благочестиваго Виленска-го монастыря зѣло опасные обстоятелства принудили мене новопри-бываго старшего деннощными печалми голову себѣ ломать: чемъ бы недоконченную Свято-Дускую церковь и школы докончить, а чрезъ то наглоусилственные духовныхъ римскихъ враговъ навѣты, отъ святаго благочестія отвратить? Въ Кіевъ ли было послать за бла-гословителнымъ указомъ ради отправленія въ Санктпетербургъ? Но сумнително было, возымѣетъ ли представленіе мое у Преосвящен-наго митрополита Тимоѳея мѣсто, какъ то и въ годъ по томъ по бла-гословному моему доношенію его Преосвященство требуемаго бла-гословителнаго указа мнѣ не прислалъ. Къ тому жъ, Кіевъ отъ Вилни разстояніемъ 120 миль; а въ подходящихъ опасныхъ случаяхъ дѣло времени не терпитъ. Въ Санктпетербургъ ли было прямо, не дожидаясь съ Кіева ни пашспорта, ни благословительнаго указа, по прежнему, въ силѣ троихъ Высокомонаршихъ, православному оному Виленскому

монастыру съ Россіи Всепилостивѣйше пожалованныхъ, грамотъ, ѣхать, а паче въ такой необходимой и самокрайнѣйшей нуждѣ, которая обыкновенно не толко державо-правителскіе, но именные Самодержцовъ, да и самаго Государя небесного указы безъ наказанія отмѣняетъ? Но случай, антецессору моему Сѵлвестру Добринѣ въ 1754 годѣ въ Санктпетербургѣ прилучившійся, ему самому прегорестный, всѣмъ благочестивымъ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ находящимся, зѣло печалный, а духовнымъ римскаго закона врагамъ несказанно радостный, и мене страшалъ. Какъ-то я и заподлинно, когда въ 1758 году, за самокрайнѣйшую въ разсужденіи удержанія тамошняго нашего благочестія нужду, съ Вилни не поѣхалъ въ Кіевъ, въ силѣ указовъ Святѣйшаго Сѵнода, но прибывъ въ Санкпетербургъ въ Святѣйшій Сѵнодъ, какіе ни благословные, по мнѣнію моему, извиненія ни представлялъ, виноватъ остался, и такъ въ ономъ моемъ мнѣніи извиненія, въ самокрайнѣйшихъ нуждахъ возможнаго, яко исказавшомся быть неправомъ и власти своей духовной противномъ, знатно я ошибся. Въ позыку-ль было у кого съ тамошнихъ обывателей требуемое къ совершенной починки число денегъ занять? Но по многократному нашему съ намѣстникомъ Варлаамомъ Владычкою вездѣ прошенію никто намъ и на заставу до 70 талярей вызычить не хотѣлъ; а по смѣтки Королевского архитекта Іоганна Гловбица, обывателя виленского, надлежало намъ ради окончения воспоминаемой нашей церкви и школъ заготовить денежной суммы до 700 талярей. Я, будучи въ такомъ зѣло трудномъ и опасномъ случаи, не имѣя же ни способу, какъ бы инако еще поступить, ни надежды означенное число денегъ впредь откуду получить, судилъ за благо съ общекупнаго начальнѣйшей Виленского монастыря братіи согласія: лутше съ церковнаго имущества часть нѣкую, а паче еще такую, безъ которой и церковь въ священнослуженіи, и чиноправленіи, и монастыръ въ добропорядочномъ содержаніи совершенно обойтися можетъ, потерявъ, монастырь и церковь съ болшимъ протчимъ ея имуществомъ и все тамошнее православіе при законѣ душеспасителномъ удержать, нежели малой оной церковнаго имущества часточки пощадѣвъ, монастыръ и церковь со всѣмъ ихъ имуществомъ и все тамошнее благочестіе въ руки врагамъ допустить и погубить. По такому нашему между мною и братіею единогласно утвержденному совѣту, призвалъ намѣстникъ Варлаамъ Владычка выше поминаемыхъ двоихъ присяж-

ныхъ города Вилни майстеровъ, то есть, сребраника Иоганна Зизмана да юбилѣра Томаса Гилсе ко мнѣ въ келію, гдѣ въ присутствіи бывого тогда намѣстника Варлаама Владычки, эконома Владиміра Жураховского, проповѣдника Николая Данилевского да случившагося на тотъ часъ въ городѣ Вилнѣ Россійскаго Ямбурскаго драгунскаго полку капитана Христофора фонъ Зейферта, который, яко многоимущественный господинъ, знался на сребрѣ, золотѣ и каменѣ дорогомъ не хуже самыхъ майстеровъ, помянутые два присяжные майстера все оное, съ скарбця для продажи взятое и въ показаніи моемъ, которое я Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи подъ № 3-мъ приложилъ, обстоятелно означенное церковное имущество вѣсили и порознь цѣнили. А во вѣрность исправного своего вѣсу и безподозрителной оцѣнки, цѣну, всякой вещи поставленную, своеручно записывали, и потомъ подписались; посля которой оцѣнки тѣже два майстера все оное церковное имущество, въ домъ къ себѣ забравъ, разнымъ временемъ случающимся охотникамъ въ присутствіи намѣстника Владычки продавали, увѣряя совѣстно покупающихъ о добротѣ всякой вещи. А я за получаемые отъ его намѣстника Владычки съ вѣрною запискою по частямъ деньги началъ съ декабра мѣсяца тогожь 1755 года всѣ, къ совершенной церковной и школной починки требуемые припасы заготовлять и, издержавъ отъ собранной за проданное церковное имущество 655-ти таляревой суммы: на окончаніе школъ талярей 400, а на церковное благолѣпіе, необходимо нужное, талярей 250,—помощію Всемилостиваго Бога, въ мѣсяцѣ августѣ 1756 года, всю требуемую церковную и школную починку надлежаще совершилъ. И 25 дня тогожъ мѣсяца августа антецессоръ мой, его превелебіе отецъ Добрына, Виленскую оную Свято-Духову церковъ, по чиноположенію Грекороссійскаго нашего православія освятя, въ первыхъ числѣхъ мѣсяца сентября отъѣхалъ въ Кіевъ радастно и благополучно; а я, желаніе сердца своего исполнивъ, враговъ же святого благочестія въ коварствѣ ихъ посрамивъ, остался въ Вилнѣ со всѣми тамошними благочестивыми тихомирно и безопасно.

IV.

Что касается вѣрности обстоятелствъ и отвѣтовъ, въ семъ моемъ доношеніи представляемыхъ, то Духовная Митрополіи Кіевскія Консисторія сама изволитъ видѣть, что во всемъ ссылаюсь на писмен-

ные вѣрные доказательства и на живыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей, а сверхъ всего, ежели еще остается какое сумнителство: 1) въ томъ, не засталъ ли я болше церковнаго имущества въ виленскомъ скарбцѣ, нежели Добрынына старая и моя новая опись показуетъ,—то я, за прибытіемъ моимъ въ Вилну, все оное церковное имущество подробну осматривалъ Виленского монастыря съ намѣстникомъ Варлаамомъ Владычкою, который нынѣ въ Грозовскомъ, къ виленскому старшинству принадлежащомъ, монастырѣ игуменомъ, съ другимъ экономомъ Владиміромъ Журоховскимъ, который нынѣ находится въ Москвѣ въ Свято-Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ, съ третимъ проповѣдникомъ Николаемъ Данилевскимъ, который нынѣ въ Минскомъ, томужъ виленскому старшинству подсутственномъ, монастырѣ игуменомъ; 2) въ томъ, вѣрной ли былъ вѣсъ, проба и оцѣнка сребру, золоту и камичкамъ дорогимъ; такожъ не были-ль перлы правдивые, которые названо лупущими и бѣлостекляными, и не были-ль камычки дорогіе, которые названо простыми,—то я самъ единъ не могъ тѣмъ двоимъ майстерамъ не довѣрять, которымъ, яко честнымъ, совѣстнымъ и присяжнымъ людямъ, въ пробѣ, вѣсѣ и оцѣнки сребра золота и камней дорогихъ не только столичный городъ Вилня, но и все Великое Княжество Литовское вѣритъ; 3) въ томъ, вся-ль сполна вышпоказанная денежная сумма, за проданное церковное имущество собранная, въ казну монастыря Виле(нс)каго вступила, и вся-ль та сумма на воспоминаемую церкви и школъ совершенную починку издержена, и не можно-ль было меншимъ числомъ денегъ, безъ всякихъ излишествъ оную церковь и школы въ совершенство привесть,—то я всю ту вышь показанную сумму, принимая съ рукъ намѣстника Владычки, разнымъ временемъ, по частямъ, въ книгу монастырскую приходную, съ показаніемъ мѣсяца, дня и денежнаго числа записывалъ; а въ росходъ на починку тую-жъ сумму, съ рукъ моихъ по частямъ выдаваемую, держалъ съ обстоятелною запиской сперва намѣстникъ Варлаамъ Владычка, потомъ сукцессоръ его Самуилъ Акинчицъ; которую приходную и расходную книгу оставилъ я, при выѣздѣ моемъ съ Вилни, въ старшинской библіотеки между дѣлами Виленского монастыря въ зеленомъ сундукѣ подъ № 5-мъ; къ томужъ бывые на церковной работѣ майстера, а именно: всего иконостаснаго на трохъ предѣлахъ украшенія живописцы Янъ Гучаловичъ да Томашъ Ермошевскій, рѣзчикъ Янъ Оболіевичъ, золотаръ Тодоръ Сургевичъ,

стелмахъ Ержій Петровскій, тесля Грешко Русакъ, кузнецъ подсусѣдокъ господина Котелницкого, сами могутъ сознать, сколко денегъ всякъ съ нихъ порознь за трудъ свой съ казны монастырской приняли. О школахъ же всей братіи и братству благочестиваго онаго Виленского монастыря небезъизвѣстно, что тамошній королевскій архитектъ господинъ Гловбицъ на починку ихъ такимъ образцемъ, какъ я починилъ, рядится со мною не хотѣлъ ниже 500 талярей. Наконецъ, пусть всему тому, что я Виленского Свято-Духова монастыря въ церквѣ и на школахъ вновь здѣлалъ, искусные майстера смѣту учинятъ и мнѣніе свое приложатъ: можно-ль было такіе мною новоздѣланные прибавки меншимъ числомъ денегъ поднять? И естли въ тѣхъ моихъ прибавкахъ какое излишество, безъ котораго бы можно было обойтися? Протчіе же могущіе оказатися сумнителства, и этые мои самые, я благопочтенно глубочайшему и основателнѣйшему Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи разсужденію предаю; а мене (буди сіе мое отвѣтное доношеніе покажется быть исправно) милостивымъ и благоразсудителнымъ судейскимъ своимъ опредѣленіемъ предъ архипастыремъ моимъ Преосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, архіепископомъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и Малыя Россіи и предъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ отъ всякого подозрителства очистить, всепокорнѣйше прошу, дабы мнѣ по доношеніямъ, отъ сукцессора моего, старшаго виленского Авраама Фліоринского, на мене присылаемымъ, не оставаться въ Святѣйшемъ Синодѣ прежде отвѣта моего виноватымъ: ибо не сумнюся, что какъ о прежнихъ его, Фліоринского, на мене доношеніяхъ, такъ и объ этомъ, Святѣйшему Правительствующему Синоду небезъизвѣстно.

Къ сему отвѣтному доношенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ.

Октября 5 дня 1760 года.

Въ Катедральномъ Кіевософѣйскомъ Монастырѣ

Приложенія.

№ 1. Копія съ писма Преосвященного Тимоѳея митрополита, прежде Кіевского, а нынѣ Московского, къ православному Виленскому братству, съ Кіева отъ 15 дня сентебра 1748 года.

Благородные господа, Виленское православное братство, намъ въ Дусѣ Святѣ благосклонные сыны!

Бывый старшій виленскій превелебнѣйшій игуменъ Густынскій Мелхиседекъ Богдановичъ, а нынѣшній за побореніемъ благочестія святого коммисаръ Варшавскій, доношеніемъ представилъ, что нѣкоторые съ вашихъ благородій касаются къ диспозиціи добръ монастырскихъ и оными диспоновать дерзаютъ и корысти себѣ взимать отважаются. А понеже правиломъ 56-мъ, въ книги Кормчей на листѣ 325 написаннымъ, о церковныхъ вещахъ жадного общенія имѣть градскимъ властямъ не повелѣно, но епископъ по священнимъ правиламъ да судитъ; того ради вашихъ благородій пастырско увѣщаваемъ и просимъ, ни въ какую диспозицію монастырскихъ добръ не входить и не диспоновать, и корысти себѣ не взимать, и церемонѣй церковныхъ, надъ правильное святыхъ отецъ чиноположеніе, не вымишлять; но единого бы точію звона набожества прислушаться. За что на васъ и домѣхъ вашихъ Божіе благословеніе и наше архіерейскее вся дни будетъ присутственно.

Вашихъ благородій доброжелательный пастыръ и богомолецъ, смиренный митрополитъ Кіевскій Тимоѳей.

№ 2. Extrakt z regestru opisania skarbca od S. Ducha Wilenskiego Greko-ruskiego starożytney religyi konwentu, 1756 roku iulij 22 dnia wyięty.

P. Kielichow z kijotem 23, Dyskosow na sedesach trzy.
Patyn dwadzieścia pięć.
Gwiazd pięć. Łyżyc pięć, kopie w srebro iedno, mirnica srebna 1.
Krzyżow stoiących dwa, a ręcznych siedm.
Obrazow w szatach srebnych in actu specifikuiesię w cerkwie 12.
Szat od obrazow pogorzałych w skarbcu dziewięć.
Blach w skarbcu do trun pięć. Blaszek roznych w skarbcu y ta-

bliczek roznych srebrnych dwadziescie dwie, a na obrazach w cerkwie dwie.

Koron w skarbcu y w cerkwie 25. Mitra iedna; dyadem 6.

A. Krzyżykow roznych na perłach, karalach, na lentach y na łancużkach, małych siedmnaśćie, krucifix 1.

B. Pereł, sznurkow z obrazow, takoż y skarbowych klasztornych z tiasomką dwosznurney 78; a rozsypanych papierek: iasomka axamitna perłami sadzona iedna.

C. Karalow w skarbcu y w cerkwie sznurkow dwadzieście osm.

D. Piersciąkow roznych y obrączkow w skarbcu y na obrazie 33.

E. Sztuczek na lentach, perłach, karalach y rozsypanych, złoczonych y niezłoczonych, także y kamiennych, 69.

Zausznie 3.

Guzikow od koralow 5.

Korpuszka srebna 1.

F. Łancużkow szczerozłotych 11. Z manelką czworołancużną.

G. Łancużkow srebnych pozłocanych y niepozłocanych 14.

Noga srebna 1.

Puszka srebna złocona 1.

Łyszka srebna stołowa 1.

H. Konowka srebna z nakrywką, Dorofiewiczowska, 1.

I. Kubek srebny duży 1.

K. Napierscia od kulbaki srebne złocone na miedzianey blasce od rąda; gwiazda srebna w sześciu rogach złocona z obraza studenskiego Nayświętszey Panny.

Kałamarz miedziany, pobielany srebrem.

Puszka miedziana srebrem pobielana z nakrywką.

Pastorał z trzema pukłami srebnemi.

Głowka od laski srebna z puszką rznięta.

L. Sztuczek z pasa y rąda staroswieckich pogorzałych, w połmisku.

M. Slitek srebra.

Laska w srebro oprawiona cerkiewna starszenska.

N. Lamp roznych manieryi siedm.

O. Kadylnic srebnych rozney maneryi cztery, a piąta w Surdekach.

Lichtarow srebnych rozney manieryi cztery pary. Iac srebnych złoconych, z roznemi znakami wybianych, pięć.

Aniołkow srebnych dwie pary.

Jaca wybiana złocona, z rubinowemi, sztuczkami y ampulki do niey teyże manieryi; czar dwie srebnych wybianych, iedna wielka, a druga mała.

Ewangelyi oprawionych w srebro rozney manieryi 14.

Старій старшій игуменъ Сілвестръ Добрына.

№ 3. Показаніе всѣмъ порознь церковнаго имущества Виленскаго монастыря вещамъ въ доношеніи старшого виленского Авраама Фліоринского къ Преосвященному Арсенію, архіепископу митрополиту Кіевскому и Галицкому и Малыя Россіи, октября 6 дня 1759 года присланномъ, въ духовную Митрополіи Кіевскія консисторію представленное отъ бывого виленского старшого іеромонаха Ѳеофана Леонтовича, съ прописко Добрынынго зъ старой описи экстракта, Фліоринского выше показанного доношенія и новой виленской описи; такожъ съ примѣчаніями на оный Добрынынъ экстрактъ, Фліоринского доношеніе и на новую виленскую опись, и съ отвѣтами, гдѣ что съ вещей въ церковномъ скарбцѣ, бывымъ прежде виленскимъ старшимъ, а нынѣ свято Петропавловскимъ глуховскимъ архимандритомъ Сѵлвестромъ Добрыною оставленныхъ, за старшинства по немъ, Добрынѣ, сукцессора его, іеромонаха Ѳеофана Леонтовича, дѣвалось. А имянно:

Перлы или жемчугъ.

Экстрактъ зъ старой Добрынынои описи подъ литерою B: „Pereł, sznurkow z obrazow, takoż y skarbowych klasztornych z tiasomką dwosznurną 78, a rozsypanych papierek: iasomka axamitna perłami sadozna 1“.

Доношеніе старшого виленского Авраама Фліоринского; «Въ описѣ перелъ 78 шнуровъ; въ скарбцѣ ничего».

Новая виленская опись іеромонаха Ѳеофана Леонтовича.

1. Перелъ дробныхъ нызокъ 15.

2. Перелъ дробныхъ нызокъ 12, съ коихъ на одной штучка сребрана позолочена съ 9 камичками красными простыми.

3. Перелъ дробныхъ нызокъ 9.

4. Перелъ дробныхъ нызокъ 4, на которыхъ штучка сребрно-золочена съ 9 камичками красными простыми, и два сребраные крестыки, которые имѣютъ въ себѣ по шести камичковъ разноцвѣтныхъ простыхъ.

5. Перелъ дробныхъ нызокъ 7.

6. Перелъ дробныхъ нызокъ 2, на зеленой лентѣ укрѣпленыхъ, на которыхъ нызкахъ крестики сребраные 2 съ шестма зелеными простыми камичками.

7. Перелъ дробныхъ нызокъ 5, съ коихъ на одной штучка сребраная подъ смалецъ, въ которой сѣмъ камичковъ зеленыхъ простыхъ.

8. Перелъ средственныхъ нызокъ 3, на блѣдой лентѣ укрѣпленныхъ.

9. Перелъ средственныхъ нызка 1, перенызана коралями и ческимъ камичкомъ, на которой нызки штучка сребрана подъ смалецъ съ седмю камичками зелеными простыми.

10. Перелъ дробныхъ нызокъ 2, съ камичками чорными простыми позолоченными, у коихъ нызокъ по концямъ коралики дробные.

11. Перелъ дробныхъ нызокъ 8, съ коихъ семь коралями перенизаны, а на осмой крестикъ сребряный съ большими перликами лупущими.

12. Перелъ дробныхъ нызокъ 6, съ коихъ на одной чтыри корали черные, и перлина болшая лупущая.

13. Перелъ весьма дробныхъ нызокъ 4, на красной лентѣ укрѣпленныхъ.

Всѣхъ низокъ съ перлами 78.

14. Перлы разнызанные дробные и средственные, отъ пожара надпорченные, завынутіе въ бумагу, и лента бархатна перлами мѣлкими насажена; въ коихъ разнызанныхъ перлахъ, къ которымъ и находившіеся на оной бархатной лентѣ были спороты, явилося вѣсу лотовъ $18^1/_4$.

Примѣчаніе іеромонаха Леонтовича 1. Всѣ связки, на которыхъ содержались перлы, мой антецессоръ Сылвестръ Добрына называетъ въ экстрактѣ старой своей описи шнурками; сукцессоръ же Авраамъ Фліоринскій называетъ ихъ въ доношеніи своемъ шнурами; а я въ новой моей виленской описѣ называю тѣ связки нызкими, потому что всѣ оные связки были настоящіе женскіе мониста, и ни едина съ нихъ не была длиняе, какъ толко шею охватить.

Примѣчаніе 2. Перлы разные, въ новой описѣ подъ № 14-мъ показанные, имѣющіе въ себѣ вѣсу лотовъ $18^1/_4$, знатное есть имущество монастырского скарбця; но сукцессоръ мой, Авраамъ Фліоринскій, ссылаясь во всемъ на старую Добрынину опись, въ доношеніи своемъ о наличествѣ тѣхъ перелъ настоящемъ, либо бывомъ, не представляетъ, а антецессоръ мой, Сылвестръ Добрына, въ старой своей описѣ о количествѣ ихъ ничего не упоминаетъ. И потому не трудно заключать, что кто за старшинства его, антецессора моего, слитокъ сребра вѣсомъ фунтовъ $8^1/_2$, въ старой описѣ имъ, Добрыною, пропущенный, съ монастырского скарбця уворовалъ, тотъ и знатное число разнызанныхъ и въ бумагу завинутыхъ перелъ, коимъ вѣсу таяжъ старая Добринина опись не показала, надобрать моглъ.

Отвѣтъ іеромонаха Ѳеофана Леонтовича: По отборѣ имѣвшагося на показанныхъ нызкахъ сребра, коралей, камичковъ простыхъ и перелъ лупущихъ явилось во всѣхъ 78 нызкахъ вѣсу лотовъ $6^1/_2$. Лоту же цѣна была поставлена по 7 талярей; всѣхъ денегъ за полъ сема лота выходитъ 45 талярей, о чомъ присяжные города Вилни цѣновщики въ оцѣнки своей саморучной № 6, свидѣтелствуютъ. Которую ихъ саморучную оцѣнку, лутшаго ради достовѣрія, Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи прилагаю съ переводомъ подъ № 4-мъ, а разнызаннымъ и въ бумагу завинутымъ перламъ, въ коихъ находилось вѣсу лотовъ $18^1/_4$, цѣна была поставлена по 6 талярей; всѣхъ денегъ за 18 лотовъ съ четвертю выходитъ 111 талярей, о чомъ тѣже присяжные цѣновщики въ оцѣнки своей саморучной подъ № 5-мъ увѣряютъ. Всѣ перлы, какъ на нызкахъ находившіеся, такъ и разнызанные, завынутіе въ бумагу, проданы по оцѣнки, отъ воспоминаемыхъ цѣновщиковъ поставленной, за 156 талярей.

Ланцужки, или цѣпки, золотые и сребряные.

Экстрактъ зъ старой Добрининой описи подъ литерою F и G: «Łancuszkow szczerozłotych z manelką czworołancuszną 11. Łancuszkow srebnych pozłocanych y niepozłocanych 14».

Доношеніе старшого виленского Авраама Фліоринского: «въ описѣ, ланцужковъ золотыхъ 11, въ скарбцѣ ничего; въ описѣ ланцужковъ сребряныхъ съ позолоткою и безъ позолотки 14, въ скарбцѣ только 1».

Новая виленская опись іеромонаха Леонтовича:

1. Ланцужокъ щирозлотный дворетязный съ замочкомъ щирозлотнымъ смалцованымъ, во мѣсто мониста употребляемый.

2. Ланцужокъ щирозлотный, тонкій, надорваный съ одного конца.

3. Ланцужокъ щирозлотный, тонкій, надорваный съ обоихъ концовъ.

4. Манелка или монисто щирозлотное, въ чтыри тонкіе ретязики съ замочкомъ щирозлотнымъ смалцованымъ здѣланъ.

5. Ланцужокъ щирозлотный плоскій, тонко здѣланный, прорѣзный, цѣлый.

6. Ланцужокъ щирозлотный дворетязный, колчатій, разорваный.

7. Ланцужокъ щирозлотный, крупный, мѣрою 8 пядей, по обоимъ концамъ цѣлый.

Во всѣхъ щирозлотныхъ седми ланцужкахъ имѣется вѣсу 92 червонца.

8. Ланцужокъ сребраный дворетянный, съ позолоткою, въ длину на 3 пяди, по обоимъ концамъ цѣлый, на которомъ ланцужку штучка сребрана пуста 1. Перстеней сребраныхъ 2; обручиковъ сребраныхъ 6; крестиковъ сребраныхъ 7.

9. Ланцужки сребраные безъ позолотки, порваные на 13 кусковъ, съ коихъ на одномъ куски крестикъ висящій зеленый мраморный, съ распятіемъ литымъ щирозлотнымъ, въ золото оправленный.

Примѣчаніе іеромонаха Ѳеофана Леонтовича 1. Всѣхъ щирозлотныхъ ланцужковъ находилось въ скарбцѣ (какъ изъ самой новой описи явствуетъ) числомъ 7, съ коихъ седми ланцужковъ одинъ самый болшій, подъ № 7 означенный, отданъ въ церковъ для ношенія на ономъ креста въ служеніи старшинскомъ; между протчими же осталными шестма было ланцужковъ (какъ тая жъ новая опись показуетъ) однoретязныхъ тры, дворетязныхъ два, четвероретязный одинъ. Антецессоръ мой Сѵлвестръ Добрына, считая всякій ретязикъ въ ланцужки за самый ланцужокъ, надѣлалъ зъ шести ланцужковъ одинадцать. И этой имъ, Добрыною, не въ силѣ новой описи означеннымъ ланцужкомъ произведенный щетъ, привелъ Виленскій монастыръ съ братствомъ въ помѣшателство и сумнителство.

Примѣчаніе 2. Что касается ланцужковъ сребраныхъ, въ новой описѣ подъ № 9 означенныхъ, то антецессоръ мой Сѵлвестръ Добрына до

трохъ ланцужковъ, которые порваны были на тринадцять кусковъ, прибавилъ еще (не вѣдаю откуду) десять цѣлыхъ ланцужковъ; въ коихъ то порваныхъ тринадцяти кускахъ не было болѣе вѣсу какъ полъ фунта одинадцатой пробы; а можетъ статься, что какъ въ сихъ сребраныхъ порваныхъ, такъ и въ щирозлотыхъ нецѣлыхъ ланцужкахъ было прежде и болѣе вѣсу; но старая Добрынына опись при здачѣ скарбця ничего мнѣ извѣстнаго о томъ не показала.

Отвѣтъ іеромонаха Ѳеофана Леонтовича. Во всѣхъ вышъ показанныхъ щирозлотныхъ седми ланцужкахъ имѣлося вѣсу (какъ новая опись подъ № 7 увѣряетъ) 92 червонцы, червонецъ считая по 12 тинфовъ, а въ тѣхъ 92 червонцахъ считалось бѣлою монетою 184 таляры, о чомъ своеручная записка присяжныхъ цѣновщиковъ подъ № 1-мъ показуетъ. Когда же (какъ прежде упомянуто) съ прописанныхъ седми ланцужковъ одинъ самый болшій, къ ношенію креста годящійся, отданъ былъ въ церковь, а въ томъ одномъ ланцужки вѣсу было червонцовъ $20^1/_2$, на бѣлую же монету считая 41 таляръ, то въ остальныхъ шести ланцужкахъ не осталось болѣе вѣсу какъ $71^1/_2$, червонецъ, на щетъ же бѣлой монеты 143 таляры; тогда на мѣсто оного болшого седмого ланцужка доложено было къ тѣмъ осталнымъ шести ланцужкамъ, съ тогожъ монастырского скарбця: штучокъ щирозлотныхъ ламаныхъ съ дробными рубинами 20, обручиковъ щирозлотныхъ 2, перстеней щирозлотныхъ 3; въ которыхъ то штучкахъ, обручикахъ и перстеняхъ вѣсу было 41 червонецъ, а червонцу цѣна была поставлена по таляру, таляръ же по 6 тинфовъ; въ разсужденіи пробы того золота, его ламанины и порчи на рубинахъ отъ пожара, какъ о томъ тѣже присяжные цѣновщики въ запискѣ своей подъ № 2-мъ свидѣтелствуютъ,—и такимъ образомъ вышъ помянутые чорвонцы $20^1/_2$, за отдачею въ церковъ седмого болшого ланцужка, съ предреченной суммы 92 червонцовъ вычтеные, награждены 41 таляремъ, причтеннымъ за доложенные щирозлотные штучки, обручики и перстени къ большой прежной 142 таляревой суммѣ, поставленной за 6 осталныхъ ланцужковъ: послѣдовательно всей суммы за часто воспоминаемые осталные ланцужки, да за доложенные къ тѣмъ штучки, обручики и перстени явилося по прежнему 184 таляры, или 92 червонцы, за которую денежную суммy все показанное золото и продано; а подъ № 9-мъ, въ той же но-

вой описѣ означенные 13 кусковъ съ троихъ порваныхъ сребраныхъ безъ позолотки ланчужковъ употреблены въ слитокъ между протчимъ ламаннымъ сребромъ, о чомъ низше въ отвѣтѣ о кадилницахъ и лямпахъ.

Корали.

Экстрактъ зъ старой Добрининой описи подъ литерою С: «koralow w skarbcu y w cerkwie sznurkow 28».

Новая виленская опись іеромонаха Ѳеофана Леонтовича:

1. Коралей крупныхъ тры нызки, на которыхъ крестики сребренные съ позолоткою 2, и штучка сребраная пустая 1.

2. Коралей дробныхъ чтыри нызки, на которыхъ штучка сребреная для мощей 1.

3. Коралей крупныхъ три нызки.

4. Коралей дробныхъ чтыри нызки, на которыхъ камички два простые, одинъ зеленый, а другій чорный.

5. Коралей дробныхъ осѣмъ нызокъ, съ которыхъ одна нызка перлами лупущими, а другіе семь стекломъ бѣлымъ да чернымъ перенызаны.

6. Три нызки: двѣ коралей дробныхъ, а третяя стекла бѣлого.

7. Коралей дробныхъ три нызки имѣются въ церквѣ на образѣ Пресвятой Богородицы, прозываемой Кромницкой.

Всѣхъ нызовъ числомъ 28.

8. Разнызанныхъ коралей мѣлкихъ и крупныхъ полъ лярчичка, которые корали имѣютъ въ себѣ вѣсу 36 лотовъ; между тѣми разнызанными коралями находится нѣсколько зернятъ и кусковъ бурштину или янтару, который въ старой описѣ считался за яхонтъ.

Примѣчаніе іеромонаха Ѳеофана Леонтовича: Антецессоръ мой Сылвестръ Добрына въ экстрактѣ старой своей описи подъ литерою С о количествѣ коралей разныхъ, въ новой виленской описѣ подъ № 8 показуемыхъ, и о количествѣ ихъ ничего не упоминаетъ; а сукцессоръ мой Авраамъ Фліоринскій и тѣ корали, кои старой Добрыныной описи экстрактъ на нызкахъ представляетъ, въ доношеніи своемъ пропустилъ.

Отвѣтъ іеромонаха Ѳеофана Леонтовича: Всѣ вышъ показанные корали, кромѣ трохъ нызокъ, оставшихся въ церквѣ, были распущены; отъ сребра, стекла, камичковъ простыхъ и пе-

релъ лупущихъ разобраны, и къ другимъ разнизаннымъ же коралямъ, въ ларчики находящимся, присовокупленые, въ коихъ всѣхъ совокупленныхъ кораляхъ явилося вѣсу лотовъ 56, а лоту цѣна была поставлена по 5 шостаковъ; итого всего 14 талярей и 6 шостаковъ, о чемъ своеручная записка присяжныхъ цѣновщиковъ подъ № 7 увѣряетъ. За которую цѣну всѣ воспоминаемые корали и проданы.

Штучки.

Экстрактъ зъ старой Добрыной описи подъ литерою E: «Sztuczek na lętach, perłach, koralach y rozsypanych złoconych y niezłoczonych, takież y kamiennych, 69».

Доношеніе старшого виленского Авраама Фліоринского:

«Штучокъ разныхъ съ разными камичками и безъ камичковъ, на лентахъ, перлахъ и кораляхъ висячихъ, 69 въ описѣ, въ скарбцѣ же ни единой».

Новая виленская опись Ѳеофана Леонтовича:

1. На лентѣ зеленой атласной штучокъ сребряныхъ съ камичками разноцвѣтными простыми 9.

2. На перлахъ подъ № 4-мъ штучка среброзолочена съ девятма камичками красными простыми.

3. На перлахъ подъ № 9-мъ штучка сребрана подъ смалецъ, въ которой сѣмъ камичковъ зеленыхъ простыхъ.

4. На кораляхъ подъ № 1-мъ штучка сребрана пустая.

5. На кораляхъ подъ № 2-мъ штучка сребрана для мощей.

6. На ланцужки сребраномъ подъ № 8-мъ штучка сребрана.

7. Въ лярчики лежачихъ штучокъ разныхъ: сребраныхъ 10, каменныхъ простыхъ 10, стекляныхъ 10, стекляныхъ разноцвѣтныхъ 12.

8. Тамъ же въ лярчики штучка щирозлотная съ трема дробными діяментами.

9. Штучка среброзолочена съ однимъ гранатомъ.

10. Штучка сребрана крестообразно здѣлана съ однимъ смарагдомъ и коралями.

11. Штучокъ щирозлотныхъ ламаныхъ съ дробными рубинами, отъ пожара надпорченными 20.

Всѣхъ штучокъ 69.

Примѣчаніе іеромонаха Ѳеофана Леонтовича. Всякъ человѣкъ гораздо сіе вѣдаетъ, что не одна цѣна сребру, золоту, каменю дорогому, каменю простому и стеклу; но мой антецессоръ Сылвестръ Добрына, какъ въ самой старой своей описѣ, такъ и въ экстрактѣ оной, показалъ толко единое число штучокъ; а о различіи ихъ доброты, которое новая опись обстоятелно представляетъ, ничего не упомянулъ. И потому безсовѣстніе люде, коимъ онъ, антецессоръ мой, отъ скарбця ключи повѣрялъ, могли легко сребраные штучки, просто каменными, а щирозлотные, стекляными перемѣнить; самое толко число штучокъ, въ старой Добрынной описѣ показанное, крѣпко наблюдая.

Отвѣтъ іеромонаха Ѳеофана: Со всѣхъ, въ новой описѣ вѣрно и обстоятелно показанныхъ 69-ти штучокъ, выбраны были самые лутшіе и проданы; а именно: одна подъ № 8-мъ за три червонцы, червонецъ считяя по 6 тинфовъ, о чомъ присяжные цѣновщики въ записки своей подъ № 4-мъ свидѣтелствуютъ, а другая штучка подъ № 9-мъ за три таляры, о чомъ тѣже цѣновщики въ записки своей подъ № 8-мъ увѣряютъ; третая штучка подъ № 10-мъ за 8 тинфовъ, что таяжъ присяжныхъ цѣновщиковъ записка подъ № 9-мъ показуетъ.

Всѣхъ денегъ за три штучки: 7 талярей и 2 тинфы. Щирозлотные же, подъ № 11-мъ въ той же новой описѣ показанные 20 штучокъ, гдѣ дѣвались? О томъ пространно упомянуто выше въ отвѣтѣ о продажи шести щирозлотныхъ ланцужковъ, а протчіе штучки 46, между которыми было:

Стекляныхъ . . . 12.
Простокаменныхъ . 10.
Сребраныхъ . . . 24.

Коимъ сребранымъ, яко уже обветшалымъ и отъ пожара надпорченымъ, цѣна была поставлена найдорогше по 25 копѣекъ, розданы всѣ въ 1757 году россійскимъ офицерамъ, которіе въ переходѣ своемъ чрезъ Полщу убогій Виленскій монастырь милостиннымъ подаяніемъ жаловали, а себѣ въ путь на благословеніе чего ни есть отъ благочестивого оного Виленского монастыря требовали. Что и записано въ книгу собранниго милостиннаго подаянія отъ Всероссійской арміи на Виленскій монастыръ.

Перстени и обручики.

Экстрактъ съ старой Добрининой описи подъ литерою D:«Pierściąkow rożnych y obrączykow w skarbcu y na obrazie 33».

Новая виленская опись іеромонаго Θеофана:

1. На лентѣ зеленой атласной перстеней сребраныхъ 6, пять съ камичками простыми, а шестый гладкій; обручиковъ сребраныхъ съ позолоткою 3.
2. На ланцужки сребраномъ подъ № 8-мъ перстеней сребраныхъ 2, обручиковъ сребраныхъ 6.
3. Въ лярчики перстеней сребраныхъ, отъ пожара подпорченыхъ 8.
4. Перстеней щирозлотныхъ, съ коихъ камички высыпались, 3.
5. Перстеней щирозлотныхъ съ камичками простыми 2.
6. Перстень щирозлотный съ чтырма дробными діяментами.
7. Обручиковъ щирозлотныхъ 2.

Итого перстеней. . . 22.
„ обручиковъ . . 11.
Всѣхъ . . . . . 33.

Примѣчаніе іеромонаха Θеофана Леонтовича: Новая опись сверхъ показуемаго числа перстеней и обручиковъ представляетъ еще обстоятелно и различіе доброты ихъ; старая же Добрынына опись показуетъ онымъ перстенямъ да обручикамъ единое толко число; а въ доношеніи старшого виленского Авраама Фліоринского ни числа, ни имени тѣхъ перстеней и обручиковъ не воспоминаетъ.

Отвѣтъ Θеофана Леонтовича: Перстени щироалотные 3, подъ № 4-мъ, и обручики щирозлотные 2, подъ № 7-мъ означенные, гдѣ дѣвались? Выше представлено въ отвѣтѣ о продажи шести щирозлотныхъ ланцужковъ; перстени же щирозлотные 2, подъ № 5-мъ прописаные, проданы за 16 тинфовъ, о чомъ присяжные цѣновщики въ записки своей подъ № 3-мъ свидѣтелствуютъ; такожъ и перстень щирозлотный, подъ № 6 означенный, проданъ за 18 тинфовъ, о чомъ тѣже цѣновщики въ записки своей подъ № 4 показуютъ. Всей суммы за три щирозлотные перстени: 5 талярей и 4 тинфы. А протчіе перстени и обручики, въ новой описѣ обстоятелно показанные, оставлены мною между протчимъ церковнымъ сокровищемъ въ цѣлости.

Крестики.

Экстрактъ зъ старой Добрынной описѣ подъ литерою А:«Krzyżykow rożnych na perłach koralach y na łętach y na łancużkach, małych siedmnaście, krucifix 1».

Новая виленская опись іеромонаха Ѳеофана:

1. На лентѣ зеленой атласной крестикъ сребраный съ трема бѣлыми простыми камичками.

2. На перлахъ подъ № 6 крестиковъ сребраныхъ съ шестма зелеными простыми камичками 2.

3. На перлахъ подъ № 11 крестикъ сребраный съ перлами болшими лупущими.

4. На кораляхъ подъ № 1-мъ крестиковъ сребраныхъ съ позолоткою 2.

5. На ланцужки сребраномъ подъ № 8-мъ крестиковъ сребраныхъ 7.

6. На ланцужкахъ сребраныхъ, подъ № 9-мъ, крестикъ мраморный зеленый съ распятіемъ литымъ щирозлотнымъ, въ золото оправленный, который крестикъ въ старой Добрынной описѣ называетъ круцификсъ.

7. Въ лярчики крестикъ черно-мраморный, въ сребро оправленный.

8. Крестиковъ мѣдныхъ съ позолоткою 7.

Всѣхъ крестиковъ въ новой описѣ 22.
А въ старой Добрынной . . . 18.

Примѣчаніе Ѳеофана Леонтовича. Этые всѣ крестики, въ новой описѣ числомъ своимъ вѣрно и добротою обстоятелно показанные, оставлены мною между протчимъ церковнымъ сокровищемъ въ цѣлости. А съ перлами, коралями и сребренными ланцужками ни единъ съ нихъ не проданъ.

Чаши дискосы и звѣзды.

Экстрактъ зъ старой Добрынной описи подъ литерою Р: «Kielichow z kiotem 23. Dikosow na sedesach 3. Patyn 25. Gwiazd 5».

Доношеніе старшого виленского Авраама Фліоринского: «Чашъ сребраныхъ съ позолоткою троихъ, дискосовъ четырнадцаты, въ силѣ Добрынной описи въ скарбцѣ не явилось».

Отвѣтъ іеромонаха Θеофана Леонтовича: Описи новой виленской здѣсь не представляю, понеже о чашахъ и дискосахъ, въ разсужденіи ихъ вѣсу, доброты и примѣтокъ, антецессоръ мой Сѵлвестръ Добрына ни мало мнѣ не спорилъ. Принялъ же я отъ антецессора моего чаши и дискосы толикимъ числомъ, какъ онъ въ экстрактѣ старой своей описи показуетъ. А съ показуемаго имъ, антецессоромъ моимъ, числа три чаши и чтырнадцать дискосовъ, о которыхъ сукцессоръ мой Авраамъ Фліоринскій представляетъ, гдѣ дѣвалися?—вѣрно доношу: одна чаша съ дискосомъ, не имѣющимъ седеса, отдана мною при протчей церковной утвари въ Кронскій, къ началному Виленскому приписный, монастыръ игумену того монастыря Ефрему Юревичу, а то здѣлалось для силныхъ князя Огинского, старосты Дорсуниского, которого предки Кронскій оный монастыръ сооружили, предъ епископомъ виленскимъ жалобъ и для неоднократныхъ тогожъ князя предъ болшими полскими господами на Виленскій монастыръ нарѣканій, съ угроженіемъ отнятія того Кронского монастыря на унію, сказуя; лутшебъ (де) церковь Кронскую обветшалую и отъ дождевой течи валяющуюся, въ которой тѣлеса предковъ моихъ лежатъ, имуществомъ при Кронской церкви находящимся, починить, нежели оное въ Виленскій монастыръ забирать, и мои (де) предки, сооружа Кронскій свой монастыръ, Виленскому подчинили для добропорядочного правленія, а не для грабителства и разоренія: ибо антецессоръ мой Сѵлвестръ Добрына съ воспоминаемаго Кронского монастыря не толко сребро и ризы, но и крилосы въ Виленскій монастыръ позабиралъ. Другая чаша съ позолоткою подъ смалецъ, неболшая, старая и въ разломаныхъ крисахъ на палецъ припиляная, за моего уже старшинства отдана мною съ дискосомъ, седеса не имѣющимъ, чрезъ виленского іеродіякона Герасима Молчановича Кейданскому игумену Никанору Линіевичу, во время переходу всероссійской арміи въ 1757 году чрезъ литовское мѣстечко Кейданы: ибо въ томъ Кейданскомъ благочестивомъ, къ Виленскому старшинству принадлежащомъ, монастырки не было другой чаши кромѣ одной оловяной,

Третая чаша старая, дѣравая и безъ седеса.

Такожъ двадцять дискосовъ малыхъ, старосвѣцкихъ, поламаныхъ и гвоздямъ вкругъ попробиваныхъ, безъ седесовъ же, да девять звѣздъ обветшалыхъ, которые въ старой Добрыниной описѣ пропущены, вес-

ма малыхъ и къ нынѣшнимъ болшимъ дискосамъ въ священнослуженіи отнюдь негодящихся, употреблены между протчимъ церковнымъ ломанымъ сребромъ въ слитокъ; въ которой чашѣ, дванадвадцати дискосахъ безъ седесовъ, либо (какъ старой Добрынынной описи экстрактъ называетъ ихъ) патынахъ и девяти звѣздахъ было вѣсу полтора фунта девятой пробы, о чомъ ниже въ отвѣтѣ о кадилницахъ и лямпахъ.

Кадилницы и лямпы.

Экстрактъ зъ старой Добрининой описи подъ литерами N и O: «Lamp rożnych manieryi 7, kadylnic srebnych rożney maneryi 4, a piąta w Surdekach».

Доношеніе старшого виленского Авраама Фліоринского: «кадилницъ болшихъ сребраныхъ пяти, лямпъ сребраныхъ четырехъ, въ силѣ Добрынынной описи, въ скарбцѣ не явилось».

Новая виленская опись іеромонаха Ѳеофана Леонтовича.

1. Три сребраные кадилницы дванадцатой пробы, цѣлые со всѣмъ, употребляемые въ церковномъ служеніи, имѣютъ въ себѣ вѣсу фунтовъ 6 и лотовъ 12.

2. Три сребраные лямпы десятой пробы, со всею принадлежностію, имѣютъ въ себѣ вѣсу фунтовъ 8 и лотовъ 5.

Кадилницы и лямпы безъ ретязей, попробиваные, поломаные, отъ пожара надтопленные и къ церковному употребленію отнюдь негодящіеся, съ которыхъ

3. Двѣ сребраные старосвѣцкіе кадилницы одинадцатой пробы имѣютъ въ себѣ вѣсу фунтовъ 7 и лотовъ 4.

4. Одна сребраная старосвѣцкаяжъ кадилница девятой пробы имѣетъ въ себѣ вѣсу фунтовъ 4 и лотовъ 4.

5. Лямпы сребраные чтыри девятой пробы имѣютъ въ себѣ вѣсу фунтовъ $5^1/_2$ и лотовъ 14.

Отвѣтъ іеромонаха Ѳеофана. Четвертая сребраная небольшая кадилница цѣлая совсѣмъ, взятая антецессоромъ моимъ Сылвестромъ Добрыною съ приписного Вевейского монастыра, отданна мною обратно въ тотъ же приписный монастыръ игумену Ѳеодосію Каплинскому при другихъ, къ священнодѣйствію

необходимо нужныхъ вещахъ, по неоднократнымъ предъ епископомъ виленскимъ жалобамъ и угроженіямъ тогожъ князя Огинского, которого предки, какъ вышепомянутый Кронскій, такъ и нынѣ воспоминаемый Вевейскій монастыръ сооружили.

Пятая сребраная жъ безъ порчи кадилница отдана имъ же Сылвестромъ Добрыною въ приписный Сурдецкій монастыръ,—о чомъ онъ, отецъ Добрына, самъ въ экстрактѣ старой своей описи подъ литерою О, своеручно свидѣтелствуетъ. Протчіе же сребраные порченые кадилницы три, подъ № 3 и 4 показанные, которые въ старой Добрыныной описѣ пропущены, да лямпы чтыри, подъ № 5-мъ означенные, имѣли въ себѣ вѣсу (какъ съ новой описѣ явствуетъ) фунтовъ 17 и лотовъ 6, къ коимъ кадилницамъ и лямпамъ доложены были (какъ выше представлено) тринадцять кусковъ сребраныхъ ланцужковъ, чаша безъ седеса, дванадцять дискосовъ безъ седесовъ же и девять звѣздъ; въ которыхъ ланцужкахъ, чашѣ, дискосахъ и звѣздахъ было вѣсу (какъ новая опись показуетъ) фунтовъ 2. Этое все сребро спущено было въ одинъ слитокъ, въ коемъ слиткѣ явилось вѣсу фунтовъ 19 девятой пробы, а фунту цѣна была поставлена по 8 талярей, итого всѣхъ денегъ 152 таляры, за которую денежнук сумму оный сребраный слитокъ и проданъ.

Конва, кубокъ и слитокъ съ погорѣлого сребра.

Экстрактъ зъ старой Добрининой описѣ подъ литерами H. I. K. L. M:«Konewka srebna z nakrywką, Dorofiewiczowska. Kubek srebny duży. Napierścia od kulbaki srebne złocone na miedzieney blaszce od ręda. Sztuczek z pasa y ręda storoswieckich pogorzałych w połmisku slitek srebra».

Доношеніе старшого виленского Авраама Фліоринского:

«Конвы сребраной съ кришкою, называемой Дорофіевичовской, въ силѣ Добрыныной описи, въ скарбцѣ не явилось».

Новая виленская опись іеромонаха Ѳеофана Леонтовича:

1. Конва сребрана съ кришкою, на которой крышки гербъ: стрѣла по средѣ луны, на верху стрѣлы корона, по обѣмъ сторонамъ ко-

роны литеры: I. D. F. I. K. M; вѣсу въ ней фунтовъ $3^1/_2$ и лотовъ 12, десятой пробы.

2. Кубокъ сребраный старосвѣцкій, на кубки гербъ: звѣзда верху луны, а по сторонамъ литеры: G. S. R. W; вѣсу въ немъ фунтъ 1 и лотовъ 7, десятой пробы.

3. Слитокъ съ погорѣлого церковного сребра одинадцатой пробы имѣетъ въ себѣ вѣсу фунтовъ $8^1/_2$, а въ другой сребряной слитокъ такой же точно за старшинства его превелебія отца Сѵлвестра Добрыны зъ скарбца монастырского безвѣстно пропалъ.

Примѣчаніе іеромонаха Ѳеофана Леонтовича 1. Антецессоръ мой Сѵлвестръ Добрына, показуя въ старой своей описѣ имѣющуюся между монастырскимъ сокровищемъ конву, кубокъ и слитокъ сребра, всему оному сребру ни пробы, ни вѣсу не показалъ; а сукцессоръ мой Авраамъ Фліоринскій, имѣя предъ глазами тужъ старую Добрыныну опись, о кубкѣ и о слиткѣ сребра въ доношеніи своемъ ничего не представилъ.

Примѣчаніе 2. Онъ же антецессоръ мой, господинъ отецъ Добрына, въ томъ же самомъ экстрактѣ, зъ старой своей описѣ вынятомъ, подъ литерою K, погорѣлую красно мѣдную крышку называетъ сребнымъ золотцемъ, а подъ литерою L погорѣлые жъ жолто мѣдные съ наборного русского хомута бляхи считаетъ за сребраные штучки зъ старосвѣцкого пояса и ронда; чего во вѣрность (буди кто сумнится) можетъ и нынѣ на оной жужелицѣ опытъ здѣлать.

Отвѣтъ іеромонаха Ѳеофана Леонтовича. Во всемъ, въ новой описѣ подъ № 1, 2, 3, обстоятельно показанномъ, сребрѣ явилося вѣсу фунтовъ $13^1/_2$, а фунту цѣна была поставлена по 10 талярей, итого всѣхъ денегъ 136 талярей, за которую денежную сумму оная конва, кубокъ, такожъ слитокъ съ погорѣлого сребра и проданы.

Генеральное щетное произвожденіе всей денежной суммѣ, собраной за вышъ показанное проданное имущество съ церковного скарбця Виленского монастыря, а именно:

	ТАЛЯРЫ.	ТИНФЫ.
Въ отвѣтѣ о перлахъ. . .	156. . . .	—
„ „ о ланцужкахъ .	184. . . .	—

		ТАЛЯРЫ.	ТИНФЫ.
въ отвѣтѣ	о кораляхъ . .	14. . . .	2.
„	„ о штучкахъ . .	7. . . .	2.
„	„ о перстѣняхъ. .	5. . . .	4.
„	„ о кадилницахъ .	152. . . .	—
„	„ о канвѣ . . .	136. . . .	—
	Всѣхъ денегъ . .	655. . . .	2.

Которая денежная сумма вся сполна, дѣйствительно и вѣрно въ казну монастыря Виленского вступила, а съ монастырской казны когда, куды и по какой причинѣ дѣвалась, о томъ въ третомъ пунктѣ доношенія отъ іеромонаха Ѳеофана Леонтовича Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи обстоятелно представлено.

Къ сему отвѣтному показанію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ.

Октября 5 дня 1760 года.

Въ катедральномъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ.

№ 4. Переводъ съ оцѣнки нѣкоторыхъ вещей виленского скарбця, которую оцѣнку присяжной города Вилни сребраникъ Іоганнъ Зизманъ съ присяжнымъ же тогожъ города юбилѣромъ Томасомъ Гильсе дѣлалъ и своеручно записалъ.

1. Въ щирозлотныхъ ланцужкахъ имѣетъ вѣсу 92 червонцы, червонецъ считая по 12 тинфовъ.

2. Щирозлотные штучки зъ рубинами имѣютъ въ себѣ вѣсу 41 червонецъ, червонецъ считая по таляру.

3. Два щирозлотные перстени съ простыми камичками имѣютъ въ себѣ вѣсу 2 червонцы, червонецъ считая по 8 тинфовъ.

4. Щирозлотной штучки съ тремя діяментами цѣна 3 червонцы, червонецъ считая по 6 тинфовъ; щирозлотному перстеню съ чтырма діяментами цѣна 18 тинфовъ.

5. Разнызанный индійскій жемчугъ имѣетъ въ себѣ вѣсу лотовъ $18^1/_4$, лотъ считая найдорогше по 6 талярей.

6. Нызанній жемчугъ имѣетъ вѣсу лотовъ $6^1/_2$, лотъ считая по 7 талярей.

7. Корали имѣютъ въ себѣ вѣсу лотовъ 56, лотъ считая по 5 шостаковъ.

8. Сребраной штучки съ камичкомъ гранатомъ цѣна 3 таляры.

9. Сребраной кресто образно здѣланной штучки съ смарагдомъ и коралями цѣна 1 червонецъ, а червонцу цѣна 8 тинфовъ.

Протчіимъ вѣщамъ оцѣнка и саморучная записка тѣхъ же майстеровъ имѣется въ Вилнѣ въ библіотеки.

№ 5. Привѣтствіе епископу виленскому Михаилу Зѣнкевичу, говоренное новоприбывымъ въ благочестивый Виленскій Свято-Духовъ монастыръ старшимъ іеромонахомъ Ѳеофаномъ Леонтовичемъ, октября 30 дня 1755 года.

Титла.

«Antistes sacrorum Eminentissime!

Primas Senatorum Magni Ducatus Lituaniae,

Domine gratiosissime!

Quod duo florentissima eaque confinia regna, Russiam nimirum atque Poloniam, arcto quodam foederis vinculo inter se jungis, id mihi intra limites patriae agenti desiderio tui flagrandi, nunc vero propius facto copiam tui habendi occasioni fiduciaeque fuit: quippe cum summum numen tantum tibi honoris inter cives tuos habueris, ut columna et decus patriae apud exteras etiam nationes audias, nullus dubito, id virtutibus tuis iisque maximis obtigisse, et te omnem lapidem movere, ut saluti, commodo honorique patriae tuae quam optime consulatur: hanc igitur duplicem ob rationem ego quoque nomine omnium sacris Ritus nostri addictorum, ad genua tua provolutus, enixissime a te contendo: ut nos fovere, nobis favere, a clausiis sacris aedibus, bonis que nostris omne periculum avertere et arcere, quemadmodum semel coepisti, pergas. Deus vero Peroptimus, maximus, qui te hucusque sospitem et incolumem ac prospero rerum statu utentem servavit; quive nomen tuum apud nostrates non solum in curia legatorum et sacro sancta Synodo, verum etiam in aula Augustissimae principis nostrae celebrari fecit, idem ipse, quoad vivas, omnia tibi ex voto Fluere

concedat; valetudinem ingravescentis iam aetatis tuae sartam tectam— ve esse jubeat; ac tandem mercedem illam magnam, quae exantlatis laboribus meritisque tuis pridem jam debetur, in conspectu omnium angelorum et hominum summa cum laude ac splendore tibi retribuat».

Къ симъ приложеніямъ руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ.

Октября 5, 1760 года.
Въ каѳедральномъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ.

XXVIII.

Извлеченіе изъ дѣла, возникшаго въ Кіев. духовной консисторіи по поводу обвиненія бывшаго виленскаго «старшаго» Ѳ. Леонтовича въ растратѣ имъ церковнаго имущества, принадлежавшаго виленскому монастырю.

1761 — 1762 гг.

1) 1760 года октября 5 дня Духовная Митрополія Кіевская Консисторія, слушавъ поданного сего жъ октября 5 дня въ Духовнук Консисторію бывого старшого виленского іеромонаха Ѳеофана Леонтовича, въ Катедралномъ Кіево-Соффійскомъ монастырѣ нынѣ жителствующаго, отвѣтного доношенія и сообщенныхъ при немъ четырехъ писменныхъ доказателствъ, какого отвѣтного доношенія оною Духовною Консисторію требовано отъ его, Леонтовича, по указу Ея Императорскаго Величества, изъ Духовной Кансисторіи сего жъ 1760 года мая 29 дня къ нему Леонтовичу отпущенному, въ силѣ опредѣленія Духовной Консисторіи, Его Преосвященствомъ подтвержденного, а состоявшогося по доношенію старшего виленского іеромонаха Авраама Фліоринского зъ братіею, 759 года къ Его Преосвященству присланномъ, коимъ онъ, Фліоринскій, показуя, что де того 759 года марта 20 дня изъ Святѣйшого Правителствующаго Сунода получилъ онъ, старшій, въ Ригѣ указъ и при немъ отъ скарбця церковного ключи, и за прибытіемъ де его старшого въ Вильню въ присутствіи братіи и братства тотъ скарбецъ отомкнувъ (что тамъ было и что по описѣ, бывымъ прежде въ томъ монастырѣ старшимъ Сулвестромъ Добрыною при тамошнемъ братствѣ оставленной, быть имѣло) всего подробну осматривалъ и немалое де между скарбцемъ и описью найшолъ несходство, то есть: въ описѣ де перелъ семдесятъ восемь шнуровъ,—въ скарбцѣ нѣчего; въ описѣ ланцужковъ золотыхъ одинадцать,—въ скарб-

цѣ нѣчего; въ описѣ штучокъ разныхъ съ разными камишками и безъ камишковъ, на лентахъ, перлахъ и кораляхъ висячихъ, шестьдесятъ девять,—въ скарбцѣ ни одной; въ описѣ ланцужковъ сребраныхъ съ позолоткою и безъ позолотки четырнадцать,—въ скарбцѣ толко одинъ; сверхъ де сего чашъ сребранныхъ съ позолоткою троихъ, дискосовъ четырнадцати, кадилницъ болшихъ сребранныхъ пяти, лампъ сребраныхъ четырехъ, конвы сребраной съ крышкою, называемой Дорофіевичовской, въ силѣ Добрынной описѣ, такожъ сознанія при томъ братіи и братства, въ скарбцѣ не явилось. А понеже реченый бывый старшій виленскій іеремонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ въ оном своемъ отвѣтномъ доношеніи и сообщенныхъ писменныхъ доказателствахъ показалъ многіе несходства противъ показанной описѣ бывымъ старшимъ виленскимъ іеромонахомъ Сѵлвестромъ Добрыною, кой нынѣ Петропавловского Глуховского монастыря архимандритъ, сочиненой, и по тѣмъ несходствамъ себѣ оправдаетъ, а во многихъ обстоятелствахъ къ оправданію себѣ на него жъ, архимандрита Добрыну, во свидѣтельство ссылается, противо которыхъ несходствій ему, архимандриту Сѵлвестру, отвѣтъ принести и къ тому вишеупоминаемую у него нынѣ имѣющуюся опись и другіе потребные документа предложить, а при томъ и на очной съ нимъ Леонтовичемъ ставки по ссылки его, Леонтовича, на него, архимандрита, въ Духовной Консисторіи быть нужно потребно; а потому для таковаго отвѣта и представленія подлежащихъ документовъ, также съ нимъ Леонтовичемъ очной ставки въ Духовную Консисторію его, архимандрита Сѵлвестра, и сыскать слѣдуетъ,—того ради приложили мнѣніе: послать указъ Ея Императорскаго Величества изъ Духовной Консисторіи къ оному Петропавловского Глуховского монастыря архимандриту Сѵлвестру по случайной добронадежной оказіи, обовязавъ того, чрезъ кого оный указъ посылатся будетъ, подпискою, дабы онъ въ пути того указа не потерялъ и, у себя не удерживая, ему, архимандриту, отдалъ, и велѣть ему, архимандриту, дабы онъ, архимандритъ Сѵлвестръ, поручивъ въ добропорядочное смотрѣніе и управленіе монастырь и братію того монастыря намѣстнику іеромонаху Клименту, съ полученія того указа на другой день всенепремѣнно выѣхалъ въ Кіевъ и съ собою подлежащіе, кои бы въ него ни могли сыскатся документа, такъ же и прописанную опись привезлъ; и сіе мнѣніе въ волю и благоразсмотрѣніе Преосвященнѣйшого Архипастыря своего Духовная Консисторія благопочтенѣйше предаетъ.

2) По силѣ вышепрописаннаго приговора указъ изъ Консисторіи къ архимандриту Сѵлвестру Добрынѣ 10 октября 1760 года, подъ № 2267, посланъ.

На тотъ указъ отъ архимандрита Сѵлвестра тогожъ 760 года декабря 6 дня въ Глуховъ отпущено къ лицу Его Преосвященства митрополита Кіевского Арсенія доношеніе, 28 чиселъ тогожъ декабря полученное, въ коемъ по прописки онаго указа написано тако:

«А понеже по силѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ Святѣйшаго Правителствующаго Синода и Преосвященнаго Тимоѳея, на тотъ часъ бывшаго Кіевского, а нынѣ Московского митрополита, указу я нижайшій все монастырское добро какъ въ скарбѣ, такъ и въ церквѣ, по описѣ издалъ, и обо всемъ томъ оный бывшій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ къ Его Ясне въ Богу Преосвященству, нынешнему митрополиту Московскому Тимоѳею, репортовалъ, кои репорти уповательно при архивѣ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства въ Духовной Конспсторіи и понынѣ содержатся, содержалъ же оный виленскій скарбецъ тогожъ монастыря бывшій намѣстникъ, а нынѣшній приписаного къ оному виленскому старшенству Богословского Грозовского монастыря игуменъ іеромонахъ Варлаамъ Владичка, да и въ оного Виленского братства за рукою моею опись оставлена: того ради Вашего ясне въ Богу Преосвященства всенижайше прошу меня отъ оной вышь прописаной поѣздки для отвѣтовъ и очной ставки въ Кіевъ высокомилостиво уволнить, а повелѣть кого подлежитъ, а паче кто по оному Владички скарбецъ содержалъ, для взысканія правды обстоятелно допросить».

Потому въ Духовной Консисторіи генваря 26 дня 1761 года Его Преосвященствомъ подтвержденное мнѣніе учинено, въ которомъ, по протчемъ, написано такъ:

«А понеже какъ отвѣтъ по тому дѣду отъ него, архимандрита, взять и на оной ставки съ онымъ Леонтовичемъ ему быть, того дѣла обстоятелства требуютъ неминуемо и неотложно, яко жъ за тѣмъ единымъ и дѣло оное далнѣйшего производства имѣть не можетъ и приостановилось, — того ради приложили мнѣніе: послать къ нему, архимандриту, указъ Ея Императорскаго Величества, велѣть ему, архимандриту, въ силѣ прежде посланнаго къ нему указа, поручивъ въ добропорядочное смотрѣніе и управленіе Петропавловскій Глуховскій монастыръ и братію того монастыря намѣстнику іеромонаху Климен-

ту, съ полученія онаго указа на другій день всенепремѣнно выѣхать въ Кіевъ, и съ собою подлежащіе, кои бы у него ни могли сыскатся документа, такожъ и скарбця виленского опись, забрать и, прибывъ въ Кіевъ, немедленно явится въ Духовную Консисторію».

Въ силѣ такова опредѣленія указъ къ оному архимандриту Добрынѣ изъ Консисторіи 31 дня января 1761 года посланъ подъ № 56.

---

3) Въ Духовную Кіевскія Митрополіи Консисторію

отвѣтное доношеніе.

За прибытіемъ сукцесора моего Ѳеофана Леонтовича на старшинство въ Свято-Духовъ Виленскій монастыръ, скланялъ я, совокупно съ нимъ, прошеніемъ своимъ при оной Святого Духа церквѣ обрѣтавшееся благочестивое братство къ отдачѣ церковныхъ и монастырскихъ вещей ему, Леонтовичу, по описѣ, толкожъ прописанное братство листомъ, отъ преосвященнаго Тимоѳея имъ даннымъ, съ такимъ притвержденіемъ, чтобъ оны толко церковь знали, а ни во что монастырское не интересовались, отказались, по чему и листъ тотъ ему, Леонтовичу, сообщенъ былъ и отъ его, Леонтовича, читанъ предъ братіею въ келіи, гдѣ и я присуствовалъ; а якобы Виленское братство представили ему, Леонтовичу, будто бы я самъ собою по пожарѣ опись составилъ, то то его, Леонтовича, вымыслы, ибо, за прибытіемъ моимъ въ оный погорѣлый Виленскій монастырь, оставшіися отъ пожара въ скарбцѣ монастырскомъ вещи описаны были намѣстникомъ тогожъ монастыря Варлаамомъ Владичкою да прокураторомъ іеромонахомъ Инокентіемъ Болдишевскимъ въ присутствіи братства, какъ и самая тая опись свидѣтелствовать можетъ.

Что же Виленское братство, за прибытіемъ моимъ въ Виленскій монастырь, при той описѣ хотя и были, но на оной не подписалися, тое учинилось въ силѣ вышше изображенногожъ Преосвященного Тимоѳея писанія, какъ и самъ Леонтовичъ въ доношеніи своемъ показалъ, и въ 1749 году послѣ пожара, въ которій церковь виленская съ монастыремъ сгорѣла, за прибытіемъ моимъ въ Виленскій монастырь, тогожъ часу по оном пожарѣ ни до какого монастырского и церковнаго добра не касались, якожъ и не должно было по вышше реченному, и ежели бы ему, Леонтовичу, каковая либо отъ Виленского братства прописанной описѣ неисправность представлена была, то ему,

Леонтовичу, и скарбця принимать не подлежало было; а онъ, Леонтовичъ, и принялъ и отрепортовалъ въ катедру, какъ и самъ онъ въ отвѣтномъ своемъ доношеніи, противо Фліоринского доношенія, тоже утверждалъ, а нынѣ нѣчто новое затѣялъ; а въ разсужденіи того, что всѣмъ, въ скарбцѣ находившимся, вещамъ имя толко да число положено, а о вѣсѣ, примѣтахъ и различіи доброты ихъ умолчано, и какъ освидѣтельствованія, такъ и оцѣнки никакой ниоткуда не требовано, то все то по той причинѣ, яко тѣхъ вещей по колику церковныхъ не токмо безъ дозволенія продавать и въ помишленіи въ мене никогда не бывало, хотя то несравненно по пожарѣ нужнѣйшіи за моего правленія обстоятелства были; и ежели Леонтовичъ таковую простоту за неисправность пріемлетъ, то я его вѣжливости очень удивляюся, что нынѣча на бумаги толко тое читаетъ, что прежде сего въ виленскомъ скарбцѣ и въ рукахъ держано; отсюду видно, чимъ исправнѣйшая опись егожъ, Леонтовича, у которой вѣсы толко да примѣти на бумаги показаны, или тоя, которая самыи вещи репрезентуетъ, была; почему, минуя лишніи въ отвѣтномъ его, Леонтовича, доношеніи показанія, изьясняю дѣло за силу указовъ таковымъ порядкомъ.

Противъ перваго въ описѣ пункта: онъ, Леонтовичъ, по учиненной нимъ, Леонтовичемъ, вновь описѣ показуетъ перлъ 78 низокъ, которое показаніе сходно зъ старою описью и екстрактомъ моимъ; а что связки, на которыхъ содержались перлы, попписаны мною шнурками, то то учинено по тамошнимъ обыкновеніямъ нарѣчіямъ; а длиною оные шнурки каковы были, какъ я не мѣрялъ, такъ и не знаю; перлы разнизаніи и въ бумаги завинутіе, какъ мнѣ безъ щоту того монастыря виленского намѣстника зъ братіею и братствомъ поручены и по пріезду его, Ѳеофана Леонтовича, въ цѣлости содержаны были, такъ и ему, Леонтовичу, въ цѣлости при здачи добръ церковныхъ вручены безъ щоту и безъ вѣсу; перелъ же оныхъ, что бы кто надобралъ прежде прибытія моего или при мнѣ, яко ни отъ кого и не слышалъ и не постерогъ ни по кому, потому и твердить не могу; въ бытность же мою въ Петербургѣ оніи всѣ перли за печатю съ протчими дробными вещами содержимы были. При издачѣ мнѣ по пожару отъ братіи и братства церковныхъ и монастырскихъ, имѣвшихся въ скарбцѣ, вещей, ланцужковъ золотыхъ и сребныхъ, золоченыхъ и незолоченыхъ, дворетязныхъ и шматковъ порваныхъ, писанихъ всякій ретязикъ за ланчужокъ, съ коихъ золотыхъ было 11, сребныхъ 14, по

старой описѣ, какъ я и принялъ, такъ и ему, Леонтовичу, по той же описѣ (сдалъ),—и его, Леонтовича, новая опись согласуетъ, толко жъ безъ вѣсу и безъ пробаціи золота, такожъ и безъ мѣры оныхъ длины; а были оніи ланцужки иніи болшіи а инніи короткіи, какъ обычай женамъ на шіяхъ носить.

Караліовъ по описѣ намѣстника Варлаама Владички зъ братіею и братствомъ, по пожарѣ сочиненой, принялъ я 24 шнурки, а четыри прибыло уже потомъ, отъ благочестивой вдовы Евдокіи наданы, всѣ въ цѣлости отъ мене отданы ему, Леонтовичу, по оной описѣ безъ вѣсу, съ крестиками, перлами лупущими и протчими привѣсами, какъ и въ его новой описѣ написано; разнизанихъ же кораловъ полъпушки и бруштиновъ между ними нѣкоторое число, кажется мнѣ, уже потомъ съ попелу церковнаго выбрано, то, яко небогателная вещь, въ екстрактъ и не введена, въ описѣ же моей находится и ему, Леонтовичу, отдана. Штучки разніе золотіе и серебраніе съ камичками и безъ камичковъ, пустіе, на перлахъ, ланчужкахъ, на лентахъ и кораляхъ, и разсыпаніе висячіе, сточеніе и несточеніе, и каменные, числомъ 69, какъ мною приняты отъ часто поминаемого намѣстника виленского Владички и братіи и братства и въ цѣлости содержаны, ажъ до прибытія его, Леонтовича, безъ всякой порчи и потеранія, такъ и ему, Леонтовичу, мною съ предъпомянутимъ намѣстникомъ Владичкою на руки и отданы безъ вѣсу и аппробованія, коихъ онъ. Леонтовичъ, своими глазами и пересматривалъ, и въ катедру, что всѣ въ цѣлости по описѣ принялъ, репортовалъ обстоятелно, вѣрно и праведно.

Перстеней и обручиковъ золотихъ, сребряніхъ, золоченихъ и незолоченихъ, зъ камичками и безъ камичковъ, принято мною отъ намѣстника Владички, братіи и братства 33, которыи всѣ въ цѣлости и отданы ему, Леонтовичу, безъ вѣсу и аппробаціи по предъписанной часто упоминаемой причинѣ.

Крестики разніе на перлахъ, ланчужкахъ, кораляхъ и на лентахъ, какимъ числомъ по пожару, за пріѣздомъ моимъ, въ сочиненной, часто упоминаемой, описѣ, 18 записани, по той же описѣ и ему, Леонтовичу, мною отданы; а что въ сочиненной новой нимъ, отцемъ Леонтовичемъ, послѣ четыри крестики прибавились, то оные уже посля описѣ старой привѣшены, потому какъ въ старую опись, такъ и въ екстрактъ, не введены: по реестру же ему, Леонтовичу, въ цѣлости отданы.

Чаши, дискоси и звѣзди, какимъ числомъ по пожару мною за описю приняты, такимъ числомъ и ему, Леонтовичу, мною отданы, и въ его новой описѣ согласно написано; съ Кронскаго же монастыря сребро и ризи прежними еще старшими, а моими антецессорами взяты, а мною толко непотребніи, валящіися лавки, въ которыхъ давными часы господа при отправленіи церковныхъ церемоній сидятъ— было на клироси, взяти (а не самыи крилоси) и въ большой виленской церквѣ съ немалою придѣлкою и должнымъ украшеніемъ поставлены, и за то мнѣ ни отъ кого никакихъ выговоровъ не было.

Кадилницъ пять и лампъ семъ противъ екстракта моего, вынятого зъ старой описѣ, отданы въ цѣлости ему, отцу Леонтовичу, какъ и въ оной же его, Леонтовича, значитея описѣ; прописаной же въ отвѣтѣ, приложенномъ къ описѣ его, Леонтовича, кадилницѣ съ приписного виленского монастыря мною не брато; а буди впрямъ оную кадилницу съ того вышъ прописанного монастыря Вевіейского взято, то развѣ взято за антецессеровъ моихъ; а въ Сурдецкій приписный же монастыръ въ поездки моей къ празднику Успенія Богоматере, яко тогда въ тотъ Сурдецкій монастырецъ отъ всѣхъ сторонъ народъ собирается, приказалъ было я для публики сребную кадилницу взять ѣхавшему со мною іеродіякону Пахомію, и взята; но оный іеродіяконъ, съ того монастырця Сурдецкого возвращаяся, въ Виленскій монастырь вышъпрописанной кадилницѣ взять позабылъ, и за тымъ и до отѣзду моего съ Вилни въ Кіевъ въ томъ Сурдецкомъ монастырцѣ осталась.

Конва сребна съ крышкою, называемая Дорофіевичовская, кубокъ сребный, наперстя отъ кулбаки сребное, позолоченное, на мѣдной бляшкѣ приправленное, штучки отъ пояса старосвѣцкаго и рога погорѣлого, и слитокъ сребра при прочихъ церковныхъ и монастырскихъ вещахъ, имъ, Леонтовичемъ, отъ мене и намѣстника Владички приниманихъ, въ томъ и онъ, отецъ Леонтовичъ, въ своихъ отвѣтныхъ показаніяхъ съ сторою описью согласно показалъ, въ цѣлости приняты за сребніе безъ вѣсу и пробы.

А ежели по аппробаціи въ отвѣтномъ его, отца Леонтовича, противъ Фліоринского доношеніи показанными присяжними майстерами, такожъ намѣстникомъ Варлаамомъ Владичкою и протчею братіею явились тіе штучки и наперстя отъ кулбаки, буди онъ, Леонтовичъ, заподлинно тое наперстя называетъ погорѣлою красномѣдною кришкою,

яко оной крышки въ скарбцѣ не было, явились мѣдными, такожъ и протчіе вышъ прописанное вещи, а именно: перли, при которыхъ было дутихъ подобно цвѣтныхъ перламъ стеколецъ два шнурки, ни въ опись, ни въ екстрактъ не введены; малое число лопущихъ перелъ между добрыми, такожъ и едина болшая привѣсная; камички простыми и добрими писаніи, золото и сребро въ ланцужкахъ, крестикахъ, перстіонкахъ и въ протчей посудѣ и штучкахъ инои, а не какъ прописаны, доброты,—въ томъ я повѣряю его, отца Леонтовича, іеромонашеской совѣсти и присяжнимъ оценщикамъ, ежели оно въ самой вещи такъ есть, какъ онъ написалъ, Леонтовичъ; слитокъ же другой сребра въ бытность мою тролѣтную въ Петербургѣ, невѣдомо какимъ образомъ и кимъ, съ скарбця своровань.

Каковіе же Виленского монастыря описи при мнѣ сыскуются, таковые Духовной Консисторіи благопочтенѣйше при семъ сообщаю въ разсмотрѣніе, документовъ же я никакихъ ни о чемъ не имѣю.

Сколко жъ на мене, бываго старшего виленского іеромонаха Ѳеофана, прошлого 1760 года октября 5 дня въ поданномъ отъ него отвѣтномъ доношеніи, въ томъ, за прибытіемъ де его, Леонтовича, въ Вилню на мѣсто мое, засталъ онъ, Леонтовичъ, въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ церковъ каменную болшую тропредѣлную безъ иконостасовъ и безъ дверей, такожъ и школы старинные близъ церкви оной находящіеся, стоящіе впустѣ, кромѣ одной на нихъ деревяной криши, — на что объявляю: онъ, іеромонахъ Ѳеофанъ, за опредѣленіемъ его въ старшего виленскаго, по прибытіи въ Виленскій монастыръ, засталъ въ ономъ церковъ за моего бытія извнѣ совсѣмъ доконченную и украшенную внутръ, витинкованную, вибѣленную, вимощенную, съ окнами и иконостасомъ каменнымъ, и съ слупами фалшъ-мраморними, и съ штукаторіею, и статуами, гдѣ надлежало и потребно было, толко еще безъ написанія иконъ и дверей царскихъ; входные же въ церковь вси двери были совсѣмъ здѣлани, оковани и на своихъ мѣстахъ поставлены; школи въ такомъ были состояніи, какъ вего изображено описѣ и доношеніи.

Былъ ли таковъ слухъ во всемъ городѣ Вилни, чтобъ я въ Святѣйшемъ Синодѣ не толко ничего зъ денегъ не получилъ на докончаніе церкви, школъ, колоколни и протчихъ обветшалыхъ и развалившихся монастырей, но еще и подъ караулъ на дванадцать дней попалъ, а потомъ съ негодованіемъ скоропостижно изъ Петербурга высланъ и

протчее, и представляли ль епископу виленскому магистратъ и каноники, чтобъ, со мною въ силѣ правъ и конституцій поступивъ, приказалъ накрѣпко, дабы церковъ и школи немедленно кончены съ тѣмъ, буди бы я то чинить несостоятеленъ, то монастыръ съ церковью и школами отданъ будетъ римского закона монахамъ-босакамъ, либо уніятскимъ бязыліанамъ по показаннымъ тамо резонамъ; занималъ ли іеромонахъ Ѳеофанъ зъ секретаремъ епископа вилепскаго дружбу для провѣданія умышленій и совѣтовъ худыхъ римского духовенства на благочестіе и говорилъ ли ему, Леонтовичу, тотъ секретарь прописанные тамо рѣчи, такожъ въ тое ль самое время къ нему, Леонтовичу, пріѣздили въ монастыръ калвинскіе пасторы и офицеры и говорили изображенные въ томъ отвѣтномъ его доношеніи рѣчи,—мнѣ вѣдать не почему; кальвѣны же, какъ за бытности моей ко мнѣ было пріѣжали и о разныхъ какихъ либо замахахъ на благочестіе и на нихъ кальвиновъ отъ римского духовенства происходящихъ увѣдомившися, объявляютъ для всякой предъобережности, такъ и въ реченного Леонтовича не единажды бывали; а какіе между ними разговоры бывали, я знать не могу. А по учинившемся въ Вилнѣ пожарѣ помянутые кальвѣны объявляли мнѣ римского духовенства замыслы о отданіи по выше прописанному басакамъ или уніятскимъ базиліянамъ нашего монастыря, таковые, якіе и въ его, Леонтовича, доношеніи прописаны, и тые почти поблично по всемъ уже городѣ почали было носится.

Помянутый іеромонахъ Ѳеофанъ былъ со мною у виленского бѣскупа Михаила Зѣнкевича, толко того ли октября 30 дня не упомню, коему какъ отъ мене, такъ и отъ него, Леонтовича, привѣтствія говорены, за кои онъ, бѣскупъ, обоимъ благодарилъ и разные о защищеніи и поборствованіи за благочестіе и въ иномъ случаи и о немогуществѣ своемъ говорилъ рѣчи; а въ тые ль точные слова, какъ у его Ѳеофана доношеніи прописаны, совершенно припомнить за давность времени не могу; при томъ спрашивалъ: имѣемъ ли денги на докончаніе монастырскаго строенія, и отъ обоихъ насъ ему сказывано: имѣемъ къ совершенному прикончанію доволную сумму; такожъ и предъ тѣмъ, сколко мнѣ быть не случалось у него, бискупа, то всегда какъ за деньги спрашивалъ, такъ и, чтобъ изрядно и скоро репарація церковная и монастырская была кончена, упоминалъ; протчихъ же рѣчей, каковы въ доношеніи показаны, говорены ль были имъ, бѣскуномъ, не помню; помню сіе, что въ заключеніе онъ, бискунъ, сказалъ мнѣ, какъ возможно

прилагать старателство, чтобъ церковь была въ самой скорости освящена, и когда нижнѣйшимъ иконописствомъ внутрѣ церковъ Божая и протчимъ благолѣпіемъ украшена, то мною по чиноположенію православно-Грекороссійско-Восточныя церкви августа 25 дня и освящена, и священнослуженіе совершатись началося въ ней, какъ выше означено.

Ноября ли 6 дня, или иного какого дня, не спомню, обявили мнѣ кромнѣки, что домннѣканъ въ церковь монастырскую большую виленскую пошолъ, свѣчи зажогъ и пѣти уже началъ; и я, тое самъ еще услышавъ, скоропостижно пошелъ къ нему, іеромонаху Ѳеофану, и сказалъ объ ономъ его, доминѣкана, нечаянномъ и необываломъ прежде въ церковъ въ монастырскую входѣ, предварая, дабы не могло каковыхъ отътоль послѣдовать коварныхъ и благочестію вредительныхъ проектовъ; и онъ, Ѳеофанъ, послыхавъ таковой надъ чаяніе учиненный случай, побѣжялъ прямо въ церковъ и такъ съ нимъ, домѣнѣканомъ, поступилъ, какъ въ доношеніи своемъ представилъ.

Къ сему отвѣтному доношенію Свято-Пэтропавловского Глуховского монастыря Архимандритъ Сѵлвестръ Добрына руку приложилъ.

Опись

Благочестиваго Грекороссійского Свято-Духова въ престолномъ Великаго Княжества Литовского городѣ Вильнѣ находящагося монастыря, съ показаніемъ всего, что въ ономъ послѣ пожара, который въ 1749 году воспослѣдовалъ, за правленія Его Преподобія отца старшого Игумена Сѵлвестра Добрыны возобновлено и вновъ построено.

1. Показаной монастыръ положеніе свое имѣетъ внутръ самаго города Вильни, подъ стѣною городскою, съ пріѣзду въ западные городскіе ворота, по здешнему *Остра Брама* называемые, по правой сторонѣ, въ сусѣдствѣ съ кармелитами босыми, которыхъ ограда монастырская по той же правой сторонѣ начинается отъ самой Острой Брамы и кончается при оградѣ сего благочестивого монастыря. Съ пріизду отъ главной улицы, которая отъ помянутой Острой Брамы до другихъ городскихъ воротъ идетъ, имѣются въ каменной стѣнѣ большіе въ монастыръ сей уѣздные ворота, на которыхъ не весьма высоко кирпичемъ поднятые, жестью бѣлою покрытые, три щиты, а на тѣхъ щитахъ три небольшіе кресты.

2. Внутръ монастыря, отъ помянутыхъ воротъ зъ самого уизду шаговъ на 17 стоятъ школы старинные, каменные, у два апартамента,

въ верхнемъ апартаментѣ избъ чтыри и въ нижнимъ чтыри, подъ оными три каменные погреба съ каменнымъ же сводомъ. Въ показанныхъ школахъ по пожарѣ вновъ здѣлано: дверей осѣмъ, крышка гонтовая, въ верхнемъ апартаментѣ потолокъ ввесь зъ гладкихъ доскъ, переходы деревянные на столпахъ деревянныхъ же съ одной стороны, а окны всѣ какъ въ вверхнемъ, такъ и въ нижнемъ, апартаментѣ стоятъ пусты; такожъ и помосту въ верхнемъ апартаментѣ не имѣется; печи, яко перегорѣли, ни куды не годятся.

3. По вышше школъ, на той же сторонѣ, дѣвичій монастыръ каменною стѣною, которая отъ школъ до самой городской продолжается, отъ мѣста, на которомъ церковъ Сошествія Святаго Духа стоитъ, отгороженъ; въ немъ церковъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, каменная неболшая, подъ которою склепъ съ сводомъ каменнымъ, при оной напротивъ келія каменная съ чуланомъ, при той каменной другая келія деревянная съ чуланомъ же; въ верху двѣ келіи каменные; за келіями поварня каменная, при самой стѣнѣ кармелитовъ босыхъ два склепы каменные, подъ оными погреба, вкругъ церкви садъ небольшой, по за келіями огородъ, въ которомъ колодязь деревянной; противъ большой церкви Сошествія Святаго Духа въ показанной каменной стѣнѣ ворота малые для входу въ помянутый дѣвичій монастыръ; поближе къ школамъ, въ той же самой стѣнѣ большіе уѣздные ворота.

4. Съ пріѣзду отъ улицы главной въ вышъпомянутые трищитовые ворота, въ лѣвую сторону шаговъ на 7, стоятъ старшинскіе каменные келіи въ два апартамента, чоломъ къ болшой Сошествія Святого Духа церквѣ, къ стѣнѣ городской, а тыломъ на самую улицу Остробрамскую; подъ которыми келіями погребовъ съ потолками деревянными три, въ нижнемъ апартаментѣ келіи двѣ, а посредѣ сѣни. Въ показанныхъ келіяхъ и сѣняхъ вновь здѣлано потолковъ деревянныхъ 6, оконъ 20, дверей 10, сходы деревянные, одни переходы на столпахъ деревянныхъ съ одной стороны, крышка гонтовая, всѣ келіи и сѣни выбѣлены извѣстю, полы вездѣ вымощены кирпечемъ на пѣску безъ извѣсти. Въ показанныхъ чтырехъ келій въ одной толко имѣется пѣчь, отъ пожара еще оставшаяся, совсѣмъ дряхлая и ни къ чему годная.

5. Отъ помянутыхъ старшинскихъ келій, въ лѣвую сторону шаговъ на 4, стоятъ келіи такожъ каменные братерскіе, чоломъ къ городской

же стѣнѣ, а тыломъ на помянутую Острobрамскую улицу, съ чола и съ тылу вравнѣ зъ старшинскими келіями; между показанными старшинскими и братерскими келіями съ тылу отъ улицѣ Острobрамской имѣется для сохраненія церковнаго и монастырскаго сокровища два каменные склепы съ двома желѣзными дверми и сводами каменными. Подъ помянутыми братерскими келіями погребовъ съ каменными сводами три. Самыи келіи раздѣляются на два апартамента: въ нижнемъ апартаментѣ келій чтыри, а пятая трапеза зимная съ чуланомъ, въ верхномъ апартаментѣ такожъ келій чтыри, а пятая трапеза лѣтная; въ нижнемъ и верхнемъ апартаментѣ между келіями имѣются вширъ односаженные сѣни; во всѣмъ томъ строеніи сдѣлано вновь: въ нижнихъ келіяхъ и зимной трапезѣ печей зеленыхъ 5; въ тѣхъ же нижнихъ келіяхъ перегородокъ деревянныхъ 4. для помѣщенія двоихъ монаховъ въ одной келіи, во всѣхъ осьми келіяхъ двоихъ трапезахъ и двоихъ сѣняхъ полъ кирпичной на пѣску безъ извѣсти, потолоки деревянные, дверей 25, оконъ 38. Все строеніе и показанные два склепы гонтою покрыты.

6. Отъ тылу прописанныхъ братерскихъ келій продолжается каменная стѣна до ограды мѣщанина виленского Страшкевича на 10 шаговъ, въ которой большіе уѣздные на конюшенной дворъ монастырской ворота; но правую сторону оныхъ воротъ, къ той же самой стѣнѣ примурованные винокурня и поварня черепицею жолобчастою вновь крытые; которая черепица извѣстю не укреплена, но только повѣшена; посуда вся, до поварни и винокурни надлежащая, деревянная вновь куплена; дверей здѣлано двое и оконъ двое.

7. По лѣвую сторону оныхъ же болшихъ конюшеныхъ воротъ, къ показаной Страшкевичовской оградѣ вновь пристроено: стайню, возовню и чуланъ для упряжи, на которыхъ крышка дряничная, воротъ въ нихъ двое, а двери одни.

8. Напротивъ такихъ же самыхъ на конюшенной дворъ уѣздныхъ воротъ на 18 шаговъ стоитъ ограда другого мѣщанина виленского Дорофѣевича; къ которой оградѣ вновь пристроено избъ три и повѣть для дровъ. Зъ которыхъ избъ одна гостинная съ чуланомъ, другая служительская съ чуланомъ же, а третая мыльня; въ оныхъ келіяхъ печей зеленыхъ 2, дверей 7, оконъ 8; всѣ три избы и повѣть крыти черепицею плоскою, которая извѣстю не укрѣплена, но только повѣшена.

9. Посреди помянутаго конюшенного двора имѣется колодязь, въ которомъ вновь здѣланной деревяной зрубъ, на верху крышка и колесо съ двома цебрами.

10. Отъ чола вышъпоказанныхъ старшинскихъ и братерскихъ келій, шаговъ на 8, начинается монастырской огородъ, въ которомъ имѣется должины шаговъ 38 и 3 аршина, ширины шаговъ 22 и 1 аршинъ; весь тотъ огородъ заборомъ новымъ огороженъ; къ оному забору присовокупленъ другой же новый заборъ, здѣланой между вышпомянутыми школами и келіями старшинскими, въ которыхъ имѣются уѣздные въ мужскій монастыръ ворота; надъ тѣми воротами на четырехъ столпахъ крышка и копула малая съ крестомъ вновь здѣлана.

11. У концѣ показаннаго забору огородняго, который продолжается къ городской стѣнѣ, и между стѣною городскою стоитъ каменная пустая и непокрытая колокольня въ три апартаменты, зъ которыхъ на среднемъ апартаментѣ висятъ колоколы называемые: 1, Левъ въ семъсотъ пудовъ излишкомъ; 2, Янъ во сто пудовъ излишкомъ; 3, Варлаамъ въ осьмдесятъ пудовъ; 4, Богословъ въ 60 пудовъ; 5, 6 и 7 небольшіе.

12 Отъ вышозначенныхъ монастырскихъ публичныхъ з Остробрамской улицы уѣздныхъ, между школами и келіями старшинскими находящихся, тро-щитовыхъ воротъ, до самои городской стѣны имѣется шаговъ на 65 въ должину, а отъ ограды помянутаго дѣвичаго монастыря до улицы, прозванной Субочь брамской, саженей 64 въ широту. На семъ мѣстѣ между дѣвичимъ монастыремъ и огородомъ монастырскимъ стоитъ большая каменная Сошествія Святого Духа церковъ, въ должину на 29, въ ширину на $14^1/_2$, а въ высоту на 10 саженей. Въ той церквѣ имѣется храмовъ 3: 1, посреди большій сошествія Святого Духа, называемый Крестоносного братства; 2, южный святого Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, называемый Кромнѣцкій; 3, сѣверный святыхъ равноапостольныхъ царей Константина и Елены, называемый Студенецкій. Тѣ побочные два храмы отдѣляются отъ болшого столпами каменными, внутръ церкви стоящими: южный трома, сѣверный трома; къ помянутого южнаго храма олтарю примурованъ еще съ наружи, на подобіе каплицы, другій малый храмъ святого Симеона столпника; съ приходу въ показанный большій храмъ имѣется каменной притворъ. Во всѣхъ троихъ храмахъ и въ притворѣ сводъ каменной, а въ каплицы потолокъ деревяной;

подъ спудомъ тѣхъ храмовъ находится склеповъ для положенія мертвыхъ тѣлесъ 11, двенадцятый внѣ церкви близъ притвора. Во всей церквѣ дверей внѣшнихъ 8, оконъ 48; модель сооруженія церковнаго какъ звнѣ, такъ и звнутрь, на подобіе римскихъ церквей, и потому зъ приходу въ церковь здѣланы двѣ большіе башни, между которыми въ самомъ верху щитъ, а пониже по сторонамъ два полущитки; на верху церкви отъ южной стороны щитъ единъ, а отъ сѣверной другій, большіе, по подобію пирамидъ высоко здѣланные.

Что именно во всей той церквѣ послѣ пожара, въ 1749 году приключившагося, возобновлено и что вновь построено, слѣдуетъ:

а) Внутръ церковь вся съ каплицею и притворомъ вытинкована, выбѣлена и вверху на сводѣ большаго храма красками, называемыми шварцъ угеръ, терранглика, съ извѣстю мѣшанными, между штукаторскою квадратурою розмаліонана. Полъ весь въ церквѣ, каплици и притворѣ вымощенъ кирпичемъ большимъ квадроватымъ гладкимъ, по здѣшнему называемымъ посацка. Иконостасъ во всѣхъ троихъ помянутыхъ предѣлахъ каменныхъ, на которомъ (где прилично) штукаторская работа и столповъ фальш-мраморныхъ разноцвѣтныхъ 14; такожъ около вратъ большихъ царскихъ фальшъ-мраморъ наведенъ; а въ самомъ верху помянутаго иконостаса зъ гипсу здѣланы особы: Христосъ на крестѣ, подъ крестомъ съ единой стороны Богомати, зъ другой Іоаннъ Богословъ; во всякомъ олтарѣ показаныхъ троихъ предѣловъ имѣется новоздѣланыхъ каменныхъ престоловъ 3, жертвенниковъ три. Посредѣ церкви близъ правого клироса къ столпу придѣланно каменное проповѣдническое мѣсто; внутрь единой башни, которая съ приходу въ церковь по лѣвую сторону стоитъ, здѣланы круглые деревяные сходы на хоры; которые хоры только надъ большими церковными вхожими дверьми имѣются, балясами деревянными огороженные; а съ хоръ тѣжъ показанные сходы пошли вверхъ ажъ до самой капулы помянутой башни; внутрь другой башни, которая по правую сторону стоитъ, отъ полу до самой копулы ничего не имѣется, кромѣ пустаго мѣста на часы. Во всѣй церквѣ здѣлано: дверей деревянныхъ шесть, а протчіе отъ пожара исцѣлили, оконъ 48, подъ китъ краскою зеленою маліованыхъ.

Въ показанное число шести дверей церковныхъ и двападцати склеповыхъ дѣло изъ казны монастырской, а не подрядомъ полотницкого майстера.

β) Сънаружи церковь вся съ каплицею и притворомъ отинкована, побѣлена вышъ помянутыми съ извѣстю мѣшаными красками; около дверей, оконъ и на заломахъ каменныхъ розмаліована мало нѣчто штукаторіею; зъ приходу на вышъпомянутыхъ двоихъ башняхъ и щитъ между оными башнями, на которомъ гербъ Россійской въ небольшомъ лявровомъ коопередиментѣ штукаторіею жъ выдѣланъ, роскрашенъ. Строеніе деревянное на всей церквѣ подъ крышку черепичастую здѣлано крѣпко, надеждно и по надлежащему. Какъ самый большій храмъ, начавъ въ должину отъ часто поминаемыхъ башень до самого конца алтаря, а въ ширину отъ прежде показанного южнаго щита до сѣвернаго, на подобіе креста, такъ и другіе подобные низшіе два предѣлы съ олтарами своими, каплица, притворъ, надъдверники, приоконки и всѣ езимсы покриты суть жолобчастою доброю черепицею; а двоихъ переднихъ башень копулы, около копулъ небольшіе галки, въ самомъ верху башень между копулами большой гербовой щитъ, пониже при тѣхъ же башняхъ побочные прищитки, южной и сѣверной большіе щиты, на большомъ олтарѣ и притворѣ маленькіе копулки, всѣ бѣлою жестю побитые, крестами небольшими позолоченными и краскою зеленою помаліованными украшенные, опрочь копулки на притворѣ, на которой, во мѣсто креста, Духъ Святый въ лучахъ позолоченыхъ пядей на три. На всей церквѣ для дождя жолобовъ 6, жестю пообиванныхъ.

13. Монастыря сего благочестиваго камяницъ въ городѣ Вильнѣ имѣется пять лавокъ, 5 пустыхъ мѣстъ для огородовъ, на зарѣчной мызѣ 10, съ которыхъ приходитъ всей наемной суммы въ годъ талярей 45. Понеже камяницы и лавки по воспослѣдовавшемъ въ 1749 году пожарѣ не съ казны монастырской, но отъ жильцовъ возобновлены, которое свое возобновленіе зачитая, жильцы въ годовую наемную сумму даютъ только половину денегъ въ монастыръ, противу суммы прежде пожара бывой.

14. Книги русскіе, жалованные изъ Святѣйшаго Синода, и все добро здѣшное церковное и монастырское принялъ я отъ его преподобія отца старшого игумена Сильвестра Добрины по силѣ реестра, руками братства и братіи подписаннаго, въ цѣлости.

Показаніе

Деньгамъ, которые его преподобіе отецъ старшій игуменъ Сѵлвестръ Добрына на Виленской благочестивой монастыръ въ разныхъ годѣхъ собралъ:

1749 года, Сентября 25 дня. Въ переѣздѣ его съ Вильни до Москвы отъ Преосвященного Смоленского жаловано 100 руб.

Ноября 23 дня. Зъ Синодальной канцеляріи опредѣленныхъ за 1748 и 1749 годъ выдано въ Москвѣ 200 руб.

За пріѣздъ, отъѣздъ и на прокормленіе 91 руб. 28 коп. 1 ден.

1750 года, Марта 24 дня. Отъ покойнаго Преосвященного Санктпетербургского Ѳеодосія жаловано 200 руб.

1751 года, Генвара 21 дня. Зъ Синодальной канцеляріи за 1750 годъ 100 руб.

Іюля 10 дня. Отъ ихъ Преосвященствъ Московского и Коломенского и другихъ съ книгою шнурозапечатанною, 1751 года Іюля 1 д. въ Петѣрѣ выданною, собралъ 50 руб.

1752 года, Генваря 17 дня. Зъ Синодальной канцеляріи за 1751 годъ 100 руб.

Зъ тоей же канцеляріи на прокормленіе 91 руб. 28 коп. 1 ден.

Априля 25 дня. Отъ Его Преосвященства Серапіона жаловано 100 червон.

1754 года, Ноября 19 дня. Зъ Синодальной канцеляріи за 1752 и 1753 годъ 200 руб.

Съ тоей же канцеляріи на прокормленіе 91 руб. 28 коп. 1 ден.

Всѣхъ денегъ въ приходѣ 100 червон. 1223 руб. 85 коп. 1 ден.

Расходъ тоеже самой суммы.

1749 года, декабря 19 дня. Іеромонаху Іннокентію Болдышевскому, отпущенному зъ деньгами въ монастырь съ Москвы до Вильни, на путевое содержаніе 24 руб. 55 к.

1751 года, генвара 12 дня. Звощику, который зъ Риги въ Петербургъ іеромонаха Болдышевского да Климента Козловского, игумена Сурдецкого, привезъ, 10 р.

Генвара 26 дня. Томужъ Клименту, отъѣзжающему съ книгою для испрошенія милостини, на платья и путевое содержаніе 22 руб. 20 коп.

Генвара 27 дня. На уплату долговъ помянутого Болдышевского, занятыхъ въ Риги, 10 руб.

Ему жъ Болдышевскому на путевое содержаніе съ Пѣтеро до Вильни 20 руб.

Априля 10 дня. Звощику, которой іеродіякона Ѳеофана Томашевскаго зъ Риги въ Пѣтеръ привезъ, 10 руб.

1752 года, Іюня 30 дня. За большой портретъ Ея Императорскаго Величества Всероссійской 10 руб.

За другой печатной 1 руб. 20 коп.

За двнадцять печатныхъ же портретовъ всероссійскихъ Государей 3 руб. 60 коп.

Его Преподобіе отецъ старшій издержалъ на свой отъѣздъ, пріѣздъ, прокормленіе и другіе необходимые нужды въ годѣхъ:

въ 1749-мъ—	55 руб.	64 коп.	1 денеж.
» 1750-мъ—	55 »	96 »	
» 1751-мъ—	52 »	3 »	
» 1752-мъ—	51 »	93 »	
» 1754-мъ—	82 »	76 »	

На препитаніе троихъ виленскихъ монаховъ Климента, Інокентія и Ѳеофана въ бытность ихъ въ Пѣтерѣ—7 руб. 13 коп. 1 денеж.

На служителей чрезъ всѣ пять годъ—26 руб. 28 коп.

Всѣй суммы въ расходѣ—442 руб. 29 коп. Въ остаткѣ—781 руб. 56 коп.

Показанную остальную сумму его преподобіе отецъ старшій, отмѣнивъ на червонцы (червонецъ считая по $27^1/_2$ к.), отдалъ въ казну монастырскую 344 червон.

Притомъ и вышпомянутые, отъ Преосвященнаго Серапіона на виленскій монастыръ жалованные, 100 червон. вступили въ казну въ цѣлости.

Отдано отцемъ старшимъ въ казну всей суммы 444 червон.

Показаніе

деньгамъ, которые на тотъ же виленскій монастырь отецъ игуменъ Сурдецкій Климентъ Козловскій съ двома книгами, для записки подаваемой отъ христолюбцовъ милостини выданными, собралъ.

Съ первою книгою шнурозапечатанною ему, Клименту, при Указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго

Синода, 1751 году Генвара 28 д. въ Санктпетербургѣ выданною, испросилъ онъ чрезъ цѣлой тотъ годъ во всероссійской имперіи городѣхъ денегъ (какъ изъ саморучныхъ въ той же книгѣ христолюбцовъ записовъ показуется) числомъ 1518 руб. 61 коп.

Съ другою книгою, емужъ, Клименту, отъ Московской Святѣйшого Правительствующого Синода Конторы за синодальною сургучевою печатью 1752 году Февраля 21 д. въ Москвѣ данною, собралъ онъ, Климентъ, въ городѣхъ всероссійского Государства милостинной суммы (какъ саморучные въ той же книгѣ доброхотнодателей записки свидѣтельствуетъ) числомъ 399 руб. 37 коп.

Всѣхъ милостинныхъ имъ, Климентомъ, собранныхъ денегъ 1917 руб. 98 коп.

Расходъ той же самой суммы.

Чрезъ помянутые два года издержалъ онъ, Климентъ, на отъѣздъ, пріѣздъ и прекормленіе (какъ изъ саморучныхъ реестровъ его показуетъ) денегъ 303 руб. 71 коп. 1 денеж.

У него, Климента, въ остатки было 1614 руб. 26 коп. 1 денеж.

Которую рублевую сумму онъ, игуменъ, отмѣнивъ на червонцы (червонецъ считая по $27^1/_2$ коп. по его жъ сказки), въ казну отдалъ 704 червон.

А его преподобіемъ отцемъ старшимъ собранныхъ милостинныхъ денегъ (какъ вышше упомянуто) въ казну вступило 444 червон.

Обоихъ показанныхъ милостинныхъ суммъ въ казну отдано въ цѣлости 1148 червон.

Съ которыхъ издержано на построеніе и возобновленіе монастырское 340 червон.

Съ 1749 года по 1756 годъ на тяжбы въ судахъ Литовскихъ 203 червон.

На расходъ монастырскій самонужнѣйшій 575 червон.

Въ расходѣ всего 1118 червон. Въ остатки 30 червон.

Показаніе

Суммы, которая отъ Ея Императорскаго Величества на возобновленіе благочестивой виленской церкви Всемилостивѣйше пожалованная, а именно, 6000 руб.

Этая вся сумма переведена отцемъ старшимъ Сильвестромъ Добриною въ Риги на 2696 червон. и въ казну монастырскую въ цѣлости отдана.

Которой суммы расходъ.

Архитектону Ивану Гловбицу пятьма ратами по симъ контракту (которой тутъ же сообщается) уплочено 5000 талярей битыхъ; всякой раты за 1000 талярей давано ему по 463 червонцы, золотыхъ польскихъ 5 и грошей 16; съ тѣхъ пяти ратъ выходитъ всей суммы 2316 червоныхъ, съ которой вычитавъ 51 червоный за принятый Гловбицемъ монастырской прежде по контракту заготованный матеріялъ, уплачено ему, майстеру, 10 золот. пол. 12 грош.

Плотницкому майстеру Андрею Бандишу чтырма ратами по силѣ контракту (которой тутъ же сообщается) уплачено 4000 золотыхъ польскихъ, а на таляры битые 500 талярей всякой раты, за 1000 золотыхъ польскихъ давано ему по 58 червонцовъ; съ которыхъ чтырехъ ратъ выходитъ всей суммы 232 червон.

На самонужнѣйшую церковную утварь 91 червон. 2 злот. пол. 13 грош.

Рижскому присяжному маклеру Генрику Янковичу (которого и саморучная подписка тутъ же сообщается) за отмѣнку помянутой шестотысящнорублевой суммы на 2696 червонцовъ дано 6 червон.

Всего въ расходѣ 2585 червон. 12 золот. пол. 25 грош. Въ остатки 110 червон. 4 золот. пол. 5 грош.

Всѣхъ осталось денегъ въ казнѣ монастырской зъ суммы Всемилостивѣйше пожалованной 110 червон. 4 злот. пол. 5 грош.

Да изъ суммы милостинной, его преподобіемъ отцемъ старшимъ Сильвестромъ Добрыною и частопоминаемымъ игуменомъ Сурдецкимъ Климентомъ Козловскимъ собранной, такожъ (какъ вышше показано) осталось 30 червон. Всего 140 червон. 4 злот. пол. 5 грош.

Съ которой остальной суммы сего 1756 году издержано:

На Ассесорію до Брестя Литовского 37 червон.

На Трибуналъ до Минска 23 червон.

Всего 60 червон. Осталось въ казнѣ 80 червон. 4 злот. пол. 5 грош.

Которые 80 червонцовъ въ самонужнѣйшій монастырскій расходъ употреблены, какъ изъ вѣрно записной книги показуется.

Что построеніе и возобновленіе церкви монастыря сего благочестиваго вѣрно здѣсь описано и что всѣхъ выше показанныхъ денежныхъ суммъ щетъ по записнымъ книгамъ и вѣроятнымъ документамъ производимъ былъ, въ томъ своеручно подписуюся.

Монастыря виленского благочестиваго старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ.

Августа 18 д. 1756 году. Вильня.

---

4) По дѣлу о скарбцѣ виленского монастыря Свято-Духова церковномъ представлено отъ духовной Консисторіи и Его Преосвященствомъ 12 сентября 1761 года подтверждено мнѣніе, въ которомъ, по прописки всего оного дѣла, написано:

А понеже, по прописанному іеромонаха Ѳеофана отвѣту, ко взысканію истины и къ учиненію надлежащаго по сему дѣлу разсмотрѣніе и рѣшенія духовной Консисторіи потребно вѣдать: подлѣнно ль сребру и золоту, отъ оного Ѳеофана проданному, таковъ былъ вѣсъ, проба и оцѣнка; такожъ и камичкамъ дорогимъ оцѣнка жъ такова ль была, какъ отъ него, Ѳеофана, въ оном отвѣтѣ прописано; и подлинно ль перла, отъ него, Ѳеофана, описанные лупущими и бѣлостекляными, были лупущіе и бѣлостекляные, а не правдивые; и прописанные имъ, Ѳеофаномъ, камычки простыми, были простыи, а не дорогіи; и столько ль вѣсомъ перлъ и кораліовъ; и такая ль тому всему оцѣнка была; и по той ли цѣнѣ тое все продано, какъ отъ него, Ѳеофана, въ томъ же отвѣтѣ показано; и по общебратственному ль приговору и письменному ль тое все продано; и для какой благословенной нужды, для той ли, которая отъ него, Ѳеофана, показана, или для другой какой, и для какой именно; токожъ вся ль сполна за тое проданное сребро, золото, перла, камички, корали и прочое собраная денежная сумма въ казну виленского монастыра вступила; и вся ль та сумма на подчинку виленского монастыра, церкви и школъ издержана; и что именно въ той церквѣ подчинено; и не можно ль было безъ починки того обойтись или не можно ль было

меньшимъ числомъ денегъ безъ всякихъ излишествъ оную церковь и школы въ совершенство привесть?—Того ради приложили мнѣніе: о всемъ томъ и прочемъ противъ показанія его, Ѳеофана, того виленского монастыря старшому игумену іеромонаху Сиѳу справитись съ бывымъ виленского монастыря намѣстникомъ, который нынѣ въ Грозовскомъ, къ виленскому старшинству принадлежащемъ, монастырѣ игуменомъ, Варлаамомъ Владычкою, да съ бывымъ виленского монастыря проповѣдникомъ, который нынѣ въ Мѣнскомъ, виленскому старшенству подсудственномъ, монастырѣ игуменемъ, Николаемъ Данилевскимъ, и зъ братіею того виленского монастыря, такожъ зъ братствомъ и майстрами: сребряникомъ Іоганомъ Зизманомъ да юбилеромъ Томасомъ Гилсою, и зъ бывшими на церковной работѣ майстерами, а при томъ съ приходными и расходными книгами и зъ другими записями, не пропуская ничего, чтобы могло служить къ разсмотрѣнію сего дѣла. И о томъ къ нему, старшому Сиѳу, Ея Императорскаго Величества указъ изъ духовной Консисторіи послать, при коемъ и съ онаго его, Ѳеофана, отвѣтного доношенія и съ показанія, подъ третимъ № приложеного, копіи, а города Вильни цѣновщиковъ Іоганна Зизмана и Томаса Гильсе оцѣнку, нѣмецкимъ діалектомъ писанную, въ оригиналѣ оставивъ, съ ней копію отправить и велѣть, что по той справки явится, тое все письменно, отъ кого слѣдуетъ, взявъ и обстоятельно изслѣдовавъ въ Духовную Консисторію къ разсмотрѣнію прислать при доношеніи. На мнѣніи подписались:

Самуилъ, архимандритъ Кіево-Брацкій.
Кіево-Петропавловскаго монастыря игуменъ Іосифъ.
Намѣстникъ Кіево-Подольскій іерей Іаковъ,
Судовый писарь іеромонахъ Іаковъ,
Канцеляристъ іеродіаконъ Петръ.

Въ силѣ такова опредѣленія указъ изъ Духовной Консисторіи къ старшому виленскому игумену Сиѳу—12 сентября 1761 года посланъ подъ № 1306.

XXIX.

Отвѣтное донесеніе іеромонаха Θеофана Леонтовича въ Кіевскую духовную консисторію по поводу жалобъ на него какъ со стороны православныхъ (его превмника по управленію виленскимъ монастыремъ Авраама Фліоринскаго и минскаго игумена Θеофана Яворскаго), такъ и со стороны латинянъ (виленскаго бискупа Зенкевича).

1761 г. іюня 20.

Въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторію

покорнѣйшее отвѣтное доношеніе

отъ бывого виленского старшого іеромонаха Θеофана Леонтовича Дорумина—

о жалобахъ съ Польщи отъ виленского епископа Михаила Зѣнковича, отъ минского игумена Θеофана Яворского, такожде отъ виленского старшого Авраама Фліоринского, и объ указахъ Святѣйшого Правительствующаго Сѵнода по предъявленнымъ на іеромонаха Θеофана жалобамъ, состоявшихся въ сицевыхъ терминахъ.

Указомъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія, въ духовной метрополіи Кіевскія консисторіи августа 31 дня 1759 года состоявшимся, а мною нижайшимъ сентября 6 дня тогожъ 1759 года полученнымъ, предложено: духовная митрополіи Кіевскія консисторія, слушавъ троихъ указовъ Ея Императорскаго Величества въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ, къ Преосвященному Арсенію, архіепископу митрополиту Кіевскому и Галицкому и Малыя Россіи, едного Генваря 9, другаго Февраля 5, а третого Марта 18 числъ 1759 года состоявшихся, а его Преосвященствомъ, разныхъ мѣсяцей и числъ тогожъ года полученныхъ,—въ коихъ изображено:

Въ первомъ: По указу Ея Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, слушавъ присланного отъ обрѣтающагося Польской области въ благочестивомъ виленскомъ Святодуховомъ монастырѣ старшого іеромонаха Авраама Фліоринского ноября отъ 9, полученнаго тамо декабра 11 дня, доношенія, которымъ на мене, сверхъ прежде присланного егожъ, Фліоринского, отъ Его Преосвященства 1758 года, Іюня 17 числа, доношенія жъ, вновь представлено:

коимъ образомъ я, по прибытіи на мѣсто мое въ тотъ виленскій монастыръ его, Фліоринского, старшимъ съ указомъ, не хотя ему, старшому Фліоринскому, ничего (церковного и монастырского) по указу здать, сказуя, что напрасно мене смѣняютъ, и имѣю я отъ жалобъ поѣхавши очистится, увѣщевалъ его, Фліоринского, дабы онъ у мене ничего не требовалъ и, будучи въ Вильнѣ, назывался каковымъ либо коммисіянтомъ, а не старшимъ. И когда онъ, Фліоринскій, не смотря на то, настоялъ на мене о непременномъ исполненіи указа, то де я отозвался съ тѣмъ: будетъ не только Вильня, но и весь свѣтъ знать, ежели что похощетъ онъ, Фліоринскій, насильно со мною здѣлать; изъ чего де слѣдовало ему, Фліоринскому, надѣятся чего худшаго. И такъ де я, не здавши ему, Фліоринскому, ни архивы, ни скарбця церковнаго, ни хозяйства, ничего, забралъ съ собою Высокомонаршія граммоты и другіе дѣла, не оставя тому забранію никакого вида. Хотя же де онъ, Фліоринскій, имѣющейся съ церковнымъ сребромъ скарбецъ, во время бытности моей, имѣлъ случай видѣть; однакожъ де я, не давъ ему ничего пересмотрѣть, замкнулъ и ключи съ собоюжъ увезъ, и въ томъ скарбцѣ оставилъ ли что или нѣтъ, не извѣстно. А изъ харчевыхъ принасовъ ничего онъ, Фліоринскій, не засталъ, кромѣ муки ржаной болѣе ста четвертей; но и оную де я тайно отъ него, Фліоринскаго, продалъ и, взявши за оную пятьсотъ таляровъ, ему, Фліоринскому, на расходы только сто таляревъ далъ, которой де муки (какъ посля онъ, Фліоринскій, увѣдомился) и болѣе было, но до пріизду его я часть продалъ; коей де взято мною въ долгъ у шляхтича Мицевича за тысячу таляревъ; и тако де я, вмѣсто муки, толь знатной долгъ оставилъ. И не только того долгу но облику оной шлтхтичъ домагается; но уже и въ судъ запозвалъ, и декретъ одержалъ на заѣздъ добръ монастырскихъ; а за другимъ или третимъ, по обыкновенію ихъ, и дѣйствительно заѣдетъ.

Хотяжъ де думалъ онъ, старшій Фліоринскій, зъ братіею пожившится съ монастыровъ, виленскому подчиненыхъ; но и оные, бывши въ нихъ, въ такомъ же, какъ и виленскій монастырь, запустеніи засталъ. Почему необходимо онъ же, Фліоринскій, принужденъ былъ, еще занявши нѣсколько десятковъ талярей, самобѣднѣйше зъ братіею находится, покупая дрова, соль, хлѣбъ и прочее,—безъ чего крайне обойтись нельзя. И для того просилъ, въ прописанныхъ нестерпимыхъ нуждахъ, высокомилостивого разсмотрѣнія и помощи: ибо де

далѣе ни братіи самонужной къ священнослуженію удержать, ни самому ему тамо быть невозможно.

А понеже я, по прибытіи въ Санктпетербургъ, съ произведеннымъ мнѣ въ Святѣйшемъ Синодѣ, противъ означенного, присланного отъ его Преосвященства, доношенія, подлиннымъ допросомъ, по показанію моему въ ономъ нѣкоторыхъ, яко поважныхъ, терминовъ къ надлежащему разсмотрѣнію отосланъ изъ Святѣйшого Правительствующаго Сунода при указѣ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ Іюля 16 дня тогожъ 758 года; помянутыя жъ, увезенныя со мною изъ виленского монастыря, жалованныя три граммоты и отъ церковнаго скарбца ключи у мене въ Святѣйшій Сунодъ отобраны. И потомъ зъ Святѣйшого Сунода посланнымъ въ тую Коллегію отъ 9 дня октября указомъ требовано, дабы, по имѣющемуся во оной Коллегіи о мнѣ дѣлу, надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинено и Святѣйшему Суноду увѣдомленіе сообщено было непродолжительно; токмо на то никакого увѣдомленія въ Святѣйшій Сунодъ не получено и мене обратно съ той Коллегіи не прислано.

Того ради приказали: въ реченную Коллегію иностранныхъ дѣлъ послать Ея Императорскаго Величества указъ, и посланъ, коимъ требовано: ежели до мене по той коллегіи нынѣ дальшей къ важности слѣдующей нужды не находится, тобъ я, для надлежащаго по выше прописаннымъ его Преосвященства, яко епархіального своего архіерея, и виленского старшого представленіямъ и по приносимымъ жалобамъ о показанномъ, касающемся до мене, яко немаломъ, церковномъ и монастырскомъ интересѣ и починенныхъ мною непристойныхъ поступкахъ слѣдствія и ко отысканію онаго интереса присланъ былъ въ Святѣйшій Правительствующій Сунодъ неукоснительно, и сверхъ того, въ защищеніе и охранность реченного виленского благочестивого Святодухова монастыря, соблаговолила бы оная же коллегія иностранныхъ дѣлъ и пребывающему въ Польще здѣшнему министру, съ надлежащимъ изъясненіемъ, предложить письмянно, дабы онъ пристойнымъ образомъ употребилъ у Королевско-польского двора и у министерства, и въ тамошнихъ судахъ (гдѣ надлежитъ) найсильнѣйшее исходатайствованіе и повелѣніе, чтобъ вышеупомянутой въ доношеніи старшого виленского Фліоринского, тамошняго шляхтича Мицевича состоящей долговой претенсіи, судомъ и взысканіемъ оной неповинно съ оного монастыря и съ того старшого съ братствомъ,

до надлежащаго обо мнѣ, яко въ томъ, по тому жь онаго старшого Фліоринского обьявленію, самою причиною находящагося разсмотрѣнія и опредѣленія, соблаговолено было удержаться и въ томъ же бы до того времени никаковыхъ взысканій и позывовъ и во оной монастыръ и по того старшого Фліоринского съ братствомъ посылокъ и прочихъ обидъ и утѣсненій не чинить, и монастырскихъ добръ не отнимать, дабы отъ того оному монастырю и старшому съ братствомъ, яко невиннымъ той претенсіи, напрасного и несноснаго убытка и крайняго разоренія приключится не могло,—и что о томъ воспослѣдуетъ безъ увѣдомленія Святѣйшій Сунодъ не оставить.

Въ другомъ: по Указу Ея Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, слушавъ взнесеннаго коллегіи иностранныхъ дѣлъ на посланные во оную Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода указы обо мнѣ, отосланномъ въ тую жъ коллегію, къ надлежащему о показываныхъ мною тамошнихъ заграничныхъ, до благочестія касающихся, обстоятельствахъ разсмотрѣнію, во отвѣтъ доношенія, коимъ между прочаго представлено, что оной коллегіи нынѣ до мене никакой потребности нѣтъ, и по представленію его Преосвященства можно мене нынѣ къ его Преосвященству отправить; а что де касается до учиненыхъ мною по дѣлу о находящихся въ Польще и Литвѣ грекороссійского закона людехъ въ поданномъ отъ мене въ коллегію доношеніи (съ коего при томъ приложена копія съ слѣдующими къ тому подлинными предложеніями и учиненными съ нѣкоторыхъ изъ нихъ переводами) пространныхъ представленій: то де оныя въ той коллегіи уже разсмотрѣны и, по разсужденію оной же коллегіи, всѣ тѣ представленныя мною неумѣренныя средства, за показанными въ томъ доношеніи резонами, отнюдь въ дѣйство произведены быть не могутъ, развѣ не излишне бъ было приказать нынѣ назначенную мною въ доношеніи моемъ, отъ имени грекороссійскія въ Польще церкви, жалобу на латинскомъ или польскомъ языки въ запасъ мнѣ, Леонтовичу, сочинить и на апробацію Святѣйшему Суноду представить.

А понеже присланными въ Святѣйшій Правительствующій Сунодъ отъ его Преосвященства и помянутого виленского монастыря на мѣсто мое опредѣленнаго старшого Авраама Фліоринского доношеніями представлено на мене, что я, въ силу посланныхъ изъ Святѣйшаго Сунода указовъ, не здавъ тому виленскому старшому Фліоринскому по на-

длежащему монастыря и церковныхъ и монастырскихъ вещей, и денежной и протчей казны, и протчагожъ ничего по описямъ, и не давъ ни вчемъ, что у мене въ вѣдомствѣ церковного и монастырского добра имѣлось, никакого отчета, и забравши своевольно ис того виленского монастыря отъ церковного скарбця ключи и данныя во оной монастырь Высокомонаршія жалованныя въ 1703-мъ, 1708-мъ и въ 1733 годѣхъ оригинальныя граммоты и еще нѣсколько монастырского (о чемъ въ доношеніи старшого Фліоринского значитъ), не оставя тому взятому и оставшему въ монастырѣ ни малѣйшаго письменнаго вида, увезъ съ собою и, меновавъ Его Преосвященство, яко епархіального своего архіерея, въ силу посланныхъ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Сѵнода указовъ, не явясь его Преосвященству, безъ всякого дозволѣнія въ Санктпетербургъ пріѣхалъ; что я явновиднымъ (по доношенію того жъ старшого Фліоринского) небреженіемъ означенной монастырь и приписные подчиненные ему тамошнія жъ монастыри въ немалое оскудѣніе и истощаніе превелъ; продавши собою изъ оного виленского моцастыря нѣсколько хлѣба, полученныя деньги почти всѣ у себя оставилъ и, сверхъ того, еще за взятой хлѣбъ тамошняго шляхтича Мицевича долгу с тысячу таляревъ на томъ же виленскомъ монастырѣ оставилъ съ великою происходящею по жалобамъ того шляхтича въ отысканіи оной его долговой суммы отъ тамошнихъ судовъ упоминаемому виленскому жъ монастырю и старшему съ братствомъ турбаціею, какъ о томъ и о другихъ моихъ же поступкахъ пространнѣе въ томъ же старшого Фліоринского доношеніи явствуетъ.

Напротивъ чего, хотя и я нынѣ чрезъ поданное Святѣйшему Сѵноду доношеніе, во оправданіе мое, нѣкоторыя резоны представляю, а о другихъ, въ доношеніи оного жъ Фліоринского показанныхъ, термѣнахъ, въ томъ числѣ о долговой шляхтича Мицевича за хлѣбъ тысячно рублевой суммѣ и о прочемъ, весьма умолчалъ и не показалъ; но оное все до надлежащаго и порядочного разсмотрѣнія и разобранія и рѣшенія принадлежитъ его Преосвященства,—того ради приказали учинить слѣдующее:

1. Мене и обьявленное подлинное доношеніе для достодолжнаго о всемъ вышепоказанномъ на мене разсмотрѣнія отправить отъ туда изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода съ пашепортомъ въ Кіевъ къ его Преосвященству, со взятіемъ съ мене (дабы я болѣе тамо не

продолжался и въ пути, слѣдуя настоящимъ трактомъ, гдѣ не медлѣлъ и въ стороны никуды не совращался, но, прибывъ бы прямо въ Кіевъ, явился его Преосвященству непремѣнно) надлежащаго обязательства, и отправленъ.

2. Для надежнѣйшого его Преосвященству препорученія, какъ означенной посылаемой изъ Святѣйшого Сѵнода съ доношеніемъ указъ, по запечатаніи въ ковертѣ, такожъ и вышеобъявленныя, взятыя изъ виленского монастыря мною и по отобраніи тамо у мене имѣющіяся въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, оного монастыря жалованныя подлинныя три граммоты и отъ церковного скарбця ключи, послать въ Кіевъ къ его Преосвященству съ Царяконстантиновской церкви священникомъ Василіемъ Дечинскимъ, придавъ ему для лутшаго тѣхъ граммотъ охраненія сѵнодального солдата; Его же Преосвященству помянутыя три граммоты и ключи отправить съ Кіева, зъ надежно случайною оказіею, въ показанной виленской монастырь къ старшому съ братіею; а оного посланного солдата, съ достодолжнымъ о полученіи репортомъ, отпустить въ Санктпетербургъ въ Святѣйшій Сѵнодъ обратно.

3. Для произду отъ Санкпетербурга до Кіева настоящимъ трактомъ, дать за указные прогоны ямскихъ подводъ іеромонаху Леонтовичу двѣ; солдату же съ возвращеніемъ изъ Кіева туда одну подводу; за которые на платежъ указныхъ прогоновъ выдано мнѣ и сержанту Вяткину изъ положенной по штату на канцелярскія Святѣйшаго Сѵнода расходы казны денегъ тридцять шесть рублевъ восемь копѣекъ; да мнѣ же на съѣдъ и на путевыя нужды, двадцать рублевъ изъ наличной синодальной штатной суммы съ расписками.

4. Его же Преосвященству, по прибытіи моемъ, о мнѣ надлежащее по вышепрописаннымъ касающимся до мене обстоятельствамъ разсмотрѣніе учинить, въ силу святыхъ правилъ духовнаго регламента и высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ, и, что у него будетъ, Святѣйшему Сѵноду отрепортовать. А между тѣмъ мнѣ быть на подлежащемъ содержаніи при его Преосвященствѣ. И егда я по дѣламъ моимъ во всемъ очищуся, то дать мнѣ пристойное мѣсто, по разсмотрѣнію его Преосвященства.

5. А между тѣмъ велѣть же мнѣ, по означенному въ доношеніи Коллегіи иностранныхъ дѣлъ представленію, вышепомянутую жалобу, не разглашая и не объявляя никому, сочинить, подъ особливымъ его Преосвященства наблюденіемъ благопристойнымъ образомъ въ

подлежащихъ термѣнахъ твердо и ясно, основательно и доказательно, съ вѣроятными доводами, порядочно и политично, со всякою умѣренностію.

Потомъ уже оное мое сочиненіе разсмотря, его Преосвященству во всемъ испытно, буди никаковаго въ немъ сумнительства и противнаго не обращется, при доношеніи своемъ и разсмотрѣніи прислать съ вѣрною оказіею въ Святѣйшій Синодъ.

Въ третомъ: По указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, разсуждая, что по состоявшемуся генваря 29 Святѣйшаго Сунода опредѣленію и по посланному изъ онаго къ его Преосвященству февраля отъ 5 чиселъ 1759 года указу велено о причиненныхъ состоящему въ польской области Города Вильны благочестивому Святодухову монастырю мною убыткахъ и о прочемъ достодолжное разсмотреніе и рѣшеніе учинить его Преосвященству; для того мене изъ Санктпетербурга отъ Святѣйшаго Синода съ пашепортомъ отправить къ его Преосвященству въ Кіевъ, и отправленъ. А понеже февраля 12 дня сего жъ 1759 года присланнымъ Святейшему Суноду нынѣ обрѣтающейся въ помянутомъ виленскомъ Свято-Духовѣ монастырѣ старшій іеромонахъ Авраамъ Фліоринскій изъ Риги, сверхъ прежде присланнаго своего, ноября отъ 9, 758 года, о причиненныхъ тому монастырю мною убыткахъ и о прочемъ доношенія, доношеніемъ же представилъ, яко за заведенный мною на виленскій монастырь долгъ въ тысячи талярахъ польскихъ и далѣе состоящій, тамошніе люди отъ монастыря денегъ по облику требуютъ неотступно, а за неплатежъ и ксуду запозвали и одержали декретъ на вичистые монастырскіи добра; къ томужъ де (монастыри), надлежащіе подвѣдомству виленскаго монастыря жъ, всѣ обветшели, розорились и опустѣли и требуютъ репараціи, а начать крайне нечимъ, просилъ какъ ему въ томъ, а паче съ помянутымъ долгомъ (коему остатній по декрету надходитъ срокъ въ слѣдующемъ сего года априлѣ) поступить, резолюціи; которой де, яко необходимо нужной, дожидатся будетъ въ Риги, гдѣ и жалованную милостыню принять имѣетъ По справки же въ канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода по состоявшемуся имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, данному Святѣйшему Синоду априля 24 числа 1752 года, указу на возобновленіе погорѣвшаго объявленного виленскаго

монастыря Всемилостивѣйше пожаловано изъ синодальной казны шесть тысячъ рублевъ, которые въ тотъ монастыръ прежде бывшимъ старшимъ Сильвестромъ Добриною дѣйствительно получены.

Такожъ опредѣленное, по силѣ жалованныхъ въ тотъ виленскій монастырь Высокомонаршихъ грамотъ и по учиненному палятинскому (sic) штату, милостинное Ея Императорскаго Величества по сту рублевъ на годъ жалованье и слѣдующіе въ награжденіе за пріѣздъ и отъѣздъ и на подводы деньги за прошедшія всѣ года отъ Святѣйшаго Сѵнода въ дачу произведены. Въ томъ числѣ послѣдняя предъ симъ дача съ 1754 по сей 1759 годъ, итого на пять лѣтъ — пятьсотъ рублей, изъ Святѣйшаго Сѵнода по поданному, находившагося тамо въ Санктпетербургѣ, онаго же виленскаго монастыря намѣстника іеромонаха Самуила, 1759 году сентября 28 дня доношенію, а по опредѣленію Святейшаго Правительствующаго Синода къ препорученію означенному виленскому старшому Аврааму Фліоринскому выдано Санктпетербургскому почтъ-директору Ашу; а вмѣсто того взята съ помянутаго Аша ассигнація, которая при указѣ изъ Святѣйшаго Сѵнода къ нему, старшому Фліоринскому, съ вышепомянутымъ виленскимъ намѣстникомъ іеромонахомъ Самуиломъ и отправлена, по каковой тѣ деньги, пятьсотъ рублевъ, имъ, старшимъ Фліоринскимъ, какъ въ доношеніи Святѣйшему Сѵноду февраля 16 числа отъ него объявлено, въ Риги уже получены. Приказали учинить слѣдующее: за неимѣніемъ нынѣ, во ономъ виленскомъ монастырѣ, на платежъ вышеозначеннаго числа долговыхъ тысяча таляровъ польскихъ денегъ для настоящей опасности, дабы за оную долговую сумму отъ тамошнихъ судебныхъ мѣстъ по ихъ правамъ и дѣйствительно отъ онаго монастыря принадлежащаго ко владенію монастырскаго добра отобрано не было, и отътого бъ оному виленскаго монастыря всекрайняго разоренія не послѣдовало въ разсужденіи той всекрайнѣйшей нужды для платежа оныхъ долговъ положенное по палестискому (sic) штату къ пожалованнымъ грамотамъ во оной же монастырь милостинное жалованье произвесть отъ нынешняго 1759 по будущій 1769 годъ, итого на десять лѣтъ, по сту рублевъ, всего тысячу рублевъ, и къ препорученію ему, старшему, іеромонаху Аврааму Фліоринскому, оное денегъ число тысячу рублевъ отданы изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ синодальнаго расходу. Санктпетербургскому купцу въ Ригу на вексель, которыя полу-

ченныя деньги употребить ему, Фліоринскому, во первыхъ, на платежъ вышепомянутой долговой суммы, достальныя же за тѣмъ на монастырскія нужныя потребы и, что происходить будетъ, репортовать

Что же касается до исправленія монастырской ветхости: оную, в чемъ по необходимости самокрайнѣйшая нужда состоитъ и по елику возможно, исправлять ему, старшему Фліоринскому, изъ выше означенной прежде пожалованной отъ Ея Императорскаго Величества шеститысячно-рублевой суммы. Его жъ преосвященству велеть: дабы впредъ онаго виленскаго монастыря какъ нынѣшній, такъ и будущія старшія съ братіею, въ таковыя и въ прочія долги, по всякой возможности, отнюдь не вступали и тѣмъ бы оному монастырю послѣдняго оскуденія и разоренія не приключали; о томъ, ко оному старшему съ братіею накрѣпко указомъ же подтвердить. Коихъ троихъ вышеобявленныхъ, въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ состоявшихся, а его Преосвященствомъ полученныхъ, Ея Императорскаго Величества указовъ сверхъ, тая жъ де духовная митрополіи Кіевскія консисторія предлагаетъ, что по справки въ канцеляріи митрополіи кіевскія явилось:

1. Коимъ образомъ отъ мене, 756 года ноября 18 дня, прислано къ антецессору Его Преосвященства, преосвященному Митрополиту Тимоѳею, о много приключенныхъ мнѣ и монастырю, и братіи, и святому православному благочестію, отъ римлянъ и уніатовъ усильныхъ нападеніяхъ и озлобленіяхъ доношеніе, отъ его же Преосвященства митрополита Тимоѳея тое мое доношеніе въ святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ тогожъ ноября отъ 27 дня послано въ оригиналѣ при доношеніи, съ прошеніемъ о прописанныхъ въ томъ моемъ доношеніи усильныхъ нападеніяхъ и озлобленіяхъ разсмотрѣнія и употребленія ко отвращенію отъ святого благочестія таковыхъ озлобленій благопристойнаго средства, о якихъ, въ доношеніи моемъ прописанныхъ, обидахъ и гоненіяхъ указомъ, въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, августа 7 дня 757 года состоявшимся, и его преосвященствомъ митрополитомъ Тимоѳеемъ, тогожъ года сентября 14 дня полученнымъ, велѣно: подлинно ль оные нападенія и озлобленія въ самомъ дѣлѣ (какъ показано) воспослѣдовали,—для совершеннаго увѣренія того виленского монастыря отъ братіи и отъ православнаго братства и отъ протчихъ посторонних взять за руками

надлежащіе извѣстія; и притомъ же указѣ присланы писанніе на мене къ здѣшнимъ посланнику Гроссу и къ секретарю посольства Ржичевскому отъ виленского епископа и литовского референдара Масальского о непристойныхъ моихъ поступкахъ и о учиненныхъ въ Вильнѣ тамошнимъ обывателемъ обидахъ представленія, съ коихъ первое епископское къ секретарю посольства Ржичевскому, изъ Вильна отъ 17 дня априля 1757 году въ Варшаву присланное, точно гласитъ:

По титулѣ: «Въ прошломъ 1756 году вы меня обнадеживали, что здѣшній виленскій грекороссійскаго закона игуменъ, о непристойныхъ котораго поступкахъ я въ то время представлялъ, надлежащимъ образомъ предостереженъ будетъ и впредь съ разсужденіемъ пристойно и тихомирно поступать имѣетъ; но сему совсѣмъ противное дѣлается, ибо онъ свое худое поведеніе и продерзости возобновилъ,—о чемъ я принужденъ васъ увѣдомить, а именно:

1. Въ вербное воскресеніе, противъ всякаго обыкновенія и недозволеннымъ образомъ, имѣлъ онъ публичной ходъ чрезъ городъ отъ своей церкви даже до находящейся въ Рибной улицѣ уніатской церкви и, заставши ту церковь заперту, какъ непринадлежащую до его власти, на рынкѣ предъ оною святилъ вербу и другія церемоніи распространялъ съ найвящшею гордостію и неумѣренностію въ свободномъ отправленіи вѣры, чего самые престарѣлые люди не помнятъ. Да ниодинъ изъ игуменовъ, предмѣстниковъ нынѣшняго, не претендовалъ себѣ такой вольности, будучи въ корпусѣ, въ которомъ католическая религія госпюдствуетъ, а притомъ въ главномъ городѣ Литовской провинціи, гдѣ пребываетъ епископъ и гдѣ народъ такой, которому сродная есть ревность, отъ которой конечно бы произошли худые слѣдствія, естли бы моя умѣренность и обѣщанное въ такихъ случаахъ праводушіе народа отъ того не отвлекали.

2. Въ надеждѣ на находящееся въ Вильнѣ россійское войско, безмѣрно во всемъ сталъ онъ отваженъ, каждому гордые угрозы чинитъ и самовластно поступаетъ, какъ то здѣлалось съ купцомъ и здѣшнимъ мѣщаниномъ господиномъ Доманскимъ, къ которому помянутый игуменъ, имѣя претенсіи, но будучи не въ состояніи угрозами по своему желанію во оныхъ предуспѣть, для продолжающейся по нынѣ въ ассесоріи Великого Княжества Литовского ихъ тяжбѣ, наканунѣ самаго Свѣтлого Воскресенія пришелъ къ нему со множествомъ взятыхъ изъ монастыря людей и приказалъ ему дать двѣстѣ ударовъ,

а сыну его пятьдесятъ, отъ которыхъ побоевъ отецъ, какъ старой уже человѣкъ, при смерти лежитъ. Потомъ пошелъ онъ въ лавку того купца и въ оной насильственно всѣ товары самъ собою, не имѣя при себѣ никого изъ магдебургского уряду, въ презрѣніе онаго, своими замками заперъ и своею печатью запечаталъ. И такъ выше реченной купецъ не только поруганъ и избитъ, отъ чего въ опасности живота находится, но и въ имѣніи уронъ претерпѣваетъ, въ чемъ виленскій магистратъ, который особливѣйшія привилегіи имѣетъ, почитая обиду одного изъ своихъ за свою общую, мнѣ, какъ своему протектору, сильныя приносилъ жалобы.

Естли вы изволите подробно разсудить о такой безразсудности сего игумена, противу справедливости и правъ поступающаго, то будте увѣрены, что его конечно изъ Вильни взять надлежитъ для предупрежденія дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій, а на его мѣсто прислать другаго разсудительнаго и такъ смирнаго, каковъ игуменъ непосредственно предъ симъ былъ. Я не сумнѣваюсь, что вы о семъ надлежащее двору своему представленіе учините и въ отвѣтъ на сіе ко мнѣ отписать соизволите, чего ожидая, съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю.»

Второе рефферендарское представленіе къ дѣйствительному штатскому совѣтнику и чрезвычайному посланнику Гросу, изъ Вильни отъ тогожъ 17 апреля и года въ Варшаву присланное, есть слѣдующаго содержанія:

По титулѣ: «Знакомство и благосклонность ваша ко мнѣ подаютъ мнѣ случай писать къ Вашему Превосходительству. Господинъ епископъ виленскій въ письмѣ своемъ къ господину секретарю посольства Ржичевскому, изъяснивъ пространнѣе о жалобахъ и непрстойностяхъ, оказанныхъ игуменомъ здѣшнихъ россійскихъ не-уніатовъ, препоручилъ мнѣ учинить о томъ представленіе Вашему Превосходительству. Я во всемъ ссылаюсь на помянутое письмо, въ которомъ всѣ представленные происшествія съ самою правдою сходственны, а для поданія Вашему Превосходительству о семъ нѣкотораго понятія, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство только о семъ: что означенной игуменъ отважился, противъ всякого добраго порядка, обыкновенія и правъ, чинить въ городѣ по главнымъ улицамъ публичныя процессіи и подъ ложными и маловажными предлогами самъ съ тѣми людьми управляется, къ которымъ онъ нѣкоторую

ненависть имѣетъ. Такожде нарушилъ безопасность гражданъ, правами столь утвержденную, учиня съ служителями своими нападеніе на здѣшней мѣщанской домъ, котораго хозяинъ изъ сыномъ своимъ прутями и палками такъ жестоко мучены, что первой отъ того теперь при смерти боленъ. Но симъ онъ недоволенъ и грозитъ поступить такимъ же образомъ и со многими другими. Ваше Превосходительство можете изъ сего усмотрѣть, сколько оной игуменъ несносенъ; и для того господинъ епископъ виленскій принужденъ просить Ваше Превосходительство, дабы вы по кредиту вашему при Россійскомъ Императорскомъ дворѣ исходотайствовали, чтобъ сей непокойный человѣкъ смѣненъ и другой, нѣсколько добропорядочнѣе оного, на мѣсто его опредѣленъ былъ, ибо надлежитъ опасатся, чтобъ онъ въ простомъ народѣ, жестокими поступками его уже огорченномъ, не произвелъ какого-либо смятенія; я ожидаю отъ Вашего Превосходительства на сіе отвѣта и не сумневаюсь, чтобъ вы не учинили епископу моему какого-нибудь удовольствія въ такомъ дѣлѣ, которое его не мало трогаетъ».

Противъ якихъ отъ виленскаго епископа Зенковича и литовскаго рефферендара Масальскаго представленій тѣмъ же указомъ Его Преосвященству митрополиту Тимоѳею велѣно взять у мене отвѣтъ и съ подобающимъ Его Преосвященства разсужденіемъ представить Святѣйшему Синоду. Коего указа во исполненіе, сентября 19 дня 757 года въ духовной консисторіи опредѣлено послать, и тогожъ года октября 3 дня посланы изъ духовной консисторіи къ игуменамъ заграничныхъ благочестивыхъ монастырей Троецкаго Марковскаго Іакинѳу и Богоявленскаго Кутеинскаго Геннадію, да и братіи Виленскаго монастыря, съ сообщеніемъ съ онаго моего доношенія копій, указы, а къ православному виленскому братству писаніе, дабы они о прописанныхъ въ тѣхъ доношеніяхъ копіяхъ обидахъ и гоненіяхъ, подлинно ль оные въ самомъ дѣлѣ, какъ показано, воспослѣдовали, для совершенного увѣренія за руками надлежащіе извѣстія въ самократчайшемъ времени къ Его Преосвященству митрополиту Тимоѳею прислали, ко мнѣ же послать, и тогожъ 3 дня октября посланъ указъ, съ сообщеніемъ писанныхъ на мене къ онымъ посланнику Гросу и къ секретарю посольства Ржичевскому отъ виленскаго епископа и литовскаго референдара представленій,—и тѣмъ указомъ мнѣ велѣно, дабы я противъ тѣхъ представленій въ самократчайшемъ же времени

отвѣтъ къ Его Преосвященству митрополиту Тимоѳею прислалъ для представленія Святѣйшему Синоду, съ подобающимъ Его Преосвященства разсужденіемъ. Но по тѣмъ указомъ какъ отъ оныхъ игуменовъ Марковскаго Іакинѳа и Кутеинскаго Геннадія, да и отъ братіи виленскаго монастыря, а отъ виленскаго же братства по писанію требованныхъ надлежащихъ за руками извѣстій, такъ и отъ мене по указу на писанные на мене къ онымъ посланнику Гросу и къ секретарю посольства Ржичевскому отъ виленскаго епископа и литовскаго референдара представленія, отвѣта и доселѣ въ присылкѣ нѣтъ.

Что при указѣ въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Сунодѣ 757 года сентября 15 дня состоявшемся, а Его Преосвященствомъ митрополитомъ Тимофѣемъ тогожъ года октября 23 дня полученномъ, прислано копію съ доношенія отъ минскаго игумена Ѳеофана Яворскаго, къ оному посланнику Гросу писанного, съ представленіемъ на мене жалобъ, котораго доношенія точная копія состоитъ въ такой силѣ:

По титулѣ: «Сего текущаго 757 года мая 30 дня, имѣлъ я, нижайшій, особливое щастіе получить для произду моего въ Кіевъ Вашего Превосходительства подлинной пашепортъ, за что всенижайше благодарю. При семъ доношу Вашему Превосходительству, что я принужденъ ѣхать въ Кіевъ по несносной моей обидѣ, а именно, что сего жъ года априля 26 дня отецъ Ѳеофанъ Леонтовичъ, старшій благочестивого виленского монастыря, въ противность граммотамъ и привилегіямъ королевскимъ, причитая себѣ верховную власть надъ благочестивымъ минскимъ монастыремъ, прислалъ съ Вильни монаховъ своихъ единомысленниковъ, чтобъ мене съ минского монастыря до Вильни тайнымъ образомъ похитили; какое видевши я тяжелоносное на себе отъ старшого виленского Леонтовича навожденіе, всего имѣнія моего монашескаго лишась, принужденъ оставить свой минскій и прибылъ въ Пинскъ въ благочестивый монастырь мая 12 дня.

Въ которомъ минскомъ монастырѣ будучи я игуменомъ принялся было за дѣла, благочестивому оному минскому монастырю яко всѣхъ принадлежностей онаго монастыря касающіеся, и по тѣмъ дѣламъ въ судъ вступилъ какъ съ мирскими господами, такъ и зъ духовенствомъ римского и уніятскаго закона; и только было за прилѣжнымъ моимъ старательствомъ время приспѣло, чтобъ всѣ тѣ дѣла въ пользу мин-

ского монастыря къ совершенному рѣшенію и окончанію привесть; но чрезъ причиненное старшимъ виленскимъ Леонтовичемъ, оному минскому монастырю насиліе, а мнѣ самому безчестіе и крайнюю обиду, всѣ вышепоказанные монастырскіе многополѣзные дѣла и мои по тѣмъ дѣламъ долговременные и тяжелоносные труда нынѣ безъ бытности моей вовсе уничтожатся; изъ чего благочестивому оному минскому монастырю имѣетъ въ скорости послѣдовать крайнее бѣдственное разореніе. Тогожъ априля 26 дня настоящаго 757 года онъ же старшій виленскій Леонтовичъ, съ дѣвичего минскаго монастыря, при той же церквѣ святыхъ апостолъ Петра и Павла издревле находящагося, всѣхъ монахинь, и въ томъ числѣ монахиню Анастасію Соболевскую въ Вильню насильно забралъ и вотчину, прозываемую Жабовчизну, издревле по крѣпостямъ и граммотамъ до дѣвичого ихъ минского монастыря принадлежащую, у нихъ монахинь отнялъ, чрезъ что крѣпости блаженныя памяти сооружителей того дѣвичого монастыря и потвердительныя королей польскихъ граммоты вовсе уничтожилъ; а то единственнѣ для того, чтобъ ему, Леонтовичу, самому помянутою дѣвичаго ихъ монастыря вотчиною владѣть. На мѣсто же монахинь, въ Вильно забраныхъ, опредѣлилъ онъ, старшій виленскій Леонтовичъ, жить въ томъ минскомъ дѣвичомъ монастырѣ человѣку мірскому римлянину, съ женою, и оному какъ показанную дѣвичого минского монастыря вотчину Жабовщизну въ совершенное владѣніе поручилъ, такъ и въ той вотчинѣ находящагося прикащика іеромонаха подъ началъ отдалъ, дабы онъ, іеромонахъ, тому мірскому человѣку римлянину былъ во всемъ послушенъ, яко своему господину. Такожъ де и виленскому благочестивому монастырю слѣдуетъ крайнее разореніе, для того что онъ же, старшій виленскій Леонтовичъ, съ виленскаго монастыря монаховъ попрогонялъ, а именно: іеромонаха Владиміра Жураковского, іеродіакона Ѳеофана Томашевскаго, проповѣдника-іеродіакона Рувима, іеродіакона Давида, іеродіакона Мартиніяна да монаха Зеновія; прогнавши ихъ съ монастыря, порядилъ городского слугу на виленской площадѣ съ барабаннымъ боемъ въ трубу трубити, чтобъ тѣхъ монаховъ вездѣ по городамъ хватано и въ виленскій монастыръ привожено, обѣщая всякому за труда сугубое награжденіе, съ чего нынѣ благочестивому нашему закону и монашескому чину воспослѣдовало крайнее безчестіе.

О каковыхъ всѣхъ мною представленныхъ крайнихъ обидахъ, по ревности моей ко святому благочестію, вѣрно совѣстно Вашему Превосходительству доношу и съ глубочайшею моею покорностію слезно прошу въ вышеозначенномъ благочестивому минскому монастырю несносномъ разоренія, а мнѣ нижайшему крайнемъ безчестія, чрезъ упоминаемаго старшого виленского причиненномъ, высокопризрительного защищенія и милостивой сатисфакціи. Зъ Пинска 8 дня іюня 1757 года».

И тѣмъ Святѣйшаго Синода указомъ велено мене за непорядочные мои поступки, въ вышъпрописанномъ оного минскаго игумена Ѳеофана Яворского доношеніи показаныя, дабы оныхъ по не спокойному моему обращенію и больше не умножилось и отъ того найвящшаго затрудненія не приключилось, зъ старшынства виленскаго отрѣшить и мѣсто мене въ тотъ благочестивой виленской монастыръ въ старшіе, Его Преосвященствомъ изъ монастырскихъ настоятелей или изъ іеромонаховъ человѣка довольно ученого, въ священномъ писаніи искусного, въ православномъ же благочестіи твердого, и житія благонравного и доброчестного, и къ оному послушанію вовсемъ достойного, и снабдя оного благопристойнымъ наставленіемъ, отправить въ реченный виленскій монастыръ неукоснительно. Которому, прибывъ туда, по вступленіи своемъ въ настоятельское правленіе, въ мене, находившагося въ томъ виленскомъ монастырѣ старшимъ при тамошнемъ братствѣ, церковныя и монастырскія вещи, по прежнимъ описямъ осморя, принять; буди же чого противъ описей въ наличіи не явится, оное съ мене взыскать безъ всякого послабленія, и потомъ мене отпустить въ катедру Кіевскую къ Его Преосвященству; а Его Преосвященству о вышепредписанныхъ на мене какъ прежнихъ съ польской стороны жалобахъ, такъ и показуемыхъ въ доношеніи минского игумена Ѳеофана Яворского непорядочныхъ поступкахъ, разсмотря, изслѣдовавъ, поступить, какъ святыя правила, духовной регламентъ и Высочайшія Ея Императорского Величества указы повелѣваютъ, безъ упущенія и, что учинено будетъ, Святѣйшему Правительствующему Синоду репортовать.

Коего указа во исполненіе, во мѣсто мене въ тотъ виленскій монастырь въ старшіе Академіи Кіевскія префектъ, іеромонахъ Авраамъ Фліоринскій выбранъ и тогожъ 757 года ноября 5 дня отправленъ въ тотъ виленскій монастырь. И велено ему, Фліоринскому,

указомъ, прибывъ туда, въ силѣ оного указа во всемъ поступить не отмѣнно, и мене, по пріемѣ церковныхъ и монастырскихъ вещей. отпустить въ катедру.

Якій іеромонахъ Фліоринскій февраля 19 дня 758 года доношеніемъ на имя Его Преосвященства, митрополита Тимоѳея представилъ, что онъ, по прибытіи своемъ въ виленскій монастырь, дабы де надлежащее въ силѣ указа исполненіе учинить, отъ мене требовалъ обыкновенной по описямъ церковныхъ и монастырскихъ вещей издачи; но я де учиненное мнѣ отъ старшинства отрѣшеніе, за великую себѣ обиду почитая, такъ противное съ того мнѣніе взялъ, что де не только церковныхъ и монастырскихъ вещей подлежащимъ порядкомъ отдать ему, старшому виленскому Аврааму, не похотѣлъ (хотя де онъ, Авраамъ, и братство тамошнее довольными мене къ отдачи имъ показанныхъ вещей совѣтными представленіями уговаривали), но еще де зъ собою и ключи отъ церковнаго скарбця, такожде и ту граммоту, съ которою старшіе виленскіе за жалованьемъ и милостинею обыкновенно въ два года въ Санктпетербургъ ѣздять, въ Санктпетербургъ же увезлъ; ему же де, Аврааму, въ силѣ указа, хотя и надлежало къ тому мене не допустить, но никакимъ образомъ было возможно.

Итакъ де, что въ томъ монастырскомъ скарбцѣ, посля мене и антецессора моего Сильвестра Добрыни, осталось и что нынѣ имѣется, онъ, Авраамъ, и братство тамошнее отнюдь не знаютъ. Да я жъ де, въ бытность свою тамо настоятелемъ, многимъ тамошнимъ господамъ до тысячи рублей денегъ и далѣе задолжился, и тѣ всѣ деньги, по объявленію моему, яко бы на устроеніе лутшихъ въ монастырѣ порядковъ, на починку келій, на снабдѣніе братіи, въ томъ и въ другихъ монастыряхъ обрѣтающейся, и на прочія необходимыя нужды употреблены. А такъ ли оно въ самомъ дѣлѣ есть, онъ де, Авраамъ, за краткость времени подлежащаго изслѣдованія не чинилъ. Такъ же де къ тому виленскому принадлежащій Грозовскій монастырь многимъ римского закона людямъ разными временами, а найпаче во время неурожаю хлѣба, до нѣсколька сотъ рублей долженъ остался. Отъкуду де немалая опасность слѣдуетъ, ибо де кредитори о томъ сильно настоятъ, и ежели деньги въ скорости имъ не будутъ отданы, отнятіемъ во свое владѣніе того монастыря, съ принадлежашими къ нему всѣми благочестивыми людьми, непрестанно грозятъ. Игуменъ

же де того Грозовского монастыря и братія по всякъ день, или отъ сей стороны помощи, или отъ римской изгнанія, надѣются. И, о томъ донесши, просилъ онъ, старшій виленскій Авраамъ, обо всемъ выш писанномъ учинить разсмотрѣніе и (куда надлежитъ) представить. По которому его, старшого виленского Авраама, доношенію, по опредѣленію Духовной Консисторіи еднымъ марта отъ 13, 758, а другимъ генваря отъ 25 числъ сего 759 года посланными къ нему, Аврааму, указами велѣно: 1) всѣ церковныя и монастырскія вещи, при тамошнемъ братствѣ по прежнимъ описямъ (буди обыщутся) осмотря, въ свое смотрѣніе принять и, чего противъ прежнихъ описей не явится, тому всему особенную отмѣтку учинить; буди же прежнихъ описей не обищется, то вновь всѣмъ церковнымъ и монастырскимъ вещамъ опись учинить и оную, на двое переписавъ, съ тамошнею начальнѣйшею братіею и съ знатнѣйшими братчикамн заручивъ, одну при монастырѣ оставить, а другую въ Духовную Консисторію прислать, церковнаго же скарбця, отъ котораго я ключи взявъ отъихалъ, не отмыкать до имѣющей послѣдовать резолюціи. Въ бытность мою тамо настоятелемъ, кому именно съ тамошнихъ господъ и по сколько числомъ задолжился денегъ; и имѣются ль въ тѣхъ господъ каковые письменные на то виды, а въ монастырѣ виленскомъ реестря; на что именно тѣ деньги употреблены; буди же не имѣются реестра, то подлинно ль на устроеніе лутшихъ въ монастырѣ порядковъ, на починку келій, на снабдѣніе братіи, въ томъ виленскомъ и въ другихъ монастыряхъ обрѣтающейся, и на прочія нужды употреблены,— о томъ надлежащое изслѣдованіе и таковое жъ и о долгахъ принадлежащаго къ виленскому Грозовскаго монастыря римского закона людямъ, со всякимъ изъясненіемъ по обстоятельствамъ, учинить и тое изслѣдованіе въ Духовную Консисторію прислать, о чемъ априля отъ 30 дня 758 года и Святѣйшему Правительствующему Синоду доношеніемъ отъ Его Преосвященства представлено.

По якому Его Преосвященства доношенію, и оные вышь прописанные три указы въ Святѣйшемъ Синодѣ состоялись и къ Его Преосвященству присланы. Коихъ вышьобъявленныхъ пяти указовъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія, въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ разныхъ годовъ, мѣсяцей и чиселъ состоявшихся, а преосвященнымъ Арсеніемъ, архіепископомъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и Малыя Россіи и Его ясне въ Богу

Преосвященства антецессоромъ преосвященнымъ Тимоѳеемъ, митрополитомъ нынѣ Московскимъ, полученныхъ, во исполненіе Духовная Митрополіи Кіевскія Консисторія опредѣлили; якое опредѣленіе и Его ясне въ Богу Преосвященствомъ подтверждено. Противъ вышьозначенныхъ на мене къ посланнику Гросу и къ секретарю посольства Ржичевскому отъ виленского епископа и литовского референдара Масальского представленій и противу доношенія оного минского игумена Ѳеофана Яворского, при указахъ присланныхъ, да и противъ доношеній старшого виленского Авраама Фліоринскаго, единого въ Святѣйшій Сѵнодъ посланного и въ указѣ, генваря 9 дня въ Святѣйшемъ Синодъ состоявшимся, прописанного, а другого къ Его Преосвященству, на имя преосвященного митрополита Тимоѳея февраля 19 дня 755 года присланного, отъ мене взять отвѣтъ, якій, дабы въ Духовную Консисторію представленъ былъ, о томъ ко мнѣ указъ Ея Императорскаго Величества послать, и посланъ: чего ради при томъ указѣ, и оные на мене къ послапнику Гросу и къ секретарю посольства Ржичевскому отъ виленского епископа и литовскаго референдара Масальского представленія, и доношеніе оного минского игумена Яворского, да и представленія оного Фліоринского ко мнѣ отправлены. А между тѣмъ мнѣ тѣмъ же указомъ подтверждается, по означенному въ доношеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ представленію и по изображенному во указѣ Святѣйшаго Синода наставленію, вышеупомянутую жалобу сочинить и по сочиненіи представить Его Преосвященству въ разсмотрѣніе.

Въ силу котораго указа Ея Императорского Величества Самодержицы Всеросійскія, въ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи прошлого 1759 года августа 31 дня состоявшагося, а мною сентября 6 дня тогожъ 1759 года, съ приложеніемъ всѣхъ вышеобъявленныхъ на меня писанныхъ представленій, полученнаго, я, нижайшій, съ достодолжнымъ моимъ почтеніемъ отвѣтствую.

Къ сей прописки всѣхъ жалобъ и указовъ руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ Дорумінъ. Іюня 20 дня 1761 года, въ катедральномъ Свято-Софійскомъ монастырѣ.

XXX.

Объяснительная записка, поданная въ Кіев. дух. консисторію іеромонахомъ Ѳеофаномъ Леонтовичемъ, гдѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ порицая своихъ недоброжелателей (члена Св. Синода С. Кулябку), лишившихъ его настоятельства въ виленскомъ монастырѣ, дѣлаетъ общую характеристику состоянія православія въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ Польшѣ (дополненіе къ предшествовавшему отвѣтному доношенію, съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ).

1761 г., іюля 2 дня.

Въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторію.

Къ отвѣтному о жалобахъ съ Полщи и объ указѣхъ Святѣйшаго Сѵнода доношенію нелицезрителное приуготовленіе, открытіемъ Божіей и государевой правды представленное отъ бывого виленскаго старшого іеромонаха Ѳеофана Леонтовича Дорумина.

Что есть команда, и что ея сила и преимущество? что есть подкомандный, и что его должность и смиреніе? — не только законъ человѣческій, но и законъ Божій, ясно и твердо всѣхъ насъ научаетъ. И того ради, хотя мене не по какимъ моимъ преступленіямъ и непорядочнымъ поступкамъ, но единственнѣ по негоднымъ враговъ моихъ, а паче Божіихъ, оклеветаніямъ и по ложнымъ ихъ представленіямъ, прежде востребованія отъ мене указнаго отвѣта, жестокимъ Святѣйшаго Сѵнода указомъ отъ старшинства виленскаго — всѣмъ тамошнымъ благочестивымъ на горкій плачь, врагамъ же и гонителямъ ихъ на сладчайшое веселіе, а мнѣ самому на смертоносную печаль—съ обезчестіемъ отрѣшено. Хотя мнѣ, за прибытіемъ моимъ съ Вильнѣ въ Санктпетербургъ зъ сильными и отнюдь неоспоримими доказательствами ради оправданія моего, отъ негодныхъ оныхъ и безстудныхъ оклеветаній не только оправдатся не дозволено, но еще предъ болшими военными, штатскими и придворными господами, а моими великими защитниками и высокомилостивыми благодѣтелями, плутовство, воровство, грабительство, человѣкоубійство, душегубство и всего нашего грекоросійскаго въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ находящагося благочестія разореніе, безъ всякаго слѣдствія, не только во всей Европѣ, но и между самыми грубянскими народами, обыкноенно употребляемаго,—не оспоримо твердо причтено и святительскихъ совѣстей клятвами утверждено.

Хотя мене указами, въ сильныхъ терминахъ состоявшимися, изъ Святѣйшого Правительствующаго Сѵнода къ архипастырю моему, преосвященному Арсенію, архіепископу митрополиту Кіевскому, и Галицкому, и Малыя Россіи, такожъ въ Иностранную Коллегію, а съ Иностранной Коллегіи къ нашему російскому, при Польско-Королевскомъ дворѣ обретающемуся, министру посланными, какъ бы уже въ доказанномъ злодѣйствѣ на всю Россію и Польщу вѣчно обезславлено, и хотя со мною, по отрѣшеніи мене въ Вильнѣ зъ обезчестіемъ отъ старшинства, по причтеніи мнѣ въ Санктпетербургѣ вышъпоказанныхъ ужасныхъ криминаловъ и по обезславленіи мене жесточайшими Святейшаго Сѵнода указами на всю Россію и Польщу, здѣлалось уже тое, что путь мнѣ къ пристойному мѣсту, къ честному чину и къ какому либо щастію во всю жизнь пресѣченъ, что всѣ мои друзья, пріятели и благодѣтели вдругъ мене оставили, и что мнѣ нынѣ желательнѣе есть ежеминутная горкая смерть, нежели такая самонищетно нестерпимо-печальная и вѣчно смрадная жизнь,— однако я, чувствуя команды, отъ Бога и государя надо мною учрежденной, силу и преимущество, а мою подручную должность и смиреніе, судилъ за благо: лутше самого себе горкою нищетою, денноющными печалями и всегосвѣтнымъ безчестіемъ снѣдая, прежде-временно въ гробъ вселить, нежели, къ оправданію моему доказательства (какъ бы оны справедливы и сыльни ни была) представляя, чрезъ то команду мою огорчить. И по этой причинѣ найпаче удержался я до сихъ поръ съ отвѣтомъ моимъ на указы, исъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода въ Кіевъ обо мнѣ посланные; хотя уже четвертой годъ подъ слѣдствіемъ горко стражду и ради пребѣдственныхъ выше показанныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ нынѣ нахожусь, тѣломъ безпрерывно немоществую, духомъ же ежеминутно умираю, а не живу. Когда сего настоящаго 1761 года, генваря среднихъ чиселъ, за прибытіемъ сукцессора моего старшого виленского Авраама Фліоринскаго, съ Вильнѣ по преставленіи Его Преосвященству, архипастырю нашему, имъ, Фліоринскимъ, отъ себе и отъ благочестиваго Виленскаго братства доношеній; потомъ, сего жъ 1761 года марта 10 дня, за возвращеніемъ съ Вильни въ Кіевъ кіевскаго рейтарина Ефрема Сагайдаченка, по полученіи мною чрезъ него жъ, Сагайдаченка, отъ всего благочестиваго братства письма, извѣстился я заподлино, что не только начальному оному Виленскому мона-

стырю и прочимъ подсудственнымъ ему обителямъ, но и всему тамошнему православному народу, отъ седми сотъ лѣтъ въ святомъ благочестіи пребывающему, приходитъ нынѣ тая, о коей я заблаговременно, еще въ прошлыхъ 1756-мъ 58, и 59 годѣхъ Святѣйшему Правительствующему Сѵноду и Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи вѣрно, сильно и неоднократно представлялъ, всенепремѣнная крайняя погибель. Которой погибели къ всеудобовозможному, гдѣ дѣло времени не терпитъ, предотвращенію не обрѣтается уже иное средство, какъ развѣ нелицезрительно самую сущую Божію и государеву правду открыть и предъ всевидящимъ Богомъ по чисто христіанской совѣсти, а предъ самодержавнымъ государемъ по вѣрно поданнической должности дерзновенно показать: кто этой погибели самою есть причиною? И такимъ образомъ остался я нынѣ между водою и огнемъ. Схватили мене обстоятельства, съ обѣхъ сторонъ зѣло трудные: правду-ль открыю? И чрезъ то, милостію Божіею, пособіемъ же Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи, все наше грекороссійское не только въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, но и въ Коронѣ обрѣтающееся благочестіе отъ находящей оной немедленной и всенепремѣнной крайней погибели спасется, да я самъ по давной и безприкладной на мене немилости грознаго, страшнаго и всемогущаго въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ члена, архіепископа Санктпетербургского, преждевременно погибну. Или, по меньшей мѣрѣ, до конца жизни, въ горчайшихъ узахъ страдати буду. Правду ль умолчу? И чрезъ то допущеніемъ Божіимъ невѣжествомъ же, спесью, злобою и упрямствомъ тогожъ моего, а паче Христового врага, преосвященного Санктпетербургского Сѵльвестра Кулябки, все наше грекороссійское въ Польще благочестіе, немедленно и всенепремѣнно до конца погибнетъ, а я при жизни и свободѣ останусь, да спасеніе души моей, которой единой весь міръ сей недостоинъ, во вѣки вѣковъ погублю. Въ этихъ обоюдныхъ и такъ зѣло трудныхъ, яко съ обоихъ сторонъ смертію угрожающихъ, обстоятельствахъ нынѣ находясь, будучи же въ тѣхъ знакомцовъ, друзей, пріятелей и благодѣтелей, по нанесеніимъ на мене отъ вышепоказанного моего святаго врага ужаснымъ оклеветаніямъ, вдругъ оставленъ, а вѣдая заподлино, что безприкладный оный въ свѣтѣ государь, нашего всероссійскаго отечества отецъ, не менше о славѣ Россійскаго государства, какъ о пользѣ Христовой церкви, о защищеніи всего православно-восточнаго

съ нами единовѣрнаго, въ Коронѣ и Литвѣ обрѣтающагося, народа, до конца жизни ревновавшій монархъ Петръ Первый отъ мертвыхъ не востанетъ и мене, который въ пользу всего оного грекоросійскаго въ Полще благочестія, на основаніи Его Высокомонаршихъ граммотъ и имянныхъ указовъ, настоящую правду открывать дерзаю, отъ воспоминаемаго моего всесилнаго и всезлобнаго врага не защититъ, и потому, положа надежду на единаго Христа Спасителя міру, который за свидѣтельство истинны и правды душу свою Божественную положилъ, избираю лутше Божію и государеву правду и истинну открыть, нежели умолчать. Повинуюся паче Богу, нежели человѣку, который съ тоеиж де земной персти, что и я, отъ Бога созданъ; почитаю болѣе государя, нежели раба, который на вѣрность и на послушаніе Высокомонаршей его воли равно со мною присягалъ. Боюся пуще Того, который и душу и тѣло въ геенне погубити, нежели того, который толко единое тѣло убити можетъ. А всякъ, который есть отъ истины, то есть, истинный Христовъ ученикъ, истинный православновосточной церкви сынъ, истинный и вѣрный Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской нашей Всемилостивѣйшей Государини и всѣхъ Ея дрожайшихъ августѣйшихъ предковъ поданный и рабъ, тотъ (нималѣйше сумнюся) лутше послушаетъ единой истины и правды, мною нынѣ представляемой, нежели тысячныхъ оклеветаній и явно видноложивыхъ представленій преосвященнаго Санктпетербургского. Будеже кто противнымъ образомъ сіе мнѣніе въ разсужденіе предпріймetъ, что я нынѣ противъ преосвященнаго Санктпетербургскаго, который есть Святѣйшаго Правительствующаго Сунода членъ, да еще самогрознѣйшій и всесильнѣйшій, столь дерзновенно поступая, поступаю противу команды и тѣмъ не толко законъ человѣческій, но и законъ Божій, преступаю. На которое противной мнѣ стороны красивое мнѣніе представляю отъ себе благопочтенно во отвѣтъ: правда, что солдатъ обовязанъ есть закономъ человѣческимъ слушаться своего фелтмаршала подъ смертною казнію; но до тѣхъ поръ, покамѣсть фелтмаршалъ не повелѣваетъ что въ отмѣнность государевой волѣ, которой оба равно, какъ фелтмаршалъ, такъ и солдатъ, на вѣрность присягали; ибо, въ случаи измѣнническаго преступленія, не можетъ себе солдатъ предъ Государемъ своимъ командою фелтмаршалскою извинять. Правда, что и сынъ обовязанъ есть закономъ Божіимъ

повиноватся своему отцу подъ проклятіемъ и смертію; но до тѣхъ поръ, покамисть земный отецъ не повелеваетъ преступить заповѣди Отца небеснаго, которыя хранить какъ сынъ, такъ и отецъ, равно долженствуетъ: ибо, въ случаи неисполненія Божественныхъ заповѣдей, не можетъ себе сынъ предъ Богомъ извинять повелѣніемъ земнаго своего отца. А понеже преосвященый Санктпетербургскій повелѣваетъ мнѣ, подручному своему, заповѣди Божія преступать, Церковь Христову разорять, именные Высокомонаршіе указы отмѣнять, ползу и славу Россійскаго нашего отечества пренебрегать, растленныя же Его Преосвященства страсти превыше всѣхъ земныхъ государей и превыше самаго Бога почитать,—а чрезъ то и собственную мою жизнь не толко временную предъ государемъ, но и вѣчную предъ Богомъ, въ неминуемую пагубу предавать: то я таковому ново-архипапскому Его Преосвященства повелѣнію повиноватися отнюдъ не могу. А на семъ основаніи не могутъ и мене ни посторонные люди за ослушность, ни тѣ, кои надо мною власть имѣютъ, за честь преосвященнаго Санктпетербургского, изобиждать: ибо первѣе надлежитъ имъ болѣе чувствовать самую честь Всевышняго Бога и своего Государя, нежили тѣнь чести бѣднаго черва и поданного раба. преосвященнаго Санктпетербургского.

Второе. Должны оны съ разсужденіемъ дожидатся, покамѣсть съ дѣла моего явится, доказалъ ли я того или нѣтъ, въ чемъ на преосвященнаго Санктпетербургского доносить имѣлъ? Къ тому жъ имѣющіи надо мною власть вѣдаютъ и сіе, что у насъ въ Россіи единъ толко государь, а мы всѣ его, государя, поданные рабы; въ которомъ нашемъ поданическомъ и рабскомъ состоянін, единъ предъ другимъ, тѣмъ толко превосходняе, чѣмъ государю своему вѣрняе; а понеже преосвященный Санктпетербургскій волю государя своего явновидно пренебрегаетъ, потому и онъ не сталъ быть великъ человѣкъ: ибо у насъ, за приступленіе высокомонаршей волѣ и самый большій господинъ томужъ истязанію и наказанію подлежитъ, что и послѣднѣйшій деревенскій мужикъ. Свѣрхъ сего, Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи и то не безъизвѣстно, что преосвященный Санктпетербургскій, какъ онъ въ Святѣйшемъ Сунодѣ своимъ велерѣчіемъ, ужаснымъ крикомъ и безприкладнымъ упрямствомъ ни великъ: однако есть толко одинъ членъ Святѣйшаго Сунода, а не весь Святѣйшій Сунодъ, либо нашъ всероссійскій папа; послѣдовательно,

онъ, преосвященникъ, въ силу Духовнаго Регламента и суду братій своей подлежитъ. Наконецъ, праведный и премудрый судія, на основаніи законовъ и заповѣдей Божіихъ и на основаніи узаконеній и указовъ Высокомонаршихъ, смотритъ толко на справедливость дѣла, челобитческою да отвѣтческою стороною представляемаго, а въ преимуществѣ одной стороны предъ другою нѣтъ ему нужды; почему и Духовная Митрополіи Кіевскія Консисторія, на томъ же самомъ основаніи, долженствуетъ милостиво разсуждать: не кто преосвященный Санктпетербургскій по своему чину и чести таковъ; но что онъ за пакости Христовой церкви и Россійскому нашему государству дѣлаетъ? Противнымъ образомъ: некто я по моей подлости таковъ; но что я въ пользу Христовой церкви и Россійскаго нашего государства представляю? О архипастырѣ же моемъ преосвященномъ Арсеніи, архіепископѣ, митрополите кіевскомъ, галицкомъ и Малыя Россіи, не толко мнѣ говорить стыдно, но подумать страшно, дабы сей Богомъ избранный и превознесенный мужъ, въ Россійскомъ нашемъ Сѵонѣ вѣрою и любовію свѣтлогорящій свѣтильникъ, вѣрный и мудрый стада Христова пастырь, благочестія святого крѣпкій поборникъ, злочестія же ревностный потребитель, а сверхъ того, всѣмъ болшимъ, штатскимъ и придворнымъ, господомъ другъ, Святѣйшаго Сѵнода членомъ братъ, Россійскаго своего отечества искренный сынъ, Ея Императорскаго Величества, нашей Всемилостивѣйшей Самодержавнѣйшей и Благочестивѣйшой Государини особливейшій фаворитъ,— дабы, сказую, сей предъ Богомъ, предъ государемъ и предъ всею Россіею столь великій святитель, въ нынѣшныхъ двоихъ, такъ крѣпко между собою сражающихся, обстоятельствахъ, избралъ себѣ лутше, страха ради іудейска, гневъ отъ преосвященнаго Санктпетербургскаго на себе, правду Божію и правду государеву умалчевая, все свое стадо, кровію Христовою искупленное и отъ святѣйшихъ константинополскихъ патріарховъ вѣчнаго ради живота себѣ порученное, въ преопасныхъ Полской области мѣстахъ многобѣдственно скитающееся, волкамъ хищнымъ на растерзаніе и на душевредную погибель предать, а чрезъ то Бога прогнѣвить, государя раздражить, отечество опечалить, честь свою пастырскую вѣчно обезчестить и спасеніе потерять, нежели представленіемъ (куди надлежитъ) Божіей и государской правды безъстудныя растлѣннаго человѣка, преосвя-

щеннаго Санктпетербургскаго, страсти огорчить и союзъ любовный съ нимъ разорить.

Не извѣстно жъ мнѣ и сіе, что преосвященный Сѵлвестръ, архіепископъ Санктпетербургскій, будучи отъ Ея Императорскаго Величества такъ велнкимъ чиномъ Всемилостивѣйше почтенъ, снскалъ себѣ и между самыми болшими штатскими и придворными господами немалое число друзей и пріятелей и благодѣтелей. Но я какъ съ дерзновеніемъ, такъ и по чистой моей предъ Богомъ совѣсти, всякому предъварительно доношу, что кто въ семъ случаи и представленіи моемъ на преосвященнаго Санктпетербургскаго пожелаетъ быть другъ Его Преосвященству, то тотъ будетъ врагъ Богу, врагъ своему государю и врагъ всему нашему Россійскому отечеству.

А ежели кто съ членовъ Святѣйшаго Сѵнода изволитъ себѣ это въ разсужденіе предпринять, что я, единому Святѣйшаго Сѵнода члену сія глаголя, и протчимъ досаждаю, ибо преосвященный Санктпетербургскій всѣмъ членамъ Святѣйшаго Сѵнода есть братъ, то таковій Святѣйшаго Сѵнода членъ пусть и сіе милостиво разсудитъ, что преосвященный Санктпетербургскій, по мечтателному своему между протчими Святѣйшаго Сѵнода членами преимуществу, однихъ мнимимъ своимъ вѣжествомъ уловляя, другихъ же непреодоленнымъ упрямствомъ преодолѣвая, всегда то дѣлаетъ, что ему угодно, какъ бы такое его дѣло заповѣдемъ Божіимъ, правиламъ святыхъ отецъ, Духовному Регламенту, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указамъ, всенароднымъ въ свѣтѣ узаконеніямъ, общегражданскимъ правамъ и самому природному деревенскаго мужика разсужденію противно ни было. А понеже преосвященный Санктпетербургскій такими своими удивителными поступками: 1, раздражаетъ Бога, который всѣмъ Святѣйшаго Сѵнода членамъ есть премилосердный Отецъ; 2, огорчеваетъ Ея Императорское Величество, которая всѣмъ Святѣйшаго Сѵнода членамъ есть благоутробнѣйшая мати; 3, срамляетъ и самыхъ Святѣйшаго Сѵнода членовъ не толко внутрь, но и внѣ Россіи, которые ему суть вѣрная и равночестная братія: то я нималѣйше не сумнюся, что, сихъ троихъ причинъ въ разсужденіи, всякъ съ членовъ Святѣйшаго Сѵнода горячесть братерской своей къ преосвященному Санктпетербургскому любви вдругъ отмѣнитъ. Сей мой великій и давный благодѣтель, архіепископъ Санктпетербургскій Сѵлвестръ Кулябка, за прибытіемъ моимъ съ Вилнѣ въ Санктпетербургъ, 1758 года, чрезъ

девять мѣсяцей, Святѣйшій Сѵнодъ, Иностранную Коллегію и другихъ болшихъ военныхъ и придворныхъ господъ непрестанно смущая, всемѣрно и всесилно старался, какъ бы мнѣ разореніе благочестиваго виленскаго Святодухова монастыря и протчихъ, ему подсутственныхъ, обителей причесть, и мене бѣднаго человѣка невинно погубить? Коихъ своихъ высокосвятителскихъ замаховъ къ произведенію въ дѣйство онъ, архіепископъ Сѵлвестръ, изъ Святѣйшаго Сѵнода въ Иностранную Коллегію и въ Кіевъ указъ за указомъ посылалъ, но я, въ слѣдующемъ моемъ отвѣтномъ доношеніи, въ кратцѣ покажу и отнюдь неоспоримо докажу, что сверхъ разоренія показанному благочестивому виленскому Свято-Духову монастырю съ прочими прыписными обителями и всему нашему единовѣрному не толко въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, но и въ Коронѣ находящемуся православію, имъ, архіепископомъ Сѵлвестромъ, а не мною причиненнаго; надлежатъ еще дванадцять тисячей рублей благочестивому оному виленскому монастырю отъ высокославныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра перваго, Всемилостивѣйше пожалованныхъ, на немъ, архіепископѣ Сѵлвестрѣ, безъ всякого послабленія доправить и съ тѣхъ дванадцяти тысячей, возвративъ въ казну государеву, при Святѣйшемъ Сѵнодѣ имѣющуюся, тысячу четыреста рублей на уплату долгу у полского шляхтича Мицкевича, на воспоминаемый благочестивый виленскій монастырь не по моей, но по его, архіепископа Сѵлвестра, причинѣ занятого, съ казны Святѣйшаго Сѵнода выданныхъ, протчія десять тысячей шесть сотъ рублей получить новоопредѣленному виленскому старшему Сиѳу Гамалѣи на починку погорѣлого нынѣ виленского и другихъ приписныхъ, зѣло уже обветшавшихъ, монастырей и на содержаніе во всѣхъ тѣхъ благочестивыхъ монастыряхъ требуемаго числа братій. И потому Духовная Митрополіи Кіевскія Консисторія не имѣетъ нималѣйше причины преждевременно клопотатся, отъкуду бы нынѣ взять три тысячи рублей, безъ коихъ новоопредѣленный виленскій старшій ни съ Кіева рушить не хочетъ, бо и не можетъ. При опредѣленіи всякого старшого въ Вильню преосвященному Кіевскому посылается изъ Святѣйшаго Сѵнода указъ, въ такой силѣ: Вашему Преосвященству, выбравъ по своему усмотрѣнію, епархіи Вашего Преосвященства изъ монастырскихъ настоятелей или изъ іеромонаховъ человѣка доволно ученаго, въ священномъ писаніи искуснаго, въ православномъ же благочестіи твердаго и жи-

тія благонравного и доброчестнаго, и къ оному послушанію во всемъ достойного, и, снабдя оного благопристойнымъ наставленіемъ, отправить въ заграничный виленскій благочестивый монастырь; которого новоизбранного въ Вилню старшого, ку такому послушанію во всемъ достойность, архіерейское же, при отправленіи егожъ, старшого, съ Кіева, благопристойнымъ наставленіемъ снабдѣніе въ чемъ именно состоитъ, ни въ указѣ Святѣйшаго Сунода, ни въ грамотѣ преосвященнаго Кіевскаго, ни въ опредѣленіяхъ Духовной Консисторіи не изображается. А это ушъ неоспоримо, что ему, новоприбывому съ Кіева въ Вилню старшему, указное Святѣйшаго Сунода въ Священномъ Писаніи искусство, въ православномъ же благочестіи твердость и житія благонравіе, въ разговорахъ и спорахъ съ виленскимъ епископомъ да съ его консистористами, защиты тамошнего нашего благочестія касающихся, безъ политическаго пособія нимало не пособитъ, ибо не толко премудрѣйшій кіевской философіи или богословіи учитель, но и самъ преосвященный Санктпетербургскій, который себѣ предъ всѣмъ россійскимъ духовенствомъ несравненную премудрость причитаетъ въ политическихъ дѣлахъ, на единъ виленскаго епископа либо коегонибудь консистористы запросъ, какъ стѣна, занѣмѣетъ, понеже оны, полское римской церкви духовенство, суть секретары, трибуналные судіи, тайные совѣтники, вицеканцлеры, предводители и правители. Къ которымъ высокымъ и разнымъ государственнымъ чинамъ оны, полско-рымское духовенство, здѣлали себе удобными, обучаясь съ младыхъ лѣтъ въ преславныхъ по разнымъ государствамъ университетахъ: въ нашихъ же россійскихъ Римахъ, Парижахъ, Іозфуртахъ, то есть, въ Кіевской школѣ такія ученія, съ которыми бы можно было между люде явится и къ государственной ползѣ годится, не преподаются. А попеже я въ слѣдующемъ моемъ отвѣтномъ доношеніи имѣю основателно и всеобстоятелно показать, въ чемъ, именно, новоопредѣляемаго виленского старшого къ своему послушанію, во всемъ достойность и преосвященного Кіевского при отправленіи егожъ, старшого, благопристойнымъ наставленіемъ снабдѣніе состоитъ,—то Духовная Митрополіи Кіевскія Консисторія здѣлаетъ нынѣ новоопредѣленому и всякому впредь по немъ будущему виленскому старшому превеликое одолженіе, себѣ же и архипастырю своему отъ всѣхъ безчисленныхъ, но напрасныхъ по виленскимъ дѣламъ, клопотъ освобожденіе, а казнѣ катедралномонастырской либо епаршеской высоко-

милостивое пощадѣніе, ежели новоопредѣленный виленскій старшій прежде подачи отъ мене въ Духовную Консисторію означенного моего отвѣтнаго доношенія не будетъ въ Вилню отправленъ. Буде же Духовная Митрополіи Кіевскія Консисторія заблагоразсудитъ его, новоопредѣленнаго виленского старшого, всенепремѣнно и неукоснително въ Вилню отправить, не взирая отнюдъ на воспоминаемое мое отвѣтное доношеніе и не взирая нималѣйше и на то, что не толко сей новоопредѣленный виленскій старшій Сиѳъ Гамалѣя, но и всякъ, ктобы онъ съ здешныхъ монастырскихъ настоятелей или іеромонаховъ на виленское старшинство опредѣляемъ ни былъ, имѣя мене предъ очима своимы живый образецъ, который я по горкимъ въ Полще отъ враговъ православно-восточной Христовой церкви гоненіямъ, озлобленіямъ и безчестіямъ здесь въ отечествѣ отъ россійскихъ нашихъ пастырей и святаго благочестія поборниковъ, во мѣсто покоя, награжденія и почтенія, горчайшую гоненія, озлобленія и безчестія четвертый уже годъ испиваю чашу: оны, новоопредѣляемые виленскіе старшіе, потому лутше желаютъ на турецкой каторги во узахъ умирать, нежели на виленскомъ старшинствѣ господствовать. И не взирая такожде Духовная Консисторія и на то, что съ монашествующихъ, къ новому виленскому старшему опредѣленныхъ, отъ несносной печали и превеликого страха, тутъ же предъ очима Духовной Консисторіи одни скоропостижно умираютъ, другіе близъ смерти болны лежатъ, а третіе за рубежъ бѣгаютъ: то я, всѣ такіе неудобства и трудности глубочайшему Духовной Консисторіи разсужденію предавъ, о семъ единственнѣ предварително донесть дерзновеніе пріемлю: пусть, по опредѣленію Духовной Консисторіи, а по потвержденію Его Преосвященства, всѣ монашествующіе, къ новому виленскому старшему опредѣленные, съ Кіева, якобы охотно поднявся и за рубежъ выехавъ, тамъ въ полномъ Полскомъ государствѣ, куды кто хотя не разойдутся, а старшого, самого одного не оставлятъ; пусть тѣже монашествующіе, когда старшій начнетъ ихъ принуждать и указами Святѣйшаго Сѵнода стращать, ему, старшему, на всѣ чтыри боки пашепорта не напишутъ, а самы во свояси не разбѣгутся; пусть какъ самъ старшій, такъ и всѣ монашествующіе съ нимъ, при всякомъ благополучіи въ два монастырѣ, грозовскій да минскій, виленскому старшинству подсутственные, пріѣдутъ и въ тѣхъ обоихъ монастыряхъ, за давные (а нынѣ всенепремѣнно и неотступно взыскуемые) долги, со всѣмъ своимъ

поѣздомъ, приарестованы не будутъ. Но какъ толко (сказую) ему, старшему, и всѣмъ при немъ монашествующимъ, можно будетъ нынѣ въ Вилню явиться и тамъ въ благочестивомъ своемъ монастырѣ прожить ради нижеслѣдующихъ опасностей?

Первая опасность: Что когда сукцессоръ мой Авраамъ Фліоринскій, за прибытіемъ своимъ въ Вилню, указъ отъ преосвященнаго Тимофея митрополита, на тотъ часъ кіевскаго, о бытіи ему, Фліоринскому, старшимъ виленскимъ благочестивому Виленскому братству обявилъ, въ коемъ указѣ, понеже на основаніи указа, въ Святѣйшемъ Правителствующемъ Сунодѣ сентября 15 въ 1757 году состоявшагося, прописаны были точію силные термины о отрѣшеніи мене, іеромонаха Феофана, отъ виленскаго старшинства по единимъ бабіимъ баснямъ и рабяческимъ игрушкамъ престарелаго виленскаго епископа и по негоднымъ и явно видно лживнымъ оклеветаніемъ минскаго игумина Ѳеофана Яворского во многихъ нагло усилственныхъ озлобленіяхъ, виленскому Святодухову монастырю и всему тамошнему благочестію уніатами и римлянами причиненныхъ и въ доношеніи моемъ, 1756 года чрезъ антецесора моего Сулвестра Добрыну преосвященному митрополиту Кіевскому Тимоѳею представленномъ, а отъ Его Преосвященства, тогда уже немедленно въ Святѣйшій Сунодъ, съ пріобщеніемъ архипастырскаго своего доношенія, оргинално посланномъ, обстоятелно, вѣрно и подъ обязателствомъ присяги не толко всего тамашняго благочестиваго братства и монастырской братіи, но и постороннего купечества, прописанныхъ, въ вышъ означенномъ силными терминами преисполненомъ Святѣйшаго Сунода указѣ, ничего не упомянуто: то предявленное благочестивое Виленское братство, тогдажъ еще пришедъ о пособіи благочестію своему отъ Святѣйшаго Всероссійскаго Сунода во отчаяніе, намѣрено было новоприбывшаго старшого Аврама Фліоринскаго не толко къ правленію монастырскому не допустить, но и изъ монастыря (буде бы спорить имѣлъ) съ безчестіемъ прогнать, сказуя: полно ушъ намъ старшихъ себѣ съ Россіи просить, которые частыми своими переменами да переиѣздами монастырь толко нашъ бѣдный убыточатъ да разоряютъ, а ползы намъ въ защищеніи озлобляемаго нашего благочестія и въ отобраніи благочестивыхъ нашихъ монастырей, церквей и ихъ принадлежностей никакой не дѣлаютъ; Россійское де высокославное и крѣпкодержавное государство не

можетъ насъ здѣсь чрезъ седмдесятъ лѣтъ защитить, а король прусскій не только единовѣрныхъ своихъ, тутъ же между нами въ Полще находящихся, исповѣдниковъ, но и нашу благочестивую въ Кейданахъ церковъ въ три мѣсяца преславно и прекрѣпко защитилъ; знать де этые толь великіе и премногіе въ здешнемъ Полскомъ государствѣ намъ благочестивымъ непрестанно причиняемые и безпрерывно даже доселѣ продолжаемые озлобленія происходятъ (какъ насъ союзники и пріятели наши господа протестанты увѣряютъ) отътуду, что первенствующимъ, указы изъ Святѣйшаго Сунода въ Иностраную Коллегію о защищеніи православно-восточнаго нашего здесь закона посылающимъ, политическіе дѣла и Полскаго государства узаконенія, найпаче здешняго духовенства злохитрніе на православно-восточную нашу церковь умышленія, отнюдь невѣстими; или отътуду, что оны, Всеросійскаго государства верховные пастыри, о насъ, овцахъ своихъ, здесь въ Полще чрезъ такъ долгое время горестно погибающихъ, ни малѣйшаго раденія и попеченія не имѣютъ. Мы де, благочестивое Виленское братство, прежныхъ вѣковъ были господа на всю Европу преславные, а нынѣ положась благонадежно и твердо на защиту Россійскаго государства, будучиже чрезъ седмдесятъ лѣтъ единаго ради благочестія пуще жидовъ и татаровъ литовскихъ гониміе и озлобляемые, здѣлалися самопослѣднѣйшими мужиками,—и потому къ отрадѣ нашей иного средства не предусмотруемъ, какъ только, оставя своихъ старшихъ, съ Россіи къ намъ присылаемыхъ, которые сколь болѣе о обидахъ нашихъ въ Россію командѣ своей представляютъ, столь пуще враговъ нашихъ на наше гоненіе, озлобленіе и всеконечную погибель раздражаютъ,—держать уже намъ для себѣ при монастырѣ нашемъ одного іеромонаха либо священника бѣльца, а волности наши въ исповѣданіи благочестія и въ обрядахъ восточной церкви, миролюбными между народомъ Коронным, Литовскимъ и Русскимъ союзами оговоренныя, клятвенными всѣхъ королей полскихъ и великихъ князей литовскихъ обѣщаніями утвержденныя, государственными на генеральныхъ общесогласныхъ сеймахъ узаконеніями потвержденныя и вѣчномирными между Россіею и Полщею въ 1686 году состоявшимися трактатами закрѣпленныя, теперь себѣ и благочестивымъ нашимъ церквамъ у римскаго уніятского духовенства, по примѣру паршивыхъ жидовъ, за деньги

куповаты; будеже и таковое средство впредь намъ никакой отрады въ бѣдствіяхъ нашихъ не здѣлаетъ, то принужденны будемъ съ отчаянія или законъ уніятскій принять или, въ силу мирносоюзной нашей съ протестантами въ 1599 году заключенной дружбы, того себѣ за защитника просить, который и прежде прошенія нашего благочестивую нашу Кейданскую церковь защитилъ.

А ежили де Россійскаго государства господа политики да министры разсуждаютъ себѣ то, что, кромѣ умѣренныхъ средствъ, на которые предъ ними, россійскими министрами, польское злохитрое, безсовѣстное и безстудное министерство всегда отзывы чинитъ, другими какими неумѣренными средствами, то есть, заимообразнымъ римскому духовенству въ Россійской имперіи воздаяніемъ или приподнятіемъ на гонителей и разорителей греко-россійской нашей здѣсь въ Польще вѣры побѣдоноснаго россійскаго оружія, защитить насъ отъ враговъ нашихъ всячески нельзя, то пусть они же, россійскіе господа министры, разсудятъ себѣ и то, что когда блаженныя намяти Богомъ данный вождь Богданъ Хмелницкій, въ 1648 году на проклятое поляческое безсовѣстіе и мучительство святую свою козацкую саблю приподнялъ, въ томъ числѣ и мы, весь литовскій и и бѣлорусскій благочестивый народъ, оружіе свое охотно, дерзновенно и мужественно приподняли, чрезъ что, помощію Божіею, вся Малороссія и Украина, польскимъ фараономъ триста лѣтъ работавшая, попрежнему подъ высокодержавную всероссійскихъ царей и великихъ князей, а своихъ законныхъ и правильныхъ государей, досталася руку; пусть тѣже россійскіе господа министры разсудятъ себѣ и то, что когда высокословныя и вѣчнодостойныя памяти государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ въ 1654 году съ побѣдоноснымъ своимъ воинствомъ, войною на великое княжество Литовское и на Бѣлорусское пошелъ, тогда, по представленіямъ покойнаго гетмана Богдана Хмельницкаго, блаженныя памяти государю Алексію Михайловичу чрезъ гетманскихъ свонхъ посланниковъ, судію войскового Михайла Богдановича да полковника переясловскаго, Павла Тетерю, къ Его Царскому Величеству въ Москву отправленныхъ, учененнымъ (какъ о томъ тѣхъ же самыхъ посланниковъ и россійскаго министерства пункта: разговорно-отвѣтственный, двадцатый, а письменно-рѣшительный девятинадцатый, несуменно увѣряютъ) и мы де, весь Литовскій и Бѣлорусскій благочестивый народъ, съ

войскомъ Запорожскимъ, отъ Богдана Хмельницкого, подъ командою наказнаго гетмана Ивана Золотаренка, на помощь великому государю Алексію Михайловичу въ Литву отправленнымъ, ко россійской Его Царского Величества арміи присовокуплясь, во всѣхъ сраженіяхъ противу непріятеля храбро поступали и Его Царскому Величеству, яко единовѣрному съ нами государю, вѣрную нашу услугу оказывали, не взирая на то, что рицерскія головы котились, какъ кули, а шляхецкая наша кровь проливалась, какъ вода. Въ которомъ нашомъ съ россійскою арміею походѣ, пособіемъ премилосердаго и всесильнаго Бога, Смоленскъ взятъ, непріятельское войско, подъ командою литовскаго гетмана Радивила надъ рѣкою Березиною разбито и прогнато, Вильня разорена, Витепскъ вырубленъ, болѣе двохъ сотъ литовскихъ городовъ подъ высокодержавную всеросійскаго великаго государя Алексія Михайловича руку покорилось, и Его Величество, возвратясь всеблагополучно и преславно-торжественно на свой царскій престолъ, началъ съ того времени титуловатся: Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ; а послѣдовательно, за такія наши Россійскому государству вѣрно оказанныя великія услуги, стали мы быть Россійского государства вѣрные друзья, великіе пріятели и по должности союзники, коихъ насъ, своихъ союзниковъ, нельзя уже Россійскому государству, на основаніи обще-народныхъ во всемъ свѣтѣ узаконеній и политическихъ между сосѣдними государствами союзовъ, во всякихъ нашихъ нуждахъ не защищать; и потому де въ 1686 году, при заключеніи вѣчномирныхъ между Россіею и Польщею трактатовъ, старинно благочестивое и Богомъ умудряемое россійское министерство, 1, въ разсужденіи того, что премудрый оный и Богомъ водимый вождь Богданъ Хмельницкій, съ общекупнаго согласія, не только Малоросійскаго и Украинскаго, но и всего въ Коронѣ и въ Литвѣ находящагося благочестиваго народа поддался подъ высокославную всероссійскихъ государей державу съ тѣмъ твердымъ намѣреніемъ, несумѣнною надеждою и многократнымъ (какъ съ пунктовъ договорныхъ видѣть можно) прошеніемъ, дабы они всероссійскіе сильно-державные государи, а святаго благочестія ревностные поборники, крѣпкою своею высокомонаршею рукою не только Малоросію да Украину отъ поляческаго мучительства и злочестія защищали, но и всѣхъ бы насъ благочестивыхъ, въ Коронѣ и въ Литвѣ обрѣтающихся, по давнымъ нашимъ правомъ, во всякихъ сво-

бодахъ и вольностяхъ церковныхъ непоколебимо удерживали; 2, въ разсужденіи того, что въ 1654 году при поднятіи высокославныя и вѣчнодостойныя памяти государемъ, царемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ праведнаго своего на Литовское и Бѣлорусское княжество россійскаго оружія,—мы, весь Литовскій и Бѣлорусскій благочестивый народъ, присоединяясь ко всероссійскому воинству, не только единокровной своей братіи, то есть, литовскихъ и бѣлорусскихъ римлянъ да уніатовъ, но и собственного своего живота не щадѣли; 3, въ разсужденіи того, что поляки, по заключеніи оныхъ своихъ вѣчномирныхъ съ Россіею трактатовъ, на весь нашъ благочестивый, въ подданничествѣ Польской ихъ области обрѣтающійся народъ, нестерпимо злобствуя, а протекцій Россійскаго государства не опасаясь, могли бы въ одинъ годъ всѣхъ насъ благочестивыхъ лютыми мученіями въ унію обратить или горкой смерти предать, и тако бы мы, благочестивый Литовскій и Бѣлорусскій народъ, за оказанныя наши Россійскому государству, въ потребномъ случаи, столь великія и вѣрныя услуги получили себѣ въ награжденіе отъ Россійскаго государства временную либо вѣчную погибель; 4, въ разсужденіи того, ежели бы поляки, по извѣстному ихъ всей Европѣ непостоянству и клятвоприступленію, не взирая на заключеніе таковыхъ своихъ вѣчномирныхъ съ Россіею трактатовъ, имѣли еще и впредъ съ Россійскимъ государствомъ непріятельско поступать, — то мы, благочестивые Польской державы обыватели, по милостивой и сильной Россійскаго государства протекціи, въ знатномъ множествѣ состоящіе, были бы в состояніи по прежнему Всероссійскимъ монархомъ вѣрныя и знатныя наши услуги противу непріятеля оказывать; 5, въ разсужденіи того, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ большого и сильнѣйшаго государя, какъ Царь царей и Господь господей Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій; а послѣдовательно и Россійскому государству не было бы надежнѣйшаго средства ко утвержденію и благополучію своему, какъ съ тѣмъ великимъ и неба и земли Государемъ, чрезъ протекцію удамъ его, то есть, намъ благочестивымъ, здѣсь въ Польской области отъ уніятовъ и римлянъ горько страждущимъ, учиненную, въ вѣчно нерушимый союзъ вступить. Наконецъ, всѣхъ сихъ пяти основательныхъ и сильныхъ резоновъ въ разсужденіи, оное (сказуемъ) старинно-благочестивое и Богомъ умудряемое россійское министерство, заключая часто воспоминаемые, вѣчномирные съ Польщею трактаты, тѣхъ трактатовъ въ

девятый пунктъ и насъ всѣхъ благочестивыхъ Польской державы обывателей включило, съ таковымъ изъясненіемъ и утвержденіемъ: «что церквамъ Божіимъ и епископіямъ: Луцкой, Галицкой, Перемиской, Львовской и Бѣлорусской, и при нихъ монастырямъ и архимандріямъ: Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и Марковской, и съ ними игуменствамъ и братствамъ, въ которыхъ обрѣталося прежде и нынѣ употребленіе благочестивой греческой вѣры, и всѣмъ тамо живущимъ людямъ въ Коронѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, въ той же вѣрѣ оставляющимся, никакого утѣсненія и къ вѣрѣ римской и уніи принужденія чинено не будетъ, и быти то не имѣетъ; но по давнымъ правамъ, во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будутъ соблюдены». Коего де девятого пункта на основаніи, высокославныя и вѣчнодостойныя памяти государь императоръ Петръ I, уже лѣтами, разумомъ и царскою властію, отъ Бога данною, возмужавшій, всероссійскій монархъ, за долгъ себѣ почиталъ всѣхъ насъ благочестивыхъ здѣсь, въ Польскомъ государствѣ находящихся, всемѣрно и всесильно защищать и заступать; которое Его высокомонаршое благоволеніе и богодвижимая по святомъ нашемъ благочестіи ревность показуется найпаче съ граммоты Его Императорскаго Величества къ королю польскому Августу Второму и ко всѣй Республики Польской, изъ Москвы отъ 7 мая 1722 года отправленной; ибо когда Его Императорское Величество усмотрѣлъ, что хотя онъ, государь, королю польскому Августу Второму, какъ чрезъ граммоты, такъ и чрезъ министровъ своихъ довольно и сильно предъявлялъ, прося Его Королевское Величество дружебно, дабы, по договорамъ вѣчнаго мира, намъ, духовнымъ и мирскимъ греческаго исповѣданія людемъ, въ Коронѣ и въ Литвѣ гоненіе и обиды чинить запрѣщено было; однакожъ, римляне и уніяты не только отъ тѣхъ своевольствъ никогда не престали, но и вящше оное гоненіе и обиды намъ, грекороссійскимъ исповѣдникамъ, усугубили и продолжили: то тогда, тотъ богомудрый и всему свѣту чудный всероссійскій Соломонъ, оставя называемые умѣренные, то есть, обыкновенно и прежде къ защищенію грекороссійскаго нашего здѣсь въ Польщѣ благочестія, съ россійской стороны употребляемые, принялся за мнимые неумѣренные, то есть, за острѣйшіе, сильнѣйшіе и скородѣйствительнѣйшіе средства; коихъ Его Императорскимъ Величествомъ новопринятыхъ средствъ по объявленіи польскому королю Августу Второму и всей Республики, Пинскій благочестивый мона-

стырь, 1722 году, февраля въ первыхъ числѣхъ, не какими своевольными и бездѣльными людьми (какъ обыкновенно польское министерство россійскаго въ Варшавѣ посолъства зъ секретаремъ Яномъ Ржичевскимъ предъ россійскою Иностранныхъ дѣлъ Коллегіею безъсовѣстно и безъстудно брешетъ), но самымъ канцлеромъ литовскимъ, княземъ Вишневецкимъ, да при немъ четырма сенаторами: Яблуновскимъ, воеводою Русскимъ, Потоцкимъ, воеводою Кіевскимъ, Рупневскимъ, епископомъ Луцкимъ, и Годебскимъ, епископомъ Пинскимъ, на унію вооруженно, нагло-усильственно и разбойнически отнятый, благочестивому Пинскому братству немедленно возвращенъ. Ослушное и въ церковныхъ дѣлахъ одного только римскаго папу знающее и почитающее польское духовенство повелѣнія государя своего, Августа Второго, послушалось; несогласное и въ малной (sic) вещи по претенсіямъ, съ россійской стороны прежде чинимымъ, всегда генеральными своими сеймами извиняющеся польское министерство на предложеніе Его Королевского Величества согласилось; мнимая, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійского Сѵнода, въ 1757 году сентября 17 дня состоявшемуся, польскаго народа обыклая, неукротимая вольность и упорная несклонность его-жъ королевско-польскими рескриптами укротилась и усмирилась. Послѣдовательно и всѣ бѣды и обиды, намъ, грекороссійскаго въ Польще благочестія исповѣдникамъ, чрезъ столько десятковъ лѣтъ непрестанно причиняемыя и безпрерывно продолжаемыя, вдругъ пресѣклись. А по окончаніи коммисіи отъ него жъ всероссійскаго государя императора Петра Перваго, тоюжъ упомянутою высокомонаршею Его граммотою, къ королю польскому Августу Второму и ко всѣй Республики отправленною, съ Польского и Россійского государства опредѣленной, имѣло де послѣдовать и всѣхъ нашихъ въ Польще православно-восточныхъ епископскихъ монастырей и церквей и ихъ принадлежностей непремѣнное, немедлѣнное и всесовершенное возвращеніе, ежели бы была смерть великаго опаго премудростію и благочестіемъ государя, не меньше своимъ россіанамъ, какъ намъ, благочестивымъ полякамъ, горкая и вѣчнопечальная, не воспрепятствовала. По которой де Его Императорскаго Величества смерти, когда россійское министерство, хотячи насъ, на основаніи тѣхъ же вѣчномирныхъ трактатовъ, здѣсь въ Польскомъ государствѣ при благочестивомъ нашемъ законѣ непоколѣбимо удержать, паки возвратилась на немощныя стихіи, то есть, принялось по прежъ-

нему за вышъ показанные называемые умѣренные, премудрымъ своимъ всероссійскимъ государемъ Петромъ Первымъ, яко неполезные и не дѣльные, вовся уже оставленные средства: то тогда де и на насъ всѣ прежнія бѣды и озлобленія не только вдругъ возвратились, но еще намъ и усугубились; ибо де неисчислимыя оныя всякія бѣды и озлобленія, коимъ мы здѣсь въ Коронѣ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ безпрерывно подвержены, по представленіямъ и домогательствамъ Всероссійской Иностранной Коллегіи, польскому двору и министерству за нами чинимымъ, не инако пресѣкаются, какъ пожаръ деревяннымъ масломъ гасится.

Другая опасность: Что, по обявленіи чрезъ новоприбывого виленскаго старшого Авраама Фліоринского таковой вышъпоказанной преосвященного митрополита Кіевского и Святѣйшаго Правителствующаго Сунода благочестивому Виленскому братству воли, видячи я, бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ, все оное братство въ превеликомъ смятеніи, въ крайнемъ отчаяніи и въ жесточайшемъ на Святѣйшій Сунодъ огорченіи, когда началъ ихъ уговаривать и Святѣйшаго Сунода истино пастырскимъ къ нимъ благоутробіемъ, а Иностранной Коллегіи высокоминистерскимъ объ нихъ благоразсмотреніемъ накрѣпко обнадеживать, то оны мнѣ, въ необычной языка горячести и сердца своего горести, всѣ вдругъ начали говорить: «Напрасно де вамъ, отецъ старшій, насъ нынѣ Святѣйшимъ Всероссійскимъ Сунодомъ и Государственною Иностранныхъ дѣлъ Коллегіею уводить и старого соловія баснями кормить; вить де сіе уже и малолѣтному ребіонку между нами видно и вѣстимо, что Святѣйшій Всероссійскій Сунодъ насъ, овецъ своихъ, здесь въ Полще гонимыхъ, озлобляемыхъ и разоряемыхъ, не толко не защищаетъ, но и самъ еще врагамъ нашимъ, римлянамъ да уніятамъ, насъ же, свою паству, гонитъ и озлоблять и разорять крѣпко пособляетъ. А дабы де вамъ, отецъ старшій, этое наше представленіе не показалось быть дыко, то мы васъ въ томъ твердо увѣримъ изъ самыхъ же указовъ Святѣйшаго Сунода, а найпаче съ указа, ноября 23 въ 1754-мъ году состоявшагося и къ намѣстнику здешняго благочестиваго Свято-Духова монастыря іеромонаху Варлааму Владичкѣ съ братіею присланнаго. Равнымъ де образомъ, что принадлежитъ и до Иностранной Коллегіи, то и оная, въ дѣлѣ защищенія православно-восточной нашей здесь въ Полскомъ государствѣ вѣры, поступаетъ одиою битою

дорогою, то есть, умѣренными средствами, которымы, уже защищая насъ чрезъ седмдесятъ лѣтъ, ни одного благочестивого монастыря или церкви, либо церковнаго добра, привратить намъ не могла, да и впредь никогда не можетъ; а чтобъ де Иностранная Коллегія имѣла, кромѣ своихъ давныхъ умѣренныхъ средствъ, другіе какіе средства и мѣры къ защищенію нашему предпринять, то о томъ напрасно намъ и думать: ибо де, въ дѣлѣ защищенія нашего, Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи, какъ обыкновенный, такъ и вѣчнонепоколебимый законъ есть: всегда то дѣлать, что россійского при полско-королевскомъ дворѣ посолства секретарь Янъ Ржичевскій, подъ видомъ всесовершеннаго своего во учрежденыхъ Полскаго государства законахъ, правахъ и обыкновеныхъ искуства, съ собою или чрезъ россійскихъ, тамъ же при полско-королевскомъ дворѣ находящихся, министровъ въ Иностранную Коллегію предоставитъ. По смерти де высокославныя и вѣчнодостойныя памяти всероссійскаго государя імператора Петра I, съ 1725 по 1743 годъ, отнято у насъ нагло, усилственно и мучителско 124 церкви. Отъ котораго озлобленія въ защищеніе, когда по представленію и ходатайству за нами бывого прежде нашего виленского старшого, а потомъ архіепископа Великоновгородского, преосвященного Амвросія, воспослѣдовало всевысочайшее Ея Імператорскаго Величества повелѣніе, чтобъ Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи насъ бѣдныхъ, здесь въ Полскомъ государствѣ столь озлобленныхъ и озлобляемыхъ, защитить,— то де Иностранная Коллегія, понеже, къ крайнему нашему нещастію, въ предпринятомъ ономъ своемъ дѣлѣ не принялась по высокомонаршей грамотѣ благочестивѣйшаго и премудрѣйшаго своего государя імператора Петра I къ королю полскому Августу II и ко всей Республики, съ Москвы отъ 7 дня маія 1722 года отправленной, за мнимые неумѣренные средства, на основаніи обще-народныхъ во всемъ свѣтѣ узаконенныи, вѣчно-непоколебимо утверждаемые, самолегчайшіе, скоро-дѣйствителные, непреодоленно-силные, справедливые, предъ очима всего свѣта достохвалные и потому всѣми въ свѣтѣ государями къ защищенію единовѣрнаго своего по чужимъ государствамъ ісповѣданія предпріемлемые; но и принялась де она, Всероссійская Іностранныхъ дѣлъ Коллегія, по представленіямъ россійскаго своего въ Варшавѣ резидента, родомъ поляка, зако(но)мъ римлянина Голембовскаго, за мнимые умѣренные средства, на основаніи учреж-

денныхъ единымъ толко Полскимъ государствомъ для своего народа законовъ, правъ и обыкновеній утверждаемые, самотяжчайшіе, безъконечно-волокитные, безприкладно-слабые, безъсовѣстіе и безъстудство и всю злоковарную полскаго духовенства до министерства хитрость утаевающие, предъ очима всего свѣта всебезнадежные, и потому, не толко всероссійскимъ Соломономъ, Петромъ I, еще въ 1722 году (какъ съ предъпоказанной высокоманаршей Его граммоты видѣтъ можно) брошенные, но и нынѣшнымъ королемъ прускимъ въ 1756-мъ году въ защищепіи единовѣрныхъ своихъ въ Полскомъ государствѣ протестантовъ непредпринятые. И того де ради высокоучрежденная Всероссійская Іностранная Коллегія, къ немалому нашему сожалѣнію, въ министерскихъ своихъ представленіяхъ и домогателствахъ, (кои) съ 1743-го по 1747 годъ къ полскому двору и министерству не безznатнаго труда отправляетъ, напрасно трудилась, и къ превеликому де не толко нынѣшнему, но и всея Европы, удивленыю, она жъ, Государственная Иностранныхъ дѣлъ Коллегія, въ переписках своихъ, по дѣлу о благочестіи нашемъ, здесь въ Полской державѣ озлобляемомъ и разоряемомъ, съ полскими министрами производимыхъ, всегда поступала по отзывамъ полскаго министерства и духовенства на свои ихъ поляческіе судебные мѣста и генерално согласные сеймы, какъ бы де Россійская, самовластная и крѣпкодержавная імперія приватнымъ, и безъпорядочнымъ Полского королевства законамъ, правамъ, и обыкновеныямъ подверженна была и споры свои съ Полщею имѣла разбирать по порядкамъ, отъ полского министерства показуемымъ, а не по узаконеніямъ, отъ всѣхъ обще въ свѣтѣ народовъ учрежденнымъ и потвержденнымъ, и не по трактатамъ, между Россіею и Полщею въ 1686-мъ году заключеннымъ!

И какъ же де можно, Всероссійской Іностранныхъ дѣлъ Коллегіи, православно-восточное наше благочестіе, здесь въ Полще озлобляемое и разоряемое, представленіями и домогателствами своими, полскому двору и министерству чинимыми, защитить, понеже всѣ таковіе Государственной Іностранныхъ дѣлъ Коллегіи представленыя и домогателства утверждаются на основаніи тѣхъ средствъ, кои съ Варшавы россійскаго посолства секретарь Ржичевскій, римской своей церкви истинный сынъ и защитникъ, а нашей православно-восточной присяжный врагъ и разоритель, въ Иностранную Коллегію представляетъ? Такимъ де образомъ и прежде сего, въ 1747-мъ году, понеже

россійскіе, при полско-королевскомъ дворѣ обрѣтающіеся, министры въ порученномъ себѣ дѣлѣ о защищеніи православно-восточнаго нашего здесь въ Полще закона, то толко дѣлали, что имъ, господамъ министрамъ, россійскій въ Варшавѣ резидентъ Голембовскій, отъ полского духовенства и министерства тайно наущаемый, подъ видомъ всесовершеннаго своего во узаконенныхъ Полского государства учрежденыхъ искуства злохитрно представлялъ: то и бѣдная оная, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, съ россійскаго духовенства, которое, кромѣ школническихъ ученій, ничего болѣе не смыслило, состоявшая, Комисія такъ окончалась, какъ полскому духовенству да министерству было угодно.

Я, іеромонахъ Ѳеофанъ, хотя и былъ указами Святѣйшаго Сунода и эпархіальнаго моего архіерея, въ силныхъ терминахъ состоявшимися, отъ виленскаго старшинства вовся уже отрѣшенъ; однако, разсуждая себѣ, что таковое нечаянное всего показуемаго благочестиваго виленскаго братства смятеніе есть не толко ради православно-восточной Христовой церкви зѣло опасно, но и ради Всероссійскаго нашего отечества предосудително, имѣя же предъ очима страшную Хрістову о цѣлохраненіи дражайшей Его паствы заповѣдь, а чувствуя мою вѣрноподданическую присягу, не преминулъ и еще всемѣрно оное виленское братство отъ таковаго многомятежнаго и зѣло опасного намѣренія удержать, и потому, съ самаго начала прибытія въ Вилно сукцессора моего Авраама Фліоринскаго, въ 1758-мъ году созывалъ я къ себѣ чрезъ цѣлый мѣсяцъ генварь ежеденно многократнимы моими прошеніями все частно воспоминаемое виленское братство, уговаривая ихъ и увѣряя, что указъ, въ Святѣйшемъ Сунодѣ 1754 года ноября 22 состоявшійся, съ котораго указа оны, виленское братство, хотятъ Святѣйшему Правительствующему Сунодуне защиту, но разореніе всего своего, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ находящагося, благочестыя причесть, не есть указъ Святѣйшаго Сунода, но единого толко члена, архіепископа Санкт-петербургскаго преосвященного Сулвестра Кулябки; ибо тотъ указъ и состоялся, какъ не с вѣдома и общекупнаго согласія всѣхъ Святѣйшаго Сунода членовъ, такъ и не по какимъ основательнымъ и правилнымъ причинамъ, но единственнѣ по единой самого его, преосвященного Сулвестра, еще кіевской, съ 1742-го года, на антецесора моего Сулвестра Добрыну за приватную пустошъ архипастырской

злобѣ. Которую свою давную и вѣчнонепримиримую злобу онъ, преосвященный Сильвестръ, хотячи въ вышъозначенномъ 1754-мъ годѣ, по случаю первоначалства своего въ Святѣйшемъ Сунодѣ, надъ антецессоромъ моимъ Сильвестромъ Добрыною исполнить, не усумнѣлся и не устыдился за однымъ Добрыною всѣхъ бывшихъ и будущихъ виленскихъ старшихъ оболгать, а единомысленниковъ своихъ при Святѣйшемъ Сунодѣ обмануть, предявляя, что ему, преосвященному Сильвестру, от давныхъ временъ состоянie виленского Святодухова монастыря доволно вѣстимо. При которомъ де монастырѣ въ казну собирается ежегодно по колко десять копъ тысячей денегъ, а съ приватныхъ обывателей во всякой находится по колко сотъ крестянъ. И такъ де оны, того заграничного монастыря старшie, могучи всесовершенно столь знатною денежною суммою и толикимъ числомъ крестьянъ не толко главный виленскiй, но и протчie подсутственные благочестивые монастыри, въ добропорядочномъ строенiи и правленiи содержать, въ Россiйское государство за испрошенiнмъ вездѣ въ христолюбцовъ милостини напрасно пріежжаютъ и Святѣйшiй Сунодъ плутовскими своими, подъ видомъ крайней началного виленского и всѣхъ приписныхъ благочестивыхъ монастырей скудости, представленiями обманютъ; ибо де вся таковая немалая ими, виленскими старшими, обыкновенно въ два года, какъ изъ государственной казны получаемая, такъ и отъ доброхотнодателей въ Всероссiйской имперiи городѣхъ собираемая денежная сумма издержуется не на самокрайнѣйшiя тамошныхъ заграничныхъ, благочестивыхъ монастырей нужды, но на единiя толко приватныя и пребездѣлническiя ихъ, виленскихъ старшихъ, пустоши.

И понеже (сказывалъ я всему благочестивому виленскому братству) этотъ не (какъ оны думали) Святѣйшаго Сунода, но преосвященнаго Санктпетербургскаго, и не по какимъ основателнымъ и правилнымъ причинамъ, но по единой Его Преосвященства на антецессора моего Сильвестра Добрыну приватной злобѣ, въ 1754-мъ году ноября 22 д. состоявшiйся указъ, состоялся еще не толко къ непремѣнной и немедленной всего нашего грекороссiйскаго въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ благочестiя погибели, но и въ явновидную высокомонаршимъ граммотамъ и имяннымъ Петра I указамъ противность: то Святѣйшiй Правительствующiй Сунодъ, въ разсужденiи всѣхъ таковыхъ обстоятельствъ, взирая болѣе на вѣчного Небесного,

нежели на временнаго Санктпетербургскаго, архіерея и почитая лутше славу и величество своего государя, нежели растлѣнныя страсти подданного раба, указъ тотъ преосвященного Санктпетербургского немедленно уничтожитъ, а высокомонаршія Петра I граммоты и іменныя Его Императорского Величества указы по прежнему при своей силѣ оставитъ и чрезъ то православно-восточную Хрістову церковь, въ Полскомъ государствѣ злобою и злостію преосвященного Санктпетербургскаго поколебанную, въ твердое и безопасное состояніе приведетъ. Подобнымъ образомъ и Государственная Иностранныхъ дѣлъ Коллегія, въ разсужденіи тяжелыхъ своихъ и долговременныхъ, яко уже чрезъ седмдесятъ лѣтъ по дѣлу о находящемся въ Коронѣ и Литвѣ грекороссійскомъ своемъ исповѣданіи подемлемыхъ напрасныхъ трудовъ, примѣтивъ остро-проницателнымъ своимъ министерскимъ разсужденіемъ полского министерства безъсовѣстіе, безстудство и всю ихъ злоковарную подъ видомъ сосѣдно-союзной съ нами дружбы, и безъпристрастнаго съ ихъ поляческой стороны въ домагателствахъ нашихъ правосудія укриваемую хитрость, вдругъ броситъ змѣнника, обманщика и всегосвѣтнаго плута Ржичевскаго, секретаря, да пріимется всѣми силами за своего государя, імператора Петра I и православно восточную вашу, а паче свою церковь въ Литвѣ и въ Евронѣ, отъ седмидесяти лѣтъ тыранско озлобляемую и разоряемую средствами, не отъ секретаря Ржичевскаго злохитрно показуемыми, но въ прежде помянутой высокомонаршей Петра I граммотѣ изображенными, всесовершенно, многополезно, крѣпко, преславно и немедленно защититъ. А я, бывый у васъ здесь въ Вилнѣ чресъ три года началникъ, пастырь и сострадалецъ, за прибытіемъ моимъ съ Вилнѣ въ Кіевъ, моему и вашему архипастырю, преосвященному митрополиту Тимоѳею, обо всемъ томъ, чему я нынѣ васъ обнадеживаю, обстоятелно и вѣрно донесть для представленія его преосвященствомъ, куды надлежитъ, тотъ часъ не премину. Но оны, благочестивое виленское братство, не взирая на всѣ этые долговременные и многократные мои обнадеживанія, при окончаніи послѣдныхъ своихъ рѣчей, въ отвѣтѣ мнѣ сказали: мы де инако на совѣтъ вашъ пристать и отъ намѣренія нашего удержатся не можемъ, какъ развѣ съ тѣмъ уговоромъ, что вы, отецъ старшій, новоприбывому вашему сукцессору Аврааму Фліоринскому, не здавъ зъ себе настоятелского правленія, ни церковныхъ и монастырскихъ вещей, но его, Фліоринского, обя-

вивъ толко предъ здешными нашими врагами комисіятомъ, для слѣдствія обыдъ, въ 1755-мъ и 1756-мъ году всему нашему благочестію съ крайнымъ безчестіемъ здесь въ Вилни приключившихся, съ Кіева нарочно присланнымъ, сами, съ Вилни не въ Кіевъ, но первіе въ Варшаву поѣхавъ, за выношеніе нами въ чужое государство жалобъ, въ противность сеймовымъ конституціямъ, подъ смертною казнію узаконеннымъ, въ доношеніи вашемъ 1756 году съ Вильни въ Кіевъ, съ Кіева въ Санктпетербургъ отправленномъ, прописанныхъ и съ Иностранной Колегіи къ россійскому въ Варшавѣ министру присланныхъ, намъ, нынѣ бѣднымъ и безпомощнымъ людямъ, освобожденія отъ принужденія въ уніятской законъ или отъ опредѣленія на насъ смертной казни у полскихъ нашихъ министровъ пособіемъ россійскаго въ Варшаве посланника исходатайствуете; а потомъ, съ Варшави въ Санктперербургъ прибывъ, Святейшему Правительствующему Сѵноду и Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи, а чрезъ Святѣйшій Сѵнодъ да Иностранную Коллегію и самому высочайшему Ея Імператорскаго Величества Лицу всѣ наши бѣды, озлобленія, гоненія и разоренія, коимъ мы здѣсь въ Полскомъ государствѣ, съ принятія насъ подъ россійскую протекцію, чрезъ семдесятъ лѣтъ безъпрерывно подвержены, вѣрно и всѣ обстоятелно представите, съ чего бы, по высокомилостивому Святѣйшаго Сѵнода да Иностранной Коллегіи за нами предстателству, всесилною Ея Імператорскаго Величеств рукою могло послѣдовать православно-восточному нашему закону, нынѣ уже отчаянно колеблючемуся, отъ всѣхъ прежнихъ и настоящихъ бѣдъ, озлобленій, гоненій и разореній немедлиное освобожденіе; а намъ самымъ, православно-восточнаго онаго грекороссійскаго закона исповѣдникамъ, всѣхъ нашихъ древныхъ, въ исповѣданіи благочестивой вѣры и въ обрядахъ Восточной Церкви по примѣру властвующаго римскаго закона цѣло-безъпрепятственныхъ волностей, такожъ всѣхъ нашихъ прежныхъ шляхецкихъ, по природному нашему съ прочшею римскаго закона шляхтою равенству, въ Полскомъ государствѣ преимуществъ и ко всѣмъ государственнымъ чинамъ достоинствъ (дабы мы впредъ, будучи чиновниками, судіями, министрами, сенаторами, и сами свое благочестіе защитить могли) всесовершенное возвращеніе, на основаніи трактатовъ, съ самого начала присоединенія нашего къ Полскому государству между нами, народомъ Полскимъ, Литовскимъ и Русскимъ, миролюбно заключенныхъ и присягами запе-

чатлѣнныхъ, основателными и вѣчно непоколѣбимыми Полскаго государства узаконеніями (sanctionibus progmaticis) закрепленныхъ, премногими генерално сеймовыми конституціями утвержденныхъ и клятвенными всѣхъ полскихъ государей, начавъ отъ Казимира Великаго съ 1340 года до нынѣ скипетродержащаго Августа III, при коронаціи предъ престоломъ Божіимъ обѣщаніями потверждаемыхъ; кои всѣ трактаты, узаконенія, конституціи и клятвенные обѣщанія мы, благочестивое виленское братство, вамъ, отецъ старшій, повѣряемъ, и въ Санктпетербургъ поручаемъ; а наипаче по тому, что ежели предки наши, будучи Полского своего государства дворяне, бароны, графы, князья, секретари, судіи, тайные совѣтники, сенатари и канцлеры, по святомъ своемъ грекороссійскомъ въ Полще благочестіи всемѣрно и всесилно до конца жизни ревнуя и стряпческую должность на собственныя персоны взимая въ защищеніи православно-восточной своей церкви, отъ людей римскаго закона озлобляемой и разоряемой, по этымъ неопределенно-сылнымъ Полскаго нашего государства трактатамъ, узаконеніямъ, конституціямъ и клятвеннымъ обѣщаніямъ, не толко въ судебныхъ Полского государства мѣстахъ, но и у самыхъ своихъ государей, великодержавныхъ королей, и на генерално-сеймовыхъ съѣздахъ у всѣхъ Полской республики чиновъ, надлежащимъ порядкомъ, всѣ удобновозможные и горкослезные домогателства чрезъ триста лѣтъ дѣлали: однако съ безсовѣстнымъ, безъстудножливымъ, клятвопреступнымъ и всековарнѣйшимъ римскаго въ Полще закона духовенствомъ да министерствомъ ничего не успѣли; то намъ, бѣднымъ мужикомъ, простакомъ и харпакомъ, а нашимъ старшимъ, съ Россіи до насъ присылаемымъ, окаяннымъ школяромъ, о защищеніи грекороссійскаго нашего здесь въ Полще закона нашеми трудами и домогателствами напрасно уже нынѣ и думать, ежели надъ нами Благочестивейшая Самодержавнѣйшая и Благоутробнѣйшая Всеросійская Мати умилосердитися не соизволитъ.

Третая опастность: По отѣздѣ моемъ съ Вильни въ Варшаву и по представленіи полскому министерству основателныхъ и доволныхъ доказательствъ, что православно-восточные грекоросійскіе, въ подданствѣ Полскаго государства находящіеся, исповѣдники въ существителныхъ, съ коихъ единого ради благочестія имъ причиняемыхъ обидахъ, адресуясь прямо къ россійскому двору противо поданнической своей должности и противо собственного своего государя, полскаго короля,

и противо государственныхъ, всею Полскою республикою узаконенныхъ, учрежденій, нималѣйше не погрѣшаютъ, хотя мнѣ помощію Божіею и удалось все виленское благочестивое братство отъ имѣвшей имъ бѣднымъ воспослѣдовать неминуемой напасти твердо и всесовершенно защитить; однако, за прибытіемъ моимъ съ Варшави въ Санктпетербургъ къ первенствующимъ нашимъ всероссійскимъ пастырямъ православно-восточной Христовой церкви, силнымъ защитникамъ и крѣпкимъ поборникамъ, когда я началъ Святѣйшаго Правителствующаго Сунода членамъ обо всѣхъ тамошныхъ заграничныхъ, слезнаго сожалѣнія достойныхъ, обстоятелствахъ всенижайше представлять и въ моемъ смиреніи просить, дабы ихъ святѣйшество, по архипастырскому своему благоутробію, милосердуя о своихъ овцахъ, не допустили благочестивому виленскому монастырю съ девятью приписными обителми и всему нашему въ великомъ княжествѣ Литовскомъ православному народу въ конецъ разорится и въ унію обратится исполненіемъ вышъпоказаннаго, въ Свѣтѣйшемъ Сунодѣ въ 1754 году состоявшагося, указа: то Святѣйшаго Сунода мудрѣйшій, сильнѣйшій и во святомъ благочестіи ревностнѣйшій членъ, преосвященный Сильвестръ, архіепископъ Санктпетербургскій, съ своими единомышленниками, не толко надъ бѣдными оними благочестивыми десятью монастырями и всѣмъ тамошнимъ православнымъ народомъ умилосердится не похотѣлъ, но и намѣстника тогожъ благочестиваго виленскаго монастыря іеромонаха Самуила Акинчица, который было со мною для испрошенія отъ христолюбцовъ милостыни, за силу высокомонаршихъ грамотъ, въ Санктпетербургъ пріехалъ, чрезъ сѣмъ дней подъ карауломъ при Святѣйшемъ Сунодѣ содержавъ, потомъ обратно въ Вилню съ укоризною и безчестіемъ къ крайнему всего тамашняго православія отчаянію немедленно отправилъ. Такожъ, когда я Святѣйшаго Сунода членамъ какъ преждѣ на словахъ все обстоятелно доносилъ, такъ потомъ и писменно сказкою, въ канцеляріи Святѣйшаго Сунода іюля 6 д. прошлого 1758 года съ мене взятою, которую Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи прилагаю подъ литерою А, съ изъясненіемъ оной же моей сказки подъ литерою АА, представилъ, что касателно озлобленія и защищенія всѣхъ нашихъ, въ Коронѣ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ находящихся, единовѣрныхъ исповѣдниковъ имѣю я Святѣйшему Правителствующему Суноду пространное доношеніе подать съ вѣрными, основателными и все-

обстоятелными документами: то въ Святѣйшемъ Сунодѣ, по совѣту и предводителству преосвященного Санктпетербургского, не толко таковое мною намѣненное доношеніе отъ мене не принято, но и самъ я еще подъ крѣпкій караулъ попалъ и въ Иностранную Коллегію, при указѣ Святѣйшаго Сунода, подъ карауломъ же посланъ былъ. Потомъ, какъ Государственная Иностранныхъ дѣлъ Коллегія тотъ часъ мене отъ крѣпкого оного сунодалного караулу избавила и всякою свободою даровала, августа 29 д. поданное отъ мене вышъ показанное по дѣлу о находящихся въ Полще и Литвѣ грекороссійскаго нашего закона людехъ пространное доношеніе съ радостію и благодареніемъ приняла и по оному немедленно, знатно и всеблагонадежно въ ползу и защищеніе всего того въ Полской области одъ семидесяти лѣтъ озлобляемаго и разоряемаго благочестія трудится начала: то преосвященный Сулвестръ, архіепископъ Санктпетербургскій, съ своими единомысленниками, не взирая на всѣ сильные Государственней Иностранныхъ дѣлъ Колегіи о моемъ вспоможеніи въ Святѣйшій Сунодъ представляемые доношенія и не взирая на высокопризрителную самого графа канцлера ко мнѣ по моему дѣлу благосклонность, такожъ не взирая нималѣйше и на то, что воспоминаемое мое дѣло представляется никому не въ обиду и не собственной какой моей ползы или чести, но, на основаніи заповѣди Божія імянныхъ высокомонаршихъ указовъ, общаго православно восточной Хрістовой церкви и Россійской імперіи добра касается, но взирая толко онъ, преосвященный Сулвестръ, единственнѣ на то, какъ бы древнюю свою еще кіевскую съ 1744 года за приватную пустошь на мене злобу въ Санктпетербургѣ 1758 года надо мною исполнить; и такъ, вмѣсто того, чтобъ мнѣ въ трудахъ моихъ общеполезныхъ и столь тяжелыхъ, по пастырскому своему долгу, воспоможеня дѣлать, противнымъ образомъ, Его Высокопреосвященство, оставя человѣческое стыдѣніе, языческую совѣсть, христіанское чаяніе воскресенія мертвыхъ, не усумнился мене, бѣднаго и невинного человѣка, предъ болшими военными и придворными господами и предъ Его Высокографскимъ Сіятелствомъ, великимъ государственнымъ канцлеромъ, непрестанными ужасныхъ безчиній оклеветаніями до тѣхъ поръ марать, покаместь мене, при Иностранной Коллегіи, отъ дѣла моего, церкви Хрістовой и Россійскому нашему отечеству многополезного, оторвавъ, съ Санктпетербурга скоропостижно не прогналъ,

а оное мое дѣло, купно съ приложеніями съ Иностранной Коллегіи въ Святѣйшій Сѵнодъ представленное, и доношеніе Иностранной Коллегіи по оному моему дѣлу о непремѣнномъ и немедленномъ съ россійской стороны при королевскомъ дворѣ въ ползу тамошняго грекороссійскаго благочестія учрежденіи комисара, по имянному указу высокославныя и вѣчнодостойныя памяти государя імпиратора Петра I, 1722 года состоявшемуся, взнесенное, на безконечную волокиту не пустилъ къ явновидному и немедленному всего нашего, часто воспоминаемаго, грекороссійскаго въ Полскомъ государствѣ закона разоренію.

О коихъ всѣхъ въ бытность мою въ Санкт-Петербургѣ 1758 и 1759 года случившихся не отъ полскаго, но отъ нашего россійскаго да еще правителствующаго духовенства на мене гоненіяхъ, а Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи и другихъ болшихъ свѣцкихъ господъ обо мнѣ сожаленіяхъ, моихъ же за святую нашу въ Полскомъ государствѣ грекороссійскую вѣру между такими зѣло трудными обстоятелствами крѣпко страдалческихъ подвигахъ, прилагаю Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи съ болшаго числа нѣсколко вѣрныхъ доказателствъ подъ литерою Б.

За прибытіемъ моимъ съ Санктпетербурга въ Кіевъ, въ прошломъ 1759 году мая 28 дня, чувствуя я, бывшій виленскій старшій, сострадалческую мою къ благочестивому виленскому братству и ко всему тамошнему православно-восточному народу горячесть и имѣя у себе всегда предъ очима учиненные мною при выѣздѣ моемъ съ Вилни въ Санкт-Петербургъ всему виленскому братству крѣпчайшіе многократные обнадеживанія, а вѣдая заподлинно, что оны, благочестивое виленское братство, по отѣздѣ моемъ съ Полщи въ Россію, на всякъ день и на всякъ часъ съ нестерпимымъ желаніемъ дожидаются отъ мене отвѣта, а отъ Святѣйшаго Правителствующаго Сѵнода и отъ Государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи по моимъ обо всемъ ихъ тамошнемъ заграничномъ грекороссійскомъ благочестіи представленіямъ въ столь долговременныхъ тягчайшихъ своихъ узахъ и лютомучителскихъ озлобленіяхъ всерадостнаго благовѣстія, приложилъ я, будучи уже въ Кіевѣ, немедленно всеудобовозможное стараніе назначенную мною, доношенія моего въ Государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію, августа 29 въ 1758 году поданную, въ шестомъ пунктѣ, отъ имени грекороссійской въ Полще церкви жалобу

на латинскомъ языки сочинить порядочно, связно, ясно, основателно и съ доводами, въ доказателство подлинности всякого въ оной жалобѣ представленія прилагаемыми, хотя немногими и краткими, однако весма силными и отнюдъ неоспоримими, яко не толко всей премудрой Эвропѣ извѣстными, но и въ самыхъ Полскаго государства по судебнымъ мѣстамъ архивахъ, вѣрно, безподозрително и цѣло-невредно, отъ давныхъ временъ и отъ многихъ сотъ лѣтъ хранимыми. Которую мною сочиненную жалобу, когда я тогожъ 1759 года, іюня средныхъ чиселъ, въ силѣ указа Святейшаго Правителствующаго Сѵнода, епархіалному моему архіерею, преосвященному митрополиту Кіевскому Арсенію, на аппробацію поднеслъ, то во мѣсто вѣсти, по бывому у мене мнѣнію, мнѣ вожделѣнной, а православному виленскому братству и всему тамошнему народу всеблагонадежной, получилъ я отъ Его Преосвященства, іюля 15 д., на Кудравской мызѣ, при болшомъ собраніи кіевскихъ учителей и другихъ почтенныхъ гостей, таковъ отвѣтъ: «этое де ваше сочиненіе не годится; первіе по тому, что здѣлано кратко; другое по тому, что въ дѣлѣ защищенія грекороссійской нашей въ Полщи церкви падлежитъ намъ, за силу указа Святѣйшаго Сѵнода, поступать съ римскимъ папою весьма политично, а съ полскимъ министерствомъ умѣренными средствами. Даромъ де, что по вашимъ представленіямъ и доказателствамъ, въ поданномъ отъ васъ въ Иностранную Коллегію доношеніи прописаннымъ, полское министерство обмануетъ насъ чрезъ сѣмдесятъ лѣтъ, а римскій папа всѣхъ грекороссійскаго закона исповѣдниковъ называетъ шелмаии». Правда, что такое мое сочиненіе здѣлалъ я кратко, а именно на пяти листахъ, да всю его великую и важную силу въ тѣхъ пяти листахъ совершено вомѣстилъ для того, чтобъ этое мое сочиненіе, или грекороссійской въ Полще церкви жалобу на злочестивое римскаго папы со всемъ его духовенствомъ благочестіе и на безъзаконные поляческіе законы, Россійскому нашему двору приносимую, могли въ Полскомъ государствѣ не толко духовные и свѣцкіе господа, но и самъ Его Величество король, читать и въ опой жалобѣ всѣ свои съ нашимъ Россійскимъ дворомъ злоковарные поступки, хотя нехотя, какъ въ зерцалѣ увидѣть.

А что касается до болшого еще числа вѣроятныхъ доказательствъ и пространнѣйшихъ обстоятелствъ, то тѣ всѣ и на пятнадцати дестяхъ бумаги не вомѣстятся, да и собирать же ихъ и росполагать по

порядку, съ объясненіемъ политической и церковной Полскаго государства гисторіи, надлежитъ не для полскаго министерства и духовенства, но для нашей всероссійской Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи, съ тѣмъ намереніемъ, дабы, в случаи произшедшихъ съ полской стороны, за какій либо воспоминаемой грекороссійскаго въ Полще благочестія жалобы пунктъ, на россійскую Иностранныхъ дѣлъ Колегію нареканій и оклеветаній, наша Россійская Иностранная Коллегія могла вдругъ полское министерство таковыми, давно уже у себе заготовленными, доказателствами твердо и неоспоримо уличить.

И такимъ образомъ, по моему скудоумному разсужденію, ежели бы этое мое дѣло, то есть, отъ имени грекороссійской въ Полще церкви жалобу, мною на латинскомъ языки въ пяти листахъ сочиненную и архипастырю моему, преосвященному митрополиту кіевскому Арсенію для потвержденія представленную, дозволено было въ Англію или Голландію послать и въ печать отдать,—то я во всей премудрой Эвропѣ не толко предъ школами и гимназіями, но и предъ главными и славными университетами, да и предъ самыми глубокими политиками и высокими министрами за такой мой трудъ не посрамился бы; но что дѣлать, когда оной единому моему эпархіалному архіерею не показался. Въ томъ же 1759 году сентября 6 д. получилъ я указъ Ее Императорскаго Величества Самодержицы всероссійскія изъ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи въ такой силѣ, дабы мнѣ часторѣченную грекороссійской въ Полще церкви жалобу сочинить по моему доношенію въ Иностранную Коллегію, а по представленію Иностранной Коллегіи въ Святѣйшій Сунодъ; по наставленію же Святейшаго Сунода къ преосвященному митрополиту нашему Арсенію, то есть, по точному содержанію шести пунктовъ, въ показанномъ моемъ доношеніи изображенныхъ, сочинить и Его Преосвященству на аппробацію представить. Коего Ея Імператорскаго Величества изъ Духовной Митрополіи мною полученнаго указа въ непремѣнное и немедленное исполненіе и долженъ я былъ и всеусердно желалъ за повелѣнное мнѣ дѣло принятся и въ ползу не толко Хрістовой церкви, но и Россійскаго нашего отечества ревностно и вѣрно, по мѣрѣ силъ моихъ, потрудится; будучи же не въ состояніи двоихъ ради непреодолѣнно воспящающихъ обстоятелствъ, подалъ тогожъ 1759 года Его Преосвященству два доношенія. Первое, октября 11 д., о вспоможеніи мене денежною суммою, до трохъсот ѣрублей, на

сысканіе изъ Вилни документовъ, къ твердому и всеобстоятелному повелѣваемаго мнѣ дѣла сочиненію касающихся, и на содержаніе при мнѣ троихъ, въ русскомъ, латинскомъ и полскомъ языкѣ ісправныхъ и къ переписки пятнадцяти дестей бумаги праведно и правилно требуемыхъ помощниковъ, необходимо мнѣ нужною; котораго доношенія копію прилагая Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи подъ литерою В. Другое, тогожъ октября 22 д., о снабдѣніи мене и моихъ помощниковъ квартерою, въ кіевскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ состоящею, такожъ естною и питейною порціею, къ содержанію трудящихся нескудною; да притомъ поѣздомъ, для прочитыванія въ Кіевскомъ Магистратѣ старополскихъ документовъ нужно требуемымъ; которого доношенія копію прилагаю Духовной Консисторіи подъ литерою Г. Но къ превеликой моей и горчайшими слезами неутолимой печали, а къ непременной и немедленной всего нашего грекороссійскаго въ Полскомъ государствѣ благочестія погибели, и по нынѣ я ни на первое мое доношеніе о вышъ показанной денежной суммѣ, ни на другое о квартирѣ, препитаніи и поѣздѣ отъ Его Преосвященства никакого пастирского милосердія не получилъ, да и впредъ получить, разсуждая нынѣшніе мои совсѣхъ сторонъ обстоятелства, по коимъ въ зависти, ненависти, гоненіи и крайнемъ презрѣніи нахожусь, никакой надежды не имѣю.

І тако, бѣдный я и окаянный человѣкъ, бывшій виленскій старшій, при выѣздѣ моемъ съ Вилни въ Санктпетербургъ, обнадеживая накрѣпко все тамошнее виленское братство отеческою милостію Святейшаго Правителствующаго Сунода, высокоминистерскимъ благоразсмотреніемъ государственной Іностранныхъ дѣлъ Коллегіи, истинно-пастырскою ревностію и все-удобвозможнымъ о паствѣ своей ходатайствомъ эпархіалнаго архіерея, преосвященнаго митрополита кіевского, стался я нынѣ предъ виленскимъ братствомъ и предъ всѣмъ тамошнимъ благочестивымъ народомъ во лжѣ и плутовствѣ; а оны, виленское братство и весь тамошній благочестивый народъ, остались такожъ, при прежнемъ своемъ не толко церквѣ Христовой вредителномъ, но и Россійскому нашему отечеству предъосудителномъ намѣреніи.

Пусть же теперь новоопределенный виленскій старшій съ Россіи въ Вилню съ умѣренными нашими средствами поѣжжаетъ. Пусть свое виленское братство и весь тамошній благочестивый народъ, престрѣлаго уже соловья, баснями кормитъ. Пусть въ Вилнѣ

грекороссійское свое благочестіе удержуетъ и съ римскимъ уніятскимъ духовенствомъ управляется, которое, по отѣздѣ моемъ съ Вильни въ Санктпетербургъ для представленія Святѣйшему Правителствующему Синоду и государственной Иностраныхъ дѣлъ Коллегіи о обидахъ, всему нашему грекороссійскому въ Коронѣ и Литвѣ благочестію причиняемыхъ, и о средствахъ ко всесовершенному всѣхъ таковыхъ обидъ пресеченію, скородѣйствителныхъ и многополезныхъ, извѣстясь заботливо, что я, за прибытіемъ моимъ въ Санктпетербургъ при Святѣйшемъ Сунодѣ взятъ былъ подъ караулъ, а съ Иностранной Коллегіи прогнатъ скоропостижно въ Кіевъ,—начало римское и уніятское духовенство на благочестивый нашъ законъ по прежнему жестоко свѣрипѣть, и въ самомъ главномъ Великого Княжества Литовскаго городѣ Вильнѣ благочестивыхъ нашихъ іеромонаховъ, съ Животворящими Христовыми Тайнами къ болнымъ приходящихъ, не толко публично безчестить и до полусмерти бить, но и самыя Животворящія Христовы Тайны, съ рукъ у нихъ іеромонаховъ вырвавъ и на землю опрокинувъ, ногами топтать; вѣдая оны, римскіе и уніатскіе попы, всесовершенно, что всѣ, непрестанныя и неисчислимыя, по существителнымъ ужаснымъ обидамъ жалобы, отъ благочестивыхъ заграничныхъ монастырей и церквей на римлянъ и уніатовъ въ Санктпетербургъ приносимыя, почитаются всегда за самыя пустоши, басни и негодные оклеветанія, а, противнымъ образомъ, всякая пустошъ, баснь и самое негодное оклеветаніе отъ римскаго да уніатскаго духовенства и отъ полскаго министерства на благочестивыхъ заграничныхъ монастырей начальниковъ и на весь тамошній православно-восточной народъ, россійскаго нашего въ Варшавѣ посолства чрезъ секретаря господина Ржичевского въ Иностранную Коллегію, а оттуду въ Святѣйшій Сунодъ представляемое, есть Евангеліе Христово; такожъ, тѣже римскіе да уніятскіе попы, вѣдая и то, что и прошлого 1759 года въ государственной Иностраннхъ дѣлъ Коллегіи и въ Святѣйшемъ Правителствующемъ Сунодѣ, не взирая на всѣ мои силные и цѣлымъ свѣтомъ неоспоримыя представленія и доказателства, вѣчно непоколебимо утверждено: грекороссійскихъ нашихъ въ Полскомъ государствѣ исповѣдниковъ до тѣхъ поръ умѣренными средствами, подлежащими образами и благопристойными двору Полскому и министерству представленіями защищать, покаместь ни единой благочестивой души во всей Коронѣ и въ Литвѣ не останется, а по

моему подлому разсужденію, слѣдовало бъ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи опредѣлить, Его же Преосвященству потвердить и, прежде вправленія виленскаго старшого за рубежъ, въ Святѣйшій Правителствующій Сѵнодъ немедленно представить:

1) Дабы по моимъ троимъ доношеніямъ, одному, 1756 года августа 29 д., съ Вильни въ Кіевъ до преосвященнаго митрополита кіевскаго Тимофея присланному, а отъ Его Преосвященства тотъ часъ въ оригиналѣ при своемъ ревностно пастирскомъ доношеніи въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ представленному (которого доношенія копію, съ изясненіемъ намеренія его и сили, при самомъ окончаніи тогожъ доношенія находящимся, такожъ копію съ писма моего къ великому государственному канцлеру, съ изъясненіемъ намѣренія и сили тогожъ моего писма, Духовной Консисторіи прилагаю подъ литерою Д), другому, 1758 года августа 29 д., въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Колегію, въ бытность мою въ Санкпетербургѣ, отъ мене поданному (которого доношенія копію, со всѣми, по нумерамъ распредѣленными, приложеніями, кромѣ двоихъ печатныхъ, подъ нумерами 1 да 6 означеныхъ, приложеній Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи прилагаю подъ литерою Е), а по третому сему, нынѣ отъ мене въ Кіевѣ въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консісторію представленному, всѣ умѣренные средства, въ указѣ Святѣйшого Правителствующаго Сѵнода, декабря 13 д. 1750 года состоявшемся, прописанные и къ явновидной непремѣнной и немедленной всего нашего грекороссійскаго въ Полскомъ государствѣ благочестія погибели, накрѣпко подтвержденіе, нашего россійскаго при полско-королевскомъ дворѣ обрѣтающагося министерства, но единственнѣ Голембовскаго, резидента, да Ржичевского, секретаря, отмѣнены были вдругъ, на мниміе неувѣренные средства, въ вышъ прописанномъ доношеніи, 1758 года августа 29 д. въ Иностранную Коллегію отъ мене поданномъ, въ 4, 5 и 6 пунктѣ обстоятелно показанніе и къ явновидному, непремѣнному и немедленному всего нашего грекороссійскаго въ Полскомъ государствѣ благочестія отъ обѣдъ и разорѣній избавленію вѣрнопредставленіе, не мои, подлого и крайне презреннаго человѣка, іеромонаха Ѳеофана, но нашего государя імператора Петра I, съ Москвы отъ 7 д. 1722 года отправленной, живо и точно изображенные; которой Его Імператорскаго Величества грамоты копію прилагаю Духовной Консисторіи подъ литерою Ж.

2) Дабы не толко по томужъ моему доношенію, въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію августа 29 д. 168 года отъ мене поданному, и по доношенію Іностранной Колегіи, вслѣдствіе тогожъ моего доношенія 1759 года въ Святѣйшій Правителствующій Сѵнодъ взнесенному, и по доношеніямъ оной же государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи, еще въ разныхъ годѣхъ і мѣсяцѣхъ не однократно въ Святѣйшій же Сѵнодъ представляемымъ, но и по имянному указу блаженныя високославнія памяти государя імператора Петра I, 1722 года состоявшемуся, учрежденъ былъ безъотлагателно съ россійской стороны въ Полскомъ государствѣ комисаръ, духовная персона,—да не такой, какые было въ 1747 году съ россійской стороны въ Варшаву отправлены комисары, то есть, чисто безъпримѣсные, высоколарные богословы, которыхъ злохитрное полское министерство, по наущенію своего духовенства и римского папы, отправило въ скорости съ Варшавы бездѣлныхъ, съ посмѣяніемъ на всю Эвропу, а хитрость свою и секретъ несостоявшейся намѣреваемой Варшавской комісіи какими пустошми и явновидно лживими извиненіи они, полскіе министры, предъ тѣми нашими самоизбранными чтырма комисарами, какъ предъ мололѣтними ребіонками, укрили, не толко писать, но и говорить стидно; и не такой (комисаръ), какой у государственной Иностранныхъ дѣлъ Колегіи чрезъ россійское наше въ Варшавѣ посолство, отъ злоковарного полского духовенства и министерства требоватимется, то есть, смиренній, кроткій, учтивій, молчаливый и во всѣхъ полского министерства, но и самого короля, совѣтахъ, обѣщаніяхъ и обнадеживаніяхъ благопослушній, однимъ словомъ: *дурак*. Ибо таковый нашъ комисаръ Иностранную Коллегію въ частыхъ, многотрудныхъ, отъ седмидесяти лѣтъ уже съ полскимъ министерствомъ, по дѣлу защищенія грекороссійской нашей въ Коронѣ и Литвѣ церкви, производимыхъ перепискахъ, не облегчитъ, но еще отяготитъ; грекоросійскую оную въ Короне и Литвѣ находящуюся церковъ не защититъ, но пуще разоритъ; знатную денежную сумму, съ казны государевой на него, комисара, опредѣленную, напрасно потеряетъ и россійскому своему духовенству вѣчнаго стыда надѣлаетъ. Но былъ бы избранъ отъ Святѣйшаго Сѵнода съ россійскаго монашества (какъ бы онъ чиномъ своимъ малъ или великъ ни былъ) такой комисаръ, которій бы вѣдалъ твердо и совершенно законъ, принятій отъ природи; законъ, преданій отъ Бога;

законы, общіе всѣмъ въ свѣтѣ народомъ; церковную и политическую всѣхъ вѣковъ гисторію Полскаго государства: самое начало, всѣ его основателніе узаконенія, миролюбные при основаніи Полского государства, между народомъ Короннымъ, Литовскимъ и Русскимъ, вѣчно непоколебимо заключенніе и страшними клятвенними обѣщаніями утвержденніе трактаты; тѣхъ трактатовъ на основаніи, въ ползу и цѣлохраненіе православно-восточнаго въ Коронѣ и Литвѣ закона всѣхъ полскихъ государей отъ Казѣміра Великого до нынѣ государствующаго Августа III клятвенные при коронаціи обѣщанія; всенародныхъ Полского государства сеймовъ начало, существо, порядокъ и силу, узаконенныя на тѣхъ всенародныхъ, согласно состоявшихся, сеймахъ въ ползу и цѣлохраненіе грекороссійскаго въ Коронѣ и Литвѣ исповѣданія, конституціи і установленія; политическую і церковную Полского государства гісторію; общенародніе и приватніе ихъ поляческіе права, всѣхъ судебныхъ, то есть, градскихъ, трибуналнихъ, ассесоріалнихъ и между королевствомъ коптуровихъ въ Полскомъ государствѣ учрежденныхъ мѣстъ свойство, порядокъ, и дѣйство; а паче всего духовній римскаго папы регламентъ и его, папского, какъ во всякомъ католицкомъ, такъ и въ Полскомъ государствѣ духовенства глубоко политическіе и высоко министерскіе на православно-восточную церковь всепагубніе замахи; которому папиному регламенту и по хитростнымъ и всепагубнымъ всего его римскаго духовенства замахамъ, касателно ползы и защищенія грекороссійской нашей въ Коронѣ и Лѣтвѣ церквѣ всѣ въ Полскомъ государствѣ судебнихъ мѣстъ декрети, всѣ королевскіе указы, всѣ узаконенныя на всенародныхъ, согласно состоявшихся, сеймахъ конституціи, всѣ полскихъ государей при коронаціи клятвенные обѣщанія, и саміе миролюбніе, при основоніи Полского государства между народомъ Короннимъ, Литовскимъ и Русскимъ вѣчно заключеніе и присягами утвержденные трактати, отнюдъ никакой и никогда силы, дѣйства и успѣху имѣть не могутъ; и тако бы онъ, нашъ россійскій въ Полскомъ государствѣ учрежденній комисаръ, по твердому своему въ вышпоказанныхъ мною комисарскихъ его должностяхъ искуству, представляя съ дерзновеніемъ касателно защищенія грекороссійскихъ нашихъ въ Полще исповѣдниковъ полскому духовенству и министерству римскаго пани и всей его Западной церкви на нашу православно-восточную грекороссійскую церковъ вѣчновраждебные и злохитрніе замахи, а по

тѣмъ замахомъ во всѣхъ судебныхъ Полского государства мѣстахъ безконечно волокитное плутовство, въ министерскихъ обѣщаніяхъ и обнадеживаніяхъ безстудной обманъ и въ самихъ страшныхъ именемъ Божіимъ присягахъ и безсовестное клятвоприступничество, о обидахъ греко-россійскаго нашего исповѣданія людямъ, въ Коронѣ и въ Литвѣ приключающихся, не въ гродахъ, трибуналахъ, ассесоріяхъ, реляційнихъ судахъ и на сеймахъ, по советамъ, обѣщаніямъ и обнадеживаніямъ полского министерства, и не по указу Святѣйшаго Правителствующаго Сунода, декабря 13 д. 1750 года состоявшемуся, но по вышъпомянутой Петра I къ королю полскому Августу II грамотѣ, при самомъ Его Королевского Величества дворѣ представленіе чинилъ, и по силѣ между Россійскимъ и Полскимъ государствомъ договору вѣчнаго мира, и по правамъ и привилегіямъ ихъ, нашихъ грекороссійскихъ въ Полще исповѣдниковъ, поправленія желалъ. Буди же бы по такому его, нашего россійского въ Полскомъ государствѣ комисара, представленію, удовольства по силѣ воспоминаемыхъ вѣчнаго мира договоровъ не послѣдовало; то тогда бы, по разсужденію и опредѣленію государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи, наше Россійское государство въ обидахъ, утѣсненіяхъ и гоненіяхъ православно-восточнимъ нашимъ въ Коронѣ и въ Литвѣ исповѣдникамъ, отъ седмидесятъ лѣтъ непрестанно и горко-мучителско причиняемихъ, на тѣхъ партикулярныхъ людей, которіе имъ единовѣрной нашей въ Полскомъ государствѣ братіи такія обиди, утѣсненія и гоненія, противно вѣчному миру и мирному постановленію, чинить дерзаютъ, само сатисфакціи искало, по той же высокомонаршей Петра I къ королю полскому Августу II грамотѣ.

3) Понеже сукцесоръ мой, бывшій виленскій старшій Авраамъ Фліоринскій, по своимъ несравненно премудрымъ и безъприкладно порядочнымъ поступкамъ, 1, съ Вильни посилая въ Кіевъ и въ Санктпетербургъ на мене, антецесора своего, іеромонаха Ѳеофона, многократные доношенія, которіе нынѣ предъ Духовною Митрополіи Кіевскія Консесторіею самъ уничтожаетъ, этими своими пребезъпутными доношеніями не толко эпархіалного нашего архіерея и преосвященнаго митрополита кіевскаго Арсенія и Святѣйшій Правителствующій Сунодъ, но и государственную Иностранныхъ дѣлъ Колегію смутилъ. а чрезъ то мене при Иностранной Коллегіи отъ дѣла о озлобленіи и защищеніи всѣхъ нашихъ православно-восточ-

ныхъ, въ Коронѣ и въ Литвѣ обрѣтающихся, исповѣдниковъ, въ ползу Хрістовой церкви и Россійской нашей имперіи мною представляемаго оторвавъ, інтересному оному дѣлу препятствіе, а всему нашему грекороссійскому въ Полще благочестію разореніе здѣлалъ; 2, въ Вильни и по прочимъ мѣстамъ разглашая, что я, антецессоръ его, Фліоринскаго, іеромонахъ Ѳеофанъ, за прибытіемъ моимъ въ Санктпетербургъ ради представленія по дѣлу о находящихся въ Коронѣ и Литвѣ грекороссійскаго закона людехъ, при Святѣйшемъ Сѵнодѣ взятъ былъ немедленно подъ крѣпкій караулъ и въ силку безъвѣстно сосланъ, онъ, Аврамъ Фліоринскій, такими своими всезлобними на мене по приватнымъ пустошамъ разглашеніи, какъ кредиторовъ, претенсіи свои къ благочестивымъ, виленскому старшенству подсуственнимъ, монастыремъ, отъ тритцяти и сорока лѣтъ имѣющихъ, но за страхъ протекціи Святѣйшаго Всероссійского Сѵнода и Иностранной Коллегіи, благочестивые тѣ монастырѣ, по претенсіямъ своимъ изобиждать не дерзающихъ, вдругъ обрушилъ, такъ и врагамъ православно-восточной церкви, духовнимъ и мирскимъ, грекороссійское наше благочестіе не такмо въ одномъ городѣ Вилнѣ, но и во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, дерзновенно озлоблять и безъогласно разорять поводъ подалъ; 3, получа тисячу четиреста рублей, на уплатку долговой сумми, полскимъ шляхтичемъ Мицевичемъ на виленскомъ монастырѣ взискуемой, дабы за такую долговую сумму, по жалобамъ оного шляхтича, отъ тамошняго судебнаго трибуналнаго мѣста благочестивому виленскому монастырю всекрайняго разоренія не послѣдовало, изъ Святѣйшаго Сѵнода еще въ 759 году марта 18 числа виданнихъ, онъ, Авраамъ Фліоринскій, таковые денги тисячу четиреста рублевъ, съ казни Святѣйшаго Сѵнода выданные, въ явновидную, кромѣ всякой самокрайнѣйшей нужди, противность указу, тогожъ года и числа въ Святѣйшемъ Правителствующемъ Сѵнодѣ состоявшомуся, на самые пустошно затѣянніе строенія (безъ конхъ и церковное священно-служеніе и монастырское добропорядочное содержаніе всесовершенно обойтись могло) своеволно употребилъ, къ оправданію своему мнимое неоспоримосилное извиненіе, что выше означенный виленскаго монастыря кредиторъ Мицевичъ не хотѣлъ принимать долговой своей суммы отъ него, Авраама Фліоринскаго, россійскою рублевою, но полскою бито-таляревою монетою по силѣ уговору, между имъ, Мицевичемъ, и мною, бывшимъ виленскимъ стар-

шимъ іеромонахомъ Ѳеофаномъ, заключенного будто-бы, не можно было ему, Фліоринскому, не взирая ни малѣйше на таковыя его, Мицевича, пустошныя затѣйки, воспоминаемую долговую сумму, имъ, Мицевичемъ, на виленскомъ монастырѣ взискуемую, россійскою рублевою монетою до далшаго судового разсмотренія въ трибуналной канцеляріи положить, а чрезъ то по силѣ неприватно уворныхъ, но публичныхъ Полского государства законовъ, какъ отъ самой долдоловой ичти процентовый ростъ пресѣчь, такъ и отъ благочестиваго своего виленскаго монастыря следующую опасность отвратить? 4, опредѣленное на содержаніе братій виленскаго монастыря, по силѣ жалованныхъ въ тотъ виленскій монастырь высоко монаршихъ грамотъ и по учиненному палестинскаму штату, милостинное Ея Императорскаго Величества, по сту рублевъ на годъ, жалованье съ 1754 по 1761 года, итого за семь лѣтъ седмьсотъ рублевъ, изъ Святѣйшаго Сунода ему, Фліоринскому, выданное, да съ продажи церковнаго и монастырскаго добра триста рублевъ, имъ же, Фліоринскимъ, взятіе, ітого тисячу рублевъ, собранные денги, издержалъ онъ, Фліоринскій, не на содержаніе въ Вильни церковнаго священнослуженія и подлежащаго монастырскаго порядка, но на содержаніе въ пути самаго себе, въ которомъ, безпутнымъ пустой своей головы маніемъ водимій, чрезъ три года настоятелскаго своего правленія, 7448 верстъ на рекреацію виѣздилъ, чего въ доказателство и денежной дво-тисячночетыре-сотно-рублевой сумми, имъ же, Фліоринскимъ, за настоятелскаго своего въ виленскомъ монастырѣ правленія полученной, во увѣреніе прилагаю Духовной Консисторіи представленіе подъ литерою З. Видячи, наконецъ, что благочестивому виленскому монастырю непремѣнно и немедленно слѣдуетъ за неуплатку шляхтичу Мицевичу вишпоказанной долговой сумми всекрайнее разореніе, за скудость же казни на содержаніе при церквѣ необходимо нужной братіи римскими либо унѣятскими попами завладѣніе, а чрезъ то не толко и прочимъ благочестивимъ, виленскому старшенству подсутственнымъ, девяти монастырямъ, но и всему православно-восточному народу, остатняя погибель,—онъ, Авраамъ Фліоринскій, пастырь добрый и мужъ (какъ преосвященный бѣлорусскій объ немъ, ученикѣ своемъ, свидѣтельствуетъ) по сердцу Божію избранный, ни кредитору своему Мицевичу словесно или писменно не оповѣстясь, ни денегъ при монастырѣ на содержаніе требуемой къ церковному священно-служенію братій не

оставя, но еще и остатного въ виленскомъ монастырѣ іеромонаха и намѣстника Самойла да іеродіакона Марка съ собою въ ассістенцію взявъ, съ Вильни въ Кіевъ, извѣтомъ нѣякогось Горшковозного, о пособіи всему нашему благочестивому, въ Коронѣ и въ Литвѣ обрѣтающемуся, исповѣданію, отъ себе выдуманнаго проекта, скоропостижно, яко наемникъ о овцахъ своихъ ни мало не радящій, бѣжалъ. Котораго своего исто и чисто школярского проекта по подачи здѣсь въ Кіевѣ его преосвященству, когда съ основателныхъ, обстоятелнихъ и педаническою его головою неудобьрѣшимихъ запросовъ, отъ его преосвященства и отъ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи ему, Фліоринскому, чинимихъ, и примѣтилъ, что представленный ото него проектъ, яко не дѣльный и бездѣлный, въ дѣло поставленъ, онъ самъ, извѣтомъ такого своего проекта, мимо вѣдомо и волю Святѣйшаго Правителствующаго Сунода и епархіалного своего архіерея, да еще въ такъ зѣло опаснихъ обстоятелствахъ отъ пастви своей бѣжавшій пастыръ, оправданъ быть не можетъ; то онъ, Фліоринскій, по природному своему лисьому коварству и хамелеіонтовому удобопримѣнителству, разсмотрѣвъ нынѣшное кіевское состояніе, принялъ на себе красивую мерзкого предъ Богомъ и предъ всѣми умними, честными и въ прямъ святими людми, мухоморства харю, и тако, будучи внутрь волкъ хищній (о чемъ, аще отроки кіевскіе умолчатъ, каменіе виленское возопіетъ), отдѣлся въ онную святошества кожу, будучи явновидній дѣлатель столь многихъ вышпоказаннихъ темнихъ поступковъ, преобразился во ангела свѣтла, съ чего воспослѣдовало, что по прямо отеческому благоутробію высоко-милостивого нашего архипастыря, которимъ его преосвященство всѣхъ добрихъ честныхъ и въ-прямъ святыхъ людей обемлетъ и жалуетъ,—онъ, Авраамъ Фліоринскій, за всѣ свои вышъозноченныя, церквѣ Хрістовой и Россійскому нашему отечеству предосудителніе, поступки, отъ его преосвященства не толко не былъ жестоко, по разсужденію всего свѣта, оштрафованъ и въ Вилню обратно тотъчасъ отправленъ, но еще, къ превеликому всѣхъ видящихъ и слишавшихъ удивленію, особливѣйшую архипастырскую милость и въ кіевскихъ школахъ для всегдашнего своего здѣсь пребиванія почтенное учителское мѣсто получилъ. И того бы всего ради онъ, мой, къ превеликому и вѣчному моему и всехъ моихъ антецессоровъ сраму, сукцеесоръ, бывшій виленскій старшій Авраамъ Фліоринскій, яко таковій не приторен-

ный злодей, пустосвятъ и обманщикъ, по данной мнѣ съ нимъ предъ Духовною Митрополіи Кіевскія Консисторіею, въ присутствіи отца антецессора моего архимандрита Свято-Петропавловскаго глуховского Сѵлвестра Добрины и въ присутствіи виленскаго монастыря намѣстника іеромонаха Самуила да іеродіякона Марка, за всѣ его, Фліоринского, на мене, съ Вилни въ Кіевъ и въ Санктпетербургъ представленныя жалобы очной ставки, отправленъ былъ онъ, Фліоринскій, немедленно въ Вилню, 1, дабы кредиторъ виленского монастыря Мицевичъ, безъвѣстнымъ его, Фліоринского, съ Вилни побѣгомъ обманутій и раздраженный, за долговую свою тисящноталяревую сумму не причинилъ убитка виленскому монастырю до десяти тисячей таляровъ; 2, дабы львы рикающіе и непрестанно гдебъ какую благочестивую церковь либо монастырь поглотить ишущіе, римскіе да унѣятскіе попы, за неимѣніемъ въ виленскомъ монастырѣ для церковно-служенія іеромонаховъ, благочестивимъ тѣмъ монастыремъ, съ прочими девятми, къ вѣдомству его принадлежащими, не завладѣли, а послѣдователнно и всего тамошняго православно-восточнаго народа не пожерли; 3, дабы благочестивое виленское братство, прежде безъвременнимъ и наемническо-страшливимъ пастыря своего, Авраама Фліоринского, отъ ныхъ побѣгомъ смущенное, а нынѣ долговременною и всебезъ-надежною егожь, Фліоринского, отлучкою въ благочестіи своемъ отчаянно уже колеблющееся, получа чрезъ него, Фліоринскаго, отъ архипастира своего преосвященного митрополита кіевского Арсенія святителское писменное благословеніе и отъ милости Святѣйшаго Правителствующаго Сѵнода въ немедленномъ разоряемомъ ихъ православную (церковь) пособіи благонадежное извѣстіе, оны, виленское братство и весь тамошній благочестивый народъ, не дерзали съ отчаянія ни въ протекцію королю прускому отдавтся, ни унiятскій законъ принимать; 4, дабы, за прибытіемъ въ виленскій монастырь новоопредѣленного старшего, онъ, Фліоринскій, ему, сукцессору своему, въ присутствіи тамошней братіи и братства все церковное и монастырское добро по описямъ, антецессоромъ моимъ Добрыною и мною при виленскомъ монастырѣ оставленнимъ, съ рукъ на руки здалъ у двотисячно-четыре-сотно-рублевой денежной сумми, имъ, Фліоринскимъ, за настоятелского своего въ виленскомъ монастырѣ правленія полученной, не генералній и мнительній или паче сумнителній, но подробній и дѣйствителній по записямъ вѣроятнимъ и не толко ему,

Фліоринскому, самому, но и намѣстнику и братіи оного виленского монастыря всеобстоятелно вѣстимимъ, подлежащимъ и отъ всѣхъ людей обикновенно уптребляемимъ образомъ отчетъ далъ; все привелегіи и крѣпости какъ началного виленскаго, такъ и протчихъ ему подсутственнихъ монастырей, и все по дѣлу тѣхъ благочестивихъ монастырей съ многими духовними и мирскими Великаго Княжества Литовскаго господами заводы, а по тѣмъ заводамъ въ разныхъ судебнихъ Полского государства мѣстахъ долговременнія и многократнія тяжбы, съ пространнымъ, основателнимъ и добропорядочнымъ всѣхъ тамошныхъ и таковыхъ обстоятелствъ изъясненіемъ, по реестрамъ и по нумерамъ препоручилъ; 5, дабы сукцессору моему, Аврааму Фліоринскому, первіе, въ разсужденіи того, что онъ по своимъ вышъпоказаннымъ несравненно премудримъ и безприкладно порядочнимъ поступкамъ, самъ себѣ то здѣлалъ, чтобъ его, Фліоринского, голова, яко пустая, мѣшалась, ламалась, крутилась, крушилась и другой достаточнѣйшой голови на мѣсто свое просила; другое, въ разсужденіи того, что онъ, Фліоринскій, посилая съ Вилни въ Святѣйшій Сунодъ и въ Кіевъ доношеніе о уволненіи его отъ виленскаго старшенства и о битіи ему въ виленскомъ монастырѣ между рядовими іеромонахами въ послушаніи проповѣдническомъ, этимъ своимъ доношеніемъ Святѣйшій Сунодъ и эпархіалнаго своего архіерея обманулъ; ибо, получа съ Санктпетербурга отъ пріятелей извѣстія объ указѣ, въ Святѣйшемъ Сунодѣ къ преосвященному нашему митрополиту кіевскому Арсенію, по его, Фліоринскаго, доношенію, но не по его злохитрому намѣренію, состоявшемся, забывъ богоугодное свое между рядовими виленского монастыря іеромонахами смиренномудріе и достохвалную въ проповѣдническомъ послушаніи благочестія ревность, не дожидаясь съ Кіева въ Вилню на вышъозначенное свое доношеніе отвѣтнаго указа, но такой указъ заблаговременно предупреждая, самъ съ Вилни въ Кіевъ, извѣтомъ негоднихъ пустошей, скоропостижно бѣжалъ и здесь себе мѣста ко всегдашнему пребыванію просилъ; третее, въ разсужденіи того, что онъ, Фліоринскій, въ проэктахъ своихъ о пособіи грекороссійскому нашему въ Полще благочестію, его преосвященству поданныхъ, между прочаго совѣтуя виленскимъ старшимъ по десяти лѣтъ неисходно въ тамошнемъ благочестивомъ монастырѣ жить, самъ онъ, благообразній совѣтникъ, предводитель и подвигоположникъ, ни десяти недель въ виленскомъ

монастырѣ не выжилъ, но во всю бытность трилѣтнаго своего въ благочестивомъ оном монастырѣ настоятелского правленія, по рекре-(а)ціямъ ѣздилъ, а потомъ съ Вилни, и не видавъ еще никакихъ бѣдствій и озлобленій, въ Кіевъ бѣжалъ.

И тако бы, въ разсужденіи всѣхъ таковихъ воспоминаемихъ сумозбродныхъ, всебезнорядочнихъ, злоковарнихъ церквѣ и отечеству предосудителнихъ его, Фліоринского, поступокъ, во мѣсто достойнаго наказанія, опредѣлено, подтверждено и указано было, по вишпрописанному его жъ, Фліоринскаго, обманическому доношенію, прошенію и желанію, ему, Фліоринскому, въ правду при виленскомъ монастырѣ между рядовими того монастыря іеромонахами по жизнь свою оставатся, а отъ проповѣдническаго, въ томъ благочестивомъ виленскомъ монастырѣ послушанія, сохрани его, Фліоринскаго, самого и весь тамошній благочестивый народъ), и насъ здесь въ Россіи, премилосердій Господи! ибо сей вѣковъ нашихъ Златоустій, когда начнетъ, такъ красотою и премудростію рѣчи единовѣрнихъ своихъ утверждаетъ, противныхъ же изобличаетъ, а чрезъ то, всероссійское нашее монашество несказанно прославлять; то премудріе і злохитріе римскіе да унѣятскіе попи единимъ сердцемъ и едиными усти скажут: обыкновенно де во всѣхъ государствахъ въ чужое государство избираются и посылаются люде саміе найлутшіе; ежелижъ такіе проповѣдники, какъ сей отецъ Авраамъ, въ Россійскомъ государствѣ суть найлутшіе, то мы ушъ не вѣдаемъ, какіе тамъ у нихъ самые хуждшіе? Отъ коихъ Полского духовенства рѣчей, слуховъ и разглашеній самъ проповѣдникъ, отецъ Фліоринскій, въ намѣреніи своемъ отчается, благочестивый тамошный народъ въ вѣрѣ поколѣблется и россійскій нашъ духовній чинъ не толко предъ Полскимъ народомъ, но и предъ другими иностранними людми, въ худое мнѣніе прійдетъ.

Буди же Духовная Митрополіи Кіевскія Консисторія изволитъ единогласно сказать: вить всѣ прежніе виленскіе старшіе ѣздили съ Кіева въ Вильню и безъ Ѳеофаного наставленія и въ настоятелской своей должности подлежаще исправлялись,—на что, съ почтеніемъ моимъ, въ отвѣтъ представляю: правда, что ѣздили и, пріихавъ съ Кіева въ Вилню, во всю бытность настоятелскаго своего въ тамошнемъ благочестивомъ монастырѣ правленія по судебнихъ Полского государства мѣстахъ возилися, и что не было въ казнѣ виленскаго монастыря денежной сумми, тую всю безъ остатка на протори и убитки

вивозили. Да многоль толко благочестивыхъ монастырей, церквей и ихъ принадлежностей, римлянами и уніятами завладенныхъ чрезъ судебній Полского государства порядокъ, по прежнему отобрали? Головою ничего. И не толко ничего не отобрали, но еще и болѣе благочестивыхъ монастырей, церквей и ихъ принадлежностей, чрезъ показуемій судебній Полского государства безъзаконній порядокъ, законно потеряли. И не толко болѣе потеряли, но еще и тѣ благочестивіе монастырѣ, церквы и ихъ принадлежности, которіе по нынѣ во владеніи своемъ имѣютъ, беручи взаймы на тотъ же поляческій злохитрный и безконечно волокитный судебный порядокъ у многихъ кредиторовъ денги, превеликими долгами отяготили.

Это есть мое къ отвѣтному о жалобахъ съ Полщи и объ указахъ Святѣйшаго Синода доношенію нелицезрителиое открытіемъ Божіей и государевой правди приуготовленіе, которое представилъ я въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторію прежде отвѣтнаго моего на жалоби съ Полщи доношенія, потому что всѣ онія жалобы суть приватнія пустоши и такія бездѣлнія, что преосвященній Санктпетербургскій Сѵлвестръ Кулябка, которій, на тѣхъ бездѣлныхъ пустошахъ, какъ бы на Евангеліи Хрістовомъ, утвердясь, указами своими, изъ Святѣвшаго Сѵнода въ Иностранную Колегію и въ Кіевъ обо мнѣ въ силныхъ терминахъ посилаемими, мене на всю Россію и Полщу вѣчно обезславилъ и чрезъ то не такмо мене, но и церковъ Хрістову и все Россійское наше отечество, изобѣдилъ; получа потомъ онъ, преосвященникъ, отъ мене на всѣ показанія Авраама Фліоринского, Ѳеофана Яворского и епископа виленскаго пребездѣлныя пустоши, бабія басни, ребяческія игрушки и саміе безсовестные и всебезпутніе оклеветанія подлежащій отвѣтъ, принужденъ будетъ онъ же, преосвященникъ, съ единомисльниками своими отъ нестерпимаго стида закричать: Горы, падѣте на насъ и покрійте насъ! А противнимъ образомъ, нынѣ отъ мене въ Духовную Консисторію представленное нелицезрителное приуготовленіе есть церковный и государственный інтересъ, да къ томужъ еще замедленія и времени столь не терпящій, что буди, паче чаянія, по этому моему нелицезрителному представленію ничего въ ползу грекороссійскаго нашего въ Полще исповѣданія заблаговременно не здѣлается, то благочестивый виленскій Свято-Духовъ монастыръ, которому сегожъ 1761 году мѣсяца августа въ остатныхъ числѣхъ крайняя приходитъ

опасность, съ прочими своими благочестивимижъ девятма монастиря и со всѣмъ тамошнимъ православно-восточнымъ народомъ вѣчно пропадетъ; и того ради, этое мое нелицезрителное приуготовленіе, которое я нынѣ въ Духовную Митрополіи Кіевскія Консисторію заблаговременно представляю живымъ и вѣрнымъ свидѣтелемъ будетъ, что я ни предъ Богомъ ни предъ моею Всемилостивою Государинею не въ отвѣтѣ; но тотъ узритъ, который со всего этого дѣла мною нинѣ вѣрно, твердо, непокровенно и нелицезрително представляемаго, ясно видѣлъ и, что дѣлать, доволно вѣдалъ и совершенно могълъ, да погибающей своей паствѣ руку помощи подать нарочно не хотѣлъ.

Къ сему отвѣтному и нелицезрителному открытіемъ Божіей и царевой правды приуготовленному представленію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

Іюня 20 д. 1761 года.

Въ Катедралномъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ.

А.—Точная копія съ сказки, у канцеляріи Святѣйшого Правительствующаго Синода съ бывого виленского старшого іеромонаха Ѳеофана Леонтовича, взятой, іюля 6 д. 1758 года, о долтовой тысящо-таляревой суммы имъ, Леонтовичемъ, у шляхтичей жмудскихъ Мицевичовъ на виленскій монастырь занятои, и о прибытіи его, Леонтовича, въ Санктпетербургъ въ отмѣнность указовъ въ Святѣйшемъ Правительстующемъ Синодѣ и въ Духовной Митрополіи Кіевскія Консисторіи состоявшихся.

Святѣйшему Правительствующему Синоду отъ многихъ лѣтъ довольно известно, что благочестивый заграничный Свято-Духовъ виленскій монастырь и прочіе, къ нему принадлежащіе, монастыри препитаніе свое и всенужнѣйшіе потребности имѣютъ съ единого отъ доброхотнодателей щедролюбія и по жалованнымъ высокомонаршимъ граммотамъ съ казны Ея Императорскаго Величества милостиннаго по сту рублов на годъ подаянія. А нонеже, за прибытіемъ его, Леонтовича, въ Вильню 755 года, по вступленіи въ настоятельское правленіе на мѣсто бывого старшого игумена Сильвестра Добрыни и по

учиненіи счетнаго произвожденія, какъ во всемилостивѣйше пожалованной отъ Ея Императорскаго Величества шесто-тысячно-рублевой суммѣ, такъ въ данныхъ изъ Святѣйшаго Правителствующаго Синода во оной виленскій монастырь чрезъ егожъ, старшого Добрину, милостинныхъ по сту реблевъ на годъ деньгахъ и въ собранномъ отъ доброхотнодателей на тотъ же монастырь подаяній не явилось болѣе въ наличественномъ остатки денегъ, какъ только осѣмдесятъ червонцовъ, но и тѣ по бывшимъ разнымъ, касающимся до защиты святого благочестія, дѣламъ, за силу указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода, въ 750 году состоявшагося, въ скоромъ времени на право польское издержаны, ему жъ (де), Леонтовичу, самому въ Санктпетербургѣ ѣхать или съ іеромонаховъ кого посылать для полученія на виленской монастыръ опредѣленного по палестинскому штату жалованья и ради испрошенія въ силу высокомонаршихъ грамотъ во Всероссійской имперіи городѣхъ милостиннаго отъ христолюбцовъ подаянія, указами Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ 1754, а епархіальнаго своего архіерея преосвященного Тимоѳея, митрополита прежде кіевского, нынѣ же московского, въ 756 годѣхъ состоявшимися, было возбранено, а виленской (де) монастырь въ такой скудости находился, что въ монастырской казнѣ денегъ ничего не осталось, займы же (де) до десяти таляревъ дать, въ разсужденіи такъ убогого ихъ монастыря, охотниковъ не сыскалось; чего (де) ради онъ, Леонтовичъ, принужденъ былъ съ общекупнаго согласія братіи, у шляхтичей жмудскихъ господъ Мицевичевъ 200 бочокъ ржи, цѣною бочку по 5 таляровъ, въ долгъ взять, и въ томъ имъ, Мицевичомъ, обязательную запись за рукою своею и всѣя братіи на срокъ ноября 8 числа прошедшого 757 году дать. Которой (де) ржи натурою и продажею онъ, Леонтовичъ, чрезъ три года настоятельского своего правленія, начального виленскаго и другихъ монастырей братію препиталъ, одѣяніемъ снабдѣлъ, монастырскія самонужнейшія ветхости починилъ, священнослуженіе какъ зъ виленской, такъ и въ другихъ церквахъ, непресѣкому удержалъ, и всѣ въ вѣдомствѣ своемъ находившіеся монастыри отъ безсовѣстныхъ и непрестанныхъ съ уніятской и римской стороны правами полскими напастей, безъ малѣйшаго вреда, избавилъ Какъ же (де) скоро опредѣленный во оный виленскій Свято-духовъ монастыръ на мѣсто его, Леонтовича, старшимъ іеромонахъ Авраамъ Фліоринскій съ Кіева въ Вильню при-

былъ и указъ отъ преосвященнаго Тимофея митрополита на тотъ часъ кіевского о бытіи ему, Фліоринскому, старшимъ виленскимъ благочестивому виленскому братству объявилъ, въ которомъ (де) указѣ понеже прописано было точію о отрѣшеніи его, Леонтовича, отъ виленскаго старшинства, а о обидахъ, тамошнему благочестію приключившихся, отнюдь ничего не упомянуто, то показанное (де) виленское братство, пришедъ о пособіи благочестію своему отъ Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго Синода во отчаяніе, намѣренно было означенного вновь опредѣленного старшого іеромонаха Авраама Фліоринского не только къ правленію монастырскому не допустить, но изъ монастыря съ безчестіемъ выгнать. Но онъ (де), Леонтовичъ, охраняя честь Святѣйшаго Правительствующаго Синода, такожъ епархіальнаго своего архіерея и всего томошняго благочестія, предъ иновѣрными, приложивъ всемѣрное стараніе, какъ бы помянутое благочестивое братство отъ намѣреваемаго зѣло опасного мятежа удержать, обнадежилъ ихъ накрѣпко милостію Святѣйшого Синода; а въ доказательство того убѣжденъ былъ ихъ же совѣтомъ и прошеніемъ вещей церковныхъ и монастырскихъ новоприбывому старшому по описямъ не издавать, но ключи отъ скорбця, такожъ высокомонаршія грамоты и всѣ, къ пользѣ и защищенію тамошняго благочестія касающіеся, документа, съ собою забравъ, первіе въ Варшаву, а потомъ въ Санктпетербургъ отъѣхать и Святейшему Правительствующему Синоду вѣрно донесть, что ежели упоминаемому виленскому братству и прочимъ благочестивымъ, въ нетерпимихъ и непрестанныхъ гоненіяхъ находящимся, никакой отрады и помощи не здѣлается,—то они принуждены будутъ въ самой скорости употребить такихъ средствъ, съ коихъ Россійскому государству не мало порока и въ полезныхъ намѣреніяхъ уроку несуменно послѣдовать можетъ. О каковыхъ (де) всѣхъ тамошнихъ обстоятельствахъ Святѣйшему Правительствующему Синоду подано быть имѣетъ отъ него, Леонтовича, съ основательными и вѣрными документами, покорнейшое доношеніе.

Къ сей сказки руку положилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтоновичъ.

Въ Санктпетербургѣ.

А.А.—Изъясненіе на вышеозначенную, подъ литерою А. приложенную, сказку, у канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода съ бывого виленского старшого іеромонаха Θеофана Леонтовича, іюля 6 д. 1756 года, взятую.

Понеже Святѣйшій Правительствующій Синодъ, не увѣряясь на этой моей сказки, приказалъ со мною здѣсь въ Кіевѣ поступить въ силу святыхъ правилъ Духовнаго Регламента и высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ, то я принужденъ нынѣ, ко оправданіе моему такой моей сказки въ неусомнѣнное увѣреніе, болѣе еще яснѣйшихъ обстоятельствъ и твердѣйшихъ доказательствъ представить.

А имянно, касательно причины тысячно-таляревого долгу, на виленскій монастырь за старшинства моего занятого.

Блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ 1, во время шведской войны, будучи самъ высочайшею своею персоною съ россійскими своими войсками въ княжествѣ Литовскомъ, въ городѣ Вильнѣ, усмотрѣлъ благочестивого виленского Свято-Духова и прочихъ ему подсутственныхъ обителей крайнюю нищету и въ содержаніи своемъ недовольство. И того ради, чудный оный въ прешедшихъ, настоящихъ и будущихъ вещахъ премудростію монархъ и превеликій по святомъ благочестіи ревнитель, благочестивого того виленского монастыря церковь не только святыми иконами и прочею церковною утварью пребогато украсилъ, многими разными печатными книгами снабдѣлъ и изъ государской своей казны немалую денежную сумму всемилостивѣйше пожаловалъ; но, дабы и впредъ тотъ же благочестивый Свято-Духовъ виленскій монастырь, зъ другими къ нему принадлежащими девятьми обительми, ради крайней своей нищеты въ запустѣніе и разореніе, а чрезъ то во унѣятское завладѣніе, не пришолъ, онъ же, высокославныя памяти государь, всемилостивѣйше указалъ томужъ благочестивому виленскому монастырю годовое жалованье опредѣлить и испрошеніе милостини отъ христолюбцовъ во Всероссійской имперіи городѣхъ дозволить; для полученія же такого опредѣленного государского своего жалованья и для испрошенія дозволенной отъ всероссійскихъ христолюбцовъ милостини, монахамъ показуемаго виленского монастыря въ два года въ Россійское государство (дозволилъ) приѣзжать. Которой своей великой высоко-

монаршей милости во утвержденіе, онъ же, великій и въ Бозѣ нынѣ почивающій государь, повѣлелъ дать тому виленскому благочестивому монастырю двѣ жалованныя грамоты, одну въ 1703, а другую въ 1708 годѣхъ, за собственною своею Цесарского Величества рукою. Коихъ Его высокомонаршихъ грамотъ въ силу, съ 1703 по 1754 года, всѣ того виленского монастыря настоятели, а мои антецессори, пріизжали въ Россію, точно въ два года, съ самыми только помянутыми, монастырю ихъ всемилостивѣйше жалованными, грамотами, не требуя себѣ никогда отъ духовной своей власти пашепортовъ, ни благословительныхъ указовъ. Въ которомъ своемъ пріѣздѣ они, виленского монастыря начальники, собираютъ было обыкновенно на предбудущіе два года милостиннаго отъ всероссійскихъ христолюбцовъ подаянія до двухъ тысячей рубліовъ, сверхъ предъявленного изъ государской казны всемилостивейше опредѣленного годового жалованья, какъ сіе явновидно и вѣрно обрѣтается не только въ давнихъ записныхъ, своими виленского монастыря старшими монахами, (которые за) испрошеніемъ отъ христолюбцовъ во Всероссійской имперіи городѣхъ милостини съ 1703 по 1751 годъ въ Россію пріѣзжали, но и въ двоихъ шнурозапечатанныхъ, едной генваря 23 д. игумену сурдецкого, виленскому старшенству подсутственного, монастыря Клименту Козловскому, другой іюля 1 д. самому виленскому старшому Сильвестру Добрынѣ, для записки подаваемой отъ всероссійскихъ боголюбцовъ милостини, при указѣ Ея Императорскаго Величества, изъ Святѣйшого Правительствующаго Синода 1751 года въ Санктпетербургѣ выданныхъ книгахъ: ибо съ тѣми двома шнурозапечатанными книгами собрано, сверхъ опредѣленной по штату сторублевой на годъ дачи, милостинного отъ доброхотнодателей подаянія вышъ показаннымъ сурдецкимъ игуменомъ Климентомъ 1518, а самимъ старшимъ Добриною 575 рублевъ; всего 2093 рубли. И такою знатною суммою могли легко они, мои антецессори, не только въ одномъ виленскомъ монастырѣ, но и въ другихъ ему подсутственныхъ девяти обителехъ, церковное служеніе добропорядочно содержать, всякія обветшалости и монаховъ пищею и одѣяніемъ довольствовать. Когда же въ прошломъ 1754 году, за первоначальства въ Святѣйшемъ Синодѣ преосвященного Санктпетербургского Сильвестра Кулябки, по единой Его Преосвященства киевской еще съ 1742 года, на антецессора моего Сильвестра Добрыну за приватную пустошъ архипастырской злобѣ,

состоялся въ Святѣйшомъ Синодѣ, подъ видомъ нѣкоторого лутшого порядка, указъ, чтобъ виленского монастыря начальники пріѣзжали въ Россійское государство не въ два года, по силѣ жалованныхъ оному виленскому монастырю отъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государа императора Петра 1-го грамотъ, не съ тѣми Его Императорского Величества высокомонаршими грамотами; но являлися бъ они, того виленского монастыря начальники, въ Россію тогда, когда преосвященный кіевскій соизволитъ и пашпорты имъ отъ себе пришлетъ. А понеже восноминаемимъ виленского монастыря начальникамъ въ Россію ѣхать для полученія всемилостивѣйше опредѣленного изъ государской казны по палестинскому штату жалованья и для испрошенія во Всероссійской имперіи городѣхъ выш показанной столь знатной милостинной суммы отъ преосвященного кіевского чрезъ пять годовъ, по посылаемымъ изъ Вильни въ Кіевъ за 120 миль, чрезъ нарочного съ немалымъ денежнымъ уроном (которая посылка, съ крайнею виленского монастыря скудостію, весьма несходна), многократнымъ доношеніямъ, благословенія и пашпорта не было; то чрезъ тотъ послѣдовавшій изъ Святѣйшого Правительствующаго Синода мнимый лутшій порядокъ началъ благочестивый виленскій монастырь, со всѣми своими приписными обителями, приходить въ разореніе и запустѣніе. И потому я, видячи такую, благочестивому своему виленскому монастырю и прочимъ подсуственнымъ обителямъ приближающуюся опасность, а чувствуя мою начальническую должность, судилъ за благо: лутше благочестивый тотъ виленскій монастырь на время долгомъ, который послѣ, по высокомилостивому Святѣйшаго Правительствующаго Синода благоразсмотрѣнію, очистится можетъ, отяготитъ, да при святомъ благочестіи удержать, нежели, оставя въ пустѣ, самому со всѣю того монастыря братію, какъ наемнику, а не пастырю, въ Кіевъ сбѣжать, а чрезъ то римскому и унѣятскому духовенству къ завладенію благочестивого своего монастыря самопроизвольно поводъ подать и все тамошнее (благочестіе) вѣчно погубить, какъ сіе и точно здѣлать не усумнился и не устыдѣлся сукцессоръ мой Авраамъ Фліоринскій, прибѣжавшій сюды въ Кіевъ виленского оного монастыря съ остатнею братіею въ среднихъ числѣхъ генваря настоящаго 1761 года.

Что же надлежитъ до нездачи мною виленского монастыря сукцессору моему Аврааму Фліоринскому и до прибытія моего съ

Вильны въ Санктпетербургъ, въ отмѣнность указовъ Святѣйшого Синода и епархіального своего архіерея, то я и сіе здѣлалъ не съ презрѣнія и ослушности командѣ, но единственнѣ убежденъ будучи самокрайнѣйшою нуждою, которая отъ мене въ Духовную Митрополію Кіевскія Консисторію нелицезрительнаго моего открытіемъ Божіей и государевой правды приуготовленія въ другой опасности пространно, ясно и вѣрно представлена. Коей самокрайнѣйшей нужды по прочтеніи, пусть всякъ человѣкъ, единымъ только пригоднымъ разумомъ просвѣщаемый да злобою, враждою, завистію и ненавистію неослѣпляемый, разсудитъ и скажетъ: лутше ль было мнѣ десять благочестивыхъ монастырей, въ пустѣ оставя, врагамъ церкви Христовой въ вѣчное завладеніе предать и весь тамошній благочестивый народъ душепогубную унѣю либо короля пруского протекцію принять допустить, а чрезъ то и мое собственное спасеніе погубить, либо вѣрноподаническую присягу сломить, нежели, въ силѣ указовъ Святѣйшого Синода, исполненія не учинить? И подлежу ль я наказанію за то, что, въ отмѣнность (указа) Святѣйшаго Синода поступилъ въ такой самокрайнѣйшей нуждѣ, въ которой по всему свѣту не только державоправительскіе самодержцовъ, но и Государя небесного указы безъ наказанія отмѣняются? Но что дѣлать съ нашимъ пренайсвятѣйшимъ всероссійскимъ архипапою Сильвестромъ, первымъ архіепископомъ Санктпетербургскимъ, который уже растлѣнныя своя страсти не только, по подобію римского папы, превыше всѣхъ земныхъ государей, но и превыше самого Бога, возноситъ? Ибо, за прибытіемъ моимъ съ Вильни въ Санктпетербургъ, какъ я себе предъ Святѣйшимъ Синодомъ, за неисполненіе воспоминаемыхъ указовъ, вышъ показанною самокрайнейшею нуждою ни извинялъ, всегда обо мнѣ сіе только іудейско-фарисейское слово изъ устъ его святительскихъ, какъ мѣчъ обоюдуострый, исходило: «нѣсть сей человѣкъ отъ Бога, яко не хранитъ суботы: за презрѣніе указовъ Святѣйшого Синода подлежитъ жестокому наказанію». А на свое беревно быстроокій той и немилостивый лицемеръ не оглянется, что тѣ часторѣченные его, а не Святѣйшаго Синода, указы, которымъ я исполненія учинить не могъ, состоялись не только къ немедленному и всеконечному греко-россійкаго нашего въ Польще благочестія разоренію, но и въ явно-

видную высокомонаршимъ грамотамъ и имяннымъ Петра 1 указомъ противность.

Къ сему изъяснительному приложенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

В.—Копія съ доношенія отъ іеромонаха Ѳеофана Леонтовича, поданного октября 11 д. 1759 года.

Великому господину преосвященнѣйшему Арсенію Могилянскому, митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малыя Россіи, всенижайшое доношеніе.

Минувшаго сентября 6 д. получилъ я, нижайшій, изъ Духовной Митрополіи Вашего Преосвященства Консисторіи Ея Императорскаго Величества указъ, которымъ между протчаго повелѣвается мнѣ извѣстную греко-россійской въ Польще церкви жалобу, по представленію Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ Святѣйшій Синодъ, на россійскомъ и на латинскомъ или польскомъ языкахъ сочинить точно такъ, какъ я, минувшаго 1758 году августа 29 д., о сочиненіи показанной жалобы въ доношеніи моемъ, въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ поданномъ, шестма пунктами представилъ; съ коихъ шести пунктовъ всякъ можетъ довольно усмотрѣть, что къ требуемому сочиненію воспоминаемой жалобы требуется особенное въ разныхъ искуствахъ вѣжество; при вѣжествѣ, знатная денежная сумма; при суммѣ, превеликой трудъ; при трудѣ, спокойное и выгодное мѣсто; при мѣстѣ, немалое время. Хотя же я, будучи настоятелемъ благочестиваго виленскаго монастыря и, по обстоятельствамъ мнѣ извѣстнымъ, вѣдая довольно, какимъ бы средствомъ можно было благочестивый нашъ въ Польще законъ защитить и удержать, къ произведенію въ дѣйство онаго средства всемѣрное стараніе, чрезъ два года настоятельского моего правленія, прилагалъ на сысканіе отъвсюду твердыхъ, обстоятельныхъ документовъ, такожъ на содержаніе помощниковъ и писцовъ собственной моей суммы до двохъ сотъ рублевъ издержалъ; а при всемъ томъ, что только ни могло къ самонужнѣйшимъ обстоятельствамъ, къ пользѣ и успѣху начатаго дѣла коснутся, самъ собою безпрерывно и всесильно трудился; однако, начатое показуемое дѣло къ желаемому концу прійтить не могло, ибо епископъ виленскій Михаилъ Зенковичъ, провѣдавъ о таковомъ мною, съ общекупного всѣхъ тамошнихъ протестантовъ согласія, предпринятомъ намѣреніи,

до тѣхъ поръ не переставъ мене письмами своими предъ россійскимъ посланникомъ Гросомъ и предъ секретаремъ россійскаго посольства Ржичевскимъ злохитрно, безсовѣстно и безстудно марать, покамисть я, по представленнымъ его, виленского епископа, на мене жалобамъ жесточайшимъ Святѣйшаго Синода указомъ не былъ отъ настоятельскаго правленія отрѣшенъ, съ Великаго Княжества Литовского высланъ и здѣсь въ Россіи тяжелому суду подверженъ. Хотя же и еще я, желая всеусердно воспоминаемое начатое дѣло къ намѣреваемому концу привесть, за благо разсудилъ: лутше самому себѣ, что ни есть, пострадать, нежели начатому дѣлу чрезъ коварные замахи виленского епископа разорится допустить. И того ради, не взирая на всѣ его, епископа, ложныя жалобы, но положась благонадежно на высокомилостивое разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода, принялъ дерзновеніе изъ Вильни прямо въ Санктпетербургъ поѣхать, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы мнѣ, оправдясь предъ Святѣйшимъ Синодомъ отъ напрасныхъ пороковъ виленского епископа, можно было означенное начатое дѣло кончить или въ Вильни, будучи по прежнему въ настоятелскомъ правленіи виленского монастыря, или въ Санктпетербургѣ, сыскавъ туды зъ Вильни всѣ документы, къ твердому сочиненію часторѣченного дѣла касающіеся. Однако, и такимъ образомъ не удалось мнѣ оное начатое дѣло къ намѣреваемому совершенству привесть: ибо въ Святѣйшемъ Синодѣ оправдатся мнѣ не дозволено; въ Вильню мене на прежное настоятельское мѣсто либо, по крайней мѣри, для взятія документовъ не отпущено, означенного дѣла, мною представляемого, отъ мене не принято. А когда я въ Иностранной Коллегіи, по случаю представляемыхъ нѣкоторыхъ важностей, началъ и воспоминаемое дѣло, съ приложеніемъ достовѣрныхъ документовъ, представлять и средства къ защищенію благочестиваго нашего въ Польще исповѣданія надлежащіе показывать, такожъ на всѣ запросы Иностранной Коллегіи касательно правды представляемаго и возможности показуемыхъ средствъ какъ словѣсно, такъ и письменно, отвѣтствовать; да притомъ намѣрилъ было я Иностранную Коллегію большимъ, обстоятельнѣйшимъ и основательнѣйшимъ числомъ доказательствъ твердо въ томъ увѣрить, что представляемое мною о обидахъ дѣло ни малейшему сумнительству не подлежитъ, а показуемые къ защищенію средства не только не суть неумѣренные, но преумѣренные, самолегчайшіе и кратчайшіе. И понеже тѣ средства имѣютъ основаніе свое на узаконеніяхъ обще-

народныхъ, потому и всѣ государи оными средствами единовѣрныхъ своихъ по протчимъ государствамъ людей какъ прежде всегда защищали, такъ и нынѣ правильно и праведно защищають. Сверхъ же всего хотѣлъ было я еще въ Иностранную Коллегію представить, что, въ дѣлѣ защищенія благочестивой нашей въ Польще вѣры, сколько бы средствъ польское министерство либо духовенство и самъ Его Величество король, со всею Республикою, Иностранной нашей Коллегіи ни показывали, то тѣ всѣ средства будутъ безнадежная надежда и всеубыточная волокита до тѣхъ поръ, покамисть греко-россійской въ Польще законъ до основанія не истребится. Равнымъ образомъ, и съ нашей стороны, сколько бы средствъ кто ни находилъ, какъ то, напримѣръ, съ Иностранной Коллегіи къ самому папѣ писать или у министерства польского и у его королевского величества комисіи домогатся, а отъ всей Республики на сеймѣ особую вновъ конституцію, съ жесточайшимъ на изобидѣтелей прещеніемъ, исходатайствовать либо, другое какое средство предпріять,—то и тѣ всѣ средства останутся безъ всякого желаемого успѣха.

И потому ежели бы я былъ и оной всѣ обстоятельства начатого мною дѣла съ подобающимъ изъясненіемъ представилъ, то, по мнѣнію моему, можно было какъ мнѣ показуемое начатое дѣло окончить, такъ и государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи намѣреваемую защищенія пользу въ дѣйство привесть, а паче дѣлая то въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и самое Высочайшое лицо присутствуетъ; но Святѣйщого Cvнода всенепремѣнная воля была (какъ из указовъ, въ Иностранную Коллегію за мною посылаемыхъ, видѣть можно), чтобъ мнѣ впредь не только при Иностранной Коллегіи нималѣйше не медлить, но изъ Санктпетербурга въ самой скорости, прочь ступать. Хотя же я, зъ прибытіемъ моимъ зъ Санктпетербурга въ Кіевъ, изволяя лутше съ тѣломъ, нежели съ начатымъ дѣломъ, разстатся, и третой разъ еще всѣми силами за оное же дѣло принялся, изъ самого начала прибытія моего сюда до сихъ поръ, всякую невыгоду и нужду долготерпеніемъ побѣждая, самъ денно-нощно трудился; на писцовъ: польского, латинского и русского, болѣе издѣржалъ, о чемъ самые документы, на трохъ языкахъ списанные и по порядку расположенные, засвидѣтельствуютъ; однако и теперь означенному дѣлу конца дожидатся трудно: ибо 1, большая часть документовъ, къ реченному дѣлу надлежащихъ, находятся еще въ Вильни при моей библіотеки; 2, писцамъ

и помощникамъ впредъ платить, за крайнимъ моимъ убожествомъ не могу; 3, въ находящое зимное время не только другихъ людей для помощи при келіи своей держать, но и самъ где жить всячески не имѣю. И того ради, со всеглубочайшею моею покорностію, прошу: да благоволить Ваше Преосвященство объ этихъ моихъ представленіяхъ высокомилостивое разсмотрѣніе учинить и впредь мнѣ какъ квартеру выгодную и покойную, гдѣ ни есть, пожаловать, такъ и денежную сумму до трехъсотъ рублевъ на сысканіе зъ Вильни документовъ и на содержаніе при себѣ годящихся къ дѣлу помощниковъ и писцовъ опредѣлить, либо мене отъ воспоминаемаго дѣла вовся увольнить. А что надлежитъ до претставленія Иностранной Коллегіи въ Святѣйшій Синодъ, дабы отъ Святѣйшаго Синода мнѣ повелѣно было оную извѣстную жалобу, по проэкту моему, сочинить,—то я, какъ пользу Христовой церкви и славу отечества своего ревность наблюдая, такъ и высокоминистерское Иностранной Коллегіи обо мнѣ разсужденіе въ превеликомъ почтеніи у себя имѣя, нѣкогда бы ни подъ какимъ видомъ отъ сочиненія означенной жалобы не отказался, буде бы средствами, ко сочиненію такового дѣла необходимо нужными, былъ снабденъ. Да и самая жъ Иностранная Коллегія, которая съ начала, по принятіи первого доношенія отъ мене, дважды въ Святѣйшій Синодъ представляла о дачи мнѣ квартеры и препитанія, потомъ, отпущая мене при представленіи своемъ для сочиненія показанной жалобы въ Святѣйшій Синодъ, никогда въ томъ мнѣніи не была, чтобъ такъ великое и многотрудное дѣло на мене одного было положено, а о квартерѣ бы и о жалованнѣ ничего не упомянуто.

Къ сему приложенію руку приложилъ бывый виленскій старшій іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

Г.—Копія съ доношенія бывого виленского старшого іеромонаха Ѳеофана Леонтовича Дорумина, отъ 22 октября 1759 года.

Великому господину, преосвященнѣйшему Арсенію, архіепископу митрополиту Кіевскому и Галицкому и Малыя Россіи, покорнѣйшое доношеніе.

Въ силѣ двоихъ указовъ Ея Императорского Величества, Самодержицы Всероссійскія, первого въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ февраля 5, а другого въ Духовной Консисторіи Вашего Пре-

освященства августа 31 дня состоявшихся, мною же нижайшимъ сентября 6 сегожъ 1759 года полученныхъ, надлежитъ мнѣ извѣстное дѣло порядкомъ сочинить. А понеже сочиненіе онаго дѣла требуетъ необходимо нужной, спокойной и выгодной келіи такъ ради моего тяжелого труда, какъ и ради содержанія при мнѣ, по крайней мѣрѣ, двоихъ людей, благонадежныхъ помощниковъ, здѣсь же, въ катедральномъ Вашего Преосвященства монастырѣ, таковой требуемой келіи не имѣется; того ради Вашего ясне въ Богу Преосвященства всепокорнѣйше прошу, дабы соблаговолено было высокомилостиво мнѣ, нижайшему, келію въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, близъ большихъ воротъ состоящую, прозываемую гостинную, сч. обыкновеннымъ келейнымъ порядкомъ и съ требуемою починкою и необходимо нужною небольшого погреба и маленькой поварни пристройкою; также ѣстную и питейную порцію мнѣ, противъ тамошнего намѣстника, и моимъ помощникамъ рядовую двойную; да притомъ свѣчи, дрова и поѣздъ, ради прочитанія въ Кіевскомъ магистратѣ старопольскихъ документовъ, къ сочиненію извѣстнаго дѣла касающихся, по благоусмотрѣнію Вашего Преосвященства опредѣлить указомъ. О семъ просить Вашего ясне въ Богу Преосвященства всенижайшій послушникъ іеромонахъ, Ѳеофанъ Леонтовичъ Доруминъ.

Въ катедральномъ Кіево-Софіевскомъ монастырѣ.

Б.—Копія съ доношенія бывого виленского старшого іеромонаха Ѳеофана въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, отъ 16 д. сентября 1758 года, въ Санктпетербургѣ поданного.

По титулѣ: Понеже на доношеніе мое, для котораго я отъ Святѣйшого Синода въ Иностранную Коллегію отправленъ, воспослѣдовала резолюція, то я нынѣ, не опасаясь ни интересному дѣлу, которое мною въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ представлено, порчи, ни на себѣ бѣды, въ немедленное исполненіе повелѣнія Святѣйшаго Синода, высокомонаршія, монастырю виленскому жалованныя, грамоты и отъ церковнаго сокровища оногожъ монастыря взятые мною ключи Святѣйшему Синоду въ цѣлости и вѣрно представляю, а притомъ всепокорнѣйше прошу, какъ намѣстника старшенства виленского іеромонаха Самуила, который сюды въ Санктпетербургъ отъ сукцессора моего Авраама, Фліоринскаго, для полученія, въ силу упомина-

емыхъ высокомонаршихъ грамотъ монастырю виленскому, жалованья, нарочно со мною отправленъ, съ подъ караулу освободить, такъ и мене, въ разсужденіи представленія обо мнѣ съ Иностранной Коллегіи, по пастырскому своему долгу и по горячой ко святому благочестію любвѣ, квартерою и препитаніемъ, до дальшого обо мнѣ опредѣленія, высокомилостиво снабдѣть.

а, Копія съ доношенія бывого виленского старшого іеромонаха Θеофана, въ государственную Иностранныхъ дѣлъ Коллегію, отъ 25 сентября 1758 года, въ Санктпетербургѣ поданного.

По титулѣ: Хотя Иностранная Коллегія, въ разсужденіи моего дѣла въ Святѣйшій Синодъ и представила, чтобъ мнѣ, до довольного объ оном моемъ дѣлѣ разсмотренія, здѣсь въ Санктпетрбургѣ безъ квартири и пропитанія не остатся, и я самъ, вслѣдствіе тогожъ Иностранной Коллегіи обо мнѣ представленія, Святѣйшого Синода доношеніемъ (которого копію здѣсь прилагаю) всепокорнѣйше просилъ; однако, на показанное Иностранной Коллегіи представленіе и на поданное отъ мене доношеніе изъ Святѣйшого Синода послѣдовала резолюція въ такой силѣ: мене либо подпискою обовязать, чтобъ я повседневно въ Святѣйшій Синодъ являлся и безъ пашепорта бы зъ Санктпетербурга не отъѣжалъ, или, буде бы я въ томъ подписаться не похотѣлъ, по прежнему подъ крѣпкой караулъ взять и при Святѣйшемъ Синодѣ содержать. А понеже, по предписанному Святѣшаго Синода опредѣленію, надлежитъ непременно ожидать мнѣ крайняго разоренія, а интересному дѣлу, въ Иностранную Коллегію отъ мене поданному, остановки и порчи, виленскому же братству и протчимъ въ Польской области благочестивымъ людямъ отчаянія и погибели; того ради государственной Иностранныхъ дѣлъ Коллегіи совсеглубочайшею моею покорностію прошу обо мнѣ, а пачѣ о моемъ дѣлѣ, которое не приватной какой моей пользы или чести, но на основаніи заповѣди Божія и именныхъ высокомонаршихъ указовъ общаго православно-восточной церкви и Россійской нашей имперіи добра касается, въ разсужденіи мною уже предпринятыхъ и впредь еще предпріемлемыхъ по оному дѣлу тяжелыхъ трудовъ и въ разсужденіи могущихъ изъ оного дѣла, по намѣренію Иностранной Коллегіи, въ скорости послѣдовать желаемыхъ успѣховъ; такожъ въ раз-

сужденіи моего здѣсь въ Санктпетербургѣ уже четыре-мѣсячного безъ квартери и безъ пищи разорѣнія, высокомилостивое и ради надходящей зимы, при крайней моей скудости, немедленное разсмотрѣніе учинить, а мене болѣе до окончанія упоминаемого дѣла во смиреннія святительскія руки преосвященному Санктпетербургскому не предавать.

б, Копія съ указа, въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ къ преосвященному Сильвестру, архіепископу Санктпетербургскому, о дачи квартери и препитанія въ Александроневскомъ монастырѣ іеромонаху Ѳеофану Леонтовичу, по повторному Иностранной Коллегіи въ Святѣйшій Синодъ представленію, состоявшагося октября 8 д. 1758 года.

Указъ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссійской изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода синодальному члену преосвященному Сильвестру, архіепископу Санктпетербургскому и архимандриту Троецкого Александроневскаго монастыря.

По Указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, слушавъ поданного Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ доношенія, коимъ требовано о опредѣленіи находящагося въ Санктпетербургѣ, по прибытіи изъ Польщи, виленского Сошествія Святого Духа монастыря бывшаго старшого виленскаго іеромонаха Ѳеофана Леонтовича, которому (де) потребно времяни еще здѣсь пробыть для полученія отъ него объясненій по производящемуся въ оной Коллегіи разсмотренію учиненныхъ имъ по дѣлу о находящихся въ Польше и Литвѣ грекороссійскаго закона людяхъ пространныхъ предетавленій для житья и пропитанія на то время въ здѣшней Невской или въ другой, какой отсюда ближній монастырь, чтобъ потребные о семъ дѣлѣ объясненія у него браны быть могли безъ потерянія времени. Коего доношенія при слушаніи вы, синодальный членъ, преосвященный Сильвестръ, архіепископъ Санктпетербургскій и Шлютелбургскій и архимандритъ Святотроецкаго Александроневскаго монастыря, Святѣйшему Синоду словесно предложили, что ежели оной бывый старшій виленскій Леонтовичъ отъ Святѣйшого Синода ко пребыванію въ Александороневскій монастырь опредѣлится на время, то отъ пріятія ево во сный Ваше Преосвященство не отрекается. Того ради приказали оному бывому старшому виленскому іеромонаху

Ѳеофану Леонтовичу, также и намѣстнику іеромонаху Самуилу быть на пребываніи до времяни, впредь до разсмотрѣнія, въ реченномъ Троицкомъ Александроневскомъ монастырѣ и для того отослать ихъ къ Вашему Преосвященству при указѣ, которые при семъ и посланы. И синодальному члену Сильвестру, архіепископу Санктпетербургскому и Шлютельбургскому и архимандриту Троецкаго Александроневскаго монастыря, о вышеписанномъ велеть учинить по сему Ея Императорского Величества указу.

У подлинного подписано тако: За неимѣніемъ оберъ-секретаря, секретарь Андрей Сорокинъ. Секретарь Стефанъ Юрьевъ. Канцелярист Иванъ Скорняковъ.

в, Копія съ доношенія бывого виленского старшого іеромонаха Ѳеофана, въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, отъ 11 генваря 1759 года, въ Санктпетербургѣ поданного.

По титулѣ: Хотя мнѣ и надлежало по присланному на мене изъ Вильни отъ сукцессора моего Авраама Фліоринскаго доношенію въ Святѣйшій Синодъ къ отвѣту явится, однако, понеже Иностранная Коллегія, въ которую я при указѣ Святѣйшого Синода отправленъ, и по нынѣ еще отъ дѣла моего мене не уволнила, а прежде окончанія оного дѣла въ Святѣйшій Синодъ являться безъ письменнаго вида мнѣ не дозволила; того ради, хотячи я, какъ волѣ и повѣленію Святѣйшого Синода удовлетворить, такъ и себе предъ Святѣйшимъ Синодомъ отъ всякого подозрѣнія отчистить, за благо судилъ, на помянутое оное сукцессора моего доношеніе, Святѣйшему Синоду въ отвѣтъ представить нижеслѣдующіе пункта.

1, Показалъ я, нижайшій, въ сказки моей, прошедшого 1758 году іюля 6 дня въ Святѣйшій Синодъ поданной, почему мнѣ нельзя было ему, Аврааму Фліоринскому, новоприбывому старшому, церковныя и монастырскія вещи по описямъ издавать, а для того онъ, мой сукцессоръ, неправильно поступилъ, что, не справясь прежде съ записными монастырского приходу и расходу книгами, которыя при мнѣ находились, Святѣйшій Синодъ доношеніемъ своимъ напрасно утруждаетъ, а мене безвинво порочитъ.

2, Въ той же моей сказки представлено было Святѣйшему Синоду, что я, за крайную виленского монастыря и другихъ при-

писныхъ обителей скудость (изъ чего могло послѣдовать всѣмъ десяти запустѣніе и уніятами завладеніе), принужденъ былъ, съ общекупнаго братіи согласія, 200 бочекъ ржи въ долгъ взять и оной ржи натурою и продажею виленской монастырь и другія приписныя обители содержать; которой ржи половина продана изъ монастыря слѣдующимъ образомъ: будучи я въ покойнаго фельдмаршала Апраксина въ Ковнѣ, подрядился было сто бочокъ ржаной муки въ ковенской магазеинъ приставить; которымъ порядкомъ могли и другія сто бочокъ, на пропитаніе братіи издержаныя, уплатится. И потому я, въ надежду онаго порядка, занялъ у виленскихъ обывателей 500 руб. на необходимыя всѣхъ десяти монастырей нужды; когда же отъ покойнаго фельдмаршала нечаянно ордеръ послѣдовалъ, чтобъ всѣмъ подрядчикомъ отказать, а мнѣ, въ силу указа Святѣйшого Синода, за прибытіемъ новоопредѣленного старшого, надлежало изъ виленского монастыря уступить, заимодавцы же не хотѣли мене изъ Вильны выпустить, то я принужденъ былъ воспоминаемыхъ сто бочокъ муки по той же цѣны, какъ и самъ въ долгъ взялъ, то есть, бочку по 5 талярей, продать, взявъ съ нихъ въ томъ своеручныя росписки, которыя всѣ въ записныхъ виленского монастыря книгахъ въ цѣлости обрѣтаются. А понеже, по этой своей съ показанными заимодавцми расплатки, у монастырской казнѣ денегъ не осталось, послѣдовательно, какъ ему, новоприбывому старшому, не было при чемъ въ монастырѣ оставаться, такъ и мнѣ не было чѣмъ въ Кіевъ на 120 миль поднятся. Виленское же братство обѣщало мнѣ дать сто таляровъ, ежели бы я похотѣлъ въ Варшаву ѣхать и ихъ отъ напасти и смертной казни избавить, представляя польскимъ министромъ, что, по приключившемуся на виленской монастырь, въ 1755 году мая 28 д., отъ езуитскихъ студентовъ нападенію, не они, виленское братство, но я, въ противность узаконеннымъ на сеймахъ нодъ смертною казнію о невыношеніи заграницу жалобъ конституціямъ, доношеніемъ въ російскую Иностранныхъ дѣлъ Коллегію представлялъ; такожъ реченное виленское братство мене просило, чтобъ я изъ Варшавы въ Санктпетербургъ поѣхалъ и у Святѣйшаго Синода о защищеніи тамошняго ихъ, отчаянно уже колеблющагося,благочестія милости просилъ. На которое ихъ, виленскаго братства, прошеніе, а паче слѣзное домогательство, я, склонясь, обѣщанные сто таляревъ отъ нихъ принялъ и, милосердуя о крайней нищетѣ онаго виленского монастыря, 70

таляревъ ему, новоприбывому старшому, оставилъ, а 30 съ собою на путевое содержаніе взялъ.

3, Онъ, мой сукцессоръ Авраамъ Фліоринскій, приноситъ на мене Святѣйшему Синоду жалобу, яко бы я ему запрѣтилъ виленскимъ старшимъ называться, да въ доказательство этого моего запрѣщенія никакихъ документовъ, кромѣ единой своей жалобы, не представляетъ. А я, съ моей стороны, такую его жалобу быть пустой доносъ и напрасное Святѣйшему Синоду затрудненіе показую слѣдующимъ резонами: 1, за прибытіемъ его, Авраама Фліоринского, въ виленскій монастырь, приказалъ я на третій день грамоту, отъ преосвященного Кіевского на старшинство ему данную, въ церкви публично прочесть и тамъ же, въ церкви, всѣй братіи и братству благословеніе у него взять и его за настоящаго своего начальника признавать и почитать; 2. объявленія мои увѣряютъ, которые я, по вступленіи его, Авраама Фліоринского, въ настоятельское правленіе ко всѣмъ приписныхъ обителей начальникамъ разослалъ и приказалъ, чтобъ они впредь, во всѣхъ своихъ нуждахъ, не ко мнѣ, но къ ему, Аврааму Фліоринскому, новоприбывому старшому, адресовались; 3, сколько я къ нему, сукцессору моему, съ пути и изъ Санктпетербурга своеручно ни писалъ, то во всѣхъ тѣхъ своихъ письмахъ называю его виленскимъ старшимъ, а самъ подписуюсь просто іеромонахомъ. Что же я не совѣтовалъ ему, Фліоринскому, тотъ часъ къ виленскому епископу ѣхать, то тое здѣлалось по сердечному моему объ немъ, новоприбывомъ старшомъ, сожалѣнію и по многократному всего тамошняго братства прошенію, ибо злохитрое польское, при внленскомъ епископѣ находящееся, духовенство всемѣрно старается какъ бы новоприбывого старшого съ самого начала, за неискуство въ польскомъ языкѣ и за невежество въ тамошнихъ обхожденіяхъ, дуракомъ привитать, а чрезъ то его, яко настоятеля, предъ всѣмъ благочестивымъ виленского монастыря братствомъ въ крайнюю обиду, презреніе и ругательство привесть, какъ и точно сіе здѣлалось съ антецессоромъ моимъ Добрыною.

4, Когда счетное произвожденіе всѣмъ виленского монастыря приходамъ и расходамъ, съ вѣрными всего записками мною учиненное, чрезъ намѣстника оного жъ монастыря іеромонаха Самуила, изъ Санкттетербурга въ Вильню отправленного, представится, то показуемый старшій Авраамъ Фліоринскій и самъ усмотритъ, что онъ,

порицая мене разорителемъ виленского монастыря, во мнѣніи своемъ весьма ошибся и что я оному виленскому монастырю не только ни малѣйшаго изьяну не учинилъ, но прибыли еще до двоихъ тысячей рублевъ здѣлалъ,—о чемъ, по востребованію Святѣйшого Синода, какъ вся оного виленского монастыря братія и братство, такъ и россійскій нашъ генералъ господинъ Даревскій, письменно и своеручно могутъ засвидѣтельствовать. И того ради Святѣйшого Правительствующаго Синода со всеглубочайшею моею покорностію прошу объ этомъ моемъ отвѣтѣ высокомилостивое разсмотреніе учинить, а притомъ накрѣпко подтвердить, дабы впредь никто не дерзалъ мене, яко отвѣтческую сторону, прежде моего отвѣта карауломъ и кандалами стращать, публично безчестить, воромъ и разорителемъ виленского монастыря называть: ибо сіе не только Божіему закону, соборнымъ святыхъ отецъ правиламъ, высокомонаршимъ Ея Императорского Величества указомъ, но и общенароднымъ во всемъ свѣтѣ правамъ и природному всякого человѣка розсужденію противно.

г, Копія съ доношенія бывого виленского старшого іеромонаха Ѳеофана, къ Его Сіятельству Графу Михайле Илларіоновичу Воронцову, великому государственному канцлеру, отъ 15 дня генваря 1759 года, въ Санктпетербургъ посланного.

По титулѣ: Понеже я отъ честныхъ людей заподлинно извѣстился, что нѣкоторые изъ членовъ Святѣйшого Синода договорились между собою, чтобъ мене у Вашего Сіятельства будто бы для отвѣта на нѣкоторое доношеніе въ Святѣйшій Синодъ требовать; и ежели бы Иностранная Коллегія отпустить мене не похотѣла, то, синодальныхъ солдатъ за мною послявъ и мене (гдѣ не есмь) днемъ либо ночью схвативъ и въ желѣза заковавъ, подъ крѣпкимъ карауломъ въ Вильну послать. Буде же бы Иностранной Коллегіи о томъ кто донесть имѣлъ, то тогда изъ Святѣйшого Синода въ Иностранную Коллегію отрепортовать, что я съ подсинодального караула безвѣстно бѣжалъ, опасаясь на себе бѣды за присланное изъ Вильны доношеніе. Того ради, въ глубочайшемъ моемъ смиреніи къ стопамъ Вашего Графского Сіятельства припадаю и всепокорнѣйше прошу отъ такихъ злохитрыхъ и зело опасныхъ святительскихъ умышленій мене, бѣдного, приватного и безпомощнаго человѣка, защитить.

ρ т д ѣ л ъ ѴѴ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ исторіи древнерусской письменности (переводныя Творенія отцовъ Церкви, Вопросы и Отвѣты, Измарагды).

Къ изученію древнерусской литературы. Очерки и изслѣдованія. Творенія отцовъ Церкви въ древнерусской письменности. Профессора А. С. Архангельскаго. 1888—1890 г. 4 части.

Мы рѣшаемся снова обратить вниманіе читателей на названный въ заглавіи трудъ проф. А. С. Архангельскаго въ виду того важнаго значенія, которое онъ имѣетъ самъ по себѣ и по нѣсколькимъ позднѣйшимъ трудамъ, вызваннымъ имъ. Таковы изслѣдованія и критическія статьи *Н. Ѳ. Красносельцева:* «Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ святителей» (1890 г.), *И. Н. Жданова:* «О сочиненіяхъ А. С. Архангельскаго: Къ изученію древне-русской литературы», и пр. (въ Отчетѣ о 34 присужденіи наградъ гр. Уварова, 1892 г.), *В. А. Яковлева:* «Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ» (1893 г.), и друг. На бывшемъ IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ проф. А. И. Соболевскій обратилъ вниманіе на важный вопросъ о переводахъ, совершонныхъ въ древней Руси съ XI по XVI в., и обѣщалъ представить полное и всестороннее изслѣдованіе по этому вопросу. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ эта работа почтеннаго ученаго не появилась въ печати. Кромѣ того, наши посильныя замѣчанія по поводу разсматриваемаго изслѣдованія проф. А. С. Архангельскаго основаны на рукописныхъ матеріалахъ и, между прочимъ, на замѣчательныхъ рукописяхъ кіевскихъ книгохранилищъ. Прибавимъ еще, что, исправляя нѣкоторыя чтенія автора разсматриваемыхъ трудовъ, мы имѣли въ виду общую пользу, нисколько не въ ущербъ разсматриваемымъ работамъ, и, смѣемъ думать, авторъ

не посѣтуетъ на насъ за нѣкоторыя исправленія и дополненія его почтеннаго труда. Мы разсмотримъ четыре книги автора въ отдѣльныхъ главахъ, начиная съ первой книги.

I. Къ изученію древне-русской литературы. Очерки и изслѣдованія. Спб. 1888 г.

Первая книга—«Къ изученію древне-русской литературы» даетъ общее понятіе о предметѣ; остальныя книги представляютъ какъ-бы приложеніе къ первой книгѣ и заключаютъ извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій нѣкоторыхъ памятниковъ, о которыхъ дано общее понятіе въ первой книгѣ. Эти три части «Твореній отцовъ Церкви въ древне-русской письменности» (напечатанныя первоначально въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета) представляютъ только нѣкоторыя приложенія къ первой книгѣ, «Къ изученію древне-русской литературы» (напечатанной первоначально въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія). Въ первой части «Твореній отцовъ Церкви въ древне-русской письменности» находятся: I. «Житіе Антонія Великаго св. Аѳанасія» и II. «Вопросы и Отвѣты Аѳанасія къ кн. Антіоху» (стр. 9—203). Въ III части разсмотрѣнъ «Паренесисъ Ефрема Сирина» и въ IV части—«Творенія Іоанна Златоустаго въ древне-русскихъ Измарагдахъ». Между тѣмъ въ первой книгѣ—«Къ изученію древне-русской литературы»—представленъ обзоръ твореній слѣдующихъ отцовъ Церкви: Аѳанасія Александрійскаго (стр. 8—20); Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго (20—22), Василія Великаго (22—37), Григорія Богослова (37—41), Ефрема Сирина (42—53), Іоанна Златоустаго (54—83), Кирилла Александрійскаго (83—86), Ѳеодорита Кирскаго (87—88), Іоанна Синайскаго или Лѣствичника (88—92), инока Антіоха, автора Пандектовъ (92—93), Анастасія Синаита (93—95), Іоанна Дамаскина (96—124), Нила Синайскаго (126—132), Геннадія, патріарха Константинопольскаго (133—135), Андрея Кесарійскаго (135—136), Исаака Сирина (138—139), Симеона Новаго Богослова (139—141), Григорія Синаита (141—142); въ самомъ концѣ книги авторъ говоритъ о «Пандектахъ» и «Тактиконѣ» Никона Черногорца (142—146), какъ сборникахъ отрывковъ и извлеченій изъ Твореній отцовъ Церкви. Кромѣ того, г. Архангельскій упоминаетъ и о твореніяхъ другихъ

отцовъ Церкви, которыя также были извѣстны въ древнерусской письменности, но не останавливается на нихъ. Такъ онъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о славянскихъ и русскихъ спискахъ твореній — Григорія Нисскаго, Іоанна Касьяна Римлянина, Григорія Великаго, папы Римскаго, Дороѳея, Максима Исповѣдника, Ѳеодора Студита, Андрея Критскаго и другихъ, имена которыхъ приводитъ въ самомъ началѣ первой книги. Едва ли это опущеніе зависѣло отъ того, что названные писатели и ихъ творенія не имѣли особеннаго значенія въ древнерусской письменности, или отъ того, что о нихъ нѣтъ изслѣдованій и указаній въ литературѣ. Такъ, напримѣръ, Ѳеодоръ Студитъ и его творенія оказали вліяніе на монастырскую и проповѣдническую дѣятельность преп. Ѳеодосія Печерскаго. Оглашенія Ѳеодора Студита, по церковному и монастырскому уставу второй половины XI вѣка, читались въ великомъ постѣ и потому часто встрѣчаются въ древнерусскихъ сборникахъ. О «Собесѣдованіяхъ св. Григорія Великаго» въ 1886 году вышло изслѣдованіе проф. Пономарева. Въ «Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка» Срезневскаго находятся указанія на древнерусскіе списки переводовъ изъ твореній Дороѳея (2-е изданіе, стр. 199: рукопись Чудова монастыря, до 1350 г.) и Максима Исповѣдника (тамъ-же, стр. 293: рукопись Чудова монастыря, до 1400 г.). Творенія преп. Дороѳея, по сочиненію митр. Кипріана XIV в., называются въ числѣ книгъ для монастырскаго чтенія (тамъ-же, стр. 267); но переводъ хотя нѣкоторыхъ словъ Дороѳея относится къ болѣе древнему времени, такъ какъ вліяніе его словъ (напр. 17-го слова «о постѣхъ св.») замѣтно сказывается въ одномъ изъ девяти древнихъ славяно-русскихъ поученій на воскресные дни великаго поста (см. изданіе г. Пѣтухова «Древнія поученія»..., 1886 г., стр. 18—20. Я сравнилъ это поученіе съ словомъ Дороѳея по сборнику Почаевской лавры, № 47—116, изъ библ. Кіевской Духовной Академіи). Творенія Григорія Нисскаго встрѣчаются нерѣдко въ спискахъ XV—XVI вв., а одна большая выдержка изъ нихъ помѣщена въ извѣстномъ Изборникѣ 1073 г. (съ. л. 13 об.). По всей вѣроятности, переводъ нѣкоторыхъ словъ Григорія Нисскаго относится къ давнему времени, такъ какъ по Студійскому уставу второй половины XI в. эти слова назначались къ прочтенію въ извѣстные дни на заутреняхъ и часахъ (Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, отд. III, 1869 г., стр. 247, 254). Изъ этого

можно видѣть, что авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не охватилъ всего предмета, который давно уже обратилъ на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Назовемъ выдающіеся труды, которые относятся къ изученію славянскихъ и древнерусскихъ переводовъ Твореній отцовъ Церкви. Таковы: Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки — Горскаго и Невоструева, 1855 — 1869 гг.; Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, 1881—1885 гг.; Описаніе рукописей Хлудова, составленное А. Поповымъ, 1872 г.; Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музеума, составленное Востоковымъ, 1842 г.; труды И. И. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма и языка (два изданія), Древніе глаголическіе памятники— 1866 г., Древніе памятники юсоваго письма 1868 г., Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ—1867—81 г., и друг. Эти изслѣдованія и послужили главнымъ основаніемъ для библіографическаго обзора г. Архангельскаго, который онъ дополнилъ отчасти самостоятельнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ рукописей, но еще болѣе—изученіемъ многочисленныхъ описаній разнообразныхъ собраній рукописей.

Нельзя, однако, считать этотъ обзоръ исчерпывающимъ рукописный матеріалъ не только по такимъ книгохранилищамъ, о которыхъ мало свѣдѣній въ литературѣ (наприм. библіотека Петербургской Духовной Академіи, библіотека Академіи Наукъ, и друг.), но къ которымъ обращаются нерѣдко занимающіеся древнерусской литературой; но и по такимъ книгохранилищамъ, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, въ разсматриваемомъ изслѣдованіи (во всѣхъ четырехъ частяхъ) нѣтъ указаній на рукописи, описанныя въ Отчетахъ Императорской Публичной библіотеки (за 1868 г., стр. 10—159, описано замѣчательное собраніе южно-славянскихъ рукописей Гильфердинга; за 1883 г., стр. 11 — 80, такое же собраніе рукописей преосв. Порфирія, и друг.), въ Отчетахъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ (собранія рукописей Григоровича, Севастьянова, и др.), въ Памятникахъ Древней Письменности (вып. IV, 1879 г., Книгохранилище Чудова монастыря), въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1875 г., кн. I, Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аѳонской Горѣ-Арх. Леонида. Тоже—въ Гласникѣ Српског Ученог Друштва, кн. XLIV), въ Трудахъ третьяго археологическаго съѣзда въ Россіи (Калужняцкаго:

Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ). По южно-славянской письменности г. Архангельскій ссылается почти исключительно на извѣстный трудъ проф. Ягича: «Исторія сербо-хорватской литературы», въ русскомъ переводѣ 1871 г. (въ оригиналѣ явилась 1867 г.) и не обращается къ названнымъ описаніямъ южно-славянскихъ рукописей Гильфердинга, преосв. Порфирія, Григоровича, и друг.

Отсюда является неполнота указаній на древнѣйшія рукописи нѣкоторыхъ твореній отцовъ Церкви и на распространенность въ древней славянской и русской письменности извѣстныхъ сочиненій по количеству дошедшихъ до насъ полныхъ списковъ и извлеченій изъ нихъ въ сборникахъ. Такъ, на стр. 12, нѣтъ указанія на древнѣйшую рукопись Житія Антонія Великаго, XVI в., съ замѣтками о переводѣ по повелѣнію Іоанна архіепископа Болгарскаго (Славяно-русскія рукописи Ундольскаго, 1870 г., стр. 198, № 231, л. 236). На стр. 34—35 указана какъ будто древнѣйшая полная рукопись Постническихъ словъ Василія Великаго, XVI в., Соловецкой библіотеки, а между тѣмъ такія полныя рукописи Постническихъ словъ Василія В. извѣстны, начиная съ XIV вѣка (Древніе памятники русскаго письма—Срезневскаго, 2-е изд., стр. 254: рукопись 1388 г. Чудова монастыря; Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Троицко-Сергіевой лавры, 1878 г., ч. I, стр. 95, и далѣе: рукопись исхода XIV в.; стр. 96: рукопись XV в. и т. д.). На стр. 35—36 не указаны сборники, въ которыхъ заключаются нѣкоторыя слова Василія В., напр. Изборники 1073 г. и 1076 г., XII вѣка Троицко-Сергіевой лавры, Паисіевскій сборникъ XIV в. На стр. 39 не отмѣчена рукопись 1392 г. Словъ Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго, въ библіотекѣ Ярославскаго архіерейскаго дома (Срезневскій: Древніе памятники русскаго письма, 2-е изд., стр. 271). На стр. 46—53 не указаны рукописи Паренесиса Ефрема Сирина (не указаны онѣ и въ III-й части разсматриваемаго изслѣдованія, посвященной исключительно Паренесису): XIII—XIV вв. въ Хиландарскомъ книгохранилищѣ (Чтенія Общ. Исторіи и Древн. 1875 г., кн. I, стр. 6: Славяно-сербск. книгохранилища, и проч.); около 1300 г. рукопись Типографской библіотеки (Срезневскій: Древніе памятники русскаго письма, 2-е изд., стр. 161); о другихъ спискахъ Паренесиса Ефрема Сирина скажемъ ниже, при разсмотрѣніи III-й части. На стр. 59—62 не отмѣчена одна

изъ древнѣйшихъ рукописей—Поученій на воскресные дни, составленныхъ Константиномъ, пресвитеромъ болгарскимъ, 1286 г., изъ собранія Гильфердинга (№ 32 вышеупомянутаго Описанія). На стр. 63 не указаны рукописи Маргарита: списокъ XV в. (Славяно-русскія рукописи Ундольскаго, стр. 161); въ Хиландарскомъ книгохранилищѣ два списка XVI в. (Славяно-сербскія книгохранилища, въ Чтеніяхъ, 1875, I. с., стр. 12); замѣчательный списокъ XV в. изъ собранія Гильфердинга (№ 38 вышеупомянутаго Описанія). На древность перевода Маргарита указываютъ ссылки Церковнаго Устава, по спискамъ XIV в. (Описаніе рукописей Московской Синодальной библіотеки, отд. III, 1869 г., стр. 292, 279). На стр. 80 г. Архангельскій говоритъ о рукописи Толкованій Іоанна Златоустаго на книгу Бытія и замѣчаетъ, со словъ Горскаго и Невоструева, что переводъ этихъ Толкованій, совершенный въ XV в., сдѣлался извѣстнымъ въ Россіи въ XVII в. Едва ли это вѣрно. Ссылаемся прежде всего на упомянутые списки Церковнаго Устава XIV в., въ которыхъ «Шестодневникъ Златоустовъ» называется въ числѣ церковныхъ книгъ, рядомъ съ Толкованіями на Евангелія Іоанна Златоустаго, его-же Маргаритомъ, и проч. «Шестодневники, или бесѣды Іоанна Златоустаго на книгу Бытія», въ спискахъ XV—XVII вв. находятся въ Хиландарскомъ книгохранилищѣ («Славяно-сербскія книгохранилища», въ Чтеніяхъ, 1875 г., кн. I, стр. 10). Переводъ 1426 г. сербскими монахами Шестодневника Златоустаго могъ быть и не первымъ переводомъ. На Аѳонѣ часто дѣлались исправленія прежнихъ славянскихъ переводовъ при помощи сличенія съ греческими оригиналами; отсюда являлись поправки и дополненія, на что указываютъ и послѣсловія нѣкоторыхъ рукописей, какъ увидимъ ниже. Во всякомъ случаѣ, и отрывки изъ «Шестодневника Златоустаго» и полный переводъ его были извѣстны въ древнерусской письменности ранѣе XVI—XVII вв. На стр. 66—67, какъ и въ отдѣльной части IV-й, объ Измарагдахъ, пропущено много списковъ XV—XVI вв., о чемъ скажемъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. На стр. 90—91 не указана интересная рукопись XIV в., изъ собранія Гильфердинга (по упомянутому Описанію, стр. 96), заключающая Лѣствицу преп. Іоанна Синайскаго съ обширнымъ послѣсловіемъ, въ которомъ говорится о поправкахъ «от Гръчьскаго извода», сдѣланныхъ въ XIV в. На стр. 109—111 Хлудовская рукопись перевода кн. Курбскаго изъ Твореній Іоанна Дамаскина неправильно

относится къ XVII в. вм. XVI в. Ниже мы остановимся еще на двухъ подобныхъ спискахъ XVI в. изъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора. На стр. 133, говоря о спискахъ Стослова Геннадія, патріарха Константинопольскаго, г. Архангельскій не упоминаетъ о слѣдующихъ спискахъ: въ Изборникѣ 1076 г. (авторъ говоритъ, что Стословъ находится «уже въ сборникѣ XII в.»); въ сборникѣ Хлудова № 30, XIV в.; въ Измарагдѣ XIV в. Румянцевскаго музеума, № 186. Впрочемъ, позднѣе, въ IV-й части Изслѣдованія г. Архангельскій исправляетъ эту ошибку, что̀ показываетъ отсутствіе въ первой книгѣ обобщеній изъ позднѣйшихъ занятій автора непосредственно по рукописямъ. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить важное упущеніе въ разсматриваемомъ трудѣ: отсутствіе указаній на списки Твореній отцовъ Церкви въ Макарьевскихъ Великихъ Чети-Минеяхъ, XVI в.

Переходимъ къ системѣ расположенія библіографическаго обзора переводныхъ Твореній отцовъ Церкви въ разсматриваемомъ изслѣдованіи. Нельзя признать систему, избранную авторомъ, удобной для справокъ и выдержанной въ одномъ направленіи. Въ разсматриваемой книгѣ является даже не одна система, а двѣ: расположенія переводныхъ Твореній по времени и мѣсту происхожденія и по писателямъ — отцамъ Церкви. Въ первомъ отношеніи г. Архангельскій разсматриваетъ сначала древнѣйшіе переводы Твореній отцовъ Церкви, явившіеся въ Болгаріи (стр. 6—124), хотя тутъ-же говоритъ и о переводахъ кн. Курбскаго и о передѣлкахъ и подражаніяхъ Твореніямъ отцовъ Церкви въ древне-русской письменности; затѣмъ, съ стр. 124 до 136, авторъ говоритъ о переводахъ въ Россіи, но при этомъ колеблется приписывать переводы эти русскимъ писателямъ и часто склоняется къ предположенію о болгарскомъ происхожденіи ихъ. Наконецъ, со стр. 136 до конца первой книги (стр. 146), авторъ говоритъ о переводахъ, явившихся въ Сербіи и на Аѳонѣ. Точно также и въ этомъ отдѣлѣ нѣтъ положительныхъ указаній на сербскіе переводы. Ограничивши задачу своего изслѣдованія немногими Твореніями отцовъ Церкви и слѣдуя преимущественно указаніямъ, существующимъ въ литературѣ, не прибѣгая къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ рукописей со стороны языка, отношенія переводовъ къ оригиналамъ, авторъ, конечно, и не могъ дать опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній о происхожденіи переводовъ, о развитіи переводческой дѣятельности въ Болгаріи, Сербіи и въ Россіи. Отсюда переводная

письменность въ древней Россіи и въ Сербіи представлена у автора незначительной, бѣдной и не вполнѣ опредѣленной. Такъ, напримѣръ, изъ древнерусскихъ переводовъ г. Архангельскій отмѣчаетъ съ бо̀льшей увѣренностью только одинъ переводъ XII в. «О четвертомъ соборѣ въ Халкидонѣ—папы Льва» (стр. 125), а предполагаемые русскіе переводы нѣкоторыхъ твореній — Нила Синайскаго, Геннадія патріарха Константинопольскаго, Андрея Кесарійскаго, Андрея Критскаго склоненъ и самъ признать за южнославянскіе переводы. Затѣмъ, въ этомъ отдѣлѣ г. Архангельскій ничего уже не говоритъ о переводахъ Дмитрія Толмача (на стр. 15, въ прим. 5, неправильно онъ названъ «Герасимомъ Толмачемъ»; Герасимовымъ онъ назывался по фамиліи), Максима Грека, кн. Курбскаго, Епифанія Славинецкаго, Евѳимія и друг., такъ какъ авторъ привелъ нѣкоторыя данныя объ этихъ переводахъ въ отдѣлѣ о древне-болгарской переводной письменности.

Точно также, говоря о сербской переводной письменности, г. Архангельскій не приводитъ данныхъ, относящихся къ сербскимъ переводамъ. На стр. 39 и 80, въ отдѣлѣ о болгарской письменности, мы находимъ двѣ замѣтки изъ труда Горскаго и Невоструева о сербскихъ переводахъ: XIV в. Толкованій Никиты Ираклійскаго и 1426 г. Бесѣдъ Іоанна Златоустаго на книгу Бытія. Но эти указанія можно бы еще дополнить слѣдующими данными: въ 1371 г. сербскій монахъ Исаія перевелъ Творенія Діонисія Ареопагита съ толкованіями св. Максима (рукопись Новоіерусалимской библіотеки, № 63, XIV в. см. еще Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея—Востокова, стр. 161, № XCIII). Голубинскій въ «Очеркѣ исторіи Болгарской, Сербской и Румынской церквей» (стр. 509) приводитъ указаніе на сербскаго переводчика Стефана Высокаго (1389—1427), который «многа писаніа превѣдѣ оть грѣчьскыихь писаній паче иньхь прѣжде бывшихь того». Въ «Свѣдѣніяхъ о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкой Сергіевой лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи» (вып. II, стр. 127) описана рукопись «Лѣствицы Іоанна Синайскаго», писанная митр. Кипріаномъ въ 1387 г. «съ сербскаго извода оной, исправленнаго въ 1370 годахъ стараніемъ сербскаго князя Георгія Бранковича».

Итакъ, если бы г. Архангельскій расширилъ предѣлы своего изслѣдованія и внесъ въ него болѣе указаній на переводныя Творенія

отцовъ Церкви въ южно-славянской и древне-русской письменности, то, вѣроятно, онъ съ бо́льшей полнотой и опредѣленностью указалъ бы на переводы, совершонные въ древней Россіи и въ Сербіи. Гдѣ, напримѣръ, переведены Творенія папы Григорія Великаго: Бесѣды на Евангелія (рукопись до 1300 г. въ Императорской Публичной библіотекѣ) и его Собесѣдованія или Патерикъ римскій? Гдѣ переведены Творенія отцовъ Церкви XI—XIV вв., о которыхъ г. Архангельскій упоминаетъ на стр. 137? О первыхъ переводахъ г. Архангельскій ничего не говоритъ, хотя данныя заключаются уже въ трудѣ Горскаго и Невоструева (Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, II, 2, стр. 239); о вторыхъ переводахъ г. Архангельскій дѣлаетъ общее замѣчаніе, что они первоначально явились «въ Сербіи или, точнѣе, на Аѳонѣ» (стр. 136). При этомъ г. Архангельскій опирается на замѣчаніяхъ Горскаго и Невоструева о переводѣ Исаака Сирина (стр. 139, прим. 1) и на замѣчаніяхъ въ «Описаніи славянскихъ рукописей библіотеки Троицкой Сергіевой лавры» (стр. 141, прим. 1). Въ послѣднемъ, на стр. 173 (часть I) замѣчено о рукописи № 180, заключающей переводы твореній Симеона Новаго Богослова и Аввы Дороѳея: «рукопись сербская, вѣроятно Пахомія Логоѳета, жившаго въ Сергіевомъ монастырѣ»; но признаковъ сербскаго происхожденія въ языкѣ перевода не указано. Поэтому нельзя не высказать сожалѣнія о томъ, что г. Архангельскій, упоминая объ этихъ «признакахъ», не приводитъ примѣровъ. Мало того, на стр. 139, прим. 1, опираясь на замѣчаніе Востокова о рукописи XV в. Исаака Сирина (Описаніе рукописей Румянцевскаго музеума, стр. 236: «правописаніе во всей рукописи русское, смѣшанное изрѣдка съ болгарскимъ»), г. Архангельскій склоняется признать болѣе древнимъ болгарскій переводъ Исаака Сирина, хотя основаній для такого вывода у Востокова нѣтъ. Извѣстно, что въ древне-русской письменности XIV—XVI вв. примѣсь болгарскаго правописанія была въ обычаѣ и проявлялась въ чисто-русскихъ памятникахъ письма. Для вывода о мѣстѣ и времени происхожденія славянскихъ переводовъ недостаточно однихъ этихъ признаковъ смѣшаннаго правописанія. И не на однихъ такихъ признакахъ основывали свои выводы Горскій и Невоструевъ въ «Описаніи рукописей Московской Синодальной библіотеки»: «переводы, сдѣланные въ разныя времена, то въ Болгаріи, то въ Сербіи, то въ Россіи, то на Аѳонѣ, то *въ Константинополѣ*,

необходимо разнились между собою въ достоинствѣ, въ языкѣ, и много должны были потерпѣть и отъ переписчиковъ, и отъ перемѣны правописанія, при переходѣ отъ одного народа славянскаго къ другому, и отъ измѣненій въ языкѣ». (II, 2, стр. VI—VII, предисловіе), «филологическій разборъ древнихъ памятниковъ Славянской письменности... можетъ служить къ опредѣленію ихъ древности и первоначальнаго нарѣчія Славянскаго, на которомъ они явились» (тамъ-же, стр. X). Тоже говорится и указывается много пореводовъ въ предисловіяхъ къ «Описанію» второго отдѣла, напр., отд. II, 1, стр. II: «въ началѣ XV ст. совершенъ на Горѣ Аѳонской переводъ Бесѣдъ Іоанна Златоустаго на книгу Бытія инокомъ Іаковомъ (на стр. 80 разсматриваемой книги этотъ переводчикъ неправильно названъ «Іоанномъ», прим. 2), и толкованія Олимпіодора, Полихронія и другихъ на книгу Іова инокомъ Гавріиломъ. Послѣднее толкованіе было уже второе на сію книгу на Славинскомъ языкѣ, какъ видно изъ предисловія переводчика и изъ существующихъ списковъ другого перевода».

Такимъ образомъ, система росположенія библіографическаго обзора переводныхъ сочиненій по мѣсту и времени происхожденія не выдержана въ разсматриваемой книгѣ и не отличается полнотой и опредѣленностью. Другая система, принятая г. Архангельскимъ, состоитъ въ расположеніи библіографическаго обзора по писателямъ. Подъ именемъ извѣстнаго писателя—отца церкви—г. Архангельскій помѣщаетъ обыкновенно не только переводныя произведенія, дѣйствительно принадлежащія извѣстному писателю, но и всѣ статьи и сборники, приписываемые въ славянскихъ и русскихъ рукописяхъ извѣстному отцу церкви. Такъ, напримѣръ, разсматривая творенія Іоанна Златоустаго (стр. 54—83), г. Архангельскій останавливается на Златоструѣ, Учительномъ Евангеліи Константина епископа Болгарскаго, Андріатисѣ, Маргаритѣ, Поученіяхъ, избранныхъ отъ св. Евангелія Филоѳея патр. Константинопольскаго, на Златоустѣ, Измарагдѣ, на новомъ Маргаритѣ кн. Андрея Курбскаго. За исключеніемъ послѣдняго свѣдѣнія о сборникахъ, приведенныя авторомъ, не велики: почти такія же, какъ приведенныя Порфирьевымъ въ Исторіи Русской Словесности, въ 1 т. Впрочемъ, г. Архангельскій посвятилъ Измарагдамъ IV-ю книгу своего Изслѣдованія, о которой скажемъ дальше. Этимъ дополненіемъ объ Измарагдахъ авторъ лучше всего показалъ недостаточность однихъ библіографическихъ справокъ, хотя

и разнообразныхъ и многочисленныхъ, но, всетаки, недостаточныхъ для характеристики памятниковъ, непосредственное изученіе которыхъ по разнообразнымъ спискамъ можетъ дать еще много интереснаго. Для всесторонняго изученія памятниковъ необходимо обращаться и къ другимъ даннымъ. Такъ, напримѣръ, происхожденіе и значеніе нѣкоторыхъ сборниковъ, связанныхъ съ твореніями Іоанна Златоустаго, находятъ объясненіе въ церковныхъ уставахъ и въ другихъ книгахъ: Маргаритъ (къ стр. 63) упоминается въ числѣ церковныхъ книгъ по спискамъ Устава XIV в. (напр. Московской Синодальной б-ки, №385); сборникъ «Златоустъ» (къ стр. 64—65) упоминается въ Стоглавѣ 1551 г. (Казанское изданіе, стр. 81), рядомъ съ Евангеліемъ Учительнымъ, Прологомъ, и другими книгами, которыя назначаются къ прочтенію въ церкви. Въ сборникѣ Румянцевскаго Музеума, № 406, XV в., представляющемъ «Златоустъ», многія чтенія сопровождаются замѣчаніями: «на часѣхъ, на утрени».

Какъ недостаточны одни библіографическія справки, показываетъ слѣдующій примѣръ въ разсматриваемой книгѣ. На стр. 46—47 авторъ говоритъ о древнѣйшихъ текстахъ «Паренесиса» Ефрема Сирина: «отрывки его находятся въ одной кирилловской рукописи XII в., повидимому выбранные изъ полнаго собранія».—При этомъ авторъ ссылается на «Древніе памятники русскаго письма и языка», Срезневскаго, 2-е изд., стр, 80. Здѣсь Срезневскій говоритъ о сборникѣ Троицко-Сергіевой лавры, XII в. (№ 12), не отмѣчая нумера рукописи. Далѣе, г. Архангельскій продолжаетъ: «одно изъ Словъ Ефрема Сирина, но не изъ Паренесиса, находится также въ сборникѣ XII в. Троицко-Сергіевой лавры, №12». Очевидно, и самъ авторъ, выбирая данныя изъ разныхъ библіографическихъ описаній не замѣтилъ, что кирилловская рукопись XII в. и сборникъ Троицко-Сергіевой лавры № 12—одно и то же. Правда, ошибки тутъ большой нѣтъ. Дѣйствительно, въ этомъ сборникѣ одно слово и два отрывка изъ Паренесиса и одно слово, неизвѣстное по спискамъ Паренесиса; но неточное обозначеніе,—съ одной стороны, кирилловской рукописи XII в., а съ другой, сборника Троицко-Сергіевой лавры № 12 можетъ вызвать, безъ провѣрки библіографическихъ указаній г. Архангельскаго, выводъ о двухъ разныхъ рукописяхъ.

Болѣе самостоятельнымъ отдѣломъ разсматриваемой книги являются свѣдѣнія о рукописяхъ, заключающихъ переводы кн. Курбскаго:

Новый Маргаритъ (стр. 68—80) и нѣкоторыя творенія Іоанна Дамаскина (стр. 109—124). Эти свѣдѣнія составляютъ извлеченія изъ приложеній къ «Очеркамъ изъ исторіи юго-западной русской литературы XVI—XVII вв.» того-же автора (Москва, 1888 г.).

Какъ въ «Очеркахъ», такъ и въ разсматриваемой книгѣ, г. Архангельскій представилъ библіографическое описаніе только нѣкоторыхъ рукописей, заключающихъ въ себѣ переводы кн. Курбского изъ Твореній Іоанна Златоустого и Іоанна Дамаскина. Но списки этихъ переводовъ находятся въ различныхъ рукописныхъ книгохранилищахъ, и между списками замѣчаются отличія не только въ отношеніи къ исправности текста; но и по тѣмъ любопытнымъ замѣткамъ на поляхъ рукописей, на которыя обратилъ особенное вниманіе г. Архангельскій. Въ доказательство этого мы можемъ указать на два интересныхъ списка переводовъ кн. Курбскаго твореній Іоанна Дамаскина, XVI вѣка, находящихся въ библіотекѣ Кіево-Софійского Собора (№№ 20—33 и 21—34). Одинъ изъ этихъ списковъ имѣетъ надпись, сдѣланную рукой митр. Петра Могилы въ 1638 г. Списки эти интересны въ томъ отношеніи, что представляютъ поправки къ чтеніямъ списка Хлудова, XVI в., № 60 (г. Архангельскій два раза неправильно относитъ этотъ списокъ къ XVII в.: стр 109 и 111, примѣч.), который А. Поповъ считалъ наиболѣе замѣчательнымъ по собственоручнымъ замѣткамъ кн. Курбскаго. Однако, многихъ изъ этихъ замѣтокъ въ спискахъ Кіево-Софійскаго Собора нѣтъ; хотя всѣ другія замѣчанія на поляхъ рукописей читаются почти въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ Хлудовской рукописи. Отсюда является интересный вопросъ о происхожденіи этихъ замѣчаній. Если бы г. Архангельскій обратился къ оригиналамъ и источникамъ переводовъ кн. Курбскаго то, вѣроятно, онъ указалъ бы происхожденіе нѣкоторыхъ изъ замѣчаній на поляхъ рукописей въ комментаріяхъ къ оригиналамъ. Затѣмъ, можно было бы выдѣлить замѣчанія, принадлежащія кн. Курбскому и его сотрудникамъ и, наконецъ, отмѣтить замѣчанія, возникшія позднѣе, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, какъ это указано А. Поповымъ въ «Описаніи рукописей Хлудова». Въ послѣднемъ трудѣ приведено уже много этихъ замѣчаній, и г. Архангельскій, повторивъ нѣкоторыя, только дополнилъ работу А. Попова (ср. у Попова стр. 99—119 и въ разсматриваемой книгѣ, стр. 113—124).

Въ заключеніе разбора этой первой книги г. Архангельскаго нельзя не высказать сожалѣнія о томъ, что авторъ не собралъ по описаніямъ славянскихъ и русскихъ рукописей и по такимъ сводамъ, какъ труды Срезневскаго и друг., большее количество указаній на славяно-русскіе списки переводныхъ твореній отцовъ Церкви, не ограничиваясь нѣкоторыми сочиненіями и нѣкоторыми писателями. Такой сводъ, въ родѣ представленнаго проф. Голубинскимъ въ «Исторіи русской церкви» (т. I, первая половина, 1880 г., стр. 715—756), въ періодъ до-монгольскій, необходимо было бы расположить съ помощію указателя: по писателямъ и отчасти по переводчикамъ, по вѣкамъ и отчасти по мѣсту происхожденія переводовъ; важно было бы также собрать указанія на переводы твореній отцовъ Церкви, которые были извѣстны въ древности, но дошли до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ или были переведены въ болѣе позднее время, по крайней мѣрѣ до XVIII ст. Кромѣ того, такой полный обзоръ всѣхъ дошедшихъ до насъ списковъ переводныхъ сочиненій далъ бы, самъ по себѣ, лучшее представленіе о распространенности въ славянской и въ древне-русской письменности извѣстныхъ твореній отцовъ Церкви. Отчасти данныя для такого труда представляетъ и разсматриваемая книга, въ особенности по отношенію къ нѣкоторымъ твореніямъ Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго и Іоанна Дамаскина; но она не отличается полнотой и правильной системой въ расположеніи обзора матеріала.

II. Житіе Антонія Великаго св. Аѳанасія.

Подъ этимъ заглавіемъ г. Архангельскій приводитъ отрывки изъ житія Антонія Великаго—по изданію А. Попова («Описаніе рукописей Хлудова», стр. 393—396; сербская рукопись XIV в.), по списку XV в. Троицко-Сергіевой лавры, № 763, и по позднѣйшему списку Соловецкой б-ки, XVI—XVII вв. Эти извлеченія изъ текстовъ составляютъ приложеніе къ первой книгѣ: «Къ изученію древне-русской литературы» (стр. 12—15). Въ послѣдней г. Архангельскій говоритъ о спискахъ житія Антонія В.: «по нашимъ рукописямъ, въ отрывкахъ оно становится извѣстнымъ съ XIII в.; древнѣйшіе полные списки относятся къ XV в.» Это не вѣрно. Въ первомъ случаѣ ав-

торъ ссылается на Срезневскаго (Древніе памятники русскаго письма, 1882 г., 2-е изд., стр. 293), у котораго описанъ сборникъ Императорской Публичной б-ки до 1400 г. (значитъ, XIV в.), при чемъ замѣчено только: «житіе Антонія», но не упомянуто, помѣщено ли оно въ отрывкахъ или вполнѣ; при томъ не сказано, что это житіе Антонія Великаго. Во второмъ случаѣ, въ вопросѣ о полныхъ спискахъ житія Антонія В., необходимо сравненіе списковъ во всѣхъ подробностяхъ, такъ какъ житіе это могло подвергаться сокращеніямъ, въ виду значительнаго объема его. Такъ, напримѣръ, въ сборникѣ графа Толстого XIV в. (Обстоятельное описаніе рукописей гр. Ѳ. А. Толстого 1825 г., стр. 581) помѣщено такое сокращеніе, подъ заглавіемъ; «отъ житья Антонья»; но въ сборникѣ XIV в. Чудова монастыря, № 23, находится вѣроятно полный списокъ житія (см. Житіе св. Саввы Освященнаго, изд. И. В. Помяловскимъ, 1890 г., стр. LXXIX и далѣе). Нельзя не высказать сожалѣнія, что г. Архангельскій не обратилъ вниманія на тексты житія Антонія Великаго, находящіеся въ древнѣйшихъ Прологахъ (напримѣръ, въ Прологѣ Румянцевскаго музея XIII—XIV вв., № 319, на цѣлый годъ) и въ Макарьевскихъ Чети—Минеяхъ XVI в.

Что касается до извлеченій изъ текстовъ житія Антонія В., напечатанныхъ г. Архангельскимъ, то они не отличаются полнотой и основательностью. Такъ, на стр. 1—3 сопоставлены тексты: одинъ,— изданный А. Поповымъ, XIV в., и другой—поздній текстъ XVI—XVII вв. по рукописи Соловецкой б—ки; между тѣмъ какъ, вмѣсто послѣдняго, необходимо было привести болѣе древній текстъ по сборнику XV в. Троицко-Сергіевой лавры, № 763, изъ котораго г. Архангельскій приводитъ отдѣльныя выраженія, фразы и древнія слова. Кромѣ того, при выпискахъ этихъ древнихъ формъ и выраженій необходимо было привести соотвѣтствующія выраженія Хлудовскаго списка XIV в. или другого древнѣйшаго текста и, наконецъ, выраженія греческаго текста. Чтобы показать, какъ важно было на стр. 1—3 привести текстъ по рукописи XV в. Троицко-Сергіевой лавры. № 763, а не по Соловецкой рукописи XVI—XVII, которая значительно отличается отъ древнѣйшихъ текстовъ житія, выписываемъ изъ Троицко-Сергіевой рукописи всѣ мѣста, соотвѣтствующія напечатаннымъ г. Архангельскимъ извлеченіямъ изъ текстовъ на стр. 1—3.

«Благоу ревность показасте, къ єгоуптѣскымь черноризцемь, рек(ше) сѣдѣтѣлемъ. или и прєспѣти изволивша сѝ пачє. изволѣніємь добродѣтєлны вашєй. и въ ѳ҃ѣ ѳѡ монастырѣ. и нищєское имѣ жительствоувѣть; съ оубо разоумѣвъ правдѣ, аще и кто похвалить. и молящѣмъ ѳ҃ѣ ѻ҃ъ да сѣвршить и. Понєжє (л. 310 об.) вопросисте ѿ мене слышєти, о житіи блаженнаго андѡнія. Навыкнути хотяще како начѧ҃ вьздрѣжатисѧ. и кто въ҃ прежѣ того. и каковъ имѣ конецъ жи҃. да того ревнію сами єще приведете. съ миноѵ҃ тѣщанїємъ прии҃ваше повелѣніе. и мнѣ вєлико пришєствіе и оутѣшєніе ѣ҆ и єже точію андѡнія поминати. вѣдѣ же и вы слышавше похваленіе чл҃ка вьсхощете и ревновати. ѣ҆ ѳѡ и доволєнъ инѣѡ҃ѡ образъ на вьздрѣжаніе, андѡнієвое житіе. єже оубо слышасте о немъ ѿповѣдавшїи ѳ҃ѣ, вѣруите яко тако ѣ҆. и мало же мните ѿ нїи слышавшесѧ...

л. 311: прием ваше покелѣніе...

привести нѣкоторыѧ ѿ черноризець...

ѳ҃ѣ пишѹ...

книгоносець тѣщашесѧ...

посылаю...

многажды...

ваѓоговѣинствѹ вашемѹ...

л. 311 об.: прѣдѣпѣваше и оумѡм...

книгы же выкнути не хотяше ѿ нихъ отнти. равновѣзрастными же отрѡкы призываем на игры не вѣнимаше. и ѵспѣвам вѣзрастом прѣдѣпѣваше и оумѡм. желаніе же все имѣваше по писанномѹ, єже без злобы жити въ домѹ своемъ...

л. 312: и изшед скоро из цр҃кве..

л. 312 об.: изшед и єже имѣваше остакшимѧ и то раздасть ѵбогым»...

III Вопросы и Отвѣты Аѳанасія [1]) *къ кн. Антіоху.*

Въ этой главѣ г. Архангельскій останавливается на содержаніи нѣкоторыхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ (стр. 9—13),—на спискахъ, за-

[1]) Такъ напечатано это имя вездѣ, въ разсматриваемой главѣ. Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду доказать этимъ, что сочиненіе это не принадлежитъ св. Аѳанасію, архіепископу Александрійскому.

ключающихъ Вопросы и Отвѣты (13—15), на сравненіи этихъ списковъ (16—37), на Вопросахъ и Отвѣтахъ, помѣщенныхъ въ Изборникѣ 1076 г. (38—60), на выпискахъ и передѣлкахъ изъ Вопросовъ и Отвѣтовъ въ Измарагдахъ и въ Кормчихъ (61—77), на замѣчаніяхъ Соловецкой рукописи объ источникахъ Вопросовъ и Отвѣтовъ (78—88), на отношеніи Вопросовъ и Отвѣтовъ къ Бесѣдѣ трехъ святителей,—при этомъ авторъ подробно разбираетъ мнѣніе г. Мочульскаго, высказанное имъ въ книгѣ: «Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ», 1887 г. Далѣе, г. Архангельскій, имѣя въ виду мнѣніе г. Мочульскаго о редакціяхъ Бесѣды трехъ святителей, сравниваетъ различные списки Бесѣды съ Вопросами и Отвѣтами и указываетъ отношеніе Бесѣды къ предполагаемымъ источникамъ; наконецъ, въ заключеніи дѣлаетъ 14 выводовъ (стр 186—194). Въ приложеніи къ этой главѣ напечатанъ списокъ «Бесѣды трехъ святителей» по рукописи XV в. Московскаго Румянцевскаго музея.

Разсматриваемая глава изъ изслѣдованія г. Архангельскаго наиболѣе обработана, сравнительно съ остальными; главное значеніе ея заключается въ критикѣ мнѣнія г. Мочульскаго, которая отличается основательностію. Дѣйствительно, нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Мочульскаго о редакціяхъ Бесѣды трехъ святителей, о непосредственной связи и развитіи этихъ редакцій, и г. Архангельскій доказываетъ неосновательность этого мнѣнія, разбирая доступныя ему редакціи Бесѣды и сопоставляя ихъ съ однородными памятниками. Данныхъ собрано г. Архангельскимъ много, и онъ считалъ возможнымъ на основаніи этихъ данныхъ сдѣлать нѣсколько выводовъ о происхожденіи и развитіи Вопросовъ и Отвѣтовъ и Бесѣды трехъ святителей. Главные выводы его сводятся къ слѣдующему: Вопросы и Отвѣты Афанасія къ кн. Антіоху явились въ славянской и въ древне-русской письменности сначала въ своеобразной передѣлкѣ (Изборникъ 1076 г.), затѣмъ уже въ XIV в. появился полный переводъ Вопросовъ и Отвѣтовъ, связанный съ греческимъ текстомъ. Этотъ переводъ вызвалъ появленіе Бесѣды трехъ святителей, отличающейся отъ первоначальной Бесѣды, переведенной съ греческого (Изборникъ 1073 г.). Въ основаніи позднѣйшей Бесѣды положены Вопросы и Отвѣты Афанасія къ Антіоху, но дополнены различными произведеніями однороднаго характера, появившимися уже ранѣе въ древне-русской письменности. Такимъ образомъ, разнообразные виды Бесѣды развились, по мнѣнію г. Архангельскаго, исключительно на русской почвѣ.

Это мнѣніе о русскомъ происхожденіи какъ Бесѣды трехъ святителей, такъ и нѣкоторыхъ другихъ однородныхъ памятниковъ, не можетъ быть принято. Проф. Красносельцевъ, послѣ выхода изслѣдованія г. Архангельскаго, издалъ по аѳонскимъ и парижскимъ греческимъ рукописямъ два списка греческихъ Вопросовъ и Отвѣтовъ и одинъ списокъ греческой Бесѣды святителей (1, «Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ святителей»; Одесса, 1890 г. и 2, «Еще къ вопросу объ источникахъ Бесѣды трехъ святителей»; тамъ-же). Въ изслѣдованіи, соединенномъ съ изданіемъ греческихъ текстовъ, г. Красносельцевъ вполнѣ основательно указываетъ непосредственную связь русской Бесѣды съ греческими Вопросами и Отвѣтами, съ греческой Бесѣдой,—связь, показывающую, что русскія первоначальныя редакціи имѣли точные оригиналы въ византійской литературѣ. Но, кромѣ этого вывода, поколебленнаго въ основаніи греческими памятниками, открытыми и изданными г. Красносельцевымъ, и другіе выводы г. Архангельскаго не вполнѣ выдерживаютъ критику. Дѣло въ томъ, что количество списковъ Вопросовъ и Отвѣтовъ въ славянской и въ древне-русской письменности, даже судя по указаніямъ описаній рукописныхъ книгохранилищъ, чрезвычайно велико. А сколько такихъ списковъ, почти всегда отличающихся другъ отъ друга, найдется еще въ собраніяхъ рукописей неописанныхъ. Отмѣтимъ прежде всего нѣкоторые списки Вопросовъ и Отвѣтовъ и однородныхъ памятниковъ по описаніямъ рукописей и по печатнымъ изданіямъ, опущеннымъ авторомъ разсматриваемаго изслѣдованія. 1) Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1845 г., стр. 66: сборникъ XV в., № 189, л. 118, «Вопросы и Отвѣты Аѳанасія къ Антіоху»; всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ 136. На стр. 13 разсматриваемой части изслѣдованія г. Архангельскій говоритъ, что подобныхъ списковъ, заключающихъ 137 вопросовъ съ отвѣтами не встрѣчается, а всегда менѣе на три четыре вопроса—отвѣта и болѣе. Слѣдовательно, указываемая рукопись должна была имѣть особенное значеніе для изслѣдованія Вопросовъ и Отвѣтовъ. 2) Описаніе рукописей Почаевской лавры, хранящихся въ библіотекѣ музея при Кіевской Духовной Академіи, составленное В. Березинымъ, Кіевъ, 1881 г., стр. 73—74: Сборникъ XVI в., Вопросы и Отвѣты на лл. 283 об., 333, 345 и далѣе. Ниже я остановлюсь подробнѣе на этихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ. 3) Собраніе рукописей В. И. Григоровича.

А. Викторова, Москва, 1879 г., стр. 41: Сборникъ апокрифовъ XVI в., № 53, л. 28. 4) Труды III-го Археологическаго Съѣзда въ Россіи, Кіевъ, 1878 г., т. II: Калужняцкій, Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ, стр. 234—235. Здѣсь интересны: замѣчаніе объ обращеніи Вопросовъ и Отвѣтовъ среди галицко-русскихъ горянъ въ устной бесѣдѣ и указаніе на Перемышльскую рукопись учительнаго Евангелія L. D. 4, въ которой находятся «Пытаніа и отповѣди св. Отцевъ». 5) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. 31, 1883 г., «Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ» Г. А. Воскресенскаго, стр. 27: Номоканонъ сербскій XV в., статья 38—«ѡ вопросѣ и ѿвѣтѣ и о тлкованіи кнтжнаго и новаго закона вкратцѣ и мно҃ кнцы». 6) Описаніе рукописей Виленской Публичной библіотеки, 1882 г., стр. 446: «ѡ вопросѣхъ и ѿвѣтѣхъ Григорим Бг҃ослова и Васи҃л҃» (въ сборникѣ XVI—XVII вв.). 7) Описаніе славянскихъ рукописей Московской Патріаршей, (нынѣ Синодальной), библіотеки, трудъ В. М. Ундольскаго (Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1867 г., кн. II, отд. III): Кормчая исх. XIII в., л. 434 об. «Пресв. отца нашего Аѳанасія архіеп. Александрьскаго къ Антіоху князю о множайщихъ и нужныхъ възысканіяхъ, и о божественныхъ писанныхъ недовѣдомыхъ и отъ всѣхъ крестьянъ вѣдати должныхъ» (стр. 52). Г. Архангельскій нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ древнемъ спискѣ, а между тѣмъ на стр. 74—77 говоритъ о Вопросахъ и Отвѣтахъ въ Кормчей XVI в. и въ печатномъ изданіи ея. 8) Охранный Каталогъ рукописей А. А. Титова, вып. 3, 1888 г., № 2619: Вопросы и Отвѣты св. Отецъ отъ св. писаній (XVIII в.) 9) Описаніе рукописей Хлудова, 1872 г., стр. 262: «Бесѣда трехъ святителей» (по замѣчанію А. Попова, «многими подробностями отличается отъ изданныхъ списковъ»). 10) Первое Прибавленіе къ Описанію рукописей библіотеки Хлудова, стр. 59; № 31, XVII в.: «Бесѣдованіе сѳ. трехъ сѵ҃тителей» (особая редакція). 11) Свѣдѣніе о нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св.-Троицкой Сергіевой лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи, стр. 97: сборникъ XVI в., л. 176. «Книга Каѳъ» (къ стр. 156 разсматриваемаго изслѣдованія). 12) Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря, въ библіотеку Московской Духовной Академіи, 1882 г., стр. 61: сборникъ

XV—XVI вв. «Книга Каѳъ». [1]) 13) Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, отд. II, 2, стр. 142—156: «Сильвестра и Антонія вопросы и отвѣты», или «Бесѣды св. Кесарія»—двѣ рукописи, №№ 129 и 130, XVI—XVII вв. Горскій и Невоструевъ отмѣтили греческій источникъ Кесаріевыхъ отвѣтовъ и высказали предположеніе о древне-болгарскомъ происхожденіи перевода (стр. 146—147). 14) Свѣдѣніе о нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св.-Троицкой Сергіевой лавры, и проч., стр. 159—163: то же, что предыдущее (Вопросы и отвѣты св. Сильвестра и пр. Антонія). Но одна изъ двухъ рукописей относится къ XV в. По ней «Четыре бесѣды Кесарія, или вопросы св. Сильвестра и отвѣты пр. Антонія» изданы арх. Леонидомъ (№ XCV Общества Любителей Древней Письменности, 1890 г.).

Чтобы показать, какъ могутъ измѣнить выводы автора разсматриваемаго изслѣдованія справки съ неизвѣстными ему текстами, остановимся на упомянутой рукописи Почаевской лавры, находящейся въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, № 116, XVI в. На стр. 34—37 г. Архангельскій приводитъ сравнительное сопоставленіе отдѣльныхъ выраженій изъ нѣкоторыхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ Афанасія по тремъ спискамъ: XII, XV, XVII вв. и по печатному изданію 1656 г. и дѣлаетъ выводы о двухъ редакціяхъ: 1) древней редакціи XII в., отступающей отъ греческаго оригинала (а, можетъ быть, и для этой редакціи существовалъ особый греческій оригиналъ?) и 2) болѣе точной буквальной редакціи съ XV в. Беремъ Почаевскую рукопись XVI в. молдо-влахійскаго происхожденія (слѣдовательно, изъ средне-болгарскихъ списковъ) и сравниваемъ съ сопоставленіемъ г. Архангельскаго. Въ этой рукописи находимъ: нѣкоторыя выраженія—общія съ текстомъ XII в. (мыслъ, оумь, чади, за прѣзорство, отравникь, оуморити); другія выраженія—общія съ списками XV—XVII вв.; но есть и такія выраженія, которыя не встрѣчаются въ текстахъ, приведенныхъ г. Архангельскимъ (стр. 33—35: «прѣспѣеть»—вм. оуные, различно, разньствуеть; «етери»—вм. дроузии, нѣции; «прѣжде бытіа чл҃чка»—вм. преже рожьства чл҃чка, прежде даже не създанну быти Адаму, и проч.; стр. 36—37:

[1]) См. объ этомъ сборникѣ мои «Критико-библіографическія замѣтки... по Русской словесности за 1892 г.». Кіевъ, 1893 г.

«бесчьствꙋѭща»—вм. хуляще). Тоже самое относится къ стр. 49—58: текстъ Почаевской рукописи ближе къ Изборнику 1076 г. Едва ли можно поэтому говорить о русскомъ происхожденіи разсматриваемой статьи Изборника 1076 г. Но еще поразительнѣе сопоставленіе Почаевской рукописи съ текстами на стр. 72—74. Здѣсь г. Архангельскій сравниваетъ текстъ нѣкоторыхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ по Соловецкой рукописи, № 259, и по слову Измарагда и указываетъ измѣненія редактора Измарагда печатая эти отступленія курсивомъ, напр. «рокъ» (вм. «время» по рукописи Вопросовъ и Отвѣтовъ), а между тѣмъ именно это слово «рокь» вездѣ находимъ въ Вопросахъ и Отвѣтахъ по рукописи Почаевской, № 116, л. 392, 98 вопросъ. Почаевская рукопись представляетъ еще иную редакцію Впрошаній и Отвѣтовъ, напечатанныхъ г. Архангельскимъ на стр. 117—128 разсматриваемой книги; кромѣ того, Почаевская рукопись имѣетъ еще продолженіе этихъ Въпрошаній и Отвѣтовъ, сверхъ напечатанныхъ авторомъ.

Я не буду останавливаться на Вопросахъ и Отвѣтахъ и на однородныхъ памятникахъ, привлеченныхъ г. Архангельскимъ къ изслѣдованію; не буду высказывать своихъ желаній, напр. о болѣе обстоятельномъ описаніи всѣхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ, въ родѣ сравнительной таблицы, къ которой могли бы обращаться для справокъ по изслѣдованію памятниковъ славянской и древне-русской письменности: а остановлюсь еще только на »извлеченіяхъ изъ рукописей», напечатанныхъ въ разсматриваемой книгѣ. Я не буду также приводить здѣсь всѣхъ исправленій, которыя имѣлъ возможность сдѣлать по рукописямъ Казанской Духовной Академіи и библіотекъ Московскихъ, изъ которыхъ дѣлалъ извлеченія авторъ, не буду отмѣчать измѣненій въ правописаніи, которыя часто встрѣчаются въ разсматриваемой книгѣ, а обращу вниманіе только на болѣе важныя отступленія отъ оригиналовъ. Стр. 79, вопросъ III: пропущено «Епифаній Кипрскій въ словѣ на Павла Самосацкаго»; стр. 82, вопросъ LXVII: «Маргаритъ листъ х҃к, х҃ка» (напечатано: хв, хва); стр. 87, вопросъ CXVIII: пропущено «при҃. т҃о же 19 (Царствъ) и Іовъ 42». Въ этихъ выпискахъ изъ Соловецкой рукописи № 259 я отмѣтилъ много и другихъ опечатокъ въ цифрахъ, въ нѣкоторыхъ названіяхъ книгъ. Стр. 143, вм. напечатаннаго—Слово Василія *Великаго*, толкъ *священничьскаго* чина—должно быть: «Слово с҃тго Васильѧ толкъ ꙋченичьскаго чина». Тамъ

же, строка 15 (сверху) пропущено «каіа» анг҃ла суть, и проч. На стр. 144—145 много пропусковъ, нѣкоторые изъ нихъ отмѣчены точками, но пропуски эти, иногда одного-двухъ словъ, не даютъ возможности судить о содержаніи памятниковъ. На стр. 146, строки 11—15 (сверху) относятся къ «Златой Чепи» XIV в. Троицко-Сергіевой лавры, № 11; но въ послѣдней находится иной текстъ, сравнительно съ напечатаннымъ у г. Архангельскаго. Выписываемъ для доказательства параллельно оба текста: первымъ—напечатанный въ книгѣ г. Архангельскаго, стр. 146, вторымъ—текстъ оригинала:

Текстъ, напечатанный въ разсматриваемой книгѣ:

Собрашася сѧтїи отцы къ великому Григорїю Богословцу глаголюще ємѹ. отче преподобныи. аже сѹть слѹженїа сѧтаіа и безкровнаіа. научи ны. отче. отвѣщаа сѧтыи Григорїи глаголѧ. послѹшайте братїа моіа.

Златая Чепь, XIV в., л. 28 об.:

Собрашася прⷭ҇бнии wц҃и. къ сⷮ҃мѹ григорью бс҃ловцю и чюдотворцю. гл҃юще ємѹ wч҃е прⷭ҇бныи наѹчи ны. аже позна҃ сть бжⷮ҃ственаа и сⷮ҃оразѹмнаа и бесквернаа жертва на нⷭ҇бсѣхъ. и wт҃вѣщаа сⷮ҃ыи григории бс҃ловець гл҃ѧ послоушанⷮ҃е бр҃іе моіа. сⷮ҃ыѧ напредъ положеными дарми гл҃ть гⷭ҇ѹ помолимсѧ...

Стр. 170, второй столбецъ, строка 16 сверху: пропущено—«низкѣсти коньⷣ гл҃тѧны». Тамъ же, стр. 20: пропущено—«гл҃ша». Стр. 182, второй столбецъ, строки 10—11, сверху: вм. «начатцы» должно быть «началствъ». Стр. 184, первый столбецъ, строка 15, сверху: вм. «воловъ» должно быть: «волковъ» (въ рукописи написано: «волко»; и по смыслу фразы: «тысящу мужей тысяща волков снѣдоша»—ни какъ не можетъ быть «воловъ»). Тутъ-же, строка 10 сверху: вм. «растлѣнныхъ» должно быть «растлѣвших». Подобныя ошибки, которыя, конечно, нельзя считать опечатками, встрѣчаются и въ слѣдующихъ частяхъ.

IV. Паренесисъ Ефрема Сирина.

Эта часть изслѣдованія г. Архангельскаго основана на самостоятельномъ изученіи списка Паранесиса Троицко-Сергіевой лавры, № 7, XIII в. (однако, Срезневскій, въ «Древнихъ памятникахъ русскаго

письма», 2 изд., стр. 292, относилъ этотъ списокъ ко времени до 1400 г., т. е. къ концу XIV в.; но г. Архангельскій не упоминаетъ объ этомъ), который авторъ подробно описываетъ по главамъ, сравнительно съ греческими списками словъ Ефрема Сирина по изданію Ассемани (Του εν αγιοις Πατρος ημων Εφραιμ του Συρου τα σωριζομενα παντα, или S. P. n. Ephraem Syri opera omnia; Romae, 1732—46); далѣе авторъ представляетъ рядъ «извлеченій» изъ этой рукописи и касается общихъ вопросовъ о Паренесисѣ, напр., о славяно-русскихъ редакціяхъ Сборника, о его происхожденіи и о его вліяніи на древнерусскіе сборники «Измарагды». Слѣдуетъ замѣтить, что еще раньше г. Архангельскаго отношеніе славяно-русскихъ списковъ «Паренесиса» къ греческимъ текстамъ указано было въ «Описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи» (часть I, 1881 г., стр. 293—308). Но для ученаго изслѣдователя, описывавшаго подобнымъ образомъ списки Паренесиса Соловецкой библіотеки, остались неизвѣстными греческіе оригиналы нѣкоторыхъ словъ (см. въ разсматриваемой книгѣ стр. 12, прим.; стр. 15, прим. 2; стр. 29, прим.; стр. 31, прим.; стр. 32, прим.; всего *шесть* словъ), которые и были отысканы г. Архангельскимъ въ изданіи же греческихъ кодексовъ—Ассемани. Но для двухъ словъ (44-го и 84-го, стр. 12 и 18) г. Архангельскій не могъ отыскать греческихъ подлинниковъ, хотя одно изъ этихъ словъ (84) по греческимъ текстамъ давно уже было отмѣчено И. И. Срезневскимъ (Свѣдѣнія и замѣтки, вып. I, стр. 34: τὸ πῶς ἐπιστρέφει τις εἰς τα ὀπίσω, καὶ ὅτι οὐ χρὴ παίζειν χριστιανόν) а другое слово находится въ рукописи изъ собр. Севастьянова (Собраніе рукописей П. И. Севастьянова, 1881 г., стр. 19: περὶ χρίσεως καὶ ἐλεημοσύνης, л. 156). Такимъ образомъ уничтожается одно изъ предположеній автора, высказанныхъ въ разсматриваемой книгѣ (стр. 12, 18—19, 80, 88), о нѣсколькихъ словахъ въ Паренесисѣ, *неизвѣстныхъ* по греческимъ рукописямъ. Г. Архангельскій кромѣ изданія Ассемани, не обращался къ другимъ изданіямъ и описаніямъ греческихъ кодексовъ, заключающихъ слова Ефрема Сирина. Другой выводъ автора о томъ, что Паренесисъ возникъ на славяно-русской почвѣ и не имѣетъ непосредственнаго прототипа въ греческихъ кодексахъ словъ Ефрема Сирина, долженъ быть ограниченъ, такъ какъ, если и не отысканъ такой греческій кодексъ, который бы вполнѣ совпадалъ съ славянскимъ Паренесисомъ; однако, несомнѣнно,

что славянскій Паренесисъ возникъ изъ «Увѣщательныхъ словъ Ефрема Сирина, обращенныхъ къ египетскимъ монахамъ» (Λογοί παραινετίκοί προς τους κατ' Αίγυπτον μοναχους),—отсюда и заглавіе славянскаго сборника «Паренесисъ». Въ самомъ дѣлѣ, большая часть первыхъ 92 главъ сборника состоитъ изъ этихъ «Паренесисовъ». Большинство списковъ сборника—и въ томъ числѣ списокъ XIII в.—представляютъ слѣдующее отношеніе къ извѣстнымъ греческимъ сборникамъ, заключающимъ 50 словъ—λόγοι παραινετίκοί: отъ 2 до 22 главы—первыя 24 слова греческихъ сборниковъ; затѣмъ 24 глава (=греческому 45-му слову); съ 26 главы до 42-ой (=греческ. 25—41 гл.); 86 глава (=греческ. 42); 87 гл. (=греческ. 44); 88 гл. (=греческ. 46); 89 гл. (=греческ. 48); 90 гл. (=греческ. 49 и 50); 91 гл. (=греческ. 43) и 92 гл. (=греческ. 47).

Г. Архангельскій пытается, на основаніи славянскихъ и русскихъ списковъ съ XIII в., вывести заключеніе о происхожденіи и развитіи Паренесиса на славяно-русской почвѣ. Но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду древнѣйшія указанія на этотъ сборникъ словъ Ефрема Сирина, разнообразіе славяно-русскихъ списковъ Паренесиса и ихъ отношеніе къ греческому тексту.

По мнѣнію г. Архангельскаго, Паренесисъ возникъ на почвѣ славянской письменности; древнѣйшая редакція его ограничивалась 101—104 словами (этотъ выводъ сдѣланъ только на основаніи списковъ съ XV в., стр. 32, 35, 37); всѣ остальныя слова прибавлены позднѣе; но на вопросы: когда прибавлены эти слова и изъ какого перевода—авторъ не даетъ отвѣтовъ. Съ этимъ мнѣніемъ г. Архангельскаго нельзя согласиться. Прежде всего должно замѣтить, что выписки изъ полнаго списка Паренесиса встрѣчаются въ сборникахъ XII в.: въ сборникѣ Московскаго Успенскаго собора находится «Слово 48 о св. Аврааміи»—48-мъ Словомъ оно помѣщено и въ полныхъ спискахъ Паренесиса; въ сборникѣ Троицко-Сергіевой лавры, № 12, помѣщено съ такою же помѣтою «Слово 82 о покаяніи» тоже 82 слово въ полныхъ спискахъ Паренесиса. Далѣе, въ Описи книгъ въ русскомъ монастырѣ Пресв. Богородицы Ксилургу (Дрѣводѣля) на Аѳонѣ, 1143 г., среди русскихъ книгъ значатся: св. Ефремъ, рядомъ съ Патерикомъ, и друг. (Древніе памятники русскаго письма, Срезневскаго, 2 изд., стр. 57). Не безъ основанія въ этомъ названіи книги «св. Ефрема» видятъ указаніе на собраніе словъ Ефрема Сирина, въ родѣ Паренесиса. Въ

церковномъ уставѣ XII в. (Московск. Синодальной библіотеки № 330, по прежнему каталогу) въ недѣлю мясопустную и въ первыя пять недѣль великаго поста положены чтенія «от словесъ св. Ефрема». Этотъ студійскій уставъ былъ введенъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ преп. Ѳеодосіемъ во второй половинѣ XI вѣка и, конечно, уже въ это время долженъ былъ существовать славянскій сборникъ словъ Ефрема Сирина. Сходство въ составѣ и въ переводѣ словъ «Паренесиса», начиная съ древнѣйшихъ списковъ XII—XIII вв., можетъ свидѣтельствовать, что именно этотъ сборникъ существовалъ и въ церковномъ употребленіи по студійскому уставу второй половины XI в. Въ этомъ уставѣ для насъ чрезвычайно важно указаніе на слово въ недѣлю мясопустную (Московск. Синодальн. библіотеки, № 330, л. 4): «На заоут. Слов. ст҃а ефрѣма. о которѣмь пришьствии ємоуже нач҃ѧ. Отъкрѣчение иже при сѣмь крьщении».

Въ полномъ спискѣ Паренесиса это—105 слово. По греческимъ рукописямъ оно составляетъ бо́льшею частію только часть большого слова о второмъ пришествіи и изрѣдка встрѣчается въ видѣ самостоятельнаго слова (напр. у Ассемани, т. III, стр. 215 и у Маттеи: Accurata codicum graecorum Mss. bibliot. Mosquensium Sanct. Synodi, Lipsiae, 1805 an, p. 79). Если бы авторъ обратилъ вниманіе на церковное назначеніе Паренесиса съ древнѣйшаго времени и по южнославянскимъ и по древнерусскимъ уставамъ, то онъ не сталъ бы утверждать, что слова 105 и другія, напр. 111 и 112—позднѣйшаго происхожденія. Послѣднія слова (111—112) и по надписаніямъ въ сборникахъ и по указаніямъ церковныхъ уставовъ назначались къ прочтенію «въ субботу сырную», какъ 105 слово—въ недѣлю мясопустную.

Издавая «извлеченія» изъ «Паренесиса» г. Архангельскій исключительно держался списка Троицко-Сергіевой лавры, № 7, и не обращался ни къ греческому оригиналу, ни къ другимъ болѣе исправнымъ спискамъ. Кромѣ того, въ «извлеченіяхъ», напечатанныхъ въ разсматриваемой части изслѣдованія г. Архангельскаго, вкралось много ошибокъ, искажающихъ подлинникъ. Приведу болѣе рѣзкіе примѣры того и другого: стр. 62, строка 21: «*и зрить же* о кающиися души» (дѣйствительно, такъ читается въ спискѣ Троицко-Сергіевой лавры, № 7). Въ греческомъ текстѣ читаемъ: ἐπιφέτως ἐπὶ μετανοούσῃ ψυχῇ. Очевидно, въ спискѣ Троицко-Сергіевой лавры, № 7

грубая описка вмѣсто: «изрѧдь же», «изряднѣе». И дѣйствительно, въ сербской Севастьяновской рукописи, XV в. читаемъ: «изреднѣе же о кающойсе дш҃и»; въ Макарьевскихъ Минеяхъ, въ Анзерскомъ спискѣ Соловецкой библіотеки (рукопись съ записью 1532 г.) и въ печатныхъ изданіяхъ XVII в.: «паче же о кающейсѧ дш҃и»; въ спискѣ Соловецкой библіотеки, XVI в., № 187: «изрѧдь же о кающихсѧ дш҃и». На стр. 43—44 въ разсматриваемой книгѣ особенно много ошибокъ противъ оригинала. Выписываемъ параллельно—текстъ, напечатанный г. Архангельскимъ и текстъ оригинала.

—43 стр., строка 17 сверху:	въ рукописи:
чути сановъ ищущимъ	чт҃и сановъ ищющимъ
строка 18:	
ради нераженїа... нашѧ раждизает	радї нероженыа... наша ражьзизають
строки 20—23:	
не могу трьпѣти которою многообразною хытростїю не оудръжа насъ от благъ. (дьяволъ).. кто не плачетсѧ нашедшаго зла на ны... котораго бо своего органа не постави на на҃ супротивный. внимайте глаголемых молю вы. пригвожденїи житїи сем.	не могу терпѣти но изнемагаю. по гл҃щемоу вїдѣхъ неразумѣвающаа и стаяхъ. котораго бо органа своего не поставї на на҃ супротивныи [1]). которою многообразною хытростью не оудержа насъ от бл҃гъ... кто не плачетьсѧ нашедъшаго зла на ны. внимаите гл҃емых молю вы. пригвожденнї въ житьи семь.
—44 стр., строка 6 сверху:	
пецѣмсѧ...	печалимсѧ
8 строка:	
оставихом..	презрѣхомъ

Эти два послѣднія чтенія внесены авторомъ, вѣроятно изъ другихъ рукописей. Такъ «печемсе», «печемъсѧ» читаемъ въ сербской Севастьяновской рукописи XV в., въ спискѣ XIII—XIV вв. Москов-

[1]) Все это у г. Архангельскаго пропущено, а одна фраза попала далѣе не на свое мѣсто.

ской Типографской библіотеки, № 1173 (76) и въ Макарьевскихъ Минеяхъ. Другое чтеніе «останемсе» читаемъ только въ сербской Севастьяновской рукописи XV в. Но г. Архангельскій не указалъ, откуда и почему внесъ новыя чтенія въ списокъ Троицко-Сергіевой лавры, № 7, по которому напечаталъ весь текстъ.

Что касается сопоставленія текстовъ изъ Паренесиса съ соотвѣтствующими текстами изъ Измарагда, то нельзя не высказать сожалѣнія о томъ, что авторъ не выдѣлилъ болѣе наглядно отступленія (передѣлки и дополненія въ Измарагдѣ) текста Измарагда отъ текста Паренесиса, напримѣръ, на стр. 100—103. На стр. 114—115 не указанъ соотвѣтствующій текстъ въ словахъ Ефрема Сирина для «Слова св. Ефрема, како слушати книгъ» по Измарагду. Мы нашли нѣкоторое сходство для этого слова (которое въ разныхъ редакціяхъ Измарагда не всегда одинаково, иногда разбито на двѣ части: напримѣръ, въ спискѣ Троицко-Сергіевой лавры, № 204, лл. 6 и 7, при чемъ вторая часть названа «Словомъ Іоанна Златоустаго») въ 99 словѣ Паренесиса: «О покаяньи» (первая часть напечатаннаго г. Архангельскимъ слова Измарагда до словъ: «книги бо глубины моря»).

Болѣе подробный разборъ третьей части изслѣдованія г. Архангельскаго напечатанъ мною въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1891 г.

V. Творенія Іоанна Златоустаго въ древнерусскихъ Измарагдахъ.

Въ этой послѣдней части, посвященной изученію древнерусскихъ сборниковъ, подъ названіемъ «Измарагдовъ», г. Архангельскій слѣдуетъ той же системѣ расположенія изслѣдованія, какой онъ слѣдовалъ въ предшествующей части—о Паренесисѣ Ефрема Сирина. Прежде всего авторъ перечисляетъ списки Измарагда, начиная съ древнѣйшаго списка XIV в. (Румянцевскаго Музея, № 186); но даетъ характеристику только нѣкоторыхъ списковъ и подраздѣляетъ ихъ на редакціи. Такихъ редакцій Измарагда авторъ указываетъ восемь, при чемъ отмѣчаетъ господствующую редакцію, начиная со списковъ Измарагда XV в. Затѣмъ авторъ останавливается на главныхъ чертахъ литературнаго состава Измарагда, представляя извлеченія изъ текстовъ (стр. 6—69). Послѣ того уже авторъ говоритъ о связи Измарагда съ

Изборникомъ 1076 г. (стр. 69—73) и наконецъ переходитъ къ главной части изслѣдованія о статьяхъ Измарагда, которыя приписываются въ нихъ Іоанну Златоустому, при чемъ перечисляетъ сначала эти статьи по нѣкоторымъ спискамъ Измарагда (стр. 73 — 93), затѣмъ предлагаетъ извлеченія изъ текстовъ 29 словъ [1]), приписываемыхъ въ Измарагдахъ Іоанну Златоустому, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ источники этихъ словъ. Большую часть источниковъ для этихъ словъ г. Архангельскій указываетъ въ «Златоструѣ» (№ № II, IV, V, VII, VIII, IX, X, XII, XIII, XIV, XV, XX, XXIII, XXIV, XXVI, XXVIII и XXIX; стр. 103, 112, 116, 120, 135, 137, 142, 157, 163, 167, 169, 205, 209, 211, 225, 228). Иногда, впрочемъ, авторъ колеблется признать слова «Златоструя» непосредственнымъ источникомъ словъ Измарагда и указываетъ только соотвѣтствія этихъ словъ, сходство въ мысляхъ. Далѣе, источники нѣкоторыхъ словъ Измарагда г. Архангельскій указываетъ въ Пандектахъ Никона Черногорца (слова II, VIII и XVI), въ Маргаритѣ (I, II и III), въ Андріатисѣ (XXII, XXVII), въ Изборникѣ 1076 г. (XXI, XXIV, XXV, XXVIII), въ словѣ Косьмы Пресвитера (VI). Прибавимъ къ этому указанія на Паренесисъ Ефрема Сирина, какъ на источникъ нѣкоторыхъ словъ Измарагда по предыдущей части; такія же указанія на Вопросы и Отвѣты Афанасія къ кн. Антіоху (II глава изслѣдованія, стр. 46—71). Кромѣ того, въ первой книгѣ на разныхъ страницахъ разсѣяно много замѣчаній объ отношеніи словъ Измарагда къ переводнымъ твореніямъ отцовъ церкви. Такимъ образомъ, вопросъ объ Измарагдахъ обратилъ на себя особенное вниманіе автора разсматриваемаго изслѣдованія; но, къ сожалѣнію, онъ не сосредоточился на этомъ вопросѣ и не далъ полнаго изслѣдованія объ этихъ интересныхъ древнерусскихъ сборникахъ. Между тѣмъ авторъ затронулъ разнообразные вопросы по отношенію къ Измарагдамъ: о происхожденіи сборника, который онъ возводитъ къ Изборнику 1076 г.; о редакціяхъ Измарагда, изъ которыхъ авторъ выдѣлилъ господствующую редакцію; объ источникахъ нѣкоторыхъ словъ Измарагда, которые авторъ указываетъ въ Паренесисѣ Ефрема Сирина и въ нѣкоторыхъ сборникахъ словъ Іоанна Златоустаго.

[1]) У г. Архангельскаго послѣднее слово отмѣчено № 30; но въ счетѣ словъ вкралась ошибка: послѣ 26 слова слѣдуетъ 28-е слово; см. стр. 211 и 214.

Прежде чѣмъ остановиться на этихъ отдѣлахъ изслѣдованія г. Архангельскаго, мы обратимся къ работамъ по изученію Измарагда, которыя предшествовали разсматриваемому изслѣдованію. Въ 1862 г., въ «Описаніи славянскихъ рукописей Московской Синодальной б-ки» (отдѣлъ II, 3, стр. 53—83) впервые было представлено подробное изученіе Измарагда по списку 1518 г. Московской Синодальной библіотеки, при чемъ обращено вниманіе на источники Измарагда и на происхожденіе самаго сборника. Въ этомъ изслѣдованіи указаны слова, заимствованныя изъ библейскихъ книгъ (Сираха, Притчей), изъ твореній Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, изъ Вопросовъ и Отвѣтовъ Афанасія, и проч.; кромѣ того, отмѣчено нѣсколько словъ древне-русскихъ проповѣдниковъ: Кирилла Туровскаго, Серапіона Владимірскаго и много словъ неизвѣстныхъ русскихъ проповѣдниковъ. О происхожденіи Измарагда въ Описаніи замѣчено, что собиратель этого сборника былъ русскій, и въ нѣкоторыхъ словахъ встрѣчаются указанія на русскіе нравы, обычаи и пороки; время составленія Измарагда отнесено къ XIV в. Далѣе, въ Описаніи по поводу другого сборника «Златоуста» (стр. 83—130) указано много заимствованій изъ Измарагда и опредѣлено ихъ общее отношеніе. Въ 1881 г., въ «Описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи» (часть I, стр. 562—601) представлено такое же подробное изученіе списковъ Измарагдовъ Соловецкой б-ки, при чемъ указаны нѣкоторые новые источники, дополняющіе Описаніе Московской Синодальной библіотеки и нѣкоторыя новыя слова русскаго происхожденія. Эти два изслѣдованія показали важность двухъ вопросовъ по отношенію къ Измарагдамъ: вопроса о происхожденіи сборника и вопроса о древне-русскихъ поученіяхъ, вошедшихъ въ Измарагдъ. Нѣсколько поученій изъ Измарагдовъ Соловецкой библіотеки съ замѣчаніями о ихъ русскомъ происхожденіи были изданы въ Православномъ Собесѣдникѣ, начиная съ 1858 года. Въ 1867 году, въ Протоколахъ засѣданій совѣта Харьковскаго Университета (№ 6, стр. 557—595), въ «Отчетѣ о занятіяхъ въ столичныхъ библіотекахъ» г. Лукьянова представлено много извлеченій изъ текстовъ Измарагдовъ XV и XVI вв. Императорской Публичной библіотеки. На основаніи этихъ текстовъ и нѣкоторыхъ другихъ проф. Некрасовъ коснулся отношенія Измарагда къ Домострою въ изслѣдованіи: «Опытъ историко-литературнаго изслѣ-

дованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя» (М., 1873 г., стр. 107—114 и 121—123). Затѣмъ нѣсколько словъ изъ Измарагдовъ напечатано въ изслѣдованіяхъ г. Пѣтухова (1) Древнія поученія на воскресные дни великаго поста, 1886 г.; 2) Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ, 1887 г.; 3) Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII в., 1888 г.). Преосвящ. Филаретъ въ 3-мъ изданіи «Обзора русской духовной литературы» (1884 г.) на стр. 76—82 указываетъ 42 поученія въ Измарагдахъ, которыя «могутъ быть признаны за несомнѣнныя русскія сочиненія XIV в., если только иныя изъ нихъ не были написаны прежде того. Они вполнѣ стоютъ того, чтобы были изданы добросовѣстно, по лучшимъ спискамъ» (стр. 80).

Г. Архангельскій воспользовался не всѣми этими изслѣдованіями Такъ мы не находимъ у него ссылокъ, или какихъ либо замѣчаній о мнѣніяхъ, высказанныхъ гг. Лукьяновымъ, Некрасовымъ и Пѣтуховымъ. Въ основаніе работы г. Архангельскаго вошли преимущественно изслѣдованія по Описаніямъ рукописей Московской Синодальной библіотеки и Соловецкой б-ки; но авторъ значительно дополнилъ эти изслѣдованія собственными справками съ Златоструемъ, Маргаритомъ, Андріатисомъ, Пандектами Никона Черногорца и представилъ извлеченія изъ текстовъ различныхъ рукописей. Конечно, мы ожидали бы самостоятельныхъ указаній и провѣрки прежнихъ изслѣдованій объ источникахъ Измарагдовъ; но г. Архангельскій ограничилъ задачу своего изслѣдованія нѣкоторыми сборниками изъ твореній Іоанна Златоустаго, изъ Паренесиса Ефрема Сирина и изъ Вопросовъ и Отвѣтовъ Афанасія къ Антіоху.

Теперь перейдемъ къ вопросамъ, на которыхъ останавливается г. Архангельскій: во первыхъ, объ отношеніи Измарагдовъ къ Изборнику 1076 г.; далѣе, о редакціяхъ Измарагдовъ и наконецъ, объ ихъ источникахъ.

Вопросъ объ отношеніи Измарагдовъ къ Изборнику 1076 г. относится къ болѣе общему вопросу о происхожденіи сборника Измарагда, объ отношеніи его къ переводной славянской и древнерусской письменности. До сихъ поръ еще никому не удалось указать сборника съ названіемъ «Измарагда» ни среди греческихъ сборниковъ, ни среди древнѣйшихъ южнославянскихъ. Отсюда заключаютъ, что названіе это дано какимъ либо русскимъ

составителемъ сборника, хотя самое названіе греческое отъ σμάραγδος—драгоцѣнный камень (Измарагдъ образовано подобно: измирьна=σμύρνα, изрганъ=ὄργανον См. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum, ed. Miklosich 1862—65 гг.). Интересно замѣтить, что княгиня Ефросинія (XII—XIII вв.) прозвана была—«Измарагдъ—дорогый камень» (см. Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, изд. Эйнерлинга, 1842 г., т. III, примѣчанія къ III т., 3 главѣ, стр. 68). Въ Изборникѣ 1073 г. читаемъ: «змарагдъ... сила его есть лице видѣти въ немь». Въ такомъ значеніи древнерусскій сборникъ «Измарагдъ» отвѣчалъ бы средневѣковымъ сборникамъ, подъ названіемъ Speculum - Зерцало. Но «Измарагдъ» могъ явиться и въ подражаніе извѣстному сборнику словъ Іоанна Златоустаго—«Маргаритъ». Рядомъ съ «Измарагдомъ» существовали въ древнерусской письменности названія сборниковъ «Жемчюгъ» «Златая Цѣпь», «Златая Матица». Въ древнѣйшихъ спискахъ Измарагда, начиная съ XIV и до XVI в., названія этого не встрѣчается, такъ какъ списки не дошли до насъ въ полномъ видѣ; и только въ спискахъ XVI—XVII вв. и въ выпискахъ изъ Измарагдовъ встрѣчается часто это названіе.

Что касается отношенія Измарагда къ Изборнику 1076 г., то едва ли можно возводить Измарагдъ непосредственно къ этому Изборнику 1076 г., минуя дошедшіе до насъ сборники XII, XIII и особенно XIV вв. Дѣйствительно, нѣсколько статей Изборника 1076 г. и Измарагдовъ представляются сходными; но нельзя сближать ихъ, особенно по начальнымъ статьямъ «о почитаніи книжномъ», какъ это дѣлаетъ г. Архангельскій, такъ какъ подобными статьями открываются и южнославянскіе сборники (см. Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1868 г., стр.—152—153; «сборникъ ѿчьскыихъ дшѣпользныхъ словесъ сказанига», XIV в., л. 1. «Рѣч блаженнаго Іоанна златоустаго сѣдмоу тѣи на чтѣнии словесъ Божиихъ», и проч.). Кромѣ того, бо́льшая часть сходныхъ статей въ Изборникѣ 1076 г. и въ Измарагдахъ представляется съ отличіями. Мы сравнивали эти сходныя статьи по различнымъ сборникамъ и нашли, что текстъ Изборника 1076 г. ближе къ текстамъ Златой Цѣпи, XIV в. (Троицко-Сергіевой лавры, № 11), чѣмъ къ текстамъ Измарагдовъ, даже по древнѣйшей редакціи XIV в. Слѣдовательно, между Изборникомъ 1076 г. и Измарагдомъ должны были существовать переходные тексты сборниковъ. Кромѣ того, Изборникъ 1076 г. не представляетъ

того обилія древнерусскихъ статей, которое характеризуетъ какъ «Измарагды», такъ и «Златоусты». Несомнѣнно, что Измарагдъ явился позднѣе, какъ опредѣленный сборникъ, быть можетъ, въ XIV в., къ которому относится и древнѣйшій видъ его въ Румянцевскомъ сборникѣ XIV в., № 186. Древнерусскіе Измарагды и Златоусты вызваны были накопленіемъ въ древнерусской письменности собственно русскихъ поученій. Основные типы этихъ сборниковъ выработались преимущественно въ періодъ времени отъ XIV до XVI вѣка включительно.

Г. Архангельскій, затронувъ вопросъ объ отношеніи Измарагда къ Изборнику 1076 г., долженъ бы былъ остановиться и на отношеніи Измарагда къ другимъ древнерусскимъ сборникамъ: XIV вѣка— Троицко-Сергіевой лавры, №№ 9 и 11; Паисіевскій сборникъ; сборникъ Царскаго, № 361; сборникъ Хлудова, № 30; затѣмъ XIII в.— Изборникъ Императорской Публичной библіотеки (изъ собранія гр. Толстого); сборникъ, описанный въ Отчетѣ Императорской Публичной библіотеки, за 1875 г., стр. 55—56; наконецъ, сборники XII в.— Московскаго Успенскаго собора и Троицко-Сергіевой лавры, № 12. Это сравненіе могло бы выяснить вопросъ объ отношеніи Измарагда къ древнѣйшимъ сборникамъ XI—XIII вв. (напримѣръ, связь Измарагда XIV в. съ этими древнѣйшими сборниками выражается въ выпискахъ цѣлыхъ книгъ, въ родѣ Стослова Геннадія, какъ въ названныхъ древнѣйшихъ сборникахъ внесены почти цѣликомъ сочиненія Анастасія Синаита, Аѳанасія Александрійскаго, Пандекты Антіоха, Стословецъ Геннадія) и непосредственную связь Измарагда съ сборниками XIV в. Такъ, напримѣръ, сборникъ Хлудова, № 30, представляетъ важное дополненіе для характеристики Измарагда XIV в. по неполному списку Румянцевскаго Музея, № 186. Въ сборникѣ Хлудова находятся слова (тѣ же, что въ Измарагдѣ XVI в. Троицко-Сергіевой лавры, № 204, представляющемъ списокъ съ редакціи, тожественной съ Румянцевскимъ Измарагдомъ), недостающія въ неполномъ Измарагдѣ XIV в. Румянцевскаго Музея. Сборникъ Царскаго, № 361, представляетъ также перебитый Измарагдъ.

Переходимъ къ вопросу о редакціяхъ Измарагда, или о постепенномъ развитіи его отъ списковъ XIV—XV до XVIII в. Вопросъ этотъ о развитіи «Измарагда» отъ XIV до XVII в. остался въ разсматриваемомъ изслѣдованіи безъ разрѣшенія, такъ какъ авторъ огра-

ничился изученіемъ немногихъ списковъ и не попытался выяснить основныя черты Измарагда, отличающія его отъ другихъ сборниковъ. Поэтому изъ всѣхъ замѣчаній автора о различныхъ редакціяхъ Измарагда—замѣчаній неполныхъ и не всегда точныхъ, составленныхъ бо́льшею частію на основаніи Описаній рукописей въ печати,—можетъ быть принято одно—указаніе на «господствующую редакцію» Измарагда въ спискахъ XVI—XVII вв. Происхожденіе этой редакціи относится къ XV в., какъ показываетъ списокъ Троицко-Сергіевой лавры, № 91. Списки этой редакціи, дѣйствительно, многочисленны; кромѣ указанныхъ г. Архангельскимъ, мы можемъ отнести къ этой же редакціи еще слѣдующіе списки XVI в.: 1) въ іюльской книгѣ Макарьевскихъ Великихъ Чети-Миней (Московской Синодальной библіотеки, № 996, лл. 727—826; 159 главъ; сравнительно съ № 202 Троицко-Сергіевой лавры нѣтъ слѣдующихъ главъ: 20, 26, 89, 160 и двѣ главы не отдѣлены отъ предшествующихъ); 2) Н. С. Тихонравова, № 253; 3) Московской Типографской библіотеки, № 1470 (107), съ записью 1610 г.; 4) изъ собранія гр. А. С. Уварова, XVI в., №№ 310 (49) и 311 (610) и XVII в., № 312 (1049).

Изъ списковъ XV в. г. Архангельскій отмѣтилъ только два: Троицко-Сергіевой лавры № 91 и Суздальскаго Спасо-Евѳиміевскаго монастыря. Но еще въ 1867 г. г. Лукьяновъ сличилъ сборникъ XV в. Императорской Публичной библіотеки съ Измарагдомъ той же библіотеки XVI в., указалъ ихъ сходство и представилъ обзоръ содержанія, сдѣлавши много извлеченій изъ текстовъ (Протоколы засѣданій Совѣта Харьковскаго университета, 1867 г., № 6, стр. 557—595). Статья эта осталась неизвѣстной г. Архангельскому. Г. Лукьяновъ не отмѣтилъ номера этого сборника XV в.; но, несомнѣнно, что это № 214 изъ библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого (см. Обстоятельное описаніе рукописей, Калайдовича и Строева, 1825 г., стр. 128, и далѣе; ср. запись 7155 г. Серапіона, въ статьѣ г. Лукьянова, стр. 558). Г. Пѣтуховъ въ изслѣдованіи о Серапіонѣ Владимирскомъ (1888 г., стр. 214) говоритъ также объ этомъ сборникѣ, называя его «перебитымъ Измарагдомъ». Кромѣ того, г. Пѣтуховъ указываетъ еще одинъ списокъ Измарагда XV в. (тамъ же, Прибавленіе къ изслѣдованію, стр. VI) Императорской Публичной библіотеки, Q. I. № 312, съ л. 282 начинается Измарагдъ, текстъ котораго весьма сходенъ съ Измарагдомъ Румянцевскаго Музея, XIV в., № 186.

Изъ списковъ XVI в. авторъ разсматриваемаго изслѣдованія неправильно опредѣлилъ составъ Измарагда Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, изъ собранія Ундольскаго, №№ 542 и 543. Дѣло въ томъ, что въ извѣстномъ Описаніи Славяно-русскихъ рукописей Ундольскаго (1870 г.) изъ этого Измарагда отмѣчены только немногія главы. Г. Архангельскій руководствовался исключительно только этимъ описаніемъ (стр. 4 и 93). Поэтому онъ упустилъ изъ виду множество словъ, приписанныхъ Іоанну Златоустому въ этомъ обширномъ Измарагдѣ Ундольскаго (напримѣръ, слова, не отмѣченныя въ Описаніи, на лл. 4, 5 об., 8, 13, 15, 19 об., 20 об., 22 об., 23 об., 25 и т. д.; или главы: 144, 172, 173, 180, 182, 184, 189, 190, 193, 195, 196, 202—208, и т. д.). Насколько мы могли изучить этотъ списокъ въ рукописи, можно заключить, что въ основаніи его положенъ списокъ господствующей редакціи, но значительно дополненъ изъ списковъ Златоуста (напр. № 543, лл. 58 об., 66, редакторъ замѣтилъ сходство этихъ словъ съ Измарагдомъ и отмѣтилъ см. «писано назади гл. 191, 200»), Пролога и другихъ сборниковъ. Точно также неправильно опредѣленъ составъ и Измарагда библіотеки Царскаго, № 142. Г. Архангельскій замѣтилъ, что средняя часть сборника «совершенно сходна съ редакціей большинства списковъ Измарагдовъ»; но напрасно отнесъ первую часть этого сборника къ «Измарагду», такъ какъ съ л. 1 (приписаннаго позднѣе) по 121 л. помѣщены выписки изъ Златоуста», а послѣдняя часть сборника представляетъ дополненія изъ другихъ сборниковъ (напримѣръ, апокрифическіе завѣты). Такимъ образомъ, этотъ сборникъ, заключающій 151 главу собственно «Измарагда», не представляетъ особой редакціи, какъ и нѣкоторые другіе списки, соединенные, по указаніямъ самихъ составителей сборниковъ, изъ «Измарагда» и «Златой Цѣпи» (напримѣръ, Царскаго № 691), или изъ «Измарагда» и «Златоуста», изъ житій св., и проч.

Мы не раздѣляемъ мнѣнія автора разсматриваемаго изслѣдованія о редакціяхъ Измарагда, которыя онъ усматриваетъ въ каждомъ спискѣ, не похожемъ въ чемъ-либо на списокъ XIV в. или на господствующую редакцію. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ признать двѣ главныя редакціи Измарагда: 1) XIV в. по рукописи Румянцевскаго Музея, № 186; къ этой редакціи относятся списки: XV в. Публичной библіотеки, Q. I. № 312 и XVI в. Троицко-Сергіевой

лавры, № 204 и 2) господствующую редакцію XV—XVI вв.; къ ней относятся и многіе списки XVII—XVIII вв. Но между этими главными редакціями необходимо признать еще посредствующія редакціи XV—XVI вв. Таковъ, напримѣръ, списокъ Н. С. Тихонравова, XVI в., № 295. Въ основаніи его положены извлеченія изъ первой радакціи XIV в. (нѣкоторыя слова слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ), къ которымъ по мѣстамъ присоединены дополненія, указанныя самымъ заглавіемъ сборника: «книга гл҃емаѧ Измарагдъ в ней же извѣсто писана сꙋть многа поꙋченїѧ и притча и житїа и от чюдесъ похваленїа ст҃ыхъ оц҃ь на ползꙋ д҃ши». Къ такой же посредствующей редакціи должно отнести и упомянутый списокъ XV в. (Толстого, № 214), описанный г. Лукьяновымъ. Что касается списковъ: XV в. Суздальскаго Спасо-Евѳиміевскаго монастыря (описаннаго г. Шляпкинымъ) и XVI в. Виленской Публичной библіотеки, № 240, то, вѣроятно, они извлечены изъ полныхъ списковъ Измарагда но поученія расположены въ нихъ по писателямъ, названнымъ въ полныхъ спискахъ. Интересны замѣтки редактора виленскаго Измарагда о количествѣ словъ, приписанныхъ въ полныхъ спискахъ Измарагда разнымъ отцамъ Церкви: Іоанна Златоустаго 98 словъ, Василія Великаго 22, Ефрема Сирина 13, св. Аѳанасія 7, св. отца Кирилла 6, св. отецъ и св. апостолъ 19, св. Анастасія игумена Синайскаго 361. За исключеніемъ послѣдняго указанія, всѣ предыдущія совпадаютъ съ составомъ Измарагда по спискамъ господствующей редакціи, представляя 165 главъ. Прибавка 361 главы изъ Анастасія Синайскаго, которому принадлежатъ собственно среди этихъ главъ только весьма немногія, а нѣкоторыя относятся къ составу Измарагда по древнѣйшей редакціи, объясняется дополненіями изъ другихъ сборниковъ. Редакторъ виленскаго Измарагда, конечно, неосновательно приписалъ всѣ эти главы Анастасію Синайскому; но къ дополненію своего труда—«избора» главъ по писателямъ—онъ былъ вызванъ замѣченнымъ имъ различіемъ между редакціями Измарагда и послѣднюю часть на-угадъ дополнилъ изъ различныхъ сборниковъ: отчасти изъ древнѣйшей редакціи Измарагда; но болѣе—изъ Пролога и другихъ сборниковъ.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію источниковъ Измарагда, указанныхъ г. Архангельскимъ. Выше мы уже говорили, что многіе изъ этихъ источниковъ были указаны раньше автора разсматриваемаго

изслѣдованія, что въ его обзоръ твореній Іоанна Златоустаго въ Измарагдахъ вошли не всѣ слова, приписываемыя въ нихъ Іоанну Златоустому. Существенное значеніе этой части изслѣдованія г. Архангельскаго, какъ и предыдущей, посвященной обзору содержанія Измарагдовъ, состоитъ въ извлеченіяхъ изъ рукописей и въ сравненіяхъ текстовъ древнѣйшей редакціи Измарагда и позднѣйшей, господствующей редакціи, а также въ выпискахъ соотвѣтствующихъ текстовъ изъ нѣкоторыхъ неизданныхъ сборниковъ. Остановимся прежде всего на отношеніи «извлеченій изъ рукописей», изданныхъ авторомъ въ этой части, къ оригиналамъ, съ которыми мы имѣли возможность сличить тексты, изданные г. Архангельскимъ. И въ этой части, какъ и въ предыдущихъ, встрѣчаются нерѣдко отступленія отъ оригиналовъ не только въ правописаніи (такихъ отступленій очень много, конечно среди нихъ могли вкрасться и опечатки), но и въ измѣненіяхъ словъ. Укажемъ важнѣйшія отступленія, отмѣчая страницы изслѣдованія (IV книга) и строки на страницахъ, считая сверху. Стр. 18, строки 2—3, въ оригиналѣ (Измарагдъ Троицко-Сергіевой лавры, № 204): «кто злословить родителѧ своѧ сии прѣд бг҃мь грѣшенъ есть и от б҃а и от людии проклѧть» (ср. у г. Архангельскаго перестановку этихъ фразъ). Тамъ же, стр. 5 напрасно выпущена фраза, объясняющая послѣдующее: «сихъ нечьстивыми именова» иже бесчестьвѧють, и проч. Имѣя подъ руками много выписокъ изъ разныхъ рукописей, авторъ, очевидно, иногда смѣшивалъ эти выписки. Такъ напримѣръ, на стр. 27 авторъ ссылается на Измарагдъ Соловецкой библіотеки, № 359, л. 129 об.; но по этой рукописи текстъ читается совсѣмъ иначе: «тон ѿинѫд бы ѕлобы въ питии и в беспечалїи ч҃лкъ скотиие оуподобилсѧ» (у г. Архангельскаго читаемъ: «то отнюдь бы злѣ забылся бы въ богагіи и въ безпечаліи человѣкъ, и скотинѣ бы уподобился» (?). Стр. 37, строка 9: пропущено ждущимъ вечера «сь гоусльми съ сопѣлми». Тамъ-же, строка 21: вм. «гусли» должно быть «гоусти» (фраза: «будет ли велѣно вѣрнымъ играти гоусти и плясати»). Тамъ-же строка 22: вм. «вѣрныа» должно быть «вѣчныа» (мукы). Стр. 39, строкъ 14, 15, 16 нѣтъ въ рукописи Румянцевскаго музея, № 186, XIV в. и, вѣроятно, все это добавлено по другому списку Измарагда. Стр. 43, строка 24: вм. «срднюю» должно быть «срд҃чною». Стр. 45: одинъ текстъ безъ разночтеній напечатанъ по

тремъ спискамъ и съ пропусками нѣкоторыхъ словъ; строка 2: пропущено: «а лѣнивын по апл҃ у да не имѣтъ». Стр. 46: выдержка изъ «слова о старцѣ» напечатана не по Соловецкому списку, № 359, а по списку Троицко-Сергіевой лавры, № 203, л. 143 (вм. «купаю» д. б. «куплю»). Стр. 59, строка 1: вм. «нам» должно быть «ми». Стр. 61, строка 1: вм. «чюжа» д. б. «чюжее». Стр. 65, снизу 2 строка: вм. «горше» д. б. «горшее». Стр. 68, строка 3 (сверху): вм. «есмии» должно быть «с ними». Тамъ-же, строка 15: вм. «дай лчѣйшую» (заповѣдь) должно быть: «дай лжѣйшую заповѣдь» (Ср. проф. Павлова: Неизданный памятникъ русскаго каноническаго права, 1890 г., стр. 18: «дай лжѣйшую», по другой рукописи: «а льжьшю заповѣдь»). Тамъ-же, строка 25: вм. «о томъ» должно быть «от того» (ср. проф. Павлова, l. c., стр. 22). Стр. 104, второй столбецъ, строки 6—7: вм. «на онемъ» должно быть «а онамо», какъ читается въ спискѣ XV в. Троицко-Сергіевой лавры, № 91. Стр. 106, второй столбецъ, строка 1: пропущено: «так чл҃ка є҃ колѣзни ѿ грѣх҃ очищаетсѧ» (такъ читается въ Измарагдахъ Соловецкой библіотеки, №№ 360 и 361; Троицко-Сергіевой лавры №№ 91, 202 и 203. Фраза эта необходима послѣ словъ на стр. 105: «тако злато во огни оцѣщаетсѧ»). Тамъ-же, строка 20: пропущено послѣ слова «слышиши»: «о чл҃ча ащи колѣзнь благодарнѣ стерпиши. или инымъ лютымъ вѣды». Тамъ-же строки 6—7: фраза должна быть исправлена, согласно съ большинствомъ списковъ: «помысли яко не отимутъ болѣсти чаровницы». Стр. 113, строка 19: вм. «слышин тако» должно быть «слышите как» далѣе должно слѣдовать: «благаа богатыи пріатъ». Стр. 155, второй столбецъ, строка 1: «зла» нѣтъ ни въ одномъ спискѣ Соловецкой библіотеки и Троицко-Сергіевой лавры; слово это совершенно излишне и по смыслу текста. Стр. 175, второй столбецъ: вм. «о щедрыхъ женахъ» должно быть: «о добрыхъ женахъ». Стр. 179, второй столбецъ: вм. «о щедрыхъ женахъ и о злыхъ» должно быть «о добрыхъ и о злыхъ женахъ». Стр. 182, второй столбецъ, строки 3: послѣ слова «въсходъ» должно быть еще «старцоу» (Троицко-Сергіевой лавры № 203 и стр. 180, первый столбецъ, строка 14). Стр. 206, второй столбецъ, строка 2 снизу: послѣ слова «блюдемся» должно быть еще «кл҃да же и пиѳанствка да останемсѧ».

Кромѣ указанія господствующей редакціи Измарагда, самостоятельнымъ трудомъ автора разсматриваемаго изслѣдованія предста-

вляется сопоставленіе текстовъ нѣкоторыхъ словъ Измарагда по древнѣйшей редакціи XIV в. (Румянцевскаго музея, № 186 и отчасти по рукописи той же редакціи Троицко-Сергіевой лавры, № 204, XVI в.) и по господствующей редакціи, преимущественно по спискамъ Соловецкой библіотеки и Троицко-Сергіевой лавры. Такія сопоставленія авторъ сдѣлалъ для девяти словъ (стр. 9—10, 16—17, 18—19, 58—59, 107—113, 117, 137, 142—153, 154—157). Эти сопоставленія даютъ возможность сдѣлать выводы о сокращеніяхъ, измѣненіяхъ и вставкахъ въ спискахъ Измарагда по господствующей редакціи, сравнительно съ текстами Измарагда по древнѣйшей редакціи. Въ этой послѣдней тексты представляются почти постоянно ближе къ первоначальному источнику (напримѣръ, къ «Златострую», къ «Паренесису», и проч.). Если бы авторъ провелъ дальше свои сопоставленія и распространилъ ихъ на большее число словъ, то, быть можетъ, онъ сдѣлалъ бы болѣе основательные выводы о редакціяхъ Измарагда. Конечно, при этомъ необходимо было принять во вниманіе и большее количество списковъ Измарагда и обратиться къ другимъ древнерусскимъ сборникамъ XIV—XVI вв., напримѣръ, къ «Златой Чепи» XIV в., къ «Златоусту» и вообще къ сборникамъ, упомянутымъ нами выше. Возьмемъ, напримѣръ, Стословецъ патріарха Константинопольскаго Геннадія, который является въ полномъ видѣ въ Измарагдѣ XIV в.—древнѣйшей редакціи и въ извлеченіяхъ—въ позднѣйшихъ спискахъ Измарагда. На стр. 11—15 въ разсматриваемомъ изслѣдованіи напечатаны нѣкоторыя слова Измарагда, составляющія извлеченія изъ Стословца Геннадія по списку Троицко-Сергіевой лавры № 203 (господствующей редакціи). Стословецъ Геннадія помѣщенъ вполнѣ: въ Изборникѣ 1076 г., въ сборникѣ XII в. Троицко-Сергіевой лавры № 12 (л. 53), въ Златой Чепи XIV в. (Троицко-Сергіевой лавры № 11, л. 67 об.), въ сборникѣ Царскаго № 361 (л. 99 об.), въ сборникѣ Хлудова № 30, XIV в. (въ самомъ началѣ), въ Измарагдѣ XIV. в. (въ самомъ началѣ), въ спискѣ древнѣйшей редакціи Измарагда XVI в. Троицко-Сергіевой лавры № 204 (въ самомъ началѣ). Начиная съ XV в. (Измарагдъ Троицко-Сергіевой лавры № 91) въ новой редакціи Измарагда (господствующей) Стословъ Геннадія совершенно исключенъ въ полномъ видѣ, какъ исключено «Слово нѣкоего отца къ сыну», встрѣчающееся въ полной редакціи: въ Изборникѣ 1076 г. и въ Златой Чепи XIV в. и въ нѣсколько измѣненной ре-

дакціи въ Измарагдѣ XIV в. и въ сборникѣ XVI в. Царскаго № 361. Въ новой редакціи Измарагда изъ этихъ цѣльныхъ сочиненій взяты нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и соединены въ «слова» съ новыми заглавіями. Чтобы показать, какія измѣненія и вставки являются въ словахъ этой новой редакціи Измарагда, приведемъ слѣдующіе отрывки изъ Стословца Геннадія.

Глава 75 по Изборнику 1076 г. и Златой Чепи XIV в. (Троицко-Сергіевой лавры № 11, л. 74). Въ сборникѣ Троицко-Сергіевой лавры XII в., № 12 сохранились только послѣднія слова этой главы.

Изборникъ 1076 г.

(по изд. Шимановскаго: Къ исторіи древнерусск. говоровъ, 1887 г., стр. 017):

Въ богатьствѣ сы и земльныихъ благъ изобиль имѣлъ. помьни вѣчноу слово авраамле иже къ богатомоу. въспрія ты благаа въ животѣ своемь. такоже и оубогын злаа. тѣмь же онъ веселитьсѧ. а ты стражеши.

Златая Чепь XIV в.

(въ скобкахъ по сборнику XII в. Троицко-Сергіевой лавры, № 12):

Въ бо҃гатьствѣ сый земны҃хъ бл҃гъ изо҃бильи имѣлъ. помни слово авраамле къ бо҃гатому вѣспріялъ еси бл҃гаа в животѣ твоемь. такоже оубогыи злаа. тѣмиже онъ веселитсѧ а ты стрѫже҃ши. (веселитьсѧ а ты стражеши).

Также точно читается эта глава въ полныхъ спискахъ Стословца по сборникамъ XIV вѣка; но въ извлеченіи изъ Стословца, по новой редакціи Измарагда съ XV в., это мѣсто читается съ значительными измѣненіями и дополненіями въ «Словѣ св. отца Геннадія патріарха». Начало слова: «Готовите братіе на исходъ добрая дѣла», и проч. Приводимъ это мѣсто по древнѣйшему списку Троицко-Сергіевой лавры, № 91, л. 245 (XV в.):

«Въ богатьствѣ изобилоуѧ. воспоминаи шного немо҃лтивыаго богатаго. како ти в моукѫ҃ сы молѧше авраама. да лазаря҃ послеть ѩзыкъ оустоудитъ водою. авраам же р҃е҃ емоу҃. ты бл҃гаа в животѣ прилъ. а лазарь терпѣлъ злаа. здѣ же нын҃ѣ оутѣшаетсѧ. а ты въ пламени стражеши. и приступль немилостивын в҃ъ҃ к богатомоу҃ стѣнанию имы горѧщю смолы. гл҃ѧ емоу҃ испи вжа҃дѣсѧ еси въ квасѣ мѣсто оного. и вы богати боудите мо҃лтви да не тажѣ приимите».

Приведемъ еще 76 главу Стословца. Беремъ выдержку изъ списка Измарагда (господствующей редакціи), напечатанную г. Архангельскимъ на стр. 14, и выписываемъ рядомъ соотвѣтствующій текстъ по сборникамъ XI—XVI вв.: основной текстъ по Изборнику 1076 г., а варіанты: по сборнику XII в. Троицко-Сергіевой лавры, № 12 (сокращенно ссылаемся: XII в.); по Златой Чепи XIV в. (сокращенно XIV в.); Измарагда Троицко-Сергіевой лавры XVI № 204 (сокращенно: XVI в.).

Вѣзлегъ на многомѧкцен[1]) постели и пространно протѧгаасѧ. помѧни сиротꙑ неимꙋщаа одежа како ти скрѣчьшесѧ лежать не имѫща постелѧ. нꙋжею студень трѣпать неболею.

Вѣзлегъ (**вѣзлежащоу** ти, XVI в.) **на мѣногомѧкѣцѣ** (—**цѣи**, XII, XIV, XVI вв.) **постели. и пространо** (**простраѧсѧ**, XVI в.) **протѧгаасѧ. помѧни наго** (**на голѣ земли.** XIV в. **на голѣ** XVI в.) **лежашта(а)го подъ єдинѣмъ роубѣмь и не дꙑзноушта** (**дꙑрзноущю**, XII в.) **ногу своєю прострѣти** (**простирти** XIV в.; **простерати**, XVI в.) **зимы дѣла** (**зимы ради**, XII и XIV вв.; **недоуга ради**, XVI в.).

И далѣе, въ 77 главѣ, редакторъ новой редакціи Измарагда (съ XV в.), вмѣсто «оубогихъ» подставилъ «сиротъ» и измѣнилъ текстъ полнаго текста Стословца, который читается по древнѣйшей редакціи Измарагда и по сборникамъ XI—XIV вв. съ незначительными измѣненіями въ формахъ языка и въ нѣкоторыхъ словахъ. На стр. 31—37 г. Архангельскій приводитъ «Слово Іоанна Златоустаго о крестьянахъ» въ полномъ видѣ, съ нѣсколькими варіантами по рукописямъ и по печатнымъ изданіямъ. Основной текстъ напечатанъ по списку Соловецкой библіотеки, № 359 (Измарагдъ господствующей редакціи). Сравнивая этотъ текстъ съ Измарагдомъ XV в. Троицко-Сергіевой лавры № 91 и съ Измарагдомъ въ Макарьевскихъ Минеяхъ, мы нашли нѣсколько варіантовъ, не приведенныхъ г. Архангельскимъ. Напримѣръ, къ стр. 31, строка 3: «а обычаемъ и дѣлы

[1]) Чтенія исправляемъ по оригиналу.

странници смѣсиша бо ся с невѣрными и навыкоша дѣла их». Тамъ же, строка 11: «приходити» вмѣсто «пристꙗпити»; «каци» вмѣсто «како». Стр. 32, строка 4: послѣ слова «погыбели» пропущено «и еще умножитися имут». Тамъ же, строка 7: «въстануть» вмѣсто «востаютъ». Другія особенности списковъ Троицко-Сергіевой лавры № 91 и Макарьевскихъ Миней совпадаютъ съ варіантами, приведенными авторомъ въ примѣчаніяхъ изъ списковъ—Соловецкой библіотеки № 361 и Троицко-Сергіевой лавры № 203. Автору слѣдовало бы еще сравнить это слово съ «Златоустомъ», такъ какъ уже въ Описаніи Московской Синодальной библіотеки (II, 3, стр. 24), при описаніи «Златоуста», № 231, замѣчено, что Слово это полнѣе въ Измарагдѣ. Дѣйствительно, мы сравнивали это Слово съ различными списками «Златоустовъ» и нашли, что текстъ Слова въ Златоустахъ вполнѣ совпадаетъ съ текстомъ, напечатаннымъ Н. С. Тихонравовымъ въ Лѣтописяхъ Русской Литературы по списку XIV в. (въ этой же редакціи Слово это было напечатано еще въ 1854 г., въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. LXXXIV, отд. II, стр. 182—184). Только въ Измарагдахъ встрѣчается окончаніе Слова со словъ: «о человѣче почто ся измещеши вечныя жизни» (см. стр. 36 и далѣе, у г. Архангельскаго; я привелъ текстъ по оригиналу—Соловецкой библіотеки № 359). Замѣтимъ еще, что средняя часть слова (стр. 32: «вижьд оубо не оуныя токмо неистови но и старыи») имѣетъ отношеніе къ слову Іоанна Златоустаго изъ 59 бесѣды на Евангеліе отъ Іоанна. Итакъ, этотъ примѣръ показываетъ, что для изученія даже отдѣльнаго слова необходимо бо́льшее количество списковъ, необходимо обращаться и къ другимъ памятникамъ, заключающимъ подобныя же слова. Только въ такомъ случаѣ получаются выводы для исторіи и отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ сборниковъ. На стр. 41—42 слѣдовало бы указать то же Слово, съ нѣкоторыми варіантами, по списку «Златой Чепи» XIV в. (л. 45—47, Троицко-Сергіевой лавры, № 11). Отрывокъ изъ этого Слова «Златой Чепи» («Слов(о) нѣкоего старца ѡ подвизѣ дш҃евнѣмь и ѡ пыньствѣ») приведенъ въ «Исторической Христоматіи», Ѳ. И. Буслаева, 1861 г., стр. 486—487.

Методъ изученія сборниковъ, которому слѣдуетъ авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, представляя большею частію выдержки изъ словъ сборниковъ для характеристики ихъ содержанія, литера-

турнаго состава, и располагая этотъ матеріалъ по случайнымъ рубрикамъ, едва ли можно назвать строго-научнымъ и плодотворнымъ для разработки предмета. Авторъ обратилъ, напримѣръ, вниманіе на любопытное «Слово Іоанна Златоустаго къ попомъ и къ простымъ людемъ» (стр. 66—69), привелъ изъ него небольшое извлеченіе и нѣсколько отдѣльныхъ выраженій. Между тѣмъ Слово это представляетъ замѣчательный памятникъ древне-русской поучительной литературы и еще болѣе—каноническаго права и принадлежитъ новгородскому владыкѣ Иліи—Іоанну XII в., какъ это доказалъ проф. А. С. Павловъ (Неизданный памятникъ русскаго каноническаго права XII в., Спб., 1890 г.).

Конечно, мы не имѣемъ въ виду поставить въ упрекъ г. Архангельскому отсутствіе вывода, къ которому пришелъ г. Павловъ; но мы желаемъ только указать на другіе пріемы изслѣдованія болѣе научные и плодотворные. Такъ и недавно еще г. Карнѣевъ въ статьѣ о «Вѣроятномъ источникѣ Слова о средѣ и пяткѣ» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1891 г., сентябрь, стр. 160—175) представилъ любопытные выводы объ одномъ Словѣ Измарагда, примѣнивши къ изученію его широкій историко-сравнительный методъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть изученіе источниковъ Измарагда, какъ главную часть изслѣдованія г. Архангельскаго въ разсматриваемой книгѣ. На стр. 101, 114, 116 и 154 авторъ привелъ одни тексты безъ указанія источниковъ. На стр. 112—113 приведенъ небольшой отрывокъ, и вопросъ объ источникѣ цѣлаго слова остается открытымъ. На стр. 118, 119 и 172 приведены источники по указаніямъ Описанія рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи (часть I, стр. 565 и 570). Болѣе основательными представляются слѣдующія сопоставленія словъ Измарагда съ словами Іоанна Златоустаго въ «Златоструѣ» и въ «Пандектахъ Никона Черногорца»: на стр. 120, 134, 136, 163, 167, 205 и 211. Но и здѣсь большею частію являются сходными болѣе или менѣе значительныя части словъ. Всѣ же остальныя сопоставленія словъ Измарагда съ отрывками изъ «Пандектовъ Никона Черногорца», «Злотоструя», «Андріатиса» и «Изборника 1076 г.» (послѣдній, самъ по себѣ, подлежалъ бы изслѣдованію по отношенію къ источникамъ) не отличаются основательностію и убѣдительностью. Намъ кажется, что это произошло именно отъ того, что авторъ

ограничился немногими памятниками, какъ «Златоструй», «Пандекты Никона Черногорца», отчасти «Маргаритъ» и «Андріатисъ», отчасти «Изборникъ 1076 г.,» оставивъ въ сторонѣ сборники XIV в. и творенія Іоанна Златоустаго по греческимъ кодексамъ, или даже по славянорусскимъ переводнымъ сборникамъ, каковы: толкованія Іоанна Златоустаго на Евангелія, Апостолъ, книгу Бытія, и проч. Слѣдовало обратить вниманіе и на древнѣйшія редакціи «Пролога», съ которымъ сопоставили уже слова Измарагда (только по позднѣйшей печатной редакціи Пролога) ученые изслѣдователи «Описанія рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи» и на редакціи словъ Іоанна Златоустаго въ Торжественникахъ, въ Евангеліяхъ Учительныхъ и проч. Мы можемъ, напримѣръ, указать, что извлеченія изъ словъ, напечатанныя на стр. 210 и 225, ближе къ текстамъ «Златой Чепи» XIV в. Троицко-Сергіевой лавры, № 11, чѣмъ къ Изборнику 1076 г., или къ Златострую» (по списку Соловецкой библіотеки XVI в.); что Слово, напечатанное на стр. 143—146, ближе къ тексту сборника XII в. Троицко-Сергіевой лавры, № 12, чѣмъ къ Златострую XVI в. по списку Соловецкой библіотеки. Напрасно также авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не справился съ библейскими книгами, которыя всегда служили въ древнерусской литературѣ главнымъ источникомъ для проповѣдниковъ и другихъ древнерусскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, извлеченія изъ текстовъ, напечатанныя авторомъ на стр. 176—181, заимствованы изъ Притчей Соломона и книги Іисуса сына Сирахова. Ср. стр. 176: отрывокъ изъ «Изборника 1073 г.» и начало 26 главы книги Сираха; стр. 177—179: Притчи Соломона, глава 31 и въ началѣ слова изъ книги Сираха, глава 26; стр. 180—182 изъ книги Сираха, главы 25 и 26. Между тѣмъ авторъ на стр. 174—175 высказываетъ предположеніе, что эти части словъ «отчасти болѣе поздняго русскаго происхожденія... отчасти составлены подъ вліяніемъ Вопросовъ и Отвѣтовъ Анастасія».

П. Владиміровъ.

Чѣмъ должны быть описи архивовъ?

1, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть первая. Документы воеводскаго управленія. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1895 г. (Оттискъ изъ «Чтеній въ Император. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Москов. университетѣ», кн. 2-я за 1895 г.).

2, Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 9-я. Москва. 1894 г.

Вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной сортировкѣ и описаніи актовыхъ книгъ и документовъ прошлыхъ столѣтій въ архивахъ, имѣющихъ, вслѣдствіе древности хранящихся въ нихъ письменныхъ памятниковъ, болѣе научное, чѣмъ практическое значеніе, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, остается нерѣшеннымъ окончательно, а потому всякая новая попытка, ставящая своей задачей указать желательное направленіе по веденію архивныхъ работъ, должна быть встрѣчаема всѣми заинтересованными въ дѣлѣ разработки сырого матеріала людьми науки съ особеннымъ интересомъ, ибо, по справедливому замѣчанію извѣстнаго изслѣдователя и издателя архив. матеріаловъ, ординар. академика Н. Ѳ. Дубровина, выраженному имъ въ своей рѣчи въ собраніи Император. Рус. Историч. Общества, состоявшемся 6 апрѣля этого года подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, «исторія Россіи невозможна безъ помощи оффиціальныхъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, и ея успѣхъ въ значительной степени зависитъ *отъ хорошаго устройства архивовъ* и отъ большей или меньшей *приспособленности ихъ къ ученымъ занятіямъ*» [1]). Такой заслуживающей особаго вниманія попыткой къ

[1]) «Нов. время», № 6866.

приспособленію архивнаго матеріала къ ученымъ занятіямъ являются недавно вышедшіе въ свѣтъ труды: 1, Н. Н. Оглоблина: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» и 2, оффиціальное изданіе: «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Москов. архивѣ министерства юстиціи» (кн. 9-я). Говоря строго, оба эти труда оффиціальнаго происхожденія, но первый изъ нихъ, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, долженъ былъ пріютиться въ «Чтеніяхъ» Москов. общества исторіи и древностей. Особенный интересъ по отношенію къ названнымъ книгамъ обусловливается тѣмъ еще, что въ нихъ, вмѣсто голаго слова, предлагается практическое разрѣшеніе этого, становящагося спорнымъ, вопроса объ описяхъ, и предлагается лицами, спеціально посвятившими себя архивному дѣлу.

Но прежде чѣмъ обратиться къ разбору «Обозрѣнія» г. Оглоблина и «Описанія документовъ и бумагъ» архива, считаемъ нелишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о судьбѣ этого вопроса въ самыхъ, такъ сказать, мѣсторожденіяхъ научнаго архивнаго матеріала, т. е., объ архивахъ нашихъ административно-судебныхъ учрежденій; въ этихъ послѣднихъ, въ давнее время, при менѣе развитыхъ функціяхъ ихъ, акты и дѣла, которые составлялись и велись, а потомъ сдавались на храненіе въ архивы, распредѣлялись въ строго хронологическомъ порядкѣ, безъ всякаго отношенія къ предмету ихъ содержанія; но, по мѣрѣ того какъ то или другое учрежденіе жило и дѣйствовало, оно, ради ускоренія собственнаго дѣлопроизводства, производило дифференціацію его сначала менѣе сложную, которая, при дальнѣйшей дѣятельности, все болѣе и болѣе увеличивалась; сообразно съ этимъ происходила перемѣна и въ распредѣленіи архивнаго матеріала: онъ не подвергался уже, какъ было сначала, одному хронологическому дѣленію, но началъ, мало-по-малу, разлагаться по функціямъ учрежденія, соотвѣтствовавшимъ такъ называемымъ на приказно-канцелярскомъ языкѣ «столамъ», т. е., по главнымъ предметамъ вѣдомства, по содержанію, по фактамъ; но такое распредѣленіе стало производиться лишь настолько, насколько того требовала практика самой жизни и дѣятельности учрежденія; хотя новая система сортировки архивнаго матеріала въ административно-судебныхъ учрежденіяхъ, даже въ настоящее время, совершается очень медленно и въ ограниченныхъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе самое существованіе ея позволяетъ уже предполагать, что съ теченіемъ времени она будетъ

развиваться, и содержаніе дѣлъ, при разборѣ и описи ихъ, займетъ первое мѣсто, уступивъ второе географическому дѣленію и лишь третье хронологическому, потому что предметное распредѣленіе архивнаго матеріала, внося больше разумности, простоты и ясности, значительно облегчаетъ даже канцелярскія справки въ дѣлахъ, такъ-какъ архиваріусу остается просматривать за извѣстный годъ не всѣ дѣла, а лишь небольшой отдѣлъ ихъ; очень часто, рядомъ съ предметнымъ распредѣленіемъ дѣлъ, ведутся еще личные или географическіе указатели, если того требуютъ условія дѣятельности учрежденія. Вообще можно сказать, что организація архивовъ правительственныхъ учрежденій вполнѣ обусловливается исключительно нуждами, ради удовлетворенія которыхъ существуютъ тѣ или другія учрежденія.

Такая же потребность въ распредѣленіи архивнаго матеріала по предметамъ или, точнѣе сказать, по фактамъ, давно уже чувствуется и въ архивахъ, особенно областныхъ, хранящихъ древніе акты, какъ матеріалъ для ученыхъ работъ, и чувствуется тѣмъ больше, чѣмъ чаще въ историческихъ изслѣдованіяхъ, вмѣсто громкихъ именъ, начинаютъ выступать негромкіе и скромные факты обыденной бытовой и экономической общественной жизни, составляющіе истинную сущность исторіи народа. Между тѣмъ въ этихъ архивахъ, при составленіи описей актамъ приходится руководствоваться указаніями устарѣвшаго уже закона, который въ свое время имѣлъ въ виду одни лишь практическія требованія; не безъ вины въ дѣлѣ правильной постановки архивныхъ работъ и сами изслѣдователи, потому что очень рѣдко заявляли, въ чемъ они нуждаются при работахъ въ архивахъ; да и эти немногія заявленія бывали часто очень противорѣчивы другъ другу; наиболѣе опредѣленная формулировка того, какая желательна система распредѣленія и описанія древняго архивнаго матеріала въ интересахъ научной разработки его, сдѣлана Ѳ. П. Истоминымъ въ своемъ рефератѣ [1]) на IX-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ. Авторъ прежде всего дѣлитъ архивы на обще-государственные и областные и полагаетъ, что каждый изъ таковыхъ долженъ выработать, имѣя въ виду родъ и значеніе своихъ документовъ и бумагъ, собственную систему описаній; будучи же ближе знакомъ съ архивами западныхъ губерній, онъ высказываетъ мысль о необходи-

[1]) Онъ напечатанъ въ журналѣ «Книговѣдѣніе» за іюнь м-цъ 1894 г.

мости для этихъ архивовъ, сообразно съ безконечно разнообразнымъ и хаотическимъ содержаніемъ древнихъ актовыхъ книгъ, составленія указателя фактовъ мѣстной общественной жизни; предложеніе г. Истомина мы признаемъ вполнѣ основательнымъ и цѣлесообразнымъ. потому что, дѣйствительно, въ жизни далекихъ окраинъ государства выступаютъ на первый планъ именно мелкіе факты обыденной жизни. съ которыми и приходится считаться историку; они одни лишь и могутъ быть предметомъ изслѣдованія, потому что имена государственныхъ дѣятелей совсѣмъ не встрѣчаются, а если и попадаются иногда, то лишь въ своей домашней хозяйственной дѣятельности; но такихъ именъ не много и отмѣтить ихъ въ описи не требуетъ большаго труда.

Къ числу областныхъ архивовъ, въ значительной части своей. соотвѣтственно содержанію своихъ столбцовъ и книгъ, долженъ быть отнесенъ и Московскій архивъ министерства юстиціи, по крайней мѣрѣ, та часть его, которую «обозрѣваетъ» въ своемъ трудѣ Н. Н. Оглоблинъ, т. е. столбцы и книги Сибирскаго приказа. Въ своемъ «Обозрѣніи» послѣднихъ авторъ ставитъ своей задачей дать «архивное руководство для лицъ, интересующихся документами этого учрежденія; дать этимъ лицамъ надлежащее понятіе о содержаніи документовъ приказа» [1]). И что же дѣлаетъ онъ для достиженія своей задачи? Да прежде всего матеріалъ «*раздѣляетъ на группы болѣе или менѣе однородныхъ по содержанію документовъ*, и по каждой группѣ сообщается сначала *характеристика* ея содержанія, а затѣмъ даются указатели, перечни и описи по каждой группѣ документовъ, а иногда обозрѣнія выдающихся документовъ» [2]). Такимъ образомъ, самой главной задачей своего «обозрѣнія» авторъ, по собственному его заявленію, ставитъ «разсортировку документовъ на однородныя по содержанію группы»; большія группы у него соотвѣтствуютъ главнѣйшимъ предметамъ вѣдомства Сибирскаго приказа, а меньшія, какъ въ настоящей, такъ особенно въ слѣдующихъ частяхъ, выражаютъ собою факты областной жизни; однимъ словомъ, г. Оглоблинъ, разлагая документы на однородныя группы, дѣлаетъ по отношенію къ столбцамъ и книгамъ Сибирскаго приказа то же, что предлагаетъ г. Истоминъ для актовыхъ книгъ архивовъ западныхъ губерній, т. е., говоря

---

[1]) Предисловіе. стр. 8.

[2]) Ibid, стр. 10

проще, даетъ указатели фактовъ. Мы не видимъ поэтому существенной разницы между desiderata г. Истомина и трудомъ г. Оглоблина; разница между проектомъ перваго и исполненіемъ труда вторымъ объясняется лишь разнообразіемъ матеріала, какой имѣлъ въ виду г. Истоминъ, и надъ какимъ оперировалъ г. Оглоблинъ.

Подлежавшіе разсортировкѣ на однородныя группы книги и столбцы Сибирскаго приказа (книгъ—1644 и столбцовъ—1520 цѣльныхъ и 164 разбитыхъ) раздѣлились по своему содержанію на четыре главныя части: 1, «документы воеводскаго управленія; 2, документы таможеннаго управленія; 3, документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія и населенія съ центральнымъ управленіемъ и 4, документы центральнаго управленія, т. е. `Сибирскаго приказа». Здѣсь уже не авторъ придумываетъ классификацію, а самый матеріалъ своимъ содержаніемъ указываетъ архивисту, какъ онъ долженъ разсортировать его; дѣло архивиста сводится, такимъ образомъ, къ необходимости изучить и опредѣлить въ подробностяхъ содержаніе матеріала, найти сходныя и общія факты въ немъ и по этимъ послѣднимъ распредѣлять документы.

Настоящая книга представляетъ собой огромный томъ почти въ 430 страницъ и составляетъ только первую часть, т. е., документы воеводскаго управленія; предполагаемъ поэтому, что полное обозрѣніе документовъ Сибирскаго приказа займетъ четыре книги, соотвѣтственной величины, если обстоятельства не заставятъ автора раздѣлить оставшіеся три части на выпуски. Трудъ огромный и кропотливый, передъ которымъ нельзя не остановиться съ почтеніемъ. Мы думаемъ, что редакція «Чтеній Общества исторіи и древностей» справедливо отвела мѣсто ему въ отдѣлѣ изслѣдованій, не смотря на заявленіе автора въ предисловіи, что его «Обозрѣніе» будетъ чуждо всего того, что могло бы придать ему характеръ изслѣдованія,—ибо изучить и классифицировать сырой матеріалъ значитъ въ значительной степени изслѣдовать его.

Первая часть «Обозрѣнія» распадается на 14 главъ, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются на нѣсколько меньшихъ отдѣловъ; какъ главы, такъ и отдѣлы, являются не искусственнымъ дѣленіемъ, а требуются самимъ содержаніемъ документовъ и книгъ, логикой фактовъ. Вотъ эти главы: административные документы; дозорныя и переписныя книги; ясачныя книги; документы о служилыхъ людяхъ;

документы о крестьянахъ; документы о торговыхъ, промышленныхъ и посадскихъ людяхъ; судные документы; сыски и извѣты; посольскіе статейные списки; денежныя проходныя и расходныя книги; хлѣбныя и соляныя книги; хозяйственные документы, разные документы и документы церковнаго управленія Сибири. На меньшіе отдѣлы, по которымъ распредѣляется матеріалъ, въ виду очень большаго числа ихъ, мы не будемъ указывать, потому что одно перечисленіе заняло бы весьма много времени. Въ приложеніяхъ мы находимъ 80 указателей и перечней обозрѣваемыхъ книгъ и, наконецъ, общіе указатели личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ г. Оглоблина.

Если съ авторомъ и можно было бы поспорить относительно помѣщенія какихъ-нибудь документовъ въ тотъ или другой отдѣлъ, иной, чѣмъ куда онъ относитъ ихъ, то это дѣло будетъ чисто формальное, далеко не важное, потому что главное, т. е., выдѣленіе извѣстнаго рода документовъ въ особую группу, сдѣлано авторомъ и отмѣчено ярлыкомъ, подъ которымъ его легко найти, въ какой-бы главѣ онъ ни былъ поставленъ. Благодаря такой сортировкѣ матеріала, изслѣдователю не трудно выбрать и тему для изслѣдованія и подобрать необходимый сырой матеріалъ для него. Поэтому трудъ г. Оглоблина, по своей логической послѣдовательности въ сортировкѣ и описаніи матеріала, представляетъ собою послѣднее слово архивной науки, науки хотя и несамостоятельной, а лишь вспомогательной, но до сихъ поръ у насъ непризнаваемой, тѣмъ не менѣе однакоже разрабатываемой и двигаемой впередъ незнаемыми міру подвижниками архивовъ и иногда даже при препятствіяхъ, лишающихъ такого рода работы необходимой поддержки; такъ, по крайней мѣрѣ, позволяютъ думать заключительныя слова г. Оглоблина, въ которыхъ онъ говоритъ, что новая администрація архива отказалась отъ печатанія его «Обозрѣнія» въ своемъ оффиціальномъ органѣ. Подобный отказъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что та же администрація печатаетъ изслѣдованія по исторіи русскаго права почти въ каждой книгѣ «Описанія документовъ и бумагъ», что является уже нѣкотораго рода роскошью, потому что такія изслѣдованія, дѣлаемыя архивистами, хотя нельзя не признать весьма полезными при архивныхъ работахъ, но, все-таки, болѣе подходящимъ для нихъ мѣстомъ служатъ историко-юридическія изданія.

Девятая, напр., книга Архива министерства юстиціи содержитъ въ себѣ два неравныя отдѣла; въ первомъ помѣщено изслѣдованіе г. И. И. Шимка: «Патріаршій казенный приказъ», занимающее почти $^3/_4$ всей книги (361 страница) и лишь въ меньшемъ второмъ, которому осталась на долю $^1/_4$ часть книги (161 стр.), находится описаніе собственно документовъ и бумагъ. Мы не будемъ разбирать монографіи г. Шимка, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, и займемся лишь вторымъ отдѣломъ книги, отведеннымъ для описанія документовъ и бумагъ архива; въ немъ мы находимъ «документы Разряднаго приказа»; дѣленіе этихъ документовъ одно, самое общее, только по роду книгъ: боярскія книги, боярскіе списки, жилецкіе списки, дѣла десятенъ, смотрѣнные списки и книги разрядныхъ столовъ (Московскаго, Владимірскаго, Новгородскаго и Сѣвскаго); меньшихъ отдѣловъ нѣтъ, и затѣмъ матеріалъ вездѣ располагается въ одномъ хронологическомъ порядкѣ, не смотря на разнообразіе фактовъ, встрѣчающихся въ книгахъ, какъ напр. въ описи книги № 23 за 1686—87 гг.: «книга записная въ Розрядѣ Московскаго Большого стола, при сидѣньи думнаго дьяка Василія Григорьевича Семенова съ товарищи». Среди прочихъ документовъ (какихъ, не сказано) въ книгу входятъ: документы о Крымскомъ походѣ; указъ о служилыхъ кабалахъ; челобитная князей Дашковыхъ на князя Козловскаго въ безчестіи» и друг. (какіе, опять не опредѣлено). Подобные же факты можно встрѣтить на очень многихъ другихъ страницахъ этого «Описанія», и изслѣдователю уже самому предоставляется разысканіе и выѣтка ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «Описаніе документовъ» не удовлетворяетъ и обыкновеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ простымъ канцелярскимъ описямъ; отъ каждой изъ послѣднихъ, какъ извѣстно, требуется, чтобы было указано время и мѣсто дѣйствія, самое дѣйствіе и дѣйствующія лица. Не то мы видимъ въ «Описаніи» Архива министерства юстиціи. Напр. «№ 1—7135 (1626—27 гг). Боярская книга»—476 л.; и только. Также описаны и всѣ другія боярскія книги, а между тѣмъ здѣсь бы слѣдовало опредѣлить: къ какой мѣстности относится боярская книга, какого разряда бояре записаны въ ней и проч. И это голое, неопредѣленное выраженіе: «боярская книга», повторяется столько разъ, сколько самихъ книгъ; далѣе также повторяется выраженіе: «боярскіе списки» на протяженіи семи страницъ, тогда какъ эти семь страницъ легко было бы свести въ одну; получилась бы экономія и

при расходѣ на печатаніе, и сохранилось бы время у того, кто пожелалъ бы просмотрѣть описаніе этихъ документовъ и бумагъ. Но чѣмъ дальше идешь въ глубь этого описанія, тѣмъ смѣшеніе всякихъ книгъ увеличивается до того, что для разысканія нужной книги (не говорю уже факта; о немъ и рѣчи тутъ быть не можетъ) нужно читать описаніе все сплошь и терять непроизводительно время; возьмемъ для примѣра хотя двѣ рядомъ такихъ страницы, положимъ, 120-ю и 121-ю. Читаемъ: № 108—Смотрѣнные списки стольниковъ; № 109—Разборныя книги мещанъ, козличъ мосоличъ, копейщековъ и рейтаръ; № 110—Книга, содержащая въ себѣ челобитныя; № 111—Смотрѣнныя книги копейщиковъ; № 112—Выписки изъ раздаточныхъ книгъ кормовыхъ денегъ; № 113—Раздаточная книга денежнаго жалованья мещарянамъ, ряшенамъ, галичанамъ, копейщикамъ, рейтарямъ и т. д.; № 114—«Книга, заключающая въ себѣ документы, касающіеся похода московскихъ войскъ, подъ предводительствомъ князя В. В. Голицына для защиты Кіева и другихъ малороссійскихъ городовъ отъ войскъ турецкаго султана»; книга относится къ 1686 г. и состоитъ изъ 678 листовъ; далѣе опять пошли смотрѣнные списки, разборныя книги, раздаточныя книги и проч. Такимъ образомъ, среди массы всякихъ списковъ встрѣчаются книги, важныя и для южнорусскаго историка, но разыскать ихъ очень не легко, потому что они попадаются совершенно случайно и неожиданно, какъ, напр., на указанныхъ нами страницахъ 120-й и 121-й. И для такого простаго описанія потребовались силы семи старшихъ и младшихъ помощниковъ редактора (редактора чего, не сказано—Предисловіе, стр. VI), при редакціонныхъ корректурныхъ работахъ «редактора архива» (можетъ быть, редактора описей или изданій архива?) А. С. Пестова и его старшаго помощника И. И. Шимка.

Если же бы, вмѣсто такого смѣшаннаго «Описанія документовъ и бумагъ», распредѣлить эти послѣднія на группы болѣе или менѣе однородныхъ по содержанію документовъ и по нимъ уже обозрѣть матеріалъ, то результатъ получился бы иной, и южнорусскому изслѣдователю не трудно было бы среди козличъ, мосоличъ, мещерянъ и ряшенъ, найти своего земляка—черниговца или новгородсѣверца,—какъ легко, напр., разыскать матеріалъ по южнорусской исторіи въ «Обозрѣніи» Сибирскаго приказа г. Оглоблина, гдѣ все сведено въ «Перечнѣ столбцовъ и книгъ Малороссійскаго приказа» (стр. 273—275).

Изъ сдѣланнаго нами разбора означенныхъ трудовъ не трудно уже видѣть преимущества одного и неудобства другого и дать отвѣтъ на поставленный нами въ заглавіи вопросъ, именно: описи областныхъ архивовъ, хранящихъ древніе документы, имѣющіе болѣе научное, чѣмъ практическое значеніе, должны составляться въ интересахъ лишь изслѣдователей сырого архивнаго матеріала и потому имѣть форму или указателя фактовъ, какой предложенъ г. Истоминымъ [1]) для архивовъ западныхъ губерній, или систематическаго обозрѣнія документовъ по образцу размотрѣннаго нами «Обозрѣнія» г. Оглоблина [2]).

И. Каманинъ.

---

[1]) Мотивы необходимости составленія указателей фактовъ и программа ихъ распредѣленія приведены въ вышеуказанной статьѣ автора, къ которой мы и предлагаемъ интересующимся вопросомъ объ указателяхъ обратиться («Книговѣдѣніе», іюнь, 1894 г.).

[2]) Настоящее «Обозрѣніе» уже не первый трудъ этого ученаго архивиста; еще въ 1884 г. по такой же программѣ имъ составлено «Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII вв., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа» (Москва, 1884 г.), которое было тогда напечатано въ IV-й книгѣ оффиціальнаго органа Москов. архива министерства юстиціи: «Описаніе документовъ и бумагъ».

О преміяхъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей.

Императорское Одесское Общество исторіи и древностей имѣетъ честь объявить во всеобщее свѣдѣніе, что съ 1 января 1894 года учреждена на средства, пожертвованныя г. почетнымъ членомъ Общества Александромъ Львовичемъ Бертье-Делагардомъ, единовременная премія, въ размѣрѣ 600 р. с. за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на какомъ-либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе представляется на имя Общества исторіи и древностей въ Одессѣ къ 1 января 1896 и послѣдующихъ годовъ, до тѣхъ поръ пока на данную тему не будетъ выдана награда или самая тема не будетъ снята съ очереди (§ 5), при девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужденіе преміи состоится не позже апрѣля соотвѣтствующаго года.

«Пользуясь правомъ, предоставленнымъ жертвователемъ, Общество объявляетъ, что премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія четыре темы (изъ нихъ первыя двѣ оставлены отъ минувшаго года на конкурсъ):

1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана.

2) Историко-этнографическое изученіе русскаго Черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вѣкахъ.

3) Торговыя сношенія колоній на сѣверномъ побережьи Чернаго моря въ эпоху древняго міра.

4) Южная Русь и Византія, въ ихъ сношеніяхъ, въ XI столѣтіи.

Премированное сочиненіе печатается на средства Общества, обязательно на русскомъ языкѣ, при чемъ автору выдаются оттиски.

За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту Общества В. Н. Юргевичу, въ Одессѣ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его распоряженіи находятся еще двѣ преміи: первая имени Димитрія Максимовича Княжевича, на проценты съ капитала въ 2000 руб. въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ истекаетъ къ 14 ноября 1899 г., за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая Одесской Городской Думы безсрочная въ 500 руб. за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края.

Вице-президентъ *В. Юргевичъ.*

И. обязан. секретаря *А. Кочубинскій.*

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in-8.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологоческихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ, отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься: Матеріалы для этнографіи Поволжья: «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ Редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Ѳ. Катановъ*. Члены Редакціоннаго комитета: *И. Н. Смирновъ. Ѳ. Г. Мищенко.*

Цѣна 3 руб., съ пересылкой.

Цѣна II-й книги „**Чтеній въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца**" 3 р., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по		2 р. 50 коп. (каждой)	съ пересылкой
„ VI-й	„	„ 3 р. 50 коп.	
„ VII-й	„	„ 3 р.	
„ VIII-й	„	„ 2 р.	

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „**Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси**". Цѣна 1 рубль.

„**Труды III-го археологическаго съѣзда**", два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ. 1878. Цѣна 15 руб. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

Съ письменными требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).